РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА 20-30-Х ГГ.: ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

07.00.01 - История общественных движений и политических партий

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
Заслуженный деятель науки РФ
доктор исторических наук
профессор Е.Н.ОСКОЛКОВ

Ростов-на-Дону

1994

ПЛАН

ВВЕДЕНИЕ

Радикальное обновление всех сторон жизни российского общества актуализировало научный интерес к историческому прошлому. Реформы предполагают формирование новой парадигмы развития, учитывающей опыт мировой цивилизации и уроки десятилетий советского развития. Это обуславливает необходимость создания устойчивой деидеологизированной концепции освещения истории России и СССР, переосмысления с новых методологических позиций опыта большевистских преобразований в истории.

Наследие большевизма, выраженное в его организационно-централизаторских традициях, радикализме и утопизме, отнюдь не исчезло с роспуском ЦК КПСС. С одной стороны, возрождение необольшевизма заметно в стане ультраоппозиционных сил, пытающихся пропагандировать устаревшие идеологические догмы, с другой стороны,традиции большевизма, прежде всего стиль руководства, были вложены в душу и разум части правящих политиков вместе с образованием и всем укладом прошлой жизни. Придя в новые структуры власти и заявляя о своем демократизме, они зачастую реализуют административные методы проведения радикальных преобразований, воспроизводя в новых условиях менталитет большевизма

История большевизма - это прошлое, которое непосредственно связано с сегодняшним днем, определяет исходные пункты в ходе разработки политиками, теоретиками и рядовыми гражданами их позиций, в целом влияет на мироощущение, настроение, общественное мнение, оценку действительности.

Большевизм является сложным социально-политическим феноменом, в структуру которого входили идеологические, политические, социально-психологические, организационные компоненты, находившиеся в переплетении друг с другом. Как течение политической мысли и как

партия большевизм представлял собой многоуровненую систему со своей внутренней организационной иерархией. Одним из важнейших элементов его структуры являлась специфическая политическая элита большевизма: так называемые "вожди", "верхи", "старая партийная гвардия", "номенклатура", "руководящие кадры" и т.д. Косвенно признаваемое существование элитного слоя функционеров в эпоху правления КПСС[1] после событий 1991 г. стало аксиомой, не подлежащей сомнению[2]. Это нашло юридическое подтверждение в решении Конституционного Суда по делу о законности Указа Президента о роспуске КПСС. В заключении Суда подчеркивалась обоснованность ликвидации верхушечных структур партии и в то же время признавалась конституционность функционирования компартии как массовой политической организации. Постановление констатировало наличие в КПСС высшего эшелона бюрократии и широких партийных масс, не имевших влияния на принимаемые элитой решения. Это разделение партии категорически осуждалось в прессе и в общественном мнении, однако с политологической точки зрения оно в известной мере отвечало сложившимся в мировой практике властеотношениям.

Каждому обществу в истории мировой цивилизации независимо от его мировоззренческих и политических характеристик, были присущи элитарные группы в качестве необходимого элемента организации и управления общественными процессами, перераспределения власти в обществе. Функционирование в различных странах элитарных структур, формирующих политическую администрацию меняющихся правящих режимов,

---

1. Слепенков И.М.,Аверин А.П. Основы теории социального управления. -М.,Высшая школа.1990.-С.121; Правда 1986, 13 февраля; XXVII съезд КПСС. Стеногр. отчет.-М.,1986.-Т.1,-С.236.
2. Белоусова Г.А.,Лебедев В.А. Партократия и путч.-М.:Республика, 1992.

стало предметом исследования специальных направлений политологии и социологии[I]. В этой связи становится очевидным, что происходящая в современной России реформация призвана не ликвидировать элитарность правящих кругов, а создать новую, профессиональную политическую элиту на всех уровнях властвования.

В политическую элиту, сформировавшуюся в России после августа 1991 г., вошли представители прежней коммунистической верхушки и ряда деятелей демократических групп. К ним примыкает многочисленный аппарат службистов, высококвалифицированных технократов, усвоивших многие черты партийно-государственного аппарата.[2]

Взаимодействие демократического, коммунистического и технократического компонентов новой элиты характеризуется двумя состояниями: консолидацией и противоборством[3]. Противоречия по "вертикали" дополняются несовместимостью политических интересов по "горизонтали", что создает напряжение[4]. Лидеры из числа бывших диссидентов и научных кадров стремятся утвердить либеральные мировоззренческие ценности. В этом с ними солидаризируется та группа бывших номенклатурных деятелей , которая добивается юридического оформления права на часть государственного имущества, находившегося ранее в их распоряжении. Однако, несмотря на единодушное признание ими частнособственнической идеологии доминантой общественного развития, внутри возникшей политической элиты развиваются противоречия, приведшие к внутриусобной борьбе по вопросам вариантов реформ, темпов

I. Политология. Энциклопедический словарь.-М.,1993-С.288,402; Ашин Г.К. Правящая элита и общество //Свободная мысль.-1993.-№7.

2. Березовский В.,Черявков В. Современная политическая элита России.//Свободная мысль.-1993.-№1.-С.58.

3. Мясников О.Г. Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка? //Полис.-1993.-№1.-С.52.

4. Жуков В.И.На пороге третьего тысячелетия:социально-политическое состояние и перспективы развития России.-М., 1994.-С.33.

преобразований и личного лидерства. Такие процессы по форме удивительно напоминают эволюцию бывших большевистских и коммунистических верхушек. Если учесть, что наряду с правящими кругами в современном обществе функционируют оппозиционные контрэлиты коммунистического, а также национально-патриотического направления, то становится очевидным, что изучение большевистской политической элиты является актуальной задачей. В России чрезвычайно популярно использование исторической аргументации для утверждения истинности курса партий или движений. Однако, в отношении проблемы большевистской элиты, изучения опыта ее функционирования в общественно-политической литературе проявляется недопонимание и замалчивание. По мнению целого ряда политологов, элита в советском обществе сложилась только в послесталинскую эпоху, когда властвующая группа стала практически самостоятельной величиной и могла реально ограничивать власть первых лиц в государстве. Отрицание существования предшествующих коммунистических элит, прежде всего большевистской, во-первых, не дает возможности выявить генетические связи и преемственность советских партийно-государственных верхушек на различных этапах, во-вторых, не позволяет в полном объеме выявить причины победы и поражения ленинской когорты вождей большевизма, в-третьих, лишает перспективы полноценного элитологического дифференцированного анализа высшего эшелона Советской власти.

Одним из главных истоков и системообразующих факторов политических элит в СССР являлась группа специалистов-интеллектуалов. Причастность российской интеллигенции, особенно ее революционно-демократической части, к возникновению социал-демократии в целом, и большевизма в частности, не подвергается сомнению в историографии. В литературе даже возникло представление о том, что большевизм есть нечто большее, чем общественно-политическое явление, - он яв-

ляется законченным и логически последовательным воплощением нового типа российской культуры, итогом развития интеллигенции как особого культурного "класса", воплотившего в наиболее адекватном, очищенном от случайностей виде "присущие российско-интеллигентскому типу черты"[1].

Уничтожение одной, огосударствление другой группы интеллигенции в годы сталинщины привело к падению ее роли в партийно-государственных структурах. Но в 60-80-х гг. произошло сближение огосударствленной интеллигенции и руководящей партийно-государственной верхушки, что привело к образованию бюрократического, высокообразованного технократического слоя управленцев-интеллектуалов, которые все дальше отделялись от традиций большевизма и марксизма. Эта интеллигенция стала стремиться в посткоммунистических странах Восточной Европы не к властным функциям, а к роли судьи во взаимоотношениях власти и новой буржуазии[2]. В России либеральная интеллигенция заняла более радикальные позиции, пытаясь превратить общество в новую экспериментальную площадку для своих западнических идей без учета того, готово ли общество к ним или нет. Сильная сторона интеллигенции - преданность идее, возвышенный романтизм и идеализм, непримиримость к компромиссам в политике приводят к прожектерству и доктринерству, нетерпимости к идеологическим противникам, стремлению к насилию, а поэтому "интеллигенция более чем кто-либо склонна к авторитарным формам правления"[3]. Подменив

---

1. Пастухов В.Б. Будущее России вырастает из ее прошлого //Полис. 1992, №5-6, С.69; См. также: Солоневич И.Л. Народная монархия.- М., 1991. С.13.

2. Конрад Д., Селиньи И. Интеллигенция и власть в посткоммунистическом обществе.// Свободная мысль.- 1992.- №8.- С. 24-30.

3. Межуев В. Интеллигенция и демократия. //Свободная мысль.-1992. -№ 16.- С. 41.

традиционные ценности российского государства на эгоистические ценности индивидуализма, российская интеллигенция, по мнению политологов, вновь обнаружила пропасть между собой и народом.[I]

Проводя параллели между революционно-демократической интеллигенцией начала XX века, поддержавшей большевизм, и либеральной интеллигенцией 90-х гг.[3], взрастившей практику необуржуазных реформ, исследователи возлагают на интеллигенцию особую и часто несоразмерную ответтсвенность за ход истории и развитие всего российского общества. В целом очевидно, что проблема формирования политических элит, роли в этом процессе интеллигенции чрезвычайно актуальна в российском обществе.

Анализ современной общественной ситуации убеждает в том, что одной из важных предпосылок решения животрепещущей проблемы стабилизации властеотношений является изучение истории формирования и функционирования предшествующей большевистской политической элиты. Без специального анализа эволюции элит, смены поколений вождей и властных групп невозможно уяснить сущность трансформации первоначально установленной диктатуры пролетариата в диктатуру большевизма, а затем в режим личной власти Сталина, и наконец, в постсталинскую систему господства элитарной псевдокоммунистической бюрократии. Игнорирование предшествующего опыта, каков бы он ни был, может привести только к повторению прежних просчетов на новом витке исторического развития нашей страны.

Научная актуальность проблемы определяется тем, что несмотря на наличие тысяч публикаций в отечественной и зарубежной историографии по проблеме большевизма и деятельности его вождей,до сих пор

3. Пугачев Б. Чего не понял наш либерал. В очередной раз.//Российская газета.-1993.-28 авг.; Къеза Дж. Завтра будет поздно.// Литературная газета.-1994.- 2 февраля.

не предложено научной концепции большевистской элиты, адекватной исторической реальности. Разнообразные теории элит, которые разработали известные теоретики Г.Моска, В.Парето, Д.Шумпостер, К.Манхейм, Г. Лассауэл, М. Янг, Д.Белл, Р.Милс, Р.Михелс и другие, носят в основном политологический характер. В конкретно-историческом разрезе большевистская элита рассматривалась Л.Д.Троцким, Ю.О.Мартовым, А.Н.Потресовым. Принципиально важна работа М.Джиласа "Новый класс", в которой была сделана попытка соединить теории элит с анализом советской истории. Проблема элитарности большевистского руководства звучала в трудах А.А.Зиновьева, П.Абовина-Егидеса, А.Авторханова, М.С. Восленского, А.И.Солженицына, а также в работах практически всех западных историков СССР.

Освоение апробированной в зарубежной историографии методологии исследования политических элит, использование наиболее рациональных элементов теоретических результатов при анализе зарождения и функционирования советской политической верхушки давно встало в повестку дня отечественной исторической науки, но в силу политико-конъюнктурных причин не осуществлялось. В современных условиях, когда сняты многие табу, стало возможным применение теории элит и других элементов цивилизационного подхода к изучению истории советского периода в сочетании с марксистской социально-классовой методологией, освобожденной от политических догм и утопий. Обогащение политологическими и социологическими приемами исследования традиционной методики конкретно- исторического анализа на базе принципов объективности и историзма позволяет выйти на новый уровень обобщения событий недавнего прошлого.

Одним из наиболее эффективных на современном этапе является просопографический историко-биографический метод исследования,

позволяющий поднять и осмыслить эмпирический пласт проблемы элит большевизма, составляющих ее групп и личностей. Биографический метод в такой интерпретации уже апробирован в работах С.Коэна, Т.О.Коннора, Ф.Конта, Д.А.Волкогонова и др. историков, которые использовали эмпирические данные биографического характера для получения теоретических обобщений. В лучших из них на этой основе рассматривается целая историческая эпоха и социум как таковой. Использование этого метода целесообразно и потому, что архивные партийные материалы социологического характера до сих пор труднодоступны, а в советской биографистике, как доперестроечной, так и современной, накоплен значительный материал фактологического характера.

В период перестройки 1985-1991 гг. усилиями Г.А.Бордюгова, А.Ваксберга, Н.В.Васецкого, А.Антонова-Овсеенко, И.Анфертьева, А.И.Зевелева, И.Е. Горелова, О.Лациса, М.Куна, Р.Медведева, В.Поликарпова, В.Козлова, А.И.Козлова, В.А.Наумова, Б.А.Старкова, А.Селина, Д.К.Шелестова, В.В.Соколова воссозданы биографии видных политических деятелей большевизма и созданы предпосылки для осмысления феномена элиты в целом. Однако, теоретические исследования по большевистской политической элите как персонифицированном элементе власти и социальной стратификации советского общества 20-30-х гг. практически отсутствуют. Имеющиеся в обществознании исследования в области социологии власти сталинизма затрагивают проблему деятельности большевиков, составлявших элиту, в основном с ангажированных позиций. Т.П.Коржухина, Ю.А.Фигатнер, В.С.Пашин, Б.Кочерга раскрыли значение партийно-хозяйственной номенклатуры как главного системообразующего фактора системы власти в СССР, но без учета личностного и элитологического фак-

торов. В литературе существует тенденция отношения к вопросам практической деятельности большевистских лидеров как к неактуальным с научной точки зрения. Особенно это заметно в публицистике демократического и национально-патриотического направлений, которые с разных сторон усиленно критикуют большевизм с нигилистических позиций.

Однако, несмотря на крайние точки зрения, в современной историографии доминирует мнение о ярком и неоднозначном феномене большевистской элиты. Преодолевая мифологизированные представления, исследователи в своей массе стремятся к объективному научному анализу социальной структуры советского общества, различных его слоев, в том числе элитарной верхушки. Для формирования целостной теории политической власти, ее структур, кадровой базы - правящей элиты, обновления концепции истории СССР требуется новый историко-политологический взгляд на деятельность вождей большевизма по форсированному преобразованию общества, на перерождение руководящих кадров в замкнутую касту, обреченную на гибель.

Объект исследования - социально-политические процессы, происходившие во властных, прежде всего партийных, структурах советского общества в период 1917-1937 гг. Это деятельность, функционирование и трансформация правящей политической элиты в условиях становления авторитарно-бюрократического режима, политического противоборства фракций и течений в правящей партии, радикализации экономической политики и перехода к жесткой командно-административной системе управления обществом.

Хронологические рубежи темы обусловлены временем прихода большевистской элиты к власти и превращением в собственно политическую элиту и ее физической ликвидации в конце 30-х гг. Выбор

периода связан также с тем обстоятельством, что в эти годы, согласно официальным установкам сталинизма, было завершено строительство "социализма в основном", а согласно современным концепциям утвердилась авторитарно-бюрократическая квазисоциалистическая система, советский вариант тоталитаризма. В это время лидеры большевиков отстояли свою власть в гражданской войне, осуществляли индустриализацию и коллективизацию, пытались бороться с диктатурой Сталина и большей частью были уничтожены. Содержание и логика научного поиска определили необходимость рассмотрения хода зарождения руководящего ядра в дореволюционный период, его отношения к другим слоям населения.

Предмет исследования - тенденции и противоречия развития большевистской политической элиты, роль и место большевистской партийной интеллигенции в ее структуре, значение ее практической деятельности в строительстве нового общества.

В фокусе внимания исследования находятся судьбы ряда типичных представителей большевистской интеллигенции, чьи политические биографии являются репрезентативными для большинства деятелей партийного руководства. Постановка в центр внимания личности деятеля позволяет выявить взаимоотношения личности и властной элиты, понять менталитет большевизма. Понятие менталитета включает в себя не только миропонимание и мироощущение людей, но и стиль мышления, кодекс поведения. Наличие одинаковых качеств у определенного множества людей, их типичность делает носителей этих свойств единым сообществом - своеобразной "коллективной личностью"[I]. Такое пони-

I. Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докладов науч. конференции.-М., I994.-С.29.

мание проблемы максимально сближает понятия типичность и репрезентативность личности, необходимые для характеристики определенной группы или слоя общества. Типичность личности предполагает, что в личности должны отражаться основные характерные черты, свойства, особенности деятельности, политической карьеры, образование и личностные качества многих членов данной социальной группы.

Исходя из опубликованных в 1927-1929 гг. в 41 томе энциклопедического словаря братьев Гранат 245-ти биографий деятелей СССР - "творцов Октября", можно сделать вывод, что одной из типичных является личность профессионального революционера, выходца не из рабочей среды, а из служащих, интеллигенции и других обеспеченных слоев общества. По подсчетам автора диссертации, таких было 57%, причем 52% имело высшее, незаконченное высшее и среднее образование-гимназии и реальные училища. 55,5% работали в России на нелегальном положении, и только 19,2% было в эмиграции постоянно, 9,4% - временно. Большинство из них не только прошли тюрьмы, ссылки, но и принимали участие в различных уклонах, оппозиционных группировках или даже некоторое время состояли в небольшевистских партиях (11,9%), 44,9% было прямо или косвенно репрессировано в 30-е годы[1]. Наконец, практически все они после Октябрьской революции были крупными партийными и государственными руководителями, то есть входили в политическую элиту (за исключением умерших и погибших ранее).

1. Посчитано по: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат.-М.;Советская Энциклопедия, 1989. Факсимильное воспроизведение приложений к 40-му и 41 томам Словаря Гранат.

Основным показателям словаря соответствует биография большевика с 1913 г., активиста-подпольщика, бывшего в тюрьмах и ссылках, получившего высшее незаконченное экономическое образование, выходца из семьи торгового служащего, допускавшего инакомыслие по отношению к политической линии ЦК своей партии - С.И.Сырцова, а также В.В. Ломинадзе, Н.Б.Эйсмонта, В.Н.Толмачева, М.Н.Рютина, А.И.Рыкова, Д.Е.Сулимова и ряда других большевиков-интеллигентов, выступавших в конце 20-х - начале 30-х гг. против авторитаризма. Биографические справки о С.И.Сырцове не были помещены в словаре Гранат, но спустя 5 лет, уже после того, как он был исключен из ЦК ВКП(б) и снят со всех правительственных постов, данные о нем были сообщены в 10-томной Малой Советской Энциклопедии. Автор исходит из того, что путь С.И.Сырцова от рядового партийного агитатора до кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Председателя Совнаркома РСФСР в 1929-1930 гг. достаточно репрезентативен для биографий большинства членов политического руководства. Он не был выдающимся публицистом, но написал десятки статей и даже был редактором журнала "Коммунистическая революция". Он не был вождем партии, но возглавлял парторганизации Дона и Сибири, стал главой правительства России; он активно боролся с "оппортунизмом", и при этом допускал колебания, сомнения и даже создал фракционную группу. При всех своих особенностях, С.И. Сырцов был выраженным средне-типичным представителем большой группы в составе большевистской элиты 20-30 -х годов. До 1930 г. он в своей деятельности отвечал требованиям режима и делал успешную карьеру.

Политическая биография С.И.Сырцова в сравнении с другими, отмечаемыми в диссертации деятелями, позволяет выявить одни и уточнить другие представления о зарождении, функционировании и

гибели большевистской верхушки. Личность Сырцова стала для автора данной работы таким субъектом, который отразил основные характеристики объекта исследования. Конкретно это выразилось в том, что его биография включила в себя такие характерные события, как частичная реализация в условиях Дона идеи Однородного социалистического правительства, две попытки решить казачьи проблемы: силовую, провалившуюся в I9I9 г., и более реформистскую в I925г., последовательное проведение нэпа в I926-I927гг. и организация чрезвычайных заготовок в I928 г. в Сибири, участие в формировании политики по отношению к интеллигенции и др. Став третьим после В.И. Ленина и А.И.Рыкова председателем СНК РСФСР, он оставил след как крупный политик-прагматик и инакомыслящий. Сложный и чрезвычайно противоречивый жизненный путь Сырцова отразил в себе многие закономерности эволюции личности большевика и в целом политической элиты.

Рассматривая Сырцова как персонифицированный образ типичного большевистского элитного деятеля, особо имелось в виду, что он принял заметное руководящее участие на посту зав. учетраспредотдела ЦК РКП(б) в создании института номенклатуры, в известной мере способствовал социальной дифференциации партийных рядов,бюрократизации внутрипартийных отношений, переходу элиты от демократических к авторитарно-бюрократическим методам управления обществом. Его деятельность на этом посту окончательно убедила автора диссертации в возможности попытки решения проблемы политической элиты большевизма, отталкиваясь от анализа эволюции Сырцова как личности, его взаимоотношений с властью.

Политическая биография Сырцова соотносится в работе с жизненными вехами таких руководителей как В.М.Молотов, Л.М.Каганович,

А.А.Жданов, с одной стороны, с другой - А.И.Рыков, А.П.Смирнов, Н.Б.Эйсмонт, Д.Е.Сулимов и др. Сопоставление и сравнительный анализ политических биографий нашел отражение в специальном приложении к диссертации. На основе алгоритма исследования выявлены и приведены данные по 61 деятелю, что позволило подтвердить выводы о существовании в большевистской элите трех основных групп. Вместе с тем, это не означает нивелирование личностного начала. Несмотря на значительную общность рубежей карьеры, образования и происхождения, Сырцов и Молотов индивидуально разительно отличались друг от друга, прежде всего, как личности, что обусловило различный выбор позиций в политической борьбе. Выявленые существа подобных отличий, определение типов и групп большевистских деятелей, их противоборства в рамках общей социальной элитарной группы и составляет смысл данный работы. ЕЕ особенность заключается в том, что произведен аналитический срез большевистской элиты вдоль линии политической карьеры и взаимодействия с другими членами элиты одного из ее типичных представителей, выполнявшего управленческие функции сначала на региональном, а затем на высшем политическом уровне власти. Институционально-функциональный аспект исследования позволил логично характеризовать функции элиты, ее структуру, имманентные качестве ее членов. Для получения социально значимых результатов были использованы помимо просопографического сравнительный, системный, структурно-функциональный методы.

Цель исследования: выявить и проанализировать сущность, этапы и характер эволюции большевистской политической элиты, внутренние связи и проблемы ее функционирования на протяжении от зарождения в начале XX в. до ее гибели в конце 30-х гг на материалах поли-

тических биографий типичных представителей партийного истеблишмента; объяснить, почему партийная интеллигенция - лучшая часть большевистской правящей группы, прошедшая через тяжелые испытания, не смогла противостоять диктатуре и оказалась обреченной на физическое уничтожение.

Общая цель конкретизирована в следующих проблемно-исследовательских задачах:

I. Выявить объективную обусловленность формирования политической элиты большевизма на основе ядра профессиональных революционеров во главе с В.И.Лениным, групп эмигрантов-интеллектуалов, рабочих-"передовиков".

2. Проследить и проанализировать тенденции в развитии мировоззрения и психологии репрезентативных представителей большевистской политической элиты под воздействием гражданской войны, нэпа, становления авторитарно-бюрократического режима, социальной стратификации и перераспределения власти в обществе.

3. Показать процесса институционализации и формализации элиты партии, становления ее структуры, самоидентификации, социально-политического расслоения и раскола, перерождения и подчинения режиму личной власти Сталина как закономерность трансформации всей правящей партии и общества, причину и следствие развития советского варианта тоталитаризма.

4. Раскрыть неоднородность элиты большевизма, неоднозначность и противоречивость конкретной деятельности ее представителей, позитивное и негативное в опыте руководящих кадров по решению социально-экономических проблем, в том числе вопросов отношения к интеллигенции, крестьянству, казачеству; исследовать причины рассогласования идеалов, замыслов и их конкретного вопло-

щения, результатов деятельности.

5. Осмыслить факты внутрипартийной борьбы 20-х гг., сопротивления режиму сталинизма и террорестических репрессий 30-х гг. через призму функционирования правящей большевистской политической элиты, ее трансформации и ротации.

6. Показать на биографических материалах С.И.Сырцова и других большевиков - интеллектуалов закономерную связь политического творчества и оппозиционного инакомыслия, трансформацию личности политика-интеллигента в условиях формирования тоталитаризма и противостояния сталинизму.

7. Осветить основные этапы развития историографии по проблеме эволюции и взаимной борьбы вождей большевизма, выявить вклад зарубежной русскоязычной и отечественной литературы, определить перспективы дальнейших исследований.

Научная новизна диссертации состоит в постановке проблемы большевистской политической элиты, ее изучении как целостного феномена на основе комплекса архивных источников из фондов ЦК ВКПб и ОГПУ-НКВД, материалов репрезентативных политических биографий типичных представителей партийных верхов, достижений отечественной и зарубежной историографии. В диссертации использован просопографический методический подход, заключающийся в анализе источников о карьере и должностной деятельности политического деятеля в качестве стержня, основного русла раскрытия этапов эволюции большевистской партийной интеллигенции - центрального элемента этой специфической общности. В диссертации сформулировано понятие большевистской политической элиты, выявлены этапы ее эволюции и составляющих ее групп, показано значение личностей большевиков-интеллигентов, в целом партийной интеллигенции.

Соискатель пришел к следующим выводам, обладающим, в известной степени, научной новизной:

1. В исследовании обосновывается, что большевистская политическая элита сформировалась на основе группы профессиональных революционеров в дореволюционный период, который является предэтапом ее функционирования. В это время она находилась, в основном, на нелегальном положении и фактически представляла подпольную контрэлиту, готовившуюся к свержению вооруженным путем господствующих классов вместе с их элитами.

Первоначальное разделение ядра партии на рабочих революционеров и партийцев, выходцев из среды разночинной, дворянской и буржуазной интеллигенции сменилось в 10-х гг. расслоением на эмигрантов и большевиков-комитетчиков, работающих на нелегальных основаниях в России и усвоивших подпольную психологию, нетерпимость, фанатизм, идолопоклонческое отношение к партии, специфическое отношение к интеллигенции.

2. В диссертации подчеркивается, что период Октябрьской революции и гражданской войны составили I этап развития оформившейся властной замкнутой группы -"старой партийной гвардии". Резкое усиление радикально-якобинского крыла партии и ослабление умеренно-демократической тенденции, начало формирования региональных элит, радикализации мировоззрения членов элит и милитаризация их сознания - характерные черты этого этапа.

1921 - 1928 гг. составили 2 этап функционирования элиты, ее господства, начало кризиса и разложения. Институционализация старой партийной гвардии как номенклатуры ЦК, утверждение в общепартийном строительстве иерархической структуры, бюрократизация и

дифференциация центральной и региональных элит, образование и разгром троцкистской внутрипартийной "субэлиты" антисталинского характера - определяют содержание этапа.

1929 - 1939 гг. представляют 3 этап - инволюции и гибели большевистской политической элиты, отчужденной от трудящихся масс, расколотой на группировки -"субэлиты", сопротивлявшейся, но в итоге подчинившейся авторитарно-бюрократическому режиму, погрязшей в привилегиях и разложении.

3. Выявлены характерные черты элиты: во-первых, приоритет идеологических ценностей; во-вторых, условия нелегальной и эмигрантской деятельности сформировали большевистскую верхушку как замкнутое ядро профессиональных революционеров, нацеленное на постоянную борьбу за власть, укрепление внутрипартийного единства на основе централизма; в-третьих, вседозволенность после прихода к власти усилила этический и правовой нигилизм элиты, утилитаризм в отношении науки и искусства, игнорирование самоценности человеческой личности; в-четвертых, несмотря на бюрократизацию и раскол, старая партийная гвардия сохраняла в части своих членов духовный аскетизм, жертвенность, рационалистический утопизм, партийное товарищество и стремление к борьбе за коллективность руководства, внутриэлитную демократию и ликвидацию режима личной власти Сталина.

4. Осмысление черт и особенностей властно-бюрократической группы советского общества 20-30-х гг. позволило сформулировать дефиницию этого специфического явления. Большевистская политическая элита - конкретно-историческая, относительно самостоятельная, внутренне неоднородная общность профессиональных партийных деятелей, объединенных марксистскими мировоззренческими ценно-

стями, традициями и опытом революционной и гражданской борьбы, властными монопольными полномочиями, привилегированным положением в политической системе диктатуры большевизма и приверженностью к устоявшимся нормам внутриэлитной демократии.

5. Диссертант реализовал дифференцированный подход к анализу большевистской политической элиты, что позволило ему в исследовательском плане выделить в ее составе три условные группы: а)"партийная интеллигенция", признаками которой были политическое творчество, критическое мышление, способность к активному инакомыслию вплоть до оппозиционного сопротивления, относительная гибкость в понимании господствующей идеологии, достаточно высокий культурный и образовательный уровень, высоко интеллектуальный характер профессиональной деятельности, способность к самоограничению и жертвенности, пассивность в служебно-карьерной самореализации, стремление к поиску новых вариантов развития общества, определенная преемственность с ментальностью революционно-демократической интеллигенции.

б) "Партаппаратная бюрократия", для которой было характерно отсутствие возможностей для инициативы и инакомыслия по отношению к господствующей идеологии, стремление к абсолютному исполнению предначертаний высших инстанций, добросовестность, доходящая до фанатизма и догматизм и дисциплинированность, преданность режиму, ориентация на личную карьеру, властолюбие, своекорыстие, способность к закулисным политическим манипуляциям, устойчивый антиинтеллигентский синдром, подозрительность, претензии на познание абсолютной истины, отсутствие каких-либо нравственных ограничителей и достаточного уровня культуры.

в) "Партэлитная технократия" - промежуточное, аморфное, превосходящее в количественном отношении основные противостоящие группы "центристское" образование, включающее в себя кадры, близкие по своему качеству к большевикам-интеллигентам, но не проявившие активного инакомыслия и сопротивления произволу сталинизма. Для них характерно политическое эпигонство, конформизм, двойное сознание, абсолютизация организационной деятельности и технократических решений, отказ от самостоятельной политической инициативы и тяготение к бюрократическому полюсу элиты при симпатиях к интеллигенции.

6. В диссертации обосновывается, что в вертикальном иерархическом срезе большевистская политическая элита включала в себя правящую клику во главе с генсеком ЦК ВКП(б); верхний эшалон власти (Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) - "большевистский парламент"), состоявший из ряда субэлит, в том числе оппозиционного характера; региональные элиты, возглавляемые и контролируемые членами высшего руководства.

7. Установлено, что внутрипартийная борьба представляла собой в основном и главным образом противоборство в рамках большевистской элиты, в ходе которого осуществлялось формирование оппозиционной субъэлиты антисталинского характера в целях смены кадрового корпуса сталинского руководства.

8. Выявлено, что деятельность партийной интеллигенции в лице оппозиционно и технократически настроенных лидеров функционеров носила противоречивый, неоднозначный характер, что выражалось в том, что, с одной стороны, обеспечивалось реальное руководство образованием, наукой, культурой, печатью, отражая влияние ментальности демократической интеллигенции, с другой стороны, интел-

лигенция объективно внесла определенный и весомый вклад в формирование института партгосноменклатуры, в укрепление авторитарно-бюрократического режима, в развитие антиинтеллигентского синдрома большевизма, в распространение репрессивной политики на интеллигенцию и крестьянство.

9. В диссертации предлагается объяснение смысла и содержания массовых репрессий против партийных кадров как террора против прежде всего партийной оппозиционной интеллигенции - основы возможной антисталинской контрэлиты, технократической части элиты - потенциальных инакомыслящих критиков режима. Масштаб репрессий отразил существование реальной и потенциальной духовной оппозиции сталинизму в 30-х гг.

IO. В работе утверждается, что победа сталинизма над здоровыми силами партии не была фатально предопределена, но по мере раскола большевистской интеллигенции и ее внутренней инволюции возможности внутреннего сопротивления режиму сокращались и к середине 30-х гг. были ликвидированы. Политическое, теоретическое и морально-нравственное перерождение большевистской элиты было в целом закономерным итогом насильственного свершения революции и осуществления социалистического эксперимента в неготовой к нему стране. Незрелость условий обусловила отсутствие полноценной смены старой элиты и репрессивный способ ее обновления.

II. В диссертации рассматривается конкретно-историческая проблема развития отношения большевистской политической элиты к казачеству. Осуществление террористического расказачивания в годы гражданской войны и умеренная казачья политика партии в середине 20-х гг. были различными проявлениями в открытой или латентной

форме постоянного стратегического курса на ликвидацию казачества как военно-феодального сословия при игнорировании его этнографической сущности как субэтноса.

12. Процесс исследования показал, что представители большевистской интеллигенции реально проводили умеренную политику, направленную на активное использование элементов нэпа при ограничении военно-коммунистических "чрезвычайных" компонентов, навязываемых сталинским руководством. Анализ практики нэпа в Сибири, социально-экономической платформы руководителей СНК СССР и РСФСР А.И.Рыкова,С.И.Сырцова, Н.Б.Эйсмонта, А.П.Смирнова, В.Н.Толмачева и др. привели к пониманию, что это был сложившийся либерально-технократический вариант большевистской генеральной линии на индустриализацию и коллективизацию, который в случае реализации сопровождался безусловно меньшим количеством жертв. Это не была альтернатива в буквальном смысле слова, но она давала возможность поиска оптимальных путей развития вне репрессий, позволяла реализовать демократический потенциал октябрьской революции.

13. На основе анализа взаимоотношений большевистской политической элиты и интеллигенции выявлен характер и содержание самосознания элиты в целом как старой партийной гвардии пролетарских революционеров - "духовной аристократии" рабочего класса. Несмотря на внутренние разногласия, противоречия, симпатии большевиков-интеллигентов к старым специалистам, такое самосознание объективно поставило элиту над трудящимися массами, противопоставило ее старой интеллигенции и отчуждило в целом от общества. Осмысление материалов дискуссий по "Шахтинскому делу" и др. фактов позволило прийти к выводу, что партийная интел-

лигенция не смогла решительно выступить против репрессирования старой интеллигенции в силу своей принадлежности к политической элите, объективно заинтересованной в укреплении своего монопольного положения во властных структурах. Старая интеллигенция представляла опасность для большевистского режима как основа для формирования контрбольшевистской духовной элиты общества с потенциальной тенденцией превращения в политическую контрэлиту.

I4. Использованный в диссертации просопографический метод позволил изучить политическую биографию С.И. Сырцова как типичного видного представителя большевистской политической элиты, занимавшего в основном технократические позиции, но примкнувшего на непродолжительное время к оппозиционной интеллигентской части элиты. Исследование конкретной деятельности С.И.Сырцова позволило опредметить понятие "противоречивость", "неоднородность" большевизма, показать позитивные и негативные моменты его личного руководства учетно-распределительной работой, агитацией и пропагандой, культурным, партийным, хозяйственным, кооперативным строительством. И деятельность С.И.Сырцова стала воплощением особого вида политического творчества большевика-интеллигента в рамках официального политического курса.

I5. Развернутый анализ историографии позволил обосновать периодизацию развития литературы по проблеме, определить характерные черты этапов ее эволюции. Принципиально важную роль в изучении проблемы большевистской политической элиты сыграла меньшевистско-эсеровская эмигрантская историография и работы Л.Д.Троцкого, заложившие основы разработки вопроса. Советская историческая литература, несмотря на вынужденный отказ от концепту-

альной разработки проблемы, внесла известный эмпирический вклад в изучение деятельности большевизма и его ведущих представителей. Зарубежная современная историография сформировала ряд основополагающих концепций коммунистических элит в рамках "тоталитарного", "модернизаторского", "ревизионистского" подходов к изучению советской истории. Идеологизация как советской, так и западной исторической науки воспрепятствовала свободе мышления ученых, утвердила тенденциозность и субъективизм, проявившийся либо в апологетическом., либо в разоблачительном уклонах в изучении проблемы. В работе утверждается, что несмотря на отдельные крайности, в современной литературе сложились условия для преодоления идеологической зашоренности в исследовании большевистской элиты на основе сочетания социально-классовой и цивилизационной методологии.

Апробация работы осуществлена в монографиях: "Вариант Сырцова (из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе 20 - 30 гг.)" Ростов-на-Дону, 1992, "Шахтинское дело (начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции СССР)". Ростов-на-Дону, 1993, ряде брошюр и статей в журналах "Кентавр", "Известия СКНЦ ВШ . Общественные науки", "Контакт", областной газете "Молот" и других изданиях. Монографии и брошюры получили положительную оценку в печати[1], в решении

1. Наухацкий В.В.-Кислицин С.А. Сказавшие "нет".Эпизоды из истории политической борьбы в советском обществе в конце 20-х гг.- первой половины 30-х гг.-Ростов-на-Дону, 1992.// Известия высших учебных заведений.Северо-Кавказский регион,Общественные науки. 1993.№1-2, С.112-113;Матвеев Г.А.,Кривчук И.А. Вариант Сырцова (Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе 20-30гг.)Ростов н/Д,1992.//Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. №1.

ученого Совета РГУ о присуждении автору Университетской премии за 1992 г.[1]. Ряд выводов диссертации был апробирован на республиканских и региональных научных конференциях[2].

Диссертация обсуждалась на кафедрах политической истории исторического факультета РГУ и кафедре истории Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук при РГУ. Материалы диссертации использовались при подготовке исследований по административно-политической элите Ростовской области, проводимых А.В.Понеделковым и социологической группой Северо-Кавказского кадрового центра Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

I. См.: Ростовский университет. Еженедельная городская газета. 1993. 18 февраля.

2. Карпов В.Ф., Кислицын С.А., Мецаев Э.М. Всесоюзная конференция "Великий Октябрь и дружба народов. Исторический опыт и современность. Орджоникидзе. Сентябрь 1987.//Известия СНКИ ВШ Общественные науки. 1987. 1987.№4. С.124-126;Кислицын С.А. Позиция С.И. Сырцова по казачьему вопросу на завершающем этапе гражданской войны.// Гражданская война на юге республики. Тезисы Северо-Кавказской научной конференции.-Новочеркасск,1989; Он же. Ленинская концепция внутрипартийной борьбы и фальсификация в период культа личности Сталина.// Постигая Ленина.Материалы научной конференции.-М.АОН при ЦК КПСС. 1990. С.153-161; Он же. Проблемы освещения в литературе роли Л.Д.Троцкого и С.И.Сырцова в решении казачьего вопроса на Дону и Северном-Кавказе.//Обновление социализма. Материалы 2-й научной сессии преподавателей КОН РГУ. ч.2.-Ростов н/Д.1991. С.54-60;Он же С.И.Сырцов и НЭП в Сибири.// Россия нэповская: политика, экономика, культура. Тезисы научной конференции.- Новосибирск. 1991. С.32-42; Он же. Проблемы государственного управления в идейно-политической борьбе со сталинизмом. //Государственное управление: проблемы теории, истории, практики и преподавания. -Ростов н/Д. 1993. С. 108-111.

Сверхзадача диссертации и ее значение заключается в привлечении внимания исследователей к конкретной разработке элитологического подхода к истррии России и СССР, к поиску других новых подходов в интерпретации исторических событий советской эпохи, являющейся не тупиком мировой цивилизации, а ее составной хотя и специфической частью.

В возникшей советской своеобразной субцивилизации проявлялись общемировые закономерности, связанные с формированием в государстве дифференцированных властеотношений. Это объясняется объективно обусловленной ролевой дифференциацией любой общности людей, обладающих различными способностями, воспитанием, образованием, нравственным обликом, характером. Элитные, т.е. лучшие, избранные представители общности людей призваны становиться во главе ее и инициировать усилия на ее усиление и упрочение. В реальной исторической действительности происходило разделение элиты на формальные и неформальные, открытые и закрытые, имущественные, функциональные, властные и др. субэлиты и контрэлиты. В данной диссертации рассмотрена проблема большевистской политической элиты 20-30 гг. в историческом разрезе. Это не исчерпывает проблему большевизма и его элиты в структурно-функциональном и личностном аспектах, однако может помочь способствовать более глубокому пониманию сущности послереволюционного развития страны, выбора тех или иных вариантов политического курса правящей элиты.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в постановке и определенном решении теоретической проблемы, имеющей научное и политическое значение. Введение в научный оборот понятия "большевистская политическая элита"; выявление сущностных характеристик элиты, ее структуры, этапов эволюции; выясне-

ние характера взаимоотношений личности и элитной группы - все это может способствовать преодолению старых и новых идеологических стереотипов в оценке большевизма. Изучение и характеристика специфического вида исторических источников - архивно-следственных дел ОГПУ-НКВД расширяет источниковую базу науки. Развернутое исследование широкого массива историографических источников, включая эмигрантскую литературу и архивные материалы идеологических отделов ЦК КПСС по формированию политико-историографической парадигмы, позволило предложить авторский вариант периодизации историографии истории большевизма. В работе предложены обладающие новациями суждения о ряде конкретных исторических проблем: расказачивание в ходе гражданской войны, самоидентификация большевистской элиты и ее отношение к старой интеллигенции, развитие нэпа в Сибири, сопротивление сталинизму и др. , что расширяет информационное поле исторической науки.

Трагический опыт перерождения, раскола и поражения большевистской элиты является непреходящим уроком для современных политических элит. Этот опыт предостерегает действующие политические группы руководящих кадров федерального уровня, облаченных политическими полномочиями для управленческих функций властного характера, от грозящего им отчуждения от народных масс, от повторения грубых просчетов и необоснованных поспешностей в проведении радикальных преобразований, от решения социальных и межнациональных проблем методами диктата и насилия. Осмысление исторического опыта функционирования предшествующих политических элит позволяет не только осознать неприемлемые черты и особенности, но и выявить полезные элементы для совершенствования процесса подготовки кадрового корпуса, формирования демократического механизма учета и рас-

пределения кадров, выработки толерантного отношения к инакомыслию и самостоятельности личности деятеля в рамках партийных линий конкретных организаций, фракций, движений России.

Выполненное исследование в определенной мере способствует формированию новых направлений в освещении и изучении отечественной истории - политической историологии и социальной истории, основанных на широком использовании достижений политологии и социологии. Использование дискуссионных концептуальных подходов в осмыслении советской истории активизирует этот процесс и усиливает предпосылки для выхода исторической науки из кризиса. Исследования, выполненные на стыках социально-гуманитарных дисциплин, могут стимулировать процессы поиска свежих интерпретаций исторических событий, их освещения в учебном процессе, качественной подготовки политических и научных кадров.

x x x

Автор диссертации выражает искренную признательность члену-корреспонденту Российской Академии Наук, профессору Юрию Андреевичу Жданову за ценные советы и личные воспоминания, позволившие глубже понять и осмыслить идейно-политическую атмосферу 20 - 30-х гг., неоднозначность деятельности большевистской политической элиты, к которой он имел известное отношение.

I ГЛАВА. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ.

§ I. Методологические и источниковедческие вопросы исследования.

Исследование истории большевистской политической элиты через призму политических биографий деятелей, входящих в этот слой руководящих кадров, требует расширения методологических принципов и приемов выхода за пределы традиционного в прошлом формационного подхода. Данный подход заключался в изучении механизма сменности в развитии общества, борьбы противоположностей, высшей формой которой являются социальный конфликт и революция. Другим важнейшим элементом этого подхода является признание закономерности и неизбежности перехода от капиталистической к коммунистической формации, что обязывало историков однозначно оценивать в качестве прогрессивных любые действия, способствовавшие этому переходу прямо или в перспективе. Этому изначально противоречивому методу противостоит так называемый цивилизационный подход, делающий акцент на изучении единства материальной и духовной культуры каждого общества. Любая общность с этой точки зрения может претерпевать какие-либо изменения, однако в ней имеется определенное ядро цивилизации, сохраняющее свою преемственность и непрерывность в развитии. Цивилизационный подход отвергает возможность выявления формулы прогресса, подчеркивая самоценность каждой цивилизации или общества. Этот элемент мало способствует объяснению периодических скачкообразных переходов в развитии общества, их смены. Для большинства историков очевидно, что соотношение формационного и цивилизационного подходов отражает диалектику революционного и эволюционного развития. Поскольку эти процессы реально сосуществуют в истории, то подходы взаимно дополняют друг друга. В каждом обществе сочетаются цивили-

зационные и формационные компоненты, поэтому односторонняя абсолютизация любого подхода не может раскрывать многообразного спектра общественно-политических отношений. В последнем случае историческая действительность сводится либо к классовым, либо к тоталитарно-демократическим схемам. А.Тойнби отмечал, что в западной исторической науке наблюдается односторонняя "тенденция рассматривать историю всех обществ и всех эпох под углом зрения демократии и индустриализма. Подобный подход к познанию истории представляется нам ложным, причем касается это не только исследователей других эпох и цивилизаций, но и истории нашего общества на ранних его этапах, когда современные западные версии индивидуализма и демократии еще не были выработаны".[1] Представляется, что мысль А.Тойнби можно отнести к любому методологическому принципу, на основании которого те или иные историки подгоняют исторические факты для доказательства заранее сконструированных политизированных концепций. Каждый исследователь может использовать метод или прием в качестве инструмента для решения конкретной исторической проблемы в русле поставленной задачи, но он должен отдавать себе отчет в его относительной ценности и не претендовать на всеобъемлющую истину. Оптимальным вариантом является сочетание отдельных компонентов марксистского социально-классового подхода с элементами цивилизационного подхода.

Поскольку цивилизационные целостности не могут носить функционального характера, их объединяет общность глубинных свойств входящих в них групп и индивидов[2]. Поэтому цивилизационный подход выдвигает на первый план человеческий аспект, процесс выявления личности, индивидуальности во всех сферах деятельности людей.

1. Тойнби А.Дж. Постижение истории.- М.: Прогресс. 1991.- С.289.
2. Дилигенский Г.Г. Конец истории или смена цивилизаций // Вопросы философии. 1991. № 3. С.32.

Анализ личности и процесса ее деятельности раскрывает дифферен - циацию человеческого бытия, степень влияния субъекта на ход истории.

Личности политических лидеров, личные свойства, отличающие одного деятеля от другого, активно воздействуют на политику партий и государств. При всех социально-экономических закономерностях развития общества влияние личности часто приобретает решающее значение, особенно в ситуациях, когда исторические события не носят обязательный характер. Развивающаяся на основе цивилизационного подхода наука - политическая психология утверждает, что без понимания индивидуальных характеристик политических авторов трудно правильно оценить не только изменения лидерства, но и многое другое в мировой политике[1]. В то же время нельзя не отметить, что постановка личности в центр внимания не противоречит марксистской методологии. Творческий марксизм отнюдь не сводит исторический процесс к действию социально-экономических закономерностей и смене формаций. Классики марксизма неоднократно писали о том, что вне деятельности конкретных людей нет самой истории, что история сама по себе ничего не делает, "именно человек, действительный живой человек - вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. "История" не есть какая-то особая личность, которая используется человеком как средство достижения своих целей. История - ни что иное, как деятельность преследующего свои цели человека"[2].

Однако увлеченность классиков марксизма и особенно их последователей обоснованием неизбежности и закономерности смены капиталистического строя коммунистическим привела на практике к выраженной недооценке самоценности личности человека вообще и полити-

---

I. Гринстайн Фред. И. Личность и политика//Социально-политический журнал. 1991. № 10.
2. Маркс К. Энгельс Ф.- Соч.-Т.2.-С.102

ческого деятеля в частности. Неуважение к личности и отрицание ее прав и свобод в свете грядущего прогресса человечества в целом стало фундаментом произвола и террора в период сталинщины. Право человека на выбор своей собственной судьбы и его реализация вопреки любым закономерностям общественного развития лежит в основе современных методологических концепций изучения истории и судеб исторических деятелей.

Историческая биография является древнейшим историографическим жанром. Людей всегда интересовали судьбы выдающихся представителей рода человеческого, их мировоззрение и деятельность. Традиционное жизнеописание строилось на двух основных подходах:изложение биографии данного объекта исследования и оценка ее автором с учетом своего времени, своих представлений о добре и зле. В таких работах чрезвычайно сильно влияние личности автора, проявляющееся в привнесении собственного опыта и своих личных черт в раскрытие характера героя и его судьбы. Исторические биографии в силу своего жанра ориентированы на показ истории через человеческую личность и раскрытие ее внутреннего мира. В зависимости от степени вхождения автора во внутренний мир своего героя, степени интуиции и опоры на документальные материалы, выделяется четыре типа исторических биографий: научные,научно-популярные, научно-художественные и романизированные. Для первого типа и частично второго-личность исторического деятеля имеет значение не сама по себе,а в зависимости от той роли, которую она играла в событиях данного времени. В рамках этих типов работ особо выделяются произведения,в которых деятели освещаются в рамках своей эпохи наравне с событиями,на которые,как правило,они не оказали решающего влияния. Их деятельность рассматривается во многом с высоты современного развития науки как проявление определенных закономерностей.Такой метод изучения представляется чрезвычайно продуктивным для изучения

истории большевистской элиты, ставшей коллективным выразителем и представителем движущих сил истории.

Анализ одной личности или даже нескольких, чреват серьезной опасностью - примитивизацией и схематизмом. Тенденция 20-хг.г. (школа Покровского), рассматривавшая любую личность только как проявление социально-экономических отношений в своем развитии, привела к принижению в общественном мнении роли личностей в истории, которую могут делать только массы, диктующие свою волю лидерам. Массы стали изображаться совокупностью бойцов партии, "винтиков", элементов, которыми управляют избранные политические вожди, осознающие и познающие необходимость тех или иных действий масс. В литературе 30-50-х г.г. описывались жизни тех деятелей, которые, во-первых, отражали требования господствующего политического режима и его нормы поведения; во-вторых, были героями-образцами, имевшими политико-воспитательное значение. Биографы главное внимание уделяли показу профессиональной деятельности личности, игнорируя все личностное и частное. В результате активно искажалась и эпоха, и биография личности. Когда в 60-х г.г. началось обновление исторической науки, то возрос интерес именно к исканиям и противоречиям человека, его неповторимости, сложности, хотя и в рамках коммунистической парадигмы.

В 1970 г. редакция журнала "История СССР" провела обсуждение биографического жанра в советской историографии, на котором подчеркивалась важность очеловечивания биографий. Журнал обращал внимание на то, что увлечение классовым подходом приводило к тому, что конкретная биография деятеля служила как условный эталон, частная иллюстрация, содействующая постижению марксистских классовых категорий. Превратно понятый принцип партийности вынуждал историков подчинять исследования задачам партийной пропаганды.

В отношении попыток идеализации личностей руководителей массовых движений К.Маркс и Ф.Энгельс писали, будто предвидя наплыв апологетической биографистики, что необходимо изображать вождей движений "суровыми рембрандтовскими красками,во всей их жизненной правде.Во всех существующих описаниях эти люди никогда не изображаются в их реальном,а лишь в официальном виде,с котурнами на ногах и ореолом вокруг головы"[1]. Для истории, писал Энгельс,принципиально важно "исследовать движущие причины,которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей"[2]. Выявление эволюционных процессов в политическом сознании действующих субъектов требует от исследователей соотнесения интересов классов и личностей. Классики марксизма,не вводя политологические категории элит и социальных групп,предложили гносеологическое объяснение этого процесса. По их мнению, представители и идеологи социальных движений по своему образованию и социальному положению могут быть далеки от классовой основы этих явлений,но становятся их выразителями в силу того обстоятельства, что "их мысль не в состоянии переступить тех границ, которых не преступает жизнь" этих социальных слоев и они теоретически восходят к выводам, к которым других приводят материальный интерес и общественное положение. Именно в этом и заключается общее "отношение между политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют"[3]. Это положение, с одной стороны, представляет особую ценность,так как указывает на опосредствованный характер связи социального происхождения,имущественного положения и идеологических воззрений,политической принадлежности деятелей.

I.Маркс К.,Энгельс Ф.—Соч.-Т. 7.-С.280.
2. Там же.—Т.2I-С.307
3. Там же.—Т.8.-С.I48

С другой стороны, очевидна недостаточность этого объяснения, как не раскрывающего механизма перехода интелектуалов на политические социально-классовые позиции различного рода.

В современной исторической литературе, в том числе немецкоязычной, получила развитие тенденция анализа социально-классовых структур и субъектов. В работах историков, принадлежащих к школе "социальной истории", таких как О.Брунер, В.Конце, Т.Шидер, Ю.Кикки, Х.У.Веллер, Г.Риттер, В.Моммзен и др., показано, что политические процессы нельзя постичь, если ограничить их изучение только сферой государственных органов и государственных деятелей и что необходимо выяснять социальные экономические движущие силы и условия, которые ограничивают или стимулируют политические действия[1]. Очевидно, что тот подход есть не что иное, как модернизированный и замаскированный марксистский метод. Развитие традиционных марксистских принципов исследования в новых исторических условиях привело к освоению метода статистического корреляционного анализа, исследовательской техники, включающей в себя методику анализа признаков отдельных лиц или групп на основе письменных источников личного происхождения: автобиографий, писем, протоколов допросов. Эта методика получила название **просопографической** и представляет собой интерес для данного исследования, так как позволяет анализировать взаимопроникновение социальных структур и деятельности субъектов политического развития, взаимодействия общественных процессов, с одной стороны, и менталитета, действий коллективных групп и отдельного индивида - с другой.

Конкретно-историческое просопографическое изучение деятельности отдельных личностей может позволить глубже понять логику изме-

---

1. Теория и история экономических институтов и систем. Предмет исследования// Зима.-1993.- Том.I.-Начала-Пресс.1993.-С.174.

нений "социальной структуры общества и власти", без уяснения которых, как писал В.И.Ленин,"нельзя сделать ни шагу в какой угодно деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим ... основные тенденции экономического и политического развития, те тенденции,равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны"[I].

С точки зрения современных политических реалий деятельность большевистского руководства выглядит негативным образом, что предлагает соответствующее отношение к марксизму и коммунистическому движению. Однако при более пристальном анализе даже авторы антикоммунистического направления разводят марксизм и большевизм как разнопорядковые явления[2]. О.Лацис прямо заявил:"Неправда,будто Октябрь стал неким провалом, за которым последовала семидесятилетняя пустота. Из пустоты не могла родиться победа над Гитлером. Из пустоты не мог родиться и порыв 80-90-х г.г.к освобождению от тоталитаризма"[3].

Принципы объективности и историзма обязывают исследователей руководствоваться требованиями конкретно-исторической эпохи,которая породила данных субъектов. Логику поступков деятелей большевизма невозможно объяснить,абстрагировавшись от социально-экономического положения страны, внешних условий,внутриполитической растановки общественных сил. К.Каутский справедливо замечал, что "Вообще всякий социалист... может быть понят в том случае, если встать на точку зрения современной ему эпохи"[4].

На наш взгляд,именно требования объективности и историзма являются связующим мостом между формационным и цивилизационным подходами в изучении истории. Какие бы факторы ни ставились во гла-

---

I. Ленин В.И. Полн.Собр.Соч.-Т.20.-С.186.
2. Лисичкин Г. Карл Маркс-злейший враг российских большевиков.- Москва-Минск. 1993.
3. Лацис О. Когда умер Сталин//Известия.-1993.3 марта.
4. Каутский Карл. Томас Мор и его утопия.-Спб,1905.-С.9.

ву угла, они нуждаются в комплексном изучении в тесной связи со всеми сопутствующими обстоятельствами в контексте своего времени, а не оценок потомков. Многочисленные указания классиков марксизма на этот счет соотносятся с положениями по этому поводу А.Тойнби, М.Вебера, О.Шпенглера.

Теоретическое наследие марксизма изначально было не сводом догм, а открытым, направляющим началом, методологическим руководством.К.Маркс, Ф.Энгельс анализировали общество второй половины XIX века и объективно не могли дать рецепты решения проблем XX века, о которых они не могли знать в силу кратковременности человеческого бытия. В их теориях содержатся мысли и положения, которые в ряде случаев получили развитие не в трудах догматизированных теоретиков-марксистов, а адептов антимарксистских течений, в работах основоположников цивилизационного подхода изучения истории.

К числу таких идей относится вопрос о необходимости функционирования в рамках господствующего класса общества особой правящей элиты. К.Маркс и Ф.Энгельс писали,что разделение труда "проявляется теперь также и в среде господствующего класса.., так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса(это-его активные,способные к обобщениям идеологи ,которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе),в то время,как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринимать их,потому, что в действительности эти-то представители данного класса и являются активными членами и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе.Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды между частями,но эта вражда сама собой отпадает при всякой практической коллизии,когда опасность угрожает самому классу"[1].

1. Маркс К. Энгельс Ф.-Соч.-Т.3.-С.46.

Обращает внимание марксова постановка вопроса об особом слое идеологов и мыслителей господствующего класса - то есть его собственной интеллигенции, обслуживающей его интересы, а также активной части этого класса, последовательно защищающей его позиции. Это положение отражает существование политической элиты господствующего буржуазного класса в рамках капиталистического общества. Однако исторический опыт позволяет уверенно заключить, что механизм осуществления классового господства с отмеченными классиками марксизма чертами характерен не только для капиталистического общества, но и для общества другого типа, реализовавшегося на территории России и СССР в XX веке.

В статье "I8 брюмера Луи Бонапарта" К.Маркс уже конкретно проанализировал специфику различных слоев и фракций внутри господствующего класса, показал, какие группы сыграли ведущую роль в формировании внутренней политики. Анализ структуры правящего класса буржуазии и формирования элиты - финансовой олигархии в новых условиях развития капиталистического общества произведен В.И.Лениным в работе "Империализм, как высшая стадия капитализма". И хотя не все в этой работе выдержало испытание временем, постановка проблемы олигархической элиты в рамках господствующего класса не вызывает сомнений. Много внимания В.И.Ленин уделял интеллектуальной элите общества - интеллигенции.

Классики марксизма разработали взгляд на интеллигенцию как на социальный слой, порожденный исторически определенными общественными отношениями и выполняющий функцию обслуживания социально-экономических интересов основных классов общества. Исходным пунктом выделения интеллигенции в качестве обособленной группы является место умственного труда в общественном разделении труда. Интеллигенция выполняет квалифицированный умственный труд в различных областях общественной жизни и за это получает соответствующую

долю совокупного общественного продукта. Поскольку интеллигенция не является собственником средств производства, что отличает ее от буржуазии и сближает с лицами наемного труда, она, по мнению В.И.Ленина, занимает промежуточное положение между двумя основными классами общества и стремится к обслуживанию политических и иных позиций этих сил, не имея, как правило, собственных интересов в классовой борьбе. Современные исследователи уточняют это положение и приходят к выводу об относительной самостоятельности интеллигенции, способности ее в определенных ситуациях общественного развития выражать не узкоклассовые позиции, а интересы большинства нации. Именно это обстоятельство выработало у российских интеллигентов определенные культурно-личностные свойства, позволяющие историкам выделять как особый феномен российскую интеллигенцию на фоне европейского слоя работников умственного труда. По мнению многих исследователей, в том числе Н.Н.Бердяева, совокупность таких качеств как приверженность к общенародным идеалам, борьба за истину и социальную справедливость, жертвенность и вера, культурность и образованность, составили сущность интеллигентности. В силу специфики исторического развития России интеллигенция была в целом настроена оппозиционно к самодержваию и к правительству, а наиболее радикальные ее представители разночинного происхождения вошли в народнические, социал-демократические и иные революционные организации.

Ф.Дан, Л.Троцкий и ряд других деятелей социал-демократии неоднократно отмечали, что РСДРП до 1905г.была рабочей партией больше по идее, а практически представляла собой организацию интеллигенции, взявшей на себя функции интеллектуального и политического представительства интересов пролетариата. Это косвенно признавал и В.И.Ленин, когда писал о необходимости воспитания партийного

авангарда со стороны интеллигенции,внесении социалистического сознания в рабочее движение"извне". Но из идеологических и политических соображений В.И.Ленин не употреблял термин "интеллектуальная" или " политическая элита", подразумевающий существование какого-то превосходства, какого-то слоя движения над другим. В.И.Ленин писал по этому поводу:"интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательней,всего решительней и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе"[1]. В этой связи он различал буржуазную,мелкобуржуазную,пролетарскую интеллигенцию и отказывался даже ставить вопрос об интеллигенции надклассовой как относительно самостоятельной социальной группе.

Осмысливая проблему интеллектуальной и политической верхушки большевизма,В.И.Ленин писал о ней исключительно как о пролетарских профессиональных революционерах и пролетарской интеллигенции, доказывая необходимость их саморастворения в рабочем классе вопреки своей родовой принадлежности. Он не смог впоследствии увидеть нарастающее постреволюционное противоречие между большевистской элитой и ее социальной опорой - пролетариатом, приведшее в своем развитии к деформации советского общественного строя.

Для классиков марксизма проблема элиты, как в буржуазной среде, так и в пролетарской, была второстепенной по сравнению с задачами свержения буржуазии в целом как господствующего класса и установлении диктатуры пролетариата. Обрисовывая контуры идеального коммунистического общества,они не предвидели даже возможности для возникновения новых политических элит. В их идеализированных проектах общества,в которых отсутствует частная собственность(социальное неравенство,эксплуатация трудящихся),не могло быть места для привилеги-

---

I. Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.7.-С.343.

рованных каст.

Идеи элитизма применительно к буржуазному обществу развили итальянские социологи В.Парето и Г.Моска,считавшие деление на общество и элиту условием существования человеческой цивилизации вообще. М.Янг и Д.Белл создали теорию "элиты заслуг" или -"меритократии" - усовершенствованной элиты, объединяющей наиболее достойных и заслуженных людей. По этой проблематике размышляли Ортега-и-Гассет,Келлеф, Этцони,Вебер,Дженигс,Сартори,Бэрхем и др.

Современные политологи трактуют теории элиты в критическом духе. Такие известные ученые,как Д.Шумпстер,Г.Лассуэл, Т.Дай, Г. Цойглер рассматривают элитизм исключительно в политологическом плане как реальный элемент западной цивилизации, концентрирующий властные функции. Эти элиты не являются абсолютно замкнутыми,привлекая в известной степени таланты из низов общества, но в целом они не допускают кадрового размывания своих рядов массовым призывом "плебеев". Идея элиты в современной трактовке не противоречит буржуазной демократии,а является ее укрепляющим фактором. Из истории известно,что идея непосредственной демократии А.Линкольна -"правительство народа,из народа,для народа"- не была реализована ни в США,ни в СССР и осталась красивой утопией. Рядовые массы в современном классовом обществе не в состоянии компетентно принимать участие в управленческом процессе,решении политических вопросов без специальной подготовки. В таком случае демократия сводится к голосованию за наиболее демократичную элиту или ее группу,которая предлагает наиболее квалифицированную программу действий по решению актуальных проблем экономии и политики. Кроме того,элитарные группировки,оформленные в виде руководства партий,

движений стремятся гарантировать функционирование демократических институтов, позволяющих периодически обновлять властные структуры и держать под контролем присущий массам идеологический и политический радикализм. В итоге осуществляется правление не народа, а "правление, одобряемое народом"[I].

Несмотря на все разнообразие мнений и позиций на этот счет, можно однозначно выделить общее для всех мыслителей положение - политическая элита во всех реально имевшихся в истории обществах - это реальность, подлежащая изучению и объяснению. Однако этот постулат, в 90-х гг. неоспариваемый никем, в 60-80-х гг. яростно опровергался официальными "марксистско-ленинскими" идеологами, утверждавшими, что в социалистических обществах политических элит нет и быть не может в принципе. Марксисты капиталистических государств, несмотря на давление официальных идеологов из Восточной Европы, пытались в рамках концепции "открытого марксизма" соединить это учение с достижениями признанных философско-социологических течений немарксистского характера. Одними из первых провозгласили о возможности обогащения и дополнения марксизма новейшими подходами Э.Фромм и Ж.П.Сартр. К числу таких идей относятся антропологические концепции, идеи общечеловеческой практики. Философы журнала "Праксис" выдвинули в 60-х гг. лозунг "Назад к Марксу", имея в виду отказ от наносного и возвращение к подлинному гуманизму Маркса. Американский философ Райт Милс попытался проанализировать реальную верхушку американского общества с позиций открытого марксизма, дополненного социологией М.Вебера, Д.Робинсона, учением о личности Э.Фрома, идеями английских лейбористов Коуэла и Строчи, наконец, революционеров А.Грамши и Р.Люксембург. Р.Милс

I. Шаран П. Сравнительная политология. Т.2.-М.:РАУ.1922.-С.80-92; Политология вчера и сегодня. Вып.3.-М.АОН. 1991.-С.90-102; Пугачев В.П. Субъект политики: личность, элиты, лидерство. -М., 1991.-С.31.

подчеркивает, что хотя теория Маркса не оправдалась в ходе исторических событий, его метод по-прежнему позволяет найти лучшие социологические пути исследования и мышления[1]. Исходя из этого, Милс показал в книге "Властвующая элита"/М.1959/ реальное состояние американского общества и выделил в нем существование особой социально-политической группы правящего класса, элиты государства, находящейся у власти независимо от того, какая партия формально находится у руля.

Р.Милс показал, что при изучении американского общества теория классовой борьбы не помогает уяснить сущность проблем, порожденных научно-технической революцией середины XX века. Но законные сомнения Милса советские философы объявили непониманием марксизма, слепотой и ревизионизмом. В целом идеи западных мыслителей о соединении марксизма с передовыми философскими и социологическими теориями были объявлены "смыканием с буржуазными концепциями эррозии марксизма". Сами того не замечая, советские идеологи приближали и форсировали кризис марксизма, отрывая его от реалий века, новых тенденций в развитии человечества, неизвестных Марксу и нуждавшихся в новых объяснениях. Не видя, как изменился рабочий класс в странах Европы и Северной Америки, даже внутри СССР, они требовали слепой верности однажды сформулированным основам пролетарского мировоззрения. Большая ответственность за догматизацию марксистской идеологии должна быть возложена в первую очередь на идеологов партии Б.Н.Пономарева, П.Н.Поспелова, Л.Ф.Ильичева, М.А.Суслова, С.П.Трапезникова, А.Н.Яковлева, М.Б.Митина и других теоретиков, форсировавших окостенение идеологии,

1. Цит. по: Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе.-М.:Наука, 1970.-С.115.

ужесточение архаичного режима власти, неспособного отвечать на вызов нового этапа НТР. А.Н.Яковлев был одним из инициаторов постановления ЦК КПСС об усилении политической бдительности, ликвидировавшего последние возможности ознакомления советских обществоведов с подлинниками работ зарубежных "фальсификаторов" марксизма и истории СССР.

Между тем, в зарубежной историографии началось осмысление принципов развития советского общества и его правящей партии на основе тех или иных элитарных теорий. Большую роль в этом плане сыграл так называемый "железный закон олигархии", сформулированный в 1911г. немецким историком, экономистом и социологом Р.Михельсом. Суть концепции олигархического перерождения партии сводится к обоснованию неизбежности и закономерности бюрократизации крупных общенациональных политических партий.

Р.Михельс доказывал, что по мере развития политических партий внутри их все более резко обнаруживается разделение на пассивные, управляемые сверху массы и управляющих вождей. Рука об руку с ростом партии и усложнением ее деятельности идет образование специализированных кадров партийной бюрократии, живущей за счет организации, распоряжающейся значительными финансовыми средствами и опирающейся на сильный и сложный административный механизм. В результате образуется своего рода партийная олигархия, способствующая деформации отношений внутри партии. Выборность превращается в фикцию, контроль за деятельностью вождей и аппарата со стороны масс мало-помалу становится иллюзорным, исчезает свобода критики, вожди изгоняют из организаций нежелательный для них дух критики. С усилением бюрократического механизма намечается перерождение руководящих верхов партии. На смену прежнему идеализму идет рутинерство, узкий консерватизм, боязнь утратить достигнутое положе-

ние, робость перед влиятельными лицами и презрение к массам.

На основании сформулированного "закона" Михельс сделал прогноз, более чем оправдавшийся в историческом развитии общества: победить могут социалисты, но не социализм![1]

Исходя из идеи Михельса о том, что в крупных партиях прямое господство масс технически невозможно, и существование организации ведет к разделению ее на "руководящее меньшинство" и "руководимое большинство", теоретики доказывают, что избежать ограничения действия демократических начал в партии и, в свою очередь, ее бюрократизации невозможно.

Например, с этих позиций подходит к анализу организационных основ большевистской партии Ст.Коэн. Отмечая факт необычайно быстро протекавшего в 20-е годы процесса бюрократизации правящей партии, он писал: "По сути дела, это явление представляет собой вариант сформулированного Михельсом "железного закона олигархии", претендующего на обобщение опыта всех крупных политических организаций с их тенденцией олигархического, а не демократического развития. Закон Михельса многое объясняет в развитии отношений большевистского руководства с партийными массами в 1917-1929гг. и в природе современных партий вообще. Непрерывно усиливавшаяся с 1917 года централизация, бюрократизация и нетерпимость партии, несомненно, способствовали авторитаризму в однопартийной системе и возвышению Сталина. Однако, нельзя сказать, что эти явления предопределили сталинизм. Даже в 1920-х годах, после бюрократизации и милитаризации, стимулированной гражданской войной, партийная верхушка не была, да так никогда и не стала дисциплинированным авангардом, созданным фантазией Ленина в книге "Что делать?"[2]

1. Политология вчера и сегодня.- М.: АОН, 1990.- С.42.
2. См.: Коэн.Ст. Большевизм и сталинизм // Вопросы философии.- 1989.- № 4.- С.59. См. также: его же: Бухарин: Политическая биография. 1888-1939.- М.: Прогресс. С.3-5,159.

Проблему функционирования партийных элит затронула известный западный социолог Ханна Арендт в книге "Происхождение тоталитаризма"[I]. Рассматривая эту проблему на примерах сталинизма и гитлеризма, она показывает, что в фазе, предшествующей взятию власти тоталитарными партиями, наблюдается создание фасадных организаций и установление различий между членами партии и сочувствующими. Ядро партийных активистов (то есть элита), во-первых, представляет обществу неточную информацию о характере своего движения, во-вторых, осуществляет пропаганду в респектабельных формах относительно цели и характера движения. Сочувствующие не являются фанатиками и агрессивными гражданами, но тем не менее служат проводниками фантастических измышлений активистов. Позднее, пишет Х.Арендт, происходит формирование такой характерной особенности, как внутренняя иерархичность движения. Она выделяет нижний слой - нормальных людей, видящих в тоталитарных верованиях обычную программу политической партии, второй слой - среднее звено деятелей, чьи профессиональные и социальные отношения не полностью определяются принадлежностью к партии, но во многом зависят от нее и, наконец, третий слой - активистов движения, абсолютно идентифицирующихся с движением, не имеющих частной жизни, независимой от партии. Сообразно этим слоям создается иерархия организаций внутри движений по принципу матрешки. Обособленные субэлиты, оформленные в виде организаций, спецслужб и т.д., позволяли искусственно поддерживать условия гражданской войны в обществе. Как итог - пришедшие к власти революционные партии деградируют и глубоко изменяют свою природу. Чтобы выжить, тоталитарный режим и возглавляющая его элита должны быть в постоянной мобилизации и добиваться дестабилизации общества. Именно поэтому вожди проводят

I. См.: Свободная мысль.-1992.-N 8.-С.72-82.

перманентные чистки кадров. Всеобщий террор, проводимый с помощью тайной полиции и концлагерей, являлся инструментом функционирования тоталитаризма в Германии и СССР.

Концепция Х.Аренд чрезвычайно интересна и поучительна, но она не носит конкретно-исторический характер. Объясняя природу тоталитаризма как явления, она не ставила себе целью изучать советскую или немецкую историю во всей их конкретике и особенностях. В силу этого характерные черты в ее интерпретации не во всем совпадают с теми фактами, которые имели место в исторической деятельности. Однако подход Х.Аренд сыграл в 70-х гг. принципиально важную роль для понимания природы элит тоталитарных обществ.

В советской литературе проблема теории элит нашла оценочное отражение в целом ряде трудов философов, специализировавшихся на критике зарубежных авторов немарксистского направления. Суровой, подчас резкой критике подвергся элитаризм в работах Ф.М.Бурлацкого и А.А.Галкина "Социология. Политика. Международные отношения". (М., 1974); П.С.Гуревича "Современный буржуазный элитизм: истоки, версии, тенденции" // Социально-политические теории современной буржуазной идеологии (М., 1981); Ю.Н.Давыдова "Искусство и элита" (М., 1966); В.В.Колбановского и Г.В.Осипова "Антинародная сущность теорий элиты" // Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии (М., 1960); В.Г.Каленского "Политическая наука в США" (М., 1969); Г.К.Ашина "Социология человеконенавистничества" (М., 1957) и "Миф об элите и "массовом обществе" (М., 1966). Следует особо отметить последнюю работу этого известного философа "Современные теории элиты: критический очерк." (М., 1985). В данной книге автор не только снизил обычный для профессиональных критиков немарксистских теорий уровень "разоблачительства", но отметил рациональные моменты теорий элит в целях их использования в марксистских иссле-

дованиях. Г.К.Ашин считает, что термин элита может вполне использоваться марксистами при определенных условиях. Он называет два случая такого использования: при наличии исследования, в котором еще не раскрыта классовая структура общества, но уже зафиксировано деление на "высших" и "низших", и при анализе части господствующего класса - верхушки, занимающей господствующие позиции в политическом управлении.

Г.К.Ашин справедливо полагает, что руководящим принципом исследования понятия "элита" должен быть принцип классового анализа, требующий соотнесения определенного общественного явления с фактом социально-классовой дифференциации. Важно не противопоставлять термин "элита" феномену классовой дифференциации или подменять последнюю, а рассматривать его как непосредственный элемент этой дифференциации. Этот подход автор развил в статьях энциклопедического издания "Политология" (М.,1993).

Из зарубежных авторов, чьи работы переведы на русский язык, заметно выделяются работы чешского социолога Мирослава Нарты "Теория элит и политика"(М.,1978), польского исследователя В.Веселовского "Классы, слои и власть"(М.,1981), в которых освещаются и соответственно "разоблачаются" теории элит применительно к социалистическим странам. В современных условиях эти книги имеют ценность главным образом в информационном плане, так как они дают относительно подробное изложение взглядов исследователей, пытавшихся применить теории элит для совершенствования разработки модели демократического социализма "с человеческим лицом" и т.д.

В ходе начавшейся в конце 80-х гг. перестройки советского обществознания и отечественной историографии стали широко использоваться достижения западных социологов. Стало общепризнанным, что важнейшим методологическим принципом исследования является

изучение социальной стратификации общества и конкретно-исторический анализ ведущей страты - политической элиты. Было усвоено, что теория социальной стратификации позволяет изучать этот и другие слои, отличающиеся друг от друга по таким критериям, как характер собственности, размер дохода, объем власти, престиж и положение. Наличие в любом обществе различных слоев или страт не является его пороком или недостатком. Каждое общество, независимо от его ориентаций, стремится "разместить индивидов, чтобы наиболее важные функции выполнялись самыми талантливыми, умелыми, самыми компетентными людьми. От того, как сумеет это общество выполнить эту задачу, зависит успех в его борьбе за существование"[I]. Ранее социальная стратификация признавалась буржуазным и антинаучным понятием, так как оно якобы оправдывало систему социального расслоения и неравенства в обществе. Утверждалось, что эта теория противостоит теории классов и классовой борьбы. Современные социологи доказали, что социологические подходы, приемы и методы социальной стратификации удачно дополняют марксизм, расширяют его возможности, способствуют устранению элементов догматичности. В социологии успешно применяются разработанные немарксистскими теоретиками подходы, связанные с социальным статусом, социальной мобильностью, социальной ролью, социометрией. Но их использование в основном имеет научно-прикладной характер в политологических и социологических исследованиях и очень слабо проявляется в области исторического знания. Это связано с тем, что применение социологических схем к конкретной истории всегда сопрягается с трудностями, так как далеко не всегда новейшие теории формулируются на основе исторических фактов, а в отдельных случаях вопреки им. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с методологическими концепциями,

I. Цит. по: Баранов А.В. Социология и перестройка//Постижение.— М.: Прогресс, 1989.- С.26.

подтвердившими свою научную состоятельность.

Подводя итоги обзора, следует отметить, что отправными методологическими пунктами для данного исследования стали теоретические аспекты теории элит, прежде всего их понятийный аппарат. Для анализа структуры и тенденций развития большевистского руководства особую роль сыграли такие понятия, как"элита", "субэлита", "контрэлита", "меритократия", концепция циркуляции элит и образования "олигархических тенденций", рассмотренные через призму требований диалектического подхода объективности и историзма, системности и всесторонности. Эти понятия не противоречат марксистской методологии, а творчески дополняют ее, так как позволяют на новом уровне раскрывать реальные механизмы политического господства и управления со стороны той или иной социальной группы в рамках класса. Современная цивилизация имеет сложную социально-классовую структуру и включает в себя классы, социальные группы, партии и движения, полускрытые центральные и региональные элиты, тайные клики и мафии. В их изучении требуется объединенные усилия сторонников обновленного социально-классовго подхода, структурно-функционального анализа и исследования элитарных слоев. В данной работе использованы только отдельные элементы политологических и социологических подходов, однако автор уверен, что за этой тенденцией многообещающее будущее. Синтезирующая методология исторических исследований, очищенная от политиконъюнктурных наслоений, обеспечит подлинное обновление исторической науки.

I. Макаренко В.П. Социальная структура.Лекция к курсу политологии. Ростов н/Д:Логос.1992;Сердюков Г.Н. Политический выбор.-Ростов н/д:РГУ,1992;Проценко Г.С.,Сердюков Г.Н.,Шпак В.Ю.Политическая элита. Лекция к курсу политологии.Ростов н/Д:Логос.1993;Легитимность политической власти.Тезисы докладов конференции.-Ростов н/Д, 1994.

общепризнанность такого подхода,успешные результаты исследований[1] убеждают в его научности и перспективности.

Реализация подходов политической социологии в изучении проблемы зарождения,функционирования и гибели большевистской политической элиты предопределяет,с одной стороны,новое прочтение уже известных источников,с другой,- поиск новых пластов документального материала, отложившегося в прежде закрытых архивах ЦК КПСС и КГБ СССР. Необходимость комплексного использования этих источников существовала всегда, однако идеологическая парадигма прошлого политического режима исключала реализацию этой потребности науки. В источниковедении самую негативную роль сыграли тоталитарно-охранительные установки, согласно которым постановления ЦК КПСС и документы органов госбезопасности не подлежали источниковедческой критике, а являлись первоисточниками и методологической базой любого исследования. В исторической науке,особенно в ее историко-партийной отрасли, был строго определен круг авторов,документов, политических деятелей,которые могли стать предметом научного исследования. Наиболее информативно насыщенные источники по истории политического противоборства,функционирования обособленной от народа политической элиты хранились в секретном Кремлевском архиве ЦК КПСС(ныне Центр Хранения Современной Документации и Архив Президента Российской Федерации),в Центральном Архиве КГБ СССР(ныне ЦА ФСКФ),которые не было дозволено даже упоминать.Историки были обречены работать на основе уже отработанного ИМЛом и аппаратом ЦК массива источников,отвечающего официальным концепциям "героического пути КПСС", борьбы ленинизма против оппортунизма и т.д.

I. См.:Делюга В.Общество,кадры,элита:политологический анализ. (Польша.80-е-начало 90-х гг.):Автореферат...доктора политологических наук.-М.:РАУ,1993; Попова С.М.Властное насилие в формировании структуры тоталитарного общества:Автореферат...кандидата политологических наук.-Екатеринбург,1993.

Ситуация радикально изменилась с постепенной реализацией принципов демократизации и гласности в конце 80-х гг.,когда было начато открытие ранее секретных фондов в архивах. В то же время сотрудники привилегированных научных учреждений при ЦК КПСС - ИМЛ и АОН закрепили за собой преимущество и первенство в использовании этих фондов.

После августа 1991 года было объявлено о широком допуске всех желающих к архивным фондам,но на практике сохранился целый ряд ограничений внешне технического порядка.

Затруднен допуск к документам Архива Президента,где имеются такие важнейшие документы,как стенографические отчеты заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), секретные циркуляры и постановления Оргбюро ЦК, Секретариата, распоряжения И.В.Сталина и т.д. Периодически, в зависимости от политической конъюнктуры в газетах публикуются отдельные документы,однако систематического научного исследования не наблюдается. Это относится в полной мере к документам из Центрального Архива КГБ(МБ РФ). Деятельность академических институтов истории, Независимого Центра изучения социальных и национальных отношений, Горбачев-фонда и других организаций в настоящее время затруднена в силу недостаточного финансирования и других причин. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства,процесс осмысления новых источниковых пластов продолжается в журналах "Свободная мысль","Кентавр","Отечественная история","Полис","Социс" и других. В данной диссертационной работе использованы,

наряду с традиционными источниками, целый ряд документов, разрешенных к использованию только в последние годы.

В силу своей специфики проблема политической элиты не может быть отражена прямо и непосредственно в документах партии и государства, официальными принципами которых были провозглашены равенство и власть трудящихся, ведущая роль народных масс в политике и другие идеи и лозунги эгалитаристского толка. Поскольку в отсталой России 20-х гг. малограмотные рабочие и крестьяне составляли большинство, то ведение государственных дел закономерно находилось в руках узкой группы профессиональных революционеров, возглавивших строительство нового государства во имя интересов трудящихся. Фактически функционировавшая политическая большевистская элита получила названия "старая партийная гвардия", "руководящие кадры", "вожди большевизма", "командный состав партии" и т.д. Ее существование и деятельность как единой особой целостности или общности зафиксирована под этими формулировками в различных стенографических отчетах партийных, советских, профсоюзных и т.д., совещательных органов, в комплексе учетных личных дел в учраспределительных отделах ЦК, партийно-следственных дел ЦКК, в архивно-следственных делах ОГПУ-НКВД, личных воспоминаниях большевиков.

Важнейшими источниками явились материалы УШ, IX, X, XI, ХП, ХШ, XIУ, ХУI и ХУП съездов РКП(б)-ВКП(б), конференций и объединенных пленумов ЦК и ЦКК. Опубликованные стенографические отчеты съездов партии отразили спектр мнений и позиций различных группировок в составе большевистской элиты, процесс унификации общественного партийного мнения, утверждения режима вождизма, а затем и личной власти генсека - Сталина. Несмотря на это, начиная с ХШ съезда, стеноотчеты и бюллетени съездов, особенно речи оппозиционеров, существенно правились партаппаратом в свете установок Сталина, эти материалы остаются первостепенным источником, характеризующим

в целом большевистскую элиту, представленную на них в компактном единстве. Особый интерес вызывают речи представителей "рабочей оппозиции" на X съезде, Л.Д.Троцкого на XШ съезде, Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева, Г.Я.Сокольникова, Н.К.Крупской на XIУ съезде, на ХУI - С.И.Сырцова, А.И.Рыкова, М.П.Томского, Д.Б.Рязанова, на ХУП - Л.Б.Каменева, В.В.Ломинадзе, Н.И.Бухарина и др.

Съезды партии фактически, начиная со второй половины 20-х гг., все более становились парадными мероприятиями, призванными демонстрировать мощь, единство партийных сил, непоколебимую уверенность в социалистическом будущем страны, авторитет генерального секретаря,превращающегося из партийного лидера в вождя всего советского народа. Несколько иную роль играли Объединенные Пленумы ЦК и ЦКК партии, выполнявшие функцию постоянно действующего большевистского парламента. Ограниченный состав членов - около 300 человек, прочные, деловые и личные связи друг с другом, включая совместную революционную борьбу, участие в сражениях гражданской войны - все это делало обсуждение народнохозяйственных, политических проблем откровенным и оживленным вплоть до начала 30-х гг. При каждом обсуждении внутрипартийных проблем поднималась прямо или косвенно проблема роли и значения старой партийной гвардии, ленинских принципов внутрипартийной жизни в свете усиливавшихся процессов бюрократизации общества. В этом плане особенно примечательны речи М.П.Томского на пленумах ЦК и ЦКК в I929г. Большое значение для работы имели тексты выступлений С.И.Сырцова по вопросу о казачестве на апрельском I925г. пленуме ЦК РКП(б), о расслоении крестьянства на апрельском объединенном пленуме ЦК и ЦКК I929г. и др. Изучение стенографического отчета декабрьского I930г. Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) позволило зафиксировать не обозначенное повесткой дня

обсуждение деятельности С.И.Сырцова. В то же время стенографические отчеты пленумов с конца 20-х гг. также подвергались правке и искажениям в угоду Сталину. Так, из материалов сентябрьского пленума 1932 года изъяты записи обсуждения группы Рютина и ее платформы, хотя упоминания о состоявшемся обсуждении содержатся в более поздних отчетах.

Особую ценность для исследования проблемы представили материалы учетно-распределительного, а позднее организационно-распределительного отделов ЦК РКП(б)-ВКП(б). В них отражена целенаправленная и систематическая деятельность высшего руководства партии по включению старой партийной гвардии и примыкавших к ней большевиков, вступивших в партию в 1917г., в состав бюрократизированных, иерархически оформленных верхов партии. Материалы совещаний заведующих соответствующих отделов губкомов, протоколы заседаний отделов ЦК, отчеты в вышестоящие инстанции, директивы нижестоящим органам, распоряжения и проекты резолюций - все это раскрывает процесс бюрократизации большевистской элиты, растянутый на 10 лет. Анализ документов позволил опровергнуть мнение отдельных публицистов и историков об изначально оформленной бюрократической элите как имманентном элементе большевизма. Отложившиеся в фондах этих отделов документы дают представление не только о нарастании негативных процессов, связанных с ужесточением внутриполитического режима, но и о большой организаторской работе по распределению узкого слоя квалифицированных кадров по важнейшим направлениям партийно-государственной деятельности. Таким моментом, характеризующим неоднозначную функцию этих отделов, является тот факт, что по мере усиления авторитарно-бюрократических тенденций в жизни партии снижается уровень и объем информации в документации orграспредотдела. Он превратился из относительно самостоятельного элемента

структуры ЦК в техническую обслугу порученцев Сталина, занимавшихся оргвопросами (Н.И.Ежова, Г.М.Маленкова).

Бесспорный интерес представляют документы Секретного отдела ЦК, содержащего аналитические сводки о положении в партии, о борьбе с т.н. "болезненными явлениями", явившимися фактически доказательством скрытого перерождения правящей партии и ее элиты; о деятельности местных парторганизаций по решению казачьей и других актуальных проблем. Для характеристики отрыва большевистской политической элиты от трудящихся масс большое значение имела информация о забастовочном движении в стране в 20-х гг., о росте крестьянского движения за создание собственных профсоюзов или подобия политической партии ("кресткомовское движение"), о позиции интеллигенции в связи с внутрипартийной борьбой среди большевистской элиты, об оценках мнений рядовых партийных масс в связи с такими событиями в верхах партии, как развязывание травли бухаринцев, высылка Л.Д.Троцкого из СССР и т.д. Документы секретного и информационного отделов выделяются из всего корпуса источников, так как они являлись "совершенно секретными", предназначались для пользования чрезвычайно узким кругом высокопоставленных руководителей и в силу этого содержали информацию в непрепарированном виде. Однако говорить об их абсолютной адекватности тоже не приходится ввиду политической ангажированности авторов документов, учитывавших политическую конъюнктуру, мнение руководства по этому вопросу, общеполитическую концепцию освещения конкретно-исторических фактов. Например, одни и те же по своему характеру факты подавались в информационных сводках сначала как "болезненные явления", затем как "правооппортунистическая практика", и, наконец, как "проявления обострения классовой борьбы в связи с продвижением на пути строительства социализма". Для документов этого рода харак-

терна сгущенность информации негативного характера, что искажало ее подлинное место в потоке общей информации о жизни страны.

Фонд агитпропа ЦК РКП(б) содержит документы о развертывании целого ряда идеологических кампаний, направленных на создание условий для решения важнейших социально-экономических и политических проблем. Большевики-интеллектуалы А.С.Бубнов, С.И.Сырцов, Н.Н.Попов, В.Г.Кнорин и другие, возглавлявшие направления агитационно-пропагандистской работы, формировали и общественное мнение, а позднее манипулировали им в интересах правящей верхушки. Документы, характеризующие деятельность Сырцова, показывают его стремление эффективно решать поставленные задачи, не допуская перекосов в сторону чрезмерного политизирования культурной сферы. Анализ документов агитпропа во второй половине 20-х – 30-х гг. показал резкое нарастание этих перекосов в количественном отношении, приведших к новому качеству – формированию идеологии культа личности Сталина, морально-психологической атмосферы тоталитаризма.

Для показа рациональных попыток решения актуальных проблем представителями большевистской элиты использованы документы о подготовке резолюции апрельского 1925г. пленума ЦК ВКП(б) о вовлечении казачества в социалистическое строительство. Это позволило показать эволюцию Сырцова и других деятелей от порочной политики репрессий к более правильному решению проблемы казачества. В работе активно использовались фонды местных комитетов партии, хранящиеся как в РЦХИДНИ, так и в местных архивных центрах – Ростове-на-Дону, Орджоникидзе, Грозном. Поскольку в центре внимания исследования находились политические биографии С.И.Сырцова и В.В.Ломинадзе, были изучены фонды Донского, Северо-Кавказского и Азово-Черноморского комитетов партии, работавших в пределах ныне

существующей Ростовской области, Сибирского и Западно-Сибирского крайкомов, работавших в пределах современной Новосибирской области, Закавказского крайкома, находившегося в Тбилиси, столице бывшей Грузинской ССР. Документы этих фондов позволили охарактеризовать деятельность П.А.Богданова, Б.П.Шеболдаева, Н.Б.Эйсмонта, Р.И.Эйхе, А.А.Андреева и ряда других менее значимых партийных руководителей крайкомов.

Особый интерес представили материалы Донкома и Донбюро партии, позволившие рассмотреть сначала элементы демократической тенденции в деятельности большевиков, приведшей к попыткам создания однородного социалистического правительства, а на Дону - ВРК Объединенной Демократии. Материалы Донбюро РКП(б) стали основой для изучения процесса "расказачивания" в 1919г., осуществлявшегося в террористической форме резко радикализировавшимся большевистским руководством весной 1919 г. Комплекс документов показал неоднозначность этой политики, имевшей наряду с элементами террора естественную реакцию правящих кругов области на переход казачества в основном на сторону контрреволюции в 1918 г.

Материалы Сибкрайкома партии позволили выявить вклад Сырцова и других деятелей большевизма в углубление политики нэпа в Сибири и в целом в стране. Обращено внимание на созвучие политики Сырцова лозунгам Н.И.Бухарина "Обогащайтесь" и установкам А.И.Рыкова. В то же время зафиксированы симпатии Сырцова к левокоммунистическим настроениям. Эти же настроения были характерны и для В.В.Ломинадзе, бывшего руководителем КИМа, М.Н.Рютина - секретаря райкома партии Москвы и других деятелей большевизма.

Документы Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) дали информацию об отношении большевистской политической элиты к интеллигенции в свете идеологической кампании, развернутой в партии и стране в

связи с разоблачением т.н. "Шахтинского дела". Здесь особо следует отметить стенографический отчет пленума Северо-Кавказского крайкома в марте 1928г., обсудившего доклад Полномочного Представителя ОГПУ по региону Е.Г.Евдокимова. Развернувшиеся прения позволили четко выявить различные группы в среде большевистских руководителей: партийных интеллигентов, сталинских догматиков и карьеристов, колеблющихся технократов.

Для исследования феномена большевистской политической элиты через призму биографий типичных ее представителей принципиально важен комплекс материалов личного происхождения. В РЦХИДНИ, ЦГА РФ и других архивах изучены личные фонды А.А.Жданова, Р.С.Землячки, Н.И.Бухарина, Л.Б.Каменева, М.И.Калинина, В.М.Молотова, Д.Б.Рязанова, Л.З.Мехлиса, П.Н.Поспелова, И.В.Сталина, Е.М.Ярославского. Содержащиеся в этих фондах документы и материалы позволили уточнить ряд позиций этих деятелей в тех или иных политических вопросах. Следует отметить, что эти фонды далеко не равноценны и обладают различной информационной насыщенностью. Наибольший интерес представили фонды И.В.Сталина и А.А.Жданова, содержащие документы по истории формирования внешней и внутренней политики советского государства, внутрипартийных отношений и т.д. Эти фонды, сформированные в основном в период почитания данных деятелей как выдающихся руководителей государства, отличаются упорядоченностью и полнотой. Личные фонды оппозиционных деятелей большевизма, создаваемые в последнее время, носят фрагментарный характер. Исключение составляет фонд Л.Д.Троцкого, основу которого составляет документация, изъятая у Троцкого органами ОГПУ в 1927г. Этот фонд в настоящее время выдается только привилегированным исследователям под предлогом его необработанности.

Имеющиеся в архивах личные дела всех партийных деятелей выс-

шего эшелона, статистические материалы: анкеты делегатов съездов и конференций ВКП(б), автобиографии, биографические справки, подготовленные бывшим ИМЛ при ЦК КПСС, позволяют активно использовать социологические методы исследования, компьютерную технологию. Однако архивы не готовы обеспечить условия для перевода биографических и иных данных на машиночитаемую основу. Во-первых, еще не завершен перевод секретной части фондов на режим открытого хранения, во-вторых, отсутствует материально-техническая база, в-третьих, идет сокращение кадрового корпуса архивистов и других специалистов. Эти неблагоприятные обстоятельства затрудняют продолжить анализ массовых источников, начатый в работах О.Наумова, В.З.Дробижева, Е.И.Пивовара и других историков[1].

В целях сравнительно-социологического анализа использовались данные энциклопедического словаря Гранат "Деятели СССР и революционного движения в России", подготовленного в 1927г. и переизданного в 1989г. Авторизованные биографии наиболее видных руководителелей партии - участников революции 1917г. и гражданской войны, отобранные институтом Гранат к 10-летнему юбилею Октябрьской революции, составляют уникальный целостный источник для изучения феномена большевистской элиты . Вплотную примыкает к этому источнику альбом "Деятели ВКП(б)", изданный в этом же году. В прекрасно полиграфически выполненном альбоме помещены портреты и биографические справки наиболее активной части большевистской элиты: членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК, а также ЦК, Президиума ЦКК, ЦРК ВКП(б)[2]. Следует отметить 10-томную Малую Советскую Энциклопедию

1. Дробижев В.З., Пивовар Е.И. Коммунисты в центральных органах управления РСФСР (некоторые результаты обработки с помощью ЭВМ материалов переписи служащих советских учреждений в 1918) // Вопросы истории КПСС.-1985.-№ 4.-С.105-118; Наумов О.В., Пивовар Е.И., Соколов А.К. Исторические источники и ЭВМ // Историки спорят. Тринадцать бесед. М.: Политиздат, 1988.
2. В приложении диссертации помещены копии отдельных страниц из альбома "Деятели ВКП(б)", на которых помещены фотографии представителей большевистской политической элиты, чья деятельность анализируется в той или иной степени в данной работе: С.607-615.

1932г., содержащую биографические справки с портретами 156 деятелей партии, включая бывших оппозиционных лидеров 20-х гг. В предисловии к I тому МСЭ указывалось, что в издании отражена "верхушка нашей общественности, верхний интеллектуальный слой, высший актив советской общественности". Значительно меньшую ценность представляет Большая Советская Энциклопедия в 60 томах, которая издавалась более двух десятилетий. Долгосрочность издания предопределила тот факт, что из нее выпали биографии деятелей, погибших в годы репрессий, а также руководителей, попадавших в опалу на момент издания очередного тома и т.д. I-е издание БСЭ стало своеобразным памятником советской политической конъюнктуре и отразившей ее историографии.

Огромное значение для реконструкции жизненного пути С.И.Сырцова и других партийных деятелей, чьи политические биографии не отражены в личных фондах архивов, являются их партийные следственные дела ЦКК ВКП(б) и следственные дела ОГПУ-НКВД. Оба типа дел основаны на одних принципах делопроизводства и содержат во многом одинаковую информацию. Если партийные дела репрессированных большевиков дополнены справками и документами органов госбезопасности, то следственные дела ОГПУ-НКВД дополнены реабилитационными материалами со справками из партийных органов, архивов. Основу партийных дел составляют протоколы опросов в ЦКК, а в чекистских делах - протоколы допросов в НКВД и т.д. Оба типа дел содержат как ложную, так и истинную информацию в различных пропорциях, зависящих от времени репрессии, задач следствия, квалификации и личной порядочности следователя, установок вышестоящих инстанций и других факторов.

Российские источниковеды И.Д.Ковальченко и А.П.Пронштейн показали необходимость сугубо критического восприятия содержания

любых документов, так как их авторы далеко не всегда могут адекватно понять свою эпоху, "нередко помыслы эпохи выдаются современниками за реальность, не говоря уже о том, что внутренний смысл событий и их объективное происхождение часто остаются скрытыми от них"[I]. В отношении документов, отразивших деятельность ЦКК ВКП(б) и ОГПУ-НКВД критический анализ должен быть возведен в кратные степени, ибо они являются, во-первых, историческими остатками функционировавшего карательно-репрессивного механизма тоталитарного государства; во-вторых, содержат информацию, добытую в большинстве случаев неправедными путями и в результате неправых воздействий психологического, а также физического характера; в-третьих, они не предназначались для ознакомления общественности ни при каких условиях.

Учитывая, что архивно-следственные дела ОГПУ-НКВД еще не стали предметом источниковедческого анализа, отметим ряд специфических черт этого типа источника. Архивно-следственное дело состоит из нескольких блоков документов, имеющих различную информационную ценность. Первый - "фактологический", включает в себя ордер на арест, протокол о задержании и изъятии во время обыска "вещдоков", оружия и проч. Интересна анкета, заполненная репрессированным гражданином и содержащая сведения о его местожительстве, профессии, роде занятий, социальном происхождении, положении до революции и после, партийности, категории воинского учета, службе в белых и других контрреволюционных армиях, участии в бандах и восстаниях, каким репрессиям подвергался, составе семьи, внешних приметах. Второй блок документов - сопроводительный, содержит справочные материалы, выписки из решения партячеек, сообщения

I. Коммунист.-1989.-№ 2.-С.87; Пронштейн А.П. Методика исторического исследования.-Ростов-на-Дону, 1976.-С.404.

секретных сотрудников об арестованном, различную делопроизводительную информацию и т.д. В этих документах наряду с фактической стороной дела излагается субъективная, политическая, оценочная информация. Наконец, третий блок документов - следственный, отражает процесс дознания со всеми характерными для 30-х гг. особенностями. Это протоколы допросов, собственноручные показания обвиняемых, их заявления, просьбы о помиловании, обвинительное заключение по делу, протокол заседания выездной сессии Верховного Суда или другой инстанции судебного или внесудебного характера, справка о мере наказания. Эти материалы представляют наиболее сложный в плане достоверности вид источников.

Архивно-следственные дела ОГПУ-НКВД и аналогичные им партийно-следственные дела ЦКК ВКП(б),как правило,содержат в качестве отправного момента сообщения или доносы информаторов - тайных или открытых помощников(секретных сотрудников) охранительных органов. Эти сообщения содержат, как правило, информацию об инакомыслии того или иного большевика. Автор излагает свою интерпретацию событий, разговоров, намерений, поступков, которые в реальной действительности могли выглядеть несколько иначе. Добровольные стражи режима зачастую стремились сгустить краски, подчеркнуть особую опасность выявленных с их помощью врагов и заслужить благодарность властей. В то же время бесспорно и то, что в ряде случаев в основе доносов находятся реальные факты. Это подтверждается соотнесением данных документов с более ранними или более поздними, с показаниями уцелевших жертв репрессий и т.д. В ходе расследования многие обвиняемые в очевидных интересах самосохранения отрицали наиболее серьезные обвинения, признавая лишь свои эмоциональные оценки, например, состояния экономики после сверхфорсированных преобразований. Анализируя сущность даже признаваемых высказываний, нельзя

не прийти к выводу, что они носят в ряде случаев систематический и осознанный характер и соотносятся с предшествующей деятельностью того или иного деятеля.

Анализ личных дел С.И.Сырцова, А.П.Смирнова, Н.Б.Эйсмонта, В.Н.Толмачева и др. свидетельствует, что материалы осведомителей Резникова, Никольского являются относительно достоверными источниками, хотя и требующими дополнительного специального рассмотрения.

Чрезвычайно сложным для историка является использование информации протоколов допросов. Преступные методы следствия находят выражение в материалах дел в виде различных намеков - угроз, странных перерывах в допросах, после которых наблюдался резкий переход от запирательства к полному признанию вины. Имеются воспоминания уцелевших жертв репрессий о преступных методах дознания, а также тексты телеграмм Сталина о необходимости физического воздействия. Кроме того, сами следователи НКВД, будучи арестованными во время т.н. "бериевской оттепели", развернуто охарактеризовали свою деятельность по фабрикации дел несуществовавших в природе антисоветских организаций и их руководителей. Помимо этого фактора есть и другие моменты, позволяющие отделять лживую информацию от подлинной. Участники антисталинского сопротивления или просто инакомыслящие стремились отмести абсолютно неприемлемые для них обвинения в терроризме, саботаже, вредительстве и при этом подробно раскрывали свои реальные сомнения общеполитического плана, представления о наиболее оптимальном варианте развития страны, свои идеалы и т.д. Как правило, такие признания содержат большое количество подробностей, совершенно не обязательных для следствия и поэтому привлекающих внимание историка. При сопоставлении показаний арестованных с информацией свидетелей, а также с воспоминаниями уцелевших

жертв репрессий, их реабилитационными делами можно с определенной уверенностью выделить в показаниях правдоподобные фрагменты.

Следственные дела содержат в себе зачастую документы, связанные с реабилитацией, проведенной либо в конце 50-х - начале 60-х гг., либо в конце 80-х гг. В информационном отношении наиболее насыщены реабилитационные материалы 60-х гг., так как органы безопасности и прокуратуры выполняли требование ЦК КПСС выполнить, произвести дифференциацию репрессированных на "невинных" и заслуживающих наказания за реальные преступления против Советской власти. Ко второй категории были отнесены не только военные преступники, бендеровцы, власовцы, предатели всех мастей, но и часть политзаключенных, выступавших против сталинизма или связанных с громкими политическими судебными процессами, вошедшими в историю. Полная реабилитация таких политзаключенных затрагивала интересы партийно-государственной бюрократии и господствующей системы идеологических и исторических установок. В силу этих причин производилось тщательное разбирательство, требовавшее большого количества справок, документов, заявлений, резолюций. Вся эта бюрократическая круговерть для современного исследователя бесспорно благоприятна, так как в его распоряжение поступают уникальные материалы: дополнительные показания очевидцев, развернутые заявления жертв репрессий, справки из архивов о наличии в фондах документов по данным лицам и т.д. Среди реабилитационных документов встречаются подлинные мемуары, значительно расширяющие представления о той трагической эпохе.

Существенным корпусом источников по теме диссертации являются широкий комплекс опубликованных работ. Среди них первостепенное значение принадлежит трудам В.И.Ленина, в которых обоснована концепция партии "нового типа", состоящей из ядра профессиональных революционеров и рядовых партийцев. Рассматривая произведения вождя

большевизма и его ближайших соратников, можно проследить образование интеллектуальной и политической элиты этой партии, получившей определение "старой партийной гвардии". Работа В.И.Ленина "Детская болезнь "левизны" в коммунизме", другие речи и статьи послеоктябрьского периода раскрывают характер внутрипартийных процессов, в том числе среди партийных "верхов", противоречивое отношение к ним лидера партии и государства. Диалектическое сопоставление ленинских положений о внутрипартийной демократии и единстве, о праве меньшинства на "уклон мысли", об обязательном подчинении большинству, о возможности объединений единомышленников по платформам, о партийной дисциплине, о значении "тонкого слоя" старых партийцев - элитных большевиков, о роли широких партийных масс - показывает неоднозначность сложившейся концепции.

Процесс трансформации партии ,утверждения авторитарно-бюрократической тенденции в ущерб демократической отражен в работах руководящих деятелей РКП/б/ И.В.Сталина, В.М.Молотова, Л.М.Кагановича, Е.М.Ярославского, К.Е.Ворошилова, П.П.Постышева, Г.К.Орджоникидзе, Л.З.Мехлиса и др.

С этими работами контрастируют произведения деятелей партии, пытавшихся в рамках коммунистической парадигмы отстоять творческий марксизм, демократическую тенденцию в большевизме. Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский, Л.Д.Троцкий, Х.Г.Раковский, А.П.Смирнов и др. отстаивали эти подходы непоследовательно, противоречиво, отдавая дань военно-коммунистическим традициям, дискутируя между собой по абстрактно-догматическим проблемам, допуская крупные тактические и организационные просчеты.

Особо следует выделить брошюры и статьи деятелей партии, попытавшихся в 30-х гг. выступить против сталинизма. Изучение творчества

С.И.Сырцова, М.Н.Рютина, А.П.Смирнова, В.В.Ломинадзе, Н.Б.Эйсмонта и др. позволяет понять, что привело их в лагерь антисталинской оппозиции. Принципиально важны не только в источниковом, но и в методологическом плане неопубликованные работы М.Н.Рютина, прежде всего знаменитая платформа "Сталин и кризис пролетарской диктатуры". Особо следует отметить изданные за границей работы "позднего" Л.Д.Троцкого, в том числе малоизученный труд "Преданная революция", содержащий программу свержения антисоциалистического режима Сталина, планы строительства подлинного социализма и варианты-прогнозы на будущее, один из которых полностью оправдался в настоящее время. Обширнейший материал по теме исследования содержится в партийной и научной периодике. Передовые редакционные статьи, теоретические "подвалы", корреспонденции из местных парторганизаций, библиографические обзоры и рецензии на литературу, помещавшиеся на страницах ведущих газет и журналов стали важным источником для показа процесса развертывания идеологических кампаний по борьбе с инакомыслием и "оппортунизмом", "вредительством интеллигенции", утверждению культа личности генсека ВКП(б) - Сталина. Комплекты журналов "Большевик", "Известия ЦК ВКП(б)", "Партийное строительство", "Под знаменем марксизма", "Вестник коммунистической Академии", "Пролетарская революция" помогли понять сущность разногласий в среде партийной элиты и в целом в партии.

§ 2. Освещение вопросов эволюции и борьбы лидеров большевизма в советской и зарубежной исторической литературе 20-80-х гг.

Постановка вопроса об элитарности большевистского руководства, обособляющегося от народных масс, принадлежала изначально критикам большевизма из среды социал-демократии. К.Каутский, Г.В. Плеханов, О.Ю.Мартов, Р.Люксембург и другие крупнейшие теоретики леводемократического лагеря четко зафиксировали и попытались проанализировать сущность этого явления.

Роза Люксембург испытывала сомнения в отношении Октябрьской революции с середины 1918 г. Её давние разногласия с В.И.Лениным по вопросу о централизме в социал-демократии переросли после известий о характере преобразований России в новую критику большевизма в отношении прежде всего гигантской концентрации власти в руках одной партии и ее вождей. Она горько констатировала, что в России "правят несколько десятков партийных руководителей, обладающих неисчерпаемой энергией и безграничным опытом. Среди них в действительности руководит лишь десяток выдающихся умов... Так возникает клика, диктатура, но диктатура не пролетариата, а диктатура кучки политиков, то есть диктатура в буржуазном смысле правления якобинцев"[1]. Р.Люксембург считала, что поражение большевиков в честной борьбе без террора в самой неблагоприятной внутренней политической обстановке предпочтительней морального краха социал-демократии.

Известные теоретики марксизма К.Каутский, А.Аксельрод также постоянно подчеркивали, что в результате победы партии Ленина была создана автократия с милитаристским бюрократическим аппа-

---

1. Люксембург Р. Рукописи русской революции //Новое время.-1990.- № 7. - С.40-41.

ратом, который закономерно прибегнул к террору и насилию в отсталой, мелкобуржуазной стране, не имевшей объективных условий для социалистических реформ[1]. Поскольку социализма без демократии не построить, то диктатура приведет к противоположному результату. Карл Каутский ждал поражения большевизма всю свою жизнь и хотя потенциал Октября оказался большим, чем он думал, в целом он, как показала история, оказался прав.

Посетивший Россию в 1920 г. лорд Б.Рассел попытался осмыслить практику большевизма. По его мнению, цена преобразований слишком велика, что неизбежно исказит цели большевиков и их самих. Большевизм можно понять, так как суровый режим необходим для индустриализации отсталой страны, "но в качестве коммунистического эксперимента он потерпел неудачу"[2]. Б.Рассел один из первых выявил составные группы правящей большевистской бюрократии: 1.старая партийная гвардия, ведущая аскетический образ жизни и отдающая все силы делу; 2.рвущиеся к власти карьеристы и проходимцы, движимые материальным интересом; 3. беспартийные специалисты, работающие из патриотических побуждений. Он даже провидчески отметил как реальную перспективу бюрократическое перерождение старой партийной гвардии[3].

Сформулированная зарубежными аналитиками проблема большевистской правящей элиты не стала предметом исследования в советской общественно-политической литературе 20-30-х гг. Само понятие "правящей элиты", "бюрократии" было чуждо знаковой системе господствующей идеологии. В обширной литературе исторического характера эта проблема нашла косвеное отражение в виде пропаганды образов вождей, их биографий, особой роли в революции и т.д.

1. Каутский К. Большевизм в тупике. Берлин, 1930.
2. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. С.97.
3. Там же. - С.45-46.

Вяч.Полонский так оценивал выдающихся большевиков-интеллигентов типа А.И.Луначарского, Г.М.Кржижановского, Н.А.Семашко, Н.К.Крупской: "Революция оказалась превосходно снабженной интеллигентными силами. Революция ... имела старые кадры своей интеллигенции, высококвалифицированной. Превосходные теоретики, исключительные организаторы, писатели с великолепным стилем, глубиной знаний и остротой мысли, которым могли бы позавидовать прославленные бойцы буржуазии, выдающиеся ораторы - они были тем "головным" отрядом , "главным штабом", с помощью которого Октябрьская революция пришла к победе"[1].

В этой оценке есть элемент самолюбования, но в общем она правомерна.

Другим аспектом постановки проблемы явилась литература, посвященная внутрипартийной борьбе в 20-х гг. Многочисленные газетные, журнальные публикации, брошюры и даже монографии, направленные на дискредитацию отдельных вождей большевизма, потерпевших поражение в борьбе со Сталиным и его окружением, отразили особое место этих лидеров в советском истеблишменте. Разоблачая Л.Д. Троцкого, Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева, Г.Л.Пятакова, Е.А. Преображенского, Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова, М.П.Томского, С.И.Сырцова и других деятелей и противопоставляя им "правоверных ленинцев" - И.В.Сталина, К.Е.Ворошилова, В.М.Молотова, Л.М.Кагановича, Г.К. Орджоникидзе, В.В.Куйбышева, партийные пропагандисты и идеологи персонифицировали тем самым внутрипартийные отношения и саму власть. Например, А.Абрамов и К.Александров так писали о совершенствовании советской системы: "Снятие т.Рыкова с поста председателя Совнаркома СССР и возглавление Совнаркома т.Молотовым, сня-

---

1 Полонский Вяч. На литературные темы.- М., 1968. - С.117.

тие Сырцова с поста Председателя Совнаркома РСФСР, после того как был вскрыт "право-левацкий"блок,и возглавление Совнаркома т.Сулимовым позволило круто повернуть руль перестройки советов сверху донизу"[I]. Ем.Ярославский в своих многочисленных сочинениях на тему о внутрипартийной борьбе постоянно проводил мысль о первостепенной значимости правильности политического руководства со стороны лидеров партии, организующих деятельность партийных масс,направляющих их на решающий участок борьбы и т.п. Соответственно обращалось внимание на необходимость искоренения оппортунизма и оппортунистического типа деятелей партии, без конца впадающих из одних уклонов в другие и являющихся перманентными участниками оппозиций. Вплоть до середины 30-х гг. воспитание молодых партийных кадров строилось на истории борьбы личностей лидеров тех или иных течений и "ленинского"ядра во главе со Сталиным и его сподвижниками.

Проблематика литературы определялась задачами,сформулированными в постановлениях ЦК ВКП(б),в которых делалась попытка в духе ленинских традиций свести личностные разногласия к социально-классовым противоречиям,однако делалось это прямолинейно и догматично,без учета многих реальных факторов. Противники И.В.Сталина объявлялись носителями мелкобуржуазных взглядов,"кулацкой агентурой",меньшевиками в новом обличье и т.д. В то же время в ряде работ имеются ценные наблюдения о содержании внутрипартийных отношений,состоянии так называемой партийной "верхушки",кадровой политике руководства. К их числу относятся восприятие истории в черно-белом спектре и выявление в ней "героев" и "злодеев",освещение событий в зависимости от исповедуемой идеологии и поли-

---

I. Абрамов Арк.,Александров К. Партия и реконструктивный период.- М.,1934.- С.IO3.

тической конъюнктуры и др.

Очернение истории в отечественной исторической науке началось в начале 30-х гг. после опубликования письма Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция".

Несмотря на то, что историческая наука беспрекословно выполняла социальный заказ руководства партии, в ней по указаниям И.В.Сталина и Л.М.Кагановича была развернута борьба по преодолению "троцкистских фальсификаций" и "гнилого либерализма" в освещении внутрипартийной борьбы. Результатом этой проработочной кампании, имевшей тяжелые последствия для судеб ряда историков, стала тенденция авторов подменять изложение исторических фактов цитированием работ Сталина, переносить оценки, сделанные на заключительных этапах борьбы, "на начальные этапы внутрипартийных разногласий"[1]. М.Н.Покровский решительно возражал против превращения историко-партийной науки в "партийную публицистику"[2], однако эта тенденция быстро превращалась в доминирующее направление деятельности историков.

В учебных пособиях по истории ВКП(б) под редакцией Ем.Ярославского, В.Кнорина, Н.Попова, А.С.Бубнова, работах М.Гайсинского, А.Абрамова и других была сформулирована концепция освещения политической борьбы. Она констатировала, что оппортунистические течения в партии сложились на объективной основе давления мелкобуржуазной стихии на ВКП(б), субъективно же они были подготовлены всей предшествующей историей оппозиций и уклонов, которые обусловили превращение представителей старой партийной гвардии в "агентуру кулачества в партии". Выявление якобы неразрывной связи

---

1 Передовая // Пролетарская революция.-1936.- № 7. - С.6-7.
2 См.: Историк-марксист.-1931.-№ 12. - С.5.

платформ оппозиционных лидеров с идеологией антисоветских групп и течений и вредительством окончательно утвердило в качестве аксиомы ложный тезис о капитулянтской и реставраторской роли инакомыслящих большевиков в классовой борьбе. Если в конце 20-х гг. были размыты границы между инакомыслием и оппортунизмом, то в середине 30-х гг. был сделан следующий шаг - инакомыслие ("оппортунизм") отождествлялось с контрреволюционностью.

После убийства С.М.Кирова и последовавших за этим судебных процессов началась публикация статей, в которых доказывалась неизбежность перехода бухаринцев на контрреволюционные позиции. П.Поспелов, Б.Пономарев, Н.Рубинштейн, М.Москалев, В.Сорин, Ем. Ярославский пропагандировали "обновленный" подход к освещению борьбы в верхах партии, представляющий бухаринцев и троцкистов врагами народа и партии, начиная с 1917 г. После подготовки общественного мнения 2-13 марта 1938 г. состоялся фальсифицированный судебный процесс над "антисоветским право-троцкистским блоком", который якобы осуществлял шпионскую деятельность, организовывал кулацкие восстания, железнодорожные крушения, убийства Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького, покушения на Ленина, Свердлова, а также Сталина и Ежёва. Этот спектакль стал заключительным аккордом завершенной внутрипартийной борьбы.

С этого времени искажения политических биографий идейно-политических противников Сталина - Л.Д.Троцкого, Г.Е.Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.И.Бухарина приняли систематический и злонамеренный характер.

Заслуги этих деятелей просто вычеркивались из истории, и авторы вспоминали исключительно об их просчетах, рисовавшихся как преступления. Такое очернение выдающихся, хотя и неоднозначных личностей, отвечало главной цели - созданию в общественном

сознании образов "великих" революционеров - Сталина и его окружения. Публикации по истории ВКП(б) превратились в сказания о борьбе верных учеников Ленина - сталинцев, с черными негодяями, оппортунистами всех мастей - троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами, сырцовцами, рютинцами и т.д. Но и этого было мало. Упоминание в учебниках множества фамилий могло навести читателей на мысль о том, что в истории были не одни сталинцы, было достаточно много других известных революционеров. Режим личной власти Сталина, опиравшийся на культ личности этого человека, не нуждался даже в отрицательном напоминании о тех, кто навсегда исчез из жизни по воле диктатора. Образцом мертвого схематизма в изложении истории стал учебник - "История ВКП(б). Краткий курс". Данный труд группы сталинских идеологов лично редактировался Сталиным и выполнил фактически функции постановления ЦК ВКП(б) на тему "какой должна быть история". Система культа требовала максимального ограничения допущенных в историю лиц. Согласно правилам математики число, выраженное дробью, тем больше, чем меньше знаменатель, и история одной личности тем значительней, чем меньше сопричастных, соавторов. В строгом соответствии со сталинскими догмами значительная часть биографий деятелей была исключена из послеоктябрьской истории.

Пороки, недостатки и немногие достижения исторической литературы 20-30-х гг., описывавшей происходившую в этот период политическую борьбу в верхах партии, в той или иной степени получили освещение в историографических работах В.А.Смышляева, В.П.Погудина, Н.Н.Маслова, А.Ф.Поташева, А.И.Зевелева, в том

числе и автора данной диссертации.[1] Все эти работы без исключения несут на себе апологетическую печать политико-историографической парадигмы, сложившейся в советском обществе. Воспитанные в марксистско-ленинском духе и допущенные к ограниченному кругу источников, историографы доказывали научность и историзм идеологизированной литературы, отразившей ход внутрипартийной борьбы. Сомнения и поиски истины не шли дальше критики культа Сталина и попыток личной реабилитации лидеров оппозиции. Труды западных историков и советских диссидентов были практически неизвестны широким кругам общественности. Все это обусловило примитивно-однобокий характер анализа историографии довоенного периода. Тем не менее ряд публикаций "застойных" лет несут в себе позитивные рациональные элементы, прежде всего, фактографического и библиографического порядка. Отбросив устаревшие оценочные суждения, любой исследователь без труда выделит конкретную информацию об основных направлениях развития этой литературы, составе авторов, точках зрения, влиянии господствующей партии на историографию и т.д.

К числу достижений историографии можно отнести выявление таких черт общественно-политической литературы 20-х гг. как:

I Борьба Коммунистической партии против непролетарских групп и течений (послеоктябрьский период): Историографические очерки.- Л.:ЛГУ, I982; Белоусова Г.А., Н.Н.Маслов. Массам - об истории ленинской партии. (К 80-летию выхода в свет первых большевистских учебников по истории партии).- М.:Знание, I986; Поташев А.Ф., В.И.Ленин и Л.Д.Троцкий: Уроки идейной борьбы внутри правящей партии (Историография вопроса).- Ростов н/Д, I992; Кислицын С.А. Освещение борьбы ВКП(б) против правого уклона в общественно-политической литературе 20-х - первой половине 30-х гг. // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки.- I983.- № 4.- С.53-63; Он же. Освещение в общественно-политической литературе борьбы ВКП(б) с так называемым "правым уклоном": Проблемы теории и историографии // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки.- I989.- № 2.-С.I0-2I и др.

I. заостренная публицистичность; 2.попытки научного анализа социально-классовых корней политических течений в партии; 3. выявление субъективного фактора внутрипартийной борьбы; 4.элементы типизации большевистских деятелей.

Это подтверждается, например, воспоминаниями помощника заведующего агитпропом ЦК ВКП(б), ставшим в 70-х невозвращенцем, А.Кольмана. Он писал в своих мемуарах, что партийные деятели и журналисты, как сторонники ЦК, так и оппозиционеры, были вполне искренни, по совести убеждены, что в верхах идет борьба чисто идейная, не подозревая о скрытой межличностной схватке за власть "двух закоренелых, неистовых бонапартистов, как Сталин-Джугашвили и Троцкий-Бронштейн. Многочисленные авторы брошюр, статей не подозревали, что стали инструментом Сталина и нагнетали атмосферу нетерпимости, изображая внутрипартийные разногласия как имеющие антинародное значение противоречия"[I].

Однако одна черта литературы 20-х гг. до сих пор не была охарактеризована в полной мере - связь ее с зарубежной эмигрантской литературой. Эта связь состояла естественно не в благотворном сотрудничестве, а во взаимном отталкивании друг от друга, в слепом опровержении аргументов противной стороны, в личностных оскорблениях, наклеивании ярлыков, шаржировании, окарикатуривании позиций. Идеологи ВКП(б) были в курсе всех направлений эмигрантской литературы и оперативно реагировали на новейшие веяния. Реагирование заключалось в прямом ответе в разоблачительной статье, либо, что было больше использовании цитат эмигрантских авторов для внутрипартийного пользования, либо, что было чаще всего, писали свои труды как антитезу эмигрантам, не называя последних.

I Кольман А. Мы не должны были так жить.- Нью-Йорк, 1982.- С.

Издания русских эмигрантов практически всех направлений выписывались в большом количестве ЦК ВКП(б), ОГПУ, ИКП и другими организациями. И.В.Сталин и другие вожди большевизма активно использовали,демонстрировали в своих речах знание концепций эмигрантской литературы. В отдельных случаях, когда требовалось показать всю "глубину падения" оппозиций, они цитировали меньшевиков или эсеров, выражавших поддержку инакомыслящим большевикам.

Такое внимание было далеко не случайным. Анализ содержания работ крупнейших политологов позволял Сталину своевременно пресекать нежелательные для него тенденции развития в партии, инакомыслие большевистской фрондирующей элиты. Именно верхушка советского государства и правящей партии была предметом особых забот эмиграции, объективно оторванной от страны и народа и вынужденной довольствоваться поступающей информацией официального характера, прессой и сообщениями бывших меньшевиков, работавших в качестве специалистов вплоть до 30-х гг. в хозяйственных органах.

В плане данного исследования наибольший интерес представляет меньшевистская и либерально-кадетская историография. Издания правых монархических и черносотенных организаций относились к большевизму резко негативно, видя в нем конец,если не конец света, то России, уничтожившим всё светлое,чистое и христолюбивое. Относительно белогвардейско-монархической литературы удачно высказался Ф.Дан, писавший, что литераторы этой ориентации в своих писаниях ищут не истину и справедливость, а свои классовые интересы. "Не с кровавыми методами управления борется монархическая реакция, покрывшая в свое время страну лесом столыпинских виселиц, избороздившая ее карательными экспедициями, залившая кровью тысяч жертв, павших под ножами погромщиков, запятнавшая себя

всеми жестокостями и зверствами мировой войны и всем этим подготовившая то огрубление и дичание нравов, которое облегчило большевикам их террористическую политику. Не во имя гуманности выступает белогвардейщина, в эпоху гражданской войны позорившая себя везде, где власть хоть временно попадала в ее руки, злодеяниями, заставляющими кровь леденеть в жилах, погромами, перед которыми бледнеет Кишинев, порками, расстрелами, утонченной садистской жестокостью..."[1] Ф.Дан категорично утверждал, что не видеть этого могут только политически слепые или неизлечимо наивные люди!

В отличие от ярких ненавистников советов, либеральная эмиграция сменовеховского характера, воспринимала происходящее в России как "непосредственный и многообразный эксперимент" вне моральных норм. Политический режим в России определяется двумя принципами: I. чистое принуждение, проявление деспотизма, практика насилия в обнаженном виде и 2. единение стоящей у власти коммунистической партии и авторитета ее вождей, что является продолжением конспиративной тактики большевиков в эпоху нелегального существования. В результате в России правит именно "могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности", то есть организация неправового характера. Партийное товарищество членов элиты, а не право является основой политической системы - писали в 1925 году пражские профессора-эмигранты, тонко подметив особенности системы. Авторы справедливо отметили, что принудительная диктатура на данном этапе резка и строга для одних, "совмещается с авторитетным водительством для других" и с "самодисциплиной, необходимой для третьих".

1. Социалистический вестник.-1923.-№20.-С.3.

И хотя большевистская элита вынуждена допустить принцип закономерности и права, публичный интерес,но она его ограничила рамками "революционности" и "целесообразности". То есть право изначально рассматривалось большевиками не как самоценность демократии,а как некое средство достижения революционных целей - подчеркивали юристы-эмигранты. Такой правопорядок позволяет большевистской элите пресекать политическую борьбу в обществе. Что касается самой партии,то ее члены, подчеркивали авторы,обладают правом на"участие во власти",то есть право на критику,оппозицию в определенных пределах,чтобы не разрушать систему. Эти пределы определились требованиями следования партийным директивам в служебных делах,воздержания от группировок,приемом поручений и назначенства от верхов в частном порядке и в мобилизационном.

Господствующую партийную верхушку они охарактеризовали как возвысившееся привилегированное сословие,отличавшееся от известных дореволюционному праву тем, что оно пополняется не по принципу наследственности,а по системе кооптации[1].

Значительно больший интерес представляют оценки буржуазной интеллигенции из либерально-кадетского лагеря,славянофилов,евразийцев,православных теологов. Спектр оценок здесь достаточно широк,однако можно выделить в качестве показательных взгляды Н.Бердяева,А.П.Федосеева,Г.Федотова,В.Вернадского, А.Кизиветтера.Среди либеральной интеллигенции было широко распространено мнение о том, что большевизм имеет прямую преемственную связь с якобинством времен великой французской революции . В отли-

---

1. Право Советской России: Сб.статей.Вып.I.Прага ,1925.

чие от самих большевиков, также признавших эту преемственность и гордившихся ею, эмигранты вкладывали в это резко негативное отношение. А.А.Гальденвейзер в книге "Якобинцы и большевики (психологические параллели)" (Берлин 1922) писал, что якобинец был эмпирическим предтечей большевизма, а большевик является теоретическим углубителем якобинства. Для них характерны такие общие черты, как умственная неподготовленность, доктринерство, самонадеянность и наивность. Соответственно и политические противоречия в лагере большевизма рассматривались по образцу борьбы Мирабо-Дантона-Робеспьера, сменявших друг друга у власти и на плахе.

Ф.А.Щербина в брошюре "Законы эволюции и русский большевизм" (Белград, 1921) определил внутрипартийную борьбу как борьбу партийных аристократов и плебеев - верхов и низов. Он развил широко распространенную концепцию в западной литературе о существовании в России "социалистического царизма" или коллективной монархии, где новоявленным монархом является определенная группа лиц, правящих как Россией, так и партией. Эта верхушка превратила советскую Россию в самодержавно-бюрократическое государство с буржуазно-капиталистическими тенденциями в экономике. По его мнению, большевики позаимствовали из прошлого России охранительные методы, совершенно чуждые идеалистическому духу марксизма. Отсутствие реальных основ в утопической марксистской догме и антитеза в процессах мышления значительно изменят большевизм как "фантастически несостоятельную систему социального опыта". Рано или поздно Россия вернется к демократическому федеративному строю на основе идеалов февральской революции, отвергнув утопизм теорий большевистских лидеров - считал автор.

Несколько иначе оценил роль большевистской интеллигенции и

большевизма в целом выдающийся философ Г.П.Федотов. Он отрицал существование интеллигенции в большевизме и считал, что большевизм есть преодоление интеллигенции на путях революции. Большевики - профессионалы революции, которые всегда смотрели на нее как "дело", подобно бизнесмену, вне "всякого морального отношения к нему, все подчиняя успеху. Их почвой была созданная Лениным железная партия, которая поглощала человека без остатка, превращала его в гайку, винт. "Вся страстная, за столетие накопившаяся ненависть, была сконденсирована в один ударный механизм, бьющий часто слепо - вождь одноглазый, но с нечеловеческой силой" - подчеркивал Федотов. После свершения революции в сознании народа утвердилась пустота, противостояние русской интеллигенции и народа закончилось.[I]

Не смотря на все различия точек зрения внутри либерального направления историографии, можно выделить общие позиции.

I. Отрицание революционных преобразований как утопических.

2. Утверждение, что большевизм продолжает традиции самодержавия в их худшем виде.

3. Анализ процесса внутрипартийной борьбы как схватки групповых и личностных интересов в рамках господствующего сословия.

Другим крупным направлением эмигрантской общественно-политической мысли была социалистическая историография, включавшая в себя работы эсеров и меньшевиков различных ориентаций.

Для эсеровской историографии правого толка свойственен несколько более сдержанный подход, попытка дифференцированного анализа элиты, но у них доминировало абсолютное неверие в возможность

I Федотов Г.П. Лицо России: Статьи 1918-1930.- Париж.: Имка-пресс, 1988.- С.117.

функционирования российской государственности в рамках советского строя и мирной эволюции деспотического режима в рамках системы советов. О феномене большевистской элиты и взаимоотношениях лидеров Марк Вишняк и другие эсеровские идеологи писали как о пауках в банке, пожирающих друг друга.

Большинство меньшевиков-эмигрантов принадлежало к лагерю мартовцев - левых социал-демократов, близких по ряду вопросов к Советской власти. Позиция Мартова была изложена в так называемых апрельских тезисах 1920 г. - Тезисы ЦК "Мировая социальная революция и задачи социал-демократии", которые стали фактически платформой партии. В них признавалось, что в России свершилась именно социальная революция и шла речь о необходимости коррекции политической линии правительства, демократизации политического режима с помощью меньшевиков. После эмиграции Мартов в статьях в "Социалистическом вестнике" разоблачал деспотизм большевиков, но защищал Советскую власть как народную. В 1924 г. мартовцы сформулировали новую платформу, в которой давались следующие достаточно объективные оценки советской действительности:

1. Основа советской власти - новый правящий слой, "привилегированная каста", все более вступающая в противоречие с интересами рабочих и крестьян. 2. Рабочий класс дезорганизован, он под влиянием большевистской пропаганды идейно деградировал, морально подавлен, политически пассивен. 3. Крестьянство оказывает сопротивление на базе собственных интересов, но политически обнаружило мало способности к оформлению своих стремлений. 4. Элементов прогресса в советской интеллигенции нет, сохраняются настроения революционно-якобинского характера у одних, упадка у других.

Главные надежды мартовцы связывали с борьбой рабочего класса,

сохранившего революционные потенции. С этими выводами как с иллюзорными были решительно не согласны правые меньшевики А.Н.Потресов, П.Гарви и др. Они решительно выступали против сотрудничества с Советской властью в любой форме и за решительную борьбу с большевизмом. "Меньшевики-активисты" выступали за революционное свержение большевизма,так как данный политический режим неспособен эволюционировать в направлении демократии. Следует отметить,что деление меньшевиков-эмигрантов на различные течения носило более сложный характер,в принципе каждый эмигрант являл самостоятельный оттенок,а то и направление мысли. Например, П.Гарви все-таки признавал Октябрь за революцию,а Потресов видел в нем реакцию и т.д.

Ст.Иванович выявляет следующие основные пути и перспективы направления трансформации большевистской элиты: I.обуржуазивание, термидорианское перерождение,"пожирание нэпом гвардии"; 2. идейное и психологическое вырождение,усталость,разочарование; 3.взаимная политическая и морально-идеологическая дисквалификация в ходе яростной внутрипартийной борьбы и замещение ответственных должностей "партийного и советского механизма угодливыми новыми людьми, усвоившими науку молчания и подхалимства в высокой степени"[I].

Конечный вывод Ивановича пессимистичен:"Старая гвардия" не может иметь смены,"красной","революционной смены". Коммунизм может один раз родиться и один раз умереть,но дважды родиться ему не дано. Нужно обладать вопиющей безграмотностью, чтобы предполагать,что тип революционера,созданный дореволюционным подпольем, может быть вторично сотворен в рамках нэповской государст-

---

I. Иванович.СТ.ВКП.IО лет коммунистической монополии и ее последствия.-Париж,1928.-С.195.

венности... Вообще никакое правительство не в состоянии производить революционеров, разве только революционеров против самого этого правительства . ... Смены не будет. Такие дважды не рождаются. А если будет, то такая: стоял человек с ружьем - сядет человек с портфелем"[1]. Эта пространная оценка-прогноз оказалась не вполне точной исторически, но весьма содержательной в плане долгосрочной перспективы.

Но в целом все меньшевики были убеждены в том, что превращение партийцев в начальников-секретарей и подчиненных, а самой РКП в партию "приказов-резолюций-директив" означает не крах идеи овладения рабочим классом властью, а отравление власти методами террористической диктатуры. П.Гарви писал по этому поводу в "Социалистическом вестнике": осуществление государственной власти в рамках и методами демократии может только усилить демократизм внутри ставшей у власти действительно пролетарской партии. Наоборот, "террористическая диктатура, практикуемая даже пролетарской по своему составу и идеологии партией, неизбежно ведет к упрочению в ней самой диктаторских методов принуждения, подавления, самодеятельности и террора"[2].

Меньшевики уверяли, что внутрипартийный демократизм обречен и возникает "социалбонапартистская олигархия". Но они постоянно делали ошибку, считая, что развитие нэпа приведет на путь буржуазного развития. Исходя из этого, они оценивали внутрипартийную борьбу как отразившую противоречия внутри партии, осложненные личностной борьбой лидеров. Троцкистскую оппозицию меньшевики оценивали как отражение кризиса всей системы коммунистической диктатуры.

1 Иванович. Ст. ВКП. 10 лет коммунистической монополии и ее последствия.-Париж, 1928.-С.200-201.

2 Социалистический вестник.-1923.-№.23-24.-С.3.

По их мнению, Троцкий и его сторонники обрекают себя на заведомое поражение, так как они сами не знают четко, чего хотят и не имеют положительной программы. Они связаны незыблемыми догмами традиционно большевистских идей. Критикуя аппарат, они не предлагали реформ, затрагивающих общество. В этих условиях Р.Абрамович и другие теоретики меньшевизма уверенно предсказали поражение коммунистической оппозиции. Меньшевики тонко подметили, что Сталин сам своей политикой способствует развитию такого явления как "двурушничество". Он душил всякую независимую мысль, монополизировал политическое мышление, добивался покорности под угрозой политической смерти и тем самым принудил оппозиционно настроенных политиков к "двойному бытию"[1].

По мнению меньшевиков, никакие новые рютины не смогут изменить радикально политическую систему. Даже если им удастся сместить Сталина, то его сменит другой, "из огня одной диктатуры страна попадет в полымя другой". Меньшевики считали, что за Сырцовым стоит большинство партаппарата и госаппарата. Но это большинство не является идейным противником сталинизма, а конъюнктурными двурушниками, готовыми в любой момент обмануть. Вся внутрипартийная борьба знаменует по их мнению раскол диктатуры, господствующей группировки, что знаменует возможный крах режима.

"Социалистический вестник" в своей передовой "Последняя повестка"[2] утверждал, что победа Сталина над своими внутрипартийными антагонистами и поражение коммунистической оппозиции радикально изменили ситуацию, так как произошел радикальный разрыв Сталиным надежд на демократизацию общества. Социал-демократам придется

---

1 Социалистический вестник.- 1930.- № 20. - С.6.
2 Цит. по: Записки социал-демократа.-1930.-№ 3. - С.2.

говорить теперь об окончательном исчезновении шансов на перерождение диктатуры и о "совершенном и окончательном торжестве контрреволюционного царизма". Правые меньшевики приняли в штыки такую оценку окончания внутрипартийной борьбы. А.Н.Потресов категорически не согласился с мнением, что среди большевиков были люди, способные демократизировать режим. В России есть силы, имеющие за спиной оппозиционеров, которые начинают прозревать. Накопляется электричество стихийного недовольства, кризис приближается и безысходности нет места.

А.Н.Потресов считал, что процесс над Союзным бюро РСДРП 1931г. показывает образец сталинской расправы над коммунистическими инакомыслящими. Из них наберется подходящая группа настоящих или поддельных оппозиционеров для демонстрирования добровольного самосечения, самолично себя изобличающих в интервенционализме и вредительстве. Главное состоит в том, что "каков бы не был дальнейший вариант в расправе диктатуры со своими внутрипартийными супостатами, он ни в каком случае не изменит создавшегося положения, которое не может быть иначе характеризоваться как ведущаяся диктатурой беспощадная война со всем внутрипартийным инакомыслием"[1].

Идет процедура удаления Сталиным всех конкурентов и поющих недостаточно с ним в унисон. Это уже было и не ново. Ново по мнению Потресова то, что "чистка стала особым внутрипартийным фронтом борьбы, поднимаясь до самого верха иерархии, спускаясь до партийных низов, залезая во все партийные закоулки, распространяясь по советской бюрократической линии и не щадя партийных уклонистов...". Не было потому, что партия никогда не переживала такого разъедающего сомнения в генеральной линии партии, что поставило

1 Цит.по: Записки социал-демократа.-1930.- № 3. - С.2. См.также: Потресов А.Н. В плену у иллюзий. Мой спор с официальным меньшевизмом.-Париж, 1927.

на карту бытие диктатуры.

Потресов увидел самый большой порок инакомыслящих в ВКП(б) в том, что "ни правые, ни левые, ни кружки, ни мелкокалиберные уклонисты, несмотря на все разногласия, не имеют оттенка, который включал бы в тенденции политический плюрализм, то есть посягал бы на принцип диктатуры пролетариата. "Если к этим уклонам не подходить со специфической меркой коммунистического ГПУ, а взглянуть на них глазами любого человека, не потерявшего здравый смысл, то нельзя не ужаснуться скромности содержания этих уклонов". Это не спор идей, а стычка отдельных честолюбий в рамках коммунистической иерархии за тот или другой нюанс в направлении работы. Поэтому коммунистическая масса - "толпа" равнодушна к своим былым героям. Потресов считал, что комуклоны и комофициоз - детища одной системы, одной привилегированной касты - партийной иерархии и это дает предел вольнодумству уклонов, это обессиливает их в скромных попытках заговорить своим голосом, составить сколько-нибудь действительную оппозицию. "Кружковая натура партийной иерархии, ответственности, инстинкт коллективного самосохранения давит на их сознание и подрезает крылья для самостоятельных полетов". Потресов заключает - уничтожение диктатуры не уничтожит системы, никакая коммунистическая оппозиция не поставит систему под угрозу[1].

Надо заметить, что хотя автор допустил ряд неточностей, вполне простительных для эмигранта, судящего о событиям по газетам, тем не менее он был близок к познанию сущности антисталинского сопротивления в начале 30-х гг.

Близко к меньшевистской концепции приближается анархистская система взглядов и оценок политической борьбы в СССР. По их мнению, оппозиция-это не пролетарское течение, не нытье интеллиген-

тов, не вопль отчаявшихся, не заговор дураков, а законное детище объективных условий развития страны. Большевистская партия могла быть единой, железной, твердокаменной, пока вынашивала свои планы в "мансардах эмиграции". Когда же идеологи большевизма стали вершителями судеб народных масс, со всеми их настроениями от враждебных до фанатичной веры в мировую революцию, они неизбежно должны были отразить в своей среде эти настроения и создать соответствующие им теории, точки зрения и философии эпохи. Если бытие определяет сознание, то противоречия советского общества находят выражение в столкновениях большинства и меньшинства в правящей партии, в идеологиях уклонов и оппозиций. В этих явлениях, тонко замечали анархисты, отражено влияние действительности на утопическую большевистскую доктрину, проводящуюся в жизнь усилиями централистов и декретоманов. Но анархисты не были бы противниками большевизма, если бы стали идеализировать оппозицию. Они подчеркивали, что идеологи оппозиции прошли школу большевизма – виртуозного маневрирования и лавирования во имя высших целей, пренебрежения законами нравственности. Оппозиция защищала тот же централистический бюрократизм, чиновничий социализм, деспотический режим, хотя внешне беспощадно бичевала бюрократизм, карьеризм, неравенство, антисемитизм и другие пороки сталинского окружения. Если бы троцкисты изгнали сталинцев из Кремля, ничего не изменилось бы. Это ясно и убедительно доказывает тот факт, что Сталин на практике осуществляет курс троцкизма – уверенно заключали идеологи анархизма.

Особо следует выделить литературу, созданную советскими чи-

---

1 Большевистская диктатура в свете анархизма: Десять лет советской власти.–Париж, 1928.

новниками-невозвращенцами,то есть отказавшимися вернуться из командировок членами большевистской номенклатуры. В отличие от эмигрантов периода гражданской войны,они имели значительно более конкретное представление о советских реалиях. Их воспоминания несут помимо критического запала печать озлобленности и социальной заданности,что было связано с личной необходимостью занять определенное место в среде антисоветской эмиграции и получить средства к существованию. Дипломат Беседовский,чекист Агабеков,финансист Лавров и другие предпринимали попытку обрисовать картины советской жизни и образы партийно-государственных деятелей через призму разоблачения диктаторской системы,противостоящей интересам всего народа[1]. В их трудах есть многозанимательных наблюдений и любопытных фактов,но нет всестороннего объективного анализа материала.

Среди массива подобных работ выделяются книги бывшего партийного деятеля С.Дмитриевского[2]. Он дал серию портретов видных политических фигур СССР, попытался охарактеризовать перипетии борьбы за влсть в партии и государстве. Характеризуя политическую систему,он обращает внимание на то, что В.И. Ленин был диктатором, сумевшим стать вождем нации, понявшим,хоть и не сразу, подлинные интересы рабочих и крестьян и пришел к идее либерализации системы на основе нэпа,экономическому и политическому раскрепощению масс. В отличие от него Троцкий - типичный вождь мирового люмпен-пролетариата,босяцкий мессия без родины,без корней в какой-либо среде. Причина его неудачи в борьбе за власть заключается в слишком большой отвлеченности, в неумном эгоцентризме, в отсутствии общественных и национальных корней. Победив оппозицию,

1. Лавров И.А. В стране экспериментов.-Харбин,1934.
2. Дмитриевский С. Советские портреты.-Стокгольм,1932; Он же. Судьба России:Письма к друзьям.-Берлин,1930.

Сталин натянул вожжи диктатуры до крайности и сам себя запутал в них. Он обезличил все в стране, уничтожил самостоятельность классов, все отдал в руки аппарата, состоявшего из деклассированных и общественно нечестных людей, установил режим политического террора. Критически отнесясь к сталинскому режиму, Дмитриевский счел его все-таки полезным для развития российской державности.

Среди эмигрантов, писавших о большевистской элите, заметно выделялись Б.Николаевский и Н.Валентинов/Н.Вольский/. Благодаря им сохранились уникальные, достаточно достоверные свидетельства о "тайнах кремлевского двора", в том числе личностном противоборстве вождей правящей партии, их интригах и амбициях. Н.Валентинов в ряде публикаций, особенно вышедших в свет после войны, описал деятельность В.И.Ленина, Ф.Э.Дзержинского и других лидеров большевизма с позиций подлинной объективности, совместив критицизм с уважением к личностям своих былых коллег, ставшими противниками. Благодаря независимой точке зрения ему удалось не только раскрыть олигархическую диктатуру партийной бюрократической элиты в России 20-х гг., но и показать определенные демократические тенденции в партии и обществе, которые могли стать альтернативами сталинизму[1]. Воспоминания Н.Валентинова вышли в свет только в 1971г., что далеко не случайно. Для большинства мемуаров было свойственно обязательное отсутствие чувства меры в разоблачении своих бывших друзей и коллег, соратников по партии.

Г.А.Соломон в своих мемуарах старательно изображал

---

1. Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Год работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания.- М.: Современник, 1991.

большевистскую элиту в таком духе: для большевиков характерна особая мораль, не имеющая ничего общего с общечеловеческой. "России, родины для них нет. Для них существует только партия. Россия для них что-то вроде кролика для их партийных экспериментов. Для партии все дозволено. Все оправдывается ее целью - мировой социальной революцией". Абсолютизируя этот теоретический посыл, в котором есть рациональное зерно, Соломон утверждает, что дипломаты Литвинов, Крестинский и другие - взяточники. Ленин был трусливым фанатиком, Стасова -"кровожадная, ведмистая баба" и т.п.[I]

А.Терне в книжке "В царстве Ленина" (Берлин, 1922) также изображает лидеров большевизма в самом неприглядном свете. Признав талантливость Ленина, Троцкого и др. вождей, автор рисует их исключительно как экстремистов, демагогов, очковтирателей, взяточников, борзописцев и т.д. Именно так обрисованы Зиновьев, Бухарин, Рязанов, Дзержинский, Чичерин, Луначарский, Рыков, Стеклов, Красин, Литвинов и др.

Особняком в эмигрантской историографии стоят работы бывших большевиков-оппозиционеров Мясникова, Троцкого и др. Примечательна работа бывшего лидера "Рабочей группы", оппонента Ленина, сбежавшего из сталинской ссылки в Париж Г.И.Мясникова. Будучи пролетарским революционером, он до конца пытался бороться за подлинно социалистическое государство, каким он себе его представлял. Его суждения поражают проницательностью и современным звучанием, но они не были поняты ни в 30-х гг., ни сегодня.

Он писал, что от Троцкого до Сталина, от меньшевиков до милюковских "Последних новостей" - все политические направления

I Соломон Г.А. Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе.-Париж, 1930.

меряют сущность и природу государства в СССР размером государственной собственности и успехами в области экономического строительства. На самом деле основным критерием оценки советского общества должен быть процесс классообразования. В СССР возникает новый господствующий класс - "бюрократия, организованная в партию и свое государство, распоряжающаяся всеми ресурсами крупной индустрии и индустриального земледелия". В СССР установился режим диктатуры, в котором угасли прежние традиции политической борьбы: дискуссий в партии. Теперь даже "патентованные бюрократы" члены элиты - бюрократии не могут позволить себе крохотных разногласий типа "с какого волоса начинается плешь" или "с какого процента промышленного роста начинается интернационализм". Даже именитые оппозиционеры типа Троцкого не имеют права думать, вслух "сметься скопом" и тихо-мирно рассаживаются по тюрьмам, рассылаются по гиблым местам, изгоняются из страны, а то и "расстреливаются в тиши внутренних тюрем ГПУ" - ехидно замечал Мясников, иронизируя фетишизированным отношением оппозиционеров к партии, к политическому режиму.

Он предложил программу реформ, призвав возродить роль Советов, ликвидировать бюрократический аппарат, ЦИК сделать постоянным парламентом, поднять роль кооперации и профсоюзов, уничтожить институт расправ с инакомыслящими путем упразднения служебных функций ГПУ, признать личные права и свободы за всеми гражданами, в том числе свободы организации партий и коалиций в масштабах не меньших, чем в западной европе. В заключение Мясников заявил - многопартийная система управления наиболее полно обеспечивает интересы пролетариата, крестьянства, интеллигенции и всех тружеников[1].

---

1 Мясников Г.И. Очередной обман.- Париж, 1931. - С.29.

Всё это было написано в Париже в 1931 г., но кто услышал Мясникова?

Л.Д.Троцкий в публикациях 30-х гг. за границей утверждал, что в СССР существует бюрократия как правящий слой с привилегиями и поглощаемой долей дохода. И тот факт, что нет официальных данных о ее численности, структуре,богатстве доказывает, что она сознательно прячет свою социальную физиономию. У нее имеется специфическое сознание господствующего класса, который однако далек от уверенности в своем господстве. Троцкий видел величайший эгоизм этого слоя, его крепкую внутреннюю спайку, страх перед недовольством масс, бешенную настойчивость в удушении всякой критики его политики, наконец, его "лицемерно-религиозное преклонение перед "вождем", который воплощает и охраняет привилегии новых господ. Особо отмечал Троцкий то обстоятельство, что вождь может пожертвовать каждым из чиновников, чтобы успокоить недовольных, но при этом каждый из уцелевших партчиновников может подняться ступенькой выше. Все они связаны с вождем и друг другом круговой порукой. Эта паразитическая каста поднялась над партией и народом. Ленинцев заменили "развращенные комиссары, секретари и чекисты".[1]

В наиболее полном виде свою позицию Л.Д.Троцкий выразил в труде "Преданная революция". В ней обосновал положение, что советская бюрократия сталинского типа не является господствующим эксплуататорским классом, так как, во-первых, "она вербуется, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии"; во-вторых, она не имеет особых отношений собственности и свои права на эксплуатацию государственного аппарата не может передать по наслед-

1 Троцкий Л.Д. Преданная революция.- М.: НИИ культуры, 1990.

ству. В-третьих, присвоение ею огромной части народного дохода имеет характер социального паразитизма. Всё это делает положение бюрократии в советском обществе противоречивым, двусмысленным и недостойным. Троцкий предложил свою дефиницию – "она есть единственный в полном смысле привилегированный и командующий слой в советском обществе", нечто большее,чем бюрократия и меньшее,чем господствующий класс. Однако Троцкий предупреждал, что если этот слой не будет свергнут ни подлинной революционной партией, ни буржуазной организацией, то с течением времени он будет развиваться в новый имущий класс, обладающий правом собственности.

Один из лидеров сменовеховцев Н.В.Устрялов попытался увидеть в существовании большевистской элиты определенный позитивный смысл. Рассматривая историю советской России в русле развития мировой цивилизации, он проводил параллели идеократической диктатуры большевизма с"новым курсом" Рузвельта в США, нацизмом в Германии, франкизмом в Испании, режимом Муссолини в Италии. Но при этом он утверждал, что большевизм по своей сути не враждебен ценностям демократии, так как "острие его нападок направлено не на принципиальные первоистоки демократического миросозерцания, а на конкретные пороки буржуазного формально-демократического государства наших дней". В теории ленинизм утверждает господство огромного большинства трудящихся над ничтожным меньшинством, но "на практике революция явилась беспощадным отрицанием демократических начал", приведшим к установлению "власти отборного слоя". Элита большевизма в результате "побила рекорд суровости, нетерпимости к противникам, непреклонного отношения к страданиям наличного человеческого материала, в коем она менее всего видит само-

цель". Доктрина "инициативного меньшинства" стала основой органической философии диктатуры пролетариата. Ведущий слой вождей, объединенных государственной идеей, пытается решить хозяйственные проблемы неправовыми путями. Этот процесс идет во всем мире и на этой почве вырос "фашизм-младший брат и смертный враг большевизма", фундаментальнее и безнадежнее отрицающий демократию, чем коммунизм.

Н.В.Устрялов считал, что трагедия вождей большевизма состояла в том, что понимание опасности диктатуры пришло к ним слишком поздно и они не смогли переступить порог и выступить против сталинизма. В своих антисталинских стремлениях они оказались сплетенными логикой сталинизма, так как сами его ранее утверждали. В борьбе с ним они одновременно подпирали его, консервируя тоталитарные настроения, вместо того, чтобы с ними кончать! Но Устрялов надеялся, что вскоре произойдет "мудрая гуманизация режима", которая поднимет моральный престиж большевизма и пролетарский гуманизм заявит себя великодушным и благородным феноменом.

Развитие элиты в 30-х гг. охарактеризовано в работе автора под псевдонимом "Минский мужик"[2]. Автор предложил квалифицированный анализ ситуации в стране. Уже на первых страницах книги он сформулировал отправное положение о том, что большевистский централизм и диктатура породили чиновничество - новый класс, обладающий властью. Характеризуя внутрипартийную борьбу, автор указывает, что подкладка оппозиций - заговор против Сталина, т.к. Бухарин,

---

1 Устрялов Н.В. Наше время.-Шанхай,1934. - С.74.

2 Минский мужик. Правда о советской россии. По личным наблюдениям и материалам советской печати и статистики.-Нью-Йорк, 1937.

Рыков, Томский в середине 20-х гг. находились в блоке со Сталиным. Сталин заключил с ними блок в обмен на строительство социализма умеренными темпами, но в 1928 г. после разгрома оппозиции он отбросил условия договора с правыми и начал с ними борьбу. К ХУП съезду Сталин стал диктатором, подобно Муссолини в Италии и Гитлеру в Германии. Автор считает, что начавшиеся репрессии есть "самопожирание в коммунистической партии", доказывающее, что термидор уже начался, а за ним рано или поздно последует социальная революция, готовая смести новый строй. Конечный вывод автора заключался в том, что большевизм закономерно заканчивает самопожиранием, так как он враг прогресса.

Б.Суварин в биографии Сталина, изданной в 1939 г., рассматривает проблему большевизма в целом, в том числе большевистского коллегиального руководства при Ленине. Его теория выглядит таким образом: лучшие, наиболее способные люди революции были привлечены в государственное руководство. Посредственности в интеллектуальном смысле, показавшие свою неспособность нести ответственность за практическое дело, нашли себе место в иерархии партийных секретарей и стали высшей прослойкой в советском обществе. Репрессии партийной элиты он характеризует как "выкидыш большевизма". В целом книга написана под впечатлением только что закончившихся политических судебных процессов и является фактически обвинением Сталину и сталинизму.

В послевоенный период в зарубежной историографии начался всплеск активности историков-советологов. Деятельность русских эмигрантов первой волны в силу естественных причин значительно ослабла. Им на смену пришли новые эмигранты, 2 поколения, которые позднее заявили о себе заметными работами. Однако основными "товаропроизводителями" в историографии стало новое поколение

профессиональных историков, подготовленное в 20-30-х гг. и стимулированное победой СССР и других стран антифашистской коалиции во 2 мировой войне. Выход СССР в число сверхдержав и развертывание "холодной войны" обусловило и стремление правящих кругов ведущих стран Европы и Америки обеспечить специальное изучение проблем истории и политики СССР, правящей кампании, личности Сталина и его окружения.

В 40-50-х гг. получило развитие направление, ориентированное на изучение правящих кругов СССР - "кремленология" и "кремлеведение". Его ведущий деятель Ф.Боркенау интерпретировал советскую историю как процесс междуусобной борьбы в верхах. Разбирая характер борьбы и ее влияние на политику, он доказывал, что в системе отношений в высшем эшелоне власти огромную роль играл патронаж или шефство, контакты типа "хозяин-клиент". Каждый деятель большевизма имеет помимо традиционного аппарата определенный круг сторонников-клиентов. Позднее Р.Конквест, А.Ноув, Т.Х.Ригби и другие историки также обращали внимание на то, что в условиях тоталитарного государства небольшая элитная группа во главе с вождем реально может осуществлять такое же давление на общество, как целый класс.

В 50-е годы получила развитие концепция "советского тоталитаризма", основанная Фридрихом и Бжезинским. В рамках этого подхода идея о вождизме и элитизме советского общества получила углубление в теоретическом плане в работах Х.Аренд и других. Активно развивалась идея, сформулированная Л.Д.Троцким о"бюрократическом коллективизме"в СССР, диктатуре нового господствующего слоя сталинской бюрократии.

История внутрипартийной борьбы активно использовалась западными идеологами для доказательства тоталитаризма государствен-

ной системы СССР. Л.Шапиро издал работу "Политическая оппозиция в СССР. Первая фаза. 1917-1932" в которой доказывал, что большевики ушли от марксизма и создали государство-тиранию. В связи с этим он писал, что все исторические работы должны быть политизированы в духе холодной войны.

Работа Шапиро и другие подобные труды бесплатно рассылались по библиотекам Восточной Европы. Это стало принципом издательской деятельности научных центров Запада. Но историко-политологические труды, направляемые в СССР, не достигали своих адресатов в условиях жесткого идеологического контроля за распространением антисоветской пропаганды или научных работ, не вписывающихся в официозные подходы. За этим пристально следили КГБ и Главлит - орган цензуры.

Главлит анализировал и сообщал в ЦК в специальных справках об основных концепциях поступающих научных трудов, которые описывались, рецензировались и отправлялись либо в обычные спецхраны библиотек, либо во внутренние спецхраны в рамках обычных спецхранов крупных идеологических учреждений типа ИМЛ. Причем, если работы буржуазных политологов по историии стран запада могли переиздаваться издательством "Прогресс" для закрытого пользования, то работы авторов леводемократической ориентации и объективистского направления изымались напрочь без права упоминания. К числу таких работ Главлит отнес, например, исследования "Личность революционера: Ленин, Троцкий, Ганди" В.Вольфштейна, "История большевизма. От Маркса до I пятилетнего плана" А.Розенберга, "История России XX века" А. Тредголда, "Сталинизм: некоторые аспекты в исторической интерпретации" Р.Таккера, "Введение в Русскую историю" Р.Оти, Д.Оболенского: "Корни коммунистической автократии, Политическая оппозиция в советском государстве. 1917-1922". Л.Шапиро; "История советской Рос-

сии" А.Улама; "Меньшевики в русской революции" А.Эстера; "СССР на перепутье" Р.Сормани; "Диалоги о сталинизме" Дж.Боффа; "История сталинизма" Ж.Эленстайна и др. Исходя из реферативных обзоров и справок, подготовленных цензурными органами для ЦК КПСС, можно сделать общий вывод о том, что для большинства западных исследователей характерно в целом уважительное отношение к феномену большевистской элиты при неприятии марксистско-ленинской идеологии.

С.Коэн, Р.Даниэлс, Д.Гэрэн и другие исследователи обоснованно показывали, что за десятилетие до октябрьской революции российская социал-демократия выдвинула ряд крупных личностей, созвездие таких талантов, интеллектов, способностей, которым царизму и белому движению оказалось нечего противопоставить. Развернувшаяся внутрипартийная борьба в РКП(б) после ее прихода к власти стала отражением противостояния стремлений лидеров большевизма к полной диктаторской власти и попыток реализации принципов пролетарской демократии, противоборства между революционным практицизмом и коммунистическим идеализмом, столкновения между желанием достичь цели любыми средствами и попытками учесть последствия победы революции в отсталой стране на окраине Европы и цивилизации. Первоначально остроту политической борьбы смягчало присутствие Ленина, контролировавшего влияние пороков, свойственных организации пролетарских революционеров, но после смерти Ленина все негативные тенденции усилились до крайне чудовищной степени .

Критической совестью партии стали Л.Д.Троцкий, Н.И.Бухарин, их друзья. Режим, против которого боролся Троцкий, победил при Сталине и продолжается в 70-х гг. . Он проявляется в "бюрократическом авантюризме", канонизации политической идеологии, монополии теории и практики, самоудовлетворении успехами. По прежнему актуа-

лен призыв Троцкого к радикальной десталинизации советского общества[1].

Ряд западных историков для характеристики элиты использовали термин "идеократия", являющийся фиксацией концептуальных взглядов как на историю советского общества в 20-30-х гг., так и другие периоды. Через понятие "идеократия" эти ученые выражали свое личностное отношение к явлениям общественно-политической жизни, начиная с 20-х и до 80-х годов, связанных с утверждением командно-административных методов управления, прогрессирующим сужением роли советских органов - как представительной власти и утверждением всевластия партийно-идеологических, исходивших из устаревших догм марксизма - ленинизма. На основе этого подхода была сконструирована концепция СССР как партийного государства или "партии-государства", а также "идеократического деспотизма"[2]. Через призму этих подходов интерпретировался весь спектр сложных проблем, острых противоречий советского общества, что приводило к неизбежному упрощенчеству. Данная концепция имела ярко выраженную пропагандистскую направленность, обусловленную обострением идеологической борьбы в СССР в 70-80-х гг. Они в частности изображают общество в СССР как полностью закабаленное. Государство полностью подавило творческие возможности масс. Данная концепция опирается на подходы К.Манхейма, который в 1929 г. в работе "Идеология и утопия" утверждал, что любая идеология направлена на сохранение существующего порядка и поддерживается властвующей группой и Россия не исключение[3].

Проблемам большевистской политической верхушки на протяжении всех этапов развития СССР посвящено в той или иной степени большин-

1. ЦХСД. Ф.5. оп.64, д.29, л.29
2. См.:Савельев В.Л."Советология":в лабиринте лжетеорий.- С.93.
3. Цит. по:Реальный социализм в СССР и его буржуазные критики. - М.:Мысль, 1977.-С.113.

ство работ современных западных авторов. Для всего круга таких публикаций характерен концептуальный синтез,т.е. их авторы используют в различных комбинациях элементы кремлелогических,тоталитарных,идеократических,патронажных и других теорий.

Критико-разоблачительный анализ трудов А.Безансона"Происхождение Гулага. Интеллектуальные основы ленинизма", К.Линдена "Советское партийное государство: политика идеократического деспотизма", А.Д'Агостино "Борьба за правонаследование власти в советском руководстве. Кремлелогия и русский вопрос от Ленина к Горбачеву", П.Ле Бланка "Ленин и революционная партия", К.Мерридейла "Московская политика и возвышение Сталина: Коммунистическая партия в столице 1925-32 гг." и других содержится в многочисленных статьях, монографиях,сборниках советских авторов,специализировавшихся на борьбе с так называемой "фальсификаторской литературой"[1]. Однако в ряде случаев борцы с вредоносными концепциями в целях критики излагают содержание идей и аргументов противников. Кроме того, ИНИОН АН СССР, АОН при ЦК КПСС издавали сборники рефератов крупных исследователей,например 3 выпуска сборника "Буржуазные идеологи о 50-летии Советской власти"/М:Прогресс, 1968/ и многие другие.

На современном этапе содержание концепций западных историков определяется влиянием двух ведущих школ советологии - "тоталитарной" и "модернизаторской". Они оказали сильное воздействие на российских авторов, часть из которых слепо копирует методологические подходы этих школ,отбросив марксизм как несостоятельную систему ценностей.

---

1. См.:Осташко А.И. Французская"советология"о руководящей роли КПСС в системе социалистической демократии.//Научные труды по истории КПСС.Вып.155-Киев,1988; Развитой социализм и кризис "советологии"-М:Наука,1982;Реальный социализм в СССР и его буржуазные фальсификаторы-М:Наука,1977.

Однако в западной историографии получило развитие т.н. "ревизионистское" направление исследований истории России, отрицающее откровенные негативизм и антикоммунизм. Примерами реализации объективистского подхода являются труды Э. Карра, А. Ноуэва, Ш. Фитцпатрик, Б. Мэрфи, Ст. Коэна и др. Б. Мэрфи в статьях о гражданской войне обращает внимание на неоднородность большевистской элиты, наличие в ней наряду с экстремизмом более умеренных настроений[1]. Ст. Коэн в работах "Большевизм и сталинизм", "Переосмысление советского опыта: политика и история после 1917 г.", "Советские: американские представления и реальность" и других продемонстрировал достаточно взвешенный, хотя и критический анализ советской политической системы, роли в ней партийных верхов. Большую известность в России получила его фундаментальная монография о жизнедеятельности одного из ведущих деятелей большевистской элиты, видного интеллектуала - Н. И. Бухарина. Эта работа безусловно выходит за пределы историко-биографического жанра, так как характеризует всю элиту. Б. Вольф, И. Дойчер, Р. Такер, А. Улам, Ф. Помпер рассматривали деятельность И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и других вождей большевизма как проявление определенной закономерности развития советского общества, отдавая должное личностному фактору. Ф. Помпер справедливо видел в судьбах этих людей эволюцию русской интеллигенции, превратившейся в нечто противоположное самой себе[2]. Подобные взгляды естественно противоречат утверждениям сторонников тоталитаристского направления, акцентирующего внимание на негативном опыте.

1. Мэрфи Б. Донское восстание. Март - июнь 1919 г. // Революционная Россия. - Лондон. Вып. 6. № 2. декабрь 1993. С. 315-350. /англ./
2. Сухотина Л.Г. - Ф. Помпер. Ленин, Троцкий и Сталин. Интеллигенция и власть. - Нью-Йорк, 1990. // Отечественная история. - 1994. №3.

Основная идея этих работ заключается в следующем: Ленин не только сделал возможным сталинизм, но ленинский идеологический догматизм и его политическая нетерпимость предотвратили в значительной степени возможность возникновения альтернатив сталинизму. Именно в ленинизме заключен "первородный грех".

Подобный подход представителей тоталитарной школы к ленинскому теоретическому наследию, в том числе к постановке вопроса о роли авангардной партии, ее руководящих профессиональных кадрах в настоящее время слепо копируется рядом "прозревших" российских историков. Они не учитывают того, что эти идеи вызывали критику со стороны не только марксистских авторов, но и многих западных исследователей объективистского направления.

Ст.Коэн четко разграничивал структуру и направленность политического режима большевизма в послереволюционный период и в период культа личности Сталина. Он отмечал: "Ошибочно предполагается, что в I9I7 году или позднее в России существовала возможность подлинно демократического порядка - либерального пролетарского или какого-либо иного. В различных, в зависимости от периода, отношениях большевизм был ярко выраженным авторитарным движением, но не проводя различий между советскими авторитарными режимами до и после I929 года, легко исказить самую сущность сталинизма. Сталинизм означал не просто беспрецедентное сочетание национализма, бюрократии, отсутствие демократии и полицейские репрессии. Подобные явления возникли и в других странах и легко поддаются объяснению. Суть дела в том, что сталинизм воплощал гипертрофированные, экстремальные черты этих явлений"[I].

I Коэн С. Большевизм и сталинизм// Вопросы философии.-1989.-№ 4.-С.54-55.

Такие идеи находят отражение и в значительной части других советологических источников объектевистского направления. Признавая очевидное различие между утвердившейся в 30-х – 50-х годах структурой общества, его управления бюрократией и идеями В.И.Ленина о политической системе социализма, исследователи А.Ноув, Дж. Боффа, В.Страда и др. отмечали, что советская система – это не совсем то, о чем думали классики марксизма-ленинизма. Это результат исторической эволюции от энтузиазма сторонников предоставления широких гражданских прав 1917 года к направленному консервативно-бюрократическому аппарату сохранения власти сегодняшнего дня.[1] Причины этих трансформаций находятся в центре многочисленных дискуссий, осуществляемых в контексте объяснения возникновения сталинизма. Западные авторы пытались через призму сталинизма, выяснение исторических корней его возникновения и принципов функционирования осмыслить негативные общественно-политические тенденции, в частности, расслоение по принципу отношения к власти, извращения в кадровой политике правящей партии, перерождение былых лидеров народных масс.

Для работ этого направления характерна бесспорная глубина анализа сталинизма как специфической формы организации общества, его политического управления на основе противопоставления его основополагающим принципам марксизма, идеям последних работ В.И.Ленина. Авторы-объективисты при этом не стали марксистами, более того они считают неизбежным и закономерным сталинизм как итог послеоктябрьского развития.

---

1 Сталин и сталинизм./Зарубежная литература/. Вып.1. Реферативный сборник.- М.:ИНИОН АН СССР,1991.

А.Ноув отмечает, что "именно Сталину принадлежит создание иерархической, бюрократической системы управления" и одновременно указывает, что данная система оказалась устойчивой в социалистическом обществе и, более того, становление ее в значительной мере было неизбежным"[I]. В качестве причин этого А.Ноув называет такие факторы, как авторитарно-бюрократические традиции России, исконная гипертрофия государства; во-вторых, это сама логика переворотов сверху в крестьянской стране, требовавшая значительного вовлечения в этот процесс бюрократии; в-третьих - низкий уровень образования, культуры, сознания, истощение после гражданской войны. Заслуживающих полного доверия и готовых действовать большевиков было очень мало для такой страны; в-четвертых, Россия была во враждебном окружении; в-пятых, непомерное вмешательство государства в планирование экономики. Основная часть партийно-государственного аппарата и большинство номенклатурных кадров были вовлечены в управление отраслями экономики. Всё это привело к авторитаризму в управлении и в решении кадровых вопросов. Это, с одной стороны, противоречило идеалам социалистической революции, но, с другой, - явилось следствием привлечения людей с низкой культурой к власти. Эти положения Ноува стали популярны среди западных историков, которые конкретизировали их применительно к этапам истории КПСС.

Зарубежные исследователи давно анализировали тенденцию образования большевистской элиты во главе с В.И.Лениным. Э.Карр считал, что марксистская партия в России могла быть только группой интеллигентов, профессиональных революционеров в виду слабости пролетарского движения и неразвитости. Дж.Хадсон писал, что

I Nove A. Is there a roling class in the USSR? // Three Political systems. A Reader in British, Soviet and American Politics.-p.176.

марксистское учение о партии исходит из представления о промышленном пролетариате как о перспективном классе для утверждения социалистического строя при условии направления его со стороны элиты идеологически подготовленных революционеров. Большевики были уверены в том, что если рабочим дать возможночть избрать своих руководителей по своему усмотрению,они ничего не достигнут. Это и составляет "элитизм" - покравительственно-авторитарное отношение к классу,именем которого должна быть осуществлена революция.[I]

С.Пассони,Р.Конквест,Р.Даниельс, У.Мосс,М.Бриттон и другие западные историки так же,как и Дж.Хадсон,доказывали сознательный "элитизм" ленинской концепции партии, опираясь на ряд положений Ленина о партии как о руководящей и организующей силе рабочего движения,о необходимости формирования законспирированного ядра из профессиональных революционеров-специалистов подпольной деятельности,о важности подчинения низовых парторганизаций центральному руководству и т.д.

Эти идеи развил советский историк М.С.Восленский,эмигрировавший в 70-х гг. из СССР и написавший публицистическую книгу-памфлет "Номенклатура". В этой работе он в основном раскрывал образ жизни современной ему правящей верхушки советского общества,но в первом разделе работы уделяет внимание истории возникновения коммунистической элиты, используя в качестве исходного пункта положение Милована Джиласа о формировании из большевистской элиты нового господствующего класса.

М.С.Восленский уверял, что В.И. Ленин в своем труде "Что делать?" еще в I902 г. "выдвинул план создания слоя,который должен

I. Цит.по:Г.Я.Ясковец.Правда и ложь о рабочем классе.- М.Мысль, I978. - С.52.

был действительно оказаться у власти в итоге пролетарской революции". По его мнению, Ленин никогда не верил убеждениям и самоотверженным порывам рабочих, а считал возможным строить подготовку революции на повседневной полной зависимости штатных революционеров от большевистского руководства - своего рода революционной "мафии", где демократизм считался ненужной игрой. Подобного рода размышления сочетаются с отдельными интересными наблюдениями, которые однако не меняют существа дела.

Более логично М.С.Восленский объясняет дальнейший ход событий. Причины террора 1937 г. он видит в стремлении сталинской клики устранить ленинскую старую партийную гвардию с политического олимпа. Соратники Ленина обладали большим, годами культивировавшимся авторитетом и устранить их можно было только после ликвидации этого авторитета. Поэтому террору предшествовали партийные репрессии. Далее Восленский пишет: "Сталин отлично видел, что взращенные им номенклатурщики со злобной завистью поглядывают на чуждых и антипатичных им дряхлеющих ленинцев, у которых еще остались следы каких-то убеждений помимо понятной сталинцам жажды занять пост повыше, насладиться властью и хорошей жизнью. Сталин сознавал, что нужен только сигнал и выкормыши бросятся волчьей стаей и перегрызут глотки этим слабоватым, а потому незаконно занимающим руководящие посты старым чудакам".[1] В хлестких фразах в принципе правильно отмечена одна из причин террора, но она не была единственной.

Эта же проблема нашла более глубокое отражение в работах известного историка-политолога А.А.Авторханова, в целом ряде его трудов. Бывший слушатель Института Красной Профессуры 20-х гг. и партийный работник, подвергшийся сталинским репрессиям и изменив-

1.Восленский М.Номенклатура.Господствующий класс Советского Союза. М.:МП.Октябрь.Советская Россия.1991.С92-93.

ший Родине в 1942 г., Авторханов явил собой редкий случай соединения исследователя, свидетеля, компетентного специалиста и обвинителя, свободного от коммунистической цензуры в своей деятельности. Говорить об объективности его трудов не станет никто - автор не скрывает своего личного озлобления к советскому строю и коммунистической партии. Однако ряд его наблюдений не лишён интереса.

Авторханов в работе "Происхождение партократии" высказал суждение о том, что Сталин, разгромив три оппозиции и проведя четыре чистки, так и не смог до конца превратить партию в "голосующее стадо", а ЦК в "голосующую коллегию при генсеке". Среди его собственных учеников и выдвиженцев появились люди, выступившие против его диктатуры: Сырцов, Ломинадзе, Смирнов А.П., Скрыпник, Рютин. И хотя представляется неточным утверждение, что это были соратники и ученики Сталина, тем не менее показательно, что убежденный антисоветчик Авторханов считает партию способной бороться против сталинизма. Он пишет, что именно с этого времени Сталин начал готовить кровавые чистки партии[1].

Авторханов А. считает, что в большевистской партии усилиями Сталина создавалась "внутрипартийная партия", состоящая из профессиональных политических дельцов. В партийно-политической бюрократии Авторханов выделяет два уровня: первый - открытое, формально выбираемое руководство в лице наркомов всей партийной иерархии; второй - закрытое, назначенное, несменяемое руководство в лице наемной партийно-аппаратной бюрократии. По убеждению Авторханова,в истории страны и партии поочередно сменилось

---

1 Авторханов А. Происхождение партократии. Т.2. - С.485.

три типа партаппаратчиков: 1. ленинский комитетчик, профессиональный революционер, фанатик революции, обычно недоучившийся студент или самоучка рабочий; 2. сталинский бюрократ и карьерист, неучаствовавший в революциях и гражданской войне, но проводивший коллективизацию, чистки, репрессии в качестве винтика системы; 3. хрущевско-брежневский чиновник, сталинист по идеологии, но коллективист по методам правления, образован, предан режиму, деловит, осознает принадлежность к правящей элите. Однако эти выявленные черты носят слишком общий и условный характер, так как в рамках указанных типов существовали свои, различающиеся друг от друга подтипы.

Наблюдения А. Авторханова и других историков из числа эмигрантов различных поколений, аналитические исследования западноевропейских и американских политологов, исторические труды советологов заложили значительную научную основу для продуктивного конкретно-исторического изучения борьбы и эволюции большевистской политической элиты 20-30-х гг.

Зарубежная историография этой проблемы была известна в СССР чрезвычайно узкому кругу специалистов, обслуживавших центральные партийные инстанции, и поэтому не могла активизировать исследовательский процесс. В советской историографии исключалась сама постановка вопроса об большевистской элите, а политология не относилась к числу подлинно научных дисциплин. Это обусловило специфичность и опосредованность накопления знаний по данной проблеме в рамках господствующей историографической парадигмы.

После победы в Великой Отечественной войне официальная историография попыталась переосмыслть новое положение в мире и сменить некоторые акценты в навязывании обществу устаревших догм.

Хотя идеология культа личности Сталина продолжала вдалбливаться в общественное сознание, некоторые исторические сюжеты, например, о разоблачении троцкистско-бухаринских врагов, перестали назойливо муссироваться. В частности, из тезисов ИМЭЛСа, посвященных 75-летию В.И.Ленина, были вычеркнуты положения о том, что благодаря мудрому сталинскому руководству партия одержала победу над троцкистами, бухаринцами, буржуазными националистами, ставшими "агентами фашистских разведок, диверсантами и убийцами"[1]. Находясь под впечатлением кратковременного послевоенного оживления общества, Е.Д.Стасова в июле 1947 г. публично подняла вопрос об истинной роли Н.И.Бухарина в истории и позитивном отношении к нему В.И. Ленина. Комиссия партконтроля объявила ей строгий выговор за восхваление Бухарина и "клевету" на Ленина. В литературе расширились упоминания об антифашистском широком фронте, о демократии, о значении антигитлеровской коалиции и т.д. Но с конца 40-х гг. сталинский режим начал новое завинчивание идеологических "гаек", развернув пресловутую борьбу с космополитизмом, буржуазным загрязнением быта, аполитичностью литературы и искусства и др.

Перед обществоведами сталинизм поставил задачу создания обобщающих трудов в истории, философии, политэкономии с целью создания базы для воспитания нового поколения советской интеллигенции, призванной обеспечить "уместственное превосходство над зарубежными кадрами". Дефицит научных трудов в общественных дисциплинах пытались восполнить изданием собрания сочинений И.В.Сталина, его политической биографии и очередными переизданиями "Краткого курса" и многочисленных методических пособий по его заучиванию и восхвалению.

1. РЦХИДНИ, Ф.71. Оп.1. Д.63.Л.79.

Известный сталинский идеолог П. Поспелов, впоследствии ставший академиком и соавтором доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина, утверждал, что "Краткий курс" обращен в первую очередь " к нашим кадрам, к кадрам советской интеллигенции". Этот учебник показал, что именно разгром "змеиного гнезда" врагов партии, "пятой колонны" является источником мощи страны. Этот труд должен стать главным ориентиром для историков. Примером того, как надо писать историю ВКП/б/, стала книжка М. Сайерса и А. Кана "Тайная война против Советской России", изданная в Лондоне и немедленно переизданная в СССР. П.Н.Поспелов в предисловии к работе расписывал заслуги авторов, описывавших разгром фашистской "пятой колонны" благодаря "прозорливости тов. Сталина" за несколько лет до нападения Германии. Источник великой победы в Отечественной войне заключался в том, что были расстреляны "троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы, эти рабьи души, преисполненные мещанской веры во всемогущество капиталистической системы хозяйства", "готовые пролить реки народной крови во имя реставрации капитализма в нашей стране, во имя закабаления трудящихся"[1].

Утверждение в общественно-политической литературе антинаучной концепции "борьбы партии Ленина-Сталина против оппортунистов - врагов партии и народа" в качестве единственной и официальной означало полную невозможность научного исследования процесса реальной идейно-политической борьбы в высшем руководстве страны в довоенный период. С этого времени жупелы правого оппортунизма и троцкизма не только наводнили историко-партийную

---

1. РЦХИДНИ. Ф.629. Оп.1. Д.1. Л.79.

литературу, но и активно использовались в травле неугодных Сталину деятелей международного коммунистического движения,например, Иосипа Броз Тито,Трайчо Костова,Лесло Райка и др. На XIX съезде КПСС обосновывалось положение о росте опасности вредительства в партийном строительстве,о важности бдительности, об активизиции происков враждебных элементов внутри страны [1].

После разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС начался отход от канонов "Краткого курса". В литературе развенчивались мифы о"двух вождях революции", о Сталине - творце многонационального государства, вдохновителе всех побед советского народа[2]. Историки Э.Н.Бурджалов и другие предприняли попытки пересмотреть некоторые эпизоды внутрипартийной борьбы, но были предупреждены о недопустимости трактовать вопросы разгрома оппортунизма под предлогом борьбы против культа личности в"объективистском духе"[3].

Историки отреагировали на требования борьбы с наследием сталинизма, развернув эту работу в основном уже после XX съезда КПСС;непоследовательность линии разоблачения сталинизма привела к тому, что активизация деятельности журнала "Вопросы истории" в новом направлении опять не совпала с поворотами деятельности идеологов ЦК. В передовой журнала "Коммунист" (№ 10 за 1956г.) было указано,что "некоторые историки обнаруживают явную недооценку опасности оппортунистической соглашательско-реформистской политики меньшевиков,стремление сгладить,затушевать принципиальные разногласия между меньшевиками и большевиками по коренным вопросам революции".

1.См.:Никитинский И.Коварные методы подрывной работы империалистических разведок.М.,1954.С.46;Правда.1952.6 окт.С.7-8.
2.См.:Пономарев Б.Н.Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории.М.,1962.
3. О журнале"Вопросы истории":Постановление ЦК КПСС 9 марта 1957г. //Справочник партийного работника.М.,1957.С.382.

Редакция журнала "Вопросы истории" пыталась сопротивляться, отстаивая свое право на более широкие характеристики лидеров политических партий до и после революции и на критику сталинских догм в истории. Было предложено взамен набившего оскомину "Краткого курса" переиздать учебники по истории большевистской партии, написанные в 20-30-х гг. под редакцией Н.Н.Попова, В.Кнорина, Ем.Ярославского, А.Бубнова, В.Невского. В этих пособиях содержался значительно более широкий набор исторических фактов и биографических данных деятелей большевизма, репрессированных во второй половине 30-х гг. Несмотря на соответствие этих трудов идеологии большевизма, влияние культа личности Сталина на их содержание было сравнительно невелико.

Консервативные идеологи Е.Бугаев и др. категорически возражали против переиздания учебников, поскольку в них бывшие руководители партии из числа "оппортунистов" рассматриваются только как идейные враги, в то время как они нарушили советские законы и были осуждены на открытых судебных процессах 30-х гг. Особое возмущение сталинистов вызывало то, что историки считали литературу 40-50-х гг. "макулатурой". Обрушившись с необоснованной критикой на статьи Э.Н.Бурджалова, Л.Петровой, З.Богорада, Е.С.Осликовой, А.В.Снегова, они превозносили идеологические поделки типа книжки Алпатова "Реакционная историография на службе поджигателей войны". Цекистские идеологи доказывали, что стремление историков к показу положительных элементов в деятельности сталинских оппонентов, охарактеризованных как оппортунисты, означает "затушевывание" борьбы партии против оппортунизма, а следовательно, пересмотр основ истории правящей партии. Итогом "обновления" исторических концепций с позиций консерватизма стал подготовленный группой

Б.Н.Пономарева учебник "История КПСС", сменивший пресловутый "Краткий курс".

Б.Н.Пономарев в специальном письме в ЦК КПСС так характеризовал новый учебник по истории КПСС:"в книге выдержана линия, чтобы без прямой полемики с "Кратким курсом"изложить правильно, на основе решений партии,произведений Ленина те положения истории партии,которые по общему мнению не точно,односторонне или неправильно изложены в "КРатком курсе". Однако в действительности сталинские установки оставались на 70-80 процентов без изменений.

На рукопись учебника была дана развернутая рецензия отдела пропаганды ЦК,подписанная сталинистом Е.М.Бугаевым. В результате текст принял еще более консервативный характер. В частности,была усилена критика Бухарина,Рыкова,Рязанова,Каменева по различным вопросам политики ЦК.

Решения XXII съезда КПСС,углубление процесса разоблачения сталинизма, реабилитация жертв репрессий(в том числе части осужденных на процессе 1938г.) создали вновь более благоприятные условия для объективного изучения истории партии.

В начале 60-х годов на волне разоблачения преступлений Сталина начался бум публикаций о жертвах репрессий - видных деятелей советского государства. Издательства боролись за право первыми публиковать биографические очерки и обращались в ЦК с требованием защитить их права,исходя из географических и иных критериев. Были опубликованы биографические очерки о Н.А.Скрыпнике,Я.Б.Гамарнике, В.Я.Чубаре,Д.З.Мануильском,Ф.Я.Коне,З.И.Квиринге,В.А.Затонском, М.Н.Тухачевском,В.К.Блюхере,А.В.Косареве,И.П.Уборевиче,Ф.Раскольникове,П.П.Постышеве,С.В.Косиоре,В.А.Антонове-Овсеенко,Я.Э.Рудзутаке,С.В.Косиоре,А.С.Бубнове,

Г.И.Ломове (Оппокове), Н.В.Крыленко, И.Я.Якире, Г.И.Петровском и других представителях большевистской элиты. Это были работы апологетического характера, однако в них прослеживалось желание авторов раскрыть глубину противостояния этих личностей и сталинизма. Однако консервативные силы в руководстве партии вновь выступили против стремления ряда ученых переосмыслить историю большевистской элиты 20-х гг., оценив его как попытку "реабилитации разгромленных партией антимарксистских взглядов и течений"[1].

Наличие препятствий в очищении истории от субъективистских извращений было связано с непоследовательностью мер по преодолению последствий культа личности Сталина, выразившихся в сохранении охранительной функции историко-партийной науки, в подчиненности объективности исследования превратно понимаемому принципу партийности. На темпах обновления концепции внутрипартийной борьбы сказалось также влияние кризиса в Венгрии в 1956г., критики правооппортунистических тенденций в коммунистических партиях капиталистических стран[2].

В 1964 г. был дан импульс борьбе с маоизмом. В соответствии с решением февральского пленума ЦК КПСС была созвана научно-практическая конференция "Борьба КПСС за чистоту марксизма-ленинизма". Все доклады на этой конференции были согласованы с секретариатом ЦК, а главный доклад - установочный - был утвержден Брежневым. Центральной идеей разоблачения маоизма стало доказательство, что маоизм есть неотроцкистский уклон.

---

1 В ЦК КПСС // Вопросы истории КПСС.-1963.-№ I.- С.4.
2 См.: Ревизионизм - главная опасность. Из опыта борьбы коммунистических и рабочих партий против современного ревизионизма.- М.,1958.

Л.Ильичев сделал вывод: "сколь бы своеобразными не были взгляды современных раскольников, их родство с троцкизмом несомненно, особенно если учесть историческую эволюцию самого троцкизма. Взгляды китайских раскольников во многом совпадают со взглядами лидеров IУ Интернационала".

В данном случае нас интересует не существо оценки и аргументация позиции - это сложный вопрос и требует специального анализа. В контексте данной работы важно отметить стремление руководящих кругов КПСС использовать специфический опыт борьбы сталинского большинства с троцкистской оппозицией в 20-е гг. как общезначимый, позволяющий оценивать сложнейшие идейно-политические явления спустя четыре десятилетия. Абсолютизация опыта одной партии и навязывание его другой, развертывание на этой основе политической борьбы бесспорно являлось проявлением гегемонизма КПСС, хотя она обвиняла в этом же КПК.

Подобная актуализация опыта внутрипартийной борьбы привела к еще одному негативному последствию - бесспорной догматизации историко-партийной науки в целом и в частности - сюжетов внутрипартийного противоборства. Вести речь о более объективном рассмотрении личности Троцкого, деятельности его соратников было теперь невозможно в принципе, так как могло подорвать внешнеполитические позиции современного руководства. Наконец, данные установки породили массив однотипных монографий и сборников, которые мало что дали нового для исторической науки.

Смена руководства КПСС в октябре 1964г. способствовала усилению консервативных тенденций в изучении проблемы. В новых обобщающих трудах по истории партии воспроизводилась концепция освещения борьбы с "правым уклоном" в том виде, в каком она сложилась к началу 30-х гг. Оценки политических процессов 1936-1938 гг.

были выведены из научного оборота,но официально отменены не были. В 1966 г. Брежнев выступил в Тбилиси и заявил:"Мы напишем настоящую историю нашей партии и нашего государства,которая ляжет на сердце каждого коммуниста икаждого советского человека"[I]. Для подготовки общественного мнения в литературе стали пропагандироваться идея о значительном позитивном вкладе Сталина в укрепление единства партии,о том, что переоценка устоявшихся концепций есть подмена "глубокого и всестороннего изучения героического опыта КПСС коллекционированием сомнительных фактов об ошибках и издержках, смакованием недостатков и просчетов"[2]. Задача освещения внутрипартийной борьбы сводилась к показу политической необходимости разгрома оппортунизма,вреда деятельности оппозиционеров,разоблачению "предательской"роли "главарей" фракционных групп. При этом подчеркивалась невозможность широкого цитирования оппозиционеров,так как в историю "привносятся их оценки событий",что якобы искажает саму историю. Частичная реанимация подходов "Краткого курса" существенным образом сказалась на развитии историографии,чему в немалой степени способствовала деятельность С.П.Трапезникова и Ф.М.Ваганова,отвечавших в ЦК КПСС за развитие историко-партийной науки.Под их руководством изучение истории было сведено к доказательству истинности заданных официальных "закономерностей" развития КПСС и СССР. В немногих изданных биографиях политических деятелей анализировались события, препарированные в свете указаний КПСС. Лидеры оппозиций,уклонов,групп инакомыслящих упоминались в учебниках только в отрицательном плане. Отделы ЦК КПСС – агитации и пропа –

I. ЦХСД. Ф.93,оп.60.л.40
2. Голиков В.,Мурашев С.,Чхиквашвили И., Шатагин Н.,Шаумян Г. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС //Коммунист. 1969.№ 3. С.73

ганды, науки и учебных заведений, Институт Марксизма-ленинизма, органы цензуры пристально следили за развитием исторической науки в соответствии с идеологическими догмами, одергивая "Зарвавшихся" в стремлении к истине ученых-обществоведов. По мере усиления неосталинизма вводились все новые ограничения на использование документов, издательскую деятельность, работу научно-исследовательских учреждений. Источники с информацией, расходящейся с официальной концепцией истории СССР и КПСС, хранились в секретных фондах, недоступных массе исследователей. Это обстоятельство в сочетании с мощным идеологическим давлением и воспитанием привело к тому, что новое поколение историков разрабатывало проблемы политической борьбы в советском обществе, как правило, в русле официальной доктрины. Многие современные авторы отдали в прошлом дань традиционным подходам, искренне веря при всех своих сомнениях, что в 20-х гг. был выбран вопреки "оппортунизму" в целом правильный путь строительства социализма.

В связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина начался новый этап идеологического оформления наступления консервативной реакции. Решающим фактором активизации этого процесса стали события в Чехословакии августа 1968 г. Интервенция в ЧССР советских войск и их союзников, ликвидация попытки либерализации социалистического строя в рамках марксистской доктрины были в глазах советских идеологов еще одним, причем абсолютным доказательством истинности утвердившейся концепции борьбы партии за единство своих рядов как главного условия ее грядущих побед.

Решение ЦК КПСС от 8 мая 1969 г. "Об усилении работы по разоблачению троцкизма" (№ 1124/16) оказало большое влияние на историографию. ЦК КПСС постановил подготовить издания, рассчитанные

на зарубежного читателя, о борьбе Коммунистической партии с троцкизмом. Выполняя это постановление, ИМЛ подготовил сборники "КПСС и В.И.Ленин в борьбе против троцкизма" и "Коммунистический интернационал в борьбе против троцкизма", а также монографии "Троцкизм - злейший враг марксизма-ленинизма", "Разоблачение КПСС враждебных взглядов троцкистов по национально-колониальному вопросу".

В ходе подготовки очередных томов многотомной "Истории КПСС" обострились дискуссии в ИМЛ между консерваторами и антисталинистами. Выступая в июне 1966 г. на обсуждении 3 тома, Снегов, Рошаль, Вульфсон, Осликовская, Зорина требовали расширения материала об ошибках Сталина, характеристики "Краткого курса", ликвидации "уклономании" при освещении деятельности Бухарина, Рыкова, Преображенского и др. Но ИМЛ отмел все предложения об усилении критики сталинизма.

Неосталинская концепция политической борьбы в партии была сформулирована в трудах ИМЛ "Ленинский план социалистической индустриализации и ее осуществление", "Ленинский кооперативный план - борьба партии за его осуществление", "КПСС во главе культурной революции", "Ленинские организационные принципы и вопросы партийного строительства на современном этапе", "Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк". В соответствии с решениями ЦК было усилено разоблачение маоизма как китаезированного милитаризма и троцкизма. Были подготовлены закрытые труды по анализу "антинаучной, антиленинской теории и практики югославского социализма". Учитывая активизацию левоэкстремистских течений на западе, ИМЛ подготовил монографии по анализу "антиреволюционной деятельности современного троцкизма".

Естественно, в этих условиях не могло быть и речи об анализе феномена большевистской политической элиты.

ИМЛ сформулировал установку о том, что троцкистско-зиновьевская оппозиция выступала как сознательная контрреволюционная группа, а правый уклон был "объективно", то есть бессознательно, контрреволюционной группой. Сама постановка вопроса об объективности и субъективности деятельности оппозиции, разделение групп уже являлось небольшим шагом вперед в разработке проблемы и свидетельствовала о том, что в недрах ИМЛ зрела переоценка проблемы внутрипартийной борьбы.

В литературе 70-х гг. освещение сталинских расправ с инакомыслящими, со старой партийной гвардией было недопустимым. Когда известный политобозреватель Ю.Жуков, официальный пропагандист и идеолог, написал в книжке о своей молодости "Начало жизни" о репрессиях 37 года, издательство отказалось ее публиковать. Ю.Жуков обратился в ЦК с просьбой о поддержке рукописи, которая показывает, "что хотя в это время происходили грубые нарушения законности, но партия уже тогда прилагала усилия к тому, чтобы их преодолеть ..., что сами советские люди, ставшие жертвами необоснованных репрессий, не пали духом, не утратили веры в партию и дело социализма". Эта глава, по мысли Жукова, противостоит книге Солженицына "Один день Ивана Денисовича", в которой ставился "знак равенства между порядками, существовавшими у нас, и фашистским режимом". Но несмотря на это, консервативное руководство не смогло понять пользы для режима такой книжки и отказало своему верному идеологу. В руководстве ЦК уже началось необратимое падение интеллектуального потенциала и морально-нравственных качеств. Режим не был способен на радикальные действия во имя собственного благополучия, на гибкость и маневр, смелые решения.

Л.Ф.Ильичев утвердил Положение о создании в ЦПА ИМЛ спецфонда рукописных материалов (Ф.560), предназначенного для хранения неизданных рукописных материалов о нарушениях законности в годы культа личности в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 29 декабря 1963 г. В этом положении было указано, что без специального разрешения ЦК КПСС эти материалы исследователям выдавать запрещено и далее: "документы могут быть использованы там и тогда, где и когда это признает необходимым Центральный Комитет". Трудно найти документ, более наглядно демонстрирующий боязнь партаппарата научной разработки проблемы сталинизма, подлинной истории КПСС, проблемы большевистской элиты.

Важнейшей составной частью контроля над учеными явился ограниченный допуск к источникам в архивах. Главное архивное управление при Совете Министров СССР в исполнение постановления Политбюро ЦК КПСС от 23 мая 1977 г. приняло решение "О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности в архивных учреждениях страны". Согласно этому постановлению резко ужесточались инструкции о допуске исследователей и представителей общественности к документации, к личным фондам деятелей страны.

В связи с изданием полного собрания сочинений В.И.Ленина перед ЦК КПСС и ИМЛ встал вопрос о публикации тех работ и писем В.И.Ленина, которые скрывались в годы сталинского режима в тайниках спецхранов. Однако нарастание неосталинистских тенденций и сохранение ряда признаков тоталитарного государства не позволяли руководящим кругам публиковать те произведения Ленина, которые разрушали сложившиеся стереотипы образа Ленина, как человека (отношения с Инессой Арманд, доверие к Малиновскому, оказавшемуся провокатором, личные связи с деятелями партии, по-прежнему числившимися в "оппортунистах") и как политика (указания о проведении красного террора, прямой под-

держке антиправительственной деятельности в странах Запада,о мерах по пресечению религиозной деятельности,забастовок,о методах политической борьбы). Примечательно, что от общественности скрывались положительные оценки Лениным Троцкого(например:"Выкидывать за борт Троцкого - верх нелепости"),Бухарина,Зиновьева,целого ряда других будущих "оппортунистов",а также отрицательные оценки некоторых деятелей сталинской администрации.

Серьезное влияние на замораживание научного осмысления политической борьбы в 20-30-е гг. оказало,как это не странно,развитие диссидентского движения в СССР. В глазах идеологов ЦК КПСС напрашивались параллели между оппортунистами 20-х гг., подрывавших единство КПСС, и инакомыслящими 70-х гг., подрывавших единство советского народа. Если в прошлом требовалось единство любой ценой партии, теперь проводилась идея о единстве партии и народа, о морально-политическом единении всех слоев общества и т.д. В немалой степени боязнь диссидентов развивалась под впечатлением резко позитивных оценок буржуазными идеологами диссидентского движения. В справках Главлита КГБ СССР постоянно подчеркивалось, что правящие круги Запада считают диссидентское движение более опасным для советского режима,чем вооружения НАТО.

Главным аргументом Главлита было то, что в СССР,наряду с официальной историографией,развивалась подпольная - самиздатовская литература,которая в той или иной степени отражала проблематику политической борьбы в довоенный период. В качестве примера среди таких работ можно отметить рукопись В.Ф.Турчина "Инерция страха". Автор - доктор математических наук В.Ф. Турчин - был известен как подписант "Протеста I70-ти" в защиту осужденных

Гинзбурга и Галанскова. Свою рукопись Турчин направил в журнал "Коммунист" и, убедившись в невозможности ее опубликования, предоставил ее в распоряжение "Самиздата". В книге, в частности, утверждалось, что вследствие установления в годы культа личности Сталина тоталитарного режима, в стране продолжает действовать "инерция страха", которая задерживает духовное развитие советского общества. Автор заявлял о своем согласии с коммунистическим мировоззрением, но при этом предлагал пересмотреть теоретические положения сталинизированного марксизма и практики его осуществления. Турчин требовал реального осуществления советской Конституции, прав и свобод личности, проведения реформ по демократизации общества и повышению роли интеллигенции в управлении страной. Главная идея работы: демократизация - путь к коммунизму. Но КГБ, выкравший работу у автора, расценил ее как антимарксистскую и антисоветскую.

По рукам ходили работы Е.Гинзбург "Крутой маршрут", А.Авторханова "Технология власти", Роя Медведева "К суду истории" и другие историко-аналитические труды диссидентов. Но в отличие от многочисленных официозных работ они не оказывали значительного влияния на общественное мнение и на развитие историографии.

В 70-80-х гг. пышным цветом расцвело целое направление историографии, посвященное раскрытию темы "борьбы ленинизма против оппортунизма". Для координации работ историков был создан всесоюзный научный совет по проблеме, который периодически созывал соответствующие научные конференции. Возглавили разоблачение троцкизма, бухаринизма и проч. такие историки, как Ф.М. Ваганов, А.Г.Титов, С.Л.Дмитренко, В.М.Иванов, Н.А.Васецкий,

А.Н.Шмелев, М.И.Басманов, В.И.Тетюшев, А.М.Смирнов, И.Д.Шатагин, Н.А.Сламихин, И.М.Москаленко.[1] В отличие от своих многочисленных периферийных последователей, разоблачавших оппортунизм на местном материале или пытавшихся анализировать вышедшую литературу по проблеме, эти авторы имели доступ к секретным архивным фондам и знали многое из того, что тщательно скрывалось от научной общественности. Но зашоренные идеологическими догмами и не смевшие выступать против политической конъюнктуры, лидеры историко-партийной отрасли официального обществоведения настойчиво и последовательно убеждали читателей, слушателей, студентов в непогрешимости сталинского ЦК ВКП/б/ и вредоносности оппозиционных лидеров большевизма.

В литературе логично утверждалось, что социально-экономическая политика этого периода может быть принята и изучена только в связи с анализом идеологического противоборства в руководстве правящей партии и государства.[2] Но в то же время утверждалось, что борьба против оппортунизма стала большой политической

---

1. Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов.- М.,1976; Иванов В.М., Шмелев А.Н. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма.-Л.,1970; Сламиихин Н.А. Разоблачение В.И.Лениным теории и практики троцкизма.М.,1974; Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д. Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период.-М.,1974; Примеров Е.В. Борьба партии за ленинское единство своих рядов /1921-1924/.-Львов,1979; Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма.-М.,1975; Басманов М.И. В обозе реакции: троцкизм 30-70-х гг.-М.,1979; Ваганов Ф.М. Правый уклон и его разгром.-М.,1977; Историческое значение опыта борьбы КПСС против правого и "левого оппортунизма".-М.,1980; Трапезников С.П. На крутых поворотах истории.(Из истории борьбы с ревизионизмом внутри марксистско-ленинского движения).-М.,1971; Москаленко И.М. ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов.-М.,1973. и др.

2. Осколкова Э.Д. Проблемы историографии и методологии ленинской концепции нэпа.-Ростов н/Д, 1982.-С.111-132.

школой обществоведов, в которой проверялось умение отстаивать ленинизм.[1] Поскольку эта борьба изучалась на основе комментаторства и пересказывания партийных документов, трактуемых в качестве единственных первоисточников, постольку и проблемы деятельности вождей партии, духовной жизни, вопросы экономической политики, связанные с противоборством в партии, излагались в искаженном свете.

Интересные подходы содержались в публикациях исследователей истории экономической и философской мысли. Обществоведы раскрыли содержание многочисленных теоретических дискуссий 20-х гг. в связи с борьбой за упрочение марксистско-ленинской теории. В работах экономистов Д.В.Валового, Г.Е.Лапшиной, Н.И.Базылева, Г.Г.Богомазова, Р.М.Гусейнова, Л.Грибенко, М.П. Евсеева, Л.Б. Резникова, Н.Ф.Фигуровской, Л.Широкорада и других не только критиковались взгляды оппозиционеров в духе официальной концепции, но в ряде случаев предпринимались попытки объективно разобраться в содержании концепций оппонентов Сталина.[2] Философы Л.Н.Суворов, Б.А.Чагин, И.С.Нарский, В.И.Ксенофонтов и другие рассмотрели вопросы, связанные с критикой обществоведами 20-х гг. философского мировоззрения Н.И.Бухарина и других оппозиционных деятелей, представителей большевистской интеллектуальной элиты. Однако выводы философов, экономистов, литературоведов и без того весьма скромные и осторожные, полностью игнорировались профессиональными идеологами - историками КПСС, неуклонно следовавшими установкам ЦК КПСС.

---

1. Зевелев А.И. Ленинская концепция историко-партийной науки.- М., 1982.-С.61.

2. Евсеев М.П. К истории политической экономии социализма в СССР. 1926-1936 гг.-Томск, 1971.

Консервативно-неосталинская тенденция в обществоведении придавила ростки плюрализма и свободомыслия в историко-биографическом жанре историографии. Поднявшаяся было после XX съезда КПСС волна литературы о жертвах сталинского террора 30-х гг. среди большевистской элиты была погашена. Одни имена, вроде Ф.Ф.Раскольникова, были вновь выброшены из истории, другие упоминались в исторических публикациях без указаний об их трагических судьбах, противодействии сталинизму, участии в оппозициях и т.д. Круг исследований был ограничен в основном биографиями соратников В.И.Ленина, отнесенных к разряду "стойких ленинцев", - Ф.Э.Дзержинского, М.И.Калинина, Н.К.Крупской, И.В.Бабушкина, П.А.Красикова, Л.Б.Красина, Г.М.Кржижановского, А.В. Луначарского, М.С.Ольминского, Г.К.Орджоникидзе, Я.М.Свердлова, Н.А.Семашко, Г.И.Петровского, В.Р.Менжинского и некоторых других. Естественно, что и эти биографии подчищались и глянцевались в духе охранительства от ереси ревизионизма. Личности таких соратников В.И.Ленина как Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский, Л.Б.Каменев, Г.Е.Зиновьев, не говоря уже о Л.Д.Троцком - "дьяволе марксистской религии" (по словам В.Коротича), стали классическими фигурами умолчания. Об их практической деятельности, направленной на укрепление диктатуры большевизма, говорить просто было запрещено. Этих деятелей полагалось разоблачать и осуждать.

Г.Г.Дмитренко попытался проанализировать историографию жизни и деятельности соратников В.И.Ленина, подведя определенным образом итоги развития биографистики "застойного периода".[1]

---

1. Дмитренко Г.Г. Советская историография жизни и деятельности соратников В.И.Ленина.-Харьков, 1985.

Монография содержит разделы, не потерявшие научной ценности по настоящий день, но в целом она несет на себе печать апологетизма и охранительства, снизившую общий уровень работы.

Изучение значительной группы политических биографий лидеров большевизма и советского государства, их практической деятельности по руководству различными сторонами жизни общества ставило вопрос об индентификации этого специфического слоя. Было очевидно, что наследники сталинцев - современные руководящие кадры-с большим сомнением могут быть отнесены к пролетарским революционерам. Но разработка вопроса о функционировании политической элиты в обществе, заявившем о приверженности братству и неравенству людей, было объективно невозможно. В этих условиях получила развитие концепция новой советской интеллигенции, включающей в себя высшее партийное руководство. В обобщающих трудах по истории культурной революции и интеллигенции утверждалось, что первоначальное ядро советской интеллигенции составили профессиональные революционеры, к которым примкнули представители старой интеллигенции, по своему мировоззрению и политической ориентации тяготевшие к народу и социализму. В литературе доказывалось, что социал-демократическая интеллигенция относилась именно к пролетариату, поскольку отличалась "слитностью" интересов. В советское время на этой основе стала создаваться новая интеллигенция за счет подготовки красных специалистов в вузах и партийных работников в специальных Коммунистических университетах, партийных школах. Л.С.Леонова обстоятельно осветила процесс подготовки правящей партией управленческих кадров в партийных вузах[1].

---

1. Леонова Л.С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях.-М.,1979.

Несмотря на очевидную для современных исследователей прямолинейность и политическую заданность подобных подходов, они развязали руки целому ряду историков, изучавших феномен российской интеллигенции. В трудах С.А.Федюкина, Л.К.Ермана, В.Р.Лейкиной-Свирской, О.Н.Знаменского, А.А.Буравченкова, А.Г.Кавтарадзе, Л.Г.Березовой, Л.В.Иванова, Н.В.Алексеева, П.П.Амелина, А.С. Павлюченкова, А.В.Ушакова, М.Е.Главацкого, М.П.Кима, Л.В.Зак, В.Л.Соскина, В.С.Меметова, Г.А.Матвеева, В.С.Волкова, С.А.Красильникова, В.Р.Веселова были поставлены принципиальные вопросы участия интеллигенции в целом и ее различных отрядов в политических событиях XX века, взаимодействия с властями до и после революции. М.Е.Главацкий отмечал, что в литературе были достигнуты заметные успехи в изучении политического размежевания интеллигенции после 1917 г., привлечения буржуазных специалистов, роли выдвиженчества, развития инженерно-технической, учительской и научной интеллигенции под руководством компартии.[1]

В ходе осмысления этих проблем С.А.Федюкин, В.Л.Соскин, В.Т.Ермаков и ряд других культурологов пришли к выводу об отсутствии прямой зависимости политических взглядов различных групп интеллигенции от социально-экономического положения и квалификации. Историки вплотную приблизились к пониманию того, что интеллигенция не только является элементом социально-классовой структуры в социологическом плане, но является самостоятельным субъектом сферы духовного воспроизводства. Политические взгляды отдельных групп или представителей интеллигенции детерминируются в силу указанной причины качеством и способом анализа социаль-

---

1. Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР.-Свердловск, 1987.

ной действительности, профессиональными интересами, историческими традициями и, наконец, личностными качествами.

Поскольку эти положения выходили за рамки традиционной для советского общества методологии, то они высказывались зачастую эзоповым языком, обставлялись оговорками или подобранными цитатами классиков марксизма и т.д. Так, В.Т.Ермаков на конференции в Новосибирске подчеркивал противоречивый и неоднозначный характер взаимоотношений советской власти и интеллигенции. Он говорил, что при анализе истории интеллигенции количественно-перечислительный подход должен иметь определенные границы, так как "вклад интеллигенции в строительство нового мира - не арифметическая сумма ее деяний, а диалектический процесс, протекавший в определенных условиях, не всегда без издержек и ошибок, в котором возможности и результаты не обязательно совпадали".[1]

Не отвергая официозное положение об управленческом отряде советской интеллигенции, культурологи внесли коррективы в такую постановку вопроса, показав конкретно-исторические различия большевистской партийной интеллигенции дореволюционного образования от последующих групп номенклатурных управленцев. Было показано, что стержнем истории этого отряда интеллигенции, как и любых других, является процесс эволюции или постепенных изменений, которые происходили в данном социально-профессиональном сообществе в материальном положении, поло-возрастных показателях, морально-нравственной сфере, профессиональном уровне и квалификации, политических позициях. Однако эти прогрессивные

---

1. Ермаков В.Т. Советская интеллигенция как предмет исторического изучения /к постановке вопроса/: Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве в СССР/ Всесоюзная конференция. Новосибирск. Тезисы.- Москва, 1979.- с.13.

идеи в силу объективных политических условий было невозможно реализовать в полной мере,так как такие темы как репрессии,формирование элитизма номенклатуры и другие были закрыты для исследователей.

Наиболее продуктивно исследователи изучили первый этап функционирования этой специфической социальной группы. Не вдаваясь в проблему противоречий между интеллектуальной элитой революционного движения и широкими массами трудящихся,историки четко зафиксировали реальное существование и функционирование большевистской партийной интеллигенции вплоть до конца 20-х гг.

Известный культуролог С.А.Федюкин показал процесс формирование большевистской интеллигенции,опираясь на работы В.И.Ленина. По его мнению,большевиков-интеллигентов к октябрю 1917 года было 30-35 тысяч человек,то есть 10% состава партии. Л.И.Иванова назвала цифру 10-15 тысяч человек или 5-6% состава партии. Разница заключалась в том,что Федюкин относил к этой категории не только коммунистов-интеллигентов по основной профессии,но и рабочих-революционеров[I]. Академик И.И.Минц численность слоя пролетарских революционеров приравнял к количеству служащих в партии,которых насчитывалось в 1918 г. 40-50 тысяч или 23% состава партии, но роль этой прослойки он оценил достаточно скромно. По его мнению,пролетарская интеллигенция выполнила роль "участника" в развитии главной движущей силы революции.

С.А.Федюкин же писал, что большевистская интеллигенция составляла штаб или центр движения,руководящее ядро партии,сыграла выдающуюся роль в восстании. Но в революции в целом интеллигенция выполнила

I. Федюкин С.А. Партия и интеллигенция.-М.,1983.

функцию помощника и союзника ведущих классов. Л.В.Иванова подчеркивает "огромную роль" большевистской интеллигенции в дни Октября и в строительстве основ новой власти. Причем после революции "огромный объем созидательной деятельности во всех областях функционирования молодого государства лег почти исключительно на плечи партийной интеллигенции"[1]. Несмотря на отдельные разногласия, исследователи были едины в позитивной оценке деятельности большевиков-интеллигентов, вошедших в высшее руководство страны.

В целом для отечественной общественно-политической литературы по проблемам функционирования большевистской элиты, вышедшей в т.н. "застойный период", характерен был более высокий теоретический уровень по сравнению с предыдущим этапом, наблюдалось освоение новых архивных источников, включение в объект исследования деятельности партийных деятелей-жертв репрессий сталинизма, расширение круга авторов. Однако контроль и давление цензурных партийно и идеологических инстанций сковывали научную мысль, ограничивали и тормозили ее развитие. Руководство ЦК КПСС обладало всей полнотой информации о шедших в зарубежной историографии процессах осмысления истории КПСС и СССР, в том числе большевизма, целенаправленно и систематически направляло общественные науки в русло апологетизма и искажения исторической истины во имя укрепления существовавшего режима власти. Однако, несмотря на препоны и затруднения в научной работе, советские историки создали необходимый идейно-теоретический задел для грядущего обновления исторических концепций.

1. Иванова Л.В. Большевистская партийная интеллигенция и Великий Октябрь /Интеллигенция и революция. XX век.- М.,1985.-с.138.

§ 3. Проблемы большевистской политической элиты в современной историографии

Начавшееся с середины 80-х гг.по инициативе правящей коммунистической партии обновление всего советского общества положило начало политике гласности и демократизации в русле марксистско-ленинского мировоззрения. Хотя ограничения сковывали общественную мысль,уже тогда были заложены основы плюрализма и многопартийности. В авангарде перестройки в духовной сфере оказалась публицистика и художественная литература, поднявшие практически все острейшие проблемы прошлого и настоящего. Во второй половине 80-х гг. вышел ряд произведений,осветивших проблемы возникновения, функционирования и краха сталинизма,сопротивления ему со стороны лучших представителей старой партийной гвардии. Пьесы М.Шатрова,прежде всего знаменитая драма "Дальше,дальше,дальше...", романы А.Рыбакова из цикла "Дети Арбата", стихотворения Е.Евтушенко, "Колымские рассказы" В.Шаламова, романы и повести В.Гроссмана и А.Бека в определенном смысле дали зачин всей последовавшей профессиональной исторической литературе. Большую роль сыграло опубликование на русском языке романов Дж.Оруэла "1984" и Артура Кестлера "Слепящая тьма"Эти художественные произведения мощно воссоздали гнетущую атмосферу тоталитаризма и дали исходный духовный уровень оценки этого явления. Много дали для понимания происходившего в довоенный период очерки Андре Жида и Леона Фейхтвангера,отразившие их личные впечатления от СССР.

Появление массива подобных работ трудно переоценить для хода перестроечного процесса. Благодаря литераторам и публицистам была сформирована определенная общественно-политическая,духовно-нравственная атмосфера для преобразований в стране.Общество было готово к преобразованиям в экономике,властных структурах и если бы

горбачевское руководство смогло мудро воспользоваться ситуацией, то можно было бы избежать развала Союза и экономической катастрофы в начале 90-х гг. Однако высшее руководство не смогло обуздать негативные стороны перестройки, присущие ей как и любому явлению в обществе. В полной мере это коснулось и исторической науки.

Историки Ю.Н.Афанасьев,В.Э.Дробижев,В.А.Козлов,М.П.Ким,И.И. Минц,Ю.А.Поляков,А.М.Самсонов,В.Т.Логинов,В.В.Поликарпов, философы И.Клямкин,А.Бутенко,филолог Ю.Карякин,экономисты Н.Шмелев и Г.Попов активизировали критическое осмысление исторического прошлого и опубликовали в прессе принципиально важные материалы о так называемых "белых пятнах" и "черных дырах" в истории. Но подлинный "обвал" исторических публикаций критического плана начался после празднования 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции.Официально мощный импульс этому процессу дал М.С.Горбачев, предложивший в юбилейном докладе "Октябрь и перестройка:революция продолжается" целый ряд новых подходов к освещению истории СССР и КПСС. В частности,в докладе была сформулирована идея,давно известная в эмигрантской литературе,о закономерном и объективном характере внутрипартийной борьбы 20-х гг. Многие бывшие лидеры были охарактеризованы без традиционных разоблачительных терминов "оппортунизм" и "антиленинизм". Последовавшая полная реабилитация Н.И. Бухарина, А.И.Рыкова, М.П.Томского и других деятелей из числа оппонентов Сталина, за исключением Л.Д.Троцкого,создавала условия для всестороннего анализа их деятельности и в целом большевистской элиты.

Этот поворот не сразу привел к переосмыслению исторического багажа и методических установок и историографии. Целый ряд ученых сопротивлялись новым подходам и продолжали настаивать на старых оценках в несколько модернизированном виде[I].

I. Во главе строительства нового общества:Исторический опыт деятельности КПСС в переходный период.-М.,I988.

Вместо исследования политической борьбы на базе новых источников консерваторы занимались анализом проблем "послеоктябрьского оппортунизма", его типологии, сущности и т.д.

По мере обновления экономической политики, в том числе развития кооперации, арендного подряда, фермерства становилось все более очевидным, что платформы "правого уклона" и других оппозиционных течений в ВКП(б) имеет актуальное звучание. В связи со 100-летием со дня рождения Н.И.Бухарина в ИМЛ при ЦК КПСС состоялась научная конференция, на которой Г.Л.Смирнов, В.П.Наумов, Л.Ф.Морозов, С.В.Цакунов, В.А.Козлов, Г.А.Бордюгов, К.Х.Декалоров, А.И. Осадчая, С.Л.Леонов, Ф.И.Фирсов проанализировали концепции Бухарина, их связь с современностью.[1] Вскоре в свет вышли воспоминания А.М.Лариной-Бухариной, С.Н.Гурвич-Бухариной, работы Р.Медведева, М.Гефтера, И.Е.Горелова, Ю.В.Емельянова, фундаментальная монография Ст. Коэна, которые несмотря на разногласия авторов значительно расширили представления историков о довоенном периоде истории и деятельности вождей большевизма.

В потоке публикаций о Бухарине выявились и различные подходы. Обратила на себя внимание критика апологетов бухаринских идей со стороны Ю.В.Емельянова и В.Кожинова с позиций национально-патриотического характера[2]. По их мнению, большевики-оппозиционеры не многим отличались от сталинцев и вместе с ними одинаково чужды интересам народа. Но большая часть исследователей стремилась, не превращая Бухарина в новую икону, разобраться в вопросе о содержании и реальном значении бухаринской программы как возможной альтернативы сталинизму.

---

1. Бухарин: человек, политик, ученый.-М:Политиздат, 1990.
2. Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине. Революция, история и личность.-М:Молодая гвардия, 1989; Кожинов В. Самая большая опасность.// Наш современник.-1989.-№1.

О.Лацис,Г.Шмелев,Л.Гордон,Э.Клопов,В.Данилов,С.Красильников,Г. Попов, в тот период доказывали перспективность и обоснованность бухаринской интерпретации ленинского плана строительства социализма. В.Журавлев и В. Наумов отмечали, что альтернатива Бухарина безусловно была,но она заключалась "не в тактических разногласиях со Сталиным,не в спорах о выборе конкретных путей решений в практической политике,а в защите ленинской концепции социализма от сталинских извращений"[1]. Исследователи показали, что Бухарин не просто защищал идеи последних работ В.И.Ленина,не воспринятых сталинизмом,а стремился развить их применительно к новым условиям. Даже после отстранения от власти, Бухарин сформулировал положение о социализме,воплощающем подлинное "единство человечества",гуманизм,плюрализм и демократию, противостоящее тоталитаризму "сверхвождей", при котором "обезличивание массы прямопропорционально прославлению вождя"[2].

В последнее время,в связи со сменой социалистической ориентации государств бывшего СССР, положение об альтернативе Бухарина потеряло политическую актуальность и стало предметом дискуссий узкого слоя историков. Миклош Кун в своей крупной монографии о Бухарине отошел от анализа содержательной стороны его мировоззрения,платформ и программ, сосредоточив внимание на изучении политической системы,взаимодействия ее различных элементов в ходе противоборства вождей[3]. Такой подход,бесспорно,нужен и поле -

---

1. Журавлев В.,Наумов В. Возвращение к правде // Правда.-1988.- 9 окт.
2. Бухарин Н. Основные проблемы современной культуры: Доклад 3 апреля 1936 г.//Новая и новейшая история.-1988.-№ 5.-С.92 -109.
3. Кун М. Бухарин. Его друзья и враги.- М.:Республика,1992.

зен, но вряд ли он исчерпывает проблему.

Огромный интерес исследователей вызвала неоднозначная фигура Л.Д.Троцкого. По разному оценивают эту своеобразную личность авторы различных работ, но все они считают Троцкого вместе с Лениным одним из творцов социалистического эксперимента России. Большинство исследователей, начиная от былых разоблачителей троцкизма и заканчивая современными политологами, видят в Троцком в основном амбициозного лидера, ведущего борьбу за личную власть [1]. Этот аспект анализа увел исследователей от специального анализа содержания работ Л.Д.Троцкого, особенно периода его последней эмиграции[2]. Исключительное место среди них принадлежит великолепному теоретическому труду "Преданная революция". Поздний троцкизм практически не изучен и не понят в полной мере ни критиками, ни апологетами Троцкого. (Обрыв перестроечных процессов в 1991г. сорвал приближающуюся партийную реабилитацию Л.Д. Троцкого и изучение его теоретического наследия.)

Всесторонний процесс реабилитации не только членов большевистского руководства, но и представителей интеллигенции, крестьянства, казачества, репрессированных народов составил значительное достижение перестройки, не оспариваемое никем. В результате работы комис-

---

1. Васецкий Н.А. Троцкий. Опыт политической биографии.- М:Республика, 1992; Он же. "Я шел к Ленину с боями". Ленин и Троцкий: К характеристике взаимоотношений.(1920-1924).- М:Знание, 1991; Он же. Ликвидация. Сталин. Троцкий. Зиновьев. Фрагменты политических судеб.- М.,1989; Волкогонов Д.В. Троцкий. Политический портрет в двух книгах.- М.,1992. Старцев В.И. Л.Д.Троцкий (Страницы политической биографии) М.,1989; Дойчер И. Троцкий в изгнании.- М:Политиздат, 1991.
2. Троцкий Л.Д. К истории русской революции- М:Политиздат, 1990; Он же Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов.- М:Наука, 1990; Он же. Моя жизнь.- М:Книга, 1990; Он же Сталин. Т.1-2.- М.: Терра, 1990; Архив Троцкого, Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Т.1-4.- М: Терра, 1990.

сии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х гг. и начале 50-х гг., был восстановлен значительный пробел в советской истории, связанный с функционированием большого числа уклонов, оппозиций, групп инакомыслящих. Сборник материалов комиссии является ценнейшим источником и одновременно принципиальным историографическим фактом, ставшим известным рубежом развития историографии[1]. Вплотную примыкают к этому изданию многочисленные очерки, воспоминания о репрессированных деятелях партии и государства, рядовых рабочих и крестьян[2]. Следует отметить исследовательские работы О.В. Хлевнюка, содержащие анализ нового материала из центральных архивов о развертывании репрессий и попытках сопротивления им части партии[3]. Обобщение материалов местных архивов о ходе репрессий на Дону, Кубани, Северном Кавказе, Сибири содержится в работах Е.Н.Осколкова, И.И.Алексеенко, И.Н.Кузнецова[4].

---

1. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х гг.- М.:Политиздат, 1991.
2. Реабилитирован посмертно. Вып.I-2.- М.:Юридическая литература, 1989г.; Викторов Б.А. Без грифа "секретно". Записки военного прокурора.- М.: Юридическая литература, 1990; Расправа. Прокурорские судьбы.- М.:Юридическая литература, 1990; Боль и память.- М.Республика, 1993; Якупов Н. Трагедия полководцев.- М., 1992; Ефимов И.И. Не сотвори себе кумира.- Л.:Лениздат, 1990; Росляков М.Убийство Кирова: Политические и уголовные преступления в 1930-х годах.- Л.:Лениздат, 1991; Звенья: Исторический альманах.- М., 1991.
3. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.Республика. 1992; Он же Орджоникидзе-Киров-Сталин //Свободная мысль. 1991 № 13; Он же.30-е годы. Кризисы, реформы, насилие. //Свободная мысль. 1991. № 17.
4. Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-х гг. XX века. Краснодар. 1993; Осколков Е.Н. Голод 1932-1933гг. Хлебозаготовки и голод 1932-1933 года в северо-кавказском крае. Ростов н/Д. 1991; Кузнецов И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е гг. и реабилитация жертв террора. Автореферат... канд.ист.наук. Томск. 1992.

Публикации в конце 80-х гг. недоступных ранее документов, открытие в архивах фондов секретно-политических отделов ЦК ВКП(б), ОГПУ-НКВД позволили убедиться историкам в лживости целого ряда исторических концепций прошлого и переосмыслить свои позиции. Открытие в архивах личных фондов, персональных партийных дел, архивно-следственных дел ОГПУ-НКВД дали историкам новый импульс к изучению политических биографий деятелей СССР и России в полном объеме в контексте событий, ранее замалчиваемых, таких как расказачивание, становление тоталитарного режима, голод 1933г., массовые чистки и репрессии и т.д. Исследование биографий жертв тоталитаризма позволяло не просто возвратить истории имена погибших, не только еще раз осудить сталинщину, но давало возможность понять - насколько был закономерен сталинизм, является ли он непосредственным продолжением большевизма, наконец, были ли возможности более свободного и человечного развития советского общества.

В силу названных причин в советской биографистике произошел небывалый подъем в количественном и качественном отношении. Были написаны десятки кандидатских и ряд докторских диссертаций по персоналиям истории СССР и КПСС[1]. Усилиями историков была воссоздана

1. Афанасьева В.И. Революционная и государственная деятельность Д.И.Курского. Автореферат канд.ист.наук. М. 1992; Аксенов А.Ф. Революционная и военно-организаторская деятельность П.Е.Дыбенко (апрель 1917-1938гг.). Автореферат канд.ист.наук. М. 1992; Бостан Л.Н. Политическая деятельность С.И.Гопнер. Автореферат канд.ист.наук. Днепропетровск. 1992; Дыгай А.И. Государственная и военно-хозяйственная деятельность Н.А.Вознесенского. (1939-1945). Автореферат канд.ист.наук. М. 1992; Ищенко Е.В. Политическая деятельность А.Я.Шумского на Украине. Автореферат канд.ист.наук. Днепропетровск. 1992; Саханская Н.В. Революционная деятельность и экономические взгляды М.К.Владимирова (политический портрет) Одесса, 1991; Пушкин О.В. М.П.Чаплин. Историко-психологический портрет поколения. Днепропетровск. 1992; Калмыков А.Г. Революционная деятельность М.В.Фрунзе в 1917г. Ленинград. 1990. Автореферат канд.ист.наук. 1990; Никитенков В.И. Государственная и военная деятельность М.В.Фрунзе на Украине. Автореферат канд.ист.наук. М. 1991; Бойчев И.З.Военно-

деятельность членов первого Советского правительства, Реввоенсовета республики и их лидеров[1].

Результатом усилий историков стало возвращение "исторической правды" о традиционных в прошлом "фигурах умолчания", провинившихся либо в близости к "оппортунистам" и "обер-шпионам" Троцкому и Бухарину, либо просто своей трагической гибелью в 1937г. История советского государства была наконец "заселена" своими творцами со всеми их достоинствами и недостатками, подвигами и преступлениями. Все это давало надежду выйти в ближайшем будущем на простор теоретических обобщений о роли личностного фактора, политических лидеров и правящей элиты в развитии государства и общества.

В течении перестроечных лет был опубликован цикл работ виднейших зарубежных историков[2] о крупных представителях большевист-

---

политическая деятельность Л.Д.Троцкого в годы иностранной военной интервенцоо и гражданской войны. Автореферат канд.ист. наук.М.1990; Кузнецов В.А. Военно-политическая деятельность И.В.Сталина в годы военной интервенции и гражданской войны (1918-1920) Автореферат канд.ист.наук, М. 1991; Веселов М.В. Военно-политическая деятельность Н.С.Уншлихта (1918-1930гг.). Автореферат канд.ист.наук. М. 1991; Межлаук Ф.К. Деятельность В.И.Межлаука в годы революции и гражданской войны. Автореферат канд.ист.наук. М.1991; Владимиров М.И. Партийная, государственная и военно-организаторская деятельность В.В.Куйбышева. Автореферат доктор.ист.наук. М.1991 и др.

1. Первое советское правительство. Октябрь 1917-июль 1918. М. Политиздат. 1991; Реввоенсоват республики. 6 сентября 1918 - 28 августа 1923г. М. Политиздат. 1991; Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди. М. Политиздат.1989; Архивы открывают тайны... Международные вопросы: события и люди. М. Политиздат. 1991; Боганов А.П. Богданов Г.П. Долг памяти. Повеать об отце. М.Политиздат. 1990; Яковлева Т. Луначарский. Книга для старшеклассников. М.Просвещение. 1991; Исторические портреты. М.Просвещение. 1993; Исторические силуэты. М. Наука. 1992 и др.

2. Коэн Стивен. Бухарин. Политическая биография. 1908-1938.М. 1988; Таккер Роберт. Сталин. Путь к власти. История и личность. М.1991; Кант Франсис. Революция и дипломатия. М.1991; О,Коннор Тимоти Эдвард. Георгий Чичерин и советская внешняя политика. 1918-1930. М. Прогресс. 1991; Он же. Анатолий Луначарский и советская культура. М. Прогресс. 1992; Дойчер И. Троцкий в изгнании. М. Прогресс. 1991.

ской политической элиты. Работы Ст. Коэна, Р. Таккера, Франсиса Канта, Тимоти О' Коннора выгодно отличаются в том качестве, которое напрочь отрицалось за ними в прошлом историко-партийными критиками "фальсификаторов" - объективностью. На фоне газетных публикаций пышащих злобой и ненавистью к большевикам, размеренный, спокойный, уравновешенный тон изложения этих виднейших ученых, взвешенность позиций, отказ от перехлестов и перегибов, претензий на абсолютную истину выглядит более чем поучительно.

Особняком стоят в историографии книги А.Авторханова " Технология власти", Р. Медведева "О Сталине и сталинизме", А.Антонова-Овсеенко "Сталин без маски", А.И. Солженицына " Архипелаг ГУЛАГ". Написанные в годы так называемого "застоя", они были опубликованы впервые за рубежом и увидели свет в СССР только в конце 80-х годов. Хотя в этих историко-публицистических работах большое количество неточностей, они бесспорно составили своеобразные вершины не только прошлого этапа историографии, но и перестроечных лет. По своим установочным принципам эти работы весьма разнятся: если А. Солженицын является ярым антикоммунистом, то Р. Медведев напротив - основатель Социалистической Партии Трудящихся на базе части членов бывшей КПСС. Такая ориентация сказалась на их подаче и отборе материала самым радикальным образом, что привело к некоторой односторонности выводов. Однако эти работы в совокупности успешно дополняют друг друга и дают вместе широкую, достаточно объективную картину истории в СССР, места и в этом процессе большевистской политической элиты.

Биографии сталинских сподвижников - так называемых "солдат партии" обрисованы в работах Арк.Ваксберга,Р.Медведева и других авторов. В отличие от предшествующих этапов историографии в этих работах наблюдается попытка уйти от простого разоблачительно-обвинительного уклона в отношении к Л.П.Берия,А.Я.Вышинскому и нарисовать более или менее объективный портрет[I].

Интересные наблюдения о составе сталинской политической верхушки имеются в брошюре А.И.Зевелева[2]. Характеризуя ее,он выделяет, во-первых, деятелей, причислявших себя к ленинской гвардии, но фактически не имевших с ними ничего общего(В.М.Молотов,Л.М.Каганович, К.Е.Ворошилов). Во-вторых, отмечается категория "болотных" деятелей, видевших недостатки Сталина,его пагубные действия,но занявших позицию молчания и интегрировавшихся в тоталитарную систему(М.И.Калинин,А.И.Микоян). Третья группа:А.А.Жданов,Г.М.Маленков,Н.И.Ежов и другие, пришедшие в аппарат в начале 30-х гг. Если облик Ленина притягивал людей талантливых,высоконравственных,образованных, то личность Сталина сплотила вокруг себя бюрократов,карьеристов. Не отрицая правомерность такого подхода,следует отметить,что он несколько прямолинеен. Достаточно указать на факт,что сам Сталин принадлежал к окружению Ленина и большинство членов сталинской гвардии успешно трудилось после Октября. А.И.Зевелев описывает развитие сопротивления сталинизму в специальной главке,но также не связывает этот процесс с эволюцией партийной элиты.

I. Берия:конец карьеры.-М:Политиздат,1991;Медведев Рой.Они окружали Сталина.-М:Политиздат,1990;Он же.Политические портреты.-Ставрополь, 1990; Васильева Л.Кремлевские жены.Факты,воспоминания,документы, слухи,легенды и взгляд автора.-М:Новости,1992; Трудные вопросы истории.Поиски,размышления.Новый взгляд на события и факты.-М.: Политиздат,1991;Инквизитор.Сталинский прокурор Вышинский.-М:Республика,1992.
2. Зевелев А.И. Истоки сталинизма.-М:Высшая школа,1991.

Если А.И.Зевелев считает, что Сталин создал бюрократию, партийный аппарат и использовал их в своих целях, то в отличие от него Н.Н.Маслов утверждает, что партийная бюрократия, подмявшая под себя советы и осуществлявшая всю власть в стране, выдвинула Сталина как "свое творение и воплощение". Н.Н.Маслов категорично сформулировал, что сталинизм - это идеология предельно бюрократизировавшегося, оторвавшегося от народа и противопоставившего ему себя слоя работников партийного и государственного аппарата в условиях тоталитарного господства в СССР административно-командной системы[I].

В целом большинство историков сегодня считает, что слой партийной бюрократии и Сталин нашли друг друга в середине 20-х гг. и объединились постепенно к концу 20-х гг. Их объединяло и связывало неприятие нэпа, стремление к командным методам руководства и низкая культура. Они презрительно отнеслись к партийной интеллигенции, как к белоручкам и умникам и отодвинули их сначала на второй план, а затем уничтожили.

Интересно анализирует элиту Р.А.Медведев, выделявший в ней "лучшую часть" в лице Орджоникидзе, Кирова, Калинина, Енукидзе; "худшую часть" в лице Ежова, Берии, Ягоды, Поскребышева, Мехлиса, Вышинского и, наконец, такие кадры сталинизма, как: Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович, Микоян, Суслов, выжившие в чистках и репрессиях и пронесших "знамя" тоталитаризма в постсталинскую эпоху. Медведев отмечает, что это были достаточно сложные личности, вступившие "на путь перерождения в то время, когда революционная твердость превращалась в жестокость и даже садизм, политическая гибкость - в беспринципность, энтузиазм - в демагогию".

I. Маслов Н. Идеология сталинизма: история утверждения и сущность. - М.: Знание, I990.

Никто из них не был законченным преступником или злодеем. Их развратила личная власть и условия сталинского режима,но это,подчеркивает Р.Медведев, не снимает с них ответственности за сталинские преступления[I].

В целом историки едины в том, что старая партийная гвардия была единственной силой в обществе, способной реально противостоять режиму личной власти Сталина,но оказавшейся по ряду причин неспособной сделать это. Ее разгром был завершающим обязательным условием утверждения сталинизма[2].

Политические биографии членов большевистской элиты,сопротивлявшихся в той или иной степени режиму личной власти Сталина, нашли отражение в целом ряде очерков историков и публицистов[3].

Из оппозиционеров 30-х гг. наиболее полно освещена биография героя сопротивления сталинизму - М.Н.Рютина. Менее известны широкой общественности С.И.Сырцов,В.В.Ломинадзе,Н.Б.Эйсмонт,В.Н. Толмачев. Они представляют определенный тип функционеров партии, образованных,умных,интеллигентных,скептически относившихся к Сталину и даже попытавшихся его критиковать,не понявших своеврменно рациональных зёрен троцкистской и бухаринской платформы. Самым заметным из них был С.И.Сырцов,бывший кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Председателем Совнаркома РСФСР в I929 - I930 гг.

I. Медведев Р. Они окружали Сталина.-М.,I99I.-С.6.
2. Режим личной власти Сталина.К истории формирования.-М.:МГУ,I989.-С.90; Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира.Социализм и культ личности(Очерки истории).-М.,I99I.-С.I34-I35.
3. Возвращенные имена.Кн.I-2.-М.:АПН.I990; О.И.Горелов,М.П.Томский (Страницы политической биографии).-М.:Знание.I989; Мельниченко В.Е. Раковский против Сталина.-М.:Знание.I99I; Николай Муралов. М:Московский рабочий.I990; Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников.-М.:Знание.I99I. Идельчик Х.И. Первый нарком здравоохранения.Г.Н.Каминский(I895-I938).-М.:Медицина.I99I; Шелестов Д. Время Алексея Рыкова.-М.:Прогресс.I990;См.также указ.соч.Медведева Р., Колганова А.И.,Зевелева А.И.,Волкогонова Д.А.

Несмотря на очевидную значимость личности Сырцова, оказавшей влияние на события в крупнейших регионах страны, в общественно-политической литературе его деятельность нашла слабое и эпизодическое освещение. Поскольку политическая биография С.И.Сырцова является стержнем настоящей работы, отметим публикации, в которых она затрагивается.

Ряд биографических справок в Большой Советской Энциклопедии, Энциклопедии "Гражданская война и военная интервенция в СССР" и в справочном пособии "Политбюро (президиум) ЦК партии в 1917-1989 гг.: Персоналии" отражает основные биографические вехи Сырцова. В очерках истории Донской парторганизации и в личных исторических монографиях отражены отдельные действия в качестве руководителя большевиков региона. Донские историки А.И.Козлов, Ю.И.Кириенко, Я.А.Перехов, В.Н.Сергеев, К.А.Хмелевский и С.К.Хмелевский, Е.Я.Емельяненко в своих трудах характеризуют те или иные факты Донской истории, связанные с Сырцовым[1]. А.В.Венков освещает позицию Сырцова во время проведения "расказачивания" в годы гражданской войны[2].

В последнее время имя Сырцова зазвучало в публицистике и художественной литературе о гражданской войне. Писатели А.Д.Зна-

---

1. Кириенко Ю.К. Революция и Донское казачество. (Февраль-октябрь 1917).- Ростов н/Д, 1988; его же. Крах калединщины.- М.: Мысль, 1976; Козлов А.И. На историческом повороте.- Ростов н/Д, 1977; Сквозь ветры века: Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. - 1987).- Ростов н/Д, 1988; Хмелевский К.А. Сыны степей донских.- М.: Политиздат, 1985; Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над Тихим Доном. Исторический очерк о гражданской войне на Дону.- Ростов н/Д. 1984. Сергеев В.Н. Политические партии в южных казачьих областях России 1917-1920. Ч.1-3. Ростов н/Д. 1993; Люди земли Донской. Очерки.- Ростов н/Д. 1983.
2. Венков А.В. Печать сурового исхода. К истории событий 1919 г. на Верхнем Дону.- Ростов н/Д. 1988.

менский в романе "Красные дни", Е.Лосев в книге и Миронове характеризовал и Сырцова,как примитивного троцкиста-экстремиста,испытывавшего "зоологическое отвращение" к казачеству и предавшего его "скопом за тридцать серебренников". В журнале "Столица" опубликована тенденциозная статья А.Арутюнова "Родимое пятно большевизма", в которой на основе сфальсифицированных в 1918 г. и тогда же разоблаченных "документов" указывалось,что Ленин,Троцкий и еще три десятка большевиков,включая С.И.Сырцова,являются платными"агентами германского генштаба".

Сибирский период отражен в работах,освещавших деятельность Сибкрайкома ВКП(б) зачастую без упоминания имени Сырцова. Большинство историко-партийных авторов вспоминали о нем при оценке "право-оппортунистического" лозунга:"Накопляйте,в добрый час". Исключение составляют работы Л.И.Боженко,И.А.Молетотова,пытавшихся показать деятельность Сырцова в Сибири в более положительном свете[1].

Московский период жизни Сырцова зафиксирован в целом ряде публикаций уже в начале 30-х гг. В официальных речах и статьях П.П.Постышева,И.Варейкиса,С.М.Кирова,А.А.Андреева,В.Таля и других политических работников группа Сырцова оценивалась в духе официальных постановлений Политбюро как "право-левацкий блок". Эти оценки развернули и конкретизировали на основе надерганных цитат из работ Сырцова Ем.Ярославский,Н.Н.Попов,В.Кнорин,М.Н.Гайсинский в своих пособиях по истории ВКП(б)[1]. В период сталин-

---

1. Молетотов И.А. Сибкрайком.Партийное строительство в Сибири. 1924-1930.-Новосибирск:Наука,1978.
2. Гайсинский М. Борьба с уклонами от генеральной линии партии. Исторический опыт внутрипартийной борьбы послеоктябрьского периода.-М.,1931; Ярославский Ем..История ВКП(б).Ч.1-2.-М:Политиздат, 1933 и др.

щины Сырцов был объявлен террористом и вредителем и почти исчез со страниц исторических работ. После разоблачения культа Сталина группа Сырцова по-прежнему упоминалась в различных пособиях как правооппортунистическая вплоть до перестройки. Исключение составляли работы зарубежных историков Ст.Коэна, Дж.Боффа, Е.Карра, Р.Конквеста, А.Авторханова, советского историка-диссидента Роя Медведева, в которых обозначался эпизод разгрома "право-левацкого блока" как проявление борьбы против Сталина.

А.Авторханов подчеркивает, что Сырцов претендовал на место А.И.Рыкова и в Политбюро и Совнаркоме СССР, так как обладал выдающимся талантом организатора, энергией и политической волей, самостоятельным мышлением, прямотой, решительностью и ортодоксальным прошлым. Сталин, по мнению Авторханова, полагал, что "гарантируя большую государственную карьеру ... он уже ликвидировал потенциальную опасность личных качеств Сырцова", но его расчет не оправдался. У Сырцова оказалось мало провинциальной наивности, но достаточно личного мужества и неисчерпаемого запаса революционного идеализма, чтобы попытаться выступить против Сталина.[I] Рассказ Авторханова о группах Сырцова, Эйсмонта, Рютина содержит неточности, но для своего времени он был заметной вехой в литературе об оппозициях 30-х гг. Однотипные сообщения содержались в работах его зарубежных коллег, опубликованных после начала перестройки на русском языке.[2]

I. Авторханов А. Технология власти.- М.:Слово,I99I.- с.263-265.

2. Боффа Дж. История Советского Союза.Т.I-2.-М.,I990; Конквест Р. Большой террор.-Рига,I99I; Шапиро Л. История КПСС.- Франкфурт н/М.: Посев,I99I.

Среди последних публикаций следует выделить статьи Б.А.Старкова, внесшего серьезный вклад в изучение сопротивления сталинизму. Длительное время занимаясь проблемой, он опубликовал ряд документальных источников с комментариями и вводными статьями. Следует выделить составленные им сборники работ М.Рютина, материалы советских разведчиков-невозвращенцев, его цикл статей о группе Сырцова, Рютине, Раскольникове, Пятницком, Кривицком, а также главу в учебном пособии.[I] Венцом изысканий Б.А.Старкова стала его докторская диссертация "Утверждение режима личной власти И.В.Сталина и сопротивление в партии и государстве /Итоги и уроки политической борьбы в 30-е гг./". В ней он рассмотрел такие проблемы, как становление командно-бюрократической системы, формирование образа врага как неотъемлемой части режима личной власти, попытки сопротивления сталинизму и причины их поражения. Анализируя деятельность оппозиционных групп 30-х гг., Старков пришел к обоснованному выводу о том, что они закономерно потерпели поражение, так как, во-первых, Сталин своевременно изолировал их от стихийного сопротивления трудящихся, во-вторых, они не получили поддержки в партии, которая на гребне побед не видела различий между сталинизмом и ленинизмом; в-третьих, у оппозиционных групп не было социальной базы, так как они считали крестьянство реакционным классом, а интеллигенцию чуждой; в-четвертых, они не имели полноценного альтернативного проекта социально-экономического развития страны, кроме варианта гене-

---

I. Старков Б.А. Честь партии // Знание-сила.-1989.-№5; Он же. Из истории сопротивления режиму личной власти /30-е годы// Вестник высшей школы, 1990.-№ 5; Он же. Право-левые фракционеры. Они не молчали.-М.,1991;Рютин М.На колени не встану.-М.,1991; Кривицкий В."Я был агентом Сталина".-М.:Терра,1991; Наше Отечество. Опыт политической истории. Т.2.-М.:Терра,1991. и др.

ральной линии партии; в-пятых, не имели представления о "пределах допустимого"в борьбе с режимом Сталина,обладавшим мощным карательным аппаратом.

Любопытные обобщения по этой теме содержатся в работах Ю.Ф. Лукина,Ю.А.Щетинова[I] и др.историков, изучающих довоенный период. Указанные публикации отразили достижения науки конца 80-х,между тем в последнее время выявлены новые источники,позволяющие углубить представления о развитии оппозиционных групп и их программ,биографиях участников и поставить вопрос о типах большевистских лидеров и т.д.

Миклош Кун писал,в частности, в работе,сданной в печать в декабре I99I г., что подлинная история "право-левацкого блока" еще "ждет своего исследователя"[2].

Реабилитация практически всех жертв политических репрессий 20-х и - 50-х гг. и восстановление исторической правды об этом времени в полном объеме позволило приступить к научному[3]

I. Лукин Ю.Ф. Социально-политическая активность и протест в истории советского общества.-Архангельск,I99I; Режим личной власти Сталина.К истории формирования.-М,I99I.
2. Кун М. Бухарин.Его друзья и враги.-М.I992.
3. Амрекулов И. Тайна культа личности и ее разоблачение. Эпоха сталинизма,логика его развития и изживания. Алма-Ата.I99I; Бутенко А.П. Откуда и куда мы идем.Взгляд философа на историю советского общества.Л:Лениздат.I990; Волобуев О.,Кулешов С. Очищение.История и перестройка.Публицистические заметки.-М:АПН. I989; Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина.-М.I992; Волкогонов Д.В. Триумф и трагедия.Политический портрет И.В.Сталина.-М:АПН. I99I; Историки спорят.Тридцать бесед.-М.I988;Осмыслить культ Сталина.-М:Прогресс.I989; Режим личной власти Сталина.К истории формирования.-М:МГУ.I989,Страницы истории КПСС. Факты,проблемы, уроки.-М:Высшая школа.Кн.I.I988,Кн.2.I989; Симония Н.А.Что мы построили.-М:Прогресс.I99I; Суровая драма народа.Ученые и публицисты о природе сталинизма.-М:Политиздат.I99I;РоговинВ. Власть и оппозиция.-М.I993;Медведев Р. О Сталине и сталинизме.-М:Прогресс I990; Он же. Связь времен.-Ставрополь I992; Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира.Социализм и культ личности/Очерки теории/-М. I99I.

осмыслению сталинизма как целостного явления. Одним из непременных сюжетов многочисленных монографий, статей была внутрипартийная борьба сталинцев и их оппонентов. По мнению большинства авторов работ, вышедших во второй половине 80-х гг., сталинизм и его адепты находятся в антагонистичных отношениях с ленинизмом и со старой большевистской гвардией, несмотря на внешнюю общность. При этом утверждалось, что сталинская командно-административная система была не лучшим средством преодоления отсталости страны, но с помощью насилия она выполнила эту задачу, обеспечила разгром фашизма, но утвердив в собственной стране тоталитарный режим[1].

Другая, меньшая часть авторов, отождествляла сталинизм и ленинизм, практику сталинщины и социализм как строй. А.Ципко в цикле растиражированных статей увидел истоки сталинизма непосредственно в учении Маркса и Энгельса[2]. Эту плохо аргументированную идею развил А.Н.Яковлев - активный функционер сталинской тоталитарной системы. Теоретики, сменившие свое мировоззрение с "точностью до наоборот", естественно стали отрицать не только большевизм, как сумму определенных идей, но и рисовать облик большевиков в исключительно черном свете.

А.Ципко еще в 1990 г. доказывал. что подвижническая верность большевиков своим идеалам и убеждениям не являлась признаком духовной развитости этой популяции, ее человеческой нравственности. По его мнению, типичным представителем старой партийной гвардии, несшей ответственность на все произошедшее

---

1. Плимак Евгений. Политическое завещание В.И.Ленина, .Истоки, сущность, современность.- М.:Политиздат, 1989.-С.200-201.
2. Ципко А. Насилие лжи или как заблудился призрак.- М.:Молодая Гвардия, 1990.

в 30-е гг., являлся И Сталин. Он отрицает существование партийной большевистской интеллигенции вообще, считая, что это в лучшем случае провинциальные полуинтеллигенты,опиравшиеся в своей разрушительной деятельности на озлобленные люмпенизированные слои, не сумевшие честным путем чего-то добиться. Это были даже не твердокаменные революционеры,а "трусливые обыватели",проявившие свою гнилую сущность в I937 г. Они покорились Сталину в целях самосохранения, исходя из чувства животного страха. Фальсифицируя реальную историю,А.Ципко заявлял,что большевики призывали людей к духовному освобождению,а сами трусливо избегали драки,не желая рисковать своей жизнью.

Автор даже приписывает создание концлагерей исключительно большевикам-интеллектуалам,забывая/или не зная/о том, что такие лагеря были созданы англичанами во время подавления народного восстания сипаев в Индии, французами,заключившими борцов Парижской коммуны I87I г. в спецлагеря,где производились экзекуции и расстрелы и т.д.

Несмотря на некорректную подачу исторического материала в целом и весьма субъективные оценки,в работе Ципко имеется ряд ценных наблюдений. Он согасен,что в принципе партийная гвардия имела своими корнями разночинную русскую интеллигенцию,старую российскую социал-демократию. Логика русского революционного движения привела к тому, что радикализм заразил молодежь и она с пылкостью выразила тип героического максимализма. Однако эти верные и отнюдь не новые мысли буквально тонут в целом предвзятом отношении автора к большевистской элите. Собственно он это и не скрывает:"Я лично никогда,вернее с первого курса университета,когда всерьез занялся историей партии,

никогда не питал уважения к деятелям ленинского штаба революции"[1]. Главным первоисточником суждений о большевистской элите являются для него мемуары Б.Бажанова, Ф.Шаляпина, М.Пришвина, работы В.Короленко, В.Ходасевича, А.Солженицына и др. Отказавшись от анализа исторических документов, Ципко в последующих работах скатился к пропаганде ненависти к большевизму, доказывая, что это "история одного из самых омерзительных проявлений зла","разрушение цивилизации", "человеконенавистническая теория" и "преступная практика". Большевизм и марксизм были порождены сциентистской атеистической интеллигенцией, не желающей примириться с непознаваемостью человечского бытия и социальной жизни. В.П.Данилов справедливо счел эту проповедь ненависти и антисциентизма общественно значимым проявлением вторжения политики в науку[2].

Особенно широкое распространение подобные подходы получили в газетно-журнальной публицистике начала 90-х гг. К.Смирнов и В.Костиков в цикле статей в"Огоньке"уверяли, что советская интеллигенция была лишена своей основной функции - оппозиционности по отношению к государству и даже не была критически настроенной по отношению к режиму. Борьба большевистской интеллигенции против сталинизма игнорировалась, а ее конкретные представители изображались умеренными сталинистами.

В.Костиков доказывал, что большевики-интеллигенты жили в отрыве от реалий экономического и нравственного бытия. Выросшие в иллюзорном мире,подчинившие свою деятельность утопическим целям, они и судебные процессы над собой воспринимали как нечто реальное, а свою вину как вполне возможную [3].

1. Ципко А.Указ.соч.-С.166.
2. Данилов В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса.//Новая и новейшая история.-1993.-№6.-С.98
3. Огонек.-1991.-№2.-С.19; №38.-С.8.

Можно обвинять большевиков в утопизме их идеалов, но говорить об иллюзорности их образования и деятельности по меньшей мере странно. Автора так увлекла форма мысли, что ради ее"красивости" он пожертвовал логикой. В то же время нужно согласиться с его мыслью о том, что ограниченная узкоклассовая мораль и идеология большевиков с отрицанием индивидуалистической и психической природы Человека стала одной из причин превращения большинства творцов революции в жертв и палачей. Интересный анализ концепций плодовитого огоньковского автора, ставшего политическим деятелем, дали Г.А.Бордюгов и В.А.Козлов. В большом цикле статей они рассмотрели проблемы в историографии,связанные с полемикой вокруг Ленина, Троцкого, Бухарина и Сталина и проанализировали ряд утверждений о зачатии в крови и пороке советской власти, о "первородном грехе" ленинизма и большевизма, о роли вождей в советской истории, о влиянии личностного начала на политику страны.[1]

Своеобразно перекликаются с либерально-нигилистическим направлением в историографии подходы авторов,принадлежащих к т.н. национально-патриотическому течению общественно-политической мысли. В ряде публикаций журналов "Наш современник","Молодая гвардия" откровенно идеализировались устои царской России и выявлялись некие сионистские основы большевизма как течения, изначально чуждого русской цивилизации. Большевистская политическая элита изображалась как горстка коварных и подлых интриганов, предавших национальные интересы России[2].

---

1. Бордюгов Г.А. Козлов В.А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества.-М.:Политиздат,1992.
2. См.,например: Шипунов Ф.Я. Истина великой России.-М.:Молодая гвардия, 1992.

Известный писатель В.Распутин, опираясь на оценки революционной интеллигенции, как некоего ордена, группы, движения, объединяемых идейностью задач и национальной беспочвенностью своих идей /Н.Бердяев и Г.Федотов/, доказывает ее антиинтеллигентность[1]. Главным критерием для Распутина является верность идеи. А поскольку,по его мнению, единственно верной является "русская идея" о самобытном национальном пути России, то западническая интеллигенция не может претендовать на духовное и нравственное учительство. Признавая, что первые отряды русской революционной интеллигенции "были бескорыстны, ничего для себя, все для общего дела, подкупали самоотверженностью, горением, сектантским товариществом, тренированностью ума и воли, хождением в народ, беспокойством, неподкупностью", В. Распутин считает это недостаточным для интеллигентности, которая должна носить "духоотческий" характер. Обвиняя в преступной "идейности" революционеров-интеллигентов, Распутин сам скатился к этому же подходу в решении этой проблемы.

Политизированным консервативно-националистическим и либерально-буржуазным концепциям противостоит научное творческое направление исторической мысли, ориентированное "на углубленное понимание исторического процесса, отбрасывающее обветшалые догмы, старое двухцветное видение прошлого, стремящееся на основе объективного, всестороннего изучения документов познать всю многоцветность, все многообразие прошлого, приблизиться к его адекватному изображению"[2].

---

1. Распутин В. Патриотизм и интеллигенция.-Патриот.Вып.I.-С.23.
2. Поляков Ю. Указ. соч.-с.88.

В рамках этого направления нет полного единства как в методологическом плане, так и в отношении проблемы большевистской элиты. Однако наличие разных точек зрения и полемики между ними доказывает плодотворность деполитизированного подхода к изучению истории.

Ярким примером объективистской научной разработки проблемы является деятельность Межвузовского центра "Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества" во главе с В.С.Меметовым. Организованные центром межгосударственные научные конференции в Ивановском Госуниверситете стали, в полном смысле этого слова, смотром научных сил, разрабатывающих проблематику темы "Интеллигенция и власть". Подготовленные на основе материалов конференции сборники тезисов докладов и сообщений отразили продуктивные поиски учеными новых нетрадиционных подходов в изучении интеллигенции, в том числе вопросов теории, методологии, источниковедения и историографии. В сообщениях В.С.Меметова, В.Р.Веселова, А.В.Квакина, Н.Д.Шимина, П.П.Роговина, В.Л.Соскина, В.Г.Чуфарова, М.Е.Главацкого, В.С.Волкова, Г.А.Матвеева, Р.А.Шипиловой, Е.С.Ревякина, О.Ю. Олейника отражены стремление соединить прежние теоретические достижения историков, их разнообразный исследовательский арсенал и накопленный опыт с возможностями цивилизационного подхода, системного и структурного методов исследования интеллигенции, как относительно самостоятельной целостной системы или особого класса, владеющего интеллектуальной собственностью[1].

1. Интеллигенция в политической истории XX.века, Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции.Иваново 23-24 апреля 1992; Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории,методологии,источниковедения и историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции.Иваново 13-16 сентября 1993; См.также:Интеллигенция в системе социально-классовой структуре и отношений советского общества. Вып.1-2.Кемерово.1991;Изучение истории советской культуры:новые методологические подходы.Екатеринбург.1992.

Заметным вкладом в изучение процесса преследования сталинским режимом интеллигенции, включая партийных интелектуалов, стала монография В.А.Куманева "30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции"/М.1991/. Для большинства работ столичных и региональных авторов было характерно известное дистанцирование большевизма от сталинизма. Чем дальше от Москвы, тем больше в региональной литературе прослеживается рационально-критический подход к изучению проблемы деятельности лидеров большевиков. Например, ростовские исследователи А.И.Козлов, Э.Д.Осколкова, А.Ф.Поташев, С.М.Смагина, Г.А.Матвеев в освещении проблем политической жизни 20-30-х гг. стремятся к взвешенному анализу противоречий в позициях политических деятелей.[1]

В тоже время появился ряд работ, в которых развивается социально-этический подход к изучению интеллигенции и большевистской элиты, основывающийся на социологических схемах и нравственных критериях, предложенных противниками большевизма. Рассматривая взаимотношения власти, коммунистической элиты и интеллигенции, эти авторы разоблачают бывшие правящие режимы и позитивно оценивают оппозиционных интеллигентов.[2] А.В.Квакин отверг как романтизированные представления о большевистских лидерах и утверждал, что российская интеллигенция была ими ликвидирована в конце 20-х гг. в целях укрепления режима[3].

1. Козлов А.И.Сталин: о чем умолчали биографы.//Политическое образование.1988.116.С.91-97.Он же.Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д.1991; Малыхин К.Г.Осколкова Э.Д.Был-ли Троцкий сторонником нэпа// Известия СКНЦ ВШ.Общ.науки.1992.№ 3-4. С.34-46; Смагина С.М. В.И.Ленин о некоторых политических аспектах строительства социализма в СССР/1921-1923/.//Известия СКНЦ ВШ.Обществ.науки.1991.11.С.3-13.Она же. Актуальные проблемы политической истории послереволюционной России. Идеи и люди./1917-20-е гг./.Курс лекций для студ.гум.фак-тов. Ч.1-2.Ростов н/Д.1992; Орлова Н.Н. Проблемы кадровой политики большевиков: критика и альтернативы в Российской социалистической литературе./1917-1923/.Авт....к.и.н. Ростов н/Д.1992.
2. Барбаков К.Г.Мансуров В.А.Интеллигенция и власть.М.1991.
3. Квакин А.В.Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. 1921-1929. Саратов.1971

Однако следует отметить, что в последних работах А.В.Квакин отошел от этой позиции, заявив о своей приверженности рационально-критическому объяснению взаимоотношений власти и интеллигенции.

Известный философ и политолог А.П.Бутенко при характеристике правящей элиты 30-х гг. исходил из антагонизма старой партийной интеллигенции и сталинского окружения, состоявшего из антиинтеллигентов. Он писал, что победа сталинцев над ленинцами именно потому и произошла, что "советская интеллигентская элита, составлявшая ленинскую гвардию и ее верхушку, была весьма чужда тому интриганству, на который оказался способным Сталин, глубоко чуждый внутренней интеллигентности и чувству сопереживания и сострадания". Объясняя причины победы режима, Бутенко отмечал, что пока Сталин осуществлял изменения в системе власти, каждая в отдельности мера не выглядела узурпацией власти и не вызывала протестов. Но большевики-интеллигенты не смогли вовремя осознать, что все перемены, взятые в совокупности, означали узурпацию власти сталинской фракцией, ликвидацию ленинской политики и самой большевистской гвардии[1]

Изучение широкого массива политических биографий партийно-государственных деятелей и большевистской интеллигенции в целом, объективно подвело исследователей к необходимости обобщения изучаемого материала на основе типизации и стратификации объекта исследования. Появившиеся работы по анализу персонифицированных элементов власти на различных этапах развития советского общества в 20-80-х гг. по уровню теоретического осмысления конкретики уступают лучшим образцам западно-европейской политологи-

1. Бутенко А.П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю Советского общества.-Л.,1990.

ческой литературы. В лучшем случае эти работы представляют собой коомпиляцию марксистских и немарксистских теорий,авторскую интерпретацию фактов.

Введение в научный оборот отечественной историографии элементов теорий политических элит и лидерства,основанных на них конкретно-исторических концепций М.Джиласа о "новом классе",Л.Д.Троцкого о "господствующей бюрократии", А.Авторханова о"партократии", М.Восленского о "номенклатуре", произошло в течение 3-4 лет.

Общая схема или центральный общепринятый тезис этих подходов заключались в том, что верхняя страта советского общества первоначально зародилась в виде организации пролетарских революционеров-эмбриона будущего "класса", затем она пришла к власти и разделилась на два правящих слоя: ленинскую гвардию и стадинскую номенклатуру и,наконец,сталинцы ликвидировали устаревшую ленинскую гвардию. После публикации массовыми тиражами работ Авторханова,Восленского,Джиласа,Троцкого советские историки должны сопоставить их концепции с материалами архивов и сформулировать свои позиции,концепции.

Классификация результатов трудов советских обществоведов в сфере изучения проблемы персонифицированной власти позволяет выявить несколько направлений в историографии.

Во-первых, деятельность специалистов в области партийного строительства, разрабатывавших на протяжении многих лет вопросы кадровой политики правящей партии. Если в доперестроечное время для таких работ были характерны официозный апологетизм,догматизм, идеологическая нетерпимость к немарксистским точкам зрения,ориентация на пропаганду однопартийной ,идеократической, планово-

административной системы,то в конце 80-х гг. авторы резко сменили акценты[1]. История кадровой политики стала рассматриваться с позиций управленческого технократизма,повышения квалификации партийных работников как управленцев на основе требований менеджмента. В отдельных трудах был поставлен вопрос о номенклатурной элите,повторяя известные определения М.С. Восленского и М.Джиласа. В.Бакатин, Е.К.Лигачев,М.С.Горбачев,А.Н.Яковлев,Н.И.Рыжков,Б.Н.Ельцин в мемуарных очерках предметно анализировали позиции современной им номенклатуры,выходя в ряде случаев за пределы воспоминаний и формулируя суждения о советской элите в историческом разрезе[2].

Во-вторых, работы философско-социологического направления таких авторов,как М.Капустин,В.Макаренко,Д.А.Волкогонов,В.Роговин, А.Ципко,содержащие попытки свежим взглядом пересмотреть историю советского периода с позиций новейших достижений западной политологии.

Они не являются профессиональными историками и никогда не занимались самостоятельным источниковедческим анализом документов, поэтому естественно допустили многочисленные ошибки,неточности, некорректные постановки проблем,и некоторое непонимание уникальности российской истории, которая не всегда помещается в стандарты западных концепций элитизма и лидерства.

1.Евлахов А.А. Кризис КПСС: истоки и уроки.-М.Знание.1991;Дербинов Ю.В. Внутрипартийная демократия:принципы,направления развития. -М.Знание.1989; Материалы к лекциям по истории КПСС.Вып.П.Через ошибки и деформации к вершинам народного героизма.-М.1991.
2.Бакатин В. Избавление от КГБ.-М.Новости.1992; Лигачев Е.К. Загадка Горбачева.-Новосибирск,1992; Рыжков Н.И. Перестройка - история предательства.-М.Новости,1992; Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия.-М.Новости,1991; Он же.Предисловие.Обвал.Послесловие.-М.Новости,1992; Чазов Е. Здоровье и власть.-М.Новости, 1992. и др.

Макаренко признает, что до революции партия состояла из людей,"образующих духовную и политическую элиту пролетарского движения,готовых к репрессиям и самопожертвованиям за свои убеждения"[1]. После революции партия становится элитой в другом отношении - в получении привилегий. Отметив этот реальный факт,автор далее рисует процесс вырождения элиты в духе газетной публицистики: Марксизм стал религией, идеологические споры стали вариантом "шизофрении"; Сталин непосредственно продолжил дело Ленина, а большевистская элита была неспособна к творческой работе;Ленин и Троцкий - яркие примеры фанатиков,внутрипартийная борьба-взаимопожирание фанатиками друг друга.Можно согласиться с автором в том, что "политические вожди партии того времени должны быть рассмотрены как относительно самостоятельное и единое по своим идеологическим основаниям образование,в котором сняты индивидуальные различия"[2]. Но вызывает сомнения упрощенный вывод о том, что речь должна идти только о поиске общего между ними и создании образа или типа политического вождя,порожденного специфическими условиями России и особенностями революционной борьбы. Неточность автора заключается в том, что в ходе эволюции большевистской элиты возникло несколько типов вождей,которые, борясь друг с другом,ликвидировали такое специфическое образование,как большевистская элита.

Таким работам присуще абстрагирование от конкретики живой

---

1. Макаренко В.П. Революция и власть.- Ростов н/Д,1991.-с.83.
2. Там же.-с. 91.

истории, что объясняет легкость конструирования умозрительных политологических и социологических схем, "выпрямляющих" зигзаги развития общества. Рецензенты подобных трудов, например, работы Д.Волкогонова о Троцком, отмечали недостаточную культуру источниковедческого анализа, приводящего к "концептуальной сумятице" и "приблизительности конкретно-исторических представлений"[1].

На наш взгляд, упрощенческая смена оценочных знаков в истории-плюсов на минусы и наоборот-приносит больший вред науке, чем былой апологетизм, ибо подрывает доверие населения к исторической науке как таковой. В.М.Селунская верно отметила, что внеисточниковое знание проблемы не только не продвигает конкретно-историческое исследование отечественной истории, но усиливает имеющийся эффект восприятия истории в качестве искусства словесности...[2].

В-третьих, важнейшим и основным направлением является деятельность тех профессиональных историков, которые осваивают новые походы и алгоритмы, отталкиваясь не от абсолютизированных достижений западной политологической мысли, а от самой уникальной отечественной истории, с учетом, естественно, требований политологии. В работах Г.А.Бордюгова, В.А.Козлова, В.Т.Логинова, О.Ф.Лациса, Н.В.Тепцова, А.И.Козлова, Г.А.Трукана, Н.В.Романовского и др. рассматриваются проблемы политической истории СССР довоенного периода с позиций объективности и историзма, с использованием достижений как классового, так и цивилизацион-

---

1. Чечевишников А. Историки и источники.-//Свободная мысль, 1992.-№ 14.-с.116.
2. История СССР.-1989.-№ 6-с.71.

ного подходов в изучении истории[1]. Г.А.Бордюгов и В.А.Козлов сформулировали идею о том, что положение об аппаратно-элитарной преемственности ленинского и сталинского руководства может объяснить гораздо больше, чем утверждения о доктринальной предопределенности сталинизма идеями марксизма или идея "первородного греха" ленинизма. В.И.Ленин вплотную подошел, по их мнению, к проблеме смены правящей элиты через изменение принципов функционирования политической системы, нуждающейся в переменах. Но умирающий В.И.Ленин был не в состоянии разработать гарантии против узурпации власти диктатором и аппаратной бюрократией, а старая партийная гвардия этот вопрос разрешить не сумела. Отмечая этот факт, историки-объективисты пытаются разобраться в сложнейших, неоднозначных противоречиях социально-политического развития партии и общества, отказавшись от примитивного указания на предопределенность аппаратно-бюрократического развития, начиная с 1917 года.

Ю.А.Поляков первым из советских ученых размышлял о существовавшем особом слое общества - партийном авангарде, отказавшись от апологетики и от преувеличения негативных моментов в духовном состоянии партии.

Партийный авангард, по его мнению, включает старую партийную гвардию, партийную интеллигенцию, всех большевиков, вступивших в партию до 1920 г. и прошедших чистку 1921 г.

---

1. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюктура. Субъективные заметки об истории советского общества. М.Политиздат.1992; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было. Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-х гг. М. Политиздат.1989; Лацис О., Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М.Политиздат.1990; Трукан Г.А. Политическая дискусси. 1928-1929 гг. О путях строительства социализма. М.Знание.1990; Тепцов Н. Тайный агент Иосифа Сталина.// Неизвестная Россия. XX век. Вып.I.М.Историческое наследие.1992; Козлов А.И. Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д. 1991.

Ю.Поляков ведет речь о сформировавшемся широком слое, составившем верхушку нового общества. Партийный авангард впитывал настроения народных масс и одновременно формировал народное сознание. Не объясняя, какое из этих действий доминировало, Поляков отмечает следующие сформировавшиеся черты авангарда: I. Обостренность классового сознания, убежденность в правильности максимальной жесткости классового подхода. 2. Психология победителей, убежденность в силе и масштабах мирового революционного движения, близости мировой революции, своеобразная интернационалистская левизна. 3. Левацкое нетерпение партийных масс, психология штурма и натиска, революционного порыва на основе военно-коммунистических пережитков и максималистского настроя.

Полемизируя с Ю.Поляковым, украинские историки П.В.Киридон, В.П.Шевчук отметили, что надо учитывать зависимость авангарда от партийного аппарата. Внутрипартийной демократии 20-х гг. закономерно противостояла мощная альтернатива в форме бюрократического централизма, который реализовался в форме всесилия партаппарата[1]. Эти авторы фактически уже вели речь именно о политической элите советского общества в лице партийной верхушки, не употребляя понятия "элита".

С.Кулешов и О.Волобуев рассматривают внутрипартийную борьбу как преимущественно схватку за политическое лидерство, в ходе которой все деятели без исключения проявили недемократический тип мышления[2].

I. Вопросы истории КПСС.-1989.-№ 10.-с.25-38.
Вопросы истории КПСС.-1990.-№ 9.-с.97-105.

2. Волобуев О., Кулешов С. Борьба за политическое лидерство в 20-30-е годы. // Вестник Высшей школы.-1990.-№ 4.-с.53-54.

Никто из большевистских вождей не искал консенсуса, во-первых, потому, что был низок интеллектуальный уровень партии в целом, во-вторых, в ней доминировали настроения и пафос гражданской войны. По мысли авторов, Сталин изначально поставил перед собой задачу захвата власти и целенаправленно ее решал. В этой статье, а также в комментариях к воспоминаниям В.М.Молотова С.Кулешов постоянно подчеркивает причастность В.И.Ленина к деформациям партии. Именно при В.И.Ленине сложился "номенклатурный вариант фракционности, так сказать, по вертикали. Процесс перерождения начался под эгидой В.И.Ленина, контролировавшего кухню отношений в высших эшелонах партийной элиты"[1]. Но этим утверждениям противоречат факты, приводимые тем же Кулешовым о том, что В.И.Ленин с 1921 г. отошел от практического управления партией и И.В.Сталин постоянно дезинформировал его об истинном положении, навязывая свои представления о путях решения проблем.

Л.Оников - работник аппарата ЦК КПСС - показал, что практика 20-х гг. использования партийной общественности, то есть широких кругов членов партии для организации партийной работы, была свернута под прямым воздействием сталинского партаппарата. С начала 30-х гг. Сталин отдал партаппарату все бразды правления без исключения, отбросив принципы самодеятельности и самоуправления в ленинском понимании[2].

Л.А.Оников выявил направления перерождения партии, превращения ее в инструмент тоталитаризма. Во-первых, сталинская деформация внутрипартийной жизни по форме, наименованию норм и

1. Родина.-1991.-№ 3.-с.91-92.

2. Правда.-1991.-27 октября.

принципов была выдана за ленинскую модель,рассчитанную на мирное строительство. В действительности ленинская модель партии,рассчитанная на завоевание власти,была фактически сменена к концу 20-х гг. сталинской тоталитарно-бюрократической моделью. Между этими двумя этапами в жизни партии существовал кратковременный период поиска путей перестройки партии на демократических принципах,который закончился неудачей. Во-вторых, это абсолютная секретность партийного делопроизводства и информации. В-третьих, внедрение в партийный аппарат принципов единоначалия,должностной субординации, подчинения армейского типа. Складывание партаппаратной иерархии во главе с вождем завершило формирование системы.

В примечательной статье о революционном тоталитаризме А.Н. Сахаров писал, что старая гвардия революционеров-теоретиков и практиков-полуинтеллигентов была обречена на поражение. Должны были восторжествовать примитивные,простые,доступные массам лозунги,а вместе с ними люди,бывшие под стать этим лозунгам.Это были вожди,близкие к массам своими неразвитыми духовными запросами,манерой поведения,понимавшие психологию простого человека. Сахаров прямо указывает,что из таких якобы народных представителей создавалась "сталинская железная когорта",формировался новый тип вождей, близких по своему мышлению и поведению миллионным массам,поднявшимся к общественной жизни в середине 20-х гг.[1]

Такое понимание сталинской элиты вытекает из представления о том, что в СССР сложилась не административно-командная система, а революционный тоталитаризм или диктатура революционного

1. Сахаров А.Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории // Коммунист.-1991.-№ 5.-С. 66-68

волеизъявления народа, в которую личность Сталина внесла свою злую волю и жестокость. Представляется, что авторские размышления о развитии бесспорно существовавших тенденций зашли слишком далеко – в область абстрактных рассуждений, расходящихся с историческими фактами о нарастании сопротивления народа и части партии сталинизму. Отсюда же и принижение старой большевистской элиты и ее ядра – ленинской гвардии, как изначально оторванных от народа уровнем культуры.

Иной подход демонстрируют В.Н.Земцев, Т.П.Коржухина, А.А.Овсянников, В.Б.Жирков[1]. Опираясь на сложившуюся традицию в историографии сводить существо социально-политических процессов 20-30-х гг. к формированию и функционированию административно-командной системы управления, они последовательно доказывают ее закономерность и неизбежность в послеоктябрьской истории страны. Но при этом они стремятся придерживаться принципов историзма и объективности, отрицая выводы публицистов об изначальной преступности большевистской элиты, о том, что Советская власть расстреливала людей с первых дней своего существования. Т.П.Коржухина фиксирует внимание на поворотном пункте в развитии аппаратно-бюрократических тенденций – создании в начале 20-х гг. номенклатуры – "гениальном изобретении Молотова и Кагановича"[2].

Плодовитый политолог, психолог по образованию и журналист по призванию А.Радзиховский осветил проблему большевистской элиты 20/30-х гг. Он доказывает, что партия превратилась в орден "меченосцев" и "самураев", то есть замкнутую военно-

---

1. Формирование административно-командной системы в 20-30-е гг.: Сб.статей.–М.:Наука, 1992.
2. Там же.–С.158

бюрократическую структуру, в рамках которой господствует номенклатура. В этом он солидаризируется с А.Ципко и М.Восленским, хотя в отличие от них отрицает безнравственность революционеров. Под влиянием таких идей в историографии стала развиваться концепция номенклатуры как главного системообразующего фактора и принципа тоталитарной системы в СССР,в которой не было ни элит, ни государства, ни права, а был "коммунистический порядок"[1].

В.П.Пашин детально рассмотрел вопросы становления и функционирования в 20-х гг. механизма номенклатуры, формирование системы ее привилегий, значение внутрипартийной диктатуры для кадровой работы и политики коммунизации хозяйственных структур управления. В результате сформировалась "номенклатура как правящий слой общества[2].

Соглашаясь с авторами в оценке особого значения для политической системы СССР номенклатурного принципа, следует отметить, что номенклатура - список должностей определенного уровня, который заполнялся каждым территориальным парткомом от райкома и до ЦК, он буквально не являлся правящим особым слоем. Процесс властвования - взаимодействия субъекта власти - правящей политической элиты и объекта власти - деятельности масс, объективно нуждается в специальном виде властных отношений -управленческой деятельности административной бюрократии.[3]

I. Пивоваров Ю.С., Фурцев А.И. О социальной природе КПСС//Политическая наука в России.-М.:ИНИОН, 1993. С.58.

2. Пашин В.П. Страна номенклатурия.Курск.1992;Он же.Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР:становление,развитие,упрочение /в 20-е гг. - 1930 году/ -М., 1993.

4. Основы демократии и власти.Учебное пособие под ред.Г.С. Еськова. М.:Союз.1993.-С.59;Кочерга В.Социальный оборотень у власти (Что не предусмотрел Маркс и не доказал Джилас)-Симферополь,1990

Э.В.Самойлов в своем объемном труде рассматривает партию и ее верхушку с позиций своей теории фашизма. Согласно его схеме в партии шел процесс фашизации, в ходе которого взаимодействовали четыре типа деятелей партии. I. Коммунисты, понимавшие опасность перерождения внутри партии и проявлявшие стойкость в борьбе с внутренним фашизмом /Троцкий, Рютин/. 2. "Предкоммунисты", которые делятся на два подтипа: "предкоммунисты - I", которым не хватает силы духа и мужества до конца противостоять фашизму. Это Бухарин, Радек, Рыков и др. деятели, приспособившиеся к режиму. "Предкоммунисты - 2", преданные коммунизму, но не способные к творческому осмыслению марксизма и поэтому попадают под влияние фашизма, [illegible]. 3. "Предфашисты"- те, кого принято называть прожженными карьеристами, циниками. 4. Фашисты - испытывающие непреодолимое влечение к власти, как главной жизненной ценности. В дооктябрьский период партия состояла из коммунистов и "предкоммунистов -2." После захвата власти произошла фашизация партии, в ходе которой в партию хлынул поток "предфашистов", часть коммунистов переродилась в другие политические типы, точно также как и другие типы деградировали по нисходящей. После чисток партии и репрессий партия превратилась, по мнению Самойлова, полностью в фашистскую организацию. Автор считает свою схему не только правильной применительно к большевистской партии, но утверждает ее методологическую универсальность. Он подчеркивает, что "практически любая социальная общность может быть "разложена", структурирована через этот подход"[1].

I. Самойлов Э.В. Фюреры. Общая теория фашизма. Кн.2. - Обнинск. 1992,- с.16-17,18.

Концепция Самойлова бесспорно представляет интерес и побуждает к осмыслению исторического материала. Не ставя перед собой задачу оценки сомнительной "общей теории фашизма", поскольку это выходит за рамки темы, следует отметить, что сама идея политической классификации членов большевистской партии и ее элиты по признаку степени сопротивления процессу перерождения,заслуживает внимания. В то же время стремление "загнать" историю в русло одной четырехэлементной схемы вызывает настороженность.

Выявление всех последствий сталинизма для развития страны привело не к очищению идеи социализма от сталинских извращений, как предполагалось,а к ее дискредитации в массовом сознании.Это было связано с одновременным разоблачением крупномасштабной коррупции брежневского руководства и начавшимся в стране структурным экономическим кризисом. В результате отрицание сталинского тоталитаризма на практике привело к фактическому отказу от социализма как строя, хотя существовавшее общество было социалистическим больше по названию,чем по-существу.

После августовских событий 1991 и особенно сентябрьско-октябрьских 1993 г. политико-историографическая парадигма приняла новый вид. Новое политическое руководство стимулировало свертывание социалистической системы ценностей и ее замены общецивилизованными нормами частной собственности,социального неравенства, эксплуатации человека человеком. Демократический режим взял на вооружение лозунги десоветизации,деколлективизации и приватизации собственности.

Естественно, что новая идеология общества нашла отражение в исторических трудах и концепциях,в том числе истории большевизма,его политической элиты. В основе новых подходов находятся достаточно ограниченные представления о большевизме,как антинародной, антидемократической силе; абсолютизация позитивного потенциала антисоветских группировок,течений,партий; отрицание демократической альтернативы сталинизму в рядах ВКП(б). Такие подходы при всей своей прогрессивности не в полной мере отвечают принципам объективности, историзма и деидеологизации изучения прошлого. История богаче и противоречивее любых конъюнктурных политических требований власть имущих,как в прошлом,так и в настоящем.

Новый этап развития общества,связанный с углублением реформ, характеризовался все более нарастающей резкой поляризацией мнений в историографии, резким сокращением объема издаваемой исторической литературы вследствие коммерциализации книгоиздательского отдела, широкого распространения средствами массовой информации субъективистских оценок исторического прошлого и поощрением праворадикальных концепций,нигилистических оценок советского этапа истории России. Заметным явлением стала публикация брошюр и статей, огульно очерняющих облик большевиков-революционеров и,прежде всего, вождя большевизма - В.И.Ленина. В ряду подобных работ выделяется как более-менее аргументированная брошюра А.Арутюнова,в которой автор пытается интерпретировать подлинные документы для доказательства умственной,нравственной и мировоззренческой якобы ущербности В.И.Ленина[I]. В отличие от дилетантско-нигилистичес -

I. Арутюнов Аким. Феномен Владимира Ульянова/Ленина/.-М.:Прометей, 1992.

ских фантазий Солоухина, эта брошюра может произвести впечатление на часть читателей, хотя она значительно уступает по уровню осмысления личности Ленина однотипной работе Н. Валентинова[1]. Работы В.Мельниченко, В.И.Десятирика,А.К.Сорокина,В.Логинова,Н.Морозовой[2], аргументировано демонстрирующие фальшь новых разоблачителей и показывающих вождя как противоречивую личность, практически неизвестны читательским массам. Нигилистический подход к истории активно пропагандируется либеральными идеологами,представляющими Ленина и его соратников как сборище низкопробных недоучек,дорвавшихся до власти с целью мести, личного обогащения и удовлетворения низменных инстинктов[3]. На противоположном фланге находятся тенденциозные работы ультракоммунистических авторов типа Н.Андреевой, реанимирующие догмы вчерашнего дня и идеализирующих не только Ленина,но и сталинизм[4].

Странным образом ультрабольшевистские и ультрадемократические идеи совмещаются в работах авторов национал-патриотической ориентации,доказывающих,что,с одной стороны,большевики-экстремисты погубили "цветущую"цивилизованную Россию,с другой стороны - они как "жидо-массоны" понесли заслуженную кару в ходе справедливых сталинских чисток. А.М.Иванов и М.Антонов объявили, что интересы Сталина как организатора террора объективно совпали с национальными интересами страны[5]. В работах лидера лево-центристской оппози-
ции

---

1. Валентинов Н. Недорисованный портрет...- М.,Терра,1993.
2. Ленин,о котором спорят сегодня.-М., 1991; Десятирик В.И. Сорокин А.К. В.И.Ленин и современная идейно-политическая борьба.- М.,1991. Мельниченко В. Феномен и фантом Ленина/500 миниатюр/.- М.,1993.
3. См.например: Бунич И. Золото партии. Историческая хроника.-Спб.: Шанс,1992; Гендлин А. Исповедь любовницы Сталина.-Минск,1993.
4. Андреева Н. Неподаренные принципы или краткий курс истории перестройки: Избранные статьи,выступления.-Л.,1992.
5. Иванов А.М. Логика кошмара.- М:Русский вестник,1993; Антонов М. Ложные маяки и вечные истины.- М:Современник,1991.

Г.Зюганова прослеживается более сдержанная и объективная оценка этих фактов в духе концепции "государственного патриотизма"[1]. Признавая экстремизм большевиков и террор сталинизма,он не делает из них ни ориентиров на будущее, ни краеугольных камней истории СССР.

В целом объективистки настроенные исследователи,независимо от своих политических симпатий,стремятся к дифференцированному анализу большевизма и его истории. Г.Лисичкин уверенно и аргументированно отделяет марксизм от большевизма,показывая,что Маркс был эволюционистом,а большевики - нетерпеливыми фанатиками и авантюристами. Но при этом он обращает внимание, что не большевистские лидеры развязали гражданскую войну,которая в действительности стала взрывом "вековой народной ненависти", под нож которой попали буржуа,помещики,интеллигенты. Большевики пошли на террор и войну не из человеконенавистничества,а из понимания, что эти социальные слои все равно нельзя спасти[2]. Большевики стали заложниками революционных люмпенизированных масс,определявших русло деятельности нового режима.

Несмотря на развитие тенденциозности в историографии, проявление воинствующего дилетантизма и биполярного видения мира,порождающих новые схемы и стереотипы[3], в исторической науке достигнуты значительные результаты,в том числе и исследовании большевизма. Во-первых, произошел полный и окончательный отказ от догматического освещения политической борьбы в 20-х гг. в духе концепции "борьбы ленинизма против оппортунизма". Преодолены попытки иде

---

1. Зюганов Г. Драма власти: Страницы политической автобиографии.- М.: Палея,1993; Он же. Держава.-М.:Информпечать,1994.
2. Лисичкин Г. Карл Маркс - злейший враг российских большевиков. Размышления о причинах кризиса в России.- Минск,Москва,1993.- С.29,78.
3. Поляков Ю.А. Историческая наука:пять непостных лет.//Кентавр.- 1992.-Сентябрь-Октябрь.-С.88.

лизации большевистской элиты,ее лучших представителей в лице Н.И. Бухарина и других. В накопленном наукой багаже знаний выявляется конструктивное начало и серьезные уроки, предостерегающие ученых от упрощенчества и политической ангажированности. Обогащенная новыми методологическими подходами и вновь введенными в научный оборот пластами источников из ранее закрытых архивных фондов,историческая наука приступила к формированию новых концепций и освещения периода отечественной истории, в том числе большевистской элиты. Используя достижения политологии,социологии и других смежных наук, историки в своем большинстве стремятся анализировать этот феномен как важную составную часть социальной структуры советского общества. Ее развитие,внутренняя борьба и другие процессы изучаются как проявления жизни всего общества в переломный период, когда столкнулись интересы классов,социальных групп,партий, движений со своими идеями и программами, когда сложилось личное противоборство носителей этих взглядов,их личностей и характеров, амбиций и претензий. Понимание сложности,противоречивости и неоднозначности многих лидеров большевизма и в целом политической элиты стало исходным пунктом для исследования проблемы их эволюции и трансформации в довоенный период.

Таким образом, подводя итоги историографического анализа исторической и общественно-политической литературы по избранной проблеме,можно сделать вывод о том, что накоплен значительный конкретно-исторический материал о деятельности лидеров большевизма, их биографиях. В советской историографии детально изучены биографии В.И.Ленина,Ф.Э.Дзержинского,Н.К.Крупской,Я.М.Свердлова, В.В.Куйбышева и ряда других деятелей. Особо следует отметить взлет биографистики 60-х гг., вызванный реабилитацией деятелей ВКП(б) - жертв сталинских репрессий.

Современный этап историографии ознаменовался широким ознакомлением российской общественности с рядом достижений зарубежной исторической науки, включая эмигрантской, прежде всего меньшевистско-эссеровской литературы. Новые подходы зарубежных авторов, основанные на политических и социологических концепциях и примененных к анализу ряда биографий крупнейших большевистских фигур, типа И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и др., внесли новую освежающую струю в отечественную историографию. Благодаря трудам А. Авторханова, М. Восленского, М. Джиласа и др. введены в научный оборот понятия "элита", "партократия", "номенклатура" и другие ключевые понятия современного историко-политического анализа. На основе использования элементов цивилизационного подхода и рациональных моментов традиционной социально-классовой методологии в современной исторической науке развиваются как конкретно-исторические исследования биографий вождей большевизма, так и его организационной и личностной структуры, взаимоотношения с другими политическими силами слоями общества и внутри себя.

Однако наряду с достижениями, в науке прослеживаются негативные явления, связанные с политико-конъюнктурным влиянием правящих сил, что приводит в ряде случаев к перекосам в сторону "разоблачительного уклона" исследований. По проблематике большевистской политической элиты можно выделить ряд недостаточно исследованных вопросов и даже отдельных пробелов. Во-первых, нет полного признания существования большевистской политической элиты как самоценной общности, не проанализирован процесс ее формирования, развития, эволюции и гибели,

А. Советская сталинская и неосталинская историография борьбы в правящей партии против "оппортунизма", литература по истории интеллигенции и биографистика соратников В.И. Ленина и деятелей, погибших в ходе сталинских репрессий.

Б. Новая западная историография и работы представителей 2 и 3 поколения эмиграции по разоблачению "партократии" и "номенклатуры" в духе концепций советского тоталитаризма и модернизации/А.Авторханов,М.Джилас,М.Восленский,М. Некрич,М.Геллер/

4 ЭТАП: вторая половина 80-х - начало 90-х гг. Разоблачение сталинизма и переосмысление истории правящей КПСС, роли ленинизма и большевизма в ходе перестройки и реформ.Попытки соединения концептуальных достижений западной историографии и конкретно-исторического и теоретического материала,накопленного советской исторической литературой. Формирование новых концепций освещения и изучения истории советского периода на базе обновленной методологии и методики исследования.

Используя рациональные элементы теорий элит, достижения ведущих исследователей теории и практики большевизма от антикоммуниста А.Авторханова до социалиста Р.Медведева,автор пытается на основе конкретно-исторического материала, личных и архивно-следственных дел ОГПУ-НКВД ряда крупных деятелей большевизма, предложить свое видение возникновения, эволюции и гибели большевистской политической элиты. Направление на углубление концептуального историко-политологического осмысления истории России и СССР находится в русле развития обществознания на современном этапе.

Глава II. Становление большевистской политической элиты.

§ I. Формирование большевистской руководящей кадровой группы в дореволюционный период.

В октябре 1917 г. 350000 членов РСДРП/б/ возглавили революционный переворот в Петрограде и во всей России. Ведущую роль в нем сыграли большевики-подпольщики, численность которых не превышала 24000 человек, насчитывавшихся в партии к февралю 1917 г. После окончания гражданской войны партийная перепись 1922 г. выявила 10441 старого бойца. На учете в ЦК состояло 2105 большевиков с дореволюционным партстажем в качестве особо ценных кадров, способных выполнять ответственные поручения.

Руководящее ядро было представлено членами ЦК партии, делегатами съездов, признанными лидерами правящей партии. В энциклопедическом словаре Гранат было опубликовано 245 биографий "творцов Октября". На УI съезде партии в июле 1917 г. работало 168 делегатов с решающим и совещательным голосом, на УП/Чрезвычайном/-106. На УШ съезде РКП(б) было 403 делегата,составляющих "цвет" правящей партии[I].В энциклопедии "Великая Октябрьская социалистическая революция"/3 изд.Доп,1987/ содержится 459 биографических справок об участниках октябрьских событий-партийцах с дореволюционным стажем. Из них 64 погибло в боях,а 395 стали крупными партийно-государственными деятелями. С учетом того,что в данную энциклопедию не были включены справки о еще не реабилитированных к 1987г. десятках деятелей - жертвах сталинизма,можно считать цифру 500 как примерную количественную характеристику большевистской верхушки, пришедшей к власти.

Формирование этого "тончайшего слоя" руководителей или "выработку опытных и влиятельных вождей партии" В.И.Ленин определял как

I. История КПСС.Т.3. Книга 2.-М.Политиздат, 1968.-С.249

трудное дело... У нас в России выработка группы руководителей шла 15 лет (1903-1917)"[1]. Несмотря на относительно малую численность, их преданность пролетарскому делу, организационная сплоченность, авторитет, влияние в массах составили тот фундамент, на котором держалась сила партии,- отмечал В.И.Ленин[2]. Но этот слой кадров имел свои уязвимые места, недостатки, о которых В.И.Ленин знал и, по своему их интерпретируя, пытался преодолеть. Увлечение администрированием, непонимание диалектики, теоретический схоластизм - эти и другие свойства и особенности большевистской элиты определялись условиями возникновения партии, ее организационным устройством, отношением к интеллигенции и другим непролетарским слоям.

Верхушечный слой большевистской партии состоял в основном из представителей интеллигенции, являвшихся таковыми по происхождению, образованию, роду деятельности. Из 245 лидеров большевиков, чьи биографии помещены в словарь "Гранат", 113 человек или 56% учились в высших учебных заведениях, 45 или 21% получили образование в гимназиях и реальных училищах и только 42 или 21% имели начальное образование и 7 или 3% были самоучками. По социальному происхождению 57% были выходцами из дворянских, купеческих, помещичьих, чиновничьих семей. Из рабочих семей выходцев было всего 26%, а из крестьянских - 17%. Независимо от происхождения и формального образования, подавляющее большинство руководителей партии относились к так называемой "органической" части интеллигенции, выполняющей (по А.Грамши) функции организаторского и управленческого характера, в отличие от традиционно-функциональной

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.44. - С.94.
2.Там же.-т.4. - С.375;-т.6. - С.124; Т.8. - С.226;-Т.9. - С.350; -Т.11. - С.164.-Т.14. - С.226;-Т.16. - С.102-103;-Т.32. - С.442.

части, занимающейся учительским, врачевательским и другим трудом.

Однако в российских условиях понятие "интеллигенция" никогда не было только социологическим понятием, обозначавшим только занятие индивидуумом высококвалифицированным умственным трудом. Российская интеллигенция в силу своей традиционной оппозиционности по отношению к правящему режиму самодержавия сыграла в начале XX века особую направляющую роль в развитии демократических партий и движений в обществе. Поэтому разделение на органическо-функциональные части было весьма условно и относительно. Независимо от характера своей деятельности, русские интеллигенты делали политический выбор и в той или иной мере втягивались в организационные структуры нарождающихся партий. Партийная дисциплина не всегда соответствовала индивидуалистской природе интеллигентов, что постоянно порождало конфликты между личностями и организацией в целом.

Большевистская партия, как и в целом российская социал-демократия, а также левонародническая партия эсеров, стала центром притяжения для более радикальных представителей оппозиционной интеллигенции. По мнению В.Хороса, эта часть расслаивалась на "кающихся дворян" (выражение Михайловского) - наиболее развитой и культурный слой, и выходцев из низов - плебейскую интеллигенцию. Последний слой настроен чрезвычайно радикально, малокультурен, способен к разрушению в большей мере, чем к созиданию, неразборчив к средствам и склонен к прямолинейным и утопичным решениям[1].

Плебейская интеллигенция отличалась от "кающихся дворян" тем, что "их революционность питалась не столько культурными импульсами, идейным размышлением и глубокими нравственными переживаниями,

---

1 В.Хорос. Драма интеллигенции // СССР: демократический прогноз.- М.:Прогресс, 1990. - С.201.

сколько общественным положением, ощущением социальной и культурной неполноценности, чувством озлобления и протеста". Соглашаясь с существованием таких настроений в данной категории революционной интеллигенции, мы считаем, что В.Хорос упрощает ситуацию.

Наряду с "кающимися" представителями высших слоев российского общества и "плебейской" интеллигенцией - то есть выходцами из беднейших слоев общества, добившимися образования трудом и волею случая, был ещё один слой интеллигенции - источник кадров социал-демократии,-это потомственная традиционно-функциональная интеллигенция - те самые учителя, земские врачи, служащие низших и средних рангов, чьи образованные, культурные и порядочные отпрыски уходили в революцию. На основании биографий словаря "Гранат" можно сделать вывод, что именно этот тип деятелей наиболее характерен для большевистской интеллигенции, а не "кающиеся дворяне" и т.н. "плебеи".

Разночинно-демократический слой интеллигентов сделал выбор в пользу революционного насилия и социального радикализма как главного средства достижения социальной справедливости и построения социализма. Следствием такого выбора стала ориентация в будущем на революционный нигилизм, террор, идеалы уравнительного казарменного социализма. Эти идеи нашли достаточно широкую социальную базу в лице люмпенизированных слоев общества, социально обеспокоенных групп в городе и деревне, для которых революция могла стать единственным шансом выхода из нищеты и безызвестности.

Но представителей этих слоев в партии нельзя определять только как плебейскую интеллигенцию. Среди выходцев из социальных низов следует выделять, во-первых, рабочую интеллигенцию, то есть представителей промышленного пролетариата, ставших профессиональ-

ными революционерами, а также лиц иного происхождения - ремесленников,крестьян,деклассированных элементов,не имевших выраженных традиций, классовых интересов. Между этими двумя категориями партийцев существовали серьезные социально-психологические различия, выраженные в мотивации деятельности. Для профессиональных революционеров, относящихся к люмпен-интеллигенции,было характерно в большей степени, чем другим, бессистемное самообразование,стремление подняться на социальный верх - сделать карьеру,отрицание старой буржуазной культуры,месть,жестокость,примитивный прагматизм, утилитарное отношение к духовности.

Иное дело - рабочая интеллигенция, воспринявшая традиции рабочего класса.

Рабочая интеллигенция,ставшая составной частью ядра большевистской партии, не может считаться ни плебейской, ни люмпен-интеллигенцией. Это совершенно особый слой,сыгравший одну из главных ролей в развитии революционного процесса в России.

Общеизвестно, что концепция партии "нового типа" включала, по В.И.Ленину,в качестве основного элемента идею об ядре профессиональных революционеров,образующих централизованную,строго конспиративную узкую организацию. Данный элемент, взятый вне контекста эпохи в связи с другими элементами концепции Ленина,может расцениваться как вариант бланкизма или нечаевщины. Однако у Ленина важное место занимает второй элемент - связь этого ядра,состоящего из пролетарских революционеров различного социального происхождения,с массами трудящихся, в первую очередь рабочими организациями. В.И.Ленин постоянно подчеркивал,что сплоченность и централизм профессиональных революционеров имеют смысл только в случае наличия непосредственного влияния на рабочие массы. В свою очередь, только связь с массами обеспечивала жизненность партийной организа-

ции, так как социальная среда давала пополнение членов ее рядов, необходимые материальные средства и собственно право именоваться и быть авангардом рабочего класса.

В новейшей исторической литературе это подвергается сомнению. М.Восленский утверждает, что "ни ленинская партия в целом,ни ее ядро - организация пролетарских революционеров никогда не были не только авангардом,ни вообще какой-либо частью рабочего класса"[1]. Большевистский центр оказывается являлся ничем иным,как "деклассированной мафией пролетарских революционеров", изначально направленной на государственный переворот с целью захвата власти от имени пролетариата,с его помощью, но вопреки его подлинным интересам.

Реальное формирование рабочей интеллигенции как составной части будущей большевистской элиты хорошо прослеживается в мемуарах рабочих-революционеров, различных документальных материалах: листовках,заметках в печати и т.д. В опубликованных воспоминаниях рабочих Г.М.Фишера,В.А.Щелкунова,И.В.Бабушкина,А.П.Тайми рассказывается о том, каким образом они становились социал-демократами,как приходили к марксизму. Конкретные учителя и первые марксистские книги у них были разные, но общим было стремление к знаниям,реализованное на основе,как правило, самообразования и самоусовершенствования[2]. В условиях растущего рабочего движения они постепенно превращались в настоящих вождей революции, или как говорил В.И.Ленин, в "передовиков" рабочего класса. В результате формировался пролетарский слой, сознательно "вырабатывающий"

---

1. Восленский М. Указ.соч. - С.57
2. Авангард. Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х гг.-Л.:Лениздат, 1990.

из себя "рабочую интеллигенцию" - социал-демократов. По этому поводу В.И.Ленин писал: "В России уже есть эта "рабочая интеллигенция" и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической партии"[1].

В развитии этой "рабочей интеллигенции" было заключено будущее самой социал-демократии, ибо без таких рабочих интеллигенты-революционеры были обречены повторить путь "Народной воли". Пролетарская интеллигенция была мостом, связующим звеном между выходцами из образованных и привилегированных слоев общества и собственно малообразованными, малокультурными массами трудящихся. Поднимать каждого рабочего до своего интеллектуального уровня было невозможно объективно и поэтому важно было опереться на активистов из рабочего класса - рабочих "передовиков". Для этой цели интеллигенты-марксисты использовали подпольные марксистские кружки, воскресные школы, больничные кассы и другие формы контакта с рабочими. Некоторые социал-демократы повторяли путь народников и шли буквально в народ для ведения на заводах агитации. Так поступили дворяне П.В.Точисский, П.Г.Смидович, приобретавшие рабочие специальности и работавшие непосредственно на предприятиях.

Рост рабочего движения и распространение марксизма в его среде усилиями социал-демократической интеллигенции подготовили необходимые условия для возникновения в Петербурге "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Первая социал-демократическая организация объединила интеллигентов-революционеров В.И.Ульянова, А.А.Ванеева, Г.М.Кржижановского, С.И.Радченко, Ю.О.Мартова с передовыми рабочими. Под воздействием развертывавшейся классовой борь-

---

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч. - Т.4. - С.269.

бы в социал-демократическое движение вовлекались все новые представители демократической интеллигенции и рабочего класса. Исходя из представления об ошибочности марксизма как идеологии, М.Восленский, А.Ципко и другие изображают деятельность социал-демократов по организации рабочего движения как попытку заглушить в рабочем классе его подлинно классовую идеологию борьбы за улучшение условий труда, подменив ее привнесенной извне чуждой идеологией пролетарской революции. Внося в рабочий класс такую перспективу, В.И.Ленин, по мнению М.Восленского, преследовал циничную цель создания слоя,"который должен был оказаться у власти в итоге пролетарской революции". В.И.Ленин доказывал, якобы, что пролетарскую революцию можно осуществить только под контролем рабочего класса со стороны партии и повседневной зависимости "штатных революционеров" от высшего руководства. И хотя в книгах В.И.Ленина "Что делать" и других нет никаких положений о будущей государственной элите большевиков, о контроле и зависимости рабочих от штатных руководителей и т.д., Восленский постоянно проводит эту идею, исходя, видимо, из принципа "после этого, значит по причине этого". В рассуждениях М.Восленского есть много любопытного и занимательного, будящего мысль, однако приписывать Ленину циничные замыслы создания авторитарно-бюрократического слоя и политической элиты все-таки антиисторично. Тем более сам М.Восленский в ряде других глав косвенно признает, что В.И.Ленин руководствовался пусть утопическими, но принципиально иными мотивами.

В.И.Ленин постоянно говорил о необходимости воспитания лидера нового типа-вождя рабочих масс, которого он сравнивал с народным трибуном. И действительно,вместе с новыми идеологическими отношениями в процессе классовой борьбы ускорилось вызревание нового

типа революционера - радикального борца с элементами фанатичности, догматизма, но способного к самостоятельным инициативным поступкам в рамках осознанно выбранной идеологии. Помимо Ленина - ярчайшего представителя этого типа личности, известны многие примеры воплощения его в жизни таких деятелей большевизма, как Бабушкина, Шелгунова, Баумана, Дзержинского, Вилонова, Смирнова и других. Радикальная революционная деятельность объективно возвышала личность, увеличивала ее масштаб, подчиняла личную жизнь общественной, интересам рабочего класса.

В общественно-политической литературе 70-80-х гг. образ пролетарского революционера ленинской школы идеализировался и возводился в абсолют. Некоторые современные авторы, наоборот, твердят исключительно о фанатизме и догматизме большевиков, их нравственной ограниченности и выставляют их чуть не в виде уголовных преступников. Особенно преуспел в таком подходе известный историк-эмигрант А.Авторханов в своей книге "Партократия". В его изображении факты экспроприаций царских финансов в период реакции, знаменитая легенда о передаче немецкого золота большевикам накануне революции 1917 года и некоторые другие события стали главным содержанием деятельности большевистской партии, подменившим все другое. Не отрицая необходимости тщательного анализа всех фактов истории большевистской партии без исключения, мы считаем важным рассматривать все это в контексте решения главных исторических задач и конкретных социально-экономических условий того времени, не осовременивая его.

Образ пролетарского профессионального революционера, воплощенный в нем тип вождя масс, стал закономерно складываться в начале XX века и воплотил в себе те черты, которых требовали условия России - самой недемократической, отсталой, некультурной страны в Европе.

Процесс формирования такого типа общественного деятеля, члена будущей политической элиты нового государства "диктатуры пролетариата" включил в себя одновременное преобразование, трансформацию как рабочих и других выходцев из низов (т.н. "плебеев") в партийных интеллигентов, так и представителей разночинной интеллигенции в "пролетарских революционеров". На этом пути преодолевались большие сложности, препятствия, проблемы в виде внутрипартийных противоречий, борьбы, расколов. В самом начале функционирования РСДРП ее поразил кризис, связанный с тем, что становление рабочей партии проходило вне связи с неоформившимся массовым рабочим движением.

Г.В.Плеханов писал по этому поводу: "замечательно, что социалистическая интеллигенция, пока она не растворилась в рабочем движении, нигде не смогла сложиться в единую, прочную партию. Это объясняет нам, почему расколы между социалистами составляют обычное явление в тех странах восточной европы, где социалистические партии до сих пор состоят главным образом из "интеллигентов". И единственным, - не "паллиативным" - лекарством от таких "сверхчеловеческих" болезней может служить лишь придание социалистическим партиям истинно пролетарского характера. Когда "рабочие партии" этих стран сделаются партиями рабочих, тогда и расколы станут там не правилом, а исключением и распри интеллигентов перестанут вредить делу пролетариев"[I].

Это обоснование необходимости соединения марксистских идеологов и лидеров рабочего движения не вызывало сомнений ни у кого в РСДРП, но ее вожди по-разному понимали роль интеллигенции в партии. В.И.Ленин занял противоречивую позицию в этом вопросе: с одной

I Плеханов Г.В. Соч. Т.XШ. - С.I3I, I39.

стороны,он говорил о полном и окончательном переходе интеллигенции на сторону пролетариата, с другой, - он считал, что именно интеллигенты должны из-вне принести пролетариату классовое политическое сознание и повести его за собой под этим знаменем. По мнению Г.В.Плеханова,это означало фактическую абсолютизацию роли вождей и революционной интеллигенции и могло привести к зависимости рабочего класса от идеологии и политики, вырабатываемых узким кругом профессиональных революционеров. Более того, эти идеи в сочетании с принципом организационного централизма могут привести, считал Плеханов,к сужению демократизма в партии,ее отрыву от рабочего класса и развитию авторитаризма.

Но В.И.Ленин категорически отрицал правомерность таких прогнозов. В своих статьях он постоянно доказывал недопустимость самоидентификации партийных интеллектуалов как представителей именно интеллигенции. Вступив в РСДРП, интеллигент должен был раствориться в ней, осознать себя пролетарским революционером до мозга костей и вступить в конфронтацию с "буржуазной" интеллигенцией.

В.И.Ленин считал, что положение обычного интеллигента в буржуазном обществе зависит от его личных данных - способностей,образования и т.д.,которые он продает господствующему классу,обслуживая его потребности. Недооценивая относительную самостоятельность интеллигенции,особенно Российской, теоретик большевизма прямо заявил,что "образованность,культурность и просвещенность(интеллигенции) есть только разновидность квалифицированной проституции"[1]. Это определило его отношение к выходцам из буржуазной интеллигенции в целом, отложило отпечаток на отношение к ее представителям, примкнувшим к социал-демократии. В "барском анар-

1. Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.16. - С.40.

хизме" и требованиях "свободы критики", в "дряблости и неустойчивости", теоретическом эклектизме он видел именно проявления сущностных черт интеллигенции, ее социального положения в обществе как промежуточного слоя, использующего сугубо индивидуальный труд. Отмечая категоричность подобных утверждений и некоторую абсолютизированность всей ленинской концепции интеллигенции, следует признать, что действительно специфика интеллигенции значительно осложняет жизнь партийного интеллигента, вынужденного соразмерять свою личность, совесть, долг, интеллект с партийной дисциплиной, уставом, требованием вождей и т.д., имманентная склонность интеллигенции к инакомыслию даже в рамках антиправительственной идеологии плохо вписывалась в концепцию Ленина партии нового типа. В рамках этой доктрины считалось, что выходцы из мелкобуржуазной интеллигенции отражают влияние мелкобуржуазной стихии на авангард рабочего класса, создавая оппортунистическую идеологию - сумму наукообразных псевдомарксистских аргументов. Появление таких сторонников социал-демократии, которые "усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания" - писал В.И.Ленин, - вызвано диалектическим характером развития, противоречия которого ведут к тому, что отдельные лица, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания, возводят в одностороннюю теорию отдельные черты капитализма, тактики буржуазии[I].

Для того, чтобы предупредить неизбежные в принципе колебания выходцев из интеллигенции, заставить их шагать "в ряду и шеренге"[2], как бы они ни были "разнородны и разнокалиберны",

---

I Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.20. - С.65-66.
2 Там же.-Т.4. - С.I96.

В.И.Ленин считал обязательной совместную работу революционеров - рабочих и революционеров - интеллигентов в единых парторганизациях. В ходе такой совместной деятельности и должен был выковаться новый тип партийного лидера, соединявший образованность и культурность интеллигента, решительность и бескомпромиссность рабочего, деловитость и дисциплинированность профессионала - революционера. Идея Ленина о том, что организация пролетарских революционеров должна соединить рабочее движение с марксизмом и сделать его тем самым "сознательным",реализовалась практически включением в организацию как идеологов-пропагандистов, так и агитаторов-организаторов масс, сплотившихся вокруг издания массовой общероссийской газеты. Изначально такая организация не могла быть ни чисто интеллигентской, ни чисто пролетарской. Такое своеобразное промежуточное положение профессиональных революционеров таило в себе зачаток их будущего отчуждения и от интеллигенции,и от рабочего класса. Как бы В.И. Ленин и его преемники ни подчеркивали пролетарский характер руководства партии,они не смогли добиться 100-процентной реализации этого положения в ходе строительства социализма,в процессе которого повседневные конкретные частные интересы рабочего класса приносились в жертву сначала абстрактным целям мировой революции,а затем задаче упрочения режима власти.

Причем даже до октябрьской революции ядро профессиональных революционеров,призванное вести за собой массы,зачастую было вынуждено на практике изменять свои оценки в соответствии с реальной практикой революционного процесса,выходившего за рамки предначертанных вождем границ. Рабочий класс оказался способным по мере развития революции самостоятельно выходить на новые решения,подчас более радикальные,чем предлагали большевики.

В.И.Ленин констатировал, что рабочий класс раньше партийных руководителей чувствовал перемены в политической обстановке и под-

талкивал их к определенным незапланированным действиям[I].

Инициатива масс,как правило, превосходила самые смелые прогнозы большевиков вплоть до приезда В.И.Ленина из эмиграции. Ядро профессиональных революционеров на практике решало более узкие задачи,чем руководство революциями или соединение рабочего движения с марксизмом в масштабе страны. Реально им формировались централизованные структуры в рамках рабочего движения, чтобы в нужный момент можно было бы направить его на решение конкретных политических задач. Именно это отличало действия большевиков от тактики меньшевизма - реформистского крыла российской социал-демократии. Для них ядро пролетарских революционеров было,как подчеркивали П.Б.Аксельрод,А.Н.Потресов,интеллигентским образованием,аристократией,организацией идеологов, разрабатывавшей лозунги и программы рабочего движения[2]. При всей внешней правильности такой,она оказалась не продуктивной. Меньшевики-интеллигенты,как показал опыт, всегда опаздывали и отставали от действий масс.

Для меньшевиков были важны не только интересы рабочего класса, но и специфические интересы демократической интеллигенции, повышенное внимание к ее традиционным ценностям - свободе слова, печати, совести,личности и отвращение к любой диктатуре. Однако

I. Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.I3 - С.37I.

2. Аксельрод П.Б. Объединение российской социал-демократии и ее задачи.//Искра,I903,I5 дек.; Потресов А.Н. Этюды о русской интеллигенции. СПБ.I906.-С.255,260,263. По подсчетам К.Д.Ерофеева РСДРП до I907г. на I/3 состояла из интеллигентов. См.: Вопросы истории КПСС.I990 № II.С.

Полемика лидеров социал-демократии по вопросу о роли интеллигенции в партии исследована В.В.Думным в специальном исследовании. Он показал, что социал-демократическая интеллигенция как особая политическая группа, формировавшаяся только частично из рабочих-интеллигентов, сыграла ведущую роль в образовании революционной партии и стала основой для складывания в будущем большевистской интеллигенции. См. Думный В.В. Социал-демократическая интеллигенция в Российском политическом процессе./Полемика на рубеже X1X - XX вв./ диссертация ... доктора исторических наук. -М.1991. -С.82,389.

в стране, где интеллигенция составляла меньше одного процента от всего населения страны, такая ориентация не могла привести к успеху. Большевистские лидеры сознательно исходили из приоритета классовых ценностей большинства населения России над общедемократическими. Не имея возможности по объективным причинам соединить рабочее движение в целом с марксизмом, они стремились направить малообразованные и малокультурные массы трудящихся в русло экстремистских действий, рассчитывая,взяв власть, осуществить культурную революцию.

Идеалы большевистской интеллигенции расходились с ее конкретно-исторической практикой. Говоря о грядущем социализме, будущем народовластии, лидеры большевизма имели в виду отдаленное будущее, которое надо достигать всеми доступными, даже не демократическими средствами. Широко известно выражение Г.В.Плеханова: "Успех революции - высший закон. И если ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно останавливаться"[1].

Этот подход целиком развивал Ленин. Его соратники по руководству партией - будущие правители советского общества, усвоили этот подход как истинно марксистский, не осознавая близость его к знаменитому лозунгу иезуитов: "цель оправдывает средства". Радикалы - интеллигенты, объявившие себя подлинными пролетарскими революционерами, сознательно шли после свершения Октябрьской революции на ликвидацию формальной буржуазной демократии во имя неформальной диктатуры пролетариата, закрытие оппозиционных газет как контрреволюционных и буржуазных, разгон учредительного собрания,

1 Второй съезд РСДРП. Июль-август. 1903г. Протоколы. М., 1959.- С.182.

аресты, заложничество, попрание свобод и прав личности. Известный большевик-интеллигент по происхождению, по образованию и по роду деятельности, ученый и литератор Н.И.Бухарин писал, что до октябрьской революции пролетариат и его партийный авангард нуждался в демократии, "потому, что он не мог еще реально помышлять о диктатуре. Ему была нужна свобода рабочей прессы, рабочих собраний, рабочих союзов и т.д. Ему и тогда была вредна капиталистическая пресса, черные капиталистические союзы, собрания локаутчиков. Но пролетариат не имел силы выступать с требованием роспуска буржуазных организаций - для этого ему нужно было бы свалить буржуазию. Демократия была ценна постольку, поскольку она помогала пролетариату подняться на ступеньку выше в его сознании. Но пролетариат вынужден был тогда облекать свои классовые требования в общедемократическую форму - он вынужден был требовать не свободы рабочих собраний, а свободы собраний вообще (следовательно, и свободы контрреволюционных собраний), свободы прессы вообще (а следовательно, и черносотенной прессы) и т.д. Но из нужды нечего делать добродетель".[1]

Позиции большевистской элиты в отношении собственной внутрипартийной демократии длительное время носили централистский характер, что во многом предопределило позиции и будущую судьбу самой элиты. В.И.Ленин сформулировал правила подчинения центру - ядру профессиональных революционеров остальной периферии: местных комитетов, ячеек, общественных рабочих профсоюзов и организаций в рамках минимальной демократии. Расширение прав центра было позитивно воспринято рядовыми членами партии из рабочих, органично предрасположенных к действиям, а не дискуссиям. Но многие социал-

1 Бухарин Н.И. Октябрьский переворот и диктатура пролетариата.- М., 1919. - С.18

демократы из числа интеллигентов выступали против централизма, ограничивающего возможности дискуссий как способа реализации их интеллектуального потенциала. Против сверхцентрализма активно выступали Г.В.Плеханов, Ю.О.Мартов, В.Засулич. В статье "Организационные вопросы русской социал-демократии" Р.Люксембург резко раскритиковала книгу В.И.Ленина "Шаг вперед, два шага назад" за ее ультрацентризм. По мнению рецензента, шатания в партии преодолеваются по мере реального движения, а не созданием центра, который может будто бы заранее себя обезопасить. Р.Люксембург прозорливо писала: "На самом деле, ничто так легко и верно не порабощает еще юного рабочего движения властолюбивой интеллигенцией, как сковывание его панцирем бюрократического централизма, принижающего борющийся пролетариат до роли послушного орудия в руках "комитета"[I].

К позиции Р.Люксембург очень близко мнение Л.Д.Троцкого, написавшего в статье "Наши политические задачи" о том, что "Максимилиан Ленин" теоретически терроризирует пролетариат и освобождает организацию профессиональных революционеров от всех политических и моральных обязательств по отношению к сознательным элементам рабочего класса.

Но подлинное существо проблемы заключалось в том, что организационные основы большевизма были следствием объективных условий существования партии на нелегальном положении. Переход к полной гласности и выборности означал бы конец партии. В демократическом виде партия не смогла бы стать политической силой в царской"беспартийной" России. Признавая конкретно-историческую правоту Ленина, нельзя не видеть, что жесткие централистские установки Ленина, формулировавшиеся в жесткой до неприличия полемике, при-

---

I Люксембург Р. Организационные вопросы русской социал-демократии // Искра.-1904. - 69.

обретали гиперболизированный характер абсолютной истины в последней инстанции. Именно такие оценки и аргументы стали впоследствии той методологической основой, на которой создавался фундамент сталинизма. На этой же основе строят свои концепции о тоталитаризме ленинского наследия Д.Волкогонов, А.Ципко и другие.

Между тем ленинская концепция не сводилась к доказательству только необходимости централизма, дисциплины, ядра профессиональных революционеров и др. По мере частичной либерализации политической системы России в период революции 1905-1907 гг. и разрешения легальной политической борьбы изменялись и принципы партийного строительства большевизма. На Лондонском съезде в 1905 г. Ленин внес резолюцию с признанием господства выборного начала партии[1], вскоре был поставлен вопрос об ограничении прав партийных комитетов[2]. В.И.Ленин признавал право партийца-интеллигента на свое мнение в партии. "Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле, безусловно, необходимо обеспечение большого простора личной инициативы, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии"[3].

В новых условиях В.И.Ленин отстаивал право меньшинства на защиту своей позиции и это было закономерно, так как объединенная большевистско-меньшевистская партия могла существовать только на этой основе. Политическая борьба между двумя крыльями в партии является нормальным явлением, считал Ленин, ибо "не может быть массовой партии, партии класса без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями"[4].

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.10. - С.171.
2 Там же. Т.12. - С.86-87
3 Там же. Т.12. - С.101
4 Там же. Т.16. - С.164.

Причем следует особо отметить, что В.И.Ленин боролся за права меньшинства не только потому, что в данный период его фракция была в меньшинстве,а противники были большинством. Главное заключалось в том, что в революционный период истории, когда развивается инициатива угнетенных классов, необходимы именно демократические принципы организационного построения партии.

После установления третьеиюньского политического режима и столыпинского террора демократические отношения в обществе и партии резко усилились. В эмигрантских организациях с новой силой всполыхнула междуусобная борьба между фракциями. Большевистская элитарная интеллигенция не только вела ожесточенную полемику с ликвидаторством меньшевизма,но и сама раскололась на ленинцев, отзовистов во главе с А.А.Богдановым и примиренцев во главе с В.Н. Ногиным и А.И.Рыковым. В.И.Ленин в этих условиях рассчитывал на перспективное объединение всех радикальных сил вокруг своей группы большевиков - на основе тактики сочетания легальной с приоритетной нелегальной работой. Он ставит задачу отстранения от руководства партией всех несогласных с ним и этим стимулирует рост в партии нетерпимости и фанатизма. Добиваясь единства партии на базе своей фракции,В.И.Ленин вновь в ходе полемики сформулировал целый ряд негативных личностных определений, положений о разгромных методах и способах политической борьбы,которые впоследствии стали активно использоваться теоретиками сталинизма для формирования партии - инструмента тоталитаризма.

Будучи абсолютно уверенным в своей правоте,В.И.Ленин не смог признать ряд своих ошибок,например,в случае с провокатором царской охранки А.Малиновским. Выявление этого провокатора,являющегося в партии видным работником, членом Государственной думы, ставило перед Лениным вопрос - почему охранке было выгодно поддерживать во внутрипартийной борьбе курс В.И.Ленина на отсечение

меньшевиков от партии?

Эпизод с Р.В.Малиновским показателен для положения в верхах партии. Помимо этого деятеля в партийных центрах активно "трудились" такие крупные провокаторы царской охранки как А.С.Романов, И.П.Карпычев, А.И.Лобов, А.К.Маркушев,А.А.Поляков,О.Ф.Пуцято-Рушиновская, А.А.Посребухина,М.И. Бряндинский,Я.А.Житомирский , А.Е.Серебрякова, М.Е.Черномазов,В.Е.Шуранов,И.П.Сесицкий,И.Г.Кривов,Ф.А.Кукушкин и целый ряд других[I]. Большевистская фракция РСДРП была буквально нашпигована провокаторами,которые делали известными царской охранке каждый шаг революционеров.

Большое количество предательств и провалов вынуждало руководителей большевиков анализировать это явление,искать противоядия. В марте 1917 г. в газете МК РСДРП "Социал-демократ"отмечалось,что провокаторы - это в большинстве случаев люди"примкнувшие к рабочему движению,участвовавшие в борьбе,но оказавшиеся слишком слабыми и малодушными для того, чтобы вынести все тяжелые испытания, которые выпали на долю борцов. Но кто же создавал этих Иуд. Какие условия способствовали их появлению?". Однако всестороннего анализа тогда сделано не было,так как это затрагивало слишком глубокие основы большевизма как экстремизма.

Маргинальные интеллигенты или рабочие,оторвавшиеся от своей социальной среды,перешедшие в особый мир подпольного существования,выработали особый тип мышления,психологическую способность абстрагироваться от морально-нравственных критериев в оценке своей деятельности,что приводило в ряде случаев к прямо противоположным результатам. Отдельные, но далеко не единственные партфункционеры из корыстных,карьерных или просто авантюрных интересов встали на путь сознательного провокаторства.

I. Большевики:Документы по истории большевизма 1903-1916 год бывшего московского охранного отделения.Третье издание.М.Политиздат, 1990.

Психология обездоленных люмпен-пролетариев ставшая базовой основой психологии революционных люмпен-интеллигентов способствовала неустойчивости,шараханью из крайности в крайность,склонности к авантюрам. Эту черту подметил Н.В.Крыленко в 1917 г.во время суда над Р.В.Малиновским:"Авантюризм и беспринципность толкнули Малиновского на первую кражу,они же заставили его согласиться служить в охранке,эти же свойства толкнули его к большевикам;те же беспринципность и авантюризм заставили его затем пойти на одновременный блок и с охранкой и с большевиками, чтобы пройти в Думу".[1]

Как известно,эти качества были свойственны некоторым известным деятелям большевизма,пришедшим к власти в октябре 1917 г.Среди них выделяется фигура И.В.Сталина(Джугашвили),которого стали обвинять в провокатерстве в 1908-1912 гг.[2] Представляется неверным с порога отметать это подозрение на том основании, что данная постановка вопроса смещает"правильные"акценты в разоблачении сталинизма и все сводит к характеристике личности Сталина.Очевидно,что если этот факт имел место,он многое проясняет в истории репрессий довоенного периода.

В ряде современных публикаций появились новые свидетельства и документы,в том числе личные письма И.В.Сталина к Р.В.Малиновскому, из которых становится очевидным,что эта проблема как минимум не решена.Е.Плимак и В.Антонов склоняются к точке зрения А.Орлова(Фельдмана) о том,что расстрел группы военноначальников во главе с М.Тухачевским был связан с обнаружением документов, подтверждающих

1. Крыленко Н.В. Судебные речи. М.1964. С.32.
2. Изучение исследователями документации охранки в фондах ГАРФ и др. архивах не позволило сделать однозначный вывод,подтверждающий эту версию или опровергающий ее.

деятельность вместе с Р.В.Малиновским. Независимо от того, был Сталин провокатором или нет, очевидно одно-в партийных верхах было немало беспринципных авантюристов.[I] Это было одно из негативных последствий формирования обособленной группы профессиональных революционеров. С одной стороны, это ядро цементировало партию, с другой -провокаторство в его рядах приводило к многочисленным тяжелым провалам.

Одна из основных причин успеха большевизма заключается в том, что его мировоззренческие установки, достаточно простые и легко усвояемые, оказались близки интересам люмпенизированных масс трудящихся.[2] Маргиналы, вошедшие в партийные верхи, стали коммунистами грубоуравнительного замеса, тяготевшими к "деспотическому коммунизму", об опасности которого писал К.Маркс.[3]

Основу партийных функционеров на местах составляли именно маргинальные люмпенинтеллигенты, далекие от идеалов марксизма и социал-демократии. В.И.Ленин надеялся, что "только социал-демократическая интеллигенция и социал-демократически воспитанные рабочие"[4] вместе станут идейными вождями пролетариата. Он видел опасность в сравнительном преобладании интеллигентов в партруководстве, рассчитывая на рост количества рабочих-революционеров и укрепление ядра партии. Но в действительности в партии изначально возникла противоречивая элита с имманентной социально-психологической неоднородностью, усиливавшейся по мере расширения ее состава.

I. Плимак Е., Антонов В. Был ли заговор против Сталина?/По материалам зарубежной печати/ //Октябрь.I994.№3.С.I66-I79.
2. Люкс Л. Интеллигенция и революция.//Летопись триумфального поражения.//Вопросы философии.I99I, №I. С.13.
3. Социализм между прошлым и будущим.М.Прогресс. I989.С.99
4. Ленин В.И. Пол.Собр.Соч.Т.IO.С.96I;Т.IOCI62;Т.24.С.22.

В связи с расслоением большевистской элиты нельзя не отметить характерную тенденцию в ее развитии,связанную со значительным процентом в ней партийцев еврейской национальности. Сама по себе эта тенденция имела в свете других разногласий второстепенный характер и до революции не вызывала негативных последствий. Однако на современном этапе развития России определенная часть литераторов придает особое значение именно этому факту,видя в нем первопричину постигших Россию катаклизмов. Публицисты национал-патриотического направления безаппеляционно зачисляют всех большевистских лидеров в люмпенизированных экстремистов-палачей независимо от национальности[1]. Некоторые из них пытаются проводить некую дифференциацию, выделяя хороших русских большевиков-интеллигентов и плохих еврейских большевиков,которые губили Россию вопреки Сталину, который в свою очередь проводил благое дело - очищал партию от еврейской оппозиции и наказывал в годы террора "палачей"русского народа .

Как известно,в дореволюционный период в социал-демократическом движении принимало участие значительное число революционеров еврейского происхождения. В.И.Ленин подчеркивал,что преступные погромы,дело Бейлиса, всевозможные ограничения и травля евреев поставили еврейских трудящихся под"двойное иго"[1]. Это обстоятельство стимулировало их революционность и обусловило их активность в партийном отношении - не случайно БУНД стал одной из самых первых партий в России. Отмечая великие прогрессивные качества в еврейской культуре - интернационализм и отзывчивость на передовые движения эпохи,Ленин обращал внимание на то,что "процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще"[2].

---

1. Ленин В.И. Полн.Собр.Соч.-Т.25.-С.16.
2. Там же.-Т.24.-С.122-123.

Разбросанные по всей Европе, подвергающиеся в России неоправданным гонениям и ограничениям по религиозно-национальному признаку, еврейские трудящиеся и интеллигенты превращались в значительной мере в национальных маргиналов,людей, оторвавшихся от своих устоев и не вполне впитавших чужие нравы. Не обладая ярко выраженным классовым самосознанием в том качественном единстве, свойственном для российского рабочего класса, еврейские труженики традиционно были чувствительны к национальной проблематике. Еврейские интеллектуалы пытались решить эту проблему радикальным образом,путем ее отрицания через идеологию пролетарского интернационализма. В среде интеллигентов национальные особенности усиливали тягу к полному низвержению несправедливого общества и применению насилия к его апологетам и носителям. Именно поэтому революционеры еврейского происхождения были зачастую более прямолинейны и последовательны в революции и в гражданской войне,чем партийцы других национальностей, в том числе "инородцы" - прибалты или кавказцы.

В число таких деятелей входили: Л.Д.Троцкий,Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев,Я.М.Свердлов,Г.Я.Сокольников,М.С.Урицкий,А.А.Иоффе, М.М.Лашевич,К.Б.Радек,Е.М.Ярославский,И.А.Пятницкий,А.А.Сольц,И.А. Зеленский, И.И.Шварц,Б.А.Ройзенман,А.Л.Шейнман,М.Л.Рухимович,Р.С. Землячка,М.С.Богуславский,Л.И.Вайнштейн,В.Володарский,И,Э.Гуковский, С.И.Гусев,А.И.Гордон, Я.Н.Дробнис,К.О.Левицкий,М.Н.Лядов,С.М.Нахимсон,М.Л.Павлович,Э.М.Склянский,Ю.Ларин,А.З.Гольцман,Л.М.Карахан, Л.С.Сосновский,А.К.Векман ,Н.И.Иорданский,М.М.Литвинов,А.Лозовский, А.С.Мартынов/Пиккер/,И.П.Мешковский/Рольденберг/,С.Г.Рошаль,Д.Б. Рязанов,Я.С.Фюрстенберг,М.И.Фрумкин,В.Л.Шанцер,Д.М.Шварцман,Я.З. Ерман,Е.С.Коган и тысячи других менее известных большевиков.

После прихода большевиков к власти, естественно, все эти деятели, зарекомендовавшие себя как радикальные революционеры, вошли в структуры власти. В первом Совнаркоме евреи составили 77% состава, в военном комиссариате - 76%, в комиссариатах юстиции - - 95%, иностранных дел - 81%, финансов - 80%, труда - 88% и т.д. Руководящие места большевики-евреи заняли в системе карательных органов ВЧК-ОГПУ, в том числе: Ягода, Агранов, Паукер, Слуцкий, Шанин, Иоффе, Берензон, Френкель, Раппопорт, Абрамсон, Плинер, Фирин, Биксон, Серпуховский, Погребинский, Финкельштейн, Мороз, Балицкий, Дерибас, Реденс, Рутковский, Файволович, Фридберг, Шкляр, Леплевский, Абрампольский, Кацнельсон и другие. Публицисты "молодогвардейского" направления любят дополнять подобные списки информацией, что жены кремлевской элиты, как правило, были еврейского происхождения, видя в этом также какой-то злобный умысел тайных сил, разрушавших Россию.

Подобная интерпретация исторических фактов требует более убедительных доказательств, чем метод аналогий и сопоставлений по принципу "что-то здесь не то". В то же время известно, что такие точки зрения получили бурное развитие в России после заключения Брестского мира в 1918 г., когда в стране наблюдался взрыв национально-патриотических чувств в среде мелкобуржуазных слоев общества, в том числе среди интеллигенции. Традиционный для России еврейский вопрос, ранее разжигавшийся царизмом, получил второе дыхание в свете факта, что лидеры большевиков, участвовавшие в подписании Брестского мира, принадлежали к еврейской национальности. Правые буржуазные газеты утверждали, что такой преступно-позорный мир могли подписать только "жиды-коммунисты". Российским евреям стали приписывать целенаправленную сознательную подготовку разгрома России как месть за прошлые гонения при царизме или как выполнение задач, сформулированных в пресловутых "протоколах сионских мудрецов".

Ненависть к большевикам, среди которых были евреи, обернулась новым витком ненависти к еврейской нации со стороны не только мелкобуржуазных слоев, но и либеральной российской интеллигенции. Сами лидеры еврейских организаций с возмущением писали о неверности отождествления большевизма и еврейства, так как большевики-евреи "выделяются именно тем, что всегда отрекались от всего еврейского, отрекались от своего рода-племени, от своей национальности, меняя для этого и религию и фамилии. И этих-то ренегатов и отщепенцев нации выдвигают как представителей нации, творящих ее волю"[1].

Все большевики-евреи и русские, рабочие и интеллигенты, несмотря на имевшиеся противоречия, были едины в убеждении, что они являются пролетарскими революционерами, солью рабочего класса. Считая, что они выражают интересы рабочего класса лучше его самого, большевики не учитывали в полной мере того, что даже в условиях отсталой России рабочий класс был достаточно неоднороден и понятия "пролетариат" и "рабочий класс" не являлись тождественными, несмотря на мизерность слоя рабочей аристократии. А.Тойнби обосновано обратил внимание на то, что пролетарий - это скорее состояние души, чем нечто обусловленное внешними обстоятельствами. Истинным признаком пролетария, по его мнению, является не бедность, не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, подогреваемое отсутствием законно унаследованного места в обществе и отторжением от своей общины[2]. Обесчеловеченное бытие породило ограниченные нравственные идеалы и неразвитые способности и потребности пролетарских масс. Восприняв чувство социальной ненависти пролетарских масс и соединив его с традиционным для революционной интеллигенции "отщепенством", большевистские лидеры осознанно отка-

1. Цит. по: Российская интеллигенция: страницы истории.-Спб, 1991.-с9.
2. Цит. по: Наш современник.-1994.-№ 2.-С.103.

зались от этической ответственности за судьбы российского общества в целом. Абсолютизировав классовый подход в его крайней пролетарско-экстремистской форме, большевики стремились разорвать преемственность со своими истоками в интеллигентской среде и доказать преимущественное право на обладание истиной и властью. Фанатичная убежденность толкала их на непримиримость в отношениях не только с политическими противниками, но и с коллегами-товарищами по революционной борьбе, проявляющими инакомыслие и самостоятельность в суждениях в русле марксизма.

Малопривлекательная фракционная и личностная борьба среди большевиков особенно обострялась в периоды вынужденной эмиграции их лидеров, лишенных возможностей политической деятельности в России. Время от времени сами участники внутрипартийных схваток "ленинцев", "плехановцев", "ликвидаторов", "примиренцев", "голосовцев", "отзовистов", "богостроителей", "внефракционных центристов" с явным недоумением отмечали несоразмерность остроты дебатов с реальным местом социал-демократии в политической жизни страны. Но вожди партии, ставшие записными бойцами-полемистами, продолжали не жалеть во имя своих идейно-политических проектов ни себя, ни своих коллег.

В этой связи представляют известный интерес для размышлений о формировании отношений в социал-демократической элите оценки В.И.Ленина в трудах В.Р.Менжинского, Л.Б.Красина, Р.Люксембург, Л.Д. Троцкого, которые отмечали его "невероятный фанатизм", раскольнические устремления, якобинство, централизм, диктаторство, идейное хулиганство и даже "грубую ложь"[1]. Л.Д.Троцкий в письме к Н.С.Чхеидзе писал, что ему "каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер"

---

1. См. например письмо Р.Люксембург в кн.: Политические оппоненты Ленина.- М.1991.- С.156-157.

Будучи абсолютно убежденным в своей "пролетарской" правоте и преступной ошибочности позиций меньшевиков-ликвидаторов, В.И. Ленин и его ближайшие сторонники добиваются созыва немногочисленной конференции в Праге в январе 1912 г. Всего 7 эмигрантов и 11 местных партийных работников принимают решение от имени всей партии отлучить от нее меньшевистскую часть социал-демократии. На конференции впервые четко и определенно обозначилось разделение партийных рядов на заграничные и внутрироссийские организации. Если в первых преобладали революционеры-интеллигенты, то во вторых - рабочие и выходцы из других социальных слоев населения страны. Г.К.Орджоникидзе, С.С.Спандарян высказали отрицательное отношение к заграничным организациям и даже требовали их роспуска. С.С.Спандарян говорил: "Пусть, кто желает работать... приезжает к нам в Россию" (История КПСС. Т.2. - С.369). Хотя формально под заграничными группами понимались меньшевистские организации, вопрос ставился шире и касался большевистских эмигрантов. Именно поэтому Н.Н.Семашко указывал, что распуская заграничные группы, можно убить организацию, которая помогает местным практикам, и в то же время это "не заткнет рот Мартову."

Обозначившийся прохладный тон в отношениях большевиков-эмигрантов и подпольщиков-практиков не исчез и в дальнейшем и привел в последующем к определенным организационным выводам со стороны одного из видных комитетчиков-подпольщиков, ставшего генсеком - И.В.Сталина.

Резко возросшая роль революционеров-нелегалов, работающих непосредственно в России, проявилась в избрании в члены ЦК, наряду с эмигрантами В.И.Лениным и Г.Е.Зиновьевым, комитетчиков Г.К.Орджоникидзе, С.С.Спандаряна, Ф.И.Голощекина, Д.М.Шварцмана и Р.Н.Малиновского (оказавшегося провокатором). Также было решено

кооптировать в состав ЦК И.С.Белостоцкого и И.В.Сталина. Позже в состав ЦК были введены Г.И.Петровский и Я.М.Свердлов - виднейшие практические работники партии. Кроме того, был намечен на случай арестов список кандидатов для кооптации в члены ЦК. В этот список вошли такие представители подпольной элиты как А.С.Бубнов, М.И.Калинин, А.П.Смирнов, Е.Д.Стасова и С.Г.Шаумян. Для непосредственного руководства партийной работой в России было создано Русское бюро ЦК в составе Г.К.Орджоникидзе, С.С.Спандаряна, Ф.И. Голощекина, И.В.Сталина и Е.Д.Стасовой. Руководителем техническо-транспортной группы стал О.А.Пятницкий. Известный революционер-практик из рабочих А.П.Смирнов был в этом ряду комитетчиков-практиков единственным большевиком, кто смог подняться в 30-х гг. над выработанным фетишем железной дисциплины РКП(б).

Позиции "внутренних" подпольщиков в партии резко усилились, что явилось зримым доказательством усиления разрыва большевиков с традициями социал-демократии в целом и меньшевизмом в частности. Когда спустя четверть века сталинская пропаганда заявила, что Пражская конференция "положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии", то в известном смысле это положение соответствовало действительности, так как именно после этого события в руководстве большевиков стали доминировать представители особой генерации деятелей, выросших в экстремальных условиях столыпинской реакции и усвоивших жесткий стиль работы.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди таких деятелей отсутствовали будущие лидеры оппозиций и уклонов, развившихся в партии в 20- хх. В то же время Л.Д.Троцкий, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Г.Л.Пятаков и другие партийные интеллигенты были длительное время в эмиграции и имели широкие

связи с международной социал-демократией. Это были деятели иной генерации, что и проявилось впоследствии. Л.Д.Троцкий вообще не был большевиком и постоянно находился с Лениным в конфронтации. Остальные лидеры большевиков неоднократно отстаивали собственное мнение и расходились в оценках со своим вождем. Сама атмосфера западно-европейской эмиграции, отрыв от российских реалий стимулировали инакомыслие большевистских интеллектуалов, воспитывали определенный тип лидера, склонного к теоретизированию, к демократическим дискуссиям, к самостоятельным поискам оптимальных решений и др.

В общем и целом это был интеллигентский тип лидера партии, отличавшийся от культивировавшегося в условиях подполья типа партийца-нелегала, организатора масс, пропагандиста и агитатора, привыкшего к жесткой дисциплине и конспирации, ценящего преданность как личную, так и идеологическую, верящего в партийное товарищество как высшую ценность бытия, всецело доверяющего вождям.

В дореволюционный период эти два типа лидеров не противостояли друг другу, а взаимно дополняли, хотя отдельные противоречия постепенно более четко оформлялись и проявлялись в ходе дискуссий. В целом же, в ходе политической борьбы с самодержавием, постоянной перманентной внутрипартийной борьбой в рядах большевистской партии сформировалась к началу первой мировой войны сравнительно малочисленная, замкнутая, но спаянная и уверенная в себе и своих идейных убеждениях прослойка профессиональных партийцев-революционеров. В известном смысле это была верхушечная часть партии, её избранная элита. Именно она определяла курс партии, ее организационные принципы, идейно-политическую программу. В случае перехода партии к легальной деятельности именно элита авто-

матически представляла партию в её отношениях с другими организациями и правительством.

Следует согласиться с мнением С.А.Федюкина о том, что в развитии революции ведущую роль заняла именно та часть большевистской партии, которая относится к интеллигенции. Именно большевистская партийная интеллигенция являлась основой сформировавшейся условной элиты партии, ее верхушечного слоя. Речь идет не о пролетарской и т.н. "плебейской интеллигенции", а об большевиках-интеллигентах по роду основной "гражданской" деятельности. Таких насчитывалось,по мнению С.А.Федюкина, 5-6 тысяч и среди них были ученые П.К.Штернберг, Н.М.Лукин, Д.П.Боголепов, публицисты В.В.Воровский, И.И.Скворцов-Степанов, М.С.Ольминский, Н.Л. Мещеряков, П.И.Лебедев-Полянский, врачи Н.А.Семашко, И.В.Русаков, В.А.Обух, В.А.Аванесов, М.И.Барсуков, Ф.Н.Петров, А.Н.Винокуров, З.П.Соловьев, Д.И.Ульянов, Н.Н.Нариманов, Б.С.Вейсборд, С.И.Мицкевич, инженеры П.В.Точисский, М.А.Азизбеков, П.Г.Смидович, Л.Я.Карпов, П.А.Кобозев, Г.М.Кржижановский, учителя В.Р. и Л.Р. Менжинские, Н.Н.Колесникова, А.Я.Берзин, М.И.Лацис, агроном А.Д.Цурюпа и другие[1].

Огромную часть этой интеллигенции, ее явное большинство представляли недоучившиеся студенты высших учебных заведений, как правило, выходцы из интеллигентных слоев общества. Характерным примером является биография С.И.Сырцова - видного деятеля большевистской партии, входившего в 1929-1930 г. в Политбюро ЦК ВКП(б). Он родился в 1893 г. в семье обеспеченного торгового служащего - оценщика шерсти с окладом 300 руб. в месяц. Закончив Ростовское реальное училище, он в 1912 г. поступает в Петербургский политехнический институт на экономическое отделение, где

---
1 Федюкин С.А. Партия и интеллигенция.-М.,1983.-С. 50.

начинает заниматься революционной работой наряду с учебой. Он становится одним из организаторов комитета по созыву общероссийского съезда студенческих организаций демократического направления. В 1913 году Сырцов вступает в партию большевиков и позднее по ее заданию начинает пропагандистскую работу в рабочих кварталах столицы. В 1915-1916 годах он подвергается преследованиям царской охранки, дважды судим и ссылается в Иркутскую область на вечное поселение. Это был достаточно типичный путь многих интеллигентов-революционеров этого поколения.

В революционное время В.И.Ленин заметно скорректировал свои подходы к внутрипартийной борьбе. Хотя он не приветствовал имеющиеся разногласия, но рассматривал борьбу как неизбежное явление и условие развития партийного организма. Он исходил из того, что внутрипартийная борьба естественным образом, опосредованно, но достаточно отражает взаимодействие различных классов, социальных слоев, исторических традиций и объективных требований общественного развития. Такой подход ярко проявился на УП Апрельской конференции РСДРП во время выборов Л.Б.Каменева в состав Центрального Комитета.

Отстаивая кандидатуру Л.Б.Каменева, допустившего крупные ошибки по мнению делегатов конференции, В.И.Ленин отметил, что нельзя простирать инцинденты дальше. Относительно дискуссий с Каменевым, предлагавшим иную политическую линию в сравнении с апрельским курсом, В.И.Ленин сказал примечательные слова: "То, что мы спорим с товарищем Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие т.Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его после трудностей, узнаешь, что тем

самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах".[1]

В.И.Ленин непосредственно способствовал вхождению в большевистскую партию своего давнего оппонента, которого клеймил как "иудушку", а теперь даже назвал "лучшим большевиком" - Л.Д.Троцкого. Заключив союз с Троцким, В.И.Ленин вовлек в партию большую группу меньшевиков-интернационалистов, в числе которых были многие бывшие большевики-интеллигенты, эмигранты, отошедшие от ленинцев в годы столыпинщины и первой мировой войны, не в последнюю очередь под влиянием непримиримости Ленина и его сторонников. В их числе были М.А.Урицкий, Н.Б.Эйсмонт, В.А.Антонов-Овсеенко, М.М.Володарский, Л.М.Карахан, В.И.Межлаук, Г.И.Чудновский, В.П. Затонский. Были восстановлены в партии бывшие большевики, видные интеллектуалы Л.Б.Красин, А.В.Луначарский, М.Н.Покровский, Д.З.Мануильский. Но на данном этапе ленинцы предпринимали практические действия для сближения и объединения своей партии со всеми революционными группами, стоявшими на почве интернационализма и порвавшими с политикой "оборончества". Этому способствовало то обстоятельство, что многие разногласия были сняты с повестки дня вследствие стремительного развития революционного процесса и демократизации общества. В этих условиях В.И.Ленин считал возможным участие в работе УI съезда РСДРП(б) не только Троцкого и межрайонцев, но и мартовцев при условии разрыва с оборонцами. Внутрипартийные разногласия отошли на второй план. Главным критерием единства революционных сил Ленин считал теперь отношение к Временному правительству и буржуазным партиям. Но несмотря на это, В.И. Ленин по-прежнему решительно выступал против широкого объединения большевистского и меньшевистского течений, ставших теперь самостоятельными партиями. Цель была понятна - сохранение сплоченной

I. УП/Апрельская/ конференция РСДРП:Протоколы.-М.I958.-С.322.

партии и ее элиты как инструмента будущего переворота. В.И.Ленин неоднократно писал,что ни один класс не достигал господства,если он не выдвигал своих политических вождей.Поэтому необходима устойчивая, хранящая преемственность организация руководителей[1].Партия выработала такую группу авторитетных и влиятельнейших руководителей в течении 15 лет[2]. Относительно самостоятельная группа профессиональных революционеров,состоящая как из рабочих, так и из интеллигентов,сплотилась вокруг личности В.И.Ленина-самого радикального и харизматического лидера российской социал-демократии.На VI съезде РСДРП/б/,ставшими смотринами кадров,267 делегатов представили цвет партии,ее подлинную элиту.[3] Наиболее авторитетными деятелями были Н.И.Бухарин,А.С.Бубнов, Ф.Э.Дзержинский, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, А.М.Коллонтай, Н.Н.Крестинский, В.П.Милютин, М.К.Муранов, В.П.Ногин, А.И.Рыков, Я.М.Свердлов, Ф.А.Сергеев(Артем), И.Т.Смилга, Г.Я. Сокольников, И.В.Сталин, Л,Д.Троцкий, М.С.Урицкий, С.Г.Шаумян и др. Военно-боевой работой руководили С.И.Гусев, П.Е.Дыбенко,Э.С.Кадимцев, М.С.Кедров, Н.В.Крыленко, В.И.Невский, Н.И.Подвойский,Ф.Ф.Раскольников,М.Ф.Фрунзе,Е.М.Ярославский.Были известны партийные литераторы А.Ф.Ильин-Женевский, А.В.Луначарский,М.С.Ольминский,И,И.Скворцов-Степанов.На местах работали П.А.Джапаридзе,Я.А.Зевин,К.Н.Самойлова,Н.А.Скрыпник,В.Я.Чубарь,В.В.Куйбышев,П.Г.Смидович,А.Ф.Мясников, С.И.Сырцов,Г.Л.Пятаков и др.Это были люди, отличающиеся волей,стойкостью и упорством,беззаветно верившие в правоту своих идей.

Подводя итоги обзора известных в литературе фактов,можно выявить некоторые важные наблюдения концептуального характера.

1. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч.-Т.4.-С.375;-Т.6.-С.124.
2. Ленин В.И. Полн.Собр.Соч.-Т.44.-С.94.
3. На каждого делегата приходилось 10 лет революционной деятельности. Из их числа работали в разное время агитаторами 114 чел.,организаторами-103 чел,пропагандистами-85 чел,литераторами-57 чел,лекторами-18 чел,председателями парткомов-30 чел,;110 отбывали тюремное заключение суммарно 245 лет.

В дореволюционный период усилиями В.И.Ленина и его ближайшего окружения сформировалась идейно-политическая и организационная структура большевизма, которая предопределила образование партийной элиты. Созданное согласно плану образования партии революционного действия "ядро", состоявшее из профессиональных революционеров, включило в себя представителей привилегированных классов, разночинной традиционно-функциональной интеллигенции, рабочих-"передовиков" и выходцев из маргинальных и люмпенизированных слоев общества. Объединение в одной организации идеологов-интелектуалов и практиков-организаторов позволило сформировать достаточно замкнутую верхушечную кадровую группу - политическую контрэлиту по отношению к господствующему режиму. Характерными чертами этой прослойки являлись радикализм, организационный фетишизм, подчиненность нравственных аспектов деятельности политическим, асболютизация роли рабочего класса, формальная недооценка интеллигенции и на деле ее доминирование в партийных органах. В то же время для многих деятелей большевизма были характерны убежденность в правоте идеи социальной справедливости и равенства людей, вера в возможность построения коммунистического общества, ориентация на другие идеалы и утопии. В личном плане большинству из них были присущи решительность, энергичность, мужество, простота, искренность, способность к самопожертвованию, стремление к знаниям, активная политическая позиция. В ходе "естественного" революционного отбора такие качества в основном стали определяющими для облика большевиков-активвстов и их лидеров в целом как социально-психологического явления, несмотря на ряд отклонений.

§ 2. Политическая элита республики Советов в борьбе за укрепление диктатуры большевизма.

Осенью 1917 г. в ходе революционного процесса произошло превращение большевистской интеллектуальной элиты - партийной интеллигенции из числа профессиональных революционеров в политическую элиту нового советского государства. Большевизация Советов, произошедшая после разгрома корниловщины, привела к руководству советов, пока еще не государственных органов, большевистских интеллигентов. Во главе Петроградского совета стал Л.Д.Троцкий, Московского - В.Ногин. В Минске лидером был В.П.Затонский, в Киеве - Г.Л.Пятаков, А.К.Воронский в Одессе, В.П.Антонов-Саратовский и В.В.Куйбышев в Саратове. Председателем Ростово-Нахичеванского совета стал С.И.Сырцов и т.д. Оставалось сделать следующий шаг для утверждения полноты власти Советов - ликвидировать Временное правительство. УI съезд.. определил характер этого шага - вооруженное восстание рабочих и солдат столичных гарнизонов, находившихся под влиянием Советов и их большевистских председателей. Однако неожиданно обнаружилось, что интеллигентская часть руководства РСДРП(б) заколебалась в момент определения сроков восстания. Ход борьбы В.И.Ленина и его сторонников за осуществление восстания в конце октября подробно описан и изучен в исторической литературе.Позиция Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева,выступивших против восстания в виду отсутствия объективных условий для социалистической революции,явилась проявлением распространенных среди социал-демократической интеллигенции подобных взглядов, имевших серьезное обоснование. По мнению Ю.О. Мартова, в реальной

действительности может расцвести только "окопно-казарменный квазисоциализм", В той или иной степени это настроения были присущи многим большевикам-интеллигентам,что привело на практике к поддержке идеи создания "однородного социалистического правительства" и функционирования Учредительного собрания.

Л.Б.Каменев, Б.Рязанов, Г.Я.Сокольников в переговорах с Викжелем по поводу этого дали даже согласие на создание вместо ВЦИКа "Народного Совета" и при обсуждении состава нового правительства не протестовали против постановки вопроса о замене на посту его главы Ленина Черновым или Авксентьевым.А.И.Рыков, В.А.Милютин считали, что соглашение поможет удержать за большевиками сочувствующих и предотвратить тем самым развертывание длительной гражданской войны. Либеральные большевики выступили за отказ от контроля за подготовкой созыва и работой Учредительного Собрания и участие в его работе на общих основаниях.[1] В.И.Ленин счел подобные предложения проявлением буржуазно-демократической точки зрения, не учитывавшей реальные условия классовой борьбы, и предъявил либеральным большевикам ультиматум, добиваясь прекращения колебаний и сомнений среди руководителей партии. А.С.Бубнов, Г.Я.Сокольников, А.В.Луначарский под давлением авторитета и аргументов В.И.Ленина прекратили свои колебания, но Л.Б.Каменев, А.И.Рыков, В.Н.Милютин, В.Н.Ногин, Г.Е.Зиновьев, объявили, что не могут нести ответственность за политику, ведущую к кровопролитию между демократическими силами и поэтому складывают с себя звания членов ЦК. Одновременно группа наркомов среди которых помимо А.И.Рыкова,В.Н.Ногина,В.Н.Милютина были И.Теодорович,Н.Дербышев,С.Арбузов,.К.Юренев,А.Г.Шляпников, Ю.Ларин выразили свое несогласие с использованием средств "поли-

1.Протоколы ЦК РСДРП(б).Август 1917-февраль 1918г.-М.Политиздат. 1958.- С. 127-128, 160-161.

тического террора" для сохранения чисто большевистского правительства. По их мнению, это приведет к "отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима". Как показали последующие события, в позиции большевиков-интеллигентов была значительная доля истины, но значение этих предупреждений отрицалость как в советской историографии[1], так и в современных публикациях о большевизме.

Благодаря своему колоссальному авторитету и неумной политики правых меньшевиков и эсеров, В.И.Ленину удалось пресечь развитие либеральной тенденции среди большевистских лидеров. Осмысливая это явление в декабре 1917г., он набросал список тем для разработки. Среди них имелась тема №17: "В чем родство между босяками и интеллигентами". К ней он отнес добавочную тему "17бис": "Правый большевизм, место ли ему в партии?". Из анализа всех тем видно, что, на наш взгляд, Ленин рассматривал правобольшевистскую тенденцию как одну из слабых сторон Советской власти наряду с анархизмом, мелкобуржуазным паразитизмом, "жуликами в революции" и другими последствиями революциями. В ряде последовавших рябот он развивал идею о близости босяков-люмпенов и буржуазных интеллигентов, одинаково противостоящих новой власти. Он писал, что босяки-деклассированнные мелкие буржуа и рабочие, ставшие под влиянием нужды и нищеты на путь хулиганства, продажности, забвения человеческого образа, и буржуазные интеллигенты-их родные братья, все они одинаково "дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества", две стороны одной медали-"главные враги социализма".[2]

При этом Ленин, на наш взгляд, имел ввиду, что большинство большевиков-оппозиционеров правого характера были выходцеми именно из старой интеллигенции. Эта специфическая группа, представленная в партии

1. История КПСС.-Т.3.Кн.1.М.1967.-С.345-346.
2. Ленин В.И.Полн.Собр.Соч.-Т.35.-С.200-201.

Зиновьевым, Каменевым, Рыковым, Милютиным и др., породила право-большевистскую либеральную тенденцию. Он писал, что члены этой группы "дрогнули перед натиском буржуазии", "бежали из нашей среды" как штрейкбрехеры и дизертиры, маловеры, колеблющиеся и сомневающиеся". В.И.Ленин сделал ставку не на бывших эмигрантов, а на революционеров-практиков, комитетчиков-подпольщиков. Парадокс истории заключался именно в том, что последние были представлены выходцами из люмпен-интеллигенции и социальных-низов общества в значительно большей степени, чем интеллигенты-эмигранты. В ходе распространения Советской власти по всей стране и развертывания "красногвардейской атаки на капитал" ярко проявились вседозволенность и экстремизм таких новых властителей и примкнувших к ним люмпенизированных элементов.

Ю.О.Мартов писал в декабре 1917 года, что "под покровом власти пролетариата на деле распускается самое скверное мещанство со всеми специфически-русскими пороками некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитизмом, распущенностью, безответственностью и проч."[1] Попытки ленинцев ограничить разгул анархии и установить новую государственную дисциплину натыкались на на сопротивление растущих партийных вождей, познавших вкус власти.

О существовании двух типов большевистских деятелей, все более расходившихся друг с другом в отношении к лидерам других партий, интеллигенции, крестьянству, казачеству и другим непролетарским слоям населения было известно широки слоям общественности. М.Горький в цикле статей "Несвоевременные мысли" выделил два типа лидеров большевизма. Первый тип -"вечный революционер", являющийся посредником всей массы людей и идей, двигающих человечество к совершенству. Воплощая их в разуме и чувствах, он являет "тре-

---

1. Родина. 1990.-№8. -С.19.

петное звено бесконечной цепи динамичных идей при любом социальном слое. Он совокупностью своих чувств и мнений принужден на всю жизнь остаться неудовлетворенным, ибо знает и верит, что человечествоимеет силу бесконечно создавать из хорошего - лучшее". По мнению М.Горького, вечный революционер органично не способен прибегать к насилию над человеком, кроме тех случаев, когда это крайне необходимо. Безусловно, Горький назвал черты не реального, а скорее идеализированного типа большевика, которого он хотел видеть сам. Но не составляет сомнения то, что Горький знал деятелей большевизма, приближавшихся в той или иной степени к описываемому идеалу. В ряде своих очерков он описал конкретных большевиков именно как таких вечных революционеров[I].

Второй тип революционного деятеля, описанный Горьким, это "революционер на сей день", то есть вставший в ряды революционного движения в силу политической конъюнктуры. Такой деятель обижен на всех за свои прошлые неудачи, репрессии, тягостное существование эмигранта и т.д. "Он весь насыщен чувством мести и хочет заплатить сторицей обидевшим его". Мстительный, мелкий, скованный "тяжелым консерватизмом зоологических инстинктов", он склонен искать в людях прежде всего негативное. Прикрываясь коммунистической фразой, он на самом деле "оскопляет творческую силу революционной идеи" и "будит в человеческой массе древнего жестокого зверя". Для такого типа деятеля люди есть материал, который он использует в своих экспериментах, будучи сам не всегда искренним и честным.

Как художник Горький сделал акцент на чувственность и морально-нравственные качества, а не на мировоззренчески-политические,

1. См. очерки о Л.Красине, М.Вилонове, Камо в кн.: Горький М. Литературные портреты.–М.:Молодая гвардия, 1963.

но практика показала, что в таком подходе заложен глубокий смысл. Во всяком случае типы большевика-идеалиста и большевика-коньюнктурщика, отмеченные Горьким, четко прослеживались на протяжении истории этой партии.

Проблема нравственного и безнравственного в политике правящей партии, поставленная М.Горьким, проявлялась на каждом шагу, требуя от властей определения своей позиции. Выход был найден - практически в первые дни существования новой власти было установлено, что нравственно все то, что на пользу революции, все, что укрепляет провозглашенную диктатуру пролетариата.

Такой подход позволил лидерам большевиков без тени сомнения осуществлять от имени пролетариата его диктатуру, превратив ядро профессиональных революционеров, интеллектуальную элиту в правящую политическую верхушку нового государства. Формально и логически такое решение было обосновано тем, что не каждый представитель рабочего класса может управлять обществом. Для реализации идеала диктатуры этого класса наиболее активная его часть, организованная в партию или другие авангардные организации, выделяет слой лучших представителей для выполнения функций конкретного руководства. В целях укрепления и стабилизации своей власти рабочему классу и его авангарду необходимо создание развитой политико-идеологической системы, фиксирующей его господство.

Но, с другой стороны, отношения между сложившейся политической элитой, авангардом и самим рабочим классом на практике изначально приняли неоднозначный и противоречивый характер. Это связано с тем, что большевистская элита в процессе выявления, реализации интересов пролетариата руководствуется не только его собственными потребностями, но в первую очередь теоретическими марк-

систскими представлениями о том, что нужно рабочему классу. Как показал исторический опыт, эти представления носили утопически-упрощенный характер и не всегда соответствовали реальным интересам трудящихся. Кроме того, элита приобрела относительную самостоятельность по отношению к породившему ее классу. Приобретя автономию, политическая большевистская элита начала существовать как самостоятельный политический организм, претерпев различные метаморфозы. Карл Каутский отрицал право большевистской элиты осуществлять диктатуру пролетариата таким образом, так как по его мнению диктатура рабочего класса это не форма, а состояние общества. Класс господствует, но не конкретно управляет обществом. Это делают партии и организации в рамках политической системы, имеющей социальную направленность[1]. Диктат замкнутой политической элиты во главе с Лениным приведет к тому, что рабочие лишатся права самостоятельно оценивать аргументы борющихся партий и классов[2].

Но А.А.Богданов, известный теоретик-марксист, тоже разошедшийся с большевизмом, считал в известной мере оправданными многие нарушения положений марксизма в русской революции. В письме Бухарину он писал о трагизме революции в России, обусловленном тем, что к этому делу "прилипло больше крови и грязи, чем требовалось его сущностью; но винить в этом некого: виновата историческая отсталость и неподготовленность, виновата безмерная тяжесть задачи, беспримерная жестокость бедствий, поразивших нашу страну. Трагизм в том, что на плечи исторически самого юного рабочего

1. Каутский К. Диктатура пролетариата.-Вена, 1918.- с.20.
2. Каутский К. Терроризм и коммунизм.- с.174.

класса -русского пролетариата история возложила самое непосильное, невиданно огромное бремя, задачи, далеко выходящие из границ его собственной классовой природы".[1]

Нисколько не сомневаясь в своей способности компенсировать ограниченность возможностей пролетариата, большевистская элита незаметно для самой себя заняла позиции на вершине новой социальной пирамиды. Первоначально членов элиты объединяла общность революционных судеб, близкие товарищеские отношения, преданность идеям и память о погибших в борьбе с царизмом друзьях. Но уже с первых месяцев своего владычества большевистские лидеры показали в своей деятельности, что ничто человеческое им не чуждо. Не все избежали искушения удовлетворить свои слабости, потворствовать родственникам или друзьям. Может быть впервые особые взаимоотношения внутри правящего слоя проявились во время конфликта в апреле 1918 г. между Сталиным и Мартовым, в ходе которого идеолог меньшевизма тонко обратил внимание на новые моменты властных отношений.

Сталин выдвинул иск против Мартова по поводу обвинения его Мартовым в участии в дореволюционных ограблениях-экспроприациях Сталин прямо заявил на суде, что "клеветнический выпад" Мартова носит отнюдь не частный, а общественно-политический характер, поскольку затрагивается "честь партии, стоящей сейчас у власти". По требованию Сталина разбирательство проводил не народный суд, а специальный революционный трибунал. Это вызвало резкий протест Мартова, который обоснованно увидел в этом отождествление высшими руководителями себя с государством и присвоение ими особых привиллегий, в том числе судиться

---

1. РЦХИДНИ. Ф.259. Оп.1. Д.60. л.8.

спецсудами. Р.Абрамович прямо заявил на судебном процессе: "вы хотите создать привилегии, вы хотите создать категорию помазанников, исключительный закон, по которому людей "с цепью" охраняют особо и за оскорбление которых сажают в тюрьму и вообще карают особенно сурово, суровее, чем по народному суду... место прежней священной бюрократии займет новая, не менее священная". Суд под впечатлением аргументов защиты в условиях функционирования еще не переродившейся советской демократии вынес половинчатое решение, расцененное как ничья между истцом и ответчиком. Это не устроило ни Сталина, ни Мартова. Последний в ряде статей высказал свое удовлетворение тем, что большевики своим отношением к касационным жалобам в полной мере выявили свое нутро привиллегированной элиты. Мартов в этой связи подчеркивал: "На моем деле этим господам, этой сотне большевиков....пришлось показать всему народу, что большевистская компания представляет собой подлинную, по французскому выражению, республику кумовьев, из которых каждый Сосновский, каждый Свердлов, Стеклов, Красиков и Козловский, рассматривая власть как общую добычу, считает себя обязанным с нарушением собственных декретов, собственного достоинства и всех принципов, помогать куму, когда ему нужно навести лак на грязное пятно в его прошлом и настоящем..."[1] .

Таким образом, Мартов и Абрамович четко зафиксировали существование особой относительно привилегированной большевистской элиты с особыми внутренними отношениями, не позволявшими уличить "своего".

Внутрипартийные противоречия, проявившиеся в ходе взятия и укрепления власти большевиков в Петрограде не были единичны и

I. Иоффе Г. Республика кумовьев. Как прошла первая репетиция сталинских процессов // Родина.-1990.-№ 8, с.I5

особенным явлением, свойственных только высшему эшелону руководства в столичных городах. Они проявились с неменьшей остротой в региональных центрах на местном материале, добавив к общей линии борьбы новые краски и подходы. При этом следует иметь в виду,что в большевистской элите слой революционеров-подпольщиков,в отличие от эмигрантов-интелектуалов, распределялся с большей равномерностью по всей территории страны, сосредотачиваясь в губернских центрах промышленных регионов. Таким центром был Ростов-на-Дону - экономическая столица области Войска Донского.

В дореволюционный период здесь на разных этапах революционного движения работали видные профессиональные партработники С.И.Гусев(Драбкин), Г.К.Орджоникидзе, И.И,Ставский, П.А.Джапаридзе, С.В.Косиор, В.И.Невский[I] . Их нельзя считать региональной группой, так как они были связаны с Доном либо в силу партийных поручений, либо просто начинали здесь свой жизненный и революционный путь. Характер деятельности профессиональных революционеров, репрессии царской охранки, первая мировая война, особенности казачьей области привели к тому, что в этом региональном центре на постоянной основе работали не самые крупные фигуры большевизма.

В 1917 г. на Дону насчитывалось около 6000 большевиков, которых возглавляли признанные лидеры: Блохин П.Г., Васильченко С.Ф., Жаков М.П., Журавлев М., Ларин В.Ф., Лукашин С.А., Москатов П.Г., Решетков И.В., Сырцов С.И., Френкель А.А., Шаблиевский Г.В. К этой руководящей группе примыкали большевики, выдвинувшиеся в первые ряды в ходе революции и гражданской

I. Наследники прометея:Очерки о профессиональных революционерах Дона.-Ростов н/Д. 1977; Соратники Ленина на Дону:Очерки. Изд.2-Ростов н/Д. 1980.

войны: Васильченко С.Ф., Дорошев И.А., Ковалев В.С., Турло С.С., Зявкин Ф.М. и ряд других деятелей.[1]

Противоречия в Ростовской руководящей группе большевиков носили как идейно-политический, так и личностный характер. В 30-50-х гг. историки М.Корчин и др. выделяли в ней группы "троцкистов" (Васильченко-Жаков), "каменевцев" (Сырцов), "ленинцев" (С.Турло). В 60-70-х гг. говорить о противоречиях среди большевиков на местах можно было в русле общей доктрины, не выпячивая местных лидеров как личностей и самостоятельных политиков. Между тем это были заметные фигуры в политическом и личностном отношениях, обращающие на себя внимание, о чем наглядно свидетельствуют биографические данные.

I. Васильченко С.Ф. (I894-I937), из рабочих, чл. партии с I90Iг., активный участник всех основных революционных событий на Дону: стачки I902г., демонстрации I903г., вооруженного восстания на Темернике I905г. Искренний, но прямолинейный боец, он стал лидером донских большевиков в I9I7 г. Активный участник гражданской войны, руководитель Криворожско-Донецкой республики в I9I8г. В 20-х гг. поддерживал оппозицию Троцкого, подвергся гонениям. Работал в литературно-издательской сфере, написал два романа о революции. Репрессирован.

Дорошев И.А. (I896-I937), казачий интеллигент, учился в психоневрологическом интситуте, участник I мировой войны, член РСДРП с I9I7 г., вместе с Подтелковым возглавлял казачий ВРК, в Донсовнаркоме был наркомом просвящения. В гражданской войне был членом Донбюро РКП(б), комиссаром инспекции кавалерии Юж-фронта. В 20-х гг.-заместитель и председатель краевых и областных исполкомов, член ЦИК и ВЦИК СССР, делегат ХУI съезда ВКП(б), репрессирован.

Дунаевский С.А. (I895-I9I8), из ремесленников, учился в гимназии, чл. РСДРП- I9I4г., в I9I7 г. чл. Совета в Рязани, дел. 2 Съезда Советов, направлен в Ростов н-Д, в Донсовнаркоме-нарком финансов. Участник гражданской войны на Северном Кавказе, расстрелян мятежником Сорокиным в Пятигорске.

Блохин П.Г. (Свердлин), (I887-I942), из рабочих, чл. РСДРП с I9II г., комитетчик-нелегал, в I9I7-чл. ВРК, зам. наркома по труду в Донсовнаркоме, в I9I9г. -в Донбюро РКП(б), в I920 -пред. Донскома партии, секретарь губкома, работал в аппарате ЦК ВКП(б), Сибкрайкоме, Новороссийске. Умер от туберкулеза.

Жаков М.П./1893-1936/, чл.РСДРП с 1911, после февральской революции чл. Ростовского Совета, член Ростово-Нахичеванского и Донского окружного комитетов партии, делегат 2 съезда Советов, участник Восстания в Петрограде и рев.боев в Ростове на Дону, чл. ВРК. В 1918 г. наркком просвещения в совнаркоме Донецко-Криворожской республики. Работал в Казани и Донбассе. В 1920 - чл.Донкома. С 1922 на преподават. работе, участник оппозиции, автор крупной неопубликованной исследовательской работы о революции и контрреволюции на Дону. Репрессирован.

Зявкин Ф.М. /1894-1946/, рабочий из семьи революционеров, чл.РСДРП с 1917, секретарь Темерницкого комитета, чл.ВРК, командир Красной Гвардии в Ростове, командир партиз.отряда, нач. разведки штаба Южфронта, Пред.Дончека в начале 20-х гг., награжден высшими знаками отличия РСФСР и ВЧК. В дальнейшем на партийной работе. В 30-х гг. зам.директора Амторга в США, советник в Китае, выполнил ряд спец.поручений НКВД. В 1937 арестован и сослан. В 1941 г. возращен из ссылки для подпольной работы. Умер в 1946 г. от туберкулеза.

Ковалев В.С./1883-1919/, казак, чл.РСДРП с 1905г., 10 лет на каторге и в ссылке, в 1917 г. пред.-Жуковского Совета, делегат 2 съезда Советов, участник восстания в Петрограде, организатор казачьей секции ВЦИК, в 1918 Пред.ЦИК Дон.республики. Комиссар 23 дивизии. Умер от туберкулеза 1919 г.

Ларин В.Ф. /1895-1937/ сын учителя, чл.РСДРП с 1914, учился в Новочеркасском политехинституте, пред. Новочеркасского ревкома, член ЦИК Донреспублики, Пред. ревкома в Хоперском округе, чл.Донкома партии, С 1928 г. - пред.край КК,секретарь крайкома ВКП/б/, пред. Азово-черноморского крайисполкома.Репрессирован.

Лукашин С.Л. /1885-1937/, окончил семинарию, гимназию, юрфак Петербургского университета и экономическое отделение Петербургского политехнического института; чл. РСДРП с 1905 г., в 1917 член ЦИК Донреспублики, нарком юстиции донсреспублики, член Донбюро РКП/б/, пред.Донисполкома в 1920., в дальнейшем на партийной работе в Армении. В 30-х гг. на работе в Госплане СССР, пред.комитета по строительству СНК СССР. Репрессирован.

Решетков И.В. /1892-1967/,рабочий, чл.РСДРП с 1910, комитетчик, зам.пред. ВРК, комиссар по градоначальству. Далее работал в Москве. С октября 1918 г. на Южфронте, чл.Донбюро РКП/б/, чл. Ростов-Нахичеванского комитета РКП/б/ в 1920 г. В дальнейшем на профсоюзной работе.

Турло С.С./? ? / рабочий, без образования, чл.РСДРП с 1905г., на нелегальной работе в Латвии. В Ростове с 1916 г., Пред.Ростов-нахичеванского комитета партии. После Октября 1917 пред. Ростовской ЧК.

Френкель А.А. /1894-1910/, из служащих, учился в Варшавском университете. Чл. РСДРП с 1912 г., комитетчик-пропагандист, чл. ВРК, редактор газеты "Наше знамя". Чл. ВРК, участник экспедиции Подтелкова, но избежал казни. Член Донбюро РКП/б/, начальник политотделов ряда дивизий 4 армии, делегат Х съезда РКП/б/. Работал в Донбассе, на Урале, в аппарате ЦК ВКП/б/, преподавал в комуниверситете им Свердлова. На ХУП съезде ВКП/б/ был избран чл. ЦКК, зав. отделом КПК, уполномоченный КПК на Нижней Волге. Репрессирован.

Ченцов И.Д. /1885-1937/. рабочий, чл. РСДРП с 1904, участник декабрьского вооруженного восстания 1905 г. комитетчик, в 1917 г. - чл. ВРК. В гражданской войне чл. Донбюро РКП/б/, зав. зафронтовым отделом. Делегат Х-ХУП съездов ВКП/б/, член ЦКК ВКП/б/. Репрессирован.

Щаденко Е.А. /1885-1951/, рабочий, чл. РСДРП с 1904, делегат 2 съезда Советов, пред. Каменского комитета партии, в январе-феврале 1918 чл. ВРК. Чл. РВС 1 Конной армии. С 1923 г. на командных должностях РККА, чл. ЦК ВКП/б/, замнаркома обороны СССР, генерал-полковник.

Когда С.И. Сырцов прибыл в Ростов-на-Дону по направлению Свердлова, он встретил сдержанное отношение С.Ф. Васильченко и других революционеров рабочего происхождения, не желавших считаться с недоучившимся студентом. Как партиец, прошедший школу подполья, Сырцов решительно отстаивал в своей деятельности программные и тактические установки большевизма и завоевал большой авторитет в рабочей среде и в парторганизации. В то же время, как большевик-интеллигент, творчески мыслящий человек, имеющий незаконченное высшее образование, он тяготел к умеренности и сдержанности в решении актуальных проблем, проявлял самостоятельность, терпимость в отношении меньшевиков и эсеров, уважение к интеллигенции. На этой почве у него возникли проблемы в отношениях с радикально настроенными лидерами, прежде всего с Васильченко, Жаковым и Турло.

После октябрьских перевыборов советов, на которых большевики получили 112 мест, меньшевики- 63, эсеры- 31, Сырцов был

избран председателем, его заместителями — Васильченко и Решетков. О деятельности Сырцова белогвардейский журнал "Донская волна" писал в 1918 г.:"Чернь произвела его в генералы революции",так как он "льстил рабочей черни, угождал ей и потакал революционным капризам. При нем старый революционный боец Васильченко состоял в полковниках, а разные Турло, Кунды, Власовы и иже с ними были штаб-офицерами". Среди таких "отбросов общества" Сырцов - "начитанный,не лишенный некоторых знаний, внешне интеллигентный" — был заметной величиной, " в умственном отношении он был на голову выше своих товарищей". Он работал,- писал К.Треплев,- как вол, который везет в гору огромный воз. Он заседал в городской ротонде,где располагался большевистский штаб, в городской думе как гласный, где славился своими скандальными речами, и в советах.

После получения известия о свержении Временного правительства Ростово-Нахичеванский совет образовал Военно-революционный комитет, председателем которого стал Сырцов, заявивший о борьбе с контрреволюцией как о главной цели этого органа. Одновременно войсковое правительство объявило, что берет на себя всю полноту власти на основе военного положения. Казаки есаула Чернецова разгромили Макеевский совет рабочих депутатов, казачьи сотни вошли в ряд населенных пунктов области. Каледин приступил к концетрации казачьих частей вокурут Ростова-на-Дону. Отсутствие морально-политического единства среди казачества, особенно фронтовиков, вынуждало Каледина воздержаться от немедленного штурма. Возникла ситуация активного противостояния между казачьими верхами и ростовской большевистской верхушкой, когда враждующие стороны, не имея достаточных сил, должны были в целях разгрома противника вести тактические рассчеты и использовать колеблющихся

союзников, сплачивать силы и готовиться к решающему наступлению. Каледин и Богаевский рассчитывали, и небезуспешно, на поддержку меньшевиков Петренко, Гроссмана, Локермана. В свою очередь ВРК во главе с Сырцовым стремился объединить вокруг себя местные Советы, профсоюзы и другие массовые организации трудящихся, что было нелегко сделать, ибо в них ощущалось влияние меньшевиков. Состоявшаяся конференция рудничных комитетов и профсоюзов от I4 горнопромышленных комитетов Дона отвергла меньшевистскую идею союза с Войсковым кругом и призвала поддержать ВРК. Сырцов понимал, что симпатии трудового населения Дона можно укрепить только решительными мерами по стабилизации экономического положения.

Советы в Ростове и в ряде городов Донской области взяли под свой контроль производство и ситуацию на местах, хотя им еще предстояло отстоять в борьбе с Калединым свое право на власть. Недожидаясь политического оформления новых структур власти, большевики приступили к налаживанию экономических связей и к контролю за производством. Так, 5-7 ноября при ВРК был создан экономический комитет для контроля за распределением и отправкой в другие районы страны хлеба и угля. Возглавивший комитет Сырцов, писал в газете "Наше знамя": "Положение чрезвычайно критическое. Войсковое правительство во главе с Калединым совместно с углепромышленниками и торговопромышленными кругами пытается захватить все дело снабжения углем и другими предметами продовольствия в свои руки. Они хотят Петроград и Москву оставить без хлеба и угля". По указанию Сырцова, Советам Донской области было предложено, специальным циркулярным письмом, совместно с рабочими организациями "взять на учет каждый кусок угля" и контролировать передвижение грузов [I].

I. Наше знамя.-I9I7.-28 ноября.

Близость столицы казачьего края - Новочеркасска, являющегося одновременно центром старого режима всероссийского масштаба, вынуждала Сырцова и других большевистских руководителей искать нетривиальные пути борьбы с контрреволюцией. Попытки переговоров в Петрограде по вопросу о создании однородного социалистического правительства способствовали появлению надежд на сотрудничество с правым крылом социал-демократии - меньшевиками, по крайней мере с той частью трудящихся, которая шла за ними. Эта идея не была для Сырцова чужеродной, так как он, начиная с апреля 1917 года и на протяжении развития революционного процесса в крае, неоднократно высказывался против резкого раскола социалдемократии. Так, например, 13 апреля 1917 года на общем собрании Ростово-Нахичеванской организации он высказался за включение в резолюцию пункта, признавшего возможным объединение большевиков и меньшевиков при условии признания последними платформы Циммервальдской и Кинтальской конференций. Критикуя ростовских меньшевиков, Сырцов не переходил границ, исключавших сотрудничество и взаимодействие. И теперь, на новом этапе, он вновь предпринял попытку воссоздать единство социал-демократов Дона на платформе укрепления советской власти. Выступая 6 ноября на конференции фабзавкомов и профсоюзов, он отмечал: "С гибелью коалиционного министерства рухнула стена между правой и левой частями социал-демократии. Разногласия продолжаются по инерции. Было бы утопией думать, что мы сами в Донской области справимся со Всероссийским центром контрреволюции. Наша задача должна заключаться в мобилизации всех сил и в разрушении единства, установленного сверху среди казаков войсковым правительством"[1] .

---

1. Наше знамя.-1917.-7 ноября

С.Ф.Васильченко и другие большевики-радикалы выступили против объединенческих тенденций. Меньшевики тоже поставили перед собой задачу добиться морально-политической изоляции ВРК и создать коалицию с кадетами и калединцами. Однако агрессивная политика калединцев в отношении демократических сил вынудили меньшевиков и эсеров отказаться от идеи сотрудничества с Новочеркасском. Они сделали ставку на "третью силу" - чистую демократию, которая,по их мнению, органично чужда и большевизму и белоказачьей реакции и каким-то образом должна была сплотить все население Дона вокруг идеи Учредительного собрания. В этих условиях Сырцов и лидер левых эсеров Арнаутов предложили всем демократическим силам компромиссную платформу, в которой отсутвовали требования признания 2 съезда Советов единственным источником власти,признавалась идея Учредительного собрания и предлагалось создание объединенного ВРК для ведения военных действий против казачьего правительства. Получив от М.П.Жакова сведения о достигнутом соглашении на объединенном заседании ВРК,Комитета спасения родины и революции, исполкома солдатских и офицерских депутатов и др. организаций 12 ноября 1917 г., ЦК РСДРП воздержался от критики позиций большевиков Дона, подчеркнув, что ждет дальнейших сведений[1].

1. Переписка Секретариата ЦК РСДРП/б/ с местными партийными организациями. /Март - Октябрь 1917 г./. Т.1.-М:Госполитиздат. 1957.-С.56; См. также : Очерки истории партийных организаций Дона. Часть 1. 1898-1920.-Ростов н/Д,1973. - С.386 -387.

Во многом благодаря настойчивости Сырцова, 13-16 ноября в ходе переговоров с меньшевиками и эсерами было оформлено соглашение об образовании нового органа - реорганизованного ВРК, получившего название "Военно-революционный комитет объединенной демократии". Как и предыдущий ВРК, его возглавил С.И.Сырцов, секретарем стал Равикович. Всостав вошли С.Ф.Васильченко, М.П.Жаков, А.А.Френкель, В.Г.Филов, левый эсер Арнаутов, 15 меньшевиков и др. На первом своем заседании ВРК ОД подготовленный С.И.Сырцовым приказ №1, в котором формулировались главные задачи нового органа: "активная борьба с контрреволюцией, защита прав демократии и завоеваний революции".

Возглавив ВРК ОД, С.И.Сырцов стремился направить деятельность всех его 39 членов под лозунг: "Все на борьбу с Калединым", однако меньшевики и частично эсеры склонялись к уступкам Войсковому правительству. Уже 20 ноября им удалось провести резолюцию, противоречащую приказу №1. В свою очередь, сверхрадикально настроенные большевики требовали отказаться от сотрудничества с городской думой, являвшейся, по их мнению, "сборищем контрреволюционеров", и с меньшевиками - "изменниками и тормозильщиками революции". Считая все местных демократов калединцами и душителями пролетарской революции, Васильченко и частично Жаков утверждали, что ВРК соответствует политики соглашателей, которые тянут до созыва Учредительного собрания и сознательно тормозят борьбу с калединщиной. Наличие в ВРК ОД двух мощных непримиримых крыльев - " левого" и " правого " и немногочисленного "центра"-группы Сырцовцев обрекала этот орган на скорый распад. С.И. Сырцов подвергался критике со всех сторон: слева как "коммунистический кадет", справа- как "узурпатор".С целью предупрежде-

ния меньшевиков и пресечения их колебаний, Сырцов провел в Ростовском Совете резолюцию, в которой предлагалось большевикам в случае противодействия ВРК объединенной демократии Советской власти, выйти из него.

23 ноября в Ростов-на-Дону прибыли корабли Черноморского флота с отрядом революционных моряков для помощи Ростовским рабочим. С.Ф.Васильченко, М.П.Жаков и другие большевики сочли, что теперь достигнут решающий перевес революционных сил над калединцами и стали настаивать на формировании военных операций против Новочеркасска. Но Сырцов, при поддержке Равиковича, продолжал настаивать на проведении гибкой линии соглашения со всеми демократическими силами для мобилизации всех противников белоказачьей диктатуры. Они были уверены, что преждевременный конфликт спровоцирует выступление калединцев и приведет в стан контрреволюции колеблющееся казачье население. Однако 25 ноября большинство большевиков Ростова на закрытом партийном собрании поддержало линию Васильченко. Исходя из этого, Сырцов был вынужден поставить в ВРК вопрос о прекращении переговоров с Войсковым правительством и предъявлении ему ультиматума с требованием отмены военного положения, вывода казачьих частей из города и признания власти ВРК. Меньшевики, пользуясь своим большинством в ВРК Объединенной демократии, провели недальновидное решение о сдаче оружия Красной гвардией и уходе моряков из Ростова. Когда на следующий день большевики вновь поставили вопрос об ультиматуме Каледину, 15 есеров и меньшевиков вышли из ВРК и обратились к народу с воззванием, в котором призывали к борьбе против большевиков. Таким образом, на пятый день соглашение различных демократических сил прекратило существование. Несмотря на кратковременность, это событие имело большое значение как в конкретно-

историческом процессе, так и в развитии теории левого блока в современных условиях.

В период культа Сталина и частично в 50-60 г.г. попытка левоблокистского соглашения оценивалось как проявление "правого оппортунизма" и даже контрреволюционности. Сам Сырцов в своих воспоминаниях писал по поводу соглашения: "Каледин стягивал силы. Не в наших интересах было форсировать события. ВРК несмотря на то, что горячие головы рвались в бой, сознавал, что каждый лишний день уже есть победа". По его мнению, создание ВРК ОД "позволило выиграть время", так как в "Новочеркасске стали думать, что дело закончится благополучно и что с "проклятыми большевиками" управится объединенная демократия. Меньшевики - специалисты по надувательству, но тут маху дали. Только когда пришли траллеры из Севастополя в результате нашей просьбы о товарищеской выдержке, они сообразили, в чем дело и вышли из комитета. Но теперь они нам были не нужны"[1].

Нельзя не отметить, что Сырцов в 1922 году был гораздо радикальнее и левее, чем в 1917 году, когда его умеренность была нечто иное, чем просто маневр. Но и эта полевевшая точка зрения Сырцова категорически была отвергнута М.П.Жаковым. В своей рукописи "Донская контрреволюция" он писал о сырцовской позиции: "Все это было разумеется чистым вздором и не соответствовало действительному положению вещей. Вместо решительного быстрого развертывания Красной гвардии и создания значительного численного перевеса путем действительной мобилизации рабочих и крестьян, взятия арсенала и продовольствия в свои руки и наступления во что бы то ни стало, вместо всего этого, чему учил революционный марксизм, ВРК топтался на месте"[2]. Жаков был убежден, что ВРК дал

1. Пролетарская революция на Дону: Сб. I.-Ростов н/Д,1922,с.51.
2. ЦХДРО. Ф. 12. Оп.2. Д.49. Л.100

время Каледину для организации контрреволюции, забыв о своих письмах в ЦК РСДРП(б), в которых писал об окружении Ростова 50-тысячами казаков и требовал срочной помощи. Такого количества войск у Каледина не было, но не было сил и у Красной гвардии для наступления, а в войсках Ростовского гарнизона было сильно эсеровское влияние.

Оценку Жакова поддержал другой активный участник тех событий Турло, который счел необходимым написать в ЦКК ВКП/б/ пространное письмо-донос под названием "Элементы мягкотелости" в Ростово-Нахичеванской большевистской организации"[1]. В нем автор доказывал, что руководство организации, то есть Сырцов и его сторонники, начиная с мая 1917 г. вели соглашательскую оппортунистическую линию, заключавшуюся в ориентации на союз с меньшевиками и эсерами. По его мнению, отказ от решительной борьбы, растерянность и мягкотелость позволили Каледину своевременно очистить свои полки от революционных элементов.

За время переговоров с Калединым гарнизон Ростова-на-Дону разложился, революционные массы растеряли энтузиазм и деморализовались. В городе вместо революционного порядка был установлен либеральный режим: выходили все газеты, функционировала городская управа; меньшевики и эсеры свободно проводили митинги и т.д. Это явилось, по мнению Турло, причиной падения Советской власти на Дону.

Письмо-донос Турло не получило хода в ЦКК, однако точка зрения на попытку создать местный орган власти на основе соглашения социалистических партий, как на проявление оппортунизма, стала в историографии ведущей вплоть до 60-х годов.

Сразу после выхода меньшевиков и эсеров из ВРК ОД контрреволюция резко активизировалась.

---

1. ГАРФ. Ф.374с. Оп.27. Д.2015. Л.8-9.

В ночь с 25 на 26 ноября калединцы напали на Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов и только благодаря тому, что ВРК и прибывший в Ростов представитель ЦК Бубнов находились на яхте "Колхида", Сырцов и его товарищи не подверглись расправе. Сырцов во время боев с белогвардейцами проявил личное мужество. По свидетельству очевидца Зубова С.М., он участвовал в боях у Ростовского вокзала, завода "Аксай" и в Кизитериновской балке. Первый натиск белоказаков удалось отбить к 28 ноября, но под напором подошедших превосходящих сил добровольцев генерала Алексеева Красная гвардия оставила город 2 декабря 1917 года.

Областной ВРК эвакуировался в Воронеж, где издавал свою газету "Известия военно-революционного комитета". Левая часть донских большевиков в лице С.Ф.Васильченко и М.П.Жакова переехала в Харьков, где продолжала проводить свою радикальную линию. В.И.Ленин в связи с дошедшими до него сведениями о перегибах этих руководителей писал об их упорстве в отстаивании сепаратистских тенденций, что это "походит на ничем не объяснимый и вредный каприз, совершенно недопустимый в нашей партийной среде"[1]. И.Васильченко и Жаков впоследствии примыкали к троцкистской оппозиции левого характера.

В отличие от Васильченко и Жакова, Сырцов и его сторонники сосредоточили внимание на работе среди казачества в районе Чертково и Миллерово. Сырцов, рискуя жизнью, вел активную агитационную деятельность, добиваясь ощутимых результатов. 20 декабря 1917 года он без разрешения командования казачьих частей выступил на заседании казачьего дивизионного комитета в Миллерово.

1. Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.50.-с.50.

Ошеломив казаков последними известиями о победах Советской власти, он развернул программу Советской власти в казачьем вопросе. Сырцов писал в воспоминаниях, что затем он "резко и прямо поставил вопрос о необходимости быстрее покончить с войсковым правительством, с господствовавшими в Донской области казачьими помещиками, а самое главное, ликвидировать те партизанские казачьи отряды, которые были сформированы из бежавших контрреволюционеров"[1].

По решению ВРК была создана газета "Известия Военно-революционного комитета", распространявшаяся среди казачества северных округов Донской области. В своей работе коммунисты опирались на важнейший программный документ советского правительства - воззвание СНК от 9 декабря 1917 года "Ко всему трудовому казачеству". В нем разъяснялась позиция правительства, ставившего целью решение земельного вопроса в казачьих областях с учетом всех местных и бытовых особенностей и при согласии трудового казачества. Политика по отношению к казачеству, пропагандируемая большевиками во главе с Сырцовым, была первоначально с симпатией воспринята казаками-фронтовиками. Представители казачества сообщали, что "огромное большинство казачества, главным образом фронтового, настроено против Каледина, но хотели-бы решить вопрос о ликвидации власти Каледина собственными силами"[2].

Областной ВРК принял решение сформировать советские органы области с тем, чтобы создать мощный центр противодействия калединщине. 7 января 1917 года в Воронеже был созван Съезд Советов

1. Пролетарская революция на Дону: Сб.№ 4,- с.115.
2. Известия.-1917,- 29 декабря.

рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Донской области. Однако, вследствие малочисленности делегатов, съезд конституировался как совещание. С центральным докладом на нем выступил С.И.Сырцов, охарактеризовавший критическое положение на Дону. Были приняты решения о повсеместном создании Советов казачьих депутатов и создании совместно с шахтерами революционных казачьих отрядов.

9 января совещание переехало в Каменскую на съезд фронтового казачества, начинавшего свою работу 10 января. С.И.Сырцов и А.А.Френкель, по свидетельству очевидцев, фактически руководили работой съезда и созданным на нем казачьим ВРК. Член казачьего ВРК И.Ермилов писал в воспоминаниях: "По-существу же организационной работой занимались тт.Сырцов и Френкель, ибо мы фронтовики могли больше вести казачьи части на боевые дела, чем вести незнакомую нам организаторскую работу. Но чтобы массы считали ВРК своим казачьим комитетом, мы держали на первых порах т.т.Сырцова и Френкеля на положении чуть ли не писарей, чтобы показать, что все действия происходят от представителей казачества и что тут нет никакого подлога со стороны большевиков"[1].

Каменский съезд избрал Ф.Г.Подтелкова и М.В.Кривошлыкова руководителями казачьего ВРК. В резолюции съезда, подготовленной большевиками, указывалось, что съезд взял на себя революционный почин освобождения трудового населения от гнета контрреволюционеров из войскового правительства и призвал казачьи части и трудовое население сплотиться вокруг него. ВРК признал верховенство ЦИКа и СНК Российской республики и послал делегатов для встречи с В.И.Лениным.

---

1. Пролетарская революция на Дону: Сб.4.Ростов н/Д,1924,-с.98.

Вскоре после съезда советские отряды Сиверса, Саблина, Петрова и Автономова опираясь на возрастающую поддержку фронтового казачества начали наступление. Несмотря на чревычайные меры, предпринимаемые Новочеркасским правительством, белый террор, попытки всеобщей мобилизации казачества, приближалось поражение реакционно-консервативного режима А.М.Каледина. Находясь под впечатлением краха традиционалистского казачьего движения, Каледин застрелился 29 января, а спустя три недели советские войска заняли Ростов на Дону и Новочеркасск.

Победа новой власти в одном из самых консервативных регионов в России была во многом обеспечена тем, что местное большевистское руководство сумело использовать политическую конъюнктуру и направить в общий поток демократическую борьбу против военщины и стремления рабочих и крестьян к социальному переустройству общества. По мере хотя и временного, но укрепления доверия казачества к большевикам, отпадала необходимость функционирования казачьего ВРК. Председателем нового объединенного ВРК казаки предложили избрать Сырцова, но он отказался, учитывая важность занятия этого поста казаком Ф.Г. Подтелковым. Сырцов стал его заместителем, но фактически продолжал руководить ВРК. Этот тактический маневр позволил некоторое время удерживать консенсус леводемократических сил. Проявляя гибкость и изворотливость, внимание к казачьему движению, региональное руководство большевиков сосредотачивало в своих руках всю полноту власти путем создания подконтрольной советской системы.

Создание местных советов завершилось созывам окружных съездов Советов и I съезда Советов Донской республики, на который прибыл Г.К.Орджоникидзе. В региональной административно-политической элите местных большевиков развернулась политическая борьба по вопросу о Брестском мире. Если в центре левокоммунистическое течение возглавлял Н.И.Бухарин[I], то на Дону его лидером стал С.И.Сырцов. Не встретив на съезде поддержки платформы "левых коммунистов", С.И.Сырцов, в отличие от Н.И.Бухарина, прекратил попытки организованной борьбы. В целом С.И.Сырцов во многих отношениях в дальнейшем повторял позиции Н.И.Бухарина, хотя никогда не принадлежал к его окружению.

Выступая на заседании съезда, С.И.Сырцов огласил декларацию группы "левых коммунистов". В ней подчеркивалось, что выполнение условий Брестского мира "неизбежно ставит Российскую Советскую власть не только перед угрозой физического уничтожения, но и ...вынуждает к уступкам во внутренней политике" и поэтому мир надо отвергнуть. Особую опасность Сырцов видел в том, что "иллюзия возможного перерыва в борьбе с международным капиталом сеет в усталых пролетарских и полупролетарских массах дезорганизацию, угасает стремление к организации отпора, облегчает империалистам попытки к дальнейшим захватам во всех странах мира и укрепляет влияние буржуазии и соглашателей в их проповеди гражданского мира"[2]. Однако, несмотря на

I.В состав "лево-коммунистического" течения входили видные большевики: А.Ломов, Н.Осинский, М.Стуков, В.Яковлева, А.Бубнов, Е.Преображенской, Г.Пятаков, К.Радек, М.Урицкий, В.Смирнов, М.Покровский Н.Крестинский, М.Савельев, А.Белобородов, М.Фрунзе, А.Коллонтай, С.Косиор, И.Уншлихт, А.Иоффе, Г.Бокий, Я.Феникштейн, С.Равич, В.Куйбышев, Ф.Дзержинский, Г.Сафаров. Оппозицию поддержали многие местные коммитеты партии: Московской областной, Петербургский, Екатеринбургский и др. См.: Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стенографический отчет. -М.:Госполитиздат. 1962.-С. 317, 320, 333, 337.

2.ГАРО. Ф. 1940. Оп.I. Д.4. Л.59.

свою личную убежденность в правоте данных взглядов, Сырцов и его единомышленники заявили: "Подчиняясь партийной фракционной дисциплине, воздерживаются при голосовании, оставив за собой право огласить свои взгляды, ибо умолчание было бы "нарушением социалистического долга"[1].

Группа Сырцова состояла практически из всего состава областного ВРК, однако, подавляющее большинство делегатов съезда поддержали Орджиникидзе и Ковалева в их защите идеи немедленного прекращения войны любой ценой, так как широкие массы трудящихся смертельно устали от войны и жаждали мира.

Несмотря на свою оппозицию и поражение в вопросе о мире, Сырцов оставался одним из ведущих руководителей съезда и сыграл важную роль в обсуждении и принятии решения о формировании руководящих органов Советской власти на Дону. В центре дискуссии стоял вопрос о способе формирования исполкома: по партийному признаку или по территориальному. Сырцов особо подчеркнул, что будущий исполком должен проводить волю съезда Советов в тяжелейших условиях и поэтому необходимо, чтобы большинство в его составе "стояло на точке зрения принятой съездом". Он отметил: "Лично я считаю эту линию, которую принял съезд, ошибочной, но раз она уже принята, то исполком должен точка в точку соответствовать". В то же время Сырцов обратил внимание на необходимость представительства в исполнительном комитете делегатов от округов и в связи с этим предложил решение о разработке всеми фракциями своих списков членов исполкома, но "так, чтобы в них были представлены все округа и тогда будут решены две зада-

---

1. ГАРО. ф.1940. Оп.1. Д.4. Л.60.

чи: и связь с местами и проведение линии съезда". Именно это предложение и стало решением проблемы. В своем заключительном слове Сырцов отметил важность выборов советов на местах, чтобы "была организация власти трудящихся элементов, а не организация кулаков и эксплуататоров".

В связи с организацией Советов, Сырцов предложил упразднить ревкомы, а также СНК Донреспублики, так как "сейчас вся Россия страдает болезнью комиссаров - чересчур много комиссаров... У нас должен быть только один совет народных комиссаров - в Москве, а в остальных местах можно и без них обходиться". I съезд Советов Дона завершил свою работу, избрав ЦИК по формуле, предложенной Сырцовым, но в то же время образовал СНК во главе с Подтелковым. Заместителем его - председателем Совета народнаго хозяйства стал Сырцов. Но приступить к укреплению экономики области ему не удалось.

Весной 1918 года на Дону развернулась контрреволюция, которая погубила Донскую республику. Еще не было красного террора, еще не было директив оргбюро о расказачивании, не было ничего, что давало повод обвинить большевиков в антиказачьей политике. Однако, несмотря на это, восстала станица Суворовская, а затем другие станицы вниз по Дону, вплоть до станицы Нижне-Чирской. Был убит есаул Голубов, недавно поддерживавший большевиков. I апреля был взят Новочеркасск. Степной отряд генерала Попова повел наступление на Ростов. 18-19 апреля казаки станицы Мигулинской разбили миллеровский отряд большевиков и образовали "Совет вольных хуторов и станиц". 25 апреля казаки с востока и немцы с запада вошли в Ростов-на-Дону. 28 апреля повешены Подтелков и Кривошлыков. 3 мая казачий круг избрал временным Донским атаманом генерала Краснова.

Одновременно утвержден герб - нагой казак на бочке, сине-желтый-алый флаг и гимн "Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...". Восстание нижнедонских казаков, самых богатых в области, предрешило не только судьбу Советской власти, но и во многом определило последующую казачью политику РКП/б/ - "расказачивание".

С.И.Сырцов вместе с другими региональными лидерами потерпел поражение. Его стремление в октябре 1917 г. достичь соглашения с демократическими силами, партиями меньшевиков и эсеров не принесло полноценного успеха по причине взаимного недоверия, нетерпимости партнеров по пятидневной коалиции. Попытка достичь соглашения и с казачеством за счет уступок ему - создания автономной советской Донской республики также провалилось. Ощущая мощное давление со стороны безземельного крестьянства и иногородних, казаки, особенно нижнедонские, не поверили власти, прямо заявившей об своей опоре на беднейшие слои крестьянства.

Изгнанным из пределов Дона ростовским большевикам предстояло сделать коррективы в своей политической линии, исходя из условий начавшейся на Дону гражданской войны.

Однако в силу объективных и субъективных причин изменить политику в сторону углубления уступок казачеству было практически невозможно. Большевики в виду исторических традиций, своей тактической ориентации были склонны именно к решительным силовым методам решения проблем. Всякая революция, говорил Жан Жорес, есть варварская форма прогресса. Можно было достичь победы и установить новый режим власти якобинскими вооруженно-репрессивными методами, опираясь на плебейские массы, но невозможно длительное время использовать эти приемы для построения подлинно демократического общества социальной справедливости и

всеобщей гармонии. Но сопротивление свергнутых классов и просчеты большевистских лидеров обусловили развитие событий именно в этом русле. Воспитанные дореволюционным подпольем, тюрьмами и ссылками большевики должны были вести еще более жестокую борьбу. Для компромиссов наступила неблагоприятная пора. Объективная логика революционного процесса привела к результату, о котором Питирим Сорокин писал в 1922 г. в книге "Современное состояние России", что в опиравшейся на плечи огромных солдатских, рабочих и крестьянских масс большевистской власти началась "оргия этатизации, национализации, коммунизации", приведшая к "дегенерации рабоче-крестьянской власти в простую тиранию".

Первый этап этатизации общества пришелся именно на конец 1917 г. - первую половину 1918 г., когда произошло превращение большевистской партийной верхушки из преследуемой контрэлиты в правящую элиту нового государства. Столкнувшись перед проблемой удержания власти в крестьянской стране, большевистские лидеры попытались увеличить социальную базу власти и расширить политическую элиту за счет включения в нее руководителей социалистических партий, представителей интеллигенции, казачества и т.д. Однако конфронтационная психология противоборствующих сил сделала невозможным длительное функционирование наметившихся союзов и блоков в центре и на местах. Правобольшевистская демократическая тенденция в правящей партии подверглась остракизму. Все это привело к укреплению полевевшей советской политической элиты как замкнутой, корпоративной, относительно сплоченной, сравнительно немногочисленной властной группировки из числа радикальных активистов партии с дореволюционным стажем.

§ 3. Радикализация большевистской элиты в ходе гражданской войны

Развернувшаяся с лета 1918 г. широкомасштабная гражданская война на всем протяжении российской территории с возникновением протяженных полос фронтов, противостоянием красной и белой армий, сил интервентов, банд формирований требовала от большевиков мобилизации всех своих сил, прекращения дискуссий и сосредоточения своих относительно немногочисленных кадровых сил на решающих участках военно-организаторской работы.

На этом этапе исторического развития направления партийной политики, относившиеся к деятельности государства, определялись и реализовывались его высшими органами непосредственно без предварительного обсуждения Центральным комитетом партии[1]. Это достигалось расстановкой узкого круга соратников В.И.Ленина, членов большевистской элиты на высших государственных постах, военных и партийных должностях. Такая форма выработки политики была вызвана чрезвычайными обстоятельствами, диктовавшими необходимость исключительной оперативности в принятии решений и их реализации. Для достижения этого эффекта практиковался метод совмещения партийных, советских постов в руках одних и тех же лиц. В.И.Ленин по этому поводу говорил, что "как правящая партия мы не могли не сливать с "верхами" партийными "верхи" советские, - они у нас слиты и будут таковыми"[2]. Персональная ответственность за судьбу дела была главным принципом функционирования политической системы в этот период. В деятельности большевистской политической элиты во главе с В.И.Лениным, пользовавшимся непререкаемым авторитетом в

1 Шапко В.М. Обоснование В.И.Лениным принципов государственного руководства. - М.: Политиздат, 1980. - С.85.

2 Ленин В.И. Полн.собр.соч. - Т.43. - С.15.

ее среде, воплотилась диктатура коммунистической партии, выступавшей от имени рабочего класса в качестве его авангарда.

В.И.Ленин не скрывал, что именно тончайший слой старой партийной гвардии является главной организующей силой становления нового государства, а следовательно, фактической политической элитой советского общества. Естественно, он не позволял себе таких определений или даже намеков об ее избранности и элитарности, так как это противоречило принципиальнейшим основам коммунистической идеологии. В то же время В.И.Ленин понимал, что независимо от желания привлечь всех трудящихся к управлению государством, на данном конкретном этапе это практически не осуществимо.

Использование старых, воспитанных в дореволюционное время кадров партии, не решало кадровую проблему в целом. Централизованная военно-политическая система нуждалась в значительно большем количестве чиновников не только высшего, но среднего и низшего эшелонов. 5-6 тысяч бывших подпольных комитетчиков и несколько сотен эмигрантов не могли покрыть потребности руководства. Кроме того, старая партийная гвардия состояла из людей, прошедших тюрьмы, каторги, ссылки, знавших нищету эмиграции, годы нелегального существования. Их здоровье было серьезно подорвано, что ограничивало их возможности как ответственных работников. В силу этого государственный и партийный аппарат активно комплектовался из новых кадров партии, вступивших в нее в 1917 г. и позднее. Полностью полагаться на новых работников, в числе которых были выходцы из меньшевистской и эсеровской партий, примкнувшие, сочувствующие и просто карьеристы, для которых членство в правящей единственной партии было единственно возможным путем обеспечить безбедное существование, большевикам было невозможно. Поэтому, начиная с 1918 г., началось формирование новой системы руководства, партийного и го-

сударственного строительства. До УШ съезда РКП(б) доминировал принцип элитности руководства на основе персональной ответственности каждого из членов элиты. Как говорил Н.Осинский на УШ съезде РКП(б), ЦК не руководил всесторонне разработанной политической линией и не обеспечивал единство советской, партийной работы как системы "в смысле цельной, сознательной постановки вопроса"[I].

8-й съезд партии принял решение об упорядочении взаимоотношений между партийными и советскими органами, о кадровой политике, о внутренней структуре центрального комитета партии. Было официально закреплено учреждение в составе ЦК РКП(б(трех постоянно работающих органов: Политбюро, Оргбюро и Секретариата, которому поручалось создать отделы ЦК, реализующие принятые решения. Хотя отдельные органы спорадически существовали и ранее, например, в октябре 1917 г. существовало Политическое бюро из 7 человек, работал узкий круг секретариата во главе со Стасовой, учреждение системы этих органов имело принципиальное значение для функционирования старой партийной гвардии как большевистской политической элиты. Наряду с прослойкой знающих друг друга профессиональных революционеров и отвечающих друг перед другом и узким ЦК за порученное дело, была создана официальная кадровая элита в рамках партийно-государственных структур, а также военно-политических органов; реввоенсоветов, чрезвычайных комиссий и т.д. В результате каждый член элиты был вписан в систему и получил в складывающейся иерархии конкретный ранг. Этим были заложены основы будущей партийно-бюрократической системы, так называемой партократии.

Важнейшей функцией новых органов стало организационное обеспечение партийной политики через государственный аппарат. В.И.Ленин прямо указывал о недопустимости того, "чтобы важнейшие госу-

---

I. Восьмой съезд РКП(б): Протоколы.- М., 1959.- с.165.

дарственные назначения делала не руководящая партия"[1]. При распределении партийных кадров В.И.Ленин стремился учитывать профессиональные знания, приобретенные до революции. Поэтому литератора А.В.Луначарского назначили наркомом просвещения, бывшего члена Государственной Думы Г.И.Петровского направили в наркомат внутренних дел, выдающегося инженера Л.Б.Красина - в ВСНХ. Однако этот принцип было трудно выдержать до конца в силу нехватки кадров и главным критерием при назначении на высшие посты была преданность политике большевизма, непримиримость к классовым врагам, организаторский талант. На этапе исторического развития, характеризующемся обостренной гражданской войной, этот подход был жизненно необходим для большевистской партии. В созданную систему были включены практически все кадры большевистской политической элиты, независимо от возраста, профессии, пола, местонахождения и частично партстажа (единственный ограничитель - рубеж 1917 г.). В силу того, что система создавалась в течение всего периода гражданской войны, она закономерно приняла милитаристский характер, но с выраженными элементами самостоятельности, инициативы местных органов партии и их лидеров.

Отношения партийного товарищества, развитые в среде большевистской элиты, не позволяли авторитарно-бюрократическим тенденциям укрепиться в одночасье. Их развитие шло в течение длительного периода, включая и годы нэпа. Однако именно во время гражданской войны произошла решающая организационная и духовная трансформация элиты большевизма. Ее составные части: партийная интеллигенция и рабочие - "передовики", эмигранты-литераторы и "подпольники-комитетчики" совершили в своем мировоззрении заметную

---

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.42. - С.166.

эволюцию в сторону ужесточения своего отношения к демократии, к непролетарским слоям населения, к интеллигенции, к крестьянству и казачеству. В ходе гражданской войны видные представители большевистской элиты проводили т.н. "карательную политику" под лозунгом "красного террора", часто не считаясь с конкретно-историческими условиями регионов, не учитывая негативные последствия в более отдаленном будущем для советской власти. Деятельность Л.Д. Троцкого во главе Реввоенсовета и на отдельных участках фронта Г.Е.Зиновьева в Петрограде, И.В.Сталина в Царицине, Бела Куна и Р.С.Землячки в Крыму, А.Г.Белобородова в Екатеринбурге и на Дону сопровождалась расстрелами, внесудебными расправами, практикой заложничества, широкомасштабного насилия. Но эти факты не не были изначально фаталистически предопределены, а были определенным итогом развития определенного процесса радикализации или экстремизации большевистской элиты, включая ее либеральное крыло. Неоднозначность и противиречивость данного процесса хорошо прослеживается на примере формирования казачьей политики правящей партии в ходе гражданской войны. Это затрагивало сущностные интересы государства, так как решались проблемы взаимоотношений советской власти и коренного населения на Дону, Кубани, Тереке, Юге Урала и Сибири. Казачья кавалерия была одним из главных элементов вооруженных сил как Красной армии, так и Белой. Кроме того, казачий вопрос был составной частью проблмы крестьянства, третьей силы в революции и гражданской войне. Именно поэтому в решении казачьей проблемы принимали активное участие В.И.Ленин, Л.Д.Троцкий, Я.М.Свердлов, И.В.Сталин, И.Т.Смилга, Г.Я.Сокольников, братья В.и Е.Трифоновы и находившиеся в постоянном контакте с ними донские лидеры А.А.Френкель и С.И.Сырцов. Если в 1917

году Сырцов был деятелем регионального масштаба, то в годы гражданской войны он вошел в общепартийную элиту, избираясь на съезды РКП/б/ и докладывая о проблемах края лично Ленину, Троцкому, Свердлову и др. Процесс взаимодействия руководящих кадров партии в ходе решения принципиально важного казачьего вопроса является безусловно показательным и позволяет сделать суждения о содержании процесса радикализации большевистской политической элиты.

В исторической литературе утвердилось мнение, что В.И.Ленин и другие лидеры большевизма относились к казачеству в целом как военно-феодальному сословию, объективно заинтересованному в сохранении самодержавия и поэтому являвшегося угрозой социальной революции, будущей донской Вандеей. Идея "Дон-Вандея" стала в общественном мнении едва ли не аксиомой, что нашло отражение в многочисленных работах литераторов, в том числе в известном стихотворении М.Цветаевой. В ходе гражданской войны и белые, и красные решали судьбу казачьего населения, исходя из этой достаточно примитивной схемы, неотражавшей реальные сложные противоречия среди казачества. В среде большевистской политической элиты схема "Дон-Вандея" получила развитие после поражения Донской Советской, а фактически казачьей автономной республики. Тот факт, что большинство казачества не поддержало республику, во главе которой стояли казаки-фронтовики Подтелков и Кривошлыков, а также казак-большевик В.Ковалев, было истолковано как проявление вандейской направленности казачества, его антикоммунистической сущности.

С.Ф.Васильченко в докладе во ВЦИК о деятельности последнего состава Донсовнаркома в период его эвакуации из станицы Великокняжеской в Царицын описывал зверства казачества по отношению к крестьянству и иногородним и обосновывал идею о сословном характере этой борьбы[1]. По этому докладу Президиум ВЦИК принял реше-

1. ЦХДНИРО . Ф. 12. Оп.1. Д.196. Л.1об.

ние об упразднении Донреспублики, учитывая как ликвидацию Советской власти на Дону, так и ненормальные отношения донских руководителей с властями Царицына во главе со Сталиным. Находившийся в курсе донских дел. И.В.Сталин, а также прибывший в составе 5 армии из Украины через Дон в Царицын К.Е.Ворошилов, в это время также пришли к убеждению о контрреволюционности казачества в целом. Сталин в 1918 г. писал в ЦК о своем неверии в способность казачих красных частей вести борьбу с казачьей контрреволюцией, в 1919 г. он сформулировал тезис о том, что казаки-колонизаторы Ориенбурга, Урала, Дона, Кубани были исконным орудием русского империализма и стали оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции[1]. Под впечатлением докладных с Юга России и всего хода гражданской войны В.И.Ленин, Л.Д.Троцкий, Я.М.Свердлов также составили достаточно негативное мнение о роли казачества в событиях на Юге и Востоке России, что нашло отражение в ряде последовавших постановлений и директив, приказах РВСР и статьях в печати. Большую роль в формировании казачьей политики сыграла точка зрения С.И.Сырцова, пользовавшегося личным доверием Я.М.Свердлова.

После роспуска СНК и ЦИКа Донреспублики ЦК РКП/б/ принял решение о создании Донбюро РКП/б/, которое должно было осуществлять руководство подпольем, опираясь на техническое руководство и и помощь Южфронта. Пероначально в Донбюро работали братья Дорошевы, С.И.Кудинов, А.А.Френкель, в декабре к ним присоединились С.Л.Лукашин, П.Г.Блохин и С.И.Сырцов, получивший к этому времени опыт военной работы в качестве комиссара 12 дивизии и ранение.[2]

1. Сталин И.В. Соч.-Т.4.-С.124, 256.
2. С.Ф.Васильченко и М.П.Жаков к этому времени проявили себя как неуступчивые, категорично мыслящие руководители, подвергшиеся критике В.И.Ленина/Полн.собр.соч.-Т.50.-С.50./ Они пытались создать отдельное Донецкое бюро, затем получить отдельный район на Дону для работы в составе Донбюро, но получили отказ.

Донбюро было создано для ведения агитационно-пропагандистской и партийно-организационной работы на территории Донобласти, занятой белыми. Об эффективности мероприятий организованных ими, свидетельствуют факты, приведенные В.Бобрыниным, бывшим начальником разведывательного и оперативного отделения штаба Донармии. В своей книге "Дон в борьбе с коммуной" он указывал, что советские верхи в конце 1918 года перенесли центр тяжести борьбы в сферу пропаганды. "Весь фронт был завален советской литературой и бороться с этим было невозможно". По его мнению казаки, переутомленные беспрерывной борьбой на два фронта, потерявшие надежду на помощь союзников, поверили красной агитации и поэтому открыли фронт на участке 8 армии, прикрывавшей Воронежское направление. Автор отметил, что белые не учли в полной мере того обстоятельства, что в гражданской войне вопросы политики преобретают особое значение и "успех армий зависит на 3/4 от политики, а не от стратегии и тактики". Пропаганда у белых не сработала, так как, по мнению В.Бобрынина, у них не было такой организации и связи.

Именно эти два обстоятельства обусловили превосходство Донбюро над Освагом и другими органами белых, пытавшимися развернуть политическую работу в тылу красных войск.

В центре внимания С.И.Сырцова и других членов Донбюро была организация массовых выступлений трудящихся против немецких оккупантов и красновцев. Естественно, что оплотом советской власти в Донской области были промышленные центры-Ростов-на-Дону, Таганрог, Сулин и шахтерские поселки, а также приазовский и некоторые другие районы, населенные в основном иногородним крестьянством. Донбюро через своих представителей развернуло работу по созданию подпольных комитетов не только в этих местностях, но и в казачьих станицах региона. Когда в январе 1919 года началось наступление советских

войск и освобождение ряда северных округов области, Донбюро направлял деятельность донских большевиков по организации боевых дружин, организации диверсионной работы в тылу врага и забастовок. Обострившаяся ситуация на Дону и особенно в Приазовье, вызванная мобилизацией пяти возрастов, большими налогами, открытым грабежом деникинцев, привела к созреванию условий для вооруженного восстания. В конце февраля 1919 года в Таганрогском округе трудовое крестьянство подняло массовое восстание под руководством большевиков, которое, однако, завершилось поражением.

Донбюро в силу объективных причин оказалось не в состоянии подготовить в кратчайшие сроки победоносное восстание в тылу Деникина. В подпольных партийных организациях не хватало опытных и умелых кадров. В ряде случаев в ряды подпольщиков проникали провокаторы, что приводило к тяжелым провалам.[1)] Это оказало серьезное влияние на характер и психику руководителей большевиков.

В ходе гражданской войны "левые" настроения Сырцова и ряда других большевиков перерастали в устойчивый радикализм и даже экстремизм в решении острых проблем. Трагическая гибель экспедиции Подтелкова от рук самих же казаков во многом способствовала изменению взглядов Сырцова на возможность разрешения казачьего вопроса методами агитации и пропаганды, учреждения автономии казачьего края и т.д. Сырцов работал в тесном контакте с Р.С.Землячкой, которая поддерживала его по всем пунктам его программы. Находясь на лечении в Царицине, Сырцов 7 января 1919 г. пишет письмо в ЦК, которое получено было там 11 февраля 1919 г., то есть после решения Оргбюро ЦК от 24 января по казачьему вопросу. Этот момент важен,

1. Очерки истории большевистских организаций Дона. 1898-1920. Ростов н/Д, Изд.1965.- с.412-413.

так как показывает, что послание Сырцова с антиказачьими предложениями не было непосредственной причиной принятия этого циркуляра, положившего начало массовому террору. В то же время положения письма Сырцова по духу совпадают с положениями циркуляра,что доказывает общность подходов к казачьей проблеме московских и донских лидеров большевиков.

Письмо содержало три раздела: I. Организационные задачи Донбюро в области партийного строительства. 2. Вопросы установления советской власти в Донской области. 3. Аграрная проблема в казачьих округах. Основная концепция письма заключалась в требовании утверждения на Дону Советской власти по типу центральных районов в полном подавлении автономистких стремлений казачества, как враждебных рабоче-крестьянской власти "по своей природе". Сырцов категорически заявил, что революционное казачество существует больше как агитационная формула, на самом деле отдельные сочувствующие элементы казачества "тонут в море темной казачьей массы"[I]. Аграрная революция должна заключаться в полном разрушении экономического базиса казачества - паевого землевладения, что позволит упразднить основу русской Вандеи.[2]

Оценки Сырцова находились в соответствии с идеями марксизма и принципами большевизма, но расходились с реальными условиями Донского края. Автор отразил уровень понимания казачьей проблемы, характерной для большинства руководства партии. Ими не учитывались масштабы и глубина особенностей казачества, исключавшие силовое одномоментное решение проблемы. Переоценивая значение субъективного фактора в истории, они стремились не только одержать победу в гражданской войне, но сразу заложить основны для построе-

I. РЦХИДНИ. Ф.I7. Оп.65. Д.34. Д.55-56.
2. Там же. Л.60.

ния коммунизма в обозримом будущем.

Донбюро исходило из общепризнанного до 8 съезда РКП(б) положения об опоре Советской власти на беднейшие слои крестьянства, проведении политики нейтрализации середняцких слоев казачества и ликвидации контрреволюционных кулацких верхов, не останавливаясь перед самыми жесткими мерами. ЦК РКП(б) и ВЦИК полностью поддержали эту позицию. Комиссар казачьего отдела ВЦИК Макаров подтверждал, что уроки прошлого диктуют необходимость установления твердой власти, для чего сейчас на Дону благоприятные условия: I. Недовольство Красновым. 2. Любовь казачества к твердой власти. 3. В казаках помимо военно-полицейского духа "сохранились, хотя немного, зачатки казачье-коммунистического сообщества Запорожской сечи и привольных степей Дона и Стеньки Разина".

К началу I9I9 года у Сырцова и остальных членов Донбюро также сложилось впечатление, что "по станицам и хуторам Донской области почва для Советов весьма благоприятная и прочная"[I]. В декабре Донбюро сообщало в ЦК РКП(б), выдавая желаемое за действительное, что народные массы на Дону страстно ожидают установления Советской власти и в этих условиях требуется не допустить только одного: повторения тех неладов, безответственных выступлений, хаотического хозяйничания всяких проходимцев, что имело место на Дону".[2]

В это время политика Краснова, не удовлетворявшая казачество ни пронемецкой ориентацией, ни своим внутренним содержанием, непрерывная служба из-под палки, отсутствие промышленных товаров, репрессии, - приводила к всё большему озлоблению казаков. И когда в январе-феврале I9I9 года началось наступление Красной армии на северные казачьи округа, в казачьих частях произошли волнения.

I РЦХИДНИ. Ф.554, оп.I, д.7, л.7.
2 Там же. Л.8.

В одних случаях казаки отказывались идти в бой, в других - открывали фронт и уходили в станицы. Очевидец этих событий А.Кравченко писала из Борисоглебска 6 февраля 1919 года о том, что натиск красных "был для казаков полной неожиданностью и как только выяснились полные размеры его, так казаки стали отказываться идти в бой. Отступление велось поспешно, отказывались брать с собой беженцев. Под ст.Алексеевской сделали еще попытку заставить казаков сражаться, но и тут они, за редким исключением, отказались. Так дошли до I-го Донского округа, до станицы Вешенской. Казаки этой станицы всё время были самыми рьяными вояками, "раздували пожар", по выражению одного казака. Но как только вступили советские войска в их круг, они решили сложить оружие. Приказано было другим казачьим частям вступить с ними в бой, но вешенцы окопались и открыли огонь... масса казачества уже отошла от белых. Немало способствовало этому и то, что пришедшие красноармейские части поразили их своей дисциплиной, сознательностью, вежливым отношением..."[I].

В результате побед Красной армии и отказа казачества воевать на стороне белых были созданы благоприятные условия для установления нормальных взаимоуважительных отношений между Советской властью и казачеством. Хотя в освобожденных районах сохранились враждебные советской власти элементы, были распространены предрассудки сословного характера, однако проводя гибкую, взвешенную политику, можно было постепенно закрепить начавшийся поворот казачества к новой власти. Для этого было важно прежде всего отказаться от морально-психологического недоверия ко всей массе казаков и увидеть в них не только бывших царских слуг, но будущих за-

---

I Само прошедшее, как оно было...- М.: Политиздат, 1990. - С.97-98.

щитников Отечества. Проведению такой объективно напрашивавшейся политической линии в значительной степени мешала заранее формально определенная на основе неглубокого осмысления донских событий и интересов утопической "мировой революции" упрощенческая, негуманная и просто криминальная тактика. Руководством правящей партии при участии донских деятелей был сделан порочный вывод о необходимости так называемого "расказачивания". Принятая 24 января 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) директива о проведении репрессий против контрреволюционной части казачества, стала известным рубежом в отношениях с непролетарскими слоями населения. Эта мера, в принципе логичная для гражданской войны и адекватная соответствующим мерам белогвардейского лагеря, была изложена в формулировке, позволившей трактовать постановление местным властям как указание осуществлять всеобщий массовый террор. В частности, в циркуляре подчеркивалась необходимость беспощадной борьбы со всеми верхами казачества и вообще "прямо или косвенно поддерживавшими контрреволюцию путем поголовного их истребления". На практике это означало бессудные расстрелы всех, кто непосредственно не боролся за новую власть - то есть большинства казачьего населения. Независимо от того, появилась эта формула случайно в порыве бюрократического рвения или продуманно, она стала пятном на совести ее авторов.

В этом же документе в специальном пункте была зафиксирована особая роль Сырцова в донском руководстве: "Донское бюро остается в прежнем составе. Тов.Сырцова освободить от всякой другой работы с тем, чтобы он занялся организацией советской и партийной работы на Дону".[1]

---

1. Известия. ЦК КПСС.-1989.-№ 6.-с.177.

Политическая линия на террористическое расказачивание находилась в русле умонастроений донских большевиков.

Донбюро отвергло очень интересное предложение В.Ковалева о воссоздании донского правительства с привлечением беспартийных сторонников Советской власти - Ф.К.Миронова и др. А.Френкель тогда категорически заявил: "В правительство на Дону уже играли, когда выявились тенденции заигрывать с казачьими федералистскими вожделениями".

В резолюции Донбюро категорично характеризовались оценки В.С.Ковалева: "сравнение наших военных действий с укреплением самодержавия Петром Великим - прямо-таки чудовищно. От них веет меньшевистско-эсеровской иезуитчиной о большевистском материализме. Боязнь Ковалева пули и эта жажда "увещеваний" - эта старая слабость казаков-большевиков: как-нибудь миром уладить "со своими"; близорукая слабость, за которую сотни и тысячи из них жестоко поплатились..."[I]

Свою позицию С.И.Сырцов и А.А.Френкель обосновывали тем, что "Гражданская война успела на Дону за год довольно резко разграничить и отделить революционные элементы от контрреволюционных. И крепкая советская власть должна опираться только на экономически истинно революционные элементы, а темные контрреволюционные элементы советская власть должна подаваить своей силой, своей властью, просветить своей агитацией и пролетаризировать своей экономической политикой, ибо если советская власть на Дону вместо энергичного дела станет снова уговаривать контрреволюционные элементы, то этой советской власти придется верно скоро быть опять ниспровергнутой кулацкими восстаниями при помощи иностранных штыков..." Это было обоснование ставки на силу, репрессии, террор.

I РЦХИДНИ. Ф.554. Оп.I. Д.4. Л.6-8.

По мнению руководителей Донбюро, в силу объективных обстоятельств в Донисполкоме должны работать не "знатные и известные" донские деятели из казаков, а "энергичные и решительные коммунистические кадры", присланные из Москвы и Петрограда.[1]

Не поняв рациональные положения в программе Ковалева о привлечении всех нейтральных и сочувствующих казаков, Донбюро взяло курс на игнорирование и даже ликвидацию специфики и особенностей казачества. В частности, была начата ликвидация так называемого "казачье-полицейского" деления области на округа, часть территории передавалась соседним губерниям. Сырцов писал, что этими шагами якобы кладется начало упразднению той старой формы, под покровом которой жила "Русская Вандея". В образованных районах создавались ревкомы, трибуналы и военные комиссариаты, которые должны были обеспечить эффективность силовой политики. Зарвавшись в реализации директивы Оргбюро, Сырцов даже сожалел, что не в состоянии переименовать все станицы и фанатично выражал надежду, что "недалеко то время, когда само слово станица как специфически казачье, будет устранено из политического обихода".[2] Запреты на ношение казачьей формы в освобожденных станицах и другие "энтографические репрессии" сопровождались расстрелами и реквизициями[3].

Левацкие перехлесты Сырцова и других членов Донбюро в целом ряду случаев справедливо могли характеризоваться как преступления против казачества, однако высшее руководство не одергивало их.

---

1. РЦХИДНИ. Ф.554. Оп.I. Д.4. Л.6-8.
2. Там же. Ф.I7. Оп.6. Д.8I. Л.I7б
3. Там же. Л.20

С.И.Сырцов, учитывая неудачный опыт функционирования Донской советской республики, во своих письмах в ЦК РКП(б) предлагал отказаться от автономии Дона, а саму бывшую Донобласть разделить на губернии. Он и большинство донских коммунистов считали, что в новых условиях невозможно создавать на Дону выборную Советскую власть, так как "в отсутствие сильных партийных организаций казачье население выбирало такие Советы, которые не будучи строго партийными, не стояли на должной высоте, почему и не были долговечными: при первом же напоре Краснова растаяли как воск". С.И.Сырцов настаивал на образовании донского советского центра-временного исполкома. Этому органу предстояла "колоссальнейшая работа" по восстановлению разрушенного края, аграрной реформе, уничтожению кулацкого казачества, "составляющего ядро контреволюции", по повышению благосостояния области "с целью увеличения возможности вывоза хлеба, угля, скота, шерсти на советский Север". Для организации донисполкома Донбюро запросило еще в январе 1919 года подготовленные кадры - Знаменского, Кураева, Лукашина, Бажанова, Ларина, Переверзева, Решеткова.

Сырцов настойчиво пытался идею донисполкома провести в жизнь. Ходоровский сообщал по прямому проводу Я.М.Свердлову: "Сырцов уже здесь два дня, провели ряд совещаний. Еще до его приезда Реввоенсоветом фронта по мере продвижения в глубь Дона стали создаваться временные органы власти из надежных партийных товарищей... Согласно сегодняшнему сообщению Троцкого впредь до особого распоряжения военные и гражданские власти на Дону целиком подчиняются Реввоенсоветам Южфронта. Директиву ЦЕКА получили, сообщили армиям".

Свердлов ответил: "Временно никакого Донского исполкоме не

не создавайте. Работайте совместно с Донбюро. Политическое руководство и будет исходить от него. Линия ваша верна. Продолжайте в том же направлении. После того, как местные советы будут созданы, станет вопрос об их объединении. С губисполкомами связывать временные ревкомы нет смысла".[I]

Адресат телеграммы И.И.Ходоровский был членом партии с 1903 года, работал в 20-х годах в коллегии Наркомпроса и дипломатом за границей. В 1919 г. он был членом РВС Южфронта и поборником идеи расказачивания. С этой идеей были солидарны Р.С. Землячка, член партии с 1896 г., в 30-е гг. ставшая председателем КПК ВКП(б), а первой половине 1919 г. служившая начальником политотдела 8 армии; И.Т.Смилга, член партии с 1907 г., в 20-е гг. зампред. Госплана, активист оппозиции, в гражданской войне член РВС республики и фронтов, начальник политуправления РККА, описавший акт расказачивания в "Военных очерках"; И.Э.Якир - командующий группой войск на верхнем Дону, член РВС 8 армии, в дальнейшем крупный военноначальник; А.Г.Белобородов, член партии с 1907 г., член ЦК РКП(б) и облревкома, уполномоченный ЦК и СНК на Дону в 1919 г. Эти члены большевистской элиты, причастные к донским событиям, были по происхождению, образованию, опыту борьбы различными людьми, но все они в ходе общего ожесточения нравов и отношений в процессе гражданской войны скатились к левоэкстремистским позициям, решая проблемы с маузером в руке.

В такой обстановке робкие просьбы Сырцова о советизации власти на Дону, подразумевавшей проведение пусть классово ограниченных, но скорых выборов, не могла найти поддержки среди большевистской элиты. Приказом № 317 от 03.03.1919 г. был образован При РВС Южфронта Отдел Гражданского управления.

I. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.65. Д.34. Л.51.

вошедшие в состав его 3-х отделений 35 сотрудников во главе с С.И.Сырцовым и С.Л.Лукашиным должны были создавать ревкомы и направлять их деятельность, обеспечить содействие в образовании специальных /карательных частей/ подразделений, в проведении срочных экономических мероприятий типа весенней вспашки, охраны крупных хозяйств от разграбления, образования финорганов и др. Граждануправ должен был стать чрезвычайным управленческим органом, функции которого носили в известной мере оккупационный характер, так как они обеспечивали существования политического режима во враждебном ему в целом регионе.

Исходным пунктом политики Граждануправа было положение о том, что "существование донского казачества с его экономическим укладом жизни, остатками экономических привилегий, прочно укоренившимися реакционными традициями, воспоминаниями о политических привилегиях, пережитками патриархального строя, с доминирующим бытовым и политичес им влаиянием более богатых, стариков и тесно сплоченной группы офицерства и чиновничества - стоит перед советской властью неизменной угрозой контрреволюционного выступления"[1]. Под впечатлением поражения весной 1918 г.Донреспублики большевистские лидеры уверовали в необходимость массового применения мер устрашения и наказания всех, прямо или косвено виновных в мятежах, превентивного репрессирования потенциально опасных групп. С.И.Сырцов и его единомышленники напрвили в ревкомы чрезвычайно характерное распоряжение, в котором говорилось: "В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предлагает провести через соответствующие советские учреждения...

1. Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать

1. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 65. Д.34. Л.163.

всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либое авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить как заложников в районный революционный трибунал (уличенные согласно директивам ЦК должны быть расстреляны); 2. При опубликовании приказа о сдаче оружия объявить, что в случае обнаружения по истечении указанного срока какого-либо оружия, будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников; 3. В состав ревкомов ни в коем случае не могут входит лица казачьего звания, не коммунисты...; 4. Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех сбежавших казаков (то же относится и к кулакам) и без всякого исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания"[1]. Дополнительно РВС Южфронта принял решение о создании военно-полевых трибуналов, которые по мере продвижения войск должны были в местах расположения частей расправляться со всеми контрреволюционными элементами. Эту же миссию обязаны были осуществлять ревкомы. В силу распространенности в местных партийных организациях военно-коммунистических настроений остановить репрессии было трудно. Действия руководителей ревкомов провоцировались отчасти вредительскими установками скрытых врагов советской власти. Донбюро пыталось держать под контролем кампанию репрессий, подвергая наказанию слишком зарвавшихся руководителей. Например, политотдел 9 армии во главе с членом Донбюро Дорошевым распорядился предать суду руководство станицы Морозовской за дикие расправы над казаками.[2]

С.И.Сырцов, возглавляя отдел Гражданского управления РВС Южфронта, стремился не только сломить сопротивление контрреволю-

1. ЦХДНИРО. Ф.12. Оп.23. Д.51. Л.II.
2. РЦХИДНИ Ф.17. Оп.6. Д.35. Л.8

ционных верхов казачества, но и улучшить положение трудовых казаков[1].

В мае-июне 1919 года на Верхнем Дону разгорелось восстание казачества против Советской власти, известное в литературе как Вешенское восстание, которое привело к резкому ухудшению ситуации на Южном фронте. Перехлёсты "расказачивания" сыграли роль одной из причин и стимулятора антисоветских настроений и в немалой степени способствовали успеху контрреволюционной агитации заговорщиков, готовивших целенаправленно и систематически восстание. Почва для него была более чем благоприятной. Руководители политотдела Южфронта постоянно подчеркивали в своих обращениях в Москву, что 80 процентов населения Дона относится к советской власти оппозиционно[2].

Представители ВЧК Скрамэ и др. докладывали в ЦК РКП(б) о том, что вешенское восстание разразилось в силу недовольства казаков реквизицией хлеба, скота, лошадей. Восстание произошло под влиянием агитации кулаков и офицеров, "а в последнее время принудительно под влиянием шомполов, плетей и комиссаров и особистов. Большую роль в активизации восставших сыграли захваченные казаками документы ревкомов о расказачивании и терроре. Повстанцы пытались вступить в переговоры с командованием южфронта и после неудачи поклялись "умереть с честью"[3].

Это подтверждала газета "Приазовский край", сообщавшая 19 марта 1919 года: "Повторяется история прошлого года, с той, впрочем, разницей, что если в прошлом году разгоряченные умы фронтовой молодежи с увлечением пошли за Подтелковым, Кривошлыковым,

1 РЦХИДНИ. Ф.554. Оп.1. Д.3. Л.86-87.
2 Там же. Ф.17. Оп.6. Д.35. Л.59.
3 Там же. Л.68.

Маркиным и прочими доморощенными "апостолами большевизма", то на этот раз готовность некоторой части казачества северных округов подчиниться Советской власти вызывалась не увлечением, а усталостью от беспрерывной борьбы на два фронта, апатией и упадком духа от этой борьбы... умелая пропаганда большевиков дала на этой почве великолепные всходы"... Но реквизиции, беспощадный террор, полный разгром казачьих хозяйств, мобилизация и власть комиссаров - всё это настроило казачество "враждебно-решительно по отношению к большевикам и введенным ими порядкам".

Но Донбюро связывало восстание в первую очередь с недостатками в массово-политической работе среди населения, с просчетами РВС фронта, отказавшегося своевременно вооружить рабочих и крестьян, с заговорами белогвардейцев и распространением под влиянием их пропаганды среди казаков идеологии антикоммунизма и антисемитизма, связанных воедино. Известные основания для такого вывода были[1]. Известны случаи крайне жестокого отношения повстанцев к станичным коммунистам и плененным красноармейцам. Возник порочный круг: перегибы и жестокость одних вызвали месть и жестокость других, что в свою очередь привело к резкому ужесточению гражданской войны и морю крови на тихом Дону.

Член Донбюро А.Френкель писал в докладе УШ съезду РКП(б), что широкомасштабное восстание казаков показало: "одним террористическим методом физического уничтожения небольшого количества казаков, когда еще нет на Дону железной Советской власти, не пособишь, так как всех казаков не уничтожить, а при таких условиях восстания будут продолжаться"[2]. Поэтому он призвал применять более радикальные методы - полную экспроприацию казачества и его выселение вглубь

---

1 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.6. Д.35. Л.75.
2 Там же. Д.81. Л.15.

России с вселением на его место пришлых трудовых элементов из центральной части России. Г.Сокольников, В.Трифонов - видные военно-политические работники южфронта, не согласились с таким мнением и убедили руководство в необходимости пересмотра циркуляра Оргбюро о массовом терроре. 16 марта 1919 года ЦК РКП(б) приостановил его действие, что отвечало требованиям политики союза со средним крестьянством, которую предстояло через несколько дней принять съезду партии. Но в то же время В.И.Ленин и другие высшие руководители согласились с положением об организации выселения казачества и вселения людей из голодающих районов.

Донбюро с недоумением встретило решение о приостановке январского решения и 8 апреля приняло резолюцию, в которой подчеркивалось, что само существование казачества с его особым укладом жизни, привилегиями и пережитками, а главное умением вести вооруженную борьбу представляет угрозу советской власти. Из этой сомнительной и прямолинейной констатации был вновь сделан порочный вывод о фатальной неизбежности превращения основных масс казачества в "ядро живого кадра контрреволюции"[1]. Донбюро опять предлагало ликвидировать казачество как особую экономическую и этнографическую группу путем его распыления и расселения за пределы Дона. Не случайно в документах Донбюро подчеркивается цель "формальной ликвидации казачества". С одной стороны, Сырцов в инструкциях хуторским и казачьим комиссарам отмечал необходимость "вести расслоение в населении, проводя политику террора и репрессии к имущему классу, отделяя его от "середняка" и защищая интересы бедноты"[2]. При этом он указывает конкретные признаки и критерии выделения этих социальных групп. Но, с другой стороны, постоянное

1 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.65. Д.34. Л.163.
2 Там же. Оп.6. Д.81. Л.44.

использование термина "массовый террор", фактически противоречащего тактике расслоения казачества и репрессий только против явных контрреволюционеров, в значительной мере дискредитировало Донбюро и закономерно вызвало резкую обоснованную неприязнь к нему со стороны рядовых казаков. В результате антагонизм между Советской властью и казачеством в регионе еще более обострялся.

25 марта 1919 года Сырцов дал телеграмму райвоенкоматам: "Оповестите срочно ответственных партийных и советских руководителей района, что ЦЕКА пересмотрел свою директиву и предписывает работникам приостановить проведение массового террора. Совершенно не предпринимать ничего, что может осложнить отношения и привести к восстанию. Меры экономического характера, особенно реквизиции, должны меняться осмотрительно и осторожно. При невозможности вывезти продукты нет надобности их отнимать и нервировать население. Изъятие отдельных вредных контрреволюционеров, конечно, необходимо. Вешенское восстание, конечно, надо раздавить со всей решительностью и беспощадностью, но по отношению к станицам не восставшим, не должны огульно распространяться репрессии. Необходимо, конечно, по отношению к южному казачеству применять больше суровости, не выходя за пределы. Агитационная работа должна быть развита до максимума"[1].

Когда Г.Я.Сокольников обвинил Сырцова в нелояльности к постановлению ЦК о приостановлении январской директивы Оргбюро[2], Сырцов в ответ представил в ЦК доказательство выполнения Донбюро нового решения - текст этой телеграммы. Желая ограничить власть Донбюро и Гражданупра, Сокольников предложил ЦК образовать на Дону областной ревком, в то время как Сырцов настаивал на образовании

1 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.6. Д.35. Л.4.
2 Там же. Оп.65. Д.34. Л.77.

Донисполкома. ЦК пошел в мае 1919 года навстречу предложению Сокольникова, однако в созданный новый политический орган вновь включил Сырцова, наряду с Белобородовым, Пляттом, Рейнгольдом, Якубовым.

После окончания мятежа и соединения восставших с белогвардейскими войсками, Сырцов попытался в докладной записке в ЦК РКП(б) объяснить причины восстания. Он писал: "По отношению к казачеству жизнь намечала определенную классовую линию поведения. Бок о бок с казаками жили иногородние..., угнетаемые в экономическом и политическом отношениях, иногородние воспитали в себе массу неприязни и ненависти к казачеству, к его быту. По существу это была здоровая классовая ненависть и мы обязаны были её использовать, вооружив рабочих и крестьян, создать ту реальную силу, с помощью которой мы могли бы экономически обессилить казачество, раздробить его, вывести более опасные и непокорные элементы и распылить их. Донбюро РКП(б) всё время выдвигало эту линию поведения, согласно с первоначальными директивами ЦК. Донбюро указало, что проведение их в жизнь мыслимо лишь при принятии ряда военных мер (отнюдь не сложного характера)... Вешенское восстание не явилось для нас неожиданностью. Именно об этом районе я лично неоднократно поднимал вопрос в Реввоенсовете Южного фронта и настаивал на выделении из армии нескольких сот человек для несения там караульной службы...

Самой серьезной и крупнейшей политической ошибкой Сырцов считал не расстрелы в ходе расказачивания, а "промедление в вооружении крестьян и рабочих, прежде всего имевшихся 1000 рабочих в станице Константиновской и 2000 - в станице Морозовской, которые проклинали руководство за эту ошибку". Сырцов подчеркивал, что Донбюро и он лично настаивали на этом и даже провели решение через

Оргбюро, но РВС это предложение отклонил как несвоевременное. Член РВС Коллегаев считал, что тогда и с крестьянами придется воевать, а Сокольников "видел в этом предложении продолжение старой политики, которая во что бы то ни стало хочет выделить казаков и поставить их вне общих рамок, ведя по отношению к казакам политику недоверия..." В результате запоздавшей мобилизации было получено не 8-9 тысяч, а только 2-3 тысячи "революционно настроенных по отношению к казакам солдат".

Если накануне восстания Сырцов лично не призывал к эксцессам, то в ходе восстания он прямо телеграфировал ревкомам указание о расстреле за каждого убитого красноармейца и члена ревкома сотни казаков, об организации прямой поруки, выселении казаков из станиц и т.д.

В.Трифонов в июне 1919 г. сообщил в ЦК о своей поддержке точки зрения Г.Я.Сокольникова о том, что главной причиной восстания в Вешенском районе было применение "военно-политическими инстанциями армии и ревкомами массового террора по отношению к казакам"[I]. В этой связи персональную вину за создавшееся положение дел он ошибочно возложил только на Сырцова, в руках которого будто бы были сосредоточены все рычаги идейного партийного руководства и конкретной практической работы по организации Советской власти. Трифонов ошибочно считал, что политику в отношении казачества ЦК разработал по прямому докладу Донбюро, которое исходило из контрреволюционности всего казачества и наличия победоносного шествия и мощи Красной армии. ЦК учитывало такое мнение Донбюро, но говорить о нем как единственном источнике информации и формирования основополагающих концепций, воззрений на ситуацию в регионе нельзя.

I РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.65. Д.34. Л.85.

В.Трифонов счел возможным даже указать на якобы "вопиюще-небрежное и преступно-легкомысленное отношение партийного Донбюро и Гражданупра к своим обязанностям".

В.Трифонов справедливо указывал на то, что сосредоточение в руках Сырцова идейного партийного руководства и практической работы по созданию Советской власти при отсутствии должного контроля со стороны привело к просчетам. Воронежский губком партии также просил ЦК изменить состав Донбюро, усилив его "взрослыми, вполне ответственными работниками, например, Кривобоковым-Невским"[1]. Действительно, члены Донбюро были в основном молодыми большевиками, преданными утопическим идеалам мировой революции, не желавшими вдумываться в специфику казачьего региона и искать особую тактику. Но этому во многом способствовала позиция ЦК РКП(б), державшего под контролем ситуацию на Дону и поощрявшего донских якобинцев.

Под влиянием событий, связанных с попытками подавления мятежа казаков, в Донбюро начались разногласия и размежевания по казачьему вопросу. А.Френкель одним из первых подверг критике линию, проводившуюся на основе январской директивы. Он писал в ЦК: "сословную борьбу меж казачеством и крестьянством (иногородним) на Дону надо вести, по-моему, в рамках классовой борьбы, а не превращать в аморфную зоологическую борьбу"[2]. Его призывы к осторожности не были услышаны и Френкель подал в отставку, уйдя в армию комиссаром дивизии. Присланный представитель ЦК на Дону А.Г. Белобородов написал на заявлении Френкеля: "Автоматическое перенесение на Дон середняцкой линии может создать последствия более гибельные для советской власти, чем первая директива ЦК"[3].

---

1 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.6. Д.35. Л.7.
2 Там же. Оп.65. Д.34. Л.115.
3 Там же. Л.120 об.

Разногласия в Донбюро, тяжелое положение на фронте, вызванное вешенским мятежом, требовали от Сырцова разработки такого подхода, который бы позволил преодолеть, разрешить сложившиеся противоречия. Не имея возможности и полномочий единолично определить степень коррекции политики, он обращается к В.И.Ленину и Л.Д.Троцкому с просьбой установить ясную линию, реорганизовать органы управления и обновить руководящие кадры. Это письмо представляет собой особый интерес, так как оно позволяет полно понять оценки Сырцова ситуации, его представления о выходе из кризиса. Он пишет, что катастрофическое положение Южфронта налагает на ответственные политические организации обязанность пересмотреть деятельность смежных организаций, отметить некоторые причины поражения. Эти причины Сырцов видит в слабости политической работы в армии, что связано с недостатком руководящих кадров, сложностью обстановки в освобожденных районах, формальным подходом политотделов к пропагандистской работе, утомлением войск и т.д. Особо он отмечает такой фактор как "соприкосновение с кулацко-казачьим населением", которое приводило к разложению войск, к появлению среди красноармайцев настроения: "вот покончим с Красновым - возьмемся за коммунистов".

Охарактеризовав просчеты руководителей реввоенсовета Южфронта и 8 армии, Сырцов подчеркивал, что "в настоящее время готовится новая ошибка", которая заключалась якобы в позитивном отношении к авторитетному в среде казачества Ф.К.Миронову. Казачья программа Ф.К.Миронова была близка к взглядам Ковалева, Сокольникова, Трифонова и радикально расходилась с линией Донбюро и Сырцова. В частности, Миронов предложил свои условия, необходимые для реализации поставленной задачи мобилизации казаков в Красную армию:

1. Признание религиозных и бытовых особенностей казачества и от-

каз от посягательств на них; 2. Образование выборных казачьих советов и организация окружных съездов (Хоперского и Медведевского) в разное время, чтобы Миронов мог руководить ими; 3. Отказ от реквизиций, конфискаций, совершенно не переносимых для казачества, и замена их добровольной поставкой в армию продовольствия по твердым ценам. По мнению Сырцова, эта программа сводится к тому, "чтобы дать возможность Миронову безвозбранно реализовать ту популярность, какой он пользуется в казачьей среде". Это он считал недопустимым, т.к. был убежден, что Миронов стал центром притяжения казачества, недовольного политикой коммунистов.

Переоценивая анархические склонности Миронова, Сырцов не увидел главного - его преданности идее Советской власти. Скованный утопическими идеалами мировой революции, он не смог понять всю глубину предлагаемой Мироновым формулы примирения на Дону. Трагически погибший в тюрьме в 1920 г., Ф.К.Миронов был реабилитирован только 15 ноября 1960 г. ИМЛ при ЦК КПСС в специальной справке сообщал, что "это был честный, храбрый человек, отдавший много сил в борьбе с контрреволюцией в годы гражданской войны. Он пользовался большим авторитетом среди казаков, боровшихся на стороне советской власти... Однако Миронов был очень сложной фигурой, отразившей в себе поведение значительной части средних слоев казачества, его колебания и сомнения. Он не имел твердых политических убеждений, подчас не мог правильно понять политику Советской власти и коммунистической партии, скатывался на позиции "третьего пути" в революции. На поведении Миронова сказались ошибки, допущенные в начале 1919 г. в решении казачьего вопроса, особенно неправильные действия некоторых представителей Советской власти на Дону. В.И.Ленин, по заявлению комиссара Казачьего отдела ВЦИК Макарова,

говорил: "Такие люди нам нужны. Необходимо их умело использовать". Однако военные власти не нашли правильного подхода к Миронову. Рядом с Мироновым не нашлось опытного политического руководителя, который бы помог ему разобраться в сложной обстановке гражданской войны, преодолеть влияние мелкобуржуазной идеологии и наметить правильную линию поведения..." Данная оценка Миронова косвенным образом указывает и на существо просчета Сырцова.

Наблюдая попытки организационно закрепить линию "соглашения с казачеством", Сырцов счел необходимым напомнить неудачи в этой области в прошлом: "Как бы из этой новой линии соглашения не получился бы такой конфуз, что с Походным кругом в Воронеже". Вывод Сырцов сделал внешне достаточно логичный: "Все попытки использовать чуждые нам, но популярные в той или иной массе элементы, всегда оканчивались неудачей (атаман Григорьев, Махно). Мы не сомневаемся, что к цепи неудач в этой области прибавится новая, мы обогатимся новым крылатым словечком - "мироновщина". Очень хотелось бы оказаться совершенно негодным пророком".

В известной мере, это предвидение Сырцова сбылось. Но это не свидетельствовало об его мудрости, так как он, как и большинство коммунистов, оказался не способным предотвратить мятежи и в целом - проводить гибкую политику без абсолютизации классового подхода, привлекать колеблющихся, заключать компромиссы, находить точки соприкосновения со своими оппонентами, в полной мере реально учитывать в своей политике необычайно рельефно выраженную специфику регионов.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что уже в письме Сырцов не настаивает однозначно на своем подходе, допуская возможность иного решения. Он в заключении писал: "Как бы то ни было, какую позицию не займет ЦК в этом вопросе, мы присоединимся к

мнению т.Трифонова,...что эта позиция должна быть отчетлива и определена, чего до сих пор в отношении донских дел не имелось".[1]

Получив эту докладную, В.И.Ленин направил ее в секретариат к Н.Н.Крестинскому с пометкой: "Надо тщательно и спешно обсудить, выработать проект директив, запросить отзыв донцов и Реввоенсовета Южного фронта и потом утвердить".[2]

Несколько ранее, 3 июня 1919 г. В.И.Ленин после беседы с представителями донского казачества В.Колесниковым и Г.Неклюдовым дал телеграмму: "Обращаем внимание на необходимость быть особенно осторожным в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаичных пережитках"[3] В телеграмме намечен новый подход к казачеству, хотя еще говорится о сохранении прежней политики.

В июле 1919 г. ЦК РКП(б) получил докладную записку члена облревкома Рейнгольда, которая концептуально характеризовала проводившуюся Сырцовым и другими деятелями политику расказачивания и ее перспективы в будущем.

Текст докладной записки Рейнгольда содержит противоречивые оценки и суждения, которые являлись попыткой автора учесть позиции спорящих сторон и предложить компромиссный выход из кризисной ситуации на этой основе.

Автор считал, что после успешного наступления Красной Армии на Юг России, у большевистского руководства голова закружилась от успехов и был брошен вызов казачеству в виде его массового

1. РЦХИДНИ. Ф.2. Оп.1. Д.23678. Л.7
2. Ленин В.И. Полн.собр.соч., Т.50 С.353.
3. Там же. Т.50. - С.387

физического истребления. Этим рассчитывали оздоровить Дон, сделать его если не советским, то послушным власти. Автор считает террористическую форму расказачивания непродуманной и бессмысленной в условиях, когда на Дону не было сильных советских гарнизонов, способных подавить массовое и жестокое сопротивление свободолюбивого казачества. Автор пишет: "Бесспорно, принципиальный взгляд на казаков, как на элемент, чуждый коммунизму и советской идее, правилен. Казаков, по крайней мере огромную их часть, надо рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и всяческое заигрывание с казачеством; ни на минуту нельзя упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица - вооруженный лагерь, каждый хутор - крепость".[1]

Квинтэссенцией письма является признание правильности расказачивания в принципе и [illegible] требования такта и осторожности при его проведении, хотя совершенно непонятно как можно тактично и осторожно уничтожать народ???

Автор далее подробно пишет и объясняет, почему нужны такт и осторожность. "Политика массового истребления без всякого разбора приведет к тому, что мы с Доном никогда не справимся, а если справимся, то после кровавой и упорной борьбы". Опыт вешенского восстания показал, что казаки "чрезвычайно чутки" к проводимой политике. Ничто так не способствовало успеху восстания, как попавшие к казакам благодаря расхлябанности местных советских органов тезисы и директивы ЦК о расказачивании. Рейнгольд подчеркивает, что отсюда сила и упорство восставших, отсюда победоносный исход восстания.

1. РЦХИДНИ. Ф.5.Оп.2.Д.106.Л.75.

Вторая половина текста несколько контрастирует с началом докладной записки. Автор в уважительном тоне отзывается о традициях казачества, об его историческом прошлом, в котором заложены начала, как он пишет, "независимости, обособленности, своей самостоятельной государственной жизни". С этими, как отмечает, "предрассудками" нельзя бороться и побеждать методами истребления. Но автор пишет о необходимости в будущем уничтожении казачества. "Необходимо, - по его мнению, - наметить систему мероприятий,которые бы обезопасили нас от вооруженных восстаний и попыток контрреволюционного сброда возмущать казачество, но в то же время позволили бы разрушить весь старый казачий быт руками самих же казаков". Ставку надо сделать на казаков-середняков северных округов донской области, которых при правильной политике можно если не привлечь, то нейтрализовать. Правильная политика заключается в использовании противоречий между северными и южными округами области в аграрной сфере и внесении разложения в казачество, разделив его на два лагеря. Далее необходимо резко усилить агитационно-пропагандистскую работу среди молодого казачества, способного отделиться от косного контрреволюционного старого казачества.Наконец, надо подтвердить прежние декреты об автономии Дона, образовать местное казачье правительство.

В заключение Рейнгольд вновь возвращается к идее коммунистического расказачивания. "Под вывеской Советского Донского правительства мы должны проводить на Дону красный террор против казачьей контрреволюции, действуя и оружием, и словом, и аграрно-просветительной политикой. Комбинируя все эти элементы, мы гораздо быстрее, и притом при значительно меньших жертвах, добьемся советизации Дона".

Этот документ в совокупности с записками Сырцова, Трифонова, Сокольникова способствовал осознанию высшим руководством необходимости отказа от террористических форм расказачивания при сохранении общего негативного отношения к казачеству как к несоветскому социальному слою, тяготевшему к архаичным формам существования. В то же время докладная Рейнгольда выделяется в ряду подобных писем тем, что в ней прозвучало понимание сущности казачества как этнической общности (народа), имеющей свою историю и традиции, плохо совместимые с идеалами большевизма, а потому подлежавшими искоренению вместе с их носителями. В таком подходе прослеживались элементы геноцида по сословно-этническому признаку.

Сам Рейнгольд Исаак Исаевич был членом партии с 1917 г. После революции он был наркомом финансов Литвы и Белоруссии,а по окончании гражданской войны работал начальником управления наркомата финансов СССР, заместителем наркома земледелия СССР. В 1927 году был исключен из ВКП(б) за участие в оппозиции, но в 1928 г. восстановлен в партии. В 1935 г. был исключен как "троцкист-двурушник" и в августе 1936 г. расстрелян за участие в мифическом "антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре" вместе с Г.Е.Зиновьевым, Л.Б.Каменевым.

Как известно, многие члены как оппозиции, так и в целом большевистской политической элиты принадлежали к еврейской национальности, что было связано с условиями формирования революционной социал-демократии в царской России. Отталкиваясь от этого факта, националистические авторы пытаются обосновать в совермен- ной историографии точку зрения о сионистском антиказачьем геноциде "безродных интернационалистов", "инороднеческого сброда".[1] В этой связи важно отметить, что антиказачьи настроения Рейнго-

1. Шипунов Ф.Я. Истина Великой России.М.Молодая Гвардия. 1992. с.82.

льда сопоставлялись не только со взглядами Троцкого и Свердлова, других большевиков-евреев, но с воззрениями Ленина, Сырцова, Лукашина, Васильченко, Жакова, Щаденко. А среди защитников интересов трудового казачества были не только братья Трифоновы, Миронов, Ковалев, но и еврей Г.Я.Сокольников (Бриллиант). Можно предположить, что большевикам неказачьего происхождения, латышским, эстонским, китайским или венгерским интернационалистам, воевавшим на Дону в составе Красной Армии, не были близки чаяния казачества и они не считали важным заботиться о нем, жалеть жертвы террора в свете перспективы мировой революции и создания всемирной социалистической республики. Однако из этого не может следовать, что проводилась целенаправленная политика антиказачьего геноцида национально-расового характера. На основе изученного комплекса документов можно с уверенностью отбросить подобные измышления националистического и антикоммунистического плана. Наметившиеся элементы огульного террора были с опозданием, но остановлены, не дав ему превратиться в широкомасштабный геноцид.

16 августа 1919 г. в центральных газетах было опубликовано за подписями В.И.Ленина, М.И.Калинина и председателя казачьего отдела ВЦИКа М.Макарова обращение к трудовому казачеству, в котором подчеркивалось, что правительство рассматривает казаков, рабочих и крестьян как одну братскую семью и никто "отныне не собирается расказачивать насильно" казаков, имеющих право на свои земли, станицы, обычаи, форму[1]. В сентябре Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) в соответствии с рекомендациями региональной большевистской элиты рассмотрело вопрос о создании новых руководящих центров на Дону. Был утвержден временный Донской исполком в составе Медведева, Сырцова и Копяткевича с задачей

1. Хмелевский К.А. Хмелевский С.К. Буря над Тихим Доном: Исторический очерк о гражданской войне на Дону.-Ростов н/Д, 1984.-С.138

перехода к "выборному началу".[1] Наконец, 18 сентября на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК были обсуждены тезизы Л.Д.Троцкого о работе на Дону и укреплении состава Донисполкома.[2] Эти тезисы сыграли огромную роль в упорядочении новой казачьей политики партии и прекращении эксцессов, озлоблявших казачество и провоцировавших его на мятежи.

Некоторые современные публицисты пытаются доказать, что Троцкий являлся главным организатором антиказачьих действий, а Сырцов, Ларин и другие руководители были всего лишь послушными троцкистами. Троцкий, действительно, начиная с марта 1919 года, когда разразилось вешенское восстание, ухудшившее стратегическую ситуацию на Южном фронте, резко усилил негативные характеристики казачества. В приказе Троцкого от 25 мая 1919 г. "Конец подлому Донскому восстанию" категорически утверждалось:
"Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены".[3] Но Троцкий признавал, что восстание возникло на основе как деятельности агентов Деникина, так и несправедливых репрессий частей Красной армии и ревкомов. Тем не менее в его приказах в полной мере проявилось непонимание специфики казачества и неуважение к нему. Упрощая до примитивизма, Троцкий заявил: "Южный фронт - казачий фронт. Дон - очаг контрреволюции. При самодержавии казачество служило орудием произвола и насилия... сословная казацкая связь тружеников с паразитами составляет основу донской контрреволюции. Вот почему на Дон стекались с первых дней свободы обиженные помещики, фабриканты, чиновники. Вот почему на Дону восстание вспыхивало за

1. Известия ЦК КПСС,-1990.-№ 2-С.156.
2. Там же,-№ 2-С.160.
3. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т.2, кн.1 С.186

восстанием... Дело идет не о Доне, а о всей Советской России. Казачество - это только слепое и темное орудие в руках монархисто-помещиков..."[I]. Исходя из этих односторонних посылок, Троцкий видел главную задачу в том, чтобы "заставить трудового казака почувствовать себя не казаком, а рабочим и крестьянином". В пылу гражданской войны ни сам Троцкий, ни другие большевики не смогли осознать, что социальная психология не подчиняется насилию, более того, возникает обратно пропорциональный эффект - острая неприязнь к навязываемым идеям.

И.Смилга спустя 4 года писал в своих "Военных очерках" о политике расказачивания как о безусловной и громадной политической ошибке.[2]

В своей речи во время судебного процесса над Ф.К.Мироновым И.Смилга обоснованно указал, что "зверства на Дону" совершались "в обстановке гражданской войны, когда страсти накапливаются до предела". Отметив, что их главные виновники расстреляны, он, однако, высказал типично большевистские мнения, что как и в годы Великой французской революции, подобные ужасные поступки "оправданы историей", так как их совершил прогрессивный класс, сметающий "на своем пути пережитки феодализма и народного невежества"[3].

Опыт гражданской войны убедил высших руководителей Советской власти, в том числе и Троцкого, в необходимости пересмотра отношения к казачеству, как к контрреволюционному сословию. Бесспорно, что на этом процессе сказались такие события, как поражения Венгерской советской республики, революционных событий в

I. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция, т.2, кн.I.- С.173.
2. Смилга И. Военные очерки.- М., 1923.
3. Цит. по:Медведев Р., Стариков С. Жизнь и смерть командарма Миронова. //Подъем,-1989,-№ 3,- С.163.

Германии, свидетельствовавшие о том, что мировой революции в ближайшее время ожидать не приходится. В этих условиях коммунисты уже не видели необходимости ужесточать внутреннюю политику и пошли на определенные компромиссы с крестьянством и казачеством. Выражением такого рода компромиссов был факт включения в Донисполком реабилитированного и принятого в ряды РКП(б) Ф.К.Миронова.

30 сентября 1919 года были опубликованы "Тезисы о работе на Дону" в журнале "Известия ЦК РКП(б)". Эти тезисы были утверждены ЦК и лишь по технической причине в названии отсутствует упоминание ЦК. Документ был подготовлен Л.Д.Троцким на основе трех его работ. "Руководящие начала ближайшей политики на Дону"[1]. практически дословно выключены во второй раздел "Тезисов" и частично в первый. Характеристика Ф.К.Миронова и общих условий деятельности партии в Донском регионе основывается на идеях, сформированных в статьях Л.Д.Троцкого "Полковник Миронов" и "Урок мироновщины". Лейтмотивом "Тезисов" является положение о дифференцированном отношении партии к различным слоям казачьего населения в зависимости от их отношения к Красной армии. Принципиально важным является пункт о наказании "лжекоммунистических элементов", виновных в "злоупотреблениях против казачества".

"Решительное покровительство" сочувствующим, истребление элементов, которые "будут прямо или косвенно оказывать поддержку врагу" и предоставление "возможности" оглядеться и разобраться тем слоям и группам казачества, которые настроены выжидательно - таковые были три принципа обновленной казачьей политики.

1. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. т.2, кн.I,- с.299-300.

Донисполком, Донком РКП(б) восприняли изменение казачьей политики как тактический маневр во имя скорейшей победы над врагом. Даже Ф.К.Миронов, которого невозможно обвинить в троцкизме или антиказачьих настроениях, после своего помилования и принятия в партию, призывал в станицах казаков к походу в Венгрию для установления Советской власти.[1] Логика гражданской войны оказала слишком большое воздействие на понимание большевиками соотношения целей и средств борьбы, роли казачьего и в целом крестьянского вопроса.[2]

Ответственность за просчеты и перегибы в решении этих проблем несет вся высшая политическая элита вместе с региональными лидерами не обеспечившая своевременное формирование взвешанной политики с учетом специфики регионов. Решающими факторами в определении позиций элиты стала острая внутриполитическая ситуация в разгар гражданской войны, значительные колебания казачества и крестьянства и доктринальная коммунистическая стратегия РКП(б). По мере нарастания успехов и побед в гражданской войне началось отрезвление части элиты от угара "красного террора". С.И.Сырцов в частности пересмотрел свое отношение к казачеству и стал последовательно проводить линию на расслоение казачества и привлечение на сторону Советов сочувствующих казаков. В обращении Донобложома партии, (сменившего Донбю-

1. ЦХИНДРО Ф.4. Оп.1.Д.32.Л.1а.
2. Радикализация большевистской элиты прослеживается не только в действиях представителей старой партийной гвардии, руководившими воинскими формированиями, армиями, фронтами, флотами, подразделениями ВЧК, но и в деятельности руководителей "экономического фронта", таких как А.И.Рыков, М.К.Владимиров, А.Д.Цюрюпа, Н.П.Брюханов, А.Г. Шлихтер и мн.др. Они создали систему чрезвычайного снабжения, продовольственной диктатуры в рамках стратегии "военного коммунизма." Причем они под влиянием обстоятельств допускали административные перегибы и даже в последствии проявляли колебания при переходе к нэпу. Будучи высокообразованными специалистами, они стали в конце концов опорой В.И.Ленина в проведении нэпа, составив специфическую группу технократов. См.: Будник Л.И. Общественно-политическая деятельность А.Д.Цюрюпы. Дисс. канд. ист. наук.-Киев. 1992; Саханская Н.В. Революционная деятельность и экономические взгляды М.К.Владимирова (Политический портрет). Дисс. канд. ист. наук. Одесса. 1991.

ро) к Ростово-Нахичеванскому комитету РКП(б) от 2I декабря 1919 года он писал, что политика по отношению к казачеству "не есть политики места за прошлое, мы ничего не забываем, но за прошлое не мстим. Наши дальнейшие взаимоотношения определяются поведением различных групп казачества".[I]

После освобождения Ростова-на-Дону от белых, С.И.Сырцов вновь становится председателем Ростово-Нахичеванского Совета и в то же время он фактически является руководителем Донского областного комитета, направляя его деятельность.

В январе 1920 года Д.И.Карасев, бывший комиссаром батальона 153 полка I5 Инзенской дивизии, участвовавшей в освобождении Ростова-на-Дону, встретился с Сырцовым и спросил его, как он вновь попал в Ростов-на-Дону. По воспоминаниям Д.И.Карасева, Сырцов показал ему записку В.И.Ленина: "Сырцов Сергей Иванович! Вам придется поработать в Донской области. Вы знаете казачество и казачество знает Вас". Вероятно В.И.Ленин оценивал опыт и знания Сырцова и отношение к нему казачества, как адекватные ситуации.

Выполняя новые обязанности, Сырцов в немалой степени способствовал утверждению Советской власти на Дону и формированию обновленной политики в казачьем вопросе. Еще в декабре 1919 г. Донком поручил С.И.Сырцову "собрать исчерпывающие материалы и сведения о военном восстании, его последствиях и влиянии на население".[2] Осмыслив произошедшее, С.И.Сырцов пришел к выводу о необходимости сочетания принципов выборности и назначения Советов в хуторах и станицах, "смотря на условия". В письме совещанию политотделов IX армии он требовал "сдерживать самочинные

I. РЦХИДНИ, ф.554, оп.I, д.7, л.I5.

2. ЦХДНИРО, ф.4 оп.I, д.I, л.6в.

действия частей в области продовольствия, подводной повинности, ретивость отдельных политработников в области земельного строительства, проведения экспромтом кампании приема в совхозы и коммуны..."[1].

С.И.Сырцов проинформировал политотделы о "неудавшемся опыте с гражданским управлением при Реввоенсовете Южфронта" и обратил внимание на важность соблюдения армией "сугубой осторожности" в обращении с гражданским населением в процессе формирования новых органов власти[2].

В марте 1920 года Донком, не дожидаясь освобождения всех округов области от белых, созвал партийную конференцию 4-х округов: Ростовского, Таганрогского, Черкасского и Милютинского. В ходе дискуссий С.И.Сырцову удалось вопреки мнению армейских комиссаров отстоять свою точку зрения и провести резолюцию, исключавшую подчинение областных партийных и советских органов армейским политотделам. Эту же линию он защищал и на IX съезде РКП(б). Выступая на съезде, он отмечал важность преодоления чрезмерного централизма и бюрократизма в партии, ограничения системы политотделов "исключительно областью военною и не пытаться проводить ее в главных партийных организациях", что необходимо для того, чтобы создать условия вовлечения в партию новых коммунистов из числа трудящихся[3].

Политическая позиция Сырцова расходилась с точкой зрения ортодоксальных коммунистов, которые абсолютизировали методы военного коммунизма и продолжали видеть в казачестве главного врага пролетариата.

---

1. Там же, л.5-6.
2. Там же.
3. IX съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г.:Протоколы.-М., 1960, с.79.

Проводимая Сырцовым новая линия на расширение социальной опоры Советской власти в городе и станицах, привлечение лояльных элементов из казачьей среды вызвала недовольство ряда донских руководителей, видевших в казачестве главного врага ростовского пролетариата. Расхождения по этому вопросу наиболее ярко проявились на I областной конференции в июне 1920 года. Видный донской революционер Васильченко, в прошлом активный участник революции 1905 года,выступил с резкой критикой Донкома и лично С.И.Сырцова. Отвергая утверждения докладчика о недостаточной сознательности и организованности Ростовского пролетариата, об особой сложности условий Дона, о наличии в донских станицах пролетарских слоев - сторонников Советской власти, он предложил диаметрально противоположные оценки. По его мнению, крестьянское и казачье население -"одинаково"зажиточное и кулаческое "враждебно советской власти и поэтому диктатуру пролетариата необходимо осуществлять путем опоры на красноармейские и притом коммунистические части". Считая, что линия С.И.Сырцова противоречит интересам ростовского пролетариата, Васильченко и его сторонники Жаков, Зявкин, Гадзиев, Пивоваров, Васильев сделали заявление о неудовлетворительной работе Донкома, однако, подавляющим большинством голосов конференция отклонила их предложения.

По докладу С.И.Сырцова о советском строительстве на Дону конференция приняла тезисы "Организационное и советское строительство в Донобласти", в которых обращалось внимание на специфику региона: отдаленность от центральных промышленных районов, сословные и национальные противоречия.

В.Ф.Ларин сообщил в телеграмме в ЦК РКП(б) об итогах конференции, что она по докладу Донкома вынесла одобрение его политической линии и единогласно утвердила "тезисы о формах ликвидации основ казачьей контрреволюции и борьбе с верхами методами привлечения к советскому строительству лояльного крестьянства и казачьего населения".[1]

После конференции в парторганизации обострилась борьба "сырцовцев" и "васильченковцев". Сторонники Васильченко вели пропаганду против Донкома и Сырцова, ведущих якобы политику "соглашательства с казачеством и крестьянством за счет рабочих Ростова". Возглавив горком партии, Васильченко и Жаков стали требовать изменения состава Донкома, заявляя, что этот орган, состоящий якобы в основном из представителей казачества и крестьянства, является главным препятствием улучшения жизни рабочих и решительной борьбы с буржуазией и казачеством.[2] В создавшихся условиях Донком не смог разобраться в принципиальной сущности разногласий и правильно оценить значение позиции Сырцова в казачьем вопросе и принял палиативное решение: "Для оздоровления организации, раскалываемой не принципиальными разногласиями, а личными симпатиями, добиваться создания работоспособного ядра путем отбрасывания и т.Сырцова, и Васильченко, не сумевших сработаться в течение долгого времени....".[3]
ЦК РКП(б) согласился с предложением и вынес решение об отзыве обоих коммунистов. С.И.Сырцов был направлен на руководящую работу в Одесский комитет РКП(б).

---

1. ЦХДНИРО, ф.4, оп.I, д.5, л.I67.
2. Там же, д.32, л.39.
3. Там же, д.II, л.40.

Перед отъездом С.И.Сырцов обратился с письмом к фракции коммунистов, созываемого съезда Советов Дона, на котором он должен был выступать. Свой отъезд накануне такого важного мероприятия он объяснил исключительно решением ЦК о переброске кадров. Нежелание сказать подлинную причину отзыва косвенно объяснилось им так: "опасным моментом является разоблачение перед сырыми, рыхлыми в политическом отношении беспартийными делегатами наших внутренних трений, шероховатости и ошибок". Однако, учитывая, что большинство коммунистов знали суть дела, С.И.Сырцов сформулировал свою позицию: "Главным препятствием на пути советского и коммунистического строительства стоят казачьи сословные националистические предрассудки. Если мы можем и должны давать уступки предрассудкам широкой непартийной массы, то внутри партийной организации мы должны от этих предрассудков избавиться. Делению внутри партийной организации на казачьих коммунистов и не казачьих, местных и пришлых не должно быть места. Тем, кто попытается это отделение проводить, обособить казаков от неказаков, не место в нашей партии. Их невежество и мелкобуржуазная природа, неотрывное от казакоманства, должна быть вскрыта". Выразив далее надежлу, что фракция коммунистов сумеет тактично повести за собой беспартийную крестьянскую и казачью массу делегатов, С.И.Сырцов далее подчеркнул, что он,"связанный всем своим прошлым с Ростовом, зная на основании опыта, что здоровые элементы всегда в конце концов преодолевали дезорганизаторские явления, уверен, что и на этот раз партийные делегаты Ростовского рабочего и красноармейского Совета покажут пример дисциплинированности, здорового пролетарского чутья и стойкости..."[1].

---

1. Там же, д.39, л.134-136.

Отношение большевистской элиты к казачьему вопросу еще долго оставалось лакмусовой бумажкой в определении ее настроений. Отказавшись от огульно-террористических форм расказачивания, элита сохранила общий курс на ликвидацию казачества как сословия и нивелирование его особенностей как субэтноса. Осенью 1920 г. на территории Терского войска с санкции Г.К.Орджоникидзе было осуществлено массовое выселение казаков с семьями из станиц Калиновской, Самашкинской, Романовской, Михайловской, Асиновской. Ермоловской. Хотя комиссии ВЦИК во главе с В.И.Невским удалось остановить дальнейшее выселение, руководители Горреспублики из числа горцев-большевиков продолжили борьбу с казачеством, обвинив их защитников в "колонизаторском уклоне".[1] На Дону и Кубани в ходе борьбы с бело-зелеными бандоформированиями были официально разрешены бессудные растрелы задержанных казаков с несданным оружием, захват заложников, выселения из станиц. Использование 1-й Конной Армии, переброшенной на Кубань, тактики "выжженой земли", гибель Ф.К.Миронова и Б.М.Думенко и проведение других жестоких актов террора по отношению к казакам, находившимся в прямой или косвенной оппозиции режиму было фактически продолжением расказачивания. Эта линия развивалась в русле общего курса большевистской элиты на подавление массовых волнений крестьянства в начале 20-г гг., осуществлявшейся под руководством Ленина и Троцкого, Ф.Э.Дзержинского и И.В.Сталина деятелями помельче. Но в тоже время коррективы осени 1919 г. не остались пустым звуком, позволив реально проводить социально-классовую дифференциацию казачества, созывать съезды трудового казачества, освобождать казачью молодежь от влияния старых станичников и т.д.

1. См.подробнее: Кислицын С.А., Перехов Я.А., Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за решение казачьего вопроса на Тереке в первой половине 20-х гг.//Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки.-1989.-№ 1.-с.104-112.

Оценивая заключительный этап деятельности С.И.Сырцова в Ростове, нельзя не отметить перспективность разрабатываемой линии в казачьем вопросе. Путем проб и ошибок, учась на своем и чужом опыте, на практике познавая грани сложнейшей социально-этнографической проблемы, он пришел к верному выводу о необходимости политики соглашения с трудовым казачеством и его вовлечения в строительство новой жизни. Но отзыв с работы в Ростове не позволил развить эту линию Сырцову и его друзьям.

С июля 1920 г. Сырцов работал в Одессе[1], а с июля 1921 г. - в аппарате ЦК РКП(б)[2], где возглавил учетно-распределительный отдел и стал вместе с Молотовым разработчиком кадровой политики.

1.В Одессе Сырцову пришлось вновь столкнуться с проблемами внутрипартийных противоречий, различного понимания характера руководства в условиях диктатуры пролетариата. В ходе профсоюзной дискуссии Сырцов поддержал Л.Д.Троцкого и по его платформе был избран на X съезд РКП(б). Но на самом съезде встал на позиции "платформы 10".Вместе с группой делегатов Сырцов принял непосредственное участие в подавлении Кронштадского восстания. За проявленное личное мужество был награжден орденом Красного знамени.

2.При переводе на работу в ЦК вокруг Сырцова сложилась не простая обстановка. Первоначально он планировался Г.Л.Пятаковым, работавшим в это время на Украине, в качестве секретаря парторганизации Донбасса. Вероятно этому способствовала репутация Сырцова как леворадикального политика, заработанная им в период "расказачивания". Но переводу в Донбасс воспротивилось руководство КП(б)У. В.И.Ленин запросил Г.И.Петровского и М.В.Фрунзе дать ему дополнительные сведения о Сырцове, так как "Пятаков обвиняет ЦК КП(б)У в нежелании дать Сырцова только из фракционных опасений, ибо де Сырцов - троцкист. Пятаков заявляет, что ни он ни Сырцов обещает не вести фракционной политики"/Ленин В.И.Полн. собр.соч. Т.52. С. 119-120/. Предварительно Ленин показал письмо Пятакова Троцкому, написав: "Посмотрите это (интересно) и верните. Я сегодня буду говорить с Харьковом".(Ленинский сборник.XX.С.151). Вопреки советам и мнению украинских руководителей Ленин счел возможным перевести Сырцова на более высокий пост в Москву. Вероятно в этом сказалось его желание не раздражать лишний раз украинских лидеров и в то же время подчеркнуть свое уважение к Троцкому и Пятакову. В любом случае эта небольшая интрига в партийной верхушке весьма показательна для внутрипартийных отношений 20-х гг., для понимания характера внутриэлитных процессов.

Начался новый этап его жизни, как и всего советского общества, вступившего в период нэпа.

С.И.Сырцов был одним из многих региональных лидеров, выдвинувшихся в годы гражданской войны в первый эшелон руководства. Проявленное в 1917 г. стремление к мирным способам борьбы, к соглашениям и компромиссу, сменилось у него значительно более радикальным видением окружающей действительности и прежде всего казачьей проблемы. Это было характерно для всей большевистской элиты, чьи мировоззренческие и нравственные устои заметно видоизменились. Казачий вопрос на Юге России решался коллективными усилиями элиты, начиная от В.И.Ленина, Л.Д.Троцкого, Я.М.Свердлова, И.В.Сталина, Г.К.Орджоникидзе, Г.Я.Сокольникова, братьев Трифоновых и заканчивая донскими деятелями. Роль Сырцова в этом ряду нельзя ни недооценивать, ни переоценивать, ибо он был доверенным лицом Свердлова. Его деятельность как типичного большевика-интеллигента отразила всю глубину утопических убеждений, фанатичной веры в мировую революцию. Предлагая ЦК и Донбюро варианты решения казачьего вопроса, он и его коллеги исходили из представлений о контрреволюционности казачества в целом как военного сословия, не учитывая его качеств как субэтноса. Исходя из прагматического понимания задачи удержания власти после поражения Донреспублики и из коммунистической доктрины, ЦК и Донбюро перешли к террористическим формам расказачивания на грани геноцида. Сопротивление казачества, вылившееся в победоносный мятеж, заставило большевистских лидеров перейти к тактике дифференциации казачества, но стратегический подход остался прежним: решительностью и жестокостью приблизить победу в войне.

Военно-коммунистический прагматизм был слабее выражен среди той части большевистской элиты, которая с первых дней революции занимала более умеренные позиции. Кроме того, большевики казачьего происхождения ближе к сердцу воспринимали трагедию казачества и способствовали смягчению террора. В целом появление двух тенденций в решении казачьей проблемы стало отражением разногласий между ленинской линией и право-большевистской тенденцией, но в значительно видоизмененном виде. Прежние большевики-либералы стали радикалами, а их решительные оппоненты превратились в ряде случаев в прагматиков-экстремистов, готовых во имя победы в гражданской войне преступить нравственный порог. Радикализация и экстремизация политической элиты стали главным итогом этого этапа.

Таким образом, первые два десятилетия XX века стали периодом формирования, становления и утверждения большевистской политической элиты как достаточно замкнутой общности деятелей, объединенных марксистской доктриной, революционным опытом и властными функциями. Для членов этой группы был характерен приоритет социального над индивидуальным, игнорирование самоценности личности, идеологическое сектанство, нетерпимость к инакомыслию, духовный аскетизм, этический и правовой нигилизм, жертвенность и партийное товарищество. Слой пролетарских революционеров состоял в основном из представителей интеллигенции дворянского и мещанского происхождения, маргинальной люмпенинтеллигенции и рабочих - "передовиков". В условиях самодержавия этот слой стал одной из партийных контрэлит, готовившейся к приходу к власти. Особенности членского состава большевистской контрэлиты предопределили

противоречивый характер взаимодействия между революционерами-эмигрантами и подпольщиками-комитетчиками, интеллигентами и рабочими, местными региональными кадрами и присланными из центральных инстанций работниками. Различное происхождение, образование, качество усвоения марксистской теории и понимания российской действительности, характер революционной деятельности обусловили формирование в большевистской элите двух крыльев: интеллигентского, относительно умеренного, немногочисленного и неорганизованного меньшинства, и якобинско-пролетарского радикального, организованного и сплоченного политической волей В.И.Ленина большинства. Эти противоречия проявились после Октябрьской революции в новой политической элите. Но произошедший отказ от сотрудничества с социалистическими партиями, проведение красного террора и другие акции ударили в кочечном счете как бумеранг по самой элите, сделав ее заложницей собственной политики. В ходе гражданской войны партийная верхушка усугубила заложенные в ней ранее черты нетерпимости и подозрительности и сплотилась в относительно замкнутую, устойчивую властную группу, ориентированную на централистское, военно-коммунистическое управление обществом. Сомнения и колебания, всесторонний анализ и стремление к компромиссам сменялись фанатичной уверенностью в правоте избранного пути. Радикализм стал доминантой в развитии элиты, в то время как демократические черты стали проявляться как рецессивные признаки с тенденцией к исчезновению.

III ГЛАВА. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАСКОЛ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ

§1. Бюрократизация советского государства и в годы нэпа и роль большевистской политической элиты.

Окончание гражданской войны в России растянулось на несколько лет. После разгрома Врангеля и войны с Польшей новая власть почти два года боролась с мятежами и политическим бандитизмом. В силу этого РКП/б/ оставалась жестко организованной и дисциплинированной машиной, управляемой поредевшей, но по-прежнему спаянной большевистской элитой во главе с В.И.Лениным. В партии насчитывалось в это время около 400 тысяч членов, 10 тысяч "ответственных работников", несколько сотен представителей старой гвардии, регулярно участвующих в съездах, конференциях и пленумах ЦК, десяток высших сановников - т.н. "вождей".

Процесс сужения политической элиты, начавшийся в войне, продолжился в новых условиях. Резкое сокращение армии, прежде всего, политического состава, превращение Реввоенсовета из чрезвычайного органа в обычный наркомат поставили вопрос о судьбе таких военно-политических деятелей как Л.Д.Троцкий, В.А.Антонов-Овсеенко, С.И.Аралов, С.И.Гусев, К.Х.Данишевский, П.А.Кобозев, К.А.Мехоношин, М.М.Лашевич, В.И.Невский, А.И.Окулов, Н.И.Подвойский, Ф.Ф.Раскольников, А.П.Розенгольц, Л.П.Серебряков, И.Т.Смилга, И.Н.Смирнов, Э.М.Склянский, К.К.Юренев и целый ряд др. Сохраняя членство в партийных комитетах высших инстанций, они, как правило, не имели доступа к аппарату и рычагам партийного руководства и оказались в роли голосующих при реальных цекистско-совнаркомовских властителях. В стороне от власти оказались многие лидеры профсоюзных и других общественных организаций.

Серьезные изменения в составе элиты должны были произойти в связи с трансформацией самого характера руководящей деятель-

ности. В гражданской войне успех и эффективность стали возможны благодаря всеобъемлющей централизации, полувоенной дисциплине и самопожертвованию при широком привлечении старорежимных военных специалистов и использовании методов "красного террора" по отношению к своим и чужим. В мирное время стало необходимым скорректировать все эти элементы в сторону умеренности и гуманизации. Еще до принятия курса на нэп И.Т.Смилга писал, что новое время нуждается в "дифференциации и специализации отбора членов партии под углом их пригодности для управления государством", оно требовало "не все хорошо знающего и поэтому ничего хорошо не значющего партийного профессионала, а ответственного практика, комиссара или специалиста в определенной области... Когда-то бывший единый тип члена партии отошел в историю. Внутри партии появились управляющие и управляемые, стоящие на верху советской лестницы и внизу ее"[I]

Эти объективные обстоятельства, дополненные сложными личностными взаимоотношениями, наложившиеся на старые противоречия группового характера, вызвали к жизни болезненный процесс перегруппировки кадров большевистской элиты уже при жизни Ленина. С осени I92I г. основатель советского государства начинает отходить от повседневного руководства в виду ослабления здоровья, дав тем самым свободу рук Г.Е.Зиновьеву, Л.Б.Каменеву, И.В.Сталину, Л.Д.Троцкому и В.М.Молотову. Все бразды власти были сосредоточены в руках "тройки" в составе Каменева, Зиновьева и Сталина ставшего в I922 г. генеральным секретарем ЦК РКП(б). Эта тройка стремилась отстранить от руководства своего главного соперника - Л.Д.Троцкого. и одновременно сократить влияние сформировавшейся партийной элиты. Для

I. Смилга И. На повороте. (Заметки к X съезду партии). М., 1921. С.7.

политической элиты 20-х гг. и, прежде всего, большевистской партийной интеллигенции, как ее составной части, был характерен фейерверк личностей, ярких индивидуальностей, имевших самый разнообразный жизненный опыт и общую выучку революционной борьбы. Пропустив через свой опыт и интеллект информацию о положении дел в стране, они представляли в распоряжение руководства партии множество концепций решения принципиальных проблем. В ходе дискуссий под руководством В.И.Ленина вырабатывались и принимались необходимые варианты развития. Благодаря силе своего интеллекта, авторитету и политической воле В.И.Ленин обеспечивал сотрудничество и взаимодействие различных групп и поколений членов партии, их лидеров.

В.И.Ленин оценивал разгоравшиеся дискуссии как проявление внутрипартийной борьбы, недопустимой в условиях общего кризиса в стране. Но при этом он призывал разбираться в сущности разногласий, выявлять конкретное развертывание и видоизменение их на разных этапах, критиковать группы инакомыслящих, исходя не из факта их образования, а из степени обострения фракционного противоборства. Он поддержал тезис Троцкого о том, что нужно выявлять в позициях сторон рациональные элементы, так как "идейная борьба в партии не значит взаимное отметание, а значит взаимное воздействие". В.И.Ленин настоял на запрещении фракций и введении пункта о возможности исключения членов ЦК за фракционность, но одновременно писал о необходимости создания демократической атмосферы в партии, исключающей возникновение фракций. Для этого нужно было развертывать демократизм, самодеятельность, издание дискуссионных сборников. Он отмечал, что каждый коммунист вправе заниматься вопросами теории самостоятельно и иметь "уклон мысли", при условии сохранения организационного единства партии. Ленин обращал внима-

ние на важность воспитания у руководителей умения работать с инакомыслящими, с инакоподходящими к делу, которые в сочетании с организаторскими способностями большевистских лидеров могут обеспечить наиболее эффективное решение народнохозяйственных проблем. Характеризуя в последних статьях своих соратников, он отказался от термина "оппортунизм" и писал, что их ошибки нельзя ставить им в вину лично. Но Ленину не удалось эти принципиальные идеи изложить в императивной форме, исключающей иные толкования. Скрыв одни письма, вольно интерпретировав другие статьи, предупредив местные парторганизации о необходимости учета влияния болезни Ленина на содержание его писем, Сталин и его сторонники отказались осваивать содержание ленинских идей. Более того - Сталин еще в период работы X съезда подталкивал В.И.Ленина к ужесточению внутрипартийных отношений, направляя ему подтасованную информацию о близящемся развале партии и намекая, что только аппарат ЦК может обеспечить "стабильное большинство".

В.И.Ленин был убежден, что только проверенные и испытанные кадры большевиков могут быть основой формирования всех высших звеньев большевистского руководства. Но ребром вставал вопрос - в чем заключается критерий проверенности и испытанности, кто был более достоин, а кто менее? В условиях послевоенного развития, когда произошли сдвиги в классовой структуре общества, усилилась пауперизация и люмпенизация трудящихся масс, деклассирование пролетариата,резко возросла роль большевистской интеллигенции и в целом партийной элиты. В марте 1922 г. В.И.Ленин высказал принципиальнейшее положение в письме к В.М.Молотову: "Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее

составом, а громадным безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией"[1]

Уверенность Ленина в том, что партийный авангард знает лучше самих трудящихся масс и рабочего класса, что лучше для них, обусловило его подход к организации политической элиты, ее институционализации. Он потребовал от аппарата ЦК разработать вопрос "Об изучении состава ответственных работников коммунистов с точки зрения их пригодности к работе разного масштаба и разного рода"[2] При этом он дал указания о распределении кадров в соответствии с их склонностями к определенным видам работы и даже дал советы относительно методики учета: "нужны карточки на несколько сот (для начала) крупнейших работников партии с делением на пропагандистов, администраторов, агитаторов, преподавателей и т.п. с отзывами об их работе (стаж - пять, скажем последних должностей) со стороны таких-то (4-6) лиц. А мы гонимся за тысячами и сотнями тысяч, играя в бюрократические бирюльки и не учась распределять людей"[3].

В.И.Ленин стремился в это время к уравновешиванию демократической и аппаратно-централистской тенденций в партии. Но центристские взгляды, балансирование между требованиями оппозиционеров и аппаратчиков оказались непосильной ношей для больного вождя партии. Каждый сколько-нибудь значимый деятель претендовал на свое понимание проблемы внутрипартийной демократии, притягивая "за уши" те или иные цитаты из работ В.И.Ленина или резолюций съездов столь богатой на историю партии. Идеи Ленина о необходимости демократии в партии при функционировании специально

---

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч.-Т.45. - С.20.
2 Ленинский сборник. № 36. - С.328.
3 Там же. - С.426.

подобранного аппарата - подсобного инструмента для управления страной не воспринимались партийными "демократами" и "централистами", игнорировавшие необходимость учета интересов центра и периферии, руководителей и исполнителей, лидеров и масс.

В партии стали развиваться болезнь "низов" - анархизм, а у "верхов" - "болезнь отрыва части работников от масс и превращения некоторых лиц, а иногда целых группок людей, злоупотребляющих привиллегиями, переходящих все границы дозволенного.[1] Это объяснялось тем,что партия состояла не только из "революционно-боевой" части пролетариата и крестьянства,наряду "с"испытаннейшими революционерами-подпольщиками из интеллигентской среды",но и их примазавшихся,чуждых элементов.[2] Переход к нэпу усилил противоречия между "верхами" и "низами". Демократически настроенные деятели партии, такие как Лутовинов, Медведев, Кутузов, Бубнов, Коллонтай, Сапронов и др., видели выход в развитии равенства всех партийцев перед уставом,в ликвидации "военщины" во внутрипартийных отношениях. Но фактически речь шла не о всей партии, а о той части старой большевистской гвардии, оттесненной на второстепенные позиции.Сконцентрировавшись в группах "демократического централизма" и "рабочей оппозиции",они повели резкую критику авторитарно-бюрократических тенденций в развитии режима. Полемика на X съезде РКП(б) отразила неоднозначность позиций как Ленина и его сторонников,так и оппонентов во главе с А.Г.Шляпниковым.Поражение "рабочей оппозиции" способствовало утверждению централизма,иерархизма в построении партии,системы привиллегий.Победоносная партия и ее ЦК, сохранив милитаристские

1. Партийная этика: Документы и материалы дискуссий 20-х гг. М:Политиздат, 1989.- С.126.
2. Там же.- С.155

организационные основы, переключилась вновь на борьбу, но уже с инакомыслием в своих собственных рядах. Создавалось послушное большинство во всех партийных инстанциях. Чистка партии 1921 г. позволила вывести из нее многих политических оппонентов (Известия ЦК РКП(б).- 1921.- № 33. - С.40-41).

Попытки отдельных местных организаций, вроде Архангельского губкома партии, противостоять расколу партии на "праведных" и "чуждых", были пресечены на корню. В результате чистки 20,9% членов партии было исключено, а 2,8% добровольно вышли из ее рядов.

Г.Е.Зиновьев на XI съезде РКП(б) высказал ни кем не оспоренное положение о том, что партия закономерно обладает "монополией легальности", отказав в силу "железной логики нашей революции" в политической свободе своим противникам - меньшевикам и эсерам. Но по этой причине целый ряд различных групп и течений - крестьянские, новобуржуазные, "рабочая оппозиция", интеллигентские сменовеховские образования, которые при другом режиме сформировали бы свои партии, вынуждены стремиться войти в единственную легальную партию - коммунистическую. Это не злонамеренные элементы, а "просто наиболее активная часть населения, которая хочет участвовать в хозяйственной жизни". И далее Г.Е.Зиновьев сделал логичный прогноз: "нэп отразится на нашей партии и остро поставит проблему неравенства в партии и создаст кучу всяких других проблем, особенно для товарищей, поставленных у верхушки промышленного строительства. Он создаст много мелких перегруппировок, которые, если вовремя не увидеть, могут привести к омертвлению партийного организма".[1] Чтобы не допустить этого, говорил Зиновьев,

---

1 XI съезд РКП(б): Стенографический отчет.-М. 1961. - С.743.

необходимо укреплять партию как правящую организацию, контролирующую всю государственную жизнь, поставляющую из своей среды кандидатов на руководящие посты в советах, профсоюзах и т.д. Съезд фактически признал превращение партии из партии, выражавшей определенные интересы определенных слоев населения, в "партию-государство", в особый аппарат политического и духовного воздействия на народ. Партия стала растворяться в госаппарате, трансформируясь из революционной в управленческую организацию со структурами массовой поддержки и подпитки. Процесс огосударствления партии в основном происходил в годы гражданской войны и начальный период нэпа.

Это выражалось в том, что партийные органы принимали решения административного характера, превращаясь в официальную инстанцию с государственными функциями.

В начале 1921 г. некая "организация низов РКП(б)" направила письмо в ЦК, в котором указывалось, что в партии "завелся страшный бюрократизм, доходящий до старорежимного жандармского покроя. Завелась страшная канцелярщина ... личные счеты, подлизывание, сплетни, злоупотребления и заискивание и явное социальное неравенство"[1].

Начался процесс отчуждения рядовых коммунистов от политического процесса, реальное участие в котором было закреплено за обладающими властными полномочиями партийными руководителями. Но в начале 20-х гг. этот процесс не был еще широкомасштабен и официозен. Сохранялась практика выборности, критики, контроля за поведением руководителей и других проявлений демократизма, принимавшего постепенно всё более централистский характер. Когда

---

1 Учительская газета.-1990.-№ 23. - С.11.

в июле 1921 г. активизировалась разогнанная "рабочая оппозиция", то ее заявление "22-х" было резко осуждено всеми партийными инстанциями, в т.ч. XI съездом. Но при этом произошел казус - альтернативная резолюция В.Антонова-Овсеенко набрала 215 голосов против 227 на съезде, что свидетельствовало о том, что процесс перерождения партии еще был далек от завершения.

Накануне XII съезда в партии распространялся документ "Современное положение и задачи пролетарского коммунистического авангарда", получившая известность под названием "анонимная платформа". В ней был поставлен давно дискутируемый вопрос об отмене пункта резолюции X съезда о запрете фракций, допуске беспартийных интеллигентов на все советские должности, выводе советов из-под контроля партии, уничтожении монополии коммунистов. Подобные идеи были чрезвычайно похожи на мысли, развивавшиеся в статьях и речах Осинского и Сапронова, Красина и частично Троцкого.

XII съезд стал значительной вехой в становлении авторитарно-бюрократической и партийной элиты над обществом и государством. Здесь Сталин впервые открыто заявил, что демократизм не нужен, а инокомыслящие вредны. Внутрипартийная демократия мешала становлению централизованно-иерархической политической системы, противоречащей объявленной демократической сущности Советов и Коммунистической партии как авангарда рабочего класса. Сталин считал, что если во внутренней борьбе в руководстве есть определенный положительный смысл, то в широком учете реального мнения партийных масс, обеспечении их влияния на выбор путей,решений,альтернатив и т.д. нет никакой необходимости.

И.В.Сталин на словах отрицал идеи диктатуры вождей и диктатуры партии, но фактически он уже в это время организационно-

политически подготовил условия для функционирования этого режима. Ему претил интеллигентский анархизм большевистской элиты, претендовавшей на обсуждение и разработку своих вариантов политики наравне с официальными партийно-советскими органами. По его мнению, члены партии с дооктябрьским стажем, как бы ценны и немногочисленны они и не были, должны быть включены в общую систему кадровой политики ЦК РКП(б), который держит все в руках и осуществляет руководство. Через своих доверенных кадров ЦК контролирует все отрасли управления, весь промышленный комсостав, все общественные организации. Главным средством для достижения этой цели является аппарат ЦК и местных комитетов партии. Кроме того, "в политической области для того, чтобы осуществить руководство авангарда класса, т.е. партии, необходимо, чтобы партия облекалась широкой сетью беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передает свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распыленной массы превращается в армию труда"[1].

Резко осуждая фракции и оппозиционные течения в партии, носящие организованный и упорядоченный характер, Сталин поощрял межличностные конфликты, видя в них средство укрепления аппаратного ядра в партии. Он прямо указывал: "склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны... 9/10 склок и трений, несмотря на непозволительность их форм, имеют здоровое стремление добиться того, чтобы сколотить ядро, могущее руководить работой... Вот та здоровая сторона склок, которая не должна быть заслонена тем, что иногда она принимает страшно уродливые формы в виду разнородности и разношерстности нашей партии".[2] В это время

1. XII съезд РКП(б). 17-25 апр.1923 г.: Стенографический отчет.-М., 1968.-С.55.
2. Там же.-С.66

против Зиновьева и Каменева выступили С.В.Косиор, Ю.Лутовинов, Н.Осинский. Они требовали прекращения групповщины в верхах партии, реальной демократии в партии, свободы критики и дискуссий. Сталин грубо и бесцеремонно угрожал тем, что они наткнутся на стену, о которую разобьют себе голову и т.д.

Полемика на съезде закончилась компромиссом - выход из ситуации был увиден в укреплении позиций старой партийной гвардии, которая в силу исторических традиций обладала иммунитетом против нэповского бюрократического перерождения партии. Был официально утвержден курс "на старого партийца" в формировании кадрового корпуса партийной иерархии. В частности, было принято решение о необходимости для секретаря губкома иметь дооктябрьский партстаж, секретаря укома - 3 лет, ячейки - I год. Это постановление институционализировало старую партийную гвардию именно как большевистскую политическую элиту.

Последовавшие после съезда события показали, что эти ограничения не спасают от групповой борьбы в верхах, всевозможных разногласий и бюрократизации аппарата. Пользуясь неоднородностью элиты, сталинская группа успешно вербовала себе сторонников и заполняла ими важнейшие участки управленческого аппарата, изолируя сторонников Л.Д.Троцкого, А.Г.Шляпникова и других лидеров оппозиционного толка. Дискуссии вокруг событий в Германии I923г., выявления подпольных организаций "Рабочая правда" и "Рабочая группа", пытавшихся пропагандировать идеи политического плюрализма, свободы слова, продемонстрировали усиление всевластия аппарата, бюрократизацию режима и политической элиты.

Против устанавливавшейся системы активно выступил Л.Д.Троцкий и поддержавшая его "группа 46-ти". Он прямо указал на прог-

рессирующее разделение партии на "секретарскую иерархию" и "мирян" - рядовых партийцев. Члены Политбюро ответили огульным разносом, отрицая все обвинения как абсолютно несостоятельные. Правящая верхушка считала, что управление сверху - неизбежное явление, централизованная партия рабочего класса не может себя иначе вести в государстве диктатуры пролетариата. Но учитывая авторитет Троцкого и его сподвижников, руководство ЦК предприняло маневр - приняло 5 декабря 1923 г. постановление "О партийном строительстве", в котором были использованы отдельные предложения группы 46-ти. Для части политбюро, возглавляемой Сталиным, это была, безусловно, только уловка с целью перехвата инициативы и сохранения имиджа демократов.

Написанная Троцким брошюра "Новый курс" обозначила очередной этап борьбы, в центре которого встала проблема взаимоотношения элиты - старой партийной гвардии и партийного молодняка, рвавшегося к власти. Подвергнув критике состояние внутрипартийной демократии, роль партийного чиновничества, Троцкий тем не менее не стал рвать связей с высшей политической элитой и не возглавил массы в их борьбе за обновление политического режима. Отсутствие лидера у оппозиции и мощное давление партаппарата предопределило итоги дискуссий. При всех различиях во мнениях у спорящих сторон, для них было характерно общее мнение о недопустимости политического нэпа - ослабления диктатуры пролетариата и введения плюрализма. Но если оппозиция считала возможным сочетать однопартийный режим с плюрализмом в партии, то большинство ЦК было убеждено в необходимости пресловутого единства. Н.И.Бухарин по этому поводу говорил: "чтобы поддержать пролетарскую диктатуру, необходимо поддержать диктатуру партии, которая немыслима без диктатуры старой гвардии, которая, в свою

очередь, немыслима без руководящей роли ЦК как властного учреждения".[1]

Руководители партаппарата категорически отрицали обвинения оппозиции в бюрократизации партии. Молотов заявлял, что партаппарат-это скелет партии, спасший ее в 1921 г. Бюрократизм в государстве в принципе неизбежен, с ним надо бороться постоянно и систематически, но не превращать борьбу в спекулятивный лозунг, как это якобы делала оппозиция.

Молотов и Каганович запретили самостоятельную трактовку циркуляров ЦК местными партийными организациями. Специальным постановлением Оргбюро ЦК от 30.XI.1922 г. был введен секретный порядок хранения постановлений ЦК. Был установлен специальный шифровальный код телеграмм из обкомов, ЦК. Секретари обкомов партии получили исключительное право распоряжаться секретной информацией о теневых сторонах жизни парторганизаций и контролировать прессу. Коммунисты с этого времени стали делиться на "посвященных" и "непосвященных" в тайны партии. Наконец, в целом в партии прослеживался устойчивый процесс перехода всей полноты власти от выборных органов - к исполнительным аппаратам этих органов, контролируемых первым секретарем - иерархом в номенклатурной "лестнице" партии. Секретариат ЦК контролировал прохождение вопросов через Политбюро и Оргбюро и держал непосредственную связь с губкомами. Объединенная ЦКК-РКИ оказалась не в состоянии контролировать высшие партийные инстанции, так как, во-первых, погрязла в пучине дел по контролю госаппарата всех уровней; во-вторых, сталинское руководство сделало ЦКК орудием борьбы против оппозиции - своеобразной партийной полицией.

По образцу партийных органов в госаппарате были созданы свои

1 РЦХИДНИ Ф.17. Оп.2. Д.109. Л.17.

учраспредотделы и секретные части по всем отраслям работы и ведомствам. Создав дублирующую систему номенклатурного контроля, Секретариат ЦК принял специальное решение о запрете этим органам ссылаться на партийные документы и решения учраспредотдела. Но иногда это лицемерие прорывалось наружу и получало огласку.

На учетно-распределительный отдел возлагались задачи статистического изучения состава партии, проведения партийных переписей, партийных мобилизаций на фронты, ответственные участки хозяйственного строительства. Работа на этом посту требовала от Сырцова качеств администратора, прежде всего, четкости, исполнительности, конкретности в сочетании, конечно, с пониманием существа партийной политики. Он начал работу с проведения летом 1921 г. переписи ответработников, которая заложила основу работы учраспредотдела. Была установлена следующая система учета кадров. Каждый комитет учитывал персонально те кадры, которые он распределяет: ЦК - губернских секретарей, губкомы - уездных и т.д. Персональный учет преследовал цель выяснения практического стажа, способностей и квалификации. С.И.Сырцов провел всесоюзное совещание учраспредотделов губкомов, на котором были приняты новые формы учета на основе дифференцированного подхода. Проведена работа по выдаче единого партбилета, упрощенного до минимума. Учет отныне производился не по партбилету, а по личной карточке, хранящейся в парткомитете. Под руководством Сырцова была развернута борьба с "местничеством" - зачислением в списки высших категорий местных работников по связям и знакомству без учета действительной ценности кадров.

К июню 1922 г. был налажен учет ответработников центральных учреждений, а с сентября этого же года начался учет резервов и

коммунистического студенчества. Именно с этого времени персональный учет и распределение стали твердой системой.

Центральной задачей отдела был пересмотр и обновление руководящих партийных кадров не только в аппарате партии, но и во всех общественных организациях. Так, в январе 1922 года Сырцов вошел в состав комиссии ЦК по изучению состояния кадров в профсоюзах и осуществлению перегруппировки партийных сил в пользу профсоюзных организаций. Комиссия признала положение дел не вполне удовлетворительным и поставила задачу укрепления руководства профессиональными союзами. Но при этом Сырцов и другие члены комиссии М.П.Томский и А.А.Андреев отметили, что обновление руководства должно происходить не механически, путем назначения и перевода коммунистов, а согласно требованиям устава профсоюзов. Это означало, что направляемый работник должен был зарекомендовать себя в профсоюзном движении и избран на основании демократических процедур.

Много внимания Сырцов уделял такому сложному вопросу как переброска партийных кадров из Москвы и Петрограда в провинциальные центры. Так, в начале 1922 года комиссия в составе Сырцова, Куйбышева, Аванесова подготовила материалы о переводе более 1000 коммунистов, в том числе членов коллегий, отделов ВСНХ, руководителей уровня заместителей и помощников ответственных лиц.

Известный умеренный деятель партии В.П.Ногин высоко оценил деятельность Сырцова на посту заведующего учетно-распределительным отделом. В качестве большого достижения отдела он выделил то, что ему удалось путем перекрестных характеристик и сопоставлений добиться "выявления физиономии каждого партийного работника, находящегося на учете" и в результате "мы можем рассчитывать,

что в ближайшее время наша партии будет действительно иметь прекрасный каталог своих сил". В.П.Ногин предостерег учраспредотдел от выполнения несвойственных функций, которые уже начали ему навязывать. Например, ведение учета беспартийных кадров, так как это ведет к подмене советского аппарата. В.П.Ногин счел возможным отметить стиль работы Сырцова. Он заявил, что лично наблюдал в приемной Сырцова "большой порядок и предупредительность как к работающим в ЦК товарищам, чтобы не обременять их лишними делами, так и предупредительность к тем, которые приходят".

Формально С.И.Сырцов отвечал за учет и распределение партийных кадров, фактически он непосредственно создавал, быть может, не осознавая этого до конца, особую социальную группу - партийно-государственную бюрократию или номенклатуру. Термин "номенклатура" не являлся в тот период чем-то предросудительным и означал перечень руководящих должностей, замещающих данным партийным органом, или список лиц, которые находятся в резерве на замещение. Под непосредственным руководством С.И.Сырцова был установлен перечень должностей, по которым производилось назначение и перемещение работников только с ведома ЦК, а на местах - с разрешения местных комитетов. Таких должностей было установлено 3500. Была учреждена вторая группа должностей в госаппарате, по которым назначение производится ведомствами, но с уведомлением ЦК. Для подготовки решений о перемещениях в Учраспредотделе было создано 7 комиссий, которые за один год пересмотрели назначения 1102 работников, аннулировав решения по 278 работникам. Главное внимание учраспредотдел сосредоточил на передвижениях работников высшего эшелона власти. Естественно, особо контролировалось выдвижение работников в партийный аппарат.

деятельность учраспредотдела была отражением и стимулятором принципиальных сдвигов в трансформации большевистской элиты при переходе к нэпу в условиях нарастания авторитарно-бюрократических тенденций. использование товаро-денежных отношений, принципов хозрассчета, допуск капиталистических элементов в экономику объективно требовало создания такого партийно-государственного аппарата, который был бы способен не только проводить мобилизации и переброски кадров, но руководить коммерческими структурами. Сам Сырцов, имевший коммерческое образование, отчетливо осозновал важность профессионализма в руководстве экономикой с элементами рынка и отмечал это в своих речах.

Учраспредотдел формировал госаппарат исходя из установки XII съезда РКП/б/: "поднять на высоту дело учраспредотдела, призванного сыграть большую роль в порядке дальнейшего подбора работников во всех сферах хозяйственного строительства и управления"[1] В этой связи внимание отдела было сосредоточено на высших хозяйственных и торговых органах: ВСНХ, наркоматах, трестах и т.д. В пределах этой кадровой группы отдел выделил наиболее важные органы, отнесенные к "командным высотам", и крупнейшие губернии. В рамках регионального руководства отдел выделил три категории кадров: 1. уездная группа, формирующаяся на основе ркомендаций низовых партячеек; 2.губернская, образуема на основе характеристик уездных комитетов; 3. областная, формируемая на базе аттестаций губкомов.

Самое высшее политическое руководство входило в номенклатуру политбюро и его состав регулировался нестолько отделом Сырцова, сколько специальным сектором в секретариате Сталина. В составе собственно элиты были следующие группы: 1."Вожди" - И.В.Сталин и часть членов Политбюро, пользовавшихся доверием генсека. В

1.КПСС в рез. ... Изд.8.-Т.2.-С.408.

середине 20-х гг. это были В.М.Молотов, Я.Э.Рудзутак, Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский, Ф.Э.Дзержинский, В.В.Куйбышев и др.;2.члены Политбюро-лидеры оппозиции, члены ОРГбюро, Президиума ЦКК, замреды СНК, первые секретари крупнейших республиканских и краевых парторганизаций (Москва,Ленинград,Украина и Северный Кавказ);3.Члены ЦК и ЦКК ВКП(б), наркомы и их замы,руководители отделов ЦК, в том числе и С.И.Сырцов. Это была действующая элита, насчитывавшая около 300 человек и постоянно обновлявшаяся за счет своего резерва из примыкающего слоя руководящих кадров регионального звена и хозяйственного руководства.Обновление шло как правило за счет вымывания оппозиционных элементов из ЦК и ЦКК .

Механизм функционирования элиты включал в себя обеспечение ее системой льгот и привиллегий.[1] Действительно в лечебно-санаторной и материальной помощи нуждалась большая группа партийцев-подпольщиков,чье здоровье было подорвано пребыванием в тюрьмах, ссылках,каторгах, на фронтах и т.д.Бесспорно и то, что часть большевиков действительно работала на износ, отдавая работе все свое время.В этой связи И.Т.Смилга оценивал попытки в ходе дискуссии о"верхах" и"низах" осудить пользование доппайками как"демагогические лозунги" и "фальшивые ноты",т.к."требование большей работы при меньшем питании значит ввести регламентирование подвига.В наших условиях это неизбежно должно привести к лицемерию и разложению"[2]. Бывшие революционеры не считали материальные льготы особыми привилегиями, а просто логичным восполнением затрачен-

1.Доклад комиссии ЦК РКП(б)и призидиума ВЦИК о Кремлевских привилегиях.//Неизвестная Россия XX век.Вып.2.-М. 1992.-С. 268-270.
2.Смилга И. На повороте. -М. , 1921.-С.18.

ных ими энергии и усилий во имя государства диктатуры пролетариата. Следует отметить, что действительно большая часть партруководителей того времени действительно сутками сидели на работе, не имели собственности и в целом довольствовались достаточно скромными запросами. Однако уровень жизни представителей элиты и их семей хотя и уступал нэпманскому, но превосходил уровень материального обеспечения трудящихся масс. Кроме того, в ряде случаев меры помощи и льгот превышали необходимый уровень и являлись замаскированной формой привилегий. Начиная с 1921 г. начала функционировать система иерархических номенклатурных привилегий, выразившихся в лечении в санаториях, предоставлении продовольственных пайков, деликатесов, предоставлении улучшенной жилплощади, загородных спецдач. Ярославский, Сырцов и Залуцкий направили в 1921 г. на места циркуляр, в содержании которого отразилась иерархическая система привилегий. В частности в документе говорилось: "До сих пор некоторые губкомы продолжают рассматривать учраспред ЦК не как аппарат учета и организации онного распределения партией, а как отделение наркомздрава и направляют товарищей в ЦК для лечения. Неоднократно указывалось и напоминается еще раз, что больных товарищей, нуждающихся в климатическом лечении, направлять на общих основаниях через губздравы в счет представленных им норм по разверстске наркомздрава"[1]

Между тем ряд деятелей ЦК и СНК получали возможность выезжать отдыхать за границу на лечение и отдых вместе с семьями. Оргбюро ЦК в июле 1922 г. приняло постановление "Об улучшении быта партийных работников", которое гарантировало уровень жизни 15 325 руководителям, а вместе с семьями – 74 470. Было введе-

1. ЦХДНИРО. Ф.12. Оп.1. Д.280. Л.5.
2. Аргументы и факты.-1990.-№27.-С.2.

на система должностных окладов по разрядам, 12 разряд – секретарь ячейки, 18 – член ЦК и т.д.

Неоправданный рост привилегий партработников создавал угрозу для нравственного авторитета партии, претендовавшей на роль авангарда трудящихся в их борьбе за социальную справедливость. В связи с этим и под влиянием активизации демократической оппозиции ЦК и ЦКК РКП/б/ издали секретный циркуляр №58, в котором намечались меры борьбы с излишествами в образе жизни руководителей. Было сформулировано требование сокращения продовольственных пайков, льгот при использовании отпусков, использовании дач и санаториев за госсчет семьями работников, организации чествований и приема подарков. При этом обращалось внимание, чтобы борьба с привилегиями не была превращена в борьбу "верхов" и "низов" и чтобы она не стала мелочным вмешательством в личную жизнь ответработников. Секретный характер циркуляра и бесспорная заинтересованность местных руководителей в устойчивом материальном обеспечении своих семей привели к тому, что циркуляр не стал известен широким партийным массам. Этот документ постигла участь резолюции Политбюро и Президиума ЦКК от 5 декабря 1923 г. "О партстроительстве", в которой были намечены меры по демократизации внутрипартийной жизни в русле требований платформы "46-ти". В условиях развития авторитарно-бюрократического режима ограничения прав и привилегий партийной верхушки не могли прижиться.[1]

С годами эта система приобретала все более развитой и структурированный характер, наполняясь самыми разнообразными формами привилегированного материального обеспечения партчиновников, официально получавшими партмаксимум на уровне квалифицированного рабочего. В 30-х гг. эта мишура была отброшена и партийно-государственная элита превратилась в оторванную от народа касту.

1. Справочник для контрольныхк комиссий.РКП/б/.–М.1923.С.14-17.

Но этот процесс не был одномоментным и включал в себя противоречивые аспекты, связанные с объективной необходимостью функционирования политической элиты как подготовленного кадрового корпуса руководителей.

Под руководством Сырцова учраспредотдел взял на учет в 1923 году почти 3000 партработников. С помощью учетной документации кадры были сгруппированы по 9 направлениям работы: партийная, профессиональная, советская, экономическая, промышленная, судебно-карательная, военная и охрана труда. Главным источником для формирования кадрового корпуса была элита большевизма - старая гвардия "подпольщиков". На каждого была заведена личная карточка, включавшая характеристики, биографии и дополнительные материалы. К марту 1923 г. по 81 губернии было взято на контроль продвижение по службе 2134 подпольщиков. Анализируя состояние большевистских кадров, учраспредотдел зафиксировал, что наиболее активной частью являются партийцы, вступившие в партию в 1912-1916 гг. Часть низовых работников стремится отойти от деятельности партиорганизаций. На губернском уровне участились случаи оттирания старых партийцев с должностей молодыми кадрами, стремящимися сделать карьеру.

О роли старых большевиков в руководящем составе страны говорят следующие цифры. Из 46 членов ЦК - большевиков с дореволюционным(дофевральским) стажем было 45, из 15 членов Президиума ВЦИК - 14, из 341 члена ВЦИК - 218 (64%), из 126 кандидатов в члены ВЦИК - 51 (40,5%), из 17 наркомов - 16 (94,1%), из 69 членов коллегий наркоматов - 52 (77,3%), из 112 секретарей губкомов партии - 70 (62,5%)[1].

---

1. Итоги партийной работы за год. (1922-1923).- М., 1923.- С.100, 102, 104.

Результаты бюрократического творчества Сырцова и его отдела воплотились в нескольких трудах: "Сборник инструкций по учету и распределению партработников" (М.:Красная новь, 1923); "Руководящие кадры РКП(большевиков) и их распределение" (М.: ГИЗ, 1924) и др. В последней брошюре С.И.Сырцов попытался объяснить, для чего понадобилась номенклатура в государстве, претендовавшем на развернутую демократию для всех трудящихся то есть большинства народа. Во введении говорилось, что привлечение к управлению сотен тысяч членов Советов "не дало гарантии успешного разрешения задачи управления". Такая гарантия дается только наличием "выпестованного Лениным в течение десятков лет идейно вышколенного и закаленного в бою кадра революционных работников". Именно поэтому и была создана система управления, основу которой составил "кадр партработников, распределяемый партийными органами, беспрекословно выполняющих предначертания партии, кадр дисциплинированных товарищей, осознающих необходимость этих назначений".

Отдавал ли Сырцов себе отчет, что принцип номенклатуры плохо совмещается с идеалами социализма, с народовластием? Судя по тому, как настойчиво он стремился ограничить назначенство на должности без учета мнений парторганизаций тех или иных органов, более широко использовать демократические нормы, напоминать о них в своих речах на всевозможных совещаниях, он видел опасность. В своей практической деятельности он пытался выйти за пределы управленца-бюрократа и проявлял инициативы, которые в конечном счете привели его к отставке.

Учраспредотдел под руководством С.И.Сырцова вел кадровую политику на основе сочетания старых, опытных кадров и молодежи, пытаясь обеспечить преемственность и сохранение лучших традиций.

В условиях возрастающего нажима Сталина, Молотова, Кагановича, требовавших жесткого контроля над персональными перемещениями руководителей, Сырцов пытался поставить кадровую политику на научные основы, создать систему, которая не зависела бы от политической конъюнктуры. Это привело к ослаблению позиций Сырцова на этом посту и впоследствии к его опале.

С.И.Сырцов в 1923 г. пишет на имя И.В.Сталина докладную, в которой сообщает о распространении среди партработников порочной практики совместительства Формально числясь на 5-10 должностях, такие руководители физически не успевают делать порученные им дела, так как им положено. Такая работа является во многом формальной и с профессиональной точки зрения неэффективной и поэтому Сырцов предложил принять меры по пресечению этой практики[1].

Сырцов был безусловно прав в своем требовании профессионализации управления, но он проявил известную наивность, непростительную для заведующего учетраспределительным отделом. Принцип профессионализма противоречил принципу номенклатурности подбора кадров по признакам политической и личной надежности с точки зрения генсека ЦК РКП(б). Предлагаемые меры в конечном счете подрывали смысл существования учраспредотдела и лишали партаппарат возможности держать в руках советских и народнохозяйственных руководителей. Это была последняя докладная Сырцова на имя Сталина. Он был направлен в Ленинград на идеологическую работу, что несомненно было серьезным понижением. На его место пришел новый работник - Л.М.Каганович, никогда не допускавший вольностей в проведении сталинской политики и проявлявший непомерную активность и энергию в реализации замыслов вождя, не считаясь ни с чем.

---

1 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.84. Д.480. Л.20.

Деятельность учраспредотдела подверглась накануне XIII съезда РКП(б) реорганизации. По решению Всесоюзной конференции РКП(б) из состава Организационного отдела был выделен самостоятельный Информационный отдел. Оставшиеся структуры Оргтотдела были объединены с Учраспредотделом и в результате возник Организационно-распределительный отдел. Официально было заявлено, что это позволит теснее связать организационную работу с распределением партийных сил, имея в виду хорошо налаженный учет кадров как в центре, так и на местах. Это объединение преследовало далеко идущие цели И.В.Сталина. Его явно не устраивала направляющая функция сырцовского отдела с претензиями на теоретические разработки. Связав воедино учет партийцев с их распределением и сменив С.И.Сырцова на более преданного ему Л.М.Кагановича, И.В. Сталин получил мощное оружие в деле превращения партии в "орден меченосцев", в полугосударственную струкутуру. Новый отдел обеспечил продвижение на принципиально важные посты в партии и государстве преданных лично вождю кадров и устранение инакомыслящих.

С этого времени процесс оформления номенклатуры и создания сталинской бюрократии резко ускорился. Кадровая политика сталинского аппарата была направлена на подготовку необходимых условий для замены строптивой старой партийной гвардии новыми кадрами.

Орграспредотдел в своей деятельности стал исходить из установки об обеспечении прочной связи рабочего класса и аппаратных структур. Предметом большой заботы было продвижение "рабочих от станка" в низовые, затем более высокопоставленные комитеты партии. Главным показателем единства рабочего класса и партийного авангарда считалось количество рабочих по происхождению и по профессиональной деятельности, выдвинутых в аппарат. Добиться необ-

ходимого процентного превосходства этой категории работников над остальными (крестьяне и служащие) было очень не просто, так как управленческая деятельность в рамках централизованного партийно-бюрократического государства требовала определенного уровня образования, теоретической подготовки в рамках государственной идеологии - марксистско-ленинской, наконец, определенных навыков, опыта работы. Это обусловливало тот факт, что во всех группах ответственных работников государственного аппарата партийная интеллигенция составляла половину, в области идеологической работы подавляющее большинство. Среди коммунистов Наркомпроса и органов печати 93% были интеллигенты, имевшие высшее и среднее образование[1].

В издании статистического отдела ЦК РКП(б) "Партия в цифровом освещении" опубликована таблица сравнительного анализа служащих коммунистов по социальному происхождению и социальному занятию. В понятие "социальное положение" включалась основная профессия или основное занятие, которое в наибольшей степени определяло, по мнению отдела, принадлежность работника к той или иной социальной группе. В этой таблице содержатся данные о том, что коммунистов-служащих по социальному положению в процентном отношении к составу РКП(б) на I января I925 г.–I9,3%, из них ответственных - 28,2, рядовых - I9,7, На основании этих данных статотдел подчеркивал, что коммунистов-служащих из числа рабочих должно быть не менее 50%[2].

В инструкции об определении социального состава организаций в партстатистике ЦК ВКП(б) разъяснялось, что социальное положение коммуниста - его положение в обществе определяется по его

---

1 Руководящие кадры РКП(большевиков) и их распределение.- М., I924. - С.I28.
2 Партия в цифровом освещении.-М., I926. - С.36.

основной профессии, дающей заработок. Она не должна смешиваться с занятием или работой, которую коммунист вел в данный момент опроса. Главным критерием определения социального положения коммуниста являлся характер труда, служившего источником средств для существования в течение наиболее продолжительного периода его биографии. Итогом такого понимания проблемы стало резкое расхождение между двумя показателями состава ВКП(б) – по социальному положению и роду занятий, достигавшее 20% и более. По данным переписи 1922 г. удельный вес рабочих по социальному положению составлял 44,4%, а по роду занятий – 10%, в 1924 г. в партии было 17,6% пролетариев и служащих, связанных с производством и транспортом (Правда, 1924, 18 января). Это вызвало необходимость резкого повышения уровня пролетаризации. Данной цели был посвящен знаменитый Ленинский призыв в партию 100000 рабочих. За один год в партию вступили 240 тыс.человек – 1/7 часть рабочего класса страны. В результате кампании удалось формально поднять показатель пролетаризации партии до 40%, но фактически это привело к размыванию партии огромным количеством малограмотных рабочих и крестьян. Абсолютизация роли рабочего класса, известное обожествление его всемирно-исторической миссии не позволяло увидеть реальный рабочий класс с его жизненными проблемами и желаниями.

Однако сравнивая негативные последствия отрыва партии от рабочего движения и искусственной пролетаризации партии, следует признать, что из этих двух зол второе было явно меньше. Поэтому В.И.Ленин так настойчиво советовал в последних письмах формиро-

вать органы руководства партией при максимальном участии рабочих. Он понимал противоречивость строительства социализма под руководством только профессиональных партийных функционеров - новой политической элиты, и доказывал необходимость максимально возможного привлечения трудящихся к работе в руководящих органах - ЦК партии, ВЦИК. Для подготовки рабочих к такой деятельности в начале двадцатых годов были подготовлены рабочие факультеты, куда ежегодно принималось 25 тысяч тружеников. Многочисленные рабфаки и курсы могли подготовить почву для решения этой проблемы, но для этого требовалось время. Важно было не только обучить, но и накопить определенный политический опыт руководящей деятельности.

Несмотря на целенаправленное внедрение рабочих в органы государственного и партийного управления, бюрократизация их продолжала нарастать. Это связано с тем, что сталинское руководство призывало к рулю таких рабочих, которые выполняли решения свыше, не внося своего корректирующего начала, личного творчества. Орабочивание партии носило специфический формализованный характер, что определялось не только характером руководства партии, а более глобальными причинами - противоречием между военно-коммунистической моделью правящей партии и объективной потребностью политического плюрализма, учета интересов широких слоев рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции.

Вожди большевизма понимали, что единственной гарантией от перерождения партии в условиях ее диктаторского положения в обществе может быть ее связь с рабочими массами, авангардом которых она была в дореволюционный период. В этих целях руководство при Ленине и особенно после Ленина взяло курс на искусственную

пролетаризацию партии. Были введены такие приемы и способы организации приема в партию широких кругов трудящихся, которые давали преимущественные права именно рабочим. Но возможности оздоровления партии таким социальным регулированием состава ее рядов были чрезвычайно ограничены. Несмотря на свою прогрессивную роль в развитии общества, в развитии народного хозяйства, особенно промышленности, российский рабочий класс не отличался высоким образовательным уровнем, а одного классового чутья было недостаточно для руководства страной. В партию стремились войти тысячи проходимцев, для которых правящая партия была не больше, чем кормушкой. Хотя Ленин предостерегал партию от превращения ее в "поганое стойло карьеристов" и настаивал на введении жестких ограничений, это не было учтено в должной степени.

В.М.Молотов выступил противником таких элементов демократии, как постановка на учет руководящих работников в производственные ячейки на предприятиях. Это не способствовало, оказывается, улучшению работы ячеек, а руководители получали возможность выдавать свое личное мнение за пролетарскую точку зрения. Такого козыря своим оппонентам сталинские бюрократы дать не могли. Поэтому Молотов предложил, чтобы за ячейками закрепляли наставников - проверенных товарищей, которые бы помогали рабочим осваивать линию ЦК. Кроме того, Молотов предлагал прекратить укрупнение производственных ячеек, так как это "уменьшает число партийных щупалец" для влияния ЦК на все стороны общественно-политической жизни. Для сталинцев было важно освободить рядовые парторганизации от возможности самостоятельно влиять на административно-

распорядительную работу верхов, так как все должно быть централизовано. Для местных ячеек главное – организация выполнения решений ЦК, а не разработка собственной позиции, – прямо писал В.М.Молотов.

В этой связи лицемерием выглядят его слова о том, что партии надо ориентироваться на рабочих, идущих "вместе со своим классом от рабства к власти".

В.М.Молотов подчеркивал значение старых большевиков-рабочих, своей дисциплиной и преданностью руководству партии дававших образец поведения для всех рядовых членов РКП(б). Он так писал об этом: "в великой и самой тяжелой борьбе по подготовке революции, в жестокой и беспрерывной борьбе с бесчисленными врагами организованно участвовала в партии очень небольшая часть теперешнего состава наших партийных организаций, а именно та часть, которая участвовала в нелегальных организациях нашей партии до революции. Эта часть и является наиболее закаленной, стойкой и верной делу революции, на них естественно вся партия и рабочий класс смотрят как на своих руководителей".[1] Для Молотова и всей сталинской бюрократии была важна не вся большевистская элита и ни в коем случае партийная интеллигенция, а именно рабочие-революционеры со свойственным им фанатизмом, категоричностью мышления, абсолютизированным классовым подходом и "пролетарским чутьем". "В условиях затянувшегося переходного периода понятно стремление опереться именно на эту часть партии в первую очередь, дать старым партийцам возможность наиболее широкого влияния на всю партию и рабочий класс в целом".

Процесс подготовки новых партийных кадров осуществлялся под

---

1 Молотов В. Вопросы партийной практики.–М., 1923. – С.43.

руководством агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б), который до 1924 г. возглавлял А.С.Бубнов, известный большевик-интеллигент. Он до революции учился в сельско-хозяйственной академии, революционную работу сочетал с научной деятельностью в области статистики, написав ряд работ под псевдонимами А.Глотов и С.Яглов. Бубнов был одним из руководителей октябрьского переворота в Петрограде и в ноябре помогал Сырцову в Ростове-на-Дону как представитель ЦК. В гражданской войне он был членом РВС армий и фронтов, причем в 1920 г. был членом Донского обкома партии. Как и Сырцов, он штурмовал Кронштадт и получил за это орден. В начале 20-х годов проявлял инакомыслие, поддерживал группу "демократического централизма", а позднее письмо "46-ти", но отошел от оппозиции и был назначен вместо строптивого В.Антонова-Овсеенко начальником ПУРа РККА. Не исключено, что А.С.Бубнов способствовал назначению на свое место завагитпропа - Сырцова, которого хорошо знал по прошлой работе на Дону, в ЦК, по Кронштадту.

Вернувшись из "ссылки", Сырцов приступил с Н.Н.Поповым и В.Г.Кнориным к руководству идеологической работой, став одновременно редактором журнала "Коммунистическая революция". Решая проблему воспитания нового поколения в партии - "ленинского призыва", агитпроп столкнулся с наличием ряда негативных последствий наряду с возможностью сократить наметившееся отчуждение партии от рабочего класса. Во-первых, в результате уменьшились роль и значение в партии интеллигентной части - старой партийной гвардии Во-вторых, резкое расширение состава партии, задуманное Сталиным задолго до смерти Ленина, вовлекало в партию массы малограмотных, неподготовленных, но исправно голосующих без "лукавых мудрствований" малоквалифицированных рабочих. В-третьих, часть из них вступала в партию ради привилегий и карьеры.

В течение февраля - августа 1924 г. в партию вошло 203 тысячи членов. Прием пополнения, напоминавший по своему характеру кампанию военной мобилизации, свидетельствовал о механическом, искусственном регулировании сверху этого процесса. Когда осенью 1923 г. в печати стала обсуждаться идея приема в партию 100 тысяч рабочих от станка, возникли серьезные возражения против этой акции. В частности, справедливо отмечалось, что партячейки не способны "прокалить и закалить" такое количество молодняка, более того - сами могут раствориться в этом массовом потоке и потерять свое лицо. Обсуждение проблемы шло вплоть до XIII партконференции, утвердившей решение о массовом приеме. Смерть Ленина придала этой давно задуманной акции эмоциональную окраску и безусловное оправдание, снявшее все возражения. На агитпропы партоpганов всех уровней была возложена задача ликвидации некоторых явно негативных последствий массового призыва в партию - снижение общего уровня образования, творческой активности, самостоятельности, инициативности.

По мнению Сырцова, 150 тысяч новых членов партии несут не только громадный неисчерпаемый потенциал энергии, но и "кучу всяких разных привычек и предрассудков", партизански-махаевские настроения, обывательские суждения о партии, о тёмных сторонах в партийной среде, элементы "чванства". Это приводило в ряде случаев к противопоставлению старых и новых партийцев. Чтобы ликвидировать эти противоречия, агитпроп во главе с Сырцовым принял целый ряд мер по повышению уровня политической культуры нового поколения партийцев через школы политграмоты и другие формы партийной учебы. В специальном циркуляре Агитпропа № 70 от 30 декабря 1924 года отмечалось, что школы политграмоты должны дать партийцу сумму политических знаний и помочь стать ему

"действительным ленинцем", способным противостоять напору мелкобуржуазных влияний, служить его действительной большевистской закалке против всякой возможности каких-либо уклонов от линии партии. Но на практике такая установка приводила объективно к воспитанию кадров будущей сталинской партии, которым следовало не много размышлять, а освоив ограниченный набор цитат, неуклонно бороться за претворение сталинских идей, разоблачая любых инакомыслящих.

В этом же циркуляре указывалось, что все политшколы должны быть ориентированы не на изучение современных внутрипартийных противоречий, а на разоблачение зафиксированного врага - троцкизма, так как "школа политграмоты должна быть не школой академического усвоения зачатков политических знаний, а школой борьбы за идейную выдержанность и железное единство партии и на почве подлинного, а не фальсифицированного ленинизма". А поскольку все школы работали под эгидой агитпропотделов, то критерии подлинного ленинизма определяли те руководители ЦК, которые ведали идеологической работой. До тех пор, пока руководство придерживалось относительно близких к Ленину взглядов, а именно в это время Сырцов возглавлял Агитпроп, партийные кадры воспитывались еще в духе традиций большевизма, но начало порочной "разоблачительной" тенденции было уже положено.

Сырцов уделял много внимания преодолению такого препятствия, как "техническая малограмотность большинства ленинского призыва". Значительный процент новых коммунистов мог только с трудом прочесть газеты, поэтому требовалось обеспечить овладение первоначальными элементарными навыками чтения, изучения ленинских трудов. В этой связи возникла опасность кустарнического натаскивания по

вопросникам, заучивания готовых ответов - кто есть кто и что есть что. Поэтому Сырцов поставил задачи повышения методического обеспечения школ политграмоты, ориентации на первоисточники, поднятия квалификации пропагандистов, хотя в условиях того времени практическое решение этих проблем было более чем затруднительно. Деятельность Сырцова была высоко оценена в отчете Центральной ревизионной комиссии на XIУ съезде ВКП(б).

В отличие от Сырцова Молотов иначе расставлял акценты в определении задач в связи с ленинским призывом в партию. Он подчеркивал, что в связи с расширением состава партии возрастает роль вождя как гаранта ленинского курса всех руководящих органов партии. Чтобы предотвратить нездоровые явления в партии, надо усилить роль старой партийной гвардии, ограничив внутрипартийную демократию на местах. Обеспечив избрание на руководящие посты секретарей губкомов из числа проверенных кадров, имевших дооктябрьский партстаж, можно не бояться происков оппозиции. Лидеры оппозиционеров в своей критике бюрократизации аппарата перешли на позиции мелкобуржуазных элементов, толкующих внутрипартийную демократию как ослабление диктатуры пролетариата. Молотов категорично заявлял, что в условиях нэпа абсолютно необходим партаппарат и выдержанные руководящие органы. Бюрократизм в любом аппарате неизбежен и его надо преодолевать, а не спекулировать на нем как чрезвычайной опасности, - считал Молотов. Ленинский набор в партию спасет ее от роста бюрократизма как "бурный поток, вливающийся в нашу партию, обновляющий ее и наполняющий ее свежим притоком пролетарской крови"[1].

Партии не страшна такая крупная прибавка малограмотных партийцев, так как у нее есть вождь и старая партийная гвардия. Еще

I Молотов В. Партия и ленинский призыв.- М., 1924. - С.45.

в 1917 г., доказывал В.Молотов, 9/10 состава партии состояли из революционного молодняка, а партия пришла к власти, ибо у нее был бесспорный вождь и его преданные соратники. Теперь, в новых условиях, писал Молотов в 1924 г., нужно учесть этот опыт, отказавшись от формальной демократии, воспитывать партию в борьбе с оппортунизмом под руководством ЦК РКП(б).

В.М.Молотов также предпринял попытку выявить принципы большевизма, Центральным из них он, подобно всем соратникам Сталина, считал единство и железную дисциплину. Он доказывал на примере меньшевиков, что свобода убеждений не может сочетаться со способностью к революционному действию. Полуинтеллигентский характер этой партии погубил ее. Ленинские уроки из истории революционного движения Молотов видел в необходимости: 1. знания марксизма; 2. революционности, смелости и бесстрашия; 3. отказа от революционной позы и утверждения реализма; 4. партийной дисциплины "стальной партии - монолита, чуждой расщеплению на интеллигентские и мещанские группы, течения"; 5. связи внутренних и внешних задач, интернационализма[1].

Сырцов и руководимый им Агитпроп ЦК направляли идеологическую деятельность партии в русло освоения ленинского теоретического наследия. Однако в атмосфере политической борьбы данный процесс означал не всестороннее изучение творчества Ленина, включая его просчеты и ошибки, а канонизацию определенных работ, фактов, отвечавших требованиям момента. В первую очередь изучались факты борьбы большевизма с меньшевизмом, роль отдельных групп и течений во время этой борьбы. Ленинизм признавался "как наиболее совершенно развитое учение Маркса" (13 съезд РКП). Коммунисты призывались к изучению истории, программы, тактики партии и советской

---

1 Молотов В. Ленин и партия за время революции.- М. 1924. - С.26.

хозяйственной политики на основе опубликованных работ Ленина, не исключая его последние письма. О последнем прямо не говорилось, но обязательно имелось в виду в силу полемики вокруг ленинского "завещания". 9 февраля 1924 г. на совещании в Агитпропе всех заинтересованных ведомств-Главполитпросвета, Наркомпроса, Культотдела ВЦСПС и др.- было принято решение о систематическом изучении ленинизма таким образом, чтобы оно не принимало "академического" характера. Это указание обосновывалось тем, что ленинизм - учение эпохи революционных действий, а следовательно, "целями революционного действия должно быть проникнуто его изучение"[1].

В послереволюционном обществе партия стала цементирующим центром, средоточием всех командных импульсов. Вынужденная взять на себя функции прямого распорядительства, рабочая партия стала терять черты политической партии как общественной организации, объединявшей передовых рабочих и интеллигентов. Было объективно невозможно соединить в себе функции выразителя собственных интересов рабочей массы, противостоящей работодателю - государству, национализировавшему промышленность, и самого государства, ориентированного на организацию самопожертвования рабочих во имя мировой революции. Партия в условиях послереволюционного развития закономерно отошла от специфического рабочего движения и трансформировалась в правящую структуру полугосударственного характера.

Перестроив свои структуры на удержание власти в условиях гражданской войны, большевистская партия не смогла вернуться после ее окончания к демократическим принципам своего функционирования. Развитие авторитарно-бюрократических тенденций, выра-

---

1 Агитпроп ЦК РКП(б): Материалы по пропаганде ленинизма. Вып.I.- М., 1924. - С.9.

зившихся в администрировании, формализме, заорганизованности, вождизме, конъюнктурной идеологизации, обусловило перерождение партийного авангарда в четкую элитарную группу, руководящий слой кадров, вставший над рабочим классом и всем обществом.

Закрепление элитизма руководства осуществлялось в сращивании партийного и советского руководства уже напрямую, без всяких ограничивающих и маскирующих барьеров. Полное взаимопроникновение партийных и советских струкутур достигалось принципом двойного представительства.

Эволюция элиты определялась усилением власти в руках партийного руководства, трансформацией партии в руководящее ядро общества, монополизацией легальной политической деятельности в стране. Партийная верхушка стала растворяться в госаппарате, трансформируясь из революционной партии в управленческую. Огосударствление партии закономерно вело к образованию оформленной политической элиты. Решения ЦК стали носить директивный характер и содержали, помимо политических, чисто административные решения.

Рядовые партийцы были фактически отстранены от политического процесса. Все полномочия принадлежали руководящим кадрам, отдавшим на откуп партячейкам только право на поддержку ЦК. Процесс бюрократизации партии и отчуждения ее элиты от партийных масс еще находился в стадии развития, но уже четко обозначился в сознании критически настроенных большевиков из оппозиционных кругов.

§ 2. Большевистские руководители в политической борьбе середины 20-х гг. по проблемам НЭПа и демократии.

Установившийся в начале 20-х гг. курс на новую экономическую политику позволил в кратчайшие сроки восстановить разрушенное войной народное хозяйство. Несмотря на очевидную эффективность, эта политика продолжала вызывать острые разногласия на всем протяжении ее существования, что было связано с несовместимостью ее рыночных основ с коммунистическими идеалами правящей партии. Это противоречие буквально мучило ту часть большевистской элиты, которая занималась теоретическим и политическим осмыслением происходивших процессов - то есть партийную интеллигенцию.

Этот весьма размытый слой деятелей партии включал в себя по социологическим признакам, прежде всего, занятию высококвалифицированным управленческим трудом, практически всю большевистскую верхушку, тем более, что многие кадровые работники происходили из образованных слоев общества дореволюционной России, имели высшее и среднее образование, занимались творческой деятельностью. Но учитывая такой системообразующий фактор российской интеллигенции, как оппозиционность власти и поиск принципиально новых вариантов общественного развития, к партийной интеллигенции можно отнести в основном сторонников различных уклонов и оппозиций. Преследуемые партийной и государственной тайной полицией оппозиционеры всех мастей проявляли мужество в отстаивании своих убеждений, поднимаясь иной раз до подлинных высот духовности.

После разгрома в 1923-1924 гг. т.н. "троцкизма", в 1925 г. образовалась "новая оппозиция" Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева, обвинившая руководство партии в сползании с пролетарского курса, в недооценке кулацкой опасности, приукрашивании НЭПа, искуственном смягчении его противоречий. Сокрушительное поражение зиновьев-

цев на Х1У съезде ВКП/б/ и в ходе внутрипартийных боев в Ленинграде, где десантировавшаяся группа сталинцев использовала все средства для дискредитации и изоляции оппозиционеров, застаивло их объединиться со своими былыми противниками - троцкистами. Объединенная оппозиция включила в свой состав таких видных большевиков как: В.Антонова-Овсеенко, И.Бакаев, И.Вардин, А.Воронский, И.Врачев, А.Г.Белобородов, Г.Беленький, Г.Евдокимов, С.Зорин, А.Ищенко, А.Куклин, Н.Муралов, И.Наумов, Е.Преображенский, А.Петерсон, Х.Раковский, К.Радек, Г.Сафаров, Л.Серебряков, И.Смилга, И.Смирнов, Л.Сосновский, М.Лашевич, И.Рейнгольд, Н.Крестинский, В.Яковлева и многих других.

Несмотря на свою левизну и радикализм, оппозиционеры не выступали против нэпа в целом и всячески подчеркивали, что борятся за ленинское понимание нэпа периода 1921-1922 гг. Они утверждали, что нэп в исполнении сталинско-бухаринского большинства ЦК перерос в антипролетарский "неонэп", противоречащий ленинизму. В их платформе говорилось: "Самодовольные администраторы, равняющиеся на начальство чиновники, мелкие буржуа, дорвавшиеся до командных постов и высокомерно глядящие на массы, все тверже чувствуют почву под ногами и все выше поднимают голову. Это все элементы неонэпа. За ним стоит устряловец-спец, а в следующем ряду - нэпман и кулак под фирмой крепкого мужика"[1]. В своих требованиях ограничения нэпа как курса на строительство социализма в одной стране левые оппозиционеры активно противостояли двум основным группам большевистской элиты, находившимся во временном блоке друг с другом. Первая группа была представлена умеренными, технократически мыслящими большевиками-интеллигентами, такими как А.И.Рыков, А.П.Смирнов, М.И.Калинин, Г.И.Петровский, Г.Н.Каминский, В.Я.Чубарь, Н.П.Брюханов и др.

1. Архив Троцкого.- М.: Терра.1991.- Т.3.-С.67.

Они активно использовали в своей деятельности по руководству экономикой подходы известных ученых Н.Д.Кондратьева, А.В.Чаянова и др. старых специалистов, работавших в структурах правительства.[1] Реформистские позиции заняла группа профсоюзных руководителей: М.П.Томский, А.И.Догадов, Г.Н.Мельничанский, стремившиеся к отстаиванию не интересов мировой революции, а насущных материальных запросов трудящихся. Особую роль в развитии реформистского течения сыграл Н.И. Бухарин и его "школа молодых профессоров", доказавшие возможность построения социализма в одной стране именно "отсталого типа", причем "черепашьими темпами". Н.И.Бухарин определил сущность нэповского развития производительных сил в деревне как накопление средств в индивидуальных хозяйствах, объединенных в кредитную и др. кооперации[2]. Бухаринский лозунг: "Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство, не беспокойтесь, что вас прижмут" поддержали в прессе В.Слепков, А.Стецкий, В.Богушевский, Л.Марин и даже "левый" Г.Я.Сокольников. Хотя под влиянием развернутой резкой критики этих деятели сбавили обороты в пропаганде этой точки зрения, тем не менее она стала крупным направлением общественно - политической мысли.

I. Л.Д.Троцкий писал, что в партгосаппарате чрезвычайно возросла роль "особой категории старых большевиков, которые примыкали к партии или активно работали в ней в период 1905г., затем отошли от партии в период реакции, приспособились к буржуазному режиму, занимали в ней более или менее видное положение, были оборонцами вместе со всей буржуазной интеллигенцией, вместе с нею же оказались вдвинутыми в февральскую революцию о которой в начале войны и не помышляли, были решительными противниками ленинской программы и Октябрьского переворота, но после победы или ее упрочения снова вернулись к партии, одновременно с тем, как буржуазная интеллигенция прекращала саботаж. Эти элементы мирившиеся более менее с третьеиюньским режимом, по самому существу своему могут быть только элементами консервативного порядка. Они за стабилизация вообще и против оппозиции вообще". Так описал Троцкий промежуточный слой элитных большевиков, находящийся между его оппозицией и сталинской бюрократией, которую можно обозначить как элитную технократию. См.: Троцкий Лев. Дневники и письма. Под ред. Ю.Фельштинского. -М. Изд-во гуманитарной литературы. 1994. С. 13.

2. ЦХДНИРО Ф.7. Оп.I. Д.210. Л.41.

Это течение поддерживали в середине 20-х гг. в виду конъюнктурных политических соображений радикально мыслящие лидеры партии, сгруппировавшиеся вокруг Сталина и окопавшиеся в аппаратных структурах ЦК и ЦКК ВКП/б/. На первых порах это было образование центристского типа, включавшее в себя группу ближайших сподвижников генсека Л.М.Кагановича, В.М.Молотова, Г.К.Орджоникидзе, В.В.Куйбышева, руководителей отделов ЦК, а также большую группу секретарей обкомов и крайкомов партии, в число которых входили К.Я.Бауман, С.А.Бергавинов, Я.А.Быкин, И.М.Варейкис, Я.Б.Гамарник, Ф.И.Голощекин, А.В.Горкин, А.А.Жданов, И.А.Зеленский, А.И.Икрамов, И.Д.Кабаков, А.Т.Карасев, Э.И.Квиринг, Н.Н.Колотилов, С.В.Косиор, А.И.Криницкий, Н.А.Кубяк, А.В.Медведев, И.И.Межлаук, А.И.Мирзоян, А.И.Микоян, А.М.Назаретян, И.П.Носов, П.П.Постышев, И.П.Румянцев, Б.А.Семенов, Д.Е.Сулимов, Б.П.Шеболдаев, Р.И.Эйхе и др. Тяготея к военно-коммунистическим методам управления, эти деятели в условиях нэпа проявляли прагматизм и технократизм, называемые троцкистами "делячеством и бюрократизмом". Направляемые Сталиным,секретари формировали региональные элиты на основе не старой партийной гвардии, а нового поколения "практиков", выросших на основе созидательной работы. Эту линию Л.Д.Троцкий оценил как уход от революционных традиций партии, уклон в кадровой политике, прикрываемый реакционными статьями против эмигрантов-партийцев в пользу "почвенных", коренных кадров[1]. Неосвоившие опыта международной социал-демократии и не имевшие теоретических наклонностей, оторвавшиеся еще до революции от своей "почвы", эти коренные секретари региональных парторганизаций не стремились к формулированию самостоятельных

1. Архив Троцкого.- М.Терра, 1991.- Т.2. - С.68-69.

концепций, вариантов развития или альтернатив. Они шли курсом упрочения политического режима большевистской диктатуры и сохранения своих властных функций в этих рамках, попутно решая в меру своих сил и возможностей конкретные социально-экономические проблемы. Эта группа была пока еще неоднородна и внутренне противоречива. В нее входили различные типы деятелей: сомневающийся и маневрирующий С.И.Сырцов, технократически настроенный,но быстро сориентировавшийся А.И.Микоян, бюрократ, карьерист-аппаратчик Л.М.Каганович и др. Сравнивая их конкретную деятельность в ходе разворачивавшейся полемики в среде большевистской элиты по вопросам нэпа и внутрипартийной демократии, можно составить отчетливое представление о позициях различных групп партийных верхов.

Важнейшим элементом внутренней политики правящей элиты был крестьянский,а на Дону - казачий вопрос,включавший в себя проблему отношения к развившимся в период нэпа неформальным тенденциям и объединениям сельского населения.Большевистская верхушка в принципе понимала, что рабоче-крестьянское государство должно выступать носителем благосостояния для всех трудящихся, независимо от их политической активности. Но интеллектуальные верхи, включая бухаринско-рыковское течение, глубочайшим образом прониклись военно-коммунистической психологией господствующей партии, не имевшей опыта серьезной парламентской деятельности и тяготевшей к тоталитарному правлению и поэтому при всех разногласиях видели перспективы строя только в рамках однопартийной диктатуры. Ликвидировав структуры небольшевистских партий, правящие круги тщательно контролировали поведение общественных сил,стремившихся к самостоятельности. В первую очередь они следили за партийными оппозициями, объединениями партизан-ветеранов, затем за

образованием крестьянских организаций, профсоюзов, объединений типа "крестьянского союза". Попытки образования такого союза имели место по всей стране, в том числе на Дону и Северном Кавказе, в Сибири и других регионах. Для предотвращения создания новых политических организаций, конкурирующих с ВКП(б), лидеры большевиков решили направить активность масс в русло советской подконтрольной демократии.

В своих речах и статьях Сырцов пропагандировал положение о том, что чем полнее будет идти вовлечение в дело государственного строительства широких масс, тем быстрее и прочнее будет достигаться коренная реорганизация общества на подлинно социалистических началах. По его мнению, развертыванию демократизации советов мешают два фактора: культурная отсталость большей части населения и пережитки "военного коммунизма" - назначенство и нажим на выборах. Это привело к бюрократизации советов, превращению их руководителей из исполнителей воли народа в начальников над ним. В этой связи Сырцов в своей книге "Советы в деревне и учитель" (М., 1926) доказывал важность осуществления партийной линии в советах через комфракции путем исключительно убеждения, проведения своих решений при помощи "критики и проверки их целесообразности через беспартийные массы". При этом сельские советы ни в коем случае не должны форсировать коллективизацию, так как путь "просвещенного абсолютизма" противопоказан советской власти, строящейся на основе самодеятельности и инициативе самого населения.

Анализируя избирательные кампании в условиях нэпа и осуществления линии "лицом к деревне", Сырцов естественно был обеспокоен проявлением организованности и активности зажиточных слоев деревни, поскольку это противоречило социально-классовым установкам большевизма. Но при этом он последовательно проводил идею о том,

что главным условием победы коммунистов на выборах является компетентность руководителей, отсутствие административного нажима, "накачивания" избирателей в "ударном" порядке и т.п. По его мнению, реальное укрепление рабочекрестьянского союза на нэповских принципах дает возможность создать прочно обоснованный правопорядок. От революционной целесообразности нужно перейти к соблюдению выработанных законов и ликвидации произвола, ибо "в царство коммунизма палкой не загнать!"

Сырцов писал, что в годы гражданской войны, когда крестьянство допускало известные колебания и шатания, приводившие его в объятия Деникина и Колчака, принуждение и борьба с ним были неизбежным злом. Но теперь, в условиях гражданского мира, партия должна через Советы укрепить смычку с беспартийным крестьянским населением. Эта прагматическая умеренная демократическая установка была характерна для демократической части большевистской интеллигенции, возглавляемой Н.И.Бухариным, А.И.Рыковым и др.партийными интеллектуалами.

Последовательно проводя эти идеи, Н.И.Бухарин и Г.Я.Сокольников поставили перед Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о пересмотре в русле новой линии "лицом к деревне" старой политики об отношении к казачеству. Этому в немалой степени способствовали докладные записки первого секретаря Севкавкрайкома партии А.И.Микояна, предложившего создать в национальных округах края казачьи автономные районы, что требовало пересмотра казачьей политики в целом. Получив "добро" Политбюро, краевые власти в лице А.И.Микояна, Н.В.Эйсмонта, В.Н. Толмачева и других деятелей провели в конце января 1925г. специальный пленум крайкома, обсудивший доклад С.И.Комиссарова о причинах возникновения на Дону в прошлом "Вандеи" и об кор-

рекции в новых условиях казачьей политики. Принятое постановление "О казачестве", как и другие аналогичные материалы Киргизского (ныне Казахского) комитета', группы инструкторов ЦК и ЦКК, изучавших ситуацию во втором Донском и Усть-Медведицком округах, отошедших к Царицынской губернии, доклад ОГПУ "О политическом состоянии казачьих районов СССР", были рассмотрены специальной подкомиссией ЦК РКП(б) во главе с С.И.Сырцовым, считавшимся в аппарате специалистом по казачьей проблеме.

23-30 апреля 1925г. в Москве состоялся Пленум ЦК РКП(б), на котором с основным докладом о совещании по работе в деревне выступил В.М.Молотов. С.И.Сырцов сделал содоклад "О положении казачества". На этом этапе позиции Молотова и Сырцова внешне практически не отличались, если не считать различной внутренней убежденности в правильности предлагаемой политики, что проявилось позднее.

Выступление Сырцова представляет интерес в связи с тем, что во-первых, оно показывает частичную либерализацию отношения лидеров большевизма к крестьянству и казачеству, во-вторых, оно характеризует морально-нравственные качества Сырцова как большевика-интеллигента.

Сырцов призывал к учету специфических особенностей казачества как самобытной группы и той роли, которую она сыграла в гражданской войне в силу экономических и политических причин. Отметив тяжелые последствия для казаков гражданской войны, ненависть к нему иногороднего крестьянства, он указал на опасность продолжения огульного отношения к казачеству как сплошной контрреволюционной массе, так как это привело бы к ослаблению социальной дифференциации казачества и снижению темпов его советизации. По его мнению, изменение казачьей политики в сторону ее либерализации и

демократизации диктуется не только политическими, но и экономическими факторами, так как казачьи районы представляют собой хлебную житницу, богатую разнообразным сырьем. В целом, он считал, что поскольку казачество представляет тип мелкого собственника, который в экономическом и культурном отношении гораздо выше крестьянина-середняка центральной России, постольку имеются и большие возможности для вовлечения его в русло социалистического строительства[1].

По докладу Сырцова разгорелась дискуссия, в которой часть членов большевистской элиты проявила недоверие к казачеству и опасения, что его возрождение может привести к негативным последствиям. Об этом говорил В.Я.Чубарь, Б.Н.Позерн, Н.Н.Скрыпник. В результате критики Сырцов согласился с некоторым ограничением предлагаемых мер, в частности, признал целесообразным не выносить казачий вопрос на предстоящий XII съезд Советов. В принятом тексте резолюции по докладу Сырцова ЦК утвердил новую политическую линию на тщательный учет особенностей социальной психологии казачества, развитие его военно-патриотических и иных полезных традиций, изживание сословной розни между казаками и крестьянами, полный отказ от насильственного расказачивания. В постановлении были зафиксированы конкретные шаги по восстановлению в избирательных правах реэмигрантов, привлечению казачьей интеллигенции, широкому вовлечения казаков в комсомол, кооперацию, ККОВы, использованию партийных казаков в руководящей работе, создании на Северном Кавказе казачьих национальных районов и т.д. В то же время,

1. РЦХИДНИ, ф.17, оп.2, д.179. л.56-74.
См., подробнее об этом: Кислицын С.А. Вариант Сырцова (из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 20-30-е годы).- Ростов-на-Дону, 1992.- С.83-91.

следует подчеркнуть, - это не означало отмену стратегического курса большевизма на нивелирование казачества, его постепенную ассимиляцию в крестьянской среде, то есть латентного расказачивания.

Работа Сырцова в качестве руководителя казачьей подкомиссии ЦК не была каким-то исключением, это был один из моментов его деятельности в аппарате ЦК РКП(б). Выполняя различные поручения руководства, он стремился к поиску оптимальных вариантов решения проблем не с позиций политиканства или слепого следования указаниям вождей, а на основе определенных идейно-политических установок мировоззренческого характера. Это качество было характерно для подлинной большевистской партийной интеллигенции, искренне болевшей за интересы дела строительства общества социальной справедливости.

Но наряду с такими представителями политической элиты, в ней существовал значительный слой деятелей, для которого на первом плане были вопросы укрепления централистского бюрократического режима в партии и государстве и своего личного места в рамках данной системы. Такие кадры сосредотачивались в основном в окружении И.В.Сталина, ряда других лидеров партии, боровшихся за личную власть в ходе внутрипартийной борьбы. Этот слой кадров, которых М.Горький называл "временными" революционерами, а Н.Бердяев - "людьми во френче", по мере усиления власти Сталина укрепляли свои позиции в руководстве и выдавливали из центрального партийного и государственного аппаратов творческих работников, проявлявших самостоятельность и инакомыслие.

Хотя Сырцов тогда не был замечен в радикальном несогласии с курсом Сталина, он не проявлял особой ретивости в выполнении его

указаний. В его статьях, посвященных критике оппозиций, прослеживался сдержанный тон, практически отсутствовали цитаты из работ Сталина, зато обильно цитировался А.И.Рыков. Обратил-ли на это внимание Сталин или нет - неизвестно, но вскоре после Х1У съезда ВКП/б/ Сырцов был перемещен на должность первого секретаря Сибкрайкома, то есть политического губернатора Сибири, что оторвало его от московской политической кухни. С одной стороны это было понижением, но с другой - эта должность позволяла ему проявить свои способности самостоятельного политика. Сырцов несомненно сохранил творческий потенциал, но начавшаяся бюрократизация партии, аппаратные игры, диктат вождя оказали негативное воздействие на его стиль работы и психологию как партийного иерарха.

Приезд Сырцова в Сибирь означал нечто большее, чем смена первого лица в крае. Вместе с бывшим первым секретарем С.В. Косиором, избранным секретарем ЦК, край покинули Ю.П.Фигнатер, И.П.Павлуновский, И.П.Растопчин, еще раньше ушли И.Н. Смирнов и В.Яковлева. Практически произошла смена региональной политической элиты. Среди причин были острые взаимоотношения Косиора с оппозиционером М.Лашевичем, сокращение партийного аппарата после районирования края, наконец обычная для того времени переброска кадров с целью недопущения обрастания связями, привыкания к месту и к населению. К осени 1925 г. край площадью 4,2 млн кв.км с населением 8,5 млн. чел. был переведен на новую систему административного деления: 9 округов, 257 районов с одним краевым центром, получавшим известную автономию от центра страны - Москвы.

Сырцов сформировал новый состав краевого руководства,

в который вошли председатель СНХ Н.Г.Терехов, зампред крайисполкома П.И.Шиханов, Л.М.Заковский – руководитель представительства ОГПУ и др.[1] От старого состава остались Р.И.Эйхе, Р.Я.Кисис, М.В. Зайцев. В течение 1927-1929 гг. в бюро крайкома входили так же В.Н.Кузнецов, В.Ф.Шарангович, И.М.Воронин, О.И.Чазова, А.И.Мезис, В.А.Каврайский, А.Я.Курганов, Я.К.Абрамов, Н.В.Куйбышев, Председателем СибКК был Ф.Ф.Ляскуткин, редактором областной газеты И.И.Шацкий. Членами крайкома были старый знакомый Сырцова по Донбюро С.Л.Лукашин, В.С.Корнев, И.С.Нусинов, В.Ф.Букатый, М.Н.Дьяков, В.Ю.Егер, Н.А.Базовский, Л.А.Папардэ и др. В своей массе это были "почвенные" работники – рабочие и интеллигенты с относительно небольшим партстажем.[2]

1. Итоги IУ краевой партийной конференции.-Новосибирск.1929. с.57. Моделотов И.А.Сибкрайком.Партийное строительство в Сибири. 1924-1930 гг.-Новосибирск; Наука, 1978.- с.40.

2. Кисис Р.Я. из крестьян, чл.РСДРП(б) с 1913 г., делегат 2-го съезда Советов, уч-к гр.войны, был в плену, работал секретарем губкома партии, делегат съездов ВКП(б); Кузнецов В.И. рабочий, чл.РСДРП(б) с 1917 г., секретарь окружкомов в Киевской и Тверской губерниях; Шарангович В.Ф. рабочий, чл.РСДРП(б) с 1917 г., работал в подполье, воевал в РККА, был диверсантом в Польше и приговорен к 20 г.тюрьмы. После обмена работал в прокуратуре в Белоруссии, в профсоюзах. В Сибири возглавил Сибкрайсовпроф; Воронин И.М. рабочий-литейщик, чл.РСДРП(б) с 1918 г., чл.2 Всероссийского съезда крестьян,депутатов, губернский работник,зампред.Сибкрайисполкома; Заковский Л.М. рабочий, чл.РСДРП(б) с 1913 г., с 1917 г. в ВЧК, воевал на Украине, награжден Орденом Кр.Знамени, полномочн.пред.ОГПУ по Сибири; Зайцев В.М. из служащих, чл.РСДРП(б) с 1917 г., участвовал в борьбе с бандитизмом, разгроме Кронштадского мятежа,пред.Сибкрайотдела, секретарь Новосибирского окружкома; Баранкин Г.В. рабочий,чл.РСДРП(Б) с 1918 г., комиссар парахода Волжскоц флотилии,комисса артиллерии при подавлении Кронштадского мятежа,пред.профсоюза горнорабочих; Чазова О.Г. из служащих, чл.РСДРП(б) с 1918 г., зав.женотделом крайкома; Комаров В.Ф. из служащих,чл.РСДРП(б) с 1918 г., в гражд.войне подпольщик,зав.отделом крайкома ВКП(б) Мезис А.И. рабочий, чл.РСДРП(б) с 1912 г., комитетчик-подпольщик, в гражд.войне комиссар корпуса, награжден Орденом Кр.Знамени, нач.политуправления СибВо; Каврайский В.А. из служащих чл.РСДРП(б) с 1917 г., служил красноармейцем, занимался пред работой, уполномоченный по финансам Сибири, зав.отделом крайкома ВКП(б); Абрамов Я.К. – горный техник, чл.РКП(б) с 1919 г., зам.пред.Сиббюро профсоюзов, пред.правления Сибугля.

Это была типичная для среднего эшелона большевистской системы власти региональная элита: четыре-пять опытных партийцев и большая группа проявивших себя в сражениях гражданской войны выдвиженцев, ориентированных на выполнение установок центра без колебаний и сомнений. Интеллигентный Сырцов своеобразно оценивал и понимал проблему взаимоотношения партийных кадров. По его мнению, новому поколению кадров "нужен известный период напряженной партийной выучки и живого практического опыта, чтобы они сумели проникнуться чувством бережного отношения к руководящим кадрам партии, составляющим ее костяк, привыкли смотреть на партию както иначе, чем на систему иерархических учреждений, связанных между собою формальной связью"[1]. Это идеалистическое пожелание только дополняло и внешне облагораживало сложившуюся систему, в которой региональное руководство было призвано выполнять функции "цемента общегосударственного единства", связующего звена между центром и периферией, опорной базы центральной власти для проведения намеченных преобразований и источника, откуда брались ресурсы и творческая энергия для партийного и государственного строительства[2].

В Сибири Сырцов в целом проводил на практике ту политическую линию, которую пропагандировал в печати, на совещаниях в учраспредотделе и агитпропе - на приспособление парторганизаций к нэпу, к его объективным требованиям. В противовес заявлениям оппозиции он писал: "хозяйственные задачи нашего времени заключаются в том, чтобы освободить производительные силы страны от тех пут, которые остались от периода "военного коммунизма". Но это не означает ставки на кулака и партия вовсе не идет, как в 1921 г., очертя голову в море рыночных отношений".

1. Итоги 1У Сибирской краевой партийной конференции...С.6
2. Бродович С. Губернские съезды Советов и губисполкомы.-М.: РАНИОН, 1928.- С.167.

Отдавая себе отчет в неизбежности роста зажиточных хозяйств, партия видит в этом важную ступень в накоплении средств для будущего развития страны. Поэтому важно не бороться с кулаком административными методами, а нужно просто "на законных основаниях охранить бедноту от вредных и разорительных форм эксплуатации"[1].

В отличие от левой оппозиции, Сырцов подобно Бухарину и его школе утверждал, что развитие капиталистических отношений в деревне под контролем государства не опасно. Кулацкие накопления надо активно использовать, направляя в русло легального функционирования. Говоря о развитии кооперативов, Сырцов обращал внимание на необходимость реальной ответственности их членов, являвшихся также членами партии, не только перед парткомами, но и перед выборщиками и самим кооперативом.

Критикуя "новую" оппозицию, Сырцов видел ее вред в том, что она предлагает "новейшую" политику, когда нет уверенности в том, что нэп проводится достаточно последовательно. Обращает на себя внимание тот факт, что Сырцов сосредоточился на экономической, бесспорно, ошибочной платформе оппозиции, обходя стороной требования зиновьевцев изменения внутрипартийного режима.

В первых же публичных выступлениях в Новосибирске Сырцов конкретизировал эти политические подходы применительно к местным условиям. Сибирь представляла собой значительный сельскохозяйственный регион с элементами крупной промышленности, незначительным городским населением и относительно зажиточным в целом крестьянством. Не желая ломать сложившиеся в годы нэпа отношения,

1. Коммунистическая революция.- 1925.- № 10.- С.8.
2. Сырцов С.И. Текущие политические и хозяйственные задачи // Известия Сибкрайкома ВКП(б).- 1926.- № 3.- С.3-11.

Сырцов призвал бедноту подняться до зажиточного уровня хозяйствования, овладев достижениями агрокультуры и активно используя кооперацию. Он писал, что в условиях НЭПа надо постоянно корректировать кооперативную политику, учитывая как хозяйственный рост, так и активизацию мелкобуржуазных слоев населения. Важным условием успешного развития кооперации Сырцов считал преодоление опасностей "органического происхождения" - бесхозяйственности, всякого рода злоупотреблений, хищничества и воровства. Все эти явления свидетельствуют о "нашей неподготовленности, неуменьи, о невозможности довериться тем людям, которые стоят во главе нашего государственного аппарата"[1]. В разросшемся бюрократическом аппарате кооперации Сырцов видел "выросшее на наших глазах средостение между партией и широкими массами рабочих и крестьянских масс", мешающее поставить кооперацию под контроль масс[2]. Следует отметить, что для Сырцова кооперация при всей своей значимости не была самостоятельным элементом, выходящим за пределы НЭПа. Как и большинство деятелей партии, он считал кооперацию хоть и важным, но вспомогательным элементом в строительстве социализма, не видя в ней настоящей функции нового общества. Он прямо писал: "Кооперация является не столько лавочкой, сколько средством организовать вокруг кооперативных хозяйственных задач силы трудящихся".

Но в отличие от многих большевиков, Сырцов указывал на огромные возможности простейших форм кооперации в деле подъема производительных сил деревни, особенно в области животноводства. Он полагал, что исходным пунктом подъема и рационализации сель-

1. Сырцов С.И. К ближайшим задачам кооперации в Сибири.- Новосибирск, 1926.- С.9-10.
2. Там же.

ского хозяйства Сибири является развитие животноводства, в первую очередь молочного хозяйства, не требующего значительных средств и доступного каждому индивидуальному хозяйству. Реорганизация молочного хозяйства на основе кооперации , по его мнению, последовательно вызовет потребность увеличения посевов ценных культур, увеличение производства зерновых, удешевление себестоимости производства. Более того - развитие животноводства в Сибири он прямо связывал с перспективой индустриализации региона. Средства на предполагаемое строительство в Тельбесе (Новокузнецке) металлургического комбината и развитие угледобывающих предприятий нужно найти не в наркомфине, говорил он, а в ходе интенсификации молочного хозяйства и прежде всего маслоделия, ориентированного на экспорт[1]. Сибирское масло имело высокую пищевую ценность и пользовалось большим спросом на мировом рынке. Оно отличалось сухостью и высоким процентом жира. Воды в нем содержалось 11,58 процента, в то время как, например, в датском масле ее имелось 16 процентов. В 1927-1929гг. за границу было отправлено 57 процентов заготовленного в Сибири масла - ежегодно 20,5 тыс.тонн стоимостью 25 млн.золотых рублей[2].

Исходя из реально имевшихся условий, Сырцов выдвинул вполне обоснованное положение, поразившее в первое время коммунистов, "сибирская корова вывезет к индустриализации". Это положение популяризировалось в форме лозунга - "На корове к Тельбесу!"

Опираясь на возможности края: богатые ресурсы, сильную кооперацию, трудолюбивое зажиточное население, можно не только всемерно способствовать созданию местной индустрии, но обеспечивать

1. РЦХИДНИ, ф.17, Оп.21, Д.3173, Д.3175, Л.93; Известия Сибкрайкома.- 1926.- № 7.- С.3-7.
2. Гущин Н.Я. Сибирские деревни на пути к социализму.-Новосибирск. 1973.- С.122.

продовольствием центральные районы России. Идеи Сырцова нашли поддержку у председателя Совнаркома СССР А.И.Рыкова и других деятелей советского государства, ориентировавшихся на развитие экономики в русле НЭПа. Естественно и закономерно Сырцов в своем выступлении на ХУ Всесоюзной партконференции приветствовал доклад А.И.Рыкова, призывавшего в противовес троцкистско-зиновьевской оппозиции к осторожности и сдержанности в осуществлении индустриализации. Сырцов в своем выступлении развил положение о том, что недопустимо проводить любой ценой индустриализацию в "каждом уезде", забывая о необходимости разделения труда и специализации экономических районов. Символично прозвучала концовка его речи на конференции: "сырьевая проблема, задачи в отношении сырья, технических культур и животноводства, которые выдвинул т.Рыков, чрезвычайно важны и совершенно правильны. Планомерное разрешение этих задач и в области промышленности, и в области сельского хозяйства обеспечит действительные успехи социалистического строительства"[I].

В своем стремлении к максимальному развитию производительных сил сельского хозяйства края С.И.Сырцов опирался не только на партийные силы, но и научную интеллигенцию Сибири.

Сибирские ученые-аграрники ориентировали сельское хозяйство Сибири на установление более рационального соотношения цен на промтовары и продовольствие , на установление эквивалентного обмена между городом и деревней, считая его обязательным условием стабильного развития. В сельском хозяйстве отстаивали паротравопольную систему, которая основывалась на использовании многолетнего клина сеянных трав. Данная система в силу ее сложности

I. ХУ конференция ВКП(б): Стенографический отчет.-М.,1927.-С.177.

и необходимости сокращения площади под зерновыми была целесообразна для использования в крупных индивидуальных хозяйствах. Это обстоятельство расходилось с классовым подходом, с ориентацией партии на интересы бедноты - сельского пролетариата. Однако Сибкрайком, несмотря на очевидное противоречие, принял решение, открывающее дорогу этому начинанию. 30 марта 1926 года бюро Сибкрайкома ВКП(б) заслушало доклад зав.Сибкрайзу П.Месяцева и приняло постановление "Об очередных задачах в области сельского хозяйства" В этом документе отмечалось, что реализация новой системы агротехники должна учитывать классовые ориентиры и линию на кооперирование крестьянства.[1]

НЭП требовал развития многоукладной экономики, механизмов рынка и кооперации, а политические идеалы коммунистической партии отвечали интересам пролетариата и беднейшего крестьянства, не желавшего мириться с этими "отрыжками капитализма". Все эти противоречия наглядно отразились в позициях Сырцова, который пытался сочетать политические установки партии с аргументами аграрной науки.

С одной стороны, Сырцов не мог забывать о решениях XIУ съезда, предостерегавшего об опасности недооценки угрозы кулака. Выступая на III сибирской крайпартконференции, он обращал внимание ее делегатов на то, что "невнимательное отношение к кулаку, недостаточная его оценка представляют политическую опасность. Когда некоторые наши партийцы становятся на эту точку зрения и глядя на кулацкое хозяйство говорят: "это хозяйство трудовое, этот хозяин трудится, какой же он кулак", они скатываются к эсеровщине. Когда паук высасывает кровь из мухи, он тоже трудится. Если

1. См.: Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне.-Томск, 1969.

кулак и "трудится" от зари до зари, то нельзя считать, что этим покрываются его эксплуататорские наклонности и свойства"[1].

С другой стороны, Сырцов вскоре под влиянием достижений научной мысли и реальных условий края стал обосновывать положение о недопустимости торможения накопления хозяйственного потенциала середняков под лозунгом борьбы с кулаком. Он выдвигает нашумевший лозунг "Накопляйте, в добрый час!", который фактически повторил по смыслу известную раскритикованную формулу Н.И. Бухарина "Обогащайтесь!". Как и Бухарина в 1925 году, Сырцова в 1927 году немедленно обвинили в заботе о кулаке, хотя лозунг имел более широкий адрес. Он провозглашал: "Преступником будет тот, кто середняка, будь он самый зажиточный, поставит на одну доску с кулаком. Крестьянину-середняку и мощному хозяину зажиточному мы говорим: накопляй, в добрый час, если ты будешь производить это накопление силами своего хозяйства, если ты не будешь бегать от бедноты, если ты не будешь держать сторону кулака-эксплуататора, если ты не будешь чуждаться коллективных форм хозяйства, не будешь бегать от кооперации"[2]. В данном положении речь идет о зажиточной части трудового крестьянства, не эксплуатирующей чужой труд, но умеющей и желающей работать на земле. Стремление Сырцова опереться на эту часть крестьянства было совершенно оправдано и могло дать большие дивиденды для развития сельского хозяйства Сибири. Однако лево-радикально настроенные лидеры резко раскритиковали Сырцова за "отступления" от ленинской политики, В.М.Молотов написал ему письмо, в котором подверг резкой критике этот призыв и предложил его дезавуировать.

1. Сибирская крайпартконференция: Стенографический отчет.- Новосибирск, 1927.- С. 31, 143, 146.
2. Красный Алтай.-1927,-27 марта.

Учитывая, что лозунг дал возможность оппозиции использовать его как повод для критики "кулацкой" политики партии, Сырцов согласился с этим требованием. В своей очередной речи он заявил, что правильная мысль о том, что партия, борясь с эксплуататорскими тенденциями, не ставит препон середняцкому хозяйству, была выражена в "неправильной формулировке, которая могла посеять иллюзии о перспективах зажиточного хозяйства без всяких элементов эксплуатации"[1].

Но при этом Сырцов не стал отказываться от других своих лозунгов и крылатых выражений, отражавших ориентацию на накопление индивидуальных хозяйств, например, "есть такие дурачки в нашей парторганизации, которые не желают есть кулацкого масла" и т.п. Он продолжал последовательно проводить линию на защиту крестьянства от сторонников жестких военно-коммунистических подходов, крестящих середняков "всеобъемлющим словом "гады" направо и налево"[2]. Преодолевая антисередняцкие настроения, Сырцов предостерегал от некритического использования двусмысленной графы "зажиточные", при котором в одну группу с кулаком попадают многие середняки. Это влечет за собой распространение на середняков политики, уместной и правильной лишь по отношению к настоящему кулаку.

Для того, чтобы правильно и на научной основе формировать аграрную политику, было проведено обследование и получены точные данные о степени социально-классовой дифференциации в деревне, о развитии в ней производительных сил[3]. Итоги этого обследования

1. За четкую классовую линию: Сборник.- Новосибирск, 1929.- С.23.
2. Сырцов С.И. Работать по новому.- Новосибирск, 1927.- С.17.
3. За четкую классовую линию.- С.21-22.

были проанализированы в книге В.Каврайского и И.Нусинова "Классовое расслоение сибирской деревни. Опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне". В предисловии Сырцов отмечал, что она наносит сильнейший удар по троцкистско-зиновьевской оппозиции, которая доказывала необходимость немедленного наступления на кулака. Сырцов фиксирует внимание на том, что в основе использованной методологии анализа лежит учет не только фактора количества посевной площади, но и таких показателей экономической мощности и имущественного расслоения крестьянства: стоимости основных средств производства, найма и отпуска рабочей силы, сдачи в аренду сложного инвентаря, торгово-промышленной деятельности. Научный подход к анализу объективных данных позволил положить конец "мифотворчеству и политическому колдовству," при котором кулак, середняк и бедняк изготавливались в лабораториях политиков в нужном количестве для соответствующих политических схем искусственно и произвольно"[I]. Сырцов категорически отбрасывает "гадания" оппозиции о I4-I0 процентах кулаков в стране, поставивших якобы государство в зависимость от своих поставок хлеба. Он подчеркивает: "Сопоставление размеров посева кулацкой верхушки - I4-I5 процентов с величиной посева площади середняков - 68,2 процента дает объективное представление о том, где обретается центральная фигура нашего земледелия". Ряд сибирских деятелей - П.Шиханов, Л.Клейтман, В.Дьяков выступили со статьями и речами, в которых на основе неверной методики исчисления группировки крестьянских хозяйств делались выводы о том, что кулаки, насчитывавшие I4,9 процента крестьян-

I. Кавройский В., Нусинов Н. Классовое расслоение сибирской деревни: Опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне. С предисловием С.И.Сырцова.- Новосибирск, 1927.- С.Ш.

ства, владеют более 50 процентов средств производства и являются главной силой деревни. Эту же идею углубил и развил видный оппозиционер "союзного масштаба" Г.Сафаров в своей статье в журнале "Большевик"[1]. Вольно интерпретируя официальные данные обследования сибирской деревни 1925 года и спекулируя на характерной особенности Сибири - большом количестве зажиточных крестьян, Г.Сафаров посвятил всю статью обоснованию положения: "сила кулаков растет неудержимо", что, якобы, свидетельствует о провале аграрной политики партии.

В ответ на это Сырцов проанализировал в статье, опубликованной в журнале "Большевик" вместе с трудом Сафарова, все конкретные аргументы автора и показал ненаучность методики отбора и подачи цифрового материала, недобросовестное отношение к источникам. "Кричащие факты" Сафарова говорят совсем о другом - о том, что вместо классического дореволюционного типа расслоения крестьянства, о чем писал Сафаров, в Сибири идет расслоение другого типа - за счет беднящкого слоя, часть которого переходит в середняки, а не пролетаризуется. Сафаров не учел многие специфические факторы, действующие в Сибири, в том числе массовое переселение сюда из центральных областей России, краткость периода уборки урожая, требующая мобилизации трудовых ресурсов и найма рабочей силы даже беднотой и пр. Сырцов подчеркнул: "Ослепленная предвзятым подходом оппозиция совершенно потеряла способность видеть факты такими, какие они есть. Дальтонизм фракционности не позволяет различать и замечать явления, отвергающие положения и взгляды оппозиции"[2].

1. Большевик.-1927.- № 15-16.
2. Сырцов С.И. Неудачное выступление тов. Сафарова // Большевик.-1927.- № 15-16.- С.100.

Сырцов отверг обвинение в "окулачивании" партийных организаций, отметив, что в таком случае батрачество просто не пошло бы в партию и не было бы того роста приема, который имеется. Если есть ошибки в кредитоснабжении и другие, пошедшие на пользу мощным слоям деревни, то в этом виноваты не низовые организации, а "бюрократизм наших окружных, краевых, центральных и хозяйственных инстанций", - подчеркнул он.

Сторонники Л.Д.Троцкого вновь использовали сибирские материалы в дискуссии на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК, состоявшемся в октябре 1927 года. Активный функционер оппозиции Евдокимов привел данные по ряду сибирских округов, препарируемые по сафаровскому методу, для показа роста кулака и ослабления середняка в результате неправильной налоговой политики государства. С.И. Сырцов был вынужден совместно с председателем крайисполкома в специальном заявлении обратить внимание Пленума на то, что Евдокимов пользовался только теми выдержками из материалов обследования, которые были "надерганы с величайшей недобросовестностью"[1].

Троцкисты накануне ХУ съезда выступили со своим документом: "Контртезисы оппозиции о работе в деревне". В этом документе они отнесли Сырцова к единомышленникам Н.И.Бухарина. Они логично уловили связь бухаринского лозунга 1925 года "обогащайтесь!" и сырцовского 1927 года - "Накопляйте, в добрый час!". Данная связь прослеживалась и по характеру обращения, и по смыслу, и по реакции ЦК ВКП(б). Самое главное, эти лозунги своей краткостью позволяли оппозиции передергивать содержание данных идей и трактовать их как кулацкий курс ЦК партии. Такое сравнение обязывало Сырцова постоянно подчеркивать, что он не "правый", а левый, что

I. РЦХИДНИ. ф.17. Оп.2. Д.317. ЛЛ. 28-30, 45-50.

он против кулака и главное - воздерживаться от публичных призывов к умеренности преобразований в деревне, от поддержки идей Бухарина, которые, бесспорно, были близки ему.

С.И.Сырцов возглавил борьбу с оппозицией в сибирской парторганизации. Он не только в своих докладах и выступлениях на собраниях критиковал платформу оппозиции, но и лично принимал участие в открытых дискуссиях с оппозиционерами[1]. Под его руководством в Новосибирске прошло обсуждение тезисов ЦК к XV съезду. За тезисы ЦК голосовало 2186, против - 17, воздержалось - 6 человек.

В отношении проблемы внутрипартийной демократии, справедливо поднимавшейся оппозицией, позиция Сырцова носила противоречивый характер. В Сибири были известны его требования преодоления парадности в отчетах и смещения акцента в сторону критики, усиления связи массовой работы с беспартийными и повышения качества партийного руководства. При этом Сырцов подчеркивал, что "нельзя проходить мимо извращенных понятий о демократии, когда представление о ней суживается и сводится лишь к вопросу о свободных от нажима выборах; самое главное, - это обеспечение и создание условий для активного и плодотворного участия партийных работников и середняков в решении всех вопросов, в обсуждении всех решений"[2].

Но как партаппаратчик, он не мог выступить против организационной системы большевизма. Он говорил, что широкая демократия не означает отказа от руководящего в партии ядра, "хвостизм также неправилен и представляет отклонение от организационных принципов большевизма, как и подмена гибкого и живого руководства - командованием". В кадровой политике главное, по его мне-

1. Известия Сибкрайкома. - 1926. - № 10. - С.6; Советская Сибирь. - 1927. - 10 ноября.
2. Сырцов С.И. Работать по новому. - С.18.

нию, это "правильный подбор людей, умеющих провести в каждой отрасли работы линию партии, умеющих организовать вокруг задач, выдвинутых партией, новые слои партийцев и беспартийных". Партийная среда должна оказывать решающее влияние на формирование авторитетного руководства, находящегося под ее контролем. Но все эти идеи зачастую повисали в воздухе, не реализуясь на практике.

В анализе внутрипартийных разногласий Сырцов не смог подняться до понимания смысла политической борьбы как отражения противоречий в обществе и одновременно как механизма разработки в ходе острых дискуссий наиболее оптимального варианта развития, включающего рациональное зерно из каждой точки зрения или платформы. По его мнению, распространенному среди большевиков, недопустимо выявлять в платформах оппозиций плюсы и минусы, поскольку в любой платформе даже буржуазной партии можно найти тоже приемлемые места и "поставить плюсы против некоторых пунктов". Такой метод анализа внутрипартийных разногласий Сырцов ошибочно называл "механическим способом"[1] разбора, исходящим из внешних обстоятельств и "революционной оболочки" платформы оппозиции. Говоря о необходимости выделять негативные черты оппозиционных платформ и проведении в жизнь более взвешенной политики, Сырцов абсолютизировал этот подход, исключая вероятность ошибок в каких-то моментах большинства в ЦК партии.

Сырцов на этом этапе убежден в том, что "заблудившийся друг опаснее врага". Он считает левые взгляды оппозиции - маскарадом, прикрывающим "законченную систему взглядов, именуемую троцкизмом". Понимая известную условность именования троцкизма перекрашенным меньшевизмом, он пытается объяснить ситуацию: "когда заблудивших-

1. Сырцов С.И., Кентман Н. Партия, оппозиция, комсомол.-Новосибирск, 1929.-С.3.

ся товарищей называют меньшевиками, то это не ругань", тут "речь идет не о ярлыках - вопрос заключается в политической подоплеке разногласий". Оппозиция все-таки является меньшевистским уклоном, - приводит он дежурные аргументы, так как, во-первых, она, как и меньшевики, отрицает возможность построения социализма без помощи международного пролетариата, во-вторых, оппозиция хочет превратить партию в ноев ковчег, где "каждой твари по паре" и нет организационного единства. Сырцов особо отмечал, что революционное прошлое вождей оппозиции не означает, что всегда надо относиться к ним с доверием. Он подчеркивал, что именно антисередняцкий уклон оппозиции нуждается в разоблачении, так как он имеет почву в партийных массах, в том числе в Сибири. Вспомнив, как сибирский оппозиционер Фуртичев хвастался Лашевичу своей молодой гвардией: "посмотрите, как грибы растут!", Сырцов заметил, что оппозиция пролила дождик на мелкобуржуазную почву и оживила антисоветские настроения. При этом он обратил внимание на то, "чтобы семена, посеянные оппозицией", не принесли бы более серьезных плодов, чем мухоморы. Эти оппозиционные мухоморы не опасны, но когда они полезут из всех щелей, когда под влиянием троцкистской оппозиции начнет расшатываться союз рабочего класса и крестьянства, когда бедняк будет против середняка, когда середняк пойдет к кулаку, тогда дело будет пахнуть не мухоморами, а гибелью революции"[1]. Как большинство руководителей этого звена партийного руководства - секретарей крайкомов, Сырцов ошибочно считал, что партийный аппарат необходим для укрепления партии. Отвергая обоснованную критику троцкистов партийного аппарата, он подчеркивал в сталинском духе, что разгромить партийные кадры,

1. Там же. С.32.

значит "открыть дверь мелкобуржуазному влиянию" и "рассыпать партию".

Страна бурлила. Официозная печать не сообщала и сотой доли того, что происходило ежечасно на просторах страны. Стачки и волнения, выступления безработных, митинги крестьян, интеллигентские оппозиционные группировки - все эти явления имели массовый характер. В фондах секретного отдела ЦК ВКП(б) имеются информационные справки ОГПУ и обкомов партии, которые дают полную картину того, что реально происходило в стране. Полтавский обком докладывал о "болезненных явлениях" в органах милиции, забастовках на сахарозаводах, о письмах бедноты в поддержку Зиновьева против кулаков, о банде "Долой нэп", состоящей из бывших коммунистов, грабивших кулаков и т.д. Омский окружком сообщал о резком ухудшении материального положения рабочих, что привело к падению дисциплины, пьянству, дебоширству, дошедшему до "массового хулиганства", о выходах из партии рабочих, принявших по своему размаху "общественное значение". Одесский окружком партии сообщал об активизации консервативно настроенной интеллигенции, выступавшей против разрушения системы высшего образования, о развитии сионистского движения, об активизации в Одессе троцкистской оппозиции.

Осенью 1927г. в рабочей среде распространялись многочисленные листовки с призывами и лозунгами оппозиции. Наряду с традиционными для троцкистов призывами к мировой революции и наступлению на нэпманов и кулаков в них содержались призывы поддержать "лучшую часть большевистской партии", брошенную в тюрьмы, выполнять "завещание Ленина", не допустить перерождение партии. Немалый интерес представляет распространявшийся проект программы т.н. "коммунистической партии рабочего класса". В этом характерном

документе утверждалось, что власть взяли в ходе революции "авантюристы - выходцы из интеллигенции и буржуазии, а также всякая накипь революционной волны, вплоть до уголовных преступников и провокаторов царской охранки"[1]. В результате этого диктатура пролетариата была подменена диктатурой над пролетариатом группы тесно спаянных лиц, работающих за спиной т.н. "вождей".

Этот документ вызвал серьезное беспокойство руководителей партии, так как затрагивал моменты в политической борьбе, до которых не поднимались троцкисты. Секретарь ЦКК Янсон написал резолюцию на экземпляре листовки: "Вот какие силы вызывает разнузданная деятельность оппозиции. Мы будем свидетелями еще многих таких охвостьев оппозиции".

Борьба троцкистско-зиновьевской оппозиции не затрагивала повседневных интересов народа, не связанных ни с мировой революцией, ни с проблемой возможности построения социализма в одной стране. Практические заботы, проблема заработной платы, снижения жизненного уровня - вот что волновало рабочих и крестьян, а не умозрительные вопросы коммунистических утопистов во главе с Л.Д. Троцким. Эти причины в конце 20-х гг. привели к многочисленным забастовкам, а также "волынкам" и "бузам" - специфическим формам проявления протеста трудящихся. Прошли волнения в 1927-1928гг. в Ленинграде, городе Гусю, трех заводах в Твери, в Люберцах. Недовольство в среде высококвалифицированных рабочих наблюдалось в целом ряде губерний Центральной России. В информационных сводках ЦК ВКП(б) указывалось, что причинами резких форм недовольства являлось: а) увеличение норм выработки; б) снижение зарплаты; в) увеличение оплаты коммунальных услуг; г) затяжка в деле заклю-

1. ГАРФ, Ф.374, Оп.27, Д.2079, Л.5.

чения коллективных договоров и задержка в проведении новых расценок; д) недостатки в организационно-производственной и массовой работе заводских организаций. Все выступления рабочих не носили антисоветского характера, хотя эсеры, меньшевики, оппозиционеры пытались использовать забастовки в своих целях. В отдельных случаях рабочие использовали лозунги оппозиции, например, на фабрике им.Чичерина в Павлово-Покровском. На заводе "Каучук" в г.Москве оппозиционеры возглавляли волнения, требуя повышенной заработной платы, пересмотра норм и цен в пользу рабочих. Однако политическая левокоммунистическая платформа оппозиции в целом отпугивала рабочие массы от нее.

В среднем ежемесячно в конце 20-х гг. происходило около 30 стачек различного характера длительностью до 10 дней, общей численностью рабочих 2-3 тысячи. Чрезвычайно актуальными в конце 20-х гг. были волнения среди безработных, которые принимали острые формы.

Когда Сталин осуществил акцию высылки Л.Д.Троцкого за границу, это не вызвало большого волнения в массах. В информационной сводке ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1928г. подчеркивалось, что по материалам 26 парторганизаций можно сделать вывод о безразличном отношении беспартийных масс к высылке и одобрении широких кругов коммунистов и комсомольцев. Главная причина - неверие в искренность оппозиции.

ГПУ активно вмешивалась в процесс внутрипартийной борьбы вплоть до проведения противоправных обысков у членов оппозиции. Активный участник гражданской войны, инвалид оппозиционер Певзнер в своем заявлении в партячейку подчеркивал, что использование госаппарата во внутрипартийной борьбе вскрывает убожество сталин-

ско-бухаринской линии и дискредитирует партию большевиков. Чем больше Сталин будет опираться на бюрократа и чиновника, тем больше будет влияние чуждых пролетариату сил, "которым во фракционной исступленности поддается наиболее бюрократическая часть партаппарата". Это заявление было рассмотрено первоначально на заседании партячейки НКПС, где было поддержано ее секретарем Ивановской, осмелившейся публично протестовать против возмутительных обысков[1].

Партийная полиция не только была в курсе проводимых ОГПУ обысков у М.И.Шмидта, С.Л.Зайдмана и других оппозиционеров, но постоянно вмешивалась в работу судов, прочих государственных учреждений, не считаясь с законом. В ЦКК в 1926г. впервые поставили вопрос о применении к оппозиционерам - старым членам партии т.н. "мер социальной защиты", то есть уголовного преследования. Партследователи занимались вопросами снятия с работы лиц, замешанных в оппозиции. Механизм действия был следующий: ОГПУ сообщало в ЦКК о замеченных фактах оппозиционной деятельности или о сомнительном в политическом отношении прошлом того или иного деятеля. Затем ЦКК обращалось в соответствующий территориальный орган ВКП(б) с просьбой рассмотреть возможность использования данного работника на соответствующей должности. И только затем в госорганы поступала рекомендация - указание об увольнении этого гражданина.

Функционирование достаточно сложного механизма контроля позволяло снять ответственность с конкретных лиц за осуществление репрессий. Каждый чиновник чувствовал себя исполняющим свой долг, служебный долг, а не палачом или судьей.

Заключительный этап борьбы с оппозицией завершил ХУ съезд

I. РЦХИДНИ. Ф.I7. Оп.85. Д.207. Л.I23.

ВКП(б), который практически оформил сталинский внутрипартийный режим. Не только речи И.В.Сталина, но все другие выступления лидеров партии, например, докладчиков С.Коссиора, В.Молотова и других были пронизаны идеей: оппозиционеры - враги партии. Постышев так виртуозно выразился: "мы видим главных рысаков оппозиции вне табуна большевистской партии. Большевистские дубинки выгнали главнейших рысаков из своего табуна, а койкого загнали в особые стойла"[1]

Следует отметить речь Н.К.Крупской, которая осудив оппозицию, высказала мнение, что партия должна помочь вернуться в ее ряды тем оппозиционерам, которые искренне осознали свою ошибку. Но это выступление было единственным такого рода. Основная масс делегатов была настроена настолько негативно по отношению к оппозиционерам, и то многим из них просто не дали говорить, освистывая и топая ногами.

А.А.Андреев заявил: "Довольно мягкого режима, который по отношению к оппозиционерам применялся 2 года. Эта мягкая политика, эти компромиссы могут стать гибельными для партии, если мы дальше будем их продолжать и поэтому никаких компромиссов"[2] .

Делегаты съезда быстро освоили подход руководства и даже с места выкриками требовали даже расстрела и других санкций. Сталин подвел черту в расколе большевистской элиты заявив, что оппозиция стала меньшевистских крылом партии.

Выступление Сырцова на съезде было посвящено анализу аграрной политики в сибирском регионе в свете критики оппозиции. Он отметил, что "целый ряд хозяйственных мероприятий по организации

1. ХУ съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет. - М., 1961. - Т.I. с.187-188.
2. Там же. - С.231.

беднoты, выборы в Советы и т.п. в настоящее время уже дали результаты в том отношении, что мы имеем задержку роста кулацких хозяйств, значит - не только политическую изоляцию, но и некоторое ослабление экономических позиций кулачества"[I]. По его мнению, подлинные кулаки, противостоящие по своим эксплуататорским устремлениям Советской власти, "испытывают симпатию к оппозиции, несмотря на ее антисередняцкий уклон". Далее он утверждал в духе времени: "оппозиция представляет из себя катушку, на которую наматываются нити сочувствия враждебных пролетариату слоев и групп". Критикуя троцкистско-зиновьевскую оппозицию, Сырцов в своей речи не затронул рациональные положения в их платформе в области партийного строительства и в критике формирующегося культа Сталина. Бесспорно имея представления об этих фактах, он сознательно отстранился от их анализа, сосредоточившись на вопросах, где оппозиция была безусловно и однозначно не права. Но это вряд ли было кем-либо замечено на съезде, так как все выступающие без исключения разоблачали, проклинали, обвиняли без каких-либо попыток взвешенного, объективного анализа. Сырцов в известном смысле обошел в этом отношении многих, раскритиковав "кулацкий уклон", заключавшийся в снятии преград для развития зажиточных крестьян и увеличения товарности сельского хозяйства. Для чего понадобилось Сырцову упоминание об этом уклоне? Вероятно, он страховал себя от обвинений в правизне в связи со своим лозунгом "Накопляйте, в добрый час!" Не исключено, что он знал о наметившихся разногласиях в Политбюро ЦК ВКП(б) и в этой связи зарезервировал за собой политическую позицию.

I. ХУ съезд ВКП(б). Декабрь 1927г.: Стенографический отчет.- М., 1961.- Т.I.- С.276.

Троцкисты в своей платформе к ХУ съезду партии заявили, что им противостоят два течения: "правый уклон" и "аппаратно-центристское" течение в партийной верхушке. Первый уклон, вдохновляемый интересами крестьянства, представлен Рыковым, А.П.Смирновым, Калининым, Петровским, Чубарем, Каминским. Около них находятся беспартийные специалисты Кондратьев, Садырин, Чаянов и другие. К ним также примыкают лидеры профсоюзов Томский, Догадов, Меличанский. Второе течение имеет своими вождями Сталина, Молотова, Угланова, Кагановича, Микояна, Кирова и Бухарина, колеблющегося в ту или другую сторону. Эта группа отражает интересы слоя управленцев, среди которого немало "выходцев из рабочих, ныне оторвавшихся от рабочих масс". Извращения политической линии и партрежим порождают многочисленный слой "подлинной бюрократии".[1]

Троцкисты ошиблись только в некоторых деталях: Бухарин все-таки оказался достаточно принципиальным и выступил против Сталина. Чубарь, Петровский, Каминский будучи действительно умеренными политиками, не решились открыто поддержать Рыкова и Томского и заняли технократические позиции вне борьбы.

Позиции этих течений не были четко зафиксированы и оформлены, но были известны в высшем эшелоне власти многим. Во всяком случае, в информационном отделе ЦК хранится целый ряд справок, в которых отмечаются такие оценки ситуации. Накануне ХУ съезда ВКП(б), не дожидаясь официального разгрома троцкизма, сталинская верхушка начала наступление на "правых уклонистов". Была опубликована статья с критикой Рыкова за примиренчество в годы реакции, хотя в этом не было непосредственной необ-

I. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. т.4,-М.: Терра, 1990.-с.151.

ходимости для науки. Она явно подрывала авторитет его как большевика. На самом съезде Н.И.Бухарин подвергся критике со стороны В.М.Молотова, В.В.Ломинадзе, Л.Шацкина в форме, вызвавшей удивление делегатов. Сталинское крыло руководства разорвало фактически сложившийся блок с бухаринско-рыковской группой большевиков-интеллектуалов. Этот блок сложился на негласном признании трех принципов политики: I. бескомпромиссная борьба с троцкистско-зиновьевской оппозицией, 2. последовательное проведение НЭпа на основе методов "гражданского мира"; 3. сохранение имеющегося уровня внутрипартийной демократии и реального влияния большевиков-интеллигентов на разработку генеральной линии партии. Эти положения были заложены в период борьбы с "новой оппозицией" и получили закрепление на XIУ съезде ВКП(б) в декабре 1925г. Именно с этого времени была прекращена критика бухаринского лозунга "обогащайтесь", его школы молодых профессоров. Документы содержат свидетельства того, что сталинцы только временно терпели активность бухаринцев на страницах печати, не принимая их идеи как серьезные перспективы. Поскольку НЭП еще давал положительные результаты, а троцкистско-зиновьевская оппозиция проявляла активность, сталинцы сдерживали свой радикализм и терпели правых союзников.

Но по мере усиления противоречий НЭПа, выразившихся в экономических затруднениях и разгроме оппозиции, сталинская аппаратная группировка приступила к решительным действиям в русле своих представлений о путях и методах строительства социализма, роли в этом процессе интеллигенции.

ХУ съезд подвел черту в длительной борьбе сталинского большинства с левокоммунистической оппозицией, исключив из рядов

партии 75 наиболее активных участников. Но в официальную историю страны съезд вошел главным образом благодаря обозначенному курсу на коллективизацию сельского хозяйства. Хотя в принятой резолюции "О работе в деревне" не было императивных указаний о сроках, темпах и главных формах коллективизации, не было требования немедленного раскулачивания, более того - говорилось о развитии всех форм кооперации, съезд стал отправным пунктом для форсирования радикальных преобразований в деревне. В речах Сталина, Молотова, Яковлева отчетливо прозвучало стремление совершить скачок в объединении в колхозы крестьянского населения страны. В условиях складывающейся тоталитарной административно-командной системы позиции членов высшего политического руководства значили на практике больше, чем решения съездов всей партии.

На рубеже 1927-1928гг. в стране начался очередной хлебозаготовительный кризис. Сталинское руководство объясняло эти трудности в основном причинами внеэкономического характера - "кулацкой стачкой", организованной набравшим силу кулачеством. Сталин решил лично продемонстрировать, как следует бороться с контрреволюционным кулачеством и по революционному вести хлебозаготовительную кампанию. С этой целью он отбыл в дальнюю, столь необычную для себя командировку в Сибирь.

Когда Сталин и сопровождавший его А.И.Догадов прибыли в Сибирь и повели ударную кампанию по изъятию у крестьянства хлебных запасов на основе применения 107 статьи УК РСФСР, С.И.Сырцов был поставлен в сложное положение, так как политика чрезвычайных мер расходилась с ранее пропагандируемой Сибкрайкомом политической линии. Выступая на собрании партактива Новосибирска 17 февраля 1928 года, он попытался проанализировать уроки хлебо-

заготовок по-сталински[1]. Приветствуя, естественно, приезд генерального секретаря, "мобилизовавшего и повернувшего работу местных органов", Сырцов выразил неоправдавшееся убеждение, что применение чрезвычайных мер не могут означать возврата 1920 года и поэтому глубоко заблуждаются крестьяне, которые видят в новой линии курс на раскулачивание деревни.

Под нажимом Сталина Сырцов активно включился в осуществление "чрезвычайных мер" по выкачке хлеба - прообраза будущей экономической политики 1932 года. Сталин пробыл в Сибири три недели, объехал основные хлебные районы края и принял участие в 4-х совещаниях окружных партактивов, в заседании Сибкрайкома ВКП(б). Лично контролируя массовое применение 107 статьи УК РСФСР по отношению к крестьянству, отказывавшемуся сдавать хлеб по установленным ценам, Сталин пытался создавать впечатление, что эта мера не означает введения "военного коммунизма". Сырцов сообщал на партактивах, что Сталин лично одернул одного из уполномоченных ЦК по хлебозаготовкам, который предлагал прямо вернуться к продразверстке и использованию ОГПУ без каких-либо оговорок. По информации Сырцова,"в выступлении Сталина... эта линия была дезавуирована"[2]. Сталин рассеял надежды коммунистов, не испытавших энтузиазма в применении 107 статьи. Он прямо указал на необходимость смещения представителей прокурорской власти, которые хотят "стараются жить в мире с кулаком"[3].

В ходе массовой кампании хлебозаготовок был проведен ряд судебных процессов над кулаками и зажиточными крестьянами, попытавшимися сопротивляться административному нажиму. С января

1. Сырцов С.И. Некоторые уроки хлебозаготовок // За четкую классовую линию.-Новосибирск.-1929.-С.42-56.
2. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.67. Д.365. Л.9.
3. Сталин И.В. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства.Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г./Краткая запись/. - Соч.-Т.11.-С.4

по март 1928 года было привлечено к суду более одной тысячи крестьян с конфискацией 700 тысяч пудов хлеба, 78 мельниц, 68 амбаров. Было закрыто 1500 кожевенных заводов[1].

Завершившиеся хлебозаготовки не стали единичным явлением и уже через два месяца вновь была начата чрезвычайная кампания. В связи с неурожаем на Украине и Северном Кавказе в июне 1928 года в край прибыл С.В.Косиор, который поставил вопрос о получении дополнительных объемов хлеба. 3 июня 1928 года состоялось так называемое "хлебное совещание" в Сибкрайкоме, которое утвердило крайне напряженный план хлебозаготовок. И вновь развернулась чрезвычайная кампания с применением 107 статьи, с продразверсточными методами и многочисленными перекосами и перегибами. Что мог сделать Сырцов? Отменить указания сверху он не мог, да и это было объективно невозможно вследствие ситуации в стране. Единственно, что оставалось - это пытаться недопустить массовые искривления и перегибы.

Анализируя порочную практику искривления в хлебозаготовках, в том числе в Иркутском округе, С.И.Сырцов предупреждал коммунистов о недопустимости выискивать здесь оппортунистические уклоны. "Когда товарищи так легко говорят о левом и правом уклоне, они попадают в плен той схемы и терминологии, которая принадлежит оппозиции.

Я думаю, что надо больше вести речь о головотяпских уклонах... Если применение товарообмена является правым уклоном, то представление о том, что мы хлеб у кулака можем взять силами ГПУ, что весь хлеб находится у кулака, является левым уклоном, а ведь эти обе ошибки одна и та же организация проделала

1. См.: Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск. 1973.

на протяжении нескольких дней. Нельзя же думать, что организация или отдельный человек на протяжении одного дня "перерождался" дважды, изменял свою политическую психологию"[1].

Он категорично заявил: "НЭП мы не отменяем. Сейчас мы не отменяем и кулака... Мы можем встряхнуть нескольких кулаков за спекуляцию. Мы можем подрезать их накопления, но окончательное уничтожение будет тогда, когда мы через НЭП придем к укреплению социалистических элементов и к их полной победе на хозяйственном фронте". Эта победа является далекой перспективой, а в настоящее время, говорил С.И.Сырцов, "мы будем преследовать тех ретивых администраторов, которые вообразили, что могут применить методы продразверстки. Надо преодолеть эти искривления, характерные для периода военного коммунизма, являвшегося "периодом преобладания методов революционной целесообразности над мерами революционной законности, когда мы не останавливались перед разного рода мерами, чтобы получить нужный нам хлеб"[2].

Сдержанное отношение С.И.Сырцова к новой политике Сталина, его оговорки и призывы к осторожности в применении 107 статьи вызвали нападки со стороны ретивых сторонников административно-командного давления на крестьянство. Первый секретарь Иркутского окружкома Н.Н.Зимин выдвинул против Сырцова целый ряд обвинений: в отставании в борьбе с кулацкой опасностью, в нерешительности в проведении линии ЦК. Отвечая на эти нападки, С.И. Сырцов в речи на мартовском 1928 года Пленуме Сибкрайкома подчеркнул, что он стремился считаться со специфическими условиями Сибири, требующими применения не только 107 статьи, но ряда

1. За четкую классовую линию: Сборник.-Новосибирск, 1929.-С.78.
2. Там же.-С.68-69.

комбинированных мер хозяйственного и административного характера[1].

С.И.Сырцов отметил, что крайком под его началом никогда не стремился давать исчерпывающие директивы, так как "политическое руководство в том и заключается, чтобы иметь смелость принимать на себя ответственность за те или иные решения, ибо политическое руководство было бы совершенно пустым делом, если бы каждый из нас лишь ждал очередных циркуляров, очередных директив и потом проводил бы их..." И далее он продолжал: "Конечно, при таком положении, когда критически относишься к директивам, всегда есть некоторый риск, всегда рискуешь в руководстве своей головой..., конечно, гораздо проще для этой головы, если она ждет соответствующих материалов из краевого или московского центра, затем переписывает своими словами и формальная ответственность этим снимается"[2].

Стиль руководства Сырцова, его сдержанное отношение к лозунгам развертывания классовой борьбы в деревне, достаточно либеральное отношение к зажиточным слоям трудового крестьянства, призывы к самостоятельности, к критическому анализу партийных документов - все вызывало неприятие некоторых руководителей, сохранивших верность традициям военного коммунизма. Во главе таких деятелей стал Н.Н.Зимин, секретарь Иркутского окружкома партии. Он предъявил лично Сырцову политические претензии, смысл которых заключался в нарушении крайкомом классовой политики в деревне, в неверном подборе кадров, зажиме критики и самокритики и т.д. Эти обвинения были зафиксированы в ряде

I. За четкую классовую линию: Сборник.-Новосибирск, 1929.-С.68-69.
2. Там же.-С.74.

резолюций окружкома и им было принято решение поставить вопрос о руководстве крайкома на широкую дискуссию. Сырцов, а также председатель Сибкрайконтрольной комиссии М.И.Ковалев и председатель крайсовпрофа Ф.В.Шарангович выехали в Иркутск и попытались восстановить нормальные отношения с окружкомом, который фактически вышел из под контроля крайкома. Но конфликт еще более обострился. В резолюции бюро Сибкрайкома от 23 мая 1928 года, принятой по результатам изучения ситуации, говорилось, что Н.Н.Зимин "нарушал в отдельных вопросах линию Крайкома, неправильно и тенденциозно извращая факты, накапливая материал о действительных, а чаще мнимых ошибках краевых учреждений, старался подорвать их авторитет и ослабить краевое партийное руководство"[1]. Сырцов настоял на снятии Н.Н.Зимина с поста секретаря окружкома. Конфликт в немалой степени способствовал радикализации многих позиций Сырцова и отходу от ряда горячо ранее отстаиваемых им лозунгов.

Взаимоотношения Сырцова и Зимина и групп их сторонников как в капле воды отразили проблемы всей большевистской элиты. Идейные и личностные разногласия трансформировались в противостояние организационно оформленных групп - фракций, в данном случае на базе новосибирского крайкома и иркутского окружкома. В ходе противоборства использовались соответствующие партаппараты и средства печати, активно перетягивались кадры. Как подчиненная инстанция, иркутский окружком делал упор на внутрипартийную демократию и на право критики ошибок Сырцова, подчеркивая его "фанаберию", заносчивость, бюрократизм, нежелание при-

1. Известия Сибкрайкома.-1929.-№ 11-12.-С.11-12.

знавать ошибки. Хотя подобные факты проявлялись в работе Сырцова, в целом не они были определяющие. Окружком отстранил от работы председателя окрисполкома Ремейко, который проявлял "хвостизм в отношении интеллигенции", состоял ранее в оппозициях. Сырцов же обеспечил его работой в краевом центре, а также других исключенных в Иркутске из членов партии бывших эсеров, меньшевиков, просто умеренных в политическом отношении специалистов. Такой подход вызвал яростные нападки зиминцев, усмотревших в этом заботу об элите партии и требовавших учета интереса рядовых активистов, разоблачивших оппортунизм на местах.

С.И.Сырцов, в свою очередь, добивался результатов, необходимых ему, используя лозунги централизма и дисциплины. Он требовал беспрекословного подчинения краткому иркутских коммунистов, не замечая противоречия между содержанием своих указаний и методами их исполнения.

Специфическая ситуация в сибирской парторганизации была в целом не характерна для всей страны, где в основной массе регионов преобладали руководители, жестко ориентированные на установки ЦК и проводящие их сверху донизу со всей необходимой последовательностью. Но конфликт в Сибири в определенном смысле был показателен в том плане, что Сырцов в конечном итоге отмежевался от нэповских колебаний, став активным проводником в Сибири нового курса сталинизма.

Леворадикальные деятели сибирской парторганизации, ориентировавшиеся на сталинский аппарат, а не на оппозицию, пытались отстранить от руководства С.И.Сырцова и его сторонников. В своих заявлениях такие местные лидеры как Зимин, Вайнер, Собашников, Кучмин, Здоровцев, Голубев и другие уверяли, что

"Сибкрайком в проведении директив искривляет линию партии - линию ЦК" и даже собираются организовать массовую дискуссию среди партактива. Сырцов вместе с председателем краевой комиссии и председателем Сибпрофа Шаранговичем пытались снять разногласия с этой группой, но это не удалось. Группа радикалов-сталинистов, опираясь на иркутский окружком во главе с Н.Н.Зиминым, вышла из формального подчинения крайкому и обратилась непосредственно в ЦК ВКП(б) за помощью. В мае 1928г. комиссия ЦК, возглавляемая инструктором А.Сидельниковым детально рассмотрела ситуацию в верхушке сибирской парторганизации и доложила свои выводы в письме на имя С.В.Косиора.

Как явствует из документов, претензии к Сырцову сводились к либеральной интерпретации сталинского курса на "чрезвычайщину" - так называемого урало-сибирского метода хлебозаготовок.

Н.Н.Зимин заявлял, что начиная с выдвинутого на 3 краевой партконференции лозунга "Накопляйте, в добрый час!", сырцовцы постоянно проводили курс на укрепление "зажиточно-трудовых хозяйств". Сырцов не довел критику этой линии, выраженную в специальном письме Молотова, ни до сведения краевой парторганизации, ни даже до членов крайкома. Зимин особо возмущался тем, что Сырцов единственный раз признал свою ошибку и то в формулировке лозунга, между тем дело заключалось, по мнению Зимина, в грубом политическом просчете. Сырцов не сообщил о письме Молотова даже тогда, когда троцкистская оппозиция стала упрекать ЦК в том, что он не поправил Сибкрайком в его отношении к кулакам.

В дальнейшем Сырцов стал заявлять о путанице в вопросе кулацкой опасности в Сибири, распространенной в низовых парт-

организациях. Просчет Сырцова сибирские сталинцы увидели в пассивном отношении к активизации бедноты. Нежелание секретаря Сибкрайкома созывать окружные совещания бедноты, ограничившись районными собраниями, было квалифицировано как неправильная политическая линия. Мнение Сырцова о том, что специфические условия Сибири и технические препятствия "делают ненужным этот вид работы" признавалось "хвостизмом чистой воды".

Н.Н.Зимин не стеснялся и подлогов, стремясь найти ошибки Сырцова. Так, Зимин заявил, что высказывание Сырцова о статье I07 уголовного кодекса, имевший смысл в том, чтобы "на шкуре кулака дать показательный урок середняку", привело к репрессиям к середнякам. Как ошибочная, расценивалась директива Сырцова государственным заготовителям расплачиваться с крестьянством за сданное зерно наряду с денежными знаками облигациями нового займа. Зимин сообщал о заявлениях Сырцова о необходимости снижения разнарядки на районы по применению чрезвычайных мер применительно к кулакам; о сдерживании Сырцовым проведения в жизнь "боевых директив" ЦК в хлебозаготовках в течение 3 месяцев и создании атмосферы "благодушного настроения", что шло в разрез с известной директивой ЦК от I4 декабря I927 г. Более того, Сырцов выбросил из проекта решения пленума Сибкрайкома тезис о необходимости широкого применения I07 статьи, на чем настаивали иркутские большевики, - доносил Зимин.

На основании всей совокупности приведенных фактов он сделал вывод: "Сибкрайком проводил эту линию под нажимом ЦК, будучи в действительности против нее и строя свои директивы таким образом, чтобы сделать за все ответственными исключительно местные организации".[1] Этот вывод явно выходил за рамки межлич-

1.РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.85. Д.324.Л.12

ностных разногласий, на уровень выявления антипартийного уклона.

Комиссия А.И.Сидельникова обнаружила, в свою очередь, серьезные недостатки в работе руководимого Зиминым иркутского окружкома партии, в том числе явные попытки противопоставить себя крайкому. Учитывая политическую ситуацию, в частности, созыв июльского 1928г. пленума ЦК ВКП(б), на котором бухаринцам удалось временно достичь компромисса и добиться прекращения чрезвычайных мер, комиссия Сидельникова не стала развивать критику Сырцова на его "правые" ошибки. Было заявлено, что в целом линия крайкома соответствует генеральному курсу партии, в том числе в осуществлении хлебозаготовок. 13 июля 1928г. по итогам проверки комиссии ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором осуждалось "совершенно недопустимое отношение окружкома к руководству крайкома, выразившееся в невыполнении директив крайкома и попытках умаления авторитета краевого руководства"[1].

Получение поддержки от ЦК ВКП(б) в конфликте, чреватом многими осложнениями, ко многому обязывало Сырцова. Любые повторные колебания либерального характера могли поставить крест на его карьере и с этого момента Сырцов становится более последовательным проводником сталинского курса. И с конца 1928 года он уже не допускает в своих речах и статьях лишней самостоятельности и оригинальных трактовок тех или иных проблем.

На апрельском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он, как и подавляющее большинство, поддерживал Сталина против Бухарина, пытавшегося отстоять нэповскую альтернативу. Он полностью солидаризировался с предложенной резолюцией Пленума "По внутрипартийным делам", в которой позиция группы Н.И.Бухарина была объявлена "правым уклоном", якобы объективно отразившим

1. Правда.-1928.-2 августа.

интересы кулачества. На состоявшейся сразу после Пленума ХУI Всесоюзной партконференции Сырцов выступает с речью, содержавшей оценки соотношения социально-классовых сил в сибирской деревне и роли кулачества, в духе сталинских установок. Повторив тезис о ревизионистах, предложивших свои кандидатуры для помощи кулачеству, он заявил, что само кулачество по-прежнему имеет значительные позиции в сельскохозяйственном производстве, сосредоточив 22 процента товарного хлебного фронта в Сибири. Этот слой крестьянства активно противостоит бедняцко-середняцкому блоку и оказывает "бешенное сопротивление". Сырцов, переоценив силу и мощь кулака, заявлял о недопустимости рассчитывать на то, что кулацкий хлеб может вывести нас из продовольственных и хозяйственных затруднений. Такая линия, по его мнению, привела бы к тому, что кулак каждый лишний пуд своего хлеба будет превращать в оружие против советской власти. Противореча многим своим былым утверждениям, он формулировал: "Накопления кулачества, во всяком случае в наших сибирских условиях, подошли к такой грани, когда хозяйственно-целесообразное использование этих накоплений в существующих рамках уже становится невозможным"[1]. Далее объяснялось, что в атмосфере классовой борьбы в деревне происходит осознание кулачеством себя как класса, имеющего собственные классовые требования. Единственное отличие рассуждений Сырцова от сталинских заключалось в обосновании экономических мер наступления на кулака снизу вместо чрезвычайных сверху. Но при этом он высказался категорически против возможности приема кулаков в колхозы, которым следовало создать благоприятные условия для своего развития и укрепления.

1. ХУI Всесоюзная партийная конференция: Стенографический отчет.-Москва., 1929.-С.154.

Активная поддержка сталинской политики без сомнения сыграла свою роль в выдвижении Сырцова на пост руководителя правительства РСФСР. Сибкрайком ВКП(б) в связи с отзывом С.И. Сырцова в Москву принял на специальном пленуме 3 июня 1929 года обращение, в котором говорилось: "В сложных и трудных условиях конца восстановительного периода сибирская парторганизация под руководством т.Сырцова сумела правильно определить важнейшие узловые пункты экономического и политического развития края, достичь решающих успехов... В лице тов.Сырцова сибирская парторганизация передает центральному руководству свой боевой опыт развернутого социалистического строительства..."[1] На этом же пленуме Р.И.Эйхе предложил опубликовать избранные труды Сырцова отдельным изданием.

С.И.Сырцов пробыл в Сибири около трех лет, в течение которых он пытался более или менее последовательно проводить новую экономическую политику в ее классическом виде, учитывать специфические условия региона и в соответствии с ними корректировать общегосударственную политику. Для него было характерно повышенное внимание к развитию простейших форм кооперации, особенно в животноводстве и маслоделии, внимание не только к бедноте, но и к среднему и зажиточному трудовому крестьянству. Он предпринимал попытки на этой основе объединить усилия местных коммунистов и противостоять ревизии нэпа слева со стороны троцкистско-зиновьевской оппозиции и леворадикальных идеологов из сталинского окружения.

Интересно сравнение деятельности Сырцова с его бывшим коллегой по работе в орготделе ЦК Л.М.Кагановичем, который в середине 20-х гг. возглавлял Украинскую парторганизацию, где стал

1. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.21. Д.3175. Л.9.

ярым проводником сталинской линии по борьбе с оппортунизмом, с т.н. "украинским национализмом". В отличие от Сырцова, Каганович доказывал, что Троцкий и Зиновьев всегда были отпетыми антиленинцами. По его мнению, с ними необходима жесткая борьба, не взирая ни на какие приличия и личные товарищеские отношения. На одной из украинских партконференций он декларировал: "основные принципы нашей партии - это непримиримость и нетерпимость к другому течению, к другой группировке в рядах нашей партии.... одновременно с введением принципа непримиримости внутри партии. Пролетариат, установивший свою диктатуру, придерживается также непримиримости в отношении других политических течений и организаций"[1].

В отличие от Сырцова, Каганович в своей книжке о Советах ни слова не говорит о важности преодоления военно-коммунистических пережитков, об уважительном отношении к интеллигенции, играющей главную роль в культурной революции и т.д. Лейтмотивом книжки является положение о том, что партию нельзя отделить от классового содержания власти, а советы нельзя отделить от аппарата осуществления власти.

Л.М.Каганович утверждал, что "выковывание кадров и вождей" партии должно осуществляться **целенаправленно**... "в теснейшей связи центральных органов партии и вождей с массами", но при этом делал акцент не на демократию, а на борьбу с оппортунизмом. Он прямо писал, что под лозунгом "за массы против верхов" и стоит разлагающая работа правого уклона. Категорически отрицая воздействие масс на верхи, Каганович сформулировал 5 "главнейших принципов" партийного строительства: I. активность рядовых членов

I. Каганович Л. Два года. От IX до X съезда КП(б).- М., 1927.- С.89.

в поддержке руководства; 2.построение партячеек на основе производственного принципа; 3 централизм,сочетаемый с демократией масс, являющийся формой организации масс, а не фетишем; 4. решающее и важнейшее значение центральных органов; 5. железная дисципилина, подчинение меньшинства большинству, идейная и организационная монолитность[1]. Трудно найти более откровенное изложение сущности тоталитарной модели правящей партии, претендующей на командование советами и другими институтами общества.

Если Л.М.Каганович и ему подобные деятели сделали бесповоротный и категоричный выбор в пользу партаппаратного центра во главе со Сталиным, то Сырцов и другие партийные интеллигенты проявили типично интеллигентские колебания и сомнения как до принятия решения, так и после. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в позициях противостоящих сторон в партии были определенные общие для всех элементы, а расхождения в ряде случаев носили полусхоластический характер. Но в целом подходы Кагановича и Сырцова отразили реальный факт функционирования в правящей полугосударственной структуре под названием"ВКП/б/" в этот период по меньшей мере двух партий с различными тактическими установками. В принципе в каждом партийном деятеле сочетались в определенных пропорциях две основных ориентации: на мировую революцию и военно-коммунистические традиции, а также на строительство социализма в одной стране с использованием в рамках нэпа частнокапиталистических элементов. В зависисмости от того, какие взгляды и в какой комбинации преобладали в мировоззреннии каждого деятеля, он примыкал либо к троцкистской оппозиции, либо к сталинским аппаратчикам, находившимися в кратковременном союзе с бухаринцами.

В ходе внутрипартийной борьбы произошла поляризация сил и

1. Каганович Л.М. Партия и советы.-М.,1928.-С.12.

кристализация позиций в политическом и личностном отношении. Как писал меньшевик-эмигрант Ст.Иванович, тоненькая пленка старой партийной гвардии большевиков "разрывается на две, уже соединимые части. Вместо импонирующей стране и рядовой партийной массе "сплоченной стаи славных" получается две хищные, оскаленные друг против друга стаи".[I] Противоборство с участием ГПУ сопровождалось моральной дискредитацией и отстранением от политической деятельности старых партийных кадров, как правило большевиков-интеллигентов, которые, прежде всего, из-за своих демократических воззрений лишались места в учраспредовской сетке - новой "табели о рангах" политической элиты. Устранив соперников-конкурентов из лагеря Троцкого, сталинцы не переводя дыхания начали поход против своих бывших союзников - Рыкова и Бухарина и их нэповской политики, заняв выгодную псевдоцентристскую стратегическую позицию, позволившую им удержать за собой сложившееся большинство партийной элиты. Они совместили "правую" целевую установку на строительство социализма в одной стране с"левыми" чрезвычайными методами ее достижения. Утопическая идея мировой революции и пугавшие большевиков нэповские перспективы остались как идеологический антураж.

Сырцов как типичный большевистский деятель симпатизировал левым идеям и даже протестовал против высылки Троцкого за границу. С другой стороны, он в практической деятельности последовательно проводил в жизнь принципы нэпа, подготовил решение о политической реабилитации казачества, призывал использовать и поддерживать накопление индивидуальных трудовых хозяйств , доказывал возможность постепенной индустриализации Сибири за счет дивидентов с развития аграрного сектора экономики, активно солидаризировался с

I. Иванович Ст. ВКП. 10 лет коммунистической монополии.-Париж. 1928. с.193.

предложениями А.И.Рыкова. Но не смотря на все это он не смог разобраться в сущности сталинского поворота, наметившегося в ходе реализации "урало-сибирского" метода хлебозаготовок, или не захотел в свете политической коньюнктуры. Так поступило большинство большевистской политической элиты.

Сырцов отразил другую характерную черту большевистской элиты – ее скрытый фракционизм, постоянное стремление образовывать неформальные группировочные центры вокруг первых лиц в центре и на местах с целью борьбы за власть или влияние на ее. Фракционно-аппаратный механизм руководства в той или иной степени функционировал в ЦК и во всех крайкомах партии, в том числе в Новосибирске вокруг Сырцова. Отличие группы Сырцова от других состояло в том, что в ней сосредотачивались оппозиционно настроенные интеллигенты, которые в будущем вступят на путь борьбы со Сталиным. Но в середине 20-х гг. эта группа носила достаточно лояльный по отношению руководству характер. В своей борьбе против экстремистских тенденций в отношении крестьянства и казачества сырцовцы избегали опираться на массы, предпочитая действовать аппаратными методами. Сибкрайком партии внес свой вклад в раскол большевистской интеллигенции, в разоблачение троцкизма как якобы меньшевизма и в ликвидацию и без того относительной и ограниченной системы "большевистского плюрализма".

В действиях Сырцова, его московских и сибирских коллег по политической деятельности отразились как в капле воды основные процессы, шедшие во всех партийных организациях и прежде всего нарастающая отчужденность партаппарата не только от трудящихся масс, но и от самой партии.

В рамках большевистской политической элиты, в основе кото-рой находилась пока еще старая партийная гвардия, начали фор-мироваться различные уровни регионального характера, субэлиты и даже подобие контрэлит. Региональные вожди, возглавлявшие краевые - сибирскую ,Северо-Кавказскую и т.п. элиты, входили в состав высшего эшелона власти. В этот период их взаимотношения с генсеком строились на основе симбиотического принципа: они поддерживали на пленумах Сталина и соответственно Сталин через систему льгот и протекций создавал им возможности для карьеры. Когда режим личной власти находился в стадии становления, та-кие услуги носили относительно равный и взаимнообуславливающий характер. Аналогичный процесс наблюдался в группировке Л.Д. Троцкого, имевшей некоторые черты специфической контрэлиты в рамках большевистской партии. Она бесспорно не была "второй партией", так как не была поддержана партийными массами и к тому же в ее состав входили действующие руководители, только временно разошедшиеся с официальным курсом. Она не имела целью уничтожение фундаментальных основ советского общества и была направлена на совершенствование режима под началом нового лиде-ра. Члены оппозиции занимали одинаковое положение в своей структуре, имели общие интересы, поддерживали своего лидера и друг друга в борьбе за власть, то есть строили отношения на симбиотической основе. Но и здесь наблюдался своеобразный культ вождей, прежде всего Троцкого, прослеживалась своеобраз-ная авторитарно-бюрократическая тенденция.

Сложные и противоречивые процессы в правящих кругах больше-визма в целом формировали необходимые условия для свертыва-ния внутрипартийной /внутриэлитной/ демократии и утверждения авторитарно-бюрократического режима власти в СССР.

§ 3. Партийная элита и российская интеллигенция накануне форсирования строительства государственно-казарменного квазисоциализма.

В ходе напряженной идейно-политической и личностной борьбы внутри большевистской элиты победу одержала аппаратно-бюрократическая группировка Сталина, разгромившая с помощью ОГПУ и ЦКК лево-коммунистическую демократическую оппозицию Троцкого-Зиновьева и начавшая дистанцироваться от былого союзника - группы большевиков-реформистов во главе с Бухариным, Рыковым, Томским. Для закрепления победы и ее развития в плане полного отстранения "левых"и особенно"правых" соратников-конкурентов от власти было необходимо определиться в вопросе об отношении к старой интеллигенции. Актуальность этой проблемы заключалось, во-первых, в активном использовании рыковской группой в качестве экспертов-советников, заместителей крупных чиновников бывших специалистов из числа буржуазной интеллигенции; во-вторых, в понимании того факта, что старая интеллигенция в отличие от рабочих и крестьян могла без труда самостоятельно выполнять управленческие функции и представлять тем самым угрозу как минимум для определенной части партгосаппарата из числа новых выдвиженцев; в-третьих, в принадлежности большой группы "правых" к интеллигенции не только по характеру деятельности, но по происхождению, образованию, воспитанию, образу поведения. По мере хронологического отдаления от революционного времени вопрос о самоидентификации слоя "пролетарских революционеров" становился все более острым в политическом и нравственном отношении. По мере ужесточения режима старая интеллигенция стала расслаиваться, что заставляло большевиков-интеллигентов радикализировать свой выбор.

Анализ взаимоотношений партийной элиты и старой интеллигенции в силу этих причин становится обязательным компонентом любого исследования социальной структуры большевистской политической верхушки. Данная проблема носит неоднозначный, крайне противоречивый характер и не допускает упрощенных толкований на уровне выявления "злодеев" и "ангелов", изначальной борьбы большевизма против интеллигенции на основе "ленинско-сталинской" репрессивной политики. Представляется, что практикуемая сегодня некоторыми политизированными историками замена одних устаревших "закономерностей" на новые с противоположным знаком, не может дать прироста исторических знаний. На наш взгляд, осмысливая опыт советской истории, очень важно помнить, что в любых событиях прослеживается все многообразие жизни общества с его противоречиями и зигзагами развития. Общественно-политическая жизнь 20-30-х гг. не может исчерпываться одними преследованиями и репрессиями, не говоря уже о том, что репрессировались не только невиновные. И хотя общая тенденция развития носила выраженный авторитарно-бюрократический характер, это не должно заставлять исследователей подрисовывать каждому большевистскому деятелю сталинские усы или бериевское пенсне.

После прихода к власти большевистской партии в лице ее верхушки в ней постоянно боролись две тенденции в отношении интеллигенции: признание необходимости последовательного использования компетентных профессионалов в решении как военных, так и хозяйственных проблем, а также политическое недоверие к старорежимным специалистам как буржуазным агентам, потенциальным контрреволюционерам и саботажникам, политическим оппонентам. В.И.Ленин в этом вопросе допускал известные колебания от

призывов к сотрудничеству со старыми специалистами до требований замены их рабоче-крестьянскими представителями. Но усилиями В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого в годы гражданской войны был реализован курс на активное использование под контролем правящей партии старых специалистов в области военного строительства, а после окончания военных действий - в народнохозяйственной сфере. Принцип рабочего управления был сменен принципом совмещения пролетарского руководства с накопленными буржуазными профессиональными представителями опытом и знаниями. Решения IX и X съездов в этом напрвлении ставили компетентность в руководстве выше социального происхождения и признавали достаточным простую лояльность старой интеллигенции к новой власти для сотрудничества с ней.

Эта линия подверглась жесткой критике со стороны группировок инакомыслящих лево-демократической направленности. Активисты "рабочей оппозиции", группы "демократического централизма" сочетали призывы к демократизации режима с борьбой против привлечения старой интеллигенции, отказываясь видеть наличие общности между оппозицией и интеллигенцией в отношении критики правящих верхов. Левые инакомыслящие доказывали, что в области культуры нужна политика подлинно "пролетарской культуры", означавшая прямое господство рабочих в культурных учреждениях, дискриминацию старорежимных деятелей культуры и прежних традиций, использование мер принуждения для создания условий культурного развития пролетариата. Наряду с А.А.Богдановым, создателем подобных представлений был Н.И.Бухарин, отдавший большую дань левацким настроениям. Г.Е.Зиновьев на XII партконференции обосновал идею о политическом наступлении на носителей буржуазной идеологии в свете произведенной массовой высылки большой группы гуманитарной интеллигенции за границу. Но центристская позиция В.И.Ленина позволила

направить усилия партии в сторону мирной организационной работы. После его отхода от политической деятельности снова активизировались апологеты концепции рабоче-коммунистического управления и оттеснения старорежимных кадров. На местах усилились требования снижения оплаты труда старой технической интеллигенции. На нее организовывались административные гонения, создавались помехи в службе, моральное ущемление, дискриминация, неэтичные поступки партийцев в отношении личностей специалистов. Главной причиной растущего "спецеедства" было невежество и низкая культура рабочих, большинство из которых было связано с деревней. Они недостаточно понимали специфику инженерного и управленческого труда. Это усиливалось распространяемыми средствами массовой информации лозунгами о всемирно-исторической роли пролетариата, его особости и сверхзначимости и т.д. Такие идеи материализовались в сознании рабочих в вульгарные представления о превосходстве рабочих над интеллигенцией. Классовый подход в оценке социально-экономических проблем превращался в иллюзию непогрешимости пролетариата как носителя абсолютной истины.

В рядах большевистской элиты также процветал классовый подход к анализу интеллигенции. Согласно этому принципу интеллигенция не являлась самостоятельным социальным слоем со своими специфическими интересами и интеллектуальной собственностью, а примыкала к определенным классам, выражая их интересы яснее и глубже, чем они сами. Наиболее нигилистически и узкоклассово относились к интеллигентам члены новой политической элиты, происходившие из деклассированных люмпенизированных слоев общества. Занимаясь революционной организаторской работой, публицистической деятельностью и другими видами умственного труда и не имея систематического обра-

зования, нравственного воспитания, полноценных качеств пролетарского революционера, они стали подлинными люмпен-интеллигентами, революционерами на один день, как говорил Горький. Усвоив психологию вечного подпольщика, всегда скрывающегося и подозревающего, они внесли ее в деятельность партийных органов, разрабатывавших политику в интеллигентском вопросе.

Аппаратно-бюрократическая группа таких деятелей, сгруппировавшихся вокруг Сталина, испытывала неприязнь к старой интеллигенции, но до поры до времени не присоединялась к антиинтеллигентским заявлениям в виду политико-конъюнктурных соображений. Шла борьба за власть и принципы в ней играли вторичную роль для вождей сталинского типа. Кроме того, как показала практика, Сталин не любил излишне самостоятельных и активных деятелей, даже если на каком-то этапе он не расходился с ними в суждениях. Логика внутрипартийной борьбы вынудила сталинцев в середине 20-х годов поддерживать умеренную линию, в отношении интеллигенции, солидаризируясь с А.В.Луначарским, с поправевшим Н.И.Бухариным, с последовательным защитником старой интеллигенции А.И.Рыковым и в какой-то мере даже с Троцким, всегда поддерживавшим специалистов-профессионалов.

В том, что ведущие большевистские деятели - хозяйственные руководители-привлекали старых специалистов, отстаивали НЭП и систему гражданского мира в обществе, была своя закономерность, так как именно большевистская партийная интеллигенция представляла собой самую подготовленную теоретически и профессионально часть политической элиты. В основном это были интеллигенты не только по социологическому признаку конкретной деятельности в данный момент, но по происхождению, образованию, воспитанию, восприятию духовного наследия старой культуры. В силу этого они

объективно тяготели к сотрудничеству со старой интеллигенцией, вступая с ее виднейшими представителями в переписку (Луначарский-Короленко) или в дискуссии (Бухарин-Павлов), просто в личные контакты. В отличие от сталинских деятелей, большевики-интеллигенты шли в ряде случаев дальше простого использования старой интеллигенции, активно привлекая ведущих ученых к разработке социально-экономических концепций реализации нэпа в народном хозяйстве,чем заслужили обвинения в свой адрес сначала оппозиции лидеров,вроде Г.Е.Зиновьева, а затем сталинцев.

Лидеры умеренного крыла большевистской элиты хорошо осознавали свое генетическое родство с интеллигенцией. Общеизвестно,что В.И.Ленин , Л.Б.Красин, А.В.Луначарский и другие в различных анкетах отмечались как "литераторы", не скрывая свое социальное происхождение, образование, основные профессиональные занятия и т.д. Н.И.Бухарин говорил, что имеет "привилегию или недостаток" - происхождение из интеллигенции, которую очень хорошо знает.

В середине 20-х годов в партийно-политической верхушке и близких к ней литературных кругах сформировалось два расходящихся подхода: жесткий, тоталитарно-коммунистический и мягкий, либерально-коммунистический. Это не были альтернативы, у них были общие исходные теоретические концепции, в основе которых находились ленинские положения о роли интеллигенции. Однако, по мере развития нэпа, его углубление, данные подходы превратились в различные тенденции с далеко идущими перспективами. Эти тенденции не только выражали сущность и направленность проводимых мероприятий в отношении интеллигенции, но и формировали образ и облик самой большевистской элиты - как правящего властного слоя.

В I924-I925 гг. прошел ряд диспутов и дискуссий по проблемам интеллигенции, которые сами по себе явились доказательством

развития нэповского плюрализма в сфере культуры. Эти дискуссии фактически были диалогом между интеллигенцией и властью. Проведя анализ позиций различных слоев интеллигенции, умеренные лидеры большевизма приняли ряд решений, способствовавших известному преодолению конфронтации с интеллигенцией, удовлетворявших ее материально-бытовые потребности. Особо важное политическое значение имело принятое по инициативе Н.И.Бухарина постановление ЦК РКП/б/ от 18 июня 1925 года о политике партии в области художественной литературы, в котором был поддержан принцип свободного соревнования группировок и течений в литературе и искусстве. В постановлении ЦК от 18 сентября 1925 г. решительно осуждалась практика спецеедства, указывались меры по улучшению условий работы и быта специалистов, предоставлению им налоговых льгот. В этом документе было заявлено: "При оценке специалистов принимать во внимание их производственный стаж, /особенно советский/ заслуги в области определенной специальности как в довоенный период, так и в послереволюционный, ни в коем случае не допуская установления отношения к специалистам исключительно на основе их классового происхождения"[1].

Развитию утверждавшейся либерально-большевистской тенденции в отношении к старой интеллигенции в немалой степени способствовал С.И.Сырцов, занимавший в 1925- начале 1926 г. посты в аппарате ЦК РКП/б/. В многочисленных публикациях он рассматривает положение дел в различных областях культуры и место старых специалистов, большевиков-интеллигентов. Анализируя состояние советской кинематографии, он требует вытеснения с экранов страны низ-

---

1. В.И.Ленин, КПСС об интеллигенции.- с.202.

копробной продукции буржуазной кинематографии, так как в ином случае трудно говорить о культурном и политико-воспитательном значении киноискусства. Он ориентирует киноспециалистов на переход на полный хозрасчет, на отражение жизни всех национальных республик, на развитие производства хроникальных картин и прекращение производства "ходульных агиток, бьющих в нос своей тенденцией".

В сферу деятельности Сырцова входило курирование клубной работы. Он стремился поставить дело таким образом, чтобы добиться высокой эффективности клубов без навязывания идеологизированных форм и содержания. Клубы - это не коммунистический орден или секта,- писал Сырцов, - и не партия, которая объединяет единомышленников. Клуб - это добровольное объединение рабочих разного культурного уровня, и поэтому недопустимо заставлять работников культуры долбить одни и те же лозунги. По мнению Сырцова, нужно, чтобы "общий дух работы подводил к политическим выводам, которые мы считаем бесспорными". Он подчеркивал, что нельзя злоупотреблять отношением к массе, как к объекту, подлежащему обработке, но в то же время, как руководитель идеологического ведомства, он предупреждал, что "нельзя перегибать палку в другую сторону - полной бесконтрольности, что ведет к халтурщине, беспринципности, обывательщине".[1]

Эти же принципы Сырцов подтверждал применительно к работе по организации сельских изб-читален . Он отмечал важность учета библиотекарями интересов крестьян, их психологии, преодоления традиционного для интеллигенции снисходительного отношения к де-

---

1. Сырцов С.И. Партия и клубная работа. // Коммунистическая революция.—1925,—№ 1.-С6.

ревне. По его мнению, 12 тысяч библиотечных пунктов должны стать очагами культуры и базой для ликвидации неграмотности. На совещании агитпропработников в июне 1925 г. он сформулировал: "Библиотекарь, особенно в деревне, наряду с учителем и избачом, в настоящее время становится главным рычагом культурного подъема".[1]

Много внимания Сырцов уделял организации культшефства над деревней, промышленных предприятий над сельскими кооперативами. Эта задача, поставленная еще В.И.Лениным, выполнялась во многом казенно и непоследовательно. Старая интеллигенция не верила в подобные начинания, а новая бюрократия относилась к ним как к лишней повинности и отделывалась легкомысленными обещаниями. Сырцов с возмущением писал, что обещания, неподкрепленные делами, только дискредитируют идею культшефства в глазах крестьян, которые смотрят на поездки шефов в деревню как на барскую затею. Эту работу нужно выполнять просто, конкретно, без бюрократических затей и организационных излишеств, думая о людях. Низкий культурный уровень широких масс трудящихся, особенно на селе, создавал предпосылки для утверждения военно-коммунистических методов руководства ими со стороны госаппарата. Сырцов подчеркивал, что последствия гражданской войны привели к отрыву советов, депутатов от народа, к росту бюрократизма. В середине 20-х годов он пророчески писал об опасности превращения советских работников в чиновников, смотрящих на себя не как на исполнителей воли трудящихся, а как начальников над населением.

В своей книге "Советы в деревне и учитель" Сырцов специально проанализировал механизм "партия-советы-население". Раскрывая

I. Коммунистическая революция.-1925.-№ 17-18.-с.6.

пути преодоления произвола, самодурства, некомпетентности руководителей в Советах, Сырцов подчеркивает особую роль именно интеллигенции: учителей, агрономов, землеустроителей, ветеринаров. Особое значение принадлежит учительскому отряду сельской интеллигении, готовящему актив общественности на селе, воспитывающему подрастающее поколение. "Общее развитие Советов немыслимо без поднятия культурного уровня населения, - писал Сырцов, - а следовательно, без деятельности учительства".

Раскрывая политику правящей партии по отношению к интеллигенции, Сырцов был обязан зафиксировать партийную позицию об отношении к старой интеллигенции. Но при этом в статье "Социалистическое строительство и интеллигенция" он категорически отверг мнения сверхретивых большевиков о том, что деревенский кулак имеет в городе союзника в лице старорежимного интеллигента. Он заявил, что "нельяз переносить данные о настроениях эмигрантских интеллигентских слоев на советскую интеллигенцию, на жестком опыте революции приведенную к необходимости переоценивать многие ценности прошлого". Анализируя высказывания лидеров белоэмигрантской интеллигенции Пошехонова и Милюкова, Сырцов доказывал, что даже для них очевиден факт участия советской интеллигенции в социалистическом строительстве, причем проявляющей в этом процессе не только казенное усердие, но зачастую энтузиазм.

Сырцов считал, что поворот интеллигенции в целом к советской власти уже прошел, "зубров, мечтающих о возврате к старому, становится все меньше и меньше". Но этот поворот необходимо закрепить, неуклонно добиваясь, чтобы группы ценных специалистов были поставлены в такие правовые, бытовые и материальные условия, которые бы гарантировали наибольшую продуктивность их работы. Многочисленные съезды учителей, участковых врачей, инженеров по-

казали, что "неуклонно рушится та оболочка кастовой замкнутости, отчуждения технической интеллигенции от рабочих масс, которая характерна для буржуазной интеллигенции".

Конечно, обращает внимание Сырцов, активная просоветская часть интеллигенции составляет пока меньшинство. Большая часть интеллигенции представляет собой довольно рыхлую обывательскую массу, не выявляющую политических интересов, но лояльную в целом к советской власти и более или менее добровольно на нее работающую. Поведение этой части старой интеллигенции во многом зависит от успехов развития советской экономики, от правильной постановки культурной работы, развития культурной революции. Кроме того, имеется и третья группа интеллигенции, пропитанная сменовеховскими настроениями, надеждами на перерождение советского государства. Но часть сменовеховцев сближается с позициями компартии. Количество дезертиров из этого слоя интеллигентов будет тем больше, чем успешней будет ход социалистического строительства, - вновь и вновь повторял Сырцов. Он подчеркивал, что партия всегда справится с попытками сменовеховцев внести в идеологию и культуру чуждые элементы. Главная опасность состоит в другом - в том, что значительные слои рабочего класса не усвоили указания партии на привлечение интеллигенции, подъем ее активности, самодеятельности, известной самостоятельности в пределах круга своих обязанностей. Неправильное отношение к интеллигенции - вот, по мнению Сырцова, подлинно действительная опасность для социалистического строительства в новых условиях.

Эту линию Сырцов продолжил в период своего руководства сибирской краевой парторганизацией в 1926-1929 г.г. Он постоянно в своих речах и статьях говорил и писал об осторожности в отношениях с интеллигенцией, необходимости отказа от администрирования и нажима.

Следует подчеркнуть, что положения, содержащиеся в работах Сырцова, не были исключением из ряда вон. Подобных воззрений в основном придерживалась вся партийная интеллигенция. Известны разнообразные работы Л.Д.Троцкого, Н.И Бухарина, А.В.Луначарского, содержащие т.н. "руководящие указания" о привлечении интеллигенции, уважительном отношении к ее деятельности.

Д.Б.Рязанов писал: "Пора покончить с тем прохладным, презрительным, индифферентным отношением к интеллигентному труду. С легкой руки целого ряда товарищей хозяйственников, индустриалистов, поклонников физического труда, у нас пошло несколько легкое отношение к умственному труду.... Пора кончать с той махаевщиной, которую мы сами породили в собственных рядах".[I]

Другим характерным примеров являются работы И.Н.Рютина - будущего героя антисталинского сопротивления. В изданной в I924 году в г.Ростове-на-Дону брошюре он доказывал, что русская интеллигенция не пойдет уже за сменовеховцами, так как в основном уже сделала выбор в пользу советской власти. Это определялось тем, что интеллигенция всегда выполняет служебную роль, являясь резервом работников "психического труда", обслуживающих ведущие классы общества.[2] В другой брошюре М.Рютин писал о важности вычленения в среде интеллигенции не только врагов, но и лучших элементов, которые влились в рабочий класс и внесли в него пролетарское сознание "извне". Особо отмечал он рабочую интеллигенцию, к которой относил и себя. Недопустимо превращать РКП(б) в чисто рабочую партию и развивать антиинтеллигентские подходы,-требовал Рютин. Надо ценить партий

I. РЦХИДНИ, ф.30I. Оп.I д.76. л.72.

2. Рютин М. Сменовеховцы и пролетарская революция. М., Ростов-на-Дону, -I924.- С.20.

ных интеллигентов, помня об их слабых местах,- не без снобизма замечал автор. Нужно бороться не с интеллигенцией, а со спецчванством в этой среде.[1]

Между тем антиинтеллигентские подходы были распространены среди части большевистской элиты, которая вышла из люмпенизированных низов царской России и вела до 1917 г. "подпольный" образ жизни.

В первые годы новой власти, когда влияние большевиков-интеллигентов не уступало воздействию маргинальных большевиков-аппаратчиков, предпринимались меры по созданию партийной интеллигенции и преодолению антиинтеллигентского синдрома.

Подготовка партийных кадров в совпартшколах и коммунистических университетах началась еще при жизни В.И.Ленина. В 1921-1923 гг. были заложены основы государственной подготовки политических кадров, чем активно занимался учраспредотдел партии. В это время В.И.Ленин и другие большевики-интеллигенты ориентировали преподавательский состав сети партийных учебных заведений не на натаскивание по теоретическому минимуму, а на широкомасштабную теоретическую подготовку. В этой сфере проявлялся заметный плюрализм в рамках официальной доктрины. Широко использовались работы Ю.О.Мартова, Акимова-Махновца по истории социал-демократии, четырехтомник "Общественное движение в России в начале XXв.", написанный меньшевистскими авторами, был популярен "Краткий курс экономической науки" А.Богданова. К чтению лекций привлекались А.Деборин, Л.Аксельрод, К.А.Тимирязев, Н.Н.Андреев, С.Г.Вархударов, Б.М.Завадский, М.И.Оленев и др., далекие от большевизма ведущие ученые.[2]

1. Рютин М. Партия и рабочий класс.- М.Гиз., 1924. С.80.
2. См.Леонова. Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах.- М.МГУ, 1972. С.91.

В двух лучших комвузах страны - им.Свердлова и Петроградском - работали большевики-интеллигенты: В.В.Адоратский, А.С.Батурин, А.С.Бубнов, В.И.Невский (Кривобоков), М.Н.Покровский, И.И. Скворцов-Степанов, М.Ф.Владимирский, А.В.Луначарский, В.П.Волгин, А.М.Стопани, А.Д.Удальцов, С.Г.Струмилин, Н.М.Лукин, Н.Н.Баранский, В.А.Быстрянский, П.Ф.Куделли, Ю.Мархлевский, Ф.Я.Кон, М.Н.Лядов, А.М.Деборин. Известны свидетельства видных ученых А.К.Тимирязева, Я.С.Пржеборовского, обеспечивавших общеобразовательную подготовку в комвузе им.Свердлова. Эти профессора отмечали воодушевление и подъем, жажду знаний слушателей, "это было совсем не то, что в старых университетах, - чувствовалось революционное творчество..."[1]. Росло новое поколение большевистской интеллигенции, которое при благоприятном развитии политической ситуации в стране могло бы обеспечить преемственность лучших революционных традиций и одновременно пресечь догматические тенденции.

Активизация политической борьбы в высшем эшелоне власти, вылившаяся в теоретические дискуссии между сторонниками Л.Д.Троцкого, Г.Е.Зиновьева и других лидеров, привела к заметной политизации системы партийного образования и снижению уровня преподавания.

Всестороннее изучение марксистской теории в контексте мировой истории было осуждено как академизм, вредный для подготовки партработников. Речь шла об изучении определенной системы работ, положений, указаний вождя, адекватных политике правящей партии. Старые члены партии пытались максимально расширить рамки этой системы. Н.К.Крупская в этой связи напоминала требования В.И.Ленина к учебе, заключавшиеся в отказе от заучивания готовых формул и развитии умения самостоятельно вырабатывать коммунистические взгляды. Однако фактически этот призыв не был услышан. Пропагандистские ведомства последовательно стремились превратить

1. Леонова Л.С. Указ. соч. - С.124

ленинизм именно в систему формул, заветов, рецептов и программ для партруководства в практической работе. Тенденция к формализации образования партийных кадров была стимулирована И.В.Сталиным, прочитавшим в 1924 г. в Комуниверситете им. Я.М.Свердлова лекции "Об основах ленинизма", ставшие образцом схематизации марксистско-ленинской теории. В.В.Куйбышев, Е.М.Ярославский выступили там же с лекциями по проблемам функционирования организационных структур партии, пропагандируя принципы централизма и дисциплины как основополагающие постулаты большевизма.

Однако студенчество комвузов, несмотря на их политическую специфику, оказалось восприимчивым к идеям противоположного характера. Это было во многом связано с молодежным составом слушателей, среди которых было ,несмотря на мандатно-кадровые отборы, большое число выходцев из образованных слоев общества. Длительный срок обучения в замкнутой среде большевистской интеллигенции приводил к отрыву слушателей от запросов люмпенизированных масс, тяготевших к абсолютному единству вокруг вождей большевизма. Заметную роль сыграла специфика преподавания в комвузах в начале 20-х гг. Комуниверситеты ориентировались на широкий набор общеобразовательных дисциплин и повышение академического уровня образования. В частности, история изучалась в общецивилизационном аспекте при достаточно узком рассмотрении истории РКП/б/ и опыта ее борьбы с различными уклонами и оппозициями. Повышение теоретического уровня образования привелу к отсеву менее подготовленных студентов и к увеличению числа интеллигентской части слушателей. Представители этой группы стремились получить как можно широкие знания и придать комвузам характер факультетов общественных профессий, а не школ подготовки работников парт-

аппарата. Объективно это была тенденция, способная в процессе своего развития и углубления обеспечить самовоспроизводство большевистской партийной интеллигенции. Впервые эта тенденция была освещена Л.С.Леоновой, которая в условиях 70-х гг. не могла интерпретировать ее иначе, чем торможением марксистско-ленинского воспитания[1]. Л.С.Леонова раскрыла процесс преодоления партийными органами "академического уклона" и утверждения партийности в преподавании в системе партшкол и комвузов. Парткомы требовали усиления связи слушательского состава с практической деятельностью местных парторганизаций, освоения навыков организаторской работы, изучения опыта разоблачения антибольшевистских взглядов, особенно т.н. троцкизма. Критика и осуждение "интеллигентщины" в системе партобразования особенно резко зазвучала после того, как выяснилась достаточно широкая поддержка красным студенчеством платформ Троцкого и Зиновьева, содержавших идеи широкого привлечения молодежи к управлению и к борьбе с бюрократизацией партии. Вызвали симпатию левые лозунги оппозиции о мировой революции и отказе от "замыкании" строительства социализма в одной стране. Ценой больших идейно-политических усилий и организационных мер руководству комвузов удалось добиться перелома в настроениях студентов и преподавателей. Для недопущения в последующем колебаний студенчества были созданы объединенные

---

1. Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах.- М.: МГУ, 1972; Она же. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях.- М.:МГУ,1979.
   Несмотря на изменившуюся политико-историографическую ситуцию в 90-х гг. указанные работы сохраняют свою научную ценность, так как в них систематизированы и обобщены материалы по воспроизводству большевистской политической элиты.

парторганизации преподавателей и студентов, контролировавшие ход дискуссий. Когда в 1925 г. лидеры "новой оппозиции" попытались опереться на "Свердловку", то их просто не пустили туда.

В ходе внутрипартийной борьбы в партийных кругах формировалось негативне отношение к интеллигенциикак к носителю инакомыслия - "оппортунизма". Это отношение ярко выразил в письме в ЦК военно-партийный деятель Е.А.Щаденко, который утверждал, что троцкизм является "формально-интеллигентским" европеизированным течением, с трудом и болью оторвавшимся от своей нервно-экспансивной матери -"пацифистско-демократической интеллигенции". Важность преодоления этого интеллигентского "футуризма" заключается в том, что он тянет к "демократизму, фракционизму, то есть парламентаризму, а это равносильно требованию расширения нэпа, то есть ослаблению диктатуры пролетариата".[1]

Иначе воспринимал эту проблему С.И.Сырцов, работавший вместе с Щаденко на Дону в 1918 г., Он в декабре 1928 г. публично решительно осудил унижение партийной интеллигенции со стороны большевиков с рабочей родословной как чванство - проявление "примитивного упрощенного пролетарского сознания". Возникший в партии антагонизм между интеллигентами и остальными членами он объяснил неосознанным влиянием мелкобуржуазной психологии на новое поколение. Сырцов отмечал, что этот конфликт приведет к негативным последствиям, прежде всего, к принижению роли идеологии и теории, носителями которых является партийная интеллигенция, в том числе рабочие интеллигенты. Третирование культурно-революционных сил и особенно дореволюционной партийной интеллигенции, по его мнению, есть "опасное явление, оно означает угрозу скатывания на путь узкого практицизма"[2].

---

1. РЦХИДНИ. Ф.71. Оп.35. Д.805. Л.1-2.
2. За четкую классовую линию: Сборник. Новосибирск, 1929. С. 156.

Вопрос об известной дискриминации партийной большевистской интеллигенции давно остро стоял в партийной среде. Еще в период "ленинского призыва" в партию и борьбы с троцкистской оппозицией было начато беспрецедентное давление и выживание большевиков-интеллигентов из госаппарата. А.В.Луначарский писал о настоящем "разгроме интеллигентской части партии" в условиях, когда ставится вопрос о привлечении интеллигенции к коммунизму. Обращаясь к Л.Б.Красину, он подчеркивал: "Конечно, ни Вы, ни я не станем утверждать, что партийная интеллигенция есть лучшая часть коммунистов, но и Вы, и я одинаково уверены, как я полагаю, что без интеллигенции вообще новое государственное строительство не может пойти и что средний уровень нашей партии, в смысле культуры и в смысле знания отдельных высококвалифицированных специальностей, достаточно низок". Луначарский считал необходимым "полное прекращение противопоставлений верхов и низов, интеллигенции и рабочих внутри самой партии".Если этого не прекратить, то партия будет "в огромной степени обезличена и обесцвечена и не сможет стать подлинно политической, культурной аристократией страны".[1]

Многие просчеты и ошибки правящей партии в практической политике были связаны со стремлением правящей партии прямолинейно командовать непролетарскими слоями населения, прежде всего, интеллигенцией и крестьянством. С.И.Сырцов постоянно отмечал, что в отношениях с ними нужны гибкость и такт, осторожность и уважение. Распространенный оттенок пренебрежительного отношения к ним является в данных условиях просто преступлением.[2]

1. Коммунист.-1991.- № 12.- с.103-104.
2. За четкую классовую линию.- с.160-161.

Этот оттенок проявляли не только отсталые рабочие, но и целый ряд партийных руководителей низшего и среднего звена. По мнению Сырцова, появился "отрицательный психологический тип руководителей, тип "братишки", горлопана, фельдфебеля. Чаще всего он невежественен, мало знает, не хочет учиться, не осознает сложности хозяйственных и политических задач. Такие руководители ко всем вопросам подходят с несложными рецептами: "взять за машинку", "накрутить хвоста", "бить по кумполу", "выправлять мозги" и т.д.[1]

Сырцов не только на словах, но и на деле боролся с партийными фельдфебелями, партбюрократами, сторонниками методов "чрезвычайщины". В феврале 1928 г. он своим решением отстранил уполномоченного по хлебозаготовкам по Омскому округу Павлоцкого, осуществлявшего "перегибы" в массовом порядке. В своем письме в ЦК Сырцов отмечал, что Павлоцкий занимался "бюрократическим планированием", устанавливал цензуру местной газеты, заявлял, что нэп практически отменен, только формально это не сказано.

Подчеркивая опасность распространения такого типа руководителей, Сырцов ставил задачи поднятия культурного и теоретического уровня партактива, "окультуривания наших рядов". Это необходимо для проведения творческой и самостоятельной политики в регионах. По мнению Сырцова, руководящие органы не могут давать исчерпывающие директивы на все случаи жизни, поэтому "к каждой директиве нужно подходить критически, уметь критиковать, неформально к ним относиться, сигнализировать необходимость их изменений и дополнений"[2].

1. См. За четкую классовую линию.-Новосибирск, 1929.-С.161
2. Там же. с.162.

Особое значение Сырцов уделял борьбе против бюрократизма в госаппарате, определяя это явление как большую внутреннюю опасность. Это связано с глубокими корнями бюрократизма - материальной бедностью страны, наличием остатков старого чиновничества и низким политическим и культурным уровнем народа. Именно эти корни обусловили развитие таких характерных черт многогранной натуры бюрократа: уверенность, что все благополучно, склонность все контролировать, отсутствие интереса к людям, презрение к критике. Задача преодоления бюрократизма требовала постоянной работы по выдвиженчеству новых кадров, установлению гарантий свободы критики госаппарата в печати, создания правовых норм, недопускающих третирование печати за вскрытие бюрократических язв, но, "конечно, без всяких попыток придать нездоровый уклон, без всяких попыток демагогии". Сырцов требовал сосредотачивать внимание не на выявлении достижений, а на внимательном трезвом анализе недочетов и ошибок. "В казенных резолюциях о достижениях, поднятии активности и пр. мы рискуем совершенно утопить то, что сейчас так важно и ценно - учет конкретного и практического опыта, тщательного его собирания и сбережения"[1].

Сама постановка вопроса о широкой гласности, о публичном развертывании критики госаппарата была в тех условиях попыткой утверждения демократических норм в условиях, когда основная линия была направлена на их свертывание. Речи Сырцова, опубликованные в сибирских брошюрах "Бюрократизм и бюрократы", "Работать по-новому", "Текущий момент" и другие, неоспоримо свидетельствуют о его расхождении в целом ряде случаев с линией Сталина.

Связь бюрократизма с бескультурьем определенной части руководящих кадров - выходцев из люмпенизированных слоев общества - была достаточно новым явлением для России. Этот факт нуждался в

1. Сырцов С.И. Работать по новому.-Новосибирск,1927.-С.4.

осмыслении, между тем в конкретных условиях "диктатуры пролетариата" это явление не подлежало критике и даже простому освещению в печати. Выявление бюрократических тенденций в руководстве правящей партии со стороны партийной интеллигенции постоянно встречало сопротивление и противодействие аппаратных структур.

Тип большевика-бюрократа, карьериста и конъюнктурщика, партийного фельдфебеля или "человека во френче", по Бердяеву, противостоял партийному интеллигенту по всем направлениям деятельности партии, требовавшим глубокого профессионализма, высокого качества руководства самой сферой культуры и интеллектуального творчества.

Расслоение большевистской элиты проявилось в дискуссиях по поводу интеллигенции, художественного творчества. В феврале 1927 года состоялся в наркомпросе доклад Луначарского "Упаднические тенденции среди молодежи /есенинщина/". В нем речь шла о том, что среди определенной части молодежи, прежде всего, среди интеллигенции, наблюдались острые приступы хулиганства, уныния, критиканства, пессимизма. Большевики-интеллигенты из оппозиции попытались связать эти факты с внутриполитической ситуацией. Это, якобы, расплата за строительство социализма в одной стране, поэтому в рабочем классе развивается пассивность и усталость, на партсобраниях царит казенщина и скука, рабочая молодежь не находит применения своей энергии в системе отношений, которая навязана госаппаратом. Е.Преображенский предложил выход: нужно вовлечь широкие массы в сферу управления, борьбы с бюрократизмом, развивать рабочую самостоятельность и культуру.

Интересно высказался М.И.Калинин: "Успех Есенина понятен так, как ужасающая сухость, бездушная мертвечина, которые наполняют все без исключения организации, комсомольские, профессиональные, а о партийных уже можно и не говорить..."[1]

1. РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.85. Д.285.Л.116

Глубоко осмыслил проблему Вяч. Полонский, подчеркнувший, что надо отделять социальное явление упадничества от личности замечательного поэта, его лирической поэзии. Почему молодежь попала под влияние упаднических настроений? Потому, что "мы перестали ценить человека, личность. Это результат гражданской войны. Наши чувства огрубели".

Такой ход диспута и особенно "интеллигентски-беззубый" доклад Луначарского вызвал недовольство в ЦК, требовавшего боевого удара, резких оценок, боевых призывов и т.д. Партийные чиновники в чине секретарей ЦК решили усилить контроль за художественной интеллигенцией, для чего требовалось ликвидировать плюрализм творческих союзов, школ, направлений, журналов.

Сам Сырцов, как партийный интеллигент, испытывал симпатии к творческой интеллигенции, в частности, к литераторам Сибири. В 1928 году при самом активном участии Сырцова в Новосибирске начала действовать литературная группа "Настоящее". В ее состав вошел целый ряд литераторов и партийных деятелей: И.Вальден, А.Генден, М.Гиндин, М.Гусев, Е.Иванов, В.Каврайский, Н.Кудрявцев, А.Курс, Н.Нусинов, М.Поликанов, Б.Резников, И.Шацкий. Эта группа заслуживает внимания, во-первых, потому, что она имела ярко выраженную политическую направленность и, во-вторых, многие ее члены - Нусинов, Каврайский, Курс, Резников входили в окружение Сырцова, оказывали на него сильное влияние и вошли позднее в оппозиционную группу.

Главной сферой приложения сил группы был выпуск журнала "Настоящее", программа которого включала в себя целый ряд лозунгов откровенно левого характера: "Корчевать тайгу мозгов", "От патриархальной Горной Шории к Тельбесу", "Убегающих от жизни в сторону лживой мечты - за шиворот и на леса советской стройки",

"Настоящее-сегодняшнее. Настоящее-неподдельное. Настоящее - предверие будущего. Будущее - коммунизма. Туда наше направление".

В области литературы главной задачей журнала стала политизация творчества писателей. Редакция заявила: литература в руках общественных классов является "одним из орудий производства идеологии", в условиях диктатуры пролетариата "литература как особый специфически-общественный вид работы должна целиком подчинить свои задачи целям и задачам рабочего класса и его борьбы"[I].

Исходя из таких левацких идейных установок, редакция журнала развернула кампанию резкой критики Максима Горького как писателя, будто бы "ушедшего от советской действительности", критики Большого театра, оперы в целом, как "дворянско-буржуазного наследства". Разоблачению подверглись произведения К.Федина, [illegible]кова, В.Панферова за "проповеди классово-чуждых идеалов". Под [illegible]мом "настоящинцев" было сменено руководство журнала "Сибирские о[illegible].

7 августа 1928 года, возглавляемый Сырцовым, Сибк[illegible] ВКП(б) заслушал доклад агитпропотдела о журнале "Настоящее" и в своем решении отметил, что несмотря на отдельные ошибки, связанные с обвинением М.Горького, в целом журнал "решительно вел борьбу с классово-враждебными элементами, с правой опасностью и примиренчеством в политике, литературе и искусстве", с "реакционной частью сибирских литераторов". В постановлении подчеркивалось, что эта борьба велась под непосредственным руководством Сибкрайкома ВКП(б).

Журнал "Настоящее" уделял много внимания утверждению в общественном сознании отвергнутой в недавнем прошлом левацкой идеи: самого решительного наступления на кулачество, осуществления коллективизации и индустриализации ускоренными темпами.

I. Настоящее.-1928. № 1.-С.2

А.Курс, являвшийся редактором газеты "Советская Сибирь", опубликовал в журнале памфлет "Куда прет". В данном сочинении он связывал идеи Н.И.Бухарина и интересы кулака.

Как согласовались эти утверждения с положениями речей Сырцова о сдержанности, об осторожности в отношении зажиточного крестьянства, об использовании накоплений кулака? Вероятно, в пропагандируемых журналом идеях находили отражение и его идеалы будущего, его мечты и иллюзии, характерные для поколения большевиков, прошедших через гражданскую войну. Как образованный и умный политик, Сырцов отчетливо понимал несовместимость этих лозунгов с реальными условиями Сибири середины 20-х годов, а следовательно с нэповской политикой партии в регионе. Именно это реалистическое мышление позволило Сырцову в конкретных делах, во всяком случае до приезда Сталина, не допускать срывов левацкого характера. После отъезда Сырцова в Москву в мае 1929 г. журнал "Настоящее" радикализировал свои позиции и усилил нападки на видных советских писателей, которые, якобы, не понимали и извращали классовую линию. В № 8-9 за 1929 год была опубликована статья "Почему Шолохов понравился белогвардейцам", в которой доказывалось, что западные издательства опубликовали роман Шолохова по близким им идеологическим основаниям. По мнению редакции, Шолохов затушевал классовую борьбу на Дону, насытив роман "половыми переживаниями". В целом, имея самые лучшие субъективные намерения, Шолохов "объективно выполнил задание кулака".

Естественно, сегодня встает вопрос - не связан ли этот пассаж в адрес Шолохова с позицией Сырцова в казачьем вопросе в годы гражданской войны на Дону. Отзыв журнала о романе "Тихий Дон", опубликованный в отсутствие Сырцова в Новосибирске, свидетельствует о том, что он не несет личной ответственности за

ее появление. Точно также он не причастен к негативно-критическому анализу этого романа, произведенному в ходе двух литературных дискуссий в Москве и в Ростове-на-Дону. Донской историк Н.Янчевский в докладе охарактеризовал автора романа как идеолога кулацкой части казачества и донского дворянства[I]. Главным источником появления таких поверхностных суждений была общественно-политическая атмосфера в период становления режима личной власти Сталина, когда получили широкое распространение вульгарно-социологические тенденции привязывания каждого писателя к позиции рабочего класса, мелкобуржуазного попутчика или врага.

В этой связи сомнительны точки зрения о том, что Сырцов прямо причастен к задержке публикации третьей книги романа "Тихий Дон", так как "когда Сырцов был назначен на пост председателя Совнаркома РСФСР, ему, да и другим бывшим деятелям Донбюро, надо полагать, не могли понравиться эти страницы шолоховского романа", на которых речь идет о расказачивании.[2]

К.Прийма отмечал, что в 1929 году Сталин был кем-то дезинформирован о имеющихся в "Тихом Доне" грубейших ошибках и прямо неверных сведениях о Сырцове и подчеркивал, что этот "кто-то читал в рукописи третью книгу "Тихого Дона". Представляется, что Сырцов, находившийся в это время в Сибири, вряд ли имел возможность читать рукописи из портфеля журнала "Октябрь". Если учесть, что журнал "Настоящее" резко критиковался руководством "Российской ассоциации пролетарских писателей", то очень сомнительно предположение о влиянии Сырцова на журнал "Октябрь" и РАПП, В то же время следует согласиться с мнением Приймы о том, что в

I. Цит.по: Прийма К. С веком наравне: Статьи о творчестве М.А.Шолохова. Изд.2,-Ростов-на-Дону, 1985,-с.190.
2. Там же,-с.146.

антиказачьих выступлениях персонажа романа Штокмана прослеживаются позиции Сырцова в казачьем вопросе во время гражданской войны. Этой напрашивавшейся параллелью воспользовались деятели РАППа.

Вероятно к задержке печати был причастен чиновник ОГПУ Малкин, принимавший участие в массовых репрессиях на Дону. Не случайно рассказ о репрессиях Малкина был снова изъят из романа при возобновлении публикации романа в 1932 году.

Получив информацию о дискредитации Сырцова, который пока еще считался верным сторонником сталинского курса, Сталин поддержал решение о приостановке публикации романа. Однако он воздержался от репрессий по отношению к роману и его автору. В письме Ф.Кону от 9 июля 1929 года он сформулировал свою позицию: "Знаменитый писатель нашего времени тов.Шолохов допустил в своем "Тихом Доне" ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что "Тихий Дон" никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи"[1].

Сталину был безразличен талант Шолохова и тем более правда о гражданской войне на Дону, но он нуждался в таких писателях. Начавшаяся сплошная коллективизация, проводимая способом, мало чем отличавшимся от расказачивания и справедливо названная современными историками "раскрестьяниванием", требовала оправдания и возвеличивания. Отстранение в конце 1930 года от политической деятельности Сырцова создало благоприятные условия для публикации третьей книги романа "Тихий Дон" и привлечения талантливого писателя к теме коллективизации.

---

1. Сталин И.В. Соч.-Т.12,-с.112.

В июне 1931 года состоялась встреча И.В.Сталина с М.И.Шолоховым на даче у М.Горького под Москвой. Сталин высказал свое мнение о недостатках романа, заключавшихся, якобы, в мягком изображении таких врагов, как генерал Корнилов, и в том, что публикация романа может сыграть на руку белогвардейской эмиграции. Эти оценки вытекали из суждений генсека о казачестве как инструменте царизма, о необходимости борьбы с врагами всех мастей вплоть до троцкистов. В этой связи мысль Шолохова о том, что репрессии на Дону осуществляли именно троцкисты, оказалась, как нельзя, кстати в свете новой развернутой кампании борьбы с троцкистами. Когда Шолохов сказал: "Казаки, люди военные, поднялись против вероломства Троцкого и Сырцова, а затем скатились в лагерь контрреволюции", вопрос о запрете публикации был снят. Сталин обратился к Горькому со словами: "Изображение событий в третьей книге "Тихого Дона" работает на нас, на революцию. Третью книгу печатать будем".

К моменту закрытия журнала "Настоящее" С.И.Сырцов уже работал в Москве в должности председателя Совнаркома РСФСР. Входившие в состав редколлегии журнала Нусинов, Каврайский, Курс, также перебрались в Москву и стали работать в партийном аппарате.

Почему же кратковременные левацкие колебания и заскоки не помешали карьере Сырцова и его приближенных сподвижников? Закрытие журнала и другие факты борьбы с так называемыми "левацкими загибами" были проявлением чисто внешней, формальной борьбы с "левизной" как продолжением ведущейся постоянно "борьбы на два фронта" в партии. Сталинский аппарат стремился закрепить в общественном сознании представление о руководстве партии, стоящем над фракциями, течениями любого характера. Применение чрезвычайных мер весной 1928 г. в ходе хлебозаготовок в Сибири могло создать впечатле-

ние о переходе сталинского большинства в ЦК на троцкистские позиции в экономической сфере и поэтому важно было продолжать критику троцкизма и любых других теоретических концепций "левого" характера. Продолжая пропагандистскую кампанию в этом направлении, правящая элита во главе со Сталиным наметила новый правый фронт борьбы внутри партии и за ее пределами. Проблема взаимоотношений большевистской элиты и старой интеллигенции вновь вышла на первый план.

В ходе развернутой в 1926-1927 гг. внутрипартийной борьбы было выявлено естественное внимание интеллигенции к этому процессу. В целом старая интеллигенция, как и рабочий класс и, тем более крестьянство, не поддержали оппозицию, однако в ее взглядах обнаружились нюансы, крайне обеспокоившие партийное руководство.

Полномочное представительство ОГПУ по Северному Кавказу провело анализ поступившей агентурной информации о высказываниях различных наблюдаемых представителей интеллигенции. В отчете в Москву сообщалось, что служащие учреждений находятся в замешательстве, скрывают свое мнение. В целом они боятся троцкистов, подозревая их в стремлении установить военно-коммунистический режим. Некоторые восхищаются мужеством лидеров оппозиции, посмевших иметь свое мнение и платформы.

Технические специалисты также высказывали сочуствие "мученикам" и "героям" оппозиции, боровшимся за свободу слова и печати, за улучшение материального положения интеллигенции и против бюрократизма. Обращается внимание, что таким образом настроены даже специалисты, подготовленные в годы советской власти. Наибольшая часть рядовых специалистов, указывали чекисты, принимают на веру заявления оппозиции, что партия собирается расширить нэп, отменить монополию внешней торговли, предполагая "спуститься на тормозах" и поэтому высказывают поддержку линии ЦК ВКП(б). Программу оппозиции

специалисты считали несерьезной, представляющей дымовую завесу, под прикрытием которой Троцкий стремится захватить власть, чтобы действовать сообразно обстоятельствам. Специалисты приходят в целом к выводу: "в конечном счете нас может интересовать только щель, в которую пройдут демократические элементы. Кто победит, Сталин или оппозиция - для нас не важно", но если оппозиционеры "перестанут говорить, это значит, что новая мысль, отличающаяся от шаблона, умрет". Это мнение было распространено достаточно широко, за исключением специалистов, участвующих в общественной работе и близких к ячейкам партии.

Большое внимание чекисты уделили профессуре вузов. В тексте отчета приводятся высказывания преподавателей о том, что солидная интеллигенция не может участвовать в политических "проказах". Это нужно молодежи из числа полу-интеллигентов, нуждающихся в вождях! Не названный в отчете профессор заявил в беседе с коллегами: "логика событий должна привести оппозицию к дальнейшим шагам в сторону сближения с беспартийными массами. История идет, но через какие этапы она пройдет, не придется ли нам переживать диктатуру худшего сорта. Во всяком случае, очертя голову, интеллигенция не может кидаться в омут событий. Мы были раздавлены, ошельмованы, но остались чистыми и рисковать своей чистотой, не зная, что может быть дальше, русской интеллигенции ни к чему. Конечно, у интеллигенции есть свои политические идеалы с разными вариациями, но наш идеал - солидное государственное здание, а оппозиция заражена демагогией. ... Но положительное у оппозиции только то, что она способствует развязыванию общественных сил". В этом выступлении наглядно проявились основные качества интеллигенции: оппозиционный дух, корпоративная гордость, противоречивость и боязнь решительных действий. Немаловажным мотивом было и опасение за свою судьбу.

Осознавая, что многие лидеры оппозиции близки к ним именно как интеллигенты с партбилетом, они проводили прямые параллели между судьбами большевистской интеллигенции и своей. В связи со снятием из ИКП известного историка В.И.Невского, опять же не называемый профессор Ростовского вуза сказал, что оппозиция безусловно проиграет свою борьбу, так как "боязнь лишиться партбилета и, главное, попасть на биржу труда, будет иметь для оппозиционеров решающее значение" и они заявят, что в конечном счете они за ЦК. Но "если партийных снимают с работы безо всяких разговоров, то нашего брата вышвырнут моментально".[1]

Преподаватель, бывший в прошлом членом меньшевистской партии, выразил надежду на либерализацию политического режима в ходе внутрипартийной борьбы. "Жизнь не уложить в прокрустово ложе, несмотря на все усилия задушить все и вся, что мыслит иначе, чем руководящая верхушка компартии, у нас все-таки образовалось две партии. Репрессиями теперь не помогут. Трещина уже настолько сейчас велика, что в нее вливаются и беспартийные элементы". Другой меньшевик предрекал: "Пройдут год-два и Бухарин поймет, что в интересах сохранения СССР необходимо сближение всех социалистических сил".[2]

Такие прогнозы и надежды вызывали значительное раздражение большевистских верхов и убеждали их в необходимости принятия каких-то мер для недопущения распространения подобных настроений.

Представители интеллигенции, как отмечал завотделом МК ВКП/б/ С.Шпигельглас, требовали ознакомления всех интересующихся партийцев с платформой оппозиции, изменения отношения к сомневающимся и инакомыслящим, возрождения ленинских традиций публичной критики

1. РЦХИДНИ. ф.17. Оп.85, Д.207, л.100.
2. Там же.

руководства, отказа от вмешательства ОГПУ во внутрипартийные дела[I].

Ситуация в партийной верхушке была известна не только высшим руководителям партии и органам безопасности. Многие большевики-интеллигенты разбирались в существе политической борьбы в партийной элите. Начальник секретного отдела ОГПУ Дерибас сообщал секретарю ЦКК Ярославскому о письме работника треста "Битумсланец" Болтникова, в котором он дал достаточно точную характеристику положения. Он писал, что в ЦК имеются левые и правые группы. К правым относятся Рыков и Калинин, а также в сущности и Сокольников, платформа которого по содержанию вовсе не левацкая. Основная левая группа Троцкого-Зиновьева и группа Сапронова-Смирнова, которая только кажется, что она левее троцкистов. ЦК должен будет развернуть агрессивную меру против лидеров оппозиции с применением аппарата власти для того, чтобы пресечь рост оппозиции. В скором времени оппозиционеров будут сажать в ОГПУ, поскольку сейчас идет активная вербовка осведомителей в среде оппозиции. После разгрома левых,-писал Болтников,-придет черед правого оппозиционного течения. Этот прогноз, сделанный в августе 1927 года, оправдался полностью[2].

Отношение старой научно-технической интеллигенции к большевистской элите было в целом недоброжелательным. За исключением немногих большевиков-интеллектуалов типа Бухарина или Луначарского, партийные лидеры воспринимались как полуинтеллигенты, самозванцы и выскочки, не обладающие нужной теоретической подготовкой для руководства страной. Наиболее активная часть старой интеллигенции пыталась сформулировать принципы отношений с большевистской властью в условиях перехода к новому этапу развития страны.

I. РЦХИДНИ. ф17, Оп.85, Д.207. л.136.

2. Там же, л.220.

В архивах секретного отдела ЦК ВКП/б/ хранится ряд листовок, распространяемых в городах Москве и Ленинграде и других центрах. Содержание листовок сводится к противопоставлению интересов интеллигенции и большевизма. Авторы утверждали, что не вся интеллигенция в России была в оппозиции к власти, но она всегда была поборником справедливости, защитником подлинных интерсов народных масс. Представители интеллигенции и только они были руководителями освободительных движений всех времен. В февральскую революцию интеллигенты оказались на высоте положения и только благодаря им было сломлено господство тирании. Переживаемое тогда военное время не дало возможности успешно бороться с новыми темными силами - большевиками, сумевшими прийти к власти и подавить свободу не хуже прежнего деспота. Вновь интеллигенция оказалась с властями по разные стороны баррикад, ее назвали врагом тех, кому она всегда служила - врагом трудящихся.

Между тем, борясь с большевиками, она боролась лишь с узурпаторами, присвоившими себе имя вождей тех, кому они были настоящими врагами. За прошедшие годы после революции политика и методы новой власти разочаровали немногих колеблющихся интеллектуалов, которые чего-то ожидали. Полная неспособность к иной, кроме кулачной, политике, ведет большевиков к несомненному и полному краху, морально он свершился давно, а формальное падение тоже не за горами. Единственной зацепкой режима, по мнению авторов листовок, является интеллигенция с ее возможностями и способностями, знаниями и опытом. Поскольку каждая минута существования деспотической власти измеряется ценой тысяч угнетаемых, то каждый, кто поддерживает большевиков хотя бы косвенно, является соучастником режима. Листовки призывали к борьбе - активной и пассивной-против власти, но так как интеллигенты к активной деятельности, как правило, неспособ-

ны, к тому нет благоприятной ситуации, то авторы призывали к другим способам противодействия.

"Пассивная в себе борьба, заметная со стороны..., подорвет постепенно, но верно, всю систему. Отсутствие инициативы, весьма умеренная, снаружи незаметная холодность (даже в любом деле) к исполнению своих обязанностей - вот то оружие, борясь с которым Вы исполните свой долг... Интеллигенции пора проснуться, пора открыть глаза и разобраться в содержании своей внутренней беспартийности".[1]

Ярким примером противоречий между интеллигенцией и большевистской властью и попытки правящей партии решить эту проблему методом принуждения явилось известное "Шахтинское дело", прогремевшее весной 1928 г. Оно стало аналогом урало-сибирской кампании по нажиму на крестьянство этого периода в другом регионе и в другой социальной среде. Большевистские партийные интеллигенты в ходе развертывания и изучения итогов и извлечения уроков были поставлены в такое же сложное положение, как и Сырцов в Новосибирске.

Подготовкой шахтинского дела занимался известный чекист Е.Г. Евдокимов, занимавший должность Полномочного Представителя ОГПУ на Северном Кавказе. До революции он был активным анархистом, совершавшим полууголовные действия, в годы гражданской войны был начальником особых отделов фронтов, награжден двумя орденами Красного Знамени. Для такого деятеля был характерен упрощенный взгляд на проблемы классовой борьбы и роль интеллигенции. Когда он получил сведения от начальника экономического управления краевого ГПУ о вредительстве среди технических специалистов на шахтах Донбасса, то он быстро осознал возможность использования этого дела для решения проблемы интеллигенции и для личной карьеры. Как сказал

1. РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.85.Д.68.Л.54.

Г.К.Орджоникидзе на ХУI съезде ВКП(б), Евдокимов своей активностью оказал большую услугу партии, которая заключалась в том,что "в то время громадное количество наших работников верило,считало, что ГПУ перебарщивает" и с большим трудом удалось убедить в существовании вредительства. Первым шагом в этой работе было сообщение Евдокимова председателю ОГПУ В.Р.Менжинскому о раскрытом вредительстве. Однако неожиданно он встретил непонимание и скрытое противодействие. Менжинский не нашел в рапорте достаточных доказательств вредительства и даже заявил, что если они не будут представлены, то встанет вопрос о вредительстве Евдокимова.Менжинский был известным пролетарским революционером, закончил юрфак Петербургского университета, знал ряд языков, был в первом правительстве Советской России наркомом финансов. Возглавив после смерти В.Ф.Э.Дзержинского ВЧК-ОГПУ, он пытался определенное время проводить "карательную политику" в рамках существовавшего законодательства. Его сдержанность вызывала неудовольствие И.В.Сталина, который стремился осуществить контроль ОГПУ через Г.Г.Ягоду - заместителя. Этот чекист сделал быструю карьеру в ОГПУ, не имея громких заслуг, полноценного образования. Типичный подпольщик-комитетчик до революции, люмпен-интеллигент по морально-нравственным качествам, он руководствовался, главным образом, политической конъюнктурой. Испытывая симпатии к умеренной прагматической линии Бухарина, с уважением относясь к интеллигенции,он тем не менее во имя карьеры отбросил в стороны свои личные пристрастия и убеждения.

Г.Г.Ягода в обход своего начальника доложил об имеющихся материалах лично Сталину. Получив его одобрение,он послал своего представителя М.Бермана в Донбасс для стимулирования расследования. В Ростове-на-Дону делом руководил Евдокимов при участии вновь назначенного секретаря крайкома ВКП(б) А.А.Андреева.

Результаты следствия были доложены Евдокимовым на мартовском Пленуме Севкавкрайкома ВКП/б/ I928 г. Он сообщил, что органы ГПУ давно наблюдали за старыми специалистами, но причин "брать за фалды эту братию" не было. Но с I927 г. гэпэушники на участке Донецко-Грушевского рудоуправления в г.Шахты обратили внимание на то, что наибольшее количество аварий падало на участки, руководимые лицми, которые наиболее энергично вспоминают "Боже, царя храни". После этого произвели аресты самых "махровых" специалистов, то есть тех, кто имел белогвардейское прошлое, и путем следствия были получены показания и злонамеренности во всех авариях. Затем начались массовые аресты, которые выявили нити в Харькове, в Москве и даже в Париже. Особое возмущение Евдокимова вызвали руководители рудоуправлений, коммунисты, которые не поверили во вредительство и сопротивлялись арестам. По их мнению, на устаревших шахтах имелось изношенное оборудование, малоквалифицированный контингент рабочих -выходцев из крестьян, отсутствие производственной дисциплины и недоверие к старым специалистам, создавали условия для повышенной аварийности и травматизма. Однако такие суждения оценивались ГПУ как утрата классовой бдительности и недоверие к ГПУ. Карательный орган еще в I927 г. сформировал принципиальное положение о приравнении небрежности должностных лиц, в результате чего произошли аварии, к государственным преступлениям. ОГПУ получило права рассматривать такие дела во внесудебном порядке по вредительству, как со злым умыслом, так и без него. Шахтинское дело стало одним из первых фактов реализации этой установки.

I0 марта I928 г. "Правда" опубликовала передовую статью, в которой задолго до суда были сформулированы в императивном тоне основные положения обвинения, политическая оценка дела и связан-

ные с этим задачи партийных и профсоюзных организаций, решения проблемы вредительства в духе хлебозаготовительной практики. Судя по содержанию, логике изложения, стилю, употреблению категоричных выражений "совершенно ясно", "очевидно" и др. автором этой передовицы был лично И.В.Сталин. Это доказывается также тем, каким вниманием пользовалась эта передовица при последовавших обсуждениях шахтинского дела в партийных инстанциях.

Председатель Совнаркома СССР А.И.Рыков выступил на Пленуме Моссовета 9 марта 1928 г. с речью, в которой впервые проинформировал общественность о вредительстве. Как большевик, он не мог не верить сведениям ОГПУ, являвшейся, по выражению Сталина, "вооруженной частью партии", тем более, что материалы следствия сопровождались оценками экспертов. В то же время начинать кампанию борьбы по разоблачению вредительства старой интеллигенции ему явно претило. А.И.Рыков был последовательным сторонником курса на сотрудничество с беспартийными специалистами и поэтому он весьма растерянно сказал: "Если бы я не знал, что имею дело с документально установленным и подлинными фактами, я бы сказал, что все это злостные выдумки, направленные против Советской власти!". Он выразил сильное удивление тому, что в одном из главных рабочих районов страны при наличии мощных профсоюзов и сильных парторганизаций могло столь долго функционировать широкомасштабное вредительство. А.И.Рыков не стал угрожать старым специалистам, требовать расправ, а наоборот, предложил активизировать работу по привлечению честных специалистов к сотрудничеству с Советской властью, недопущению спецеедства и подготовке новых красных инженеров и техников из числа рабоче-крестьянской молодежи.

На заседаниях Политбюро А.И.Рыков занял более откровенную позицию. Орджоникидзе вспоминал на ХУI съезде ВКП(б), что "Рыков

во время "шахтинского дела" очень решительно выступал против установки, которая была дана ЦК в отношении создания своих технических кадров. Он, помню, пришел на заседание Политбюро, принес целую кипу выдержек из писаний Владимира Ильича о специалистах и стал доказывать, что то, что мы предлагаем, неосуществимо, что Ильич указывал, что без буржуазных специалистов нам не обойтись, не построить нам социализм". Но Орджоникидзе не договаривал - Рыков протестовал главным образом против развязывания широких репрессий технической интеллигенции и поспешной ее замены плохо подготовленными, но политически "зрелыми" большевистскими кадрами из рабочих.

По всей стране начались митинги рабочих и специалистов по вопросу о вредительстве в Донбассе. Специалисты ВСНХ, рабочие "Красного путиловца" в Ленинграде, шахтеры в Артемовске, машиностроители Харькова гневно осуждали вредителей, призывали к сплочению вокруг партии и т.д. Эти митинги были, конечно же, организованы, резолюции согласованы, но они отразили все-таки естественную реакцию народа на полученную информацию, в которой мало кто сомневался.

Но в отличие от советской общественности, зарубежная пресса не поверила заявлениям ОГПУ и сообщила, что дело "состряпано не местными властями" и в его основе лежат политические соображения.

Партийная интеллигенция быстро осознала опасность, которой грозила новая политическая кампания. Председатель ЦКК компартии Украины Затонский в выступлении в Харькове отметил: "Понятно, что это может вызвать широкую картину спецеедства. Вот здесь придется провести большую работу, ибо, если из-за десятка специалистов, взяты под подозрение сотни, то это может обойтись нам тоже в сот-

ни миллионов рублей". Затем он предупредил коммунистов: "Глядите в оба, следите за всем, но делайте это так, чтобы не лишиться тех честных специалистов, которые у нас имеются. За годы революции мы на свою сторону привлекли симпатии многих специалистов. Мы достаточно морально сильны, чтобы привлечь на свою сторону большинство нужных нам специалистов-интеллигентов" /Правда, I928, II марта/.

На состоявшемся в марте I928 г. Пленуме Северокавказского крайкома партии в ходе обсуждения доклада Евдокимова выявилось три точки зрения различных слоев партийных работников по проблеме роли интеллигенции в социалистическом строительстве. Выдвиженцы из рабочих Семенихина, Сурикин, красные директора Шаблиевский, Францевич, партаппаратчики Пивоваров, Черномордик, первый секретарь крайкома Андреев и, конечно же, Евдокимов были убеждены, что вредительство представляет собой новую форму контрреволюции и поэтому шахтинское дело должно стать рубежом при переходе к новой политической линии в отношении интеллигенции. И.Н.Пивоваров заявил, что интеллигенцию нужно не консолидировать и объединять, так как узкая каста инженеров и техников и без того отдалена от советской власти. Нужно жестко проводить в ее среде социальную дифференциацию, выискивая новые шахтинские дела вокруг нас.[1]

Ряд известных руководителей крупных предприятий, в том числе директор "Грознефти" Ганшин, Миронов воздержались от резких суждений, продемострировав явный технократический подход. Они выразили сомнение в том, что коммунисты-рабочие могут легко и просто заменить инженеров, как утверждал Шаблиевский. Ганшин, вопреки настрою Пленума, отрицал вредительство на нефтяных промыслах, но не ставил вопроса шире и глубже.

Третью точку зрения отразили большевики-интеллигенты П.А.

1.ЦХДНИРО. Ф.7.Оп.1.Д.626. Л.15.

Богданов, Г.Р.Угаров, выразившие отчетливый протест против ужесточения политики правящей партии в отношении интеллигенции и сформуливавшие свое понимание проблемы. Профсоюзный деятель Г.Р.Угаров, являвшийся активным сторонником М.П.Томского и впоследствии вместе с ним изгнанный из профсоюзного руководства за "правый уклон" и "тредюнионизм", доказывал недопустимость усиления репрессий в отношении специалистов. Он считал, что в случившемся проявилось отклонение местных руководящих органов от правильной политики партии, а не ошибочная линия в интеллигентском вопросе. "Ни в каких решениях партии не было сказано, чтобы иметь такое отношение к специалистам, как оно было проявлено в шахтинской организации. Нигде не было сказано, что нужно бытовое сращивание хозяйственников-коммунистов, а оно имело место. Нигде не было сказано, чтобы специалисты грубо нарушали трудовое законодательство и грубо обращались с рабочими, а это было сделано. Нигде не было сказано, чтобы специалистов, явно нам враждебных, бывших собственников предприятий, выбирать в горсоветы, а это было сделано. Так что вопрос здесь не о пересмотре принципиального отношения к специалистам, а вопрос о явном грубом извращении, которое было допущено". Главной причиной случившегося Угаров назвал бюрократизм в управлении на всех уровнях, непридуманную систему работы.

Соратник В.И.Ленина, бывший руководитель ВСНХ, а в 1928 г. работавшмй предисполкома края П.А.Богданов поддержал Угарова. Как подлинный интеллигент по происхождению, образованию, роду деятельности, профессиональный революционер и старейший член партии, П.А. Богданов органично не мог принять новые требования и отношение к интеллигенции. Он выделил в технической интеллигенции три группы: первый тип специалистов - связанные с буржуазией и

враждебные советской власти, второй тип специалистов - связавшие свою судьбу с большевиками, третий тип специалистов - "большинство, промежуточная масса, которая свои убеждения скрывает и работает из-за хлеба или за плату или же к своим политическим убеждениям относится в достаточной мере безразлично". Богданов отмечал, что этой группе надо создавать самые благоприятные условия для работы, всячески привлекая ее к партии. Надо бороться за техническую интеллигенцию, не превращая ее во врага методами давления и репрессий. Конечно, говорил он, инженерство нужно контролировать и проверять с помощью ГПУ и РКИ, но нельзя немедленно заменять инженеров-организаторов рабочими, потому что для управления производством нужна подготовка. "Огульная постановка инженеров за скобки может привести к тому, что группы неинженеров наломают нам много дров", - осторожно предупреждал Богданов. Явное несогласие со сталинским курсом в отношении интеллигенции, выраженное эзоповским языком старейшим и авторитетнейшим членом крайкома вызвало возмущение присутствовавшего на Пленуме одного из организаторов шахтинского процесса - прокурора Н.В.Крыленко. Он уже отбросил прошлые колебания по проблемам возрождения неправового принципа революционной целесообразности и активно организовывал массовые репрессии, пока сам не попал под катое террора в 1937 г.

Со свойственной ему непосредственностью, он прямо заявил, что никто не собирается пересматривать политику ЦК в отношении интеллигенции. Речь идет о коррекции в свете реальных условий и реального состояния дифференциации интеллигенции, которая на практике выглядит иначе, чем обрисовал Богданов. Процессы расслоения уже завершились и в результате подавляющее большинство специалистов спаяно групповой солидарностью, придерживается безразличного

отношения к производству и не собирается помогать большевизму. Приведя ряд подобранных на эту тему фактов, Крыленко обобщил их в этом духе и подчеркнул, что указывать рабочим "заниматься спецеедством нет необходимости, они справедливо предъявляют претензии к инженерам." Богданов не прав в своих утверждениях о поощрении спецеедства в ущерб директивам партии. "Так что здесь нужно товарищу Богданову ответить, что директивы партии мы очень хорошо знаем, будем их проводить, но вместе с тем директивы партии говорят о том, что специалисты должны нам служить, а не наоборот"[I].

В заключительном слове Евдокимов прямо заявил о необходимости использовать методы гражданской войны в пресечении вредительства. К интеллигентам-специалистам надо относиться сурово, не бояться перегнуть палку, шахтинское дело совсем свежо, а "мы уже тормозами запасаемся". Все дела о безхозяйственности надо рассматривать политически, чтобы эта "гнусь" легко не отделывалась. А.А.Андреев более искусно и умело, чем Крыленко и Евдокимов, закамуфлировал переход к политике репрессий в отношении технической интеллигенции. Он говорил, что смены курса, дескать, нет, но просто нужно сочетать практический настрой в отношении специалистов с правильным их использованием. Опыт шахтинского дела он предложил использовать во всех регионах.

6-II апреля в Москве состоялся Пленум ЦК и ЦКК ВКП/б/, обсудивший два взаимно связанных вопроса: о хлебозаготовках текущего года на основе "урало-сибирского метода" и итоги шахтинского дела. Несмотря на внешнее различие, речь шла о применении методов принуждения в отношении двух социальных слоев - крестьянства и интеллигенции.

I. ЦХДНИРО. ф.7, Оп.I,Д.626, л.28.

Большевистская политическая элита на своем "парламенте" одобрила, несмотря на сомнения ряда большевиков-интеллигентов, чрезвычайные меры в обоих случаях.

Доклад по шахтинскому делу произнес А.И.Рыков. Тот факт, что разоблачение технических специалистов, как вредителей, анализировал руководитель правительства, ранее защищавший интеллигенцию, опиравшийся на доклады крупнейших специалистов типа Кондратьева и А.Чаянова, был, конечно, не случаен. Это был тонкий замысел И.В. Сталина, дезавуировавший тем самым позиции бухаринско-рыковского крыла в партии и пресекавший колебания их потенциальных единомышленников типа Сырцова.

Несмотря на политическую ангажированность доклада, А.И.Рыков провел в нем идею о необходимости осторожности в отношении нажима на специалистов. Он даже заявил: "Ни 1000, ни 2000 самых ортодоксальных ленинцев, знающих всего Ленина и Карла Маркса вдоль и поперек, не могут заменить в технических вопросах одного грамотного специалиста"[1]. Спокойный и выдержанный доклад обусловил сдержанные прения, в отличие от Пленума Северо-Кавказского крайкома. Выступавшие Жданов, Бубнов, Куйбышев, Каганович, Шварц, Молотов и другие довольно умеренно оценивали ситуацию и ставили задачи в тех или иных областях работы.

В этом плане выделяется речь директора "Донугля" Г.И.Ломова-Оппокова, который даже охарактеризовал положение в угледобыче в тресте, как успешное, и предложил полезные меры по реорганизации системы управления и контроля за производством. Ход обсуждения также показал наличие в составе ЦК трех основных позиций:

---

1. РЦХИДНИ. Ф.17, Оп.2, Д.354. Вып2, л.8.

ярых сторонников Сталина типа Кагановича и Молотова, технократов типа Ломова-Оппокова, инакомыслящих типа Рыкова.

Принятое постановление "Шахтинское дело" и практические результаты в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства" на 90% состоит из конкретных указаний по повышению квалификации красных директоров, активизации профсоюзов, подготовке кадров. Но главный элемент документа заключался в тезисе о вскрытии новых форм и методов контрреволюции в лице бывших буржуазных специалистов, организовавших якобы вредительские организации. Это нацеливало все парторганизации на борьбу с новым врагом внутри страны.

В мае-июне 1928 г. был проведен первый крупномасштабный политический судебный процесс над шахтинцами, который взбудоражил всю страну и партию. Хотя первый блин получился для Сталина комом - часть обвиняемых была оправдана, а более половины подсудимых не признало себя виновными[1], этот процесс имел исключительное значение для режима, так как он положил начало репрессиям против партийной и беспартийной научно-технической интеллигенции СССР, мешавшей практической реализации авантюрных планов.

С этого времени в общественном сознании органами пропаганды стал насаждаться стереотип восприятия интеллигенции как чуждого новому обществу явления, несущего импульс сомнения и чреватого предательством. Понятие интеллигенции стало в партии ассоциироваться с оппортунизмом, вне партии - с меньшевизмом и вредительством.

---

1. См.: подробно о процессе и его последствия: Кислицын С.А. "Шахтинское дело". Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР.- Ростов н/Д, 1993.-С.62-100.

В известном смысле эти ассоциации были правомерны, так как стихийную оппозиционную деятельность части научно-технической интеллигенции или просто ее недовольство можно оценить как процесс формирования интеллектуальной контрэлиты по отношению к большевистской политической элите. Обладая высокой культурой и знаниями, занимая крупные научно-технические должности, старорежимные специалисты могли при элементарной организованности солидарно противостоять авантюрам сталинизма. И хотя дело не дошло до образования настоящей "промпартии", как боялись сталинские чекисты, уже активно использовались такие методы, как публичная критика режима, формальная и символическая работа на грани саботажа, выпуск листовок, контакты с эмиграцией. Но это была не агрессивная с террористическими наклонностями, а чисто защитная интеллектуальная контрэлита с горизонтальной, стихийно выработавшейся структурой. У нее не было общепризнанных вождей-политиков, но было определенное сходство помыслов, выработанное условиями. Объективно к ней тяготела та часть большевистской партийной интеллигенции, которая стремилась обосновать более либеральный, эволюционный варинат развития экономики на основе углубления нэпа.

Именно поэтому подавление потенциальной контрэлиты научно-технической интеллигенции закономерно затронуло бухаринско-рыковское течение в элите большевизма. В результате массированного давления со стороны "пролетарских" вождей большевики-интеллигенты стали открещиваться от своих истоков и от себя самих, отказавшись от защиты старой интеллигенции. В это время резко активизировался процесс нравственной деформации партинтеллигенции и ее подчинения авторитарно-бюрократическому режиму.

В качестве составной части политической элиты большевики-интеллектуалы еще дальше пошли по пути социального отчуждения от образованных слоев общества и опосредствованно от подлинных интересов широких масс трудящихся.

В целом преобразования в советской России были невозможны без функционирования профессиональной политической элиты, системы распределения и перераспределения управленческих кадров, их подготовки и повышения квалификации. Правящий режим создал такой механизм осуществления власти, который позволил ему реализовать намеченные задачи. Интеллектуальная и организаторская верхушка большевизма путем формализации и институционализации под руководством Сталина, Молотова, Кагановича и частично Сырцова была превращена в привилегированный, номенклатурный слой руководящих кадров, подконтрольный высшему руководству. Члены элиты считали себя по праву "руководящим авангардом" и "духовной аристократией" страны, но пока еще они не стали полноценными бюрократами и сохраняли способность поступиться карьерой во имя идей.

В 1921-1927 гг. - период своего расцвета, большевистская элита сохраняла относительную самостоятельность, внутриэлитную демократию и пыталась в меру своего понимания интегрировать многообразные интересы трудящихся масс. Она достаточно конструктивно субординировала и реализовывала запросы высококвалифицированных рабочих, интересы сельской бедноты и среднего крестьянства и казачества, части интеллигенции и свои собственные интересы. В этом отношении показательна деятельность С.И.Сырцова в аппарате ЦК ВКП/б/ и Сибкрайкоме. Официальное выдвижение интересов трудящихся на первый план в документах создавало об элите впечатление как о выразителе чаяний народа, носителе прогресса. Но эгали-

таристские лозунги о равенстве и демократии, ликвидации эксплуатации человека человеком плохо сочетались с реальными нэповскими противоречиями, растущей бюрократизацией общества. Большевистская элита стремилась обеспечить стабильность политической системы и найти пути выхода из кризиса. В рамках регулярно созывавшихся съездов партии и Объединенных пленумов ЦК и ЦКК ВКП/б/ – своеобразных большевистских парламентов, элита разрабатывала и принимала принципиальные политические решения, формировала директивы в русле намеченной "генеральной линии" и организовывала их исполнение. Внутри элиты функционировали неформальные центры или субэлиты, отстаивавшие свои варианты решения политических и экономических проблем. Аппаратная группа Сталина, оппозиционная группа Троцкого и Зиновьева, группировка управленцев во главе с Рыковым, профсоюзных деятелей во главе с Томским, "школа молодых профессоров" Бухарина, противодействуя и взаимодействуя друг с другом, создавали возможность нахождения оптимального варианта развития страны. Однако нормальному взаимодействию субэлит по горизонтали значительно мешало усиление фракционно-аппаратной группировки Сталина, прогрессирующая бюрократизация снизу доверху всей партии. Лидеры лево-радикальной части партийной интеллигенции попытались выйти из под власти аппарата Сталина и занять самостоятельные позиции, отстаивая принципы внутрипартийной демократии. Раскол элиты, обостренный полусхоластическими дискуссиями, борьбой за личную власть и отрывом от народа вождей оппозиции, позволил сталинскому аппарату разгромить ее. Решающим фактором стали контроль Сталина над ЦКК ВКП/б/, ОГПУ, прессой, партаппаратом и опора на бюрократическую часть политической элиты. В ходе эволюции большевистская элита становилась социальной базой, объектом репрезентации и апелляции вождя – будущего диктатора.

Глава IУ. ПЕРЕРОЖДЕНИЕ И ПОРАЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В 30-Х ГГ.

§ I. "Великий перелом" партийной интеллигенции на рубеже 20-30-х гг.

1929г. по известному определению И.В.Сталина стал годом "великого перелома на всех фронтах социалистического строительства" и это было действительно так, если иметь в виду свертывание НЭПа, создание административно-командной системы управления экономикой и всем обществом. Хозяйственный расчет в промышленности сменился директивным планированием, кооперирование крестьянских хозяйств переросло в принудительную коллективизацию, экономика стала объектом волюнтаристского экспериментирования. Все это сопровождалось прогрессирующей бюрократизацией общества и господствующей партии.

Исполняющий обязанности наркомвнудела РСФСР В.Н.Толмачев, в 1928г. на II съезде административных работников республики откровенно отметил на развивающуюся опасность "противопоставления части государственного аппарата рабочему классу", что является коренным извращением принципиальной установки рабочего государства. "Это очень большая опасность и ее надо уничтожить в самом зародыше", - предупреждал нарком, будущий борец против сталинизма[1].

М.Н.Рютин - герой антисталинского сопротивления 30-х гг., писал задолго до своего подвига по поводу обнаруженных в шахтинской, артемовской, смоленских парторганизациях т.н. "гнойников", что в них забыли о таких прививках против перерождения,

I. Толмачев В.Н. Очередные задачи в области административных органов: Стенограмма докладов и заключительного слова наркома внутренних дел РСФСР на II Всероссийском съезде административных работников 24 и 25 апреля 1928 г.- М.,1928.-С.8.

как связи кадров партии с рабочими массами, систематическая проверка повседневной практики нефальсифицированным марксизмом. Рютин даже открыто заявил, что ни партия, ни политика руководящих кругов не являются самоцелью, а только народ. Это было неординарное заявление, так как в среде большевистской элиты доминировало представление о своей партии, как особом отряде - авангарде рабочего класса, спаянном единством мысли и дела, жертвами и подвигами, кровью и потом, освященном всемирной исторической миссией. Многие лидеры этой "мессианской" партии находили такие исторические аналогии своей организации, как "каста самураев" (Троцкий), "орден меченосцев" (Сталин), "революционный орден" и "железная когорта" (Бухарин) и т.д.Фетишизированное понимание роли партии, абсолютизирование ее как особой ценности, имеющей самостоятельное значение, нанесло непоправимый ущерб самой идее социализма как народовластия, ради чего создавалась изначально эта партия.

Рютин попытался проанализировать состояние руководящих кадров ВКП(б), то есть партийной элиты, в свете выявленных шахтинского, смоленского, артемовского и других "дел". Рост руководителей отстает от роста требований к этим кадрам, вытекающих из задач культурной революции. С огорчением он констатировал, что секретари губкомов партии накануне XI съезда партии по своему происхождению на 41,7% относились к графе "прочие", а не к рабочим и крестьянам. К XII съезду партии - 54,5%, к XIII съезду партии - 51,4%, к XV съезду - 51,3%. Приблизительно такой же процент выходцев из "прочих" у заворгов губкомов, несколько меньший - у секретарей уездных комитетов. Что касается заведующих

агитпропами, то выходцев из непролетарских семей здесь более 70%.

Но Рютин не призывал к простой замене кадров из "прочих" выходцами из рабочих, преданными партийному курсу и уставу ВКП(б). Главная его идея – о необходимости воспитания новых кадров, в том числе высших руководителей. "Вожди не падают готовыми с неба, они вырабатываются и отбираются всей обстановкой борьбы и социалистического строительства. Вожди вырастают путем накопления и обобщения с помощью революционного марксизма-ленинизма, политического опыта руководства массами и практической работой. А это невозможно выполнить без подтягивания молодых, показавших себя на работе сил в руководящие органы"[1].

Несмотря на самостоятельный и критический взгляд на руководящие кадры партии во главе со Сталиным, М.Н.Рютин еще не видел всей глубины проблемы перерождения большевистской партии и прежде всего ее политической элиты. В этот период яснее и четче других осознавали смысл происходящей трансформации лидеры разгромленного троцкистско-зиновьевского блока Л.Д.Троцкий и Х.Г. Раковский.

Высланный за границу Лев Давидович Троцкий опубликовал цикл статей в журнале "Вестник оппозиции", в которых развил и углубил концепцию об образовании в СССР на основе правящей политической элиты нового господствующего класса. Х.Г.Раковский в своем письме Н.Валентинову от 6 августа 1928г. проследил процесс его образования. Первоначально проявилась тенденция перехода инициативы от борющихся масс и их авангарда в руки аппарата управления. В образующейся бюрократии набрал силу дух групповщины и личных интересов. Постепенно власть становится атрибутом все более

---

1. Рютин М. Руководящие кадры ВКП(б) // Большевик. 1928. №15.

узкого круга лиц. Аппарат правящей партии превратился в "бюрократическую касту". Перерождение ленинской партии он считал следствием порочных методов сталинского руководства, основанных на жестокости, деспотизме, аморальности.

Однако несмотря на свою активную борьбу со сталинским политическим режимом большинство представителей коммунистической оппозиции в скором времени подали заявления о раскаянии. Вернувшись в столичные центры, они вновь были допущены к политической деятельности, но уже во втором и третьем эшелоне власти. Получили и положенные в таком случае иерархические привилегии, которые они ранее обличали как симптом перерождения. В исторической литературе справедливо отмечалось, что это было обусловлено переходом сталинской группировки на радикальные позиции в экономической сфере, близкие к платформе оппозиции, и невозможностью для старых революционеров существовать вне партии, ставшей их судьбой и смыслом жизни. Но представляется немаловажной третья причина - они были частью сложившейся политической элиты. Несомненно, это была лучшая часть - искренняя, честная, преданная своим идеалам, но тем не менее она обладала общим для всей элиты менталитетом властвующего слоя, достаточно далеко отдалившегося от основных масс трудящихся.

В середине 20-х гг. резко возросло значение элемента обособления политической элиты СССР - секретного делопроизводства и информации. Все чиновники ведущих партийных, государственных и военно-чекистских учреждений в центре и на местах включились в систему особой информации, которая отличалась от публикуемой в печати своей приближенностью к действительности. Сюда относились конкретные персональные дела проштрафившихся работников, закрытые решения, указы, приказы, постановления, информация о

забастовках, крестьянских волнениях, бандитизме и других фактах, не вписывавшихся в русло официальной доктрины. Секретной была информация о деятельности троцкистско-зиновьевской оппозиции - ее программные документы, заявления лидеров, прокламации, а также о вмешательстве органов госбезопасности во внутрипартийные дела. Быть допущенным к такой информации означало быть действительным членом номенклатурной элиты.

Руководство ВКП(б) отчетливо понимало важность обеспечения секретности такой информации и разработало особые правила по конспирации особого делопроизводства. Были составлены специальные списки членов номенклатурной элиты, которые получали стенографические отчеты пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б), информационные сводки отделов ЦК, ОГПУ, иностранную эмигрантскую печать. Получение и возврат документации строго контролировалось спецподразделениями, которые по истечении определенного времени сжигали ставшую неактуальной документацию. В ОГПУ существовал спецотдел, следивший за обеспечением секретности делопроизводства, допуском к нему проверенного ограниченного круга людей[1].

Расхождения интересов политической элиты и трудящихся нашли выражение в росте забастовочного движения. В информационной сводке информационного отдела ЦК ВКП(б) "Итоги колдоговорной компании 1927-1928гг." сообщалось о целой серии волнений рабочих на предприятиях всей страны, в том числе массовых забастовках в Твери, Люберцах, Ленинграде. Причинами забастовок были названы: 1. Снижение зарплаты. 2. Увеличение норм выработки, затяжка в подписании договоров. 3. Крупные недостатки в организационно-производственной и массовой работе заводских организаций. Причем наи-

1. ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.2080.Л.370.

большое число волнений было среди высококвалифицированных рабочих-металлистов. Хотя основные мотивы были экономические, в ряде случаев выдвигались и политические лозунги.[I]

Рабочие выступали против бюрократизма администрации, партийного аппарата. В одной из листовок рабочие призывались: "будьте готовы к борьбе с советской буржуазией. Да здравствует свобода! Да здравствует братство и равенство всех народов, долой советских бюрократов! Долой чиновников старой царской арммии. Рабочий класс сумеет сам править государством".[2] Шла социальная дифференциация и среди коммунистов, как ни пытались предотвратить ее лидеры партии. Характерным примером появления новых групп большевиков со своими особыми интересами являлся рост числа зажиточных крестьян из партийцев. Как информировало ОГПУ, в общей массе хозяйств крестьян-коммунистов преобладали не бедняцко-середняцкие группы, а середняцко-зажиточные со средствами производства стоимостью 300-700 рублей. При вступлении в партию они в подавляющем большинстве были бедняками, однако затем, пользуясь доверием властей, получили кредиты, доходы от советской службы, даже нанимали батраков и арендовали землю. Они сторонились участия в колхозах и преимущественно состояли в партийных кооперативах.
ОГПУ рекомендовала обкомам партии радикально пересмотреть лицо деревенских парторганизаций, чтобы в будущем иметь опору для грядущих преобразован ий.

В партии развивался процесс перерождения. На партийном сленге это называлось "болезненными явлениями" в партячейках. Сводки по фактам этих явлений регулярно составлялись информационным отделом ЦК и анализировались руководством. Болезненные факты были

I. РЦХИДНИ ф.I7 Оп.85, д,308, л.22.
2. Там же. Д.308, л.56.

вскрыты во многих губерниях,охватив широкие круги партработников. Наиболее типовыми и однородными явлениями были факты пьянства, кутежей, увлечение карточными играми, растраты государственных денег, "вербовка в специальных целях сотрудниц учреждений". Все это сопровождалось подбором госаппарата по неделовым качествам. Для таких парторганизаций характерна была "атмосфера замалчивания, безнаказанности и круговой поруки со стороны ответработников". Руководящая верхушка с помощью неверной информации пыталась создать у центра впечатление благополучия, вводя систематически в заблуждение высшие парторганы. Резко усиливалась бюрократизация парткомитетов, деятельность в ряде случаев носила явно "бумажный характер". В результате развивалась "запутанность дел в сов.органах, бесхозяйственность, бесконтрольность, несработанность советской верхушки и отсутствие всякой плановости в работе". Вскрывались подобные факты "гнили" в результате, как правило, усилий чем-то обиженных и недовольных "сообщников", не поладивших с остальными коллегами по работе.

Практически одновременно с шахтинским на всю страну прозвучало сочинское дело. В постановлении ЦКК ВКП(б) от 6 апреля 1928 года говорилось, что в Сочи, начиная с 1926 года, верхушка советского и партийного аппарата на протяжении трех лет систематически расхищала государственные средства, совершала уголовные преступления. Советские органы были засорены бюрократами и подхалимами, которые прикрывали злоупотребления высших начальников и содействовали им в их грязных делах. В этой среде процветало пьянство, разврат, всякого рода злоупотребления и использование служебного положения в личных корыстных целях. После проверки парторганизации контрольная комиссия исключила из партии около 700 человек или 11,9% состава Черноморской парторганизации.

Зав.сектором ЦК Рошаль попытался выявить причины распространения болезненных явлений в меру своего понимания ситуации. По его мнению, главным фактором являлось то, что традиционные переброски кадров затрагивали узкий круг высшего регионального руководства, а основная масса чиновников сидит на местах с окончания гражданской войны и подбирает кадры из "угодных" лично им людей. Не увидев больше никаких причин бюрократизации, Рошаль предложил оживить партруководство, своевременно реагировать на прорывы, не посылать на места проштрафившихся работников из центра, мобилизовать вокруг фактов общественно-политическое мнение партии с помощью прессы[1].

Сталинский аппарат, возглавляемый В.М.Молотовым, Л.М.Кагановичем, рассчитывал преодолеть тенденцию "нэповского" перерождения, обуржуазивания элиты на местах резким усилением контроля, давления сверху, дисциплины на основе ужесточения политического режима.

Иная политика предлагалась прагматическим крылом руководства, представленнным главой Совнаркома А.И.Рыковым, руководителем профсоюзов М.П.Томским и редактором "Правды" Н.И.Бухариным. Каждый из них имел группу близких единомышленников или учеников, которые трактовали генеральную линию партии в относительно либеральном духе и фактически склонялись к идее смешанной экономики с элементами частнокапиталистического уклада, с индивидуальным трудовым хозяйством.

Вокруг Н.И.Бухарина группировалась молодежь из числа выпускников Института Красной Профессуры, комвузов. Эти вузы были предназначены для подготовки будущей партийной интеллигенции и дейст-

I. РЦХИДНИ.Ф.17. Оп.85. Д.212. Л.7.

вительно первые выпуски дали большое количество большевистских интеллектуалов[1]. ИКП стал в глазах сталинцев рассадником всяческих партийных уклонов. Это явление было закономерным, так как существовавший в 20-е гг. "большевистский плюрализм" позволял доверенным идеологическим кадрам иметь широкий доступ к иностранной печати и литературе, включая эмигрантскую[2]. Сама природа партийного интеллигента обязывала его иметь собственное суждение о существе разногласий, партийной политики, личностях вождей. Сталин был вынужден распутить бюро партячейки ИКП за поддержку Бухарина и ужесточить правила приема и обучения. Но главное беспокойство представляли выпускники ИКП, вошедшие в окружение Бухарина и составившие костяк газеты "Правда" и журнала "Большевик". В.Н.Слепков, Д.П.Марецкий, П.Г.Петровский, Е.В.Цейтлин, А.Д.Зайцев, В.В.Кузьмин, В.Н.Астров, П.Ф.Сапожников, А.Ю.Айхенвальд стали, по выражению сталинского идеолога Л.З.Мехлиса, идеологическим ядром правого уклона. В целях предотвращения в будущем подготовки оппозиционно настроенных партийных интеллигентов, было решено формировать состав слушателей на основе социального происхождения, связи с парторганизацией, партстажа и верности генеральной линии ЦК[3].

М.П.Томский сосредоточил в Президиуме ВЦСПС и краевых советах профсоюзов реформистски настроенных кадров, таких как Ф.Я. Угаров, Г.Р.Ударов, Я.К.Яглом, В.М.Михайлов и др. В своей деятельности эти профсоюзные лидеры проводили политику правящей партии на превращение общественных организаций в передаточные звенья в механизме "диктатуры пролетариата", но одновременно пытались раз-

1. Соловей В.Д. Подготовка историков партии в 20-30-е гг. // Вопросы истории КПСС. – 1990.- № 12.- С.96.
2. Авторханов А. Технология власти.- М.,1991.
3. Мехлис И. Институт красной профессуры и проблема кадров // Партийное строительство.-1930,- № 2; Партийное строительство.- 1930.- № 6.-С.31-35.

вивать традиционную для профсоюзов функцию социальной защиты трудящихся от собственника средств производства - в данном случае государства. Попытка Томского и его окружения соблюдать относительную независимость от партийных структур вызывала сильное раздражение сталинских аппаратчиков.

Важным центром умеренных сил большевистской партии стал Московский комитет ВКП(б) во главе с Н.А.Углановым. "Ситцевая" Москва традиционно была центром легкой промышленности и ее руководители заботились о развитии отраслей группы "Б", рынках сбыта и т.д. Среди сторонников Угланова, ориентировавшегося на линию Рыкова, были М.Н.Рютин, Е.Ф.Куликов, М.А.Пеньков, В.А. Яковлев и другие секретари райкомов г.Москвы.

Наиболее серьезное и заметное влияние умеренного прагматизма прослеживалось в деятельности председателя Совнаркома СССР и РСФСР А.И.Рыкова и целого ряда правительственных деятелей. Среди них выделялись заместитель Рыкова по совнаркому РСФСР А.П. Смирнов, фактически выполнявший в силу загруженности Рыкова в союзном правительстве и Политбюро обязанности руководителя российского правительства. Его речи и статьи наглядно убеждают в том, что он был самый последовательный и убежденный сторонник НЭПа, развития трудового индивидуального крестьянского хозяйства, активного использования товаро-денежных отношений.

А.И.Рыков и А.П.Смирнов опирались на Н.П.Брюханова, В.В. Осинского, В.В.Шмидта, М.И.Фрумкина, Э.Квиринга, И.А.Теодоровича, М.Боголепова, А.И.Догадова и др. видных деятелей. В 1925-1926гг. активно поддерживал умеренную политику М.И.Калинин, выступления которого практически не отличались в содержательном плане от речей Рыкова и Бухарина. Демонстрировали свою лояльность рыковской

линии зампред ОГПУ Г.Г.Ягода и наркомвоен К.Е.Ворошилов. Особо важное значение имело единство позиций А.И.Рыкова и Ф.Э.Дзержинского. Знаменитый Председатель ВЧК-ОГПУ по воспоминаниям В.В.Валентинова был типичный "правый коммунист", требовавший умеренной политики в крестьянском вопросе. Его смерть в 1926г. серьезнейшим образом ослабила позиции рыковцев, позволила Сталину установить контроль над карательными органами и превратить их в инструмент борьбы за личную власть.

А.И.Рыков стал центральной фигурой умеренного крыла большевистской элиты, так как Бухарин был непоследователен, допускал левые отклонения в духе своих прошлых колебаний, а Томский как рабочий-революционер имел естественную предвзятость в отношении частно-капиталистических элементов НЭПа.

А.И.Рыков **систематически проводил политику, основанную** на исключительно экономических принципах и фактически придерживался политической линии 1905г. - "демократической диктатуры пролетариата с крестьянством". По воспоминаниям бывших сотрудников Рыкова, он и его заместитель А.П.Смирнов видели в крестьянском вопросе альфу и омегу экономической политики. Под влиянием идей Н.Д.Кондратьева о роли ведущей крестьянства в такой стране как Россия, он признавал важность естественного развития сельского хозяйства, вписывающегося в мировое разделение труда. Исходя из такого понимания аграрной проблемы, А.И.Рыков в середине 20-х гг. разделял идею строительства социализма "черепашьим шагом", учитывающую реальные возможности сельского хозяйства как источника накоплений для индустриализации. Прагматическое крыло большевистской партии пыталось решать задачу внутрисистемного реформирования, соблюдая социальный мир в стране и избегая потрясений и репрессий.

Но под воздействием ожесточенной внутрипартийной борьбы, критики как левой оппозиции, так и формально центристской группировки Сталина, бухаринско-рыковское направление сместилось влево, в сторону усиления государственного контроля за рыночными отношениями. Несмотря на такую эволюцию, Рыков и его единомышленники оставались приверженцами НЭПа. Противоречивость их позиции была продиктована временем и средой. Они пытались совместить традиционные для большевизма идеалы с интересами основного населения страны - крестьянства, в результате чего допускали колебания и отклонения, квалифицированные Сталиным как "правооппортунистические".

В своей работе А.И.Рыков часто выступал с технократических позиций. Это выражалось в стремлении к децентрализации управления, предоставления регионам относительной самостоятельности в ходе кампании районирования. Он активно протестовал против постоянного вмешательства orграспредотдела ЦК в решение кадровых проблем совнаркома. Характерная для большевизма непримиримость в Рыкове и ряде других большевиках-интеллигентах: Милютине, Чичерине, Оболенском, Осинском, А.П.Смирнове-была выражена значительно меньше, чем у сталинцев, что сказалось на их позиции на крутых поворотах истории. Это не означало, что А.И.Рыков был либералом в современном значении и всегда отдавал предпочтение реформам и демократии. В годы гражданской войны он эффективно реализовал свои полномочия в ранге чрезвычайного уполномоченного по снабжению в рамках системы "военного коммунизма". До революции он успешно работал в подпольных комитетах и относился к пролетарским революционерам. Наконец, он весьма недолюбливал некоторых большевико-интеллигентов:

Каменева, Сокольникова, Красина именно за "чистоплюйство". Этим обстоятельством воспользовался И.В.Сталин во время внутрипартийной борьбы середины 20-х гг. для их устранения из высшего эшелона власти.

Отсечение большевистской интеллигенции от власти как "путаников-умников", интеллигенских "хлюпиков" было для Сталина предметом первой необходимости. Они мешали твердо и непреклонно осуществлять намеченную линию форсированной индустриализации и коллективизации, подавления инакомыслия в среде интеллигенции и других слоях общества.

Выживание право-прагматического крыла нэповцев из правительственных структур началось после смерти Ф.Э.Дзержинского и назначения на пост председателя ВСНХ В.В.Куйбышева. Вскоре Л.Б.Каменева заменил гибкий А.И.Микоян, быстро влившийся в группу сталинских привереженцев. Г.К.Орджоникидзе занял пост председателя ЦКК-РКИ, позволявший контролировать назначения руководящих работников. Смерть Цюрюпы также ослабила прагматиков-нэповцев. К ХУ съезду партии из правительства РСФСР вышли А.Г.Белобородов и И.Н. Смирнов, которые хотя и являлись сторонниками левой оппозиции, но по многим хозяйственными и административным вопросам солидаризировались с Рыковым, были проводниками ряда демократических реформ. [I]

Координационную работу ЦКК и ОГПУ осуществлял фракционный центр во главе со Сталиным, состоящий из приближенных к вождю членов Политбюро и регулярно собиравшийся на заседания на пустовавшей кремлевской квартире Клары Цеткин.

Решение этого центра нанести решающий удар по буржуазно-рыковской группировке в высшем эшелоне партии было подготовлено всем ходом внутриэлитной борьбы 20-х годов. Поэтому неточно

I.См.:Кушнир А.Г. Демократическая альтернатива середины 20-х гг. /Реформа системы управления в Советской России/.М.МПИ.1989.С.27.

утверждение Г.А.Трукана, считающего, что Сталина навело на мысль разоблачать бухаринцев как правых уклонистов письмо Л.Д.Троцкого от 22 июля 1928 г. в ИККИ, в котором он призывал дать бой готовящим правый "термидор" правым "иудушкам". Если это письмо и сыграло какую-то роль, то в качестве "последней капли". Оппозиция обвиняла Бухарина в "правизне" с 1925 г. и ее аргументация была развита в конце 20-х гг.

В отличие от левой оппозиции, Сталин не довольствовался социально-экономической терминологией для дискредитации новых противников. Учитывая, что Бухарин, Рыков, Томский были соратниками Ленина, виднейшими представителями политической элиты, пользующимися авторитетом среди рабочих, крестьян и интеллигенции, Сталин огромное внимание уделил сбору компрометирующего материала исторического характера. Помощник Сталина Товстуха собирал сведения о всех расхождениях с Лениным данных деятелей, их просчетах в борьбе с троцкистами. Сам Сталин лично вел картотеку ведущих деятелей, отмечая на карточках достоинства и недостатки коллег, их основные концепции и подходы, которые он зачастую использовал как свои.

Обобщая известную ему информацию, известный деятель Итальянской компартии Серра сообщал в ЦК своей партии: "Сталин - это плагиатор, потому что не может им не быть, потому что в интеллектуальном плане он посредственен и бесплоден и потому, что втайне завидует интеллектуальному превосходству Троцкого, Бухарина и др., чего простить им не в состоянии. Он пользуется их идеями от разу к разу, от случая к случаю, в зависимости от обстоятельств. А потом, присвоив себе эти идеи, переходит в атаку против обворованных, ибо для него важны не принципы, а монополия на власть".[1]

1. Цит. по: Трукан Г.А. Политическая дискуссия 1928-1929 гг. о путях строительства социализма.-М.:Знание.1990.-С.21.

Необычайно помогли Сталину не только двухлетний опыт борьбы с троцкизмом, но и сами партийные вожди-либералы. Не претендуя на полноту власти и чураясь систематической борьбы с противоположной фракцией Сталина, они в силу неумолимой логики фракционного противоборства в верхах партии все-таки были вынуждены искать союзников, конспирировать и т.д. Делали это они столь неумело, что нанесли ощутимый ущерб своему положению в бюрократической иерархии. Особенно негативное значение имела встреча Н.И.Бухарина с только что восстановленным в партии бывшим лицером оппозиционного блока Л.Б.Каменевым. Естественно, содержание беседы с Каменевым стало быстро известно в русскоязычной эмиграции и в ОГПУ. Существуют различные точки зрения о роли Л.Б.Каменева в факте передачи сведений о мотивах его поведения, в том числе и о причастности ОГПУ к этой истории. Во всяком случае, спустя полгода в разгар столкновения этот эпизод всплыл в качестве решающего аргумента Сталина против "уклонистов". 30 января Сталин на основании неизвестно кем выпущенной листовки "Партию с завязанными глазами ведут к новой катастрофе" предъявил претензии Бухарину в создании фракционного блока с троцкистами. Бухарин назвал листовку "гнусной фальшивкой", Томский заявил, что от нее "несет пинкертоновщиной" ОГПУ.

Г.Г.Ягода, М.Трилиссер в период внутрипартийных столкновений в московской парторганизации в конце 1928 г. выступили в поддержку Угланова. М.Трилиссер даже провел заседание группы сторонников Угланова в своем кабинете на Лубянке. Г.Г.Ягода в силу своего служебного положения знал состояние в экономике и информировал руководство страны о росте забастовочного движения и крестьянских волнений. Как умный политик, он отдавал себе отчет, что предлагаемый

бухаринско-рыковской группой курс не углубление НЭПа наиболее близок к чаяниям крестьянства и может способствовать их умиротворению. Но он не обладал такими качествами, как принципиальность, мировоззренческая убежденность и принес в жертву своей карьере правильное понимание экономических проблем. Перейдя на сторону И.В. Сталина и его окружения, он переключил ОГПУ на решение задачи по разгрому правой оппозиции, не ставя в известность тяжело больного В.Р.Менжинского . Этот преемник Дзержинского не был фанатиком революции и аскетом. Эстет и полиглот, слабохарактерный интеллигент, он не вмешивался в эти дела. Секретно-политический отдел ОГПУ вел оперативное наблюдение за всеми членами группы Бухарина, регулярно сообщая сводки лично Сталину. С этого времени Г.Г.Ягода стал практически игнорировать бухаринцев, скрывая от них секретную информацию, которую им было положено знать как членам Политбюро.[1] По его указанию начальник отделения секретно-политического отдела А.Ф.Рутковский начал провоцировать оппозицию с помощью секретных агентов ОГПУ в окружении Бухарина, Рыкова, Томского на фракционные действия с целью оформления внутрипартийных течений в организационные структуры антипартийного характера. Эти планы были зафиксированы в специальной агентурной разработке СПО ОГПУ под кодовым названием "Противники".

Развертывая личностную дискредитацию партийных интеллигентов-либералов, Сталин и его окружение стремились представить дело так, что речь идет о более высоких материях: борьбе ленинизма и оппортунизма. В реальной действительности в высших партийных кругах возникло и нарастало критическое отношение к сталинскому курсу на "чрезвычайщину", свертывание НЭПа и ужесточение политического

---

1. Валентинов Н.В. Наследники Ленина.- М.: Терра, 1991.- С.192; ВЧК-ГПУ: Сборник документов.- Бернсон, 1989.- С.214-215; Социалистический вестник.-1929;-14 июня.-С.14.

режима. Партийная интеллигенция, сосредоточенная в аппарате СНК, ВЦСПС, МК ВКП(б) и в различных редакциях и вузах была объективно предрасположена к сохранению относительного и ограниченного коммунистического плюрализма в идеологии, в политической системе, к экономическим мерам регулирования взаимоотношений различных экономических укладов в народном хозяйстве. Но эта предрасположенность не успела вызреть не только в оппозицию, но даже более или менее четко оформленный уклон. Это был, говоря словами зав.агитпропом МК Мандельштама, уклон, которого не нужно бояться, но который имел тенденцию к развитию в силу наличия заинтересованных социальных слоев общества, прежде всего крестьянства. Это также было одной из причин, почему Сталин жаждал предотвратить внутрипартийные дискуссии по подобию борьбы с троцкизмом начала 20-х гг.

В обращении ЦК "Ко всем членам Московской организации" от 18 октября, обнародованном в разгар работы пленума МК и МКК ВКП(б), впервые был официально поднят вопрос о правом уклоне. На самом пленуме Сталин выступил с речью "О правой опасности в ВКП(б)". Главной задачей этих мероприятий была попытка убедить партию, что "правый" уклон не является чисто "московской болезнью" и не носит элитарного характера, а является проявлением объективной тенденции в партии, означающей "склонность к отходу от генеральной линии партии в сторону буржуазной идеологии". Сталин даже лицемерно заявил, что в ЦК есть только элементы примиренческого отношения к уклону, а в самом Политбюро нет ни правых, ни левых, ни примиренцев! Между тем продолжалось формирование условий для "разгрома" бухаринской группы и ее политической ликвидации. Один из секретарей редакции "Правды" Попов-Добовский сообщил Молотову, что Цетлин, Слепков, Астров ведут в редакции фракционную работу и на

основании этого доноса их немедленно устранили из этого органа. К Бухарину в "Правду" политкомиссаром был назначен Г.Крумин, к Томскому в ВЦСПС Л.Каганович. Однако Г.Крумин оказался не на уровне тех требований, которые олицетворял сталинский "вышибала" Л.Каганович. Слишком интеллигентный Крумин был дополнен верным сталинцам - Л.З.Мехлисом, несомненно представлявшим тип бюрократа.

Этот деятель сталинской администрации весьма характерен именно как представитель люмпен-интеллигенции, внесшей в партию такие черты, как озлобленность, жестокость, карьеризм. Он родился в 1899г в еврейской семье, получил 6-классное образование, был членом меньшевистской партии. После октября 1917г. он становится большевиком и участвует в гражданской войне. В обороте Одессы, в преследованиях анархистов в Ростове н/Д в 1918 г., боях на Украине он проявил фанатизм и жестокость. Энергичного комиссара замечает И.В.Сталин, который берет его к себе в аппарат РКИ. С этого времени он, как и Сырцов, - рядом с вождями, но в отличие от Сырцова, он "особа приближенная" к генсеку - его личный помощник, заведующий секретным отделом. Понимая, что для карьеры ему нужно более качественное образование, он отпрашивается на учебу в ИКП, который оканчивает с присвоением звания доктора экономических наук. Как "специалист" по интеллигенции, он назначается зав.отделом печати ЦК и одновременно членом редколлегии "Правды" вместо М.И.Ульяновой - давнего соратника Н.И.Бухарина. С назначением Л.З.Мехлиса произошли самые радикальные перемены в содержании и стиле работы редакции. "В самый короткий срок не только безоглядно улетучилась привычная для редакции товарищеско-демократическая атмосфера, но и сама "Правда", которая хотя и именовалась центральным органом партии, но была в общем нормальной газетой, превратилась в некую безапелляционно-

директивную инстанцию"[I].

На ноябрьском пленуме ЦК 1928г. Сталин продолжал подготовку общественного мнения партийной элиты в русле необходимости углубления борьбы с пресловутым "правым уклоном", продолжающихся в критических письмах М.Фрумкина и гнездящихся в "наших советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных аппаратах, а также в аппарате партии, особенно в низовых деревенских ячейках". В докладе генсека было указано, что спешить с оргвыводами не нужно, надо предварительно развернуть по образцу борьбы с троцкизмом идеологическую кампанию разоблачения уклона. После пленума в речах и статьях сталинцев усиленно подчеркивалось, что правый уклон отличается брюзжанием, неверием, упадничеством, стабилизационными настроениями, которые имеют место в перерождающихся клеточках партийного организма. В пропагандистских журналах идеологи партии твердили о неправомерности переноса лозунгов восстановительного периода на реконструктивный, требующий нового прочтения НЭПа в русле решительного наступления на капиталистические элементы!

Между тем группа Бухарина-Рыкова пошла ва-банк. В заявлении от 30 января 1929г. бухаринцы сформулировали основные обвинения сталинскому большинству в поощрении бюрократизма в партии, скатывании к троцкизму в экономических вопросах, военно-феодальной эксплуатации крестьянства, в разложении Коминтерна. На состоявшемся заседании Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б) 9 февраля 1929г. и пленуме ЦК и ЦКК в апреле этого же года сталинское большинство центрального Комитета отказало бухаринцам в доверии в самых резких выражениях. Но решения пленума не были опубликованы в печати, так как, по мнению Сталина, общественное мнение было не готово для

I. Ефимов Б. Хозяин послал за спичками: Жизнеописание Льва Захаровича Мехлиса // Новое время.-1993.-№ 35.-С.52-57.

известия о расколе высшего руководства. Но было принято решение о развертывании беспощадной борьбы в практической работе всех организаций со скрытой формой правого уклона,"когда органы на местах под прикрытием официального согласия с решениями извращают классовую линию".

Эти указания были конкретизированы ХУI партконференцией. На ней В.М.Молотов сделал секретный информационный доклад о борьбе в ЦК, но никаких резолюций о правом уклоне не принималось. В принятых шести резолюциях были сформулированы основные направления борьбы с так называемой "правооппортунистической практикой", в том числе:изгнание из аппарата чиновников, не дающих отпор нэпманам, очищение партии от бюрократов, борьба со скрытыми троцкистами, мясниковцами, децистами и с любым инакомыслием. Главная цель этих мер полное обеспечение единомыслия в партии, беспрекословной поддержки курса партийных верхов. Это обстоятельство стало очевидным не только для оппозиционеров, но и для ряда леворадикальных сторонников Сталина. Л.Шацкин в статье "Долой партийного обывателя" написал об угрожающих симптомах превращения значительной части партии в "молчаливое большинство", готовое проголосовать не задумываясь за любую директиву сверху, о нарастании в нижних этажах партии слоя хорошо унавоженной почвы, благоприятной для всхожести диктатуры одной личности, Близкой по духу была статья Я.Стэна.

Ответ последовал незамедлительно. Ориентированная на Сталина часть новых партийных кадров - новоявленных интеллигентов - немедленно обрушилась на инакомыслящих. В этом плане показательна статья Л.Мехлиса, Н.Ежова и П.Поспелова "Правый уклон в практической работе и партийное болото". Они всеми силами доказывали, что правооппортунистическая практика включает в себя то самое "партийное

болото", игнорирующее политику партии, а борьба с ним на основе решений ЦК есть безусловная обязанность коммунистов. В ходе разворачивавшегося процесса поиска правых оппортунистов происходил разлом партийной интеллигенции в целом и большевистской элиты в частности. Этот раскол вынуждал колеблющихся делать решительный выбор и он осуществлялся, как правило, в пользу сталинизма. Присоединяясь к мехлисам и поспеловым, партийные интеллигенты делали не только политический, но и нравственный выбор, который в значительной степени предопределил их дальнейшую судьбу.

Само участие в идеологических разгромных кампаниях, в ошельмовании своих товарищей предопределяло многие последующие позиции потенциальных сторонников оппозиций. Поддержав Сталина в его замыслах, замаравшись в грязи интриг, пропагандистских разоблачений, приняв на себя часть ответственности за новый поворот в политике, большевики-интеллигенты сковывали себе руки и совесть. В этом отношении интерес представляет позиция С.И.Сырцова, который будучи близок по взглядам к умеренному крылу руководства, стремился сделать карьеру в 1929 г. - стать премьером российского правительства.

И.В.Сталин решил освободить А.И.Рыкова от должности руководителя Совнаркома РСФСР под предлогом децентрализации и повышения статуса самостоятельности этого поста, не связанного с такой же должностью в СССР. Вопреки мнению Г.Маленкова, не верившего Сырцову, Сталин склонялся к назначению Сырцова на этот пост. Решающим моментом нового назначения стала речь Сырцова на апрельском Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929г.

Речь Сырцова на этом пленуме была выслушана без реплик и замечаний, что для этого собрания элиты было не характерно. Большевистский парламент внимательно слушал кандидата на высокую

должность и оценивал его политическую позицию. Сырцов сдал экзамен на верность и преданность сталинскому большинству более чем успешно.

Он заявил, что внутрипартийный кризис вызревал давно и уже перезрел. Давно уже выявился разнобой бухаринской "Правды" и остальной прессы, а ЦК не замечал этого и оказался не на высоте своего положения.

Политбюро не отчитывалось перед ЦК, как положено, между тем это дало бы возможность ЦК систематически следить за работой своего штаба, откликаться своевременно на малейшие тревожные симптомы. Это пожелание внутрипартийной демократии и подотчетности Политбюро - ЦК звучало достаточно интересно, но поскольку оно шло в русле борьбы с Бухариным, на него никто тогда не обратил внимания.

Главное внимание Сырцов уделил деревне. Поскольку кулачество утверждает, что мы имеем фактическую отмену НЭПа, то позиции Бухарина, Рыкова, Томского дают добавочные аргументы для этих заявлений, - довольно противоречиво высказался Сырцов. Обвинения правых неправомочны, так как только "худшие и наиболее слабые" партработники переводят наступление на кулака "на привычные рельсы продразверсточных отношений". За этими недостатками, по мнению Сырцова, нельзя видеть отмену НЭПа, потому что "условия НЭПа в настоящее время не те". Далее Сырцов так развил эту мысль: "Мы никогда не представляли НЭП как застывшую систему отношений. Новая система НЭПа заставляет рабочий класс брать инициативу, ибо крестьянство не может этого сделать в силу свой собственной сути. На опыте нашей сибирской практики я утверждаю, что сибирское кулачество или, во всяком случае, его значительная часть, в своем хозяйственном развитии дошла до таких пределов..., что логикой своего хозяй-

ственного развития и логикой классовых отношений кулачество неизбежно толкается на то, чтобы ломать советские хозяйственные и политические рамки". Но обострения классовой борьбы реально нет, есть только осложнения в 5-7 селах по причине произвола бюрократического аппарата. Членам Политбюро надо судить о положении в стране не только по письмам крестьян и сводкам ОГПУ, в которых естественно сгущаются краски, а почаще выезжать на места. В заключение Сырцов предложил реконструировать Политбюро, чтобы обеспечить его "большую устойчивость, большую однородность".

Итак, с одной стороны, Сырцов за НЭП, с другой - против кулака, в разжигании классовой борьбы видит вину госаппарата, призывает не доверяться сводкам ОГПУ, контролировать состав Политбюро, но при этом фактически поддержал предложения о выводе из политбюро бухаринцев. В целом это выступление устроило Сталина и назначение Сырцова на пост Предсовнаркома России вскоре состоялось.

В мае 1929 г. на XIУ Всероссийском съезде Советов назначение С.И.Сырцова было оформлено официально. В июне он был кооптирован кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

С.И.Сырцов с воодушевлением приступил к работе, опираясь на свой богатый опыт руководства огромным сибирским краем. Однако вскоре он убедился в том, что пост председателя Совнаркома РСФСР не вписывается в систему политического и народнохозяйственного руководства, сложившегося к этому времени. Все нити руководства сходились в кремлевском кабинете Сталина, а на долю республиканского правительства выпадала честь выполнения указаний и конкретизации решений. РСФСР в условиях сталинского "союза республик", превратившегося фактически в унитарное государство, не имела даже той самостоятельности, которая декларировалась применительно к

другим республикам. В силу этого пост Предсовнаркома РСФСР становился передаточным звеном высшего уровня, а Сырцов - высокопоставленным чиновником, отвечавшим за функционирование второстепенных республиканских наркоматов местной промышленности, коммунального хозяйства и др. Хотя Сырцов прекратил пропаганду нэповских лозунгов и добровольно-вынуждено поддержал высшее политическое руководство в лице Сталина и его окружения, он рассматривался ими не как самостоятельный политик, а в качестве крупного организатора и надежного исполнителя. Сталин был уверен в том, что Сырцов и другие большевики-интеллигенты под впечатлением разгрома бухаринской группы полностью подчинились режиму и с ними не будет хлопот, как с Рыковым или Бухариным.

Такое место в системе мало устраивало Сырцова - политического деятеля по призванию. Выполняя возложенные на него обязанности, он стремился внести свой творческий вклад в формирование политики партии. Его собственное видение проблем отличалось от официальных установок, что постепенно стало проявляться в речах. Несмотря на то, что он вместе с большинством элиты занимал антибухаринскую позицию, он в своих выступлениях осуждал "правых" только за самоуспокоенность, пассивность, призывы к умеренности. Сырцов считал, что реальные условия, трудности "все время подстегивают нас, они не дают нам спать. Они толкают на такие темпы, которые мы ни при каких других условиях не торопились бы достигнуть"[1]. Считая важным известное форсирование развития экономики, он предпочитал не классовую борьбу или насилие в любых его формах, а на организацию и законность. По его мнению, необходимо преодоление косности технической, хозяйственной и партийной мысли. Говоря о рутине, головотяпстве,

1. Сырцов С.И. На пороге нового хозяйственного года: Доклад на 1 областном /Московском/ съезде Советов.- М.ГИЗ.1929.

Сырцов советовал не злоупотреблять чисткой кадров под лозунгом борьбы с вредительством. Переделка кадров - то есть их перевоспитание - должно осуществляться таким образом, "чтобы в нашей среде исчезло верхоглядство, чтобы мы научились учитывать и осознавать свои недостатки, чтобы каждый работник вышел за пределы ограниченного кругозора".[1] При этом он отмечал недопустимость видеть вредительство там, где вместо ставки на голый энтузиазм рабочих проводится научный финансово-экономический расчет. Он прямо писал, что экономисты-партийцы слабы в финансовой политике, между тем принципы рентабельности, себестоимости, хозрасчета должны стать основополагающими в промышленности и в сельском хозяйстве. В целом хозяйственные задачи "переросли уровень наличных кадров. Мы все на одну-две головы ниже задач, выдвигаемых жизнью", - эта мысль Сырцова объясняет его негативное отношение к кампании преследования технической интеллигенции. Он, в частности, в заявлении в ЦК ВКП(б) писал, что обычные ошибки и недочеты часто квалифицируются как вредительство, а это мешает их исправлять. С другой стороны, - руководство использует эти дела "для добавочной пользы, держа обвинительный материал, косвенно набрасывающий тень на коммунистов - руководителей соответствующих отраслей, чтобы сделать их послушными".

Но подлинное значение кампании борьбы с вредительством выходило за рамкаи отмеченных аспектов. Преследование старой интеллигенции отражало фундаментальное требование бошьшевистского гегемона - установить общественное единомыслие как важнейшую предпосылку строительства нового общества. Эта цель преследовалась в ходе аналогичной кампании в самой ВКП(б).

Вредительство может заключаться не только в злостной критике,

1.Сырцов С.И.Пройденный этап и наши задачи.Доклад на 1 Нижегородской конфренции ВКП/б/ 5 авг.1929г.-М.:ГИЗ.1929.С.50

не только в торможении темпов социалистического строительства, но и в навязывании в отдельных случаях непосильных темпов и задач. Мы должны разоблачать уклоны специалистов, но должны искоренять огульную поверхностную критику, которая иногда из пушек стреляет по воробьям". Осуществляя чистку партии, писал он, надо быть осторожным, избегать трагических ошибок, не поддаваясь на провокации нэпманских элементов, которые специально дискредитировали своих противников. Приведя примеры из деятельности астраханской и азербайджанской партийных организаций, Сырцов отметил, что залогом правильной чистки и полного освобождения партии от "гнили" является критика снизу руководства[1].

Одним из первых крупных выступлений на Всесоюзной арене в качестве председателя Совнаркома РСФСР была речь на Всероссийском совещании крупных колхозов 3 июля 1929г. Накануне форсирования сплошной коллективизации Сырцов призывал руководителей колхозов увязывать процесс коллективизации с конкретными особенностями регионов, не допуская "неувязки" и диспропорции в хозяйствах, происходящих "из-за непригодности, неорганизованности, бестолковости". Давая высокую оценку достижениям, что было в любом случае обязательным для деятеля его уровня, он делает акценты, отсутствующие у большинства политических руководителей. Сырцов откровенно писал: "Относительно крупные успехи могут привести нас к тому, что мы зазнаемся и впадем в чванство. Нам надо прямо сказать, что наряду с крупными успехами есть много теневых сторон, на которых мы должны фиксировать внимание"[2]. В том числе он отмечал, что в ряде мест имеется уродливое выполнение плана кооперирования на основе использо-

1. Сырцов С.И. Пройденный этап.- С.54.
2. Сырцов С.И. Колхозы и план социалистического строительства.- М., 1929.- С.10-11.

вания методов администрирования. Новые колхозы должны управляться научно, рационально, чтобы обнаружить свои преимущества перед индивидуальным хозяйством. На деле "качество труда в колхозах часто хуже, чем в крестьянских хозяйствах. Новые стимулы взамен интересов собственника лишь медленно и постепенно начинают внедряться". Колхозы не обеспечены техникой, не умеют правильно организовать труд своих членов и самое главное - подчинены множеству инстанций, что приводит к срыву хозяйственных мероприятий, "требующих быстроты и гибкости". Колхозцентр не должен решать оперативные вопросы из Москвы и в целом нужно "не перебарщивать в области централизации, не глушить, а поднимать инициативу масс".[1] На фоне шапкозакидательских лозунгов о темпах коллективизации речь Сырцова выбивалась из ряда вон и обращала внимание своей умеренностью, сдержанностью, критическим настроением и в целом иным пониманием сущности колхозного строя.

Сырцов видел, что взятые темпы если не непосильны, то на пределе возможностей страны, но трудности внешние и внутренние подстегивают СССР, "толкают нас на такие темпы, которые при других условиях не торопились бы достигнуть". Так он объяснял ситуацию в докладе на II-й сессии ВЦИК.

Решение поставленных задач он считал возможным при условиях:
1) правильной пропорции между жесткой централизацией управления и планирования и децентрализаций известных функций, без которой нельзя использовать активность трудящихся и их инициативу;
2) преодоления антиспецовских настроений, ибо "успешное строительство социализма означает торжество научной мысли... И мы должны обязательно обеспечить тем людям науки и техники, которые хотят помочь переделать старую, рабскую, сермяжную Россию на новый

1. Сырцов С.И. Колхозы и план социалистического строительства.- М.1929.-С.12.

социалистический лад, почетное место в наших рядах"; 3) научного и организационного обеспечения сельского хозяйства. Говоря об обобществлении животноводческих хозяйств, он отмечает, что "было бы совершенно неправильно недоучитывать реальных возможностей, которые имеются в индивидуальном хозяйстве"; 4) правильной постановки вопроса о колхозном строительстве, ибо не всякий колхоз является социалистическим хозяйством[1].

Развивая политику мобилизации средств и ресурсов на расширение колхозного строительства, Сырцов считал возможным использовать средства, финансы верхушечной части деревни, привлекая их на условиях, исключающих ущерб по отношению к собственникам. СНК РСФСР представил право сельским обществам устанавливать обязательные вклады-займы зажиточных хозяйств на финансирование мероприятий по развитию данного села[2]. В постановлениях СНК РСФСР по вопросам сельского хозяйства, подписанных Сырцовым, содержится целый ряд проработанных, конкретных рекомендаций, в ряде случаев отличающихся от официальных политических установок. Так, в постановлении СНК "О плане весенней сельскохозяйственной производственной кампании 1930г." содержались указания об увеличении поголовья скота в индивидуальных крестьянских хозяйствах. В пункте 27 отмечалось, что наряду с развертыванием колхозного строительства надо широко использовать простейшие формы кооперации и т.д. В постановлении СНК РСФСР по докладу Госплана РСФСР о конъюнктуре народного хозяйства РСФСР за I квартал 1929/1930 гг. от 11 февраля 1930г. содержатся меры по пресечению массового забоя скота и других негативных последствий сплошной коллективизации. В нем указывалось, что бороться надо как с кулаками, так и с ретивыми адми-

1. Сырцов С.И. Второй год пятилетки: Доклад на II сессии ВЦИК. – М.,1929.– С. 25, 26, 40, 53, 46.
2. Там же.

нистраторами, своими извращениями, провоцирующими крестьян на уничтожение поголовья скота.

Тема борьбы с левацкими перегибами в аграрной политике занимала большое место в речах Сырцова. В докладе на I Московском съезде Советов он предупреждал об опасности военно-коммунистических рецидивов, в результате которых на середняков обрушиваются меры, предназначенные для кулаков[1]. Он остро воспринимал очевидный факт, что перегибы инспирируются сверху газетами и подстегиванием их ЦК ВКП(б). Впоследствии он писал в ЦКК, что непонятные для него действия руководства выбивали его из равновесия и заставляли задумываться о компетентности Сталина и его окружения. Именно в это время у него сложилось мнение о генсеке, как о лидере, не желающем знать реального положения, не умеющем быстро и правильно маневрировать и ждущем сильнейших толчков извне, прежде чем самому искать выход из кризиса.

Сырцов имел ввиду необходимость определения Сталина и Политбюро в отношении разрастающегося насилия в ходе коллективизации. Под нажимом здравомыслящих членов Политбюро Сталин подготовил статью "Головокружение от успехов", в которой была сделана специфическая попытка ограничить так называемые перегибы и навести порядок в процессе коллективизации. Сырцов, не дожидаясь появления этой статьи, выступил в Институте Красной Профессуры с речью, которая была опубликована в журнале "Большевик" в конце февраля 1930г.[2]. Сравнивая статью Сталина и публикацию Сырцова, бросается в глаза принципиальное отличие в оценках так называемых "перегибов". По мнению Сырцова, этот термин слишком мягок и не

1. Сырцов С.И. На пороге нового хозяйственного года: Доклад на I областном (Московском) съезде Советов.- М. 1929.-С.28-29.
2. Сырцов С.И. Задачи партии в деревне: Перераб. доклад 20 февраля 1930г. в ИКП // Большевик.-1930.- № 5.-С.41-59.

отвечает действительности, ибо в реальности существует определенная тенденция в деятельности руководителей - "подменить регулирование сложных экономических отношений самыми упрощенными грубыми административными наскоками". Рассуждая о причинах появления этой тенденции, он далеко ушел от сталинского объяснения ситуации. Сталин подчеркивал, что искривления возникли как отрыв от реальности в "результате того, что у некоторых наших товарищей закружилась голова от успехов и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда". С.И.Сырцов поставил вопрос гораздо глубже: "Как возникают бумажные темпы?.. Они вырастают ... не из одного революционного энтузиазма. Зачастую энтузиазмом прикрывается казенный оптимизм, не утруждающий себя заботами об устранении недостатков и предпочитающий на все смотреть через розовые очки и втирать их другим". Утверждающаяся прослойка партийно-государственной бюрократии, членов которой он назвал "казенными оптимистами", обнаруживала свою не только антикрестьянскую, но и антирабочую подкладку. Конечно, Сырцов в статье не мог прямо сказать об усиливающемся отчуждении трудящихся масс от власти, но как показывает анализ его работ, он понимал это. Необходимо принятие политического решения ЦК ВКП(б) по осуждению перегибов, - настаивал он, - и при этом отмечал: "Мы неправильно бы понимали задачи руководства, если бы теперь относились терпимо к перегибам, а потом навалились бы на низовых работников и сделали бы их ответственными за все ошибки". Этот тезис расходился с положением Сталина о безусловной правильности политики центра и ошибочной практике на местах и вплотную подводил к выводу о необходимости коррекции политики произвола в организации коллективизации и т.н. раскулачивания. Сомнения Сырцова не были исключительным явлением в среде

большевистской интеллигенции. Например, Н.К.Крупская пыталась обратить внимание партийных организаций на преодоление массовых перегибов в ходе проведения коллективизации сельского хозяйства. В выступлении на X Бауманской конференции г.Москвы она проанализировала систему выявленных фактов "перегибов" и намекнула на несоответствие проводимой практики с ленинским кооперативным планом. Ее выступление подвергалось разносной критике Л.М.Кагановича и В.В.Куйбышева. Л.М.Каганович в свойственном ему стиле оценил выражение Н.К.Крупской о партии, не умеющей учитывать конкретные условия и "прислушиваться к голосу крестьянства" как играющее на руку правым и троцкистам. Недовольство Кагановича вызвали мысли Надежды Константиновны об ошибках руководства, неправильно определившего начало этапа поворота крестьянства к колхозам. Но особенно плохо выглядело, по мнению Кагановича, сопоставление политики Троцкого 1920г. по милитаризации профсоюзов с коллективизацией. В.В.Куйбышев в заключительном слове всячески подчеркивал непричастность ЦК к практике перегибов, возложив ответственность за них на нового секретаря МК ВКП(б) К.Баумана, проявившего "примиренчество" к левым загибам. Крупская проявила, по его мнению, немарксистскую постановку вопроса , обвинив в недостатках ЦК и потакая этим троцкистам и бухаринцам. Естественно, что под нажимом двух сталинских клевретов Крупская сдалась и заявила о своей безоговорочной поддержке курса сталинского ЦК, с которым у нее нет разногласий, а были только "неясности" и нечеткости в формулировках[1].

С середины 1930г., по мере нарастания затруднений в экономическом развитии, С.И.Сырцов постепенно отходит от поддержки ста-

1. О выступлении тов.Крупской на X Бауманской партконференции.- МК ВКП(б) 1930 г.

линской политики. В начале 1930 года он выпустил брошюру "О наших успехах, недостатках и задачах", в которой он дал реалистическую и в то же время критическую оценку состояния экономики. Критический пафос характерен и для речи С.И.Сырцова на ХУI съезде ВКП(б). Отдав должное центральной теме съезда - обличению "правого уклона", он вместе с тем описал сохраняющиеся диспропорции между тяжелой и легкой промышленностью, между промышленностью и сельским хозяйством, между количеством и качеством промышленной продукции, формализм в управлении производством, бюрократизм в организации соревнования. Наконец, он остро поставил вопрос о необходимости превращения РСФСР в "законченное целое, сколько-нибудь приближающееся к типу других республик"[1], т.е. об оформлении суверинитета России.

30 августа 1930 года на объединенном заседании СНК и ЭКОСО РСФСР он выступил с речью по докладу Госплана "О контрольных цифрах на 1930/31 год". Эта речь содержала наиболее полное и резкое изложение позиции Сырцова, Отпечатанная в количестве 10 тысяч экземпляров под названием "К новому хозяйственному году" и разосланная по райисполкомам всей страны, эта брошюра стала его подлинной платформой-программой, а по мнению сталинского руководства, "фракционным манифестом". Однако С.И.Сырцов не только не скрывал свои взгляды и оценки, но 20 сентября выступил на заседании политбюро ЦК ВКП(б) по финансовому вопросу с обоснованием углубления важнейшего принципа НЭПа - свободного товарооборота.

Более полно и откровенно свое отношение к политике Сталина С.И.Сырцов высказывал на тайных собраниях группы единомышленников, куда входили теоретические кадры, известные ему по работе в Новосибирске: Н.Нусинов, Б.Каврайский, А.Курс, А.Гальперин. Здесь он

1. ХУI съезд ВКП(б): Стенографический отчет.-М.Л.-1930.-С. 221.

проанализировал ряд фактов, однозначно свидетельствовавших о безразличном отношении сталинского Политбюро к его попыткам решить проблемы на рельсах научной организации производства. Он говорил, в частности, что тревога по поводу состояния животноводства - обоснованная и его приводило в отчаяние то непонятное отношение к вопросу, который и в хозяйственном, и в политическом отношении является одним из кардинальных вопросов.

Попытка поговорить с Серго Орджоникидзе о неправильной реорганизации сельскохозяйственной кооперации ни к чему не привела, так как вопрос был предрешен. Все осталось без изменения. Никто не захотел понять, что колхозное животноводство имеет свою специфику, оно позволяет использовать возможности индивидуальных хозяйств. Вопрос о разработке форм коллективизации животноводства и развитии производства специально технических культур ставился предметно Сырцовым в Политбюро. Сырцов писал по этому поводу, что принятое "решение не проводится в жизнь и я считаю величайшим несчастьем, что эта директива была сметена в той сутне и беготне, которая очень характерна для нашего наркомзема или она была парализована другим решением, мне неизвестным"[I]. Сырцов с горечью констатировал, что его записки в Политбюро остались гласом вопиющего. I9 июля I930 г. Сырцов направил письмо Сталину и Орджоникидзе, в котором высказал сомнения в необходимости централизации системы кооперации в животноводстве и ликвидации центров: Маслоцентра, коневодства, птицеводства и других.[2] Он отме-

I. РЦХИДНИ. ф.589. Оп.3. д.9333. т.I л.133
2. РЦХИДНИ. ф.85. Оп.27. д.389. л.I.

тил особую специфику животноводства, которая требовала сохранения имевшихся систем и центров кооперации.

4 августа партийным ячейкам Московской области, а также некоторых краев РСФСР было разослано письмо С.И.Сырцова под названием "Надо что-то делать". Ознакомившись с его содержанием, ЦКК-РКИ дала указание об изъятии этого документа из делопроизводства.

В письме С.И.Сырцов ставит вопрос о решении проблемы снабжения Москвы овощами и фруктами, однако по существу речь шла о системе производственных отношений в аграрном секторе, о планировании производства и снабжения сельхозпродукцией. Сырцов задался вопросом - почему Москва при наличии значительных огородных площадей в подмосковье и хорошем урожае неудовлетворительно обеспечивается этой столь нужной продукцией? Причина в том, что "дело упирается в прорехи планирования и снабжения плодоовощного рынка". Суть существующей системы планирования и снабжения рынка заключается в чрезмерной централизации, которая закономерно создает ситуацию, когда каждый производитель зависит от чиновников и во всех случаях оторван от потребителя. В этой связи Сырцов поставил вопрос о разрешении в виде опыта ряду колхозов и совхозов Московской области самостоятельно выходить на Московский рынок, минуя централизованную бюрократическую систему потребкооперации. Единственным ограничением должно быть требование соблюдения учета себестоимости и обеспечения рентабельности. Исходя из этого, он считал важным обеспечение соответствия цен на товары их реальной себестоимости, что ставило вопрос о повышении рыночных цен. При ситуации в конце 20-х гг., когда рост денежной массы вызвал резкий рост цен на частном рынке, это было жизненно необходимо, но в официальных сообщениях требования подобного характера определялись как "троц-

кизм". Сырцов отмечал, что реально от этого выиграл только спекулянт-частник, который "слизывает разницу между государственной и своей ценой"[1].

Ситуация в экономике страны становилась все более тяжелой. 1929 год ознаменовал для страны разрыв с традициями новой экономической политики: хозрасчетом, относительно свободным ценообразованием, развитием простейших форм кооперации индивидуальных хозяйств. Свертывание НЭПа производилось по всем направлениям экономической политики "де факто" при сохранении нэповской терминологии. На индустриализацию были брошены огромные средства, не соответствующие возможностям страны. Только за один год, с 1928/29 по 1929/30, объем капиталовложений в промышленность вырос с 1819 до 4775 млн.руб. По плану предполагалось, что капитальные вложения должны быть на 50 процентов произведены за счет самой промышленности, но на самом деле эти капитальные вложения в 3,5 раза превзошли собственные ресурсы накопления. Дефицит средств был покрыт за счет непомерно большого налога с доходов торговли и легкой промышленности, то есть фактически за счет потребителей. Рост цен на товары потребления далеко обогнал рост себестоимости. Это привело к перераспределению доходов населения и превращению их в источник финансирования капиталовложений. Начался процесс эмиссии бумажных денег, так как требовалась большая денежная масса для покрытия роста цен. В результате резко усилилась инфляция, рубль обесценивался вдвое. Значительное повышение первоначально запланированной пятилетним планом программы капиталовложений привело к экономическим диспропорциям. Волюнтаристская ставка Сталина на ускорение капитального строительства, не

1. Сырцов С.И. О наших успехах, недостатках и задачах.-М.,1930.

считаясь с возможностями страны и интересами народа, вызвала тяжелые последствия. Первое из них было - срыв материально-технического обеспечения строек, перенос сроков строительства, поставок оборудования, "бестолковщину" в управлении хозяйством[1].

С.И.Сырцов, выступая на ХУI съезде ВКП(б), наглядно описал такую неразбериху в принятии решений в строительстве[1].

Успехи первых лет пятилетки вскружили голову Сталину, Молотову, Куйбышеву, Кагановичу, которые стали добиваться, вопреки требованиям экономической науки, фантастического превышения программ I-й пятилетки. Ранее принятые плановые наметки объявлялись вредительским минимализмом, а люди, их отстаивавшие, заподозривались в нелояльности режиму, в саботаже, отсталости. Авантюризм в экономической политике сочетался с все более проникающими в практику планирования бюрократизмом, канцелярщиной, косностью и неповоротливостью чиновников. Сырцов с тревогой говорил на ХУI съезде: "Такие помехи , как длительное прохождение планов, запоздалое доведение их до предприятия, параллелизм в составлении планов, множественность инстанций, проверяющих и утверждающих планы, и прочее, разумеется, представляет собой чрезвычайно большое препятствие для осуществления тех колоссальных задач, которые стоят перед нами"[2].

В своей наиболее принципиальной брошюре "К новому хозяйственному году" Сырцов проанализировал провалы 1929/30 хозяйственного года (Ш и IУ кварталов), считая их показательными для состояния экономики в целом. Прорывы эти вызывают сомнения в "реальности темпов, проводимых партией", и дают известные основания для ревизии основных политических установок. Сырцов отверг такие

1. Там же; Сырцов С.И. Боевые вопросы весенеей кампании.М.1930.С.13
2. ХУI съезд ВКП(б): Стенографический отчет.-М.Л.1930.-С.222-223.

выводы, но сама постановка проблемы говорит о его сомнениях. Он указал на тревожные симптомы и отметил: "Очевидно, необходимо не разбрасываться, сузить фронт строительства, концентрировать усилия на первоочередном". Основной смысл тезиса Сырцова заключался в призыве к снижению темпов индустриализации, "иначе мы не справимся ни с зарплатой, ни снабжением рабочих, ни с финансовым кризисом".

Коренная причина многочисленных прорывов - неумение руководить и предвидеть последствия управленческих решений. Он писал, что руководящая работа ведется "рывками", "толчками", без всякого предварительного анализа. В результате такой "организационной бестолковщины",-писал Сырцов,-"мы самотеком и довольно слепо и неорганизованно въехали в область таких явлений, которые сейчас являются предметом тревожного обсуждения всей страны и в частности достаточно интенсивно, хотя и неправильно, обсуждаются в очередях"[1].

Затруднения в продовольственном снабжении или в денежном обращении Сырцов, как и до него группа Бухарина, связывал с недостатками аппаратного руководства, считая, что нельзя все сводить исключительно к политической напряженности обстановки и обострению классовой борьбы. Критика конкретных недостатков постепенно переходила в работах Сырцова в критику административной системы, которая с конца 20-х гг. стала разбиваться семимильными шагами. Он фиксирует, что в стране царит "жесточайший бюрократизм", разъедающий работу во всех отраслях, ограничивающий размах творческих сил рабочего класса".

I. Сырцов С.И. К новому хозяйственному году: Переработанная стенограмма речи на объединенном заседании СНК и ЭКОСО РСФСР 30 августа 1930г.-М.: Отдел печати СНК РСФСР и СТО, 1930.-С.4.

В результате действия этого фактора "чуть ли не каждая положительная творческая идея рабочего класса обязательно через некоторое время получает в порядке какого-то автоматизма извращение, происходит расхолаживание рабочей массы". Очковтирательство, фальшь и фальсификация подавляют всячески самодеятельность групп рабочих и хозяйственников, сковывают энергию рабочих-ударников. Сырцов критически относился к различным казенным формам стимулирования энтузиазма рабочего класса, к идеологической показухе. Как наиболее яркий пример казенного официального очковтирательства Сырцов привел факт о том, что Сталинградский тракторный завод, построенный раньше срока, выпустил к ХVI съезду один трактор и на этом приостановил работу, так как не было кадров, необходимых для массового производства. "Этот тракторный макет стоит любой потемкинской деревни. Если потемкинской деревней надо было кому-то угождать, то я не знаю, на что рассчитывали администрация и общественные организации, когда они шли на такую фальсификацию, на обман общественного мнения рабочих масс".

Сырцова возмущало, что политические установки сознательно строились на расчете выползти из трудностей за счет энтузиазма рабочих масс, который направлялся с помощью административных рогаток в контролируемое русло. Паутина бюрократизма являлась для режима условием достижения исключительного трудового напряжения рабочих и недопущения их к самоуправлению, реальному воздействию на политическое руководство партии, на советскую власть. Но Сырцов не видел этой функции бюрократизации системы, считая ее преодолимым недостатком и настаивая на том, что партии по силам ликвидировать условия, подавляющие творческую инициативу рабочих, хозяйственников решать проблемы, не боясь разумного производственного

1. Там же. С.12-13. Это замечание Сырцова вызвало впоследствии особое негодование партийного руководства и часто цитировалось.

риска".

Одним из главных аргументов в критике бюрократического режима для Сырцова было ухудшение положения рабочих, понижение реальной заработной платы, увеличение текучести кадров на предприятиях. Положение ухудшается тем,-обращал внимание Сырцов,-что хозяйственные органы пользуются всячески нетребовательностью рабочих и ставят их в положение, сравнимое с положением свиней. Существующая у нас "централизованность" и "плановость" приводят к тому, что не только люди, но и свиньи во многих местах поставлены в очередь за кормом, а свиньи в этом отношении гораздо более требовательны"[1].

Признавая необходимость высоких темпов развития промышленности, Сырцов считал возможным осуществить их за счет роста качества продукции и повышения производительности труда, экономии средств, повышения дисциплины труда. Однако низкие показатели первого года пятилетки, напряженный государственный бюджет, резкое сокращение поголовья скота в деревне в связи с насильственной коллективизацией вызывали сомнения в программе, намеченной сталинским руководством.

Как кандидат в члены Политбюро, выступающий с докладом от ЦК, Сырцов был обязан всегда давать отрицательную оценку платформе правого уклона. Однако его подходы к анализу идей Бухарина отличаются от тех, которые были закреплены в партийных документах. У Сырцова нет ярлыков "антипартийности", "антиленинизма" и др. Существо взглядов правых он видит в том, что они по инерции защищают лозунги восстановительного периода, не дооценивая того, что наступили иные времена, иные условия, требующие известного ускорения социалистического строительства.

1. Сырцов С.И. К новому хозяйственному году.-С.18.

Такие взгляды якобы тормозят намеченное строительство социализма и в этом их сходство с левацкими концепциями , предлагавшими радикальные решения вне связи с реальными условиями. Сырцов категорически отрицал и эволюционное постепенное развитие, и троцкистские форсированные варианты развития народного хозяйства. В своем выступлении на Нижегородской конференции ВКП(б) он привел выдержку из письма в "Правду" от одного из ее читателей, требовавшего "изменить программу ВКП(б), сбросить партийный режим верхушек, разрешить развитие частной торговли и частной кустарной промышленности, развить сельское хозяйство до самых высоких пределов, тогда у нас будет больше средств и шансов на развитие промышленности. Эта стадия должна быть обеспечена свободой слова и печати. Мы должны пройти стадию мелкобуржуазной и демократической республики, иначе невозможно строить социализм". Для чего понадобилась Сырцову эта цитата? Если вспомнить, что некоторые подходы им разделялись в недавнем прошлом, а общий критический подход был фактически идентичен его заявлениям как среди своих единомышленников, так и на XVI съезде ВКП(б), то можно предположить, что таким образом Сырцов зондировал почву для распространения подобных идей. Собственно, в речи он объяснил цитату, как показатель того, какой резонанс находят взгляды партийной оппозиции.

Но все это не означало, что Сырцов сознательно стремился стать в оппозицию сталинскому режиму. Критикуя Сталина и готовясь к выступлению с критикой режима на Пленуме ЦК, он отмежевывался от уже разоблаченных оппозиций, особенно троцкистско-зиновьевской. Главное, что отталкивало Сырцова от троцкистов, - это то, что они пытались образовать вторую "законченную партию", завершив тем самым круг фракционной логики борьбы и политику "дальнего прицела".

Отказываясь от осознанной борьбы против режима, он совершал традиционный просчет большевистской партийной интеллигенции. Не доверяя Сталину и не доводя дело до формирования оппозиции, он наивно надеялся, что "логика фактов, событий, давления местных товарищей, лучше и ближе чувствующих обстановку, дадут материал для руководства в сторону принятия необходимых корректив".

Сырцов пришел к выводу, о том, что в партии утверждается принцип непогрешимости руководства и авторитарного начала, несоответствующие задачам социалистического строительства. Ему глубоко претила развернувшаяся кампания с вынесением резолюций о награждении Сталина орденом. Она ему казалась "какой-то цепочкой в плане задуманной и замаскированной от партии группы, которая собирается перевести партию на новые рельсы". В своих беседах с коллегами, близкими ему по работе в Сибири, Сырцов отзывался о Сталине и его методах борьбы чрезвычайно нелестно. Он говорил, что "ввиду нехватки идейных методов сплочения партии и прорывающихся оппортунистических вспышках, все больше прибегают к механическим методам сплочения партии, к применению во внутрипартийных делах методов государственной власти, к системе, когда каждый партиец или должен замыкаться в себе и абсолютно ни с кем не разговаривать, или сообщать немедленно о себе и других в контрольную комиссию, чтобы информировать об еретических мыслях своего собеседника или собственных". Он резко осудил такие методы сплочения актива, как привилегии, организованное государственное снабжение, пайки, ударная столовая для актива, курортная помощь.

Партийный аппарат оторвался от масс, действует механически, не отражает требований условий. Реально обостряется противоречие, когда "с одной стороны, члены партии невероятно единодушны, моно-

литно голосуют за линию партии и в то же время каждый день отдельные члены партии... изобличаются за нарушение генеральной линии". Сырцов считал, что "нужно устранить монолитность и формальность, внести больше оживления в партийную среду, устранить причины роста элементов фальши и лицемерия". Если бы другая обстановка была в партии, многие не пошли бы по пути уклонов. Партийцы отучили себя от размышления, партийная жизнь находилась под контролем ЦКК, атмосфера боязни парализовала творчество масс, - с горечью констатировал Сергей Иванович.

Сырцов видел растущее к себе недоверие. Его терпели лишь до подходящего случая. Раздраженный дискриминацией в Политбюро, недоверием Сталина, он все больше возмущался и, как он выразился позднее, "разбрасывался оппозиционными замечаниями". Еще была иллюзорная надежда, что из его "сигналов тревоги родится партийное сознание, которое поможет руководству найти организационный выход, рассосет его замкнутость и позволит ему еще прочнее найти опору в партии". Его пугали все отчетливее проявлявшиеся "тенденции превращения партийной власти в единоличную диктатуру", но еще сохранялась вера в потенциал большевизма.

Сырцов договорился со Сталиным о личной встрече в октябре 1930 года, однако встреча не состоялась, так как генсек уехал в отпуск на Кавказ. Он писал позднее, что тревожные мысли о судьбе партии каждый день ему сверлили мозг. Что делать? Есть ли реальная возможность, не меняя Сталина, предотвратить складывание режима личной власти? Фракционный путь борьбы Сырцов органично не воспринимал, считая, что поскольку его позиции известны Сталину, нет смысла особо скрывать их и заниматься складыванием обособленной группы со своей внутренней дисциплиной. Но в условиях очевид-

ного преследования в партии инакомыслящих, у Сырцова и его друзей возникла необходимость сокрытия от ЦКК своих оценок в отношении лично Сталина и его личности и использование элементов конспирации. То есть логика борьбы объективно толкала его к определенным действиям, направленным на самозащиту и на подготовку будущего публичного выступления против Сталина. Он лично стал источником "группировочных отношений". Такое положение было для него, как сталинского выдвиженца и интеллигента, психологически тяжелым и трудно переносимым. Впоследствии он признавал: "Находясь вблизи Сталина, я не обеспечивал его авторитет, резко критиковал его, информировал группу о деятельности Политбюро, делал полутроцкистские оценки о "неисключенности перерождения термидорианского типа". Выход из сложной двойственной ситуации для себя он видел в систематическом накапливании секретных информационных материалов, исходящих из СНК, крайкомов партии, их ценностном критическом осмыслении и формулировании предложений Пленуму ЦК.

Сырцов не был полностью деидеологизированным руководителем. Он только начинал отходить от сталинизма и отнюдь не собирался выделяться из партийного руководства и тем более противопоставлять себя ему. Его главная задача - как это он не раз подчеркивал - в рамках генеральной линии партии на индустриализацию и коллективизацию устранить недостатки и просчеты, зависящие от самого руководства, сделать руководство более коллективным и компетентным, устранить элементы замкнутости и авантюризма в его деятельности. И, наконец, не допустить дальнейшего снижения уровня жизни трудящихся. Последнее обстоятельство обусловило рост симпатий к Сырцову со стороны простых рабочих и крестьян.

В архивах ЦК КПСС сохранился документ - подлинное письмо в

ЦКК ВКП(б), в котором от имени рабочих выражалась поддержка линии Сырцова. Авторы писали о волнениях в рабочих массах, недовольных тяжелыми условиями жизни, налогами, административным давлением, скудными пайками. И далее говорилось о Сырцове: "вот единственный из руководителей честный член партии, который изучил жизнь и быт рабочих и крестьян, и мы только и живем партией Сырцова и Ломинадзе..." Авторы так охарактеризовали себя: "Не думайте, что мы кулаки или нэпманы, мы сами рабочие от станка, ... мы признаем учение Маркса-Энгельса, Каутского отрицаем..., Троцкого отвергаем, боремся за правду и улучшение рабочих и крестьян в ихнем быту..."[1]

Но, конечно, не следует преувеличивать поддержку Сырцова со стороны рабочих, которые в своем большинстве верили официальной пропаганде и были не в состоянии проанализировать его платформу. Все предложения, расходящиеся с официальными установками, сочетались в работах Сырцова с рассуждениями о верности генеральной линии партии. С.И.Сырцов не дал четко оформленной систематической критики реализуемой сталинской политики, рассматривая возможности исправления просчетов и недостатков путем совершенствования высшего политического руководства.

Оценивая в целом взгляды Сырцова, следует признать, что в них нет альтернативы сталинской политике. В отличие от Н.И.Бухарина он не смог предложить более развернутой программы развития страны, как и не смог, в свое время, разобраться в позитивном значении платформы так называемого "правого уклона". Коренная методологическая ошибка Сырцова состояла в попытке совместить несовместимое - стремление ко всему относиться критически и желание соблюдать дисциплину в перерождающейся партии Сталина. Сырцов разрывался между своими коммунистическими иллюзиями и мечтами и ре-

1. РЦХИДНИ. Ф.589. Оп.3. Д.9333.Т.2.Л.201.

алистической оценкой состояния экономики, прагматическими требованиями постепенности в социалистических преобразованиях. Он считал возможным бороться против бюрократизма, антидемократических тенденций в развитии государства, авторитарности руководства в рамках однопартийной политической системы и подавления оппозиций и уклонов. Такое представление о перспективах развития советского общества было характерно для умеренного, прагматического крыла старой партийной гвардии, склонного к либеральному, демократическому варианту командно-административной системы. Этот вариант был в русле индустриализации и коллективизации, но исключал массовые репрессии и террор как главное средство решения данных проблем.

Такой подход к решению проблем был характерен для основной массы большевистской партийной интеллигенции, не принадлежавшей к левому и правому флангу партии. Не принимая душой радикализм троцкистов, нэповский "термидор" бухаринцев и экстремистский псевдоцентризм сталинцев, большевики-интеллигенты мучались, колебались, искали пути выхода в самозабвенной работе на порученном участке работы. В этой среде Сырцов смотрится как активный боец по сравнению с другими большевиками-интеллигентами.

Академик Рязанов был выдающимся марксоведом, постоянным инакомыслящим членом ЦК при Ленине. В 20-х гг. он возглавлял институт Маркса-Энгельса. Отстраненный от политической деятельности, он продолжал время от времени выступать на различных партийных съездах с критическими речами. Его речь на ХУI съезде партии вызвала особое раздражение Сталина. Вскоре было организовано обследование института, в результате которого выявилось, что институт "самоустранился" от задач социалистического строительства, борьбы с

троцкизмом и с правым уклоном, выплачивал деньги в виде гонораров оппозиционерам[I]. Во время следствия над т.н. "вредителями" из Промпартии, на Рязанова дал показания И.И.Рубин, который подробно описал способ инакомыслия Д.Б.Рязанова[2]. С одной стороны, он проявлял себя как видный коммунист, директор идеологического института, с другой,- он находился в постоянном конфликте с органами партии. Как официальное лицо, Рязанов старался не переходить ту грань, которая отделяет его от партии, но, что он не мог позволить себе в открытых выступлениях, он высказывал в частной форме полунамеками в беседах с доверенными лицами. Он избегал установления контроля ЦК над институтом, стремился придать своей деятельности отвлеченно научный, академический характер. Он выражал сочувствие социал-демократии, критиковал суровые меры ЦКК ВКП(б) по отношению к оппозиции, непосильные темпы коллективизации. Он постоянно конфликтовал с партбюро института, не принимал участия в его работе. Рязанов не верил в будущее Коминтерна, считая его искусственно развившейся организацией и поддерживал дружеские связи с лидерами П Инстернационала Ф.Адлером и Р.Гильвердингом. В его высказываниях постоянно проявлялось тяготение вправо, к коалиции с некоммунистами.

Другим характерным примером двойственного инакомыслия в рамках авторитарно-бюрократического режима являлась деятельность наркома просвещения А.В.Луначарского. Будучи человеком высочайшей культуры, он мог воспринимать интеллигенцию как свою экологическую нишу, хотя официально повторял установки ленинизма об интеллигенции как мелкобуржуазной прослойке. Он активно поддерживал Сталина во внутрипартийной борьбе, но в I928г. вступил с ним в

I. РЦХИДНИ. Ф.I55. Оп.I. Д.26. Л.5.
2. РЦХИДНИ. Ф.I7. Оп.85. Д.378. Л.7-9.

косвенную конфронтацию по проблемам подготовки новой советской интеллигенции.

Луначарский воспротивился решению Сталина реорганизовать систему высшего технического образования в духе постановления ЦК ВКП(б) о Шахтинском деле. Согласно этому решению технические институты передавались из ведения либерального Наркомпросса в подчинение ВСНХ. Это означало одновременно недоверие Наркомпросу и его лидеру и отказ от проводившейся наркоматом линии на воспитание не узких специалистов, а подлинных интеллигентов советского общества.

Я.А.Вышинский, выступая на ноябрьском пленуме ЦК 1929 года, пошел еще дальше и провозгласил идею наступления на вузовскую интеллигенцию как условие подготовки коммунистических специалистов. Это связано с тем, что профессорско-преподавательские кадры вооружены совершеннейшим техническим оружием, но "зато идеологически нам чужды". Среди преподавателей выходцев из среды рабочих всего 1%, что служило доказательством их "чуждости". Для того, чтобы изменить социальный облик высшей школы, надо провести дифференциацию и чистку преподавательского состава и "ударить очень сильно по старой академической традиции безконтрольности профессорского преподавания".

Еще более обострился конфликт в вопросе о фабрично-заводских училищах. Луначарский и его сподвижники настаивали на том, что они должны давать молодым рабочим общее образование наряду с профессиональным. Их противники утверждали совершенно иное: "Сейчас не время говорить о гармоническом человеке старого типа... Время слишком трудное, разбрасываться не приходится, нужен однобокий тип деловика, волевика, мозговика. От всечеловечности - к резкой

классовой тенденциозности и непримиримости. Нужен верующий, нужен фанатик социалистического строительства"[1]. Что мог противопоставить этому Луначарский и другие большевики-интелектуалы со своими сомнениями и поисками, боязнью разрушить основы единства партии и ее идеалы? Осознавая, что надвигается нечто угрожающее принципам социализма, Луначарский писал, что новому обществу не нужны фанатики с обуженным сознанием,растворившие свои личности в примитивно понимаемой коллективности. Такая "стадная личность легко подчиняется бонопартизму, вождизму.Стадный человек не может критически относиться к тому,что предоставляет ему жизнь"[2]. Разногласия в конечном счете привели к тому, что Луначарский вместе со всей коллегией Наркомпроса подал в отствку в знак протеста.

И.В.Сталин еще в начале 20-х гг. выразил свое пренебрежительное отношение к революционерам-интеллигентам, принадлежавшим к "старому типу руководителей, отживших свой век и оттесняемых на задний план руководителями нового типа". Процесс "отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых вождей" постоянно развивался, по мнению Сталина, в российской социал-демократии и сменившей ее компартии, так как "это необходимый процесс обновления руководящих кадров живой и развивающейся партии". Правильную идею об обновлении кадров Сталин совместил с с недоверием к вождям-литераторам и конкретизировал примеры устаревших партийных интеллигентов: "Луначарские, Покровские,Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красины и т.д. - таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли"[3].

Обращает на себя внимание полупрезрительное отношение к большевикам-интеллигентам, некоторые, в том числе Покровский,Луна-

1. Яковлева Т. Луначарский.-М.:Просвещение.-1991.-С.110.
2. Там же.-С.112.
3. Сталин И.В. Соч.-Т.7.-С.43.

чарский, входили в состав высших органов партии. Несомненно, что к этому типу старых вождей Сталин относил гораздо более широкий круг деятелей партии, представлявших лидеров-литераторов, организаторов, способных творчески осмысливать действительность и идеологов, способных к организационным действиям. Такие лидеры были не нужны ему, так как все уже осмыслено Лениным, интерпретировано Сталиным, дело остальных квалифицированно исполнять, руководить конкретными формами классовой борьбы. Сталин прямо заявил: "старый тип работника-всезнайки должен уступить место новому типу работника, старающемуся быть хозяином дела в одной какой-нибудь отрасли работы"[1]. Интеллигенты-всезнайки, большевики-литераторы должны быть сменены формирующимся новым типом партработников, квалифицированно исполняющим предначертания новых типов вождей.

В течение 1929-1930гг. Сталин и его ближайшее окружение - В.В.Молотов, Л.М.Каганович, Л.З.Мехлис осуществили решительные удары по партийной интеллигенции, добившись ее отстранения от активной политической деятельности. Капитуляция Бухарина, Рыкова, Томского на ноябрьском пленуме ЦК, раскассирование всех комитетов, редакций, президиумов, в которых имелись сторонники умеренно-прагматического курса на основе НЭПа, партийные репрессии против лидеров уклона означали начало радикальной чистки партии. По всей стране была развернута чистка госаппарата, непроизводственных партийных ячеек, которая свелась к устранению партийной и беспартийной научно-технической интеллигенции. В центральных правительственных ведомствах были удалены с постов Г.М.Кржижановский из Госплана, Н.И.Угланов сначала из МК ВКП(б), затем из наркомата труда, Н.П.Брюханов из наркомата финансов, Г.Г.Чичерин из наркоминдела, М.М.Фрумкин сначала из наркомата финансов, а затем из "Союзрыбы".

---

1. Сталин И.В. Соч.-Т.7.-С.171.

И.В.Сталин в письме В.М.Молотву ставил задачу отстранения В.В.Шмидта, Э.Квиринга, М.Боголепова, И.А.Теодоровича, В.В.Осинского, А.И.Догадова и др. Он писал: "Центральная советская верхушка (СТО, СНК, совещание замов) больна смертельной болезнью. СТО из делового и боевого органа превратился в пустой парламент, СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова. Совещание замов, являвшееся раньше штабом Рыкова - Сокольникова-Шеймана, теперь имеет тенденцию превратиться в штаб Рыкова-Пятакова-Квиринга или Боголепова.., противопоставляющий себя Центральному Комитету партии. Ясно, что дальше так продолжаться не может. Нужны коренные меры"[I].

Эти коренные меры были просты и категоричны - освободить и разогнать! Молотов должен сменить Рыкова на посту предсовнаркома и в результате "при такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы". Такие же меры намечались в отношении Сырцова.

Окончательное слиние партийной и советской власти на основе проверенных сталинских кадров, чуждых каких-либо свойств и качеств интеллигенции, было главным итогом этого переломного момента истории. На политический олимп рвалось новое поколение партийных лидеров, не испытывавших колебаний в борьбе за указанный курс, не сомневавшихся в методах достижения цели. Этот массовый слой бюрократических кадров, доказавших свою преданность режиму, ничуть не сомневался в своем праве представлять интересы пролетариата вместо старой партийной гвардии. Новое поколение мехлисов было не обременено избытком мудрствований, страданий, колебаний, сомнений, утопических иллюзий. Оно быстро начало превращаться из политической элиты в подобие "нового класса".

I. Письма Сталина Молотову // Коммунист.-1990.-№ 11.-С.104.

Естественным следствием такого превращения стало оформление режима личной власти в культовой форме. В ходе празднования 50-летия И.В.Сталина в декабре 1929 г. М.Калинин, В.Куйбышев, Л.Каганович, К.Ворошилов, Д.Мануильский, О.Б.Куусинен, Г.Крумин, В.Адоратский, Н.Попов, Г.Орджоникидзе, Ем.Ярославский, А.Микоян, А.Бубнов, М.Савельев, А.Енукидзе и Д.Бедный своими непомерно хвалебными статьями дали мощный импульс беспрецедентному культу Сталина. Д.Мануильский спрашивал: "Что это – культ личности, проникший в ряды компартий?" – и сам отвечал: "Нет, это одна из крупнейших очередных демонстраций преданности" идеям коммунизма[1]. А.Бубнов счел Сталина не только крупным партийным именем и поколением, но олицетворением "целой эпохи" в истории партийного руководства[2]. Основными чертами этого типа вождей были, по мнению Д.Бедного, "настороженная зоркость" /т.е.подозрительность/, выкованная в "горниле отчаянной борьбы" в подполье с его бесконечным рядом "чужых дезертирств и предательств, подхалимств, лицемерий и очковтирательств", ненависть к "хныкающим интеллигентам", вера в "революционную целесообразность классового инстинкта" пролетариата[3]. ИКП в своем приветствии Сталину отмечал, что его непримиримая борьба с вчерашними лидерами и воспитание нового поколения кадров большевизма позволило ему решить проблему "коллективного партруководства" и проверки лидеров партии[4].

К началу 30-х гг. в основном сформировалась аппаратно-бюрократическая группа деятелей из числа большевистской элиты, ставшая опорой Сталина в его борьбе с партийной интеллигенцией, мешавшей проведению жестокой политики форсированной индустриализации любой ценой, не считаясь с требованиями науки и жертвами.

1. Сталин. Сб. статей к пятидесятилетию со дня рождения. 2 изд-е. – М.Л.:ГИЗ, 1930. – С. 66.
2. Там же. – С. 128.
3. Там же. – С. 146.
4. Там же. – С. 187-188.

§ 2. Последние попытки организованного противодействия большевистской интеллигенции авторитарно-бюрократическому режиму в первой половине 30-х гг.

Начавшееся после поражения бухаринско-рыковской группировки беспрецедентное выживание из высших эшелонов власти представителей партийной интеллигенции было закреплено системой партийных санкций и организационных мероприятий. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о перестройке партаппарата и осуществлении кадровой политики по функциональному принципу. Вместо универсального организационно-распределительного отдела подбором кадров стали заниматься функциональные отделы и их сектора по соответствующей специализации - культуре, агитации и пропаганде, отраслям народного хозяйства, административным органам и т.д.[1] Но особую роль играл оргинструкторский отдел, ведавший распределением кадров общепартийного назначения. Изменения в партаппарате резко усилили его значение в политической системе власти, так как позволяли установить всеобъемлющий контроль за всей партийно-государственной номенклатурой и вновь назначаемыми работниками,сменявшими сторонников бухаринско-рыковской ориентации. Выдвижение новых, преданных Сталину кадров, шло под традиционными лозунгами орабочивания партаппарата и борьбы с бюрократизмом.

Л.М.Каганович - один из инициаторов реформы, требовал радикального обновления личного состава партаппарата. Он писал, что старые нормы выдвижения по 300-400 человек в год устарели. "В нынешний период мы должны выдвигать не в порядке кампанейском, а в порядке органичной смены старых, негодных бюрократических элементов в государственном, хозяйственном, профессиональном, коопе-

---

I Малейко Л.А. Партийный аппарат. Становление и развитие. (1917-1941).-Ростов н/Д, 1981. - С.66-74.

ративном аппарате и не единицами, а сотнями, тысячами, десятками тысяч рабочих". Эту задачу решает центральный аппарат партии, который, по мнению Кагановича, "впитал все лучшее" в партии. "Сколько бы ни клеветали троцкисты, сапроновцы, правые, повторяющие по сути дела пакостную злобу наших врагов, партийный аппарат является тем костяком, который помог пролетариату справиться с трудностями". Если партаппарат радикально реорганизуется, то это не потому, что он оказался негодным, а потому что надо лучше приспособиться к новым задачам наступившего этапа[I].

Бюрократизация внутрипартийных отношений достигла такой степени, что это стало очевидно для той части большевистской политической элиты, которая ранее поддерживала Сталина и его окружение в борьбе против левой и правой оппозиций. По-прежнему решая поставленные задачи на своих участках работы, такие деятели-технократы стали задумываться о рациональных зернах в критике оппозиции бюрократизма аппарата и всевластия генсека, о перерождении советского государства и партии.

Всякое инакомыслие по мере кристаллизации своих принципиальных позиций имеет тенденцию трансформироваться в определенное инакодействие. Это выражается в открытой критике взглядов господствующей группы лидеров, в попытках уклонения от проведения в жизнь чуждых подходов и ложных концепций, в стремлении изыскать максимально легитимные способы смещения политического руководства. В условиях сращивания партии и государства, отождествления партийного и советского руководства, ужесточения политического режима и превращения генсека Сталина во властителя с неограниченными полномочиями, процесс инакомыслия и инакодействия вплоть до

I Каганович Л.М. Очередные задачи партработы и реорганизация партаппарата. М.-Л., 1930. - С.42.

образования уклона или оппозиции становился все более невозможным. Последняя оппозиционная платформа, опубликованная в открытой печати - тезисы объединенной оппозиции к ХУ съезду ВКП(б). Платформа бухаринско-рыковской группы уже не была известна рядовым партийцам, которым в печати были предложены извращенные идеи бухаринцев с готовой оценкой как правого оппортунизма.

На новом этапе развития режима партаппарат с помощью органов ОГПУ и партийной полиции - ЦКК прекращал деятельность групп инакомыслящих еще до того, как они объявляли о своем существовании или обращались за поддержкой к партии.

Несмотря на усиление бюрократических и охранительных тенденций, в среде большевистской партийной интеллигенции возникли попытки организованного противодействия режиму.

Процесс превращения новых групп инакомыслящих партийных интеллигентов в группировки оппозиционного характера в условиях ужесточения режима в 30-х гг. отражен главным образом в двух типах источников: во-первых, сообщениях информаторов ОГПУ-ЦКК, завербованных этими ведомствами, во-вторых, в протоколах опросов в ЦКК и допросов ОГПУ. В отличие от истории внутрипартийной борьбы 20-х гг. такие источники, как стенографические отчеты съездов партии, пленумов ЦК ВКП(б), материалы печати 30-х гг. не раскрывают содержания платформ новых групп, перипетий борьбы с ними и т.д. Учитывая специфичность имеющихся документов, их политическую и конъюнктурную ангажированность, а также гибель самих участников групп, трудно достоверно реконструировать и воспроизводить ход политической борьбы. Причем если в документах карательных органов прослеживается тенденция усиления вины подозреваемых в "оппортунизме" и "контрреволюционности", то в показаниях арестованных - прямо противоположное стремление, вызванное интереса-

ми самосохранения или просто невиновностью. Это обстоятельство не позволяет со 100-процентной уверенностью выявить степень организованности сопротивления большевистской партийной интеллигенции, представленной группами Сырцова, Рютина, Эйсмонта и других менее известных деятелей.

С.И.Сырцов в своей работе на посту председателя Совнаркома РСФСР исходил из генеральной линии ЦК ВКП(б), установок Сталина, но стремился корректировать их требования применительно к экономической ситуации, как он ее понимал. Как показал анализ его речей и статей в период между ХУI партконференцией и ХУI съездом ВКП(б), его понимание причин экономических трудностей все более расходилось с мнением руководства. Объективная логика требовала либо прекращения сомнений, либо перехода инакомыслящих к более решительным действиям организационного плана. Сырцов решился на второе, хотя имел перед собой пример,чем закончилось инакомыслие таких деятелей большевистской элиты как Бухарин, Рыков, Томский.

Задумав вынести свои сомнения и предложения на очередной пленум ЦК, Сырцов стал стремиться к расширению своих контактов с членами ЦК и выяснению их позиции. Его оценки нашли понимание у ряда известных деятелей партии, входивших во второй эшелон элиты – В.В.Ломинадзе, Л.А.Шацкина, Я.Стэна. Среди них выделяется личность Виссариона Виссарионовича (БЕСО) Ломинадзе, интеллигента по происхождению, образованию, роду деятельности и по личным качествам. Он родился в Кутаиси в семье учителя. После гимназии поступил на физмат Петроградского университета,где вступил в студенческую социал-демократическую организацию кавказцев, примыкавшую к большевикам. В марта 1917 г. работает в военной организации Петроградского комитета партии. В годы гражданской войны работает на Кавказе на подпольном положении, арестовывался,сидел

в тюрьме, организовывал восстание в Баку и т.д. С ноября 1920г. перебрасывается в г.Орел, где работает завагитпропом. Затем посылается на работу в Петроград и снова в Грузию, где становится секретарем ЦК КП Грузии. Осенью 1924 г. направляется на курсы Коммунистической Академии. В 1925 г. выбирается секретарем исполкома КИМа и членом бюро ЦК ВЛКСМ; член президиума Исполкома Коминтерна, кандидат в члены ЦК ВКП(б).

На ХУ съезде ВКП(б) он критиковал с левых позиций доклад Н.И.Бухарина о деятельности делегации ВКП(б) в Коминтерне[1]. Вместе с Л.Шацкиным он на ХУI партконференции предложил создать общесоюзные широкие массовые организации бедноты, ввести импорт хлеба и включить Зиновьева и Каменева в состав руководящих органов партии. Радикальные мысли Ломинадзе не были поддержаны конференцией, а за ним закрепилась репутация "лево" настроенного политика. Пропагандируя идеи ускорения коллективизации и наступления на кулака, В.В.Ломинадзе в то же время выступал против утверждения режима единомыслия в партии. Во время своего пребывания в июне 1929 года в Институте Красной профессуры он написал "Письмо в бюро ячейки ИКП", в котором солидаризировался с идеями Л.Шацкина и Я.Стэна о необходимости борьбы с "партийным болотом", исправно голосующим за любые предложенные сверху резолюции, о подъеме теоретического сознания партии - важнейшего условия подлинно ленинского единства партии. Обличая "правоуклонизм", В.В.Ломинадзе одновременно выступал против навязывания партийным организациям определенного мнения, против "лакировочных коммунистов", которые высказывают своё мнение после того, как убедятся, что оно одобрено свыше.

Своей активностью он вызвал раздражение Сталина, но благодаря

Орджоникидзе был направлен в июне 1930 г. первым секретарем Заккрайкома ВКП(б), В.В.Ломинадзе пытался не только сам вести самостоятельную линию, но и создать в партийной организации атмосферу творческого поиска неординарных решений. С этой целью он хотел создать идейно-теоретический орган по типу журнала "Большевик".

В своей работе В.В.Ломинадзе стремился повысить роль Заккрайкома в руководстве социалистическим строительством в крае, в укреплении закавказской федерации. Твердая линия Ломинадзе вызвала резкое противодействие местных республиканских партийных организаций и их руководителей, прежде всего нового 1-го секретаря ЦК Азербайджанской компартии В.И.Полонского, ранее проявившего себя в борьбе с Углановым в Москве. Взаимоотношения Ломинадзе и Полонского резко обострились в связи с опубликованием 5 октября 1930 года Обращения Заккрайкома к трудящимся федерации. В этом документе разъяснялись и конкретизировались применительно к местным условиям положения ранее опубликованного Обращения ЦК ВКП(б) от 5 сентября о положении в стране. В Обращении крайком отмечал, что по ряду показателей 2-го года пятилетки по ЗСФСР программа не выполнена и налицо серьезный прорыв. Заккрайком подверг резкой критике работу госаппарата, недостаточную работу парткомов по повышению материального благосостояния трудящихся, по развитию внутрипартийной демократии. При этом было использовано выражение, ставшее в последующем едва ли не главным доказательством оппортунизма Ломинадзе: "Вопиющий бюрократизм, безответственность, отрыв от масс, барско-феодальное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян, игнорирование и извращение директив партии и махровый оппортунизм царят еще во многих наших советских учреждениях". В качестве адреса неблаго-

приятного положения дел по повышению материально-бытовых условий жизни рабочих назывался Бакинский партийный комитет, поощряющий "беспринципную групповщину".

В.И.Полонский воспринял прозвучавшие в тексте Обращения критические замечания обобщающего характера как предательство генеральной линии партии. Ночью 6 октября из Баку в Москву выехал заворготделом ЦК АКП Корсунский с письменным протестом в ЦК, а II октября в Баку было принято постановление, откладывающее выполнение Обращения Заккрайкома. I3 октября заккрайком осудил позицию бакинских партаппаратчиков как проявление "беспринципной группировщины и анархизма". Накалившиеся страсти были частично сняты постановлением ЦК ВКП(б) от I9 октября, в котором обе стороны обязывались снять неоправданно резкие обвинения в адрес друг друга и сосредоточить внимание на конструктивной работе. В связи с этим В.В.Ломинадзе предложил: "в виду полного согласия Полонского с решением ЦК, которым постановление бюро ЦК АКП и БК от II октября признано грубой и недопустимой ошибкой, в целях обеспечения дружной работы снять пункты, касающиеся персонально Полонского, принятые постановлением бюро Заккрайкома".[I] Однако казалось уже потушенный конфликт получил новое развитие после получения известия о выявлении сотрудничества "левака" Ломинадзе и "правого" Сырцова, образовавших якобы фракционные группы.

В.В.Ломинадзе трижды встречался с Сырцовым и вёл с ним откровенные беседы о политике ВКП(б) и ситуации в стране. Первая его встреча с Сырцовым состоялась сразу после ХУI съезда ВКП(б) по поводу кандидатур для Бакинского комитета партии. Во время этой беседы Сырцов в возбужденном состоянии сообщил, что Сталин ему не верит и не желает прислушиваться к его мнению. Вторая

I РЦХИДНИ. Ф.I7. Оп.23. Д.33. Л.75.

встреча состоялась в августе этого же года. Основным предметом беседы были финансовые затруднения в государстве и проблема текучести рабочей силы. В ходе разговора Сырцов поделился своими негативными впечатлениями о характере работы важнейшего органа партии - Политбюро, о его замкнутости и отсутствии коллективности руководства. Наконец, на третьей встрече, состоявшеймя спустя месяц, Сырцов рассказал о готовящейся А.А.Ждановым публичной проработке в Нижнем Новгороде его брошюры. Ломинадзе считат оценки и выводы Сырцова вполне допустимыми и удивился таким намерениям руководства. Его удивление возросло еще больше, когда на заседании секретариала ЦК по поводу "Обращения" Заккрайкома он услышал вывод Сталина о том, что отдельные формулировки "Обращения" могут быть использованы правыми, например, Сырцовым. Это глубоко поразило Ломинадзе, так как он знал о намерении Сырцова выступить со статьей против "правого уклона".

При анализе текстов доносов встает вопрос - насколько они отвечают действительности? Что в них является правдой, а что тенденционным извращением и ложью? Сделать окончательный вывод практически невозможно, так как заседания оппозиционной группы Сырцова не протоколировались, сами участники событий ушли из жизни в застенках НКВД и подтвердить что-либо или опровергнуть не могут. В ходе расследования дела в ЦКК и ОГПУ фракционеры в интересах самозащиты естественно отрицали содержание доносов, признав в конце концов менее опасные для них сюжеты. Однако сопоставление текстов доносов с показаниями всех членов группы Сырцова в 1930

и 1937 гг., с содержанием статей и речей Сырцова, особенно брошюры "К новому хозяйственному году", убеждает в том, что в общем и целом доносы достаточно адекватно передают характер обсуждения проблем на заседаниях группы. Некоторые факты из доносов подтверждены в ходе заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1930г., в постановлении ЦКК ВКП(б). В то же время несомненно, что Б.Резников стремился в своих письмах сгустить краски, подать взгляды сырцовцев в максимально резких формулировках и т.д. Учитывая все эти обстоятельства, можно изложить содержание доносов Б.Резникова, являющихся фактически единственным первоисточником о деятельности антисталинской группы Сырцова.

21 октября Б.Резников направил Мехлису официальное сообщение о фракционной деятельности Сырцова, которое немедленно было препровождено Сталину. В нем сообщалось о том, что Сырцов неоднократно выражал сомнения в верности генеральной линии партии, в компетентности Сталина, который ведет авантюристическую политику. Сырцов и Ломинадзе якобы вместе выступают против Сталина, но расходятся в определении методов борьбы: если Ломинадзе предлагает сместить Сталина на Пленуме ЦК, убедив большинство в этом, то Сырцов считал, что нужно ждать. "Когда будет сильный экономический удар, когда наступит катастрофа - заговорят классы и тогда никакой аппарат не выдержит, а Сталин держится на аппарате". Б.Резников характеризует группу Сырцова как "интеллигентскую группу, оголтело выступающую против Сталина-"рокового человека" "ползучего эмпирика" и даже "сумасшедшего"[1].

На следующий день Б.Резников написал новый донос о состоявшемся совещании сырцовцев на квартире у члена группы В.Каврайского.

---

1 Эти и другие факты, цитаты, личные оценки излагаются на основе материалов из его персонального дела: РЦХИДНИ. Ф.589. Оп.3. Д.9333. Т.1-2; Архивно-следственного дела ЦА КГБ СССР. Р-8176. Д.269448. Т.1-2.

На совещании шла речь о переговорах с Ломинадзе, вызванным в Москву для объяснений в связи с групповой борьбой в Закавказском крайкоме партии. Б.Резников писал, что Ломинадзе предлагал тактику борьбы, включающую в себя разработку идейно-политической платформы и её распространение. Совещание предлагало Сырцову воздержаться от открытых выступлений на Пленуме против Сталина, но следовало выступить в "Правде" со статьей на тему "правые морально подготовили кондратьевщину". Главное - подбор сил, сочетание легальной работы с нелегальной до той поры, когда начнется движение в партии и стране.

Сырцов выступил на совещании с речью, которую подробно изложил осведомитель, акцентируя внимание на антисталинских высказываниях оратора. В частности, он отметил, что большая часть партактива думает, что есть цельное Политбюро, что есть хоть не ленинский, но всё-таки ЦК. Надо рассеять эти иллюзии и показать партии, что Политбюро - это фикция, что все дела решаются за спиной Политбюро небольшой кучкой, которая собирается в Кремле на бывшей квартире К.Цеткин. Сырцов выразил надежду, что его поддержат Андреев, Колотилов, Эйхе, но в целом рассчитывать на старую партийную гвардию им не приходится, так как она, "во-первых, переродилась частично", а во-вторых, "тут действует какая-то всеобщая психологическая травля". Подвергнув резкой критике авантюрные предложения Сталина о провоцировании налёта бандформирований из Ирана с целью их последующего разгрома на территории СССР, о снятии со снабжения всех городов, кроме крупных промышленных центров, о повышении цен, Сырцов призвал к активным действиям против сталинского руководства.

Тактика, предложенная Сырцовым, была следующей: I. Критика руководства в пределах возможного по принципу "поджаривания на

медленном огне"; 2. Использование попытки Жданова "проработать" Сырцова в Нижнем Новгороде для политического обвинения руководства в нечистоплотности; 3. Начать немедленную борьбу со сталинским внутрипартийным режимом, доводя до сведения всей партии истинное состояние дел.

После обсуждения предложений Сырцова участники совещания остановились на I и 3 пунктах, дополнив их решением о выступлении на Пленуме ЦК, не ожидая созревания кризиса. Выступивший И.С.Нусинов при этом подчеркнул, что возможное поражение не беда, так как главное - бросить в массы эти идеи спасения революции и возвращения пролетариату его партии.

23 октября комиссиия ЦКК под председательством Г.К.Орджоникидзе опросила Сырцова по обвинениям Резникова. Сырцов занял осторожную позицию: признавая многие факты и подтвердив свое несогласие с ЦК по ряду вопросов, он категорически отрицал фракционную направленность своей деятельности. Он не только не признал в своем ответе издание отдельной брошюрой речи от 30 августа 1930 г. "К новому хозяйственному году" политической ошибкой, но заявил, что её следовало публиковать большим тиражом. Обвинения в том, что в брошюре содержалась "сгущенная критика" недостатков, беспредметны, так как только такая критика является условием их преодоления. Сергей Иванович рассказал комиссии, что был потрясен тем обстоятельством, что все его идеи и предложения просто игнорировались Политбюро и всё дело устранения недостатков было переведено на административные рельсы. "Роли и значения административных мер не отрицаю и не недооцениваю, но считаю их одних в экономике недостаточно", - сказал он.

Сырцов признал, что письмо Резникова содержит ряд действительных фактов, но в целом "переврано здорово". Он заявил комиссии

свой протест по поводу использования осведомителей для выявления инакомыслящих, так как это "коверкает и личную, и партийную психологию". То, что из частных разговоров "делают криминал и паяют дело одновременно мне и Ломинадзе" - это самая низкопробная провокация, - говорил Сергей Иванович, считая инакомыслие неподсудным актом.

Отвергнув обвинение в стремлении сместить Сталина, Сырцов указывал: "Я покушаюсь не на руководство, а на принцип непогрешимости руководства, которое создает возможность... работы на холостом ходу, тогда как при ином условии оно могло бы увеличить свой авторитет. Догма папской непогрешимости годится для других стран, но не для страны, строящей социализм".[1]

Орджоникидзе на правах давнего товарища Сырцова стал объяснять ему, что причиной большевистской непоследовательности являются его "интеллигентские черты". И далее: "Не потому, что ты плохой работник, а потому, что ты колеблешься, и на Пленуме, что бы ты ни говорил, ты везде с Бухариным и Рыковым будешь..."[2]

Сырцов пытался отвести обвинения от Нусинова, Каврайского, заявив, что если он "закоперщик", то нелогично обвинять "стрелочников". Орджоникидзе ответил предельно четко в духе времени: "Придет Пленум ЦК и скажет свое мнение и относительно головы, а всякую дрянь, которую Вы поддерживали, всяких отщепенцев будем гнать, на кой черт они нам нужны".

Ломинадзе при опросе в ЦКК также отрицал предъявленное обвинение в нелояльности Сталину и ЦК ВКП(б). Он, в частности, сказал: "Насчет Сталина хотите я скажу Вам своё мнение, которое я не скрываю. Я всегда был против того, когда Сталина иногда в печати, иногда в выступлениях ставят рядом с Лениным. Но я считаю,

1. Личное партийное дело С.И.Сырцова. РЦХИДНИ.Ф.589.Оп.3.Д.933.Л.102
2. Там же. Л. 103

что сейчас кроме Сталина нет ни одного руководителя, который бы смог вести партию к успехам и победе".[1]

Наряду с В.В.Ломинадзе был опрошен Лазарь Шацкин, поддерживавший его предложения на Х.УI партконференции и проходивший по делу о "право-левацком блоке" как свидетель, не сообщивший в ЦКК об известных ему фактах инакомыслия.

В ходе опроса, производимого комиссией ЦКК, он категорически отрицал существование фракционной группы и свое участие в ней. По его словам, он поддерживал В.В.Ломинадзе во многих его взглядах, в частности, по вопросам преждевременности заявлений о вступлении страны в период социализма, об экономических трудностях и об организации широких объединений бедноты. Ведя разговоры на эти темы, он считал, что это соответствует ленинской традиции коллективности разработки политики. О существовании группы Сырцова он узнал только из официального сообщения ЦКК, что явилось полной неожиданностью.[2]

Таким образом, первые собеседования, проведенные комиссией поочередно со всеми подозреваемыми, дали один общий результат - признание своего инакомыслия по ряду социально-экономических проблем, расходящихся со сталинскими установками, и отрицание оформленной фракции, поставившей целью смещение Сталина. Однако, если Ломинадзе и Шацкин не пытались прямо противостоять линии Сталина, то Сырцов со своими друзьями составили оппозиционную группу и намечали пути дальнейшей деятельности, пытаясь найти сторонников среди окружающих их партийцев. Главный документ, изобличающий группу - проект обращения к членам ЦК и ЦКК ВКП(б), - был сожжен женой Сырцова накануне обыска и поэтому сырцовцы дружно держались одной линии.

1. Личное партийное дело С.И.Сырцова. Л.85
2. Там же. Л. 56.

Члены группы Сырцова И.С.Нусинов, В.А.Каврайский, А.Л.Курс, А.Гальперин, в отличие от Сырцова и Ломинадзе - членов ЦК, были арестованы и допрашивались в ОГПУ. Под нажимом следствия они сознались не только в инакомыслии, но и в фракционности, по-прежнему отрицая антисталинский характер группы. В 1930 г. этого было достаточно и следствие прекратилось. После того, как Сырцову были предъявлены их признательные показания с описанием его речей, он в смятении написал новое письмо председателю ЦКК Орджоникидзе. Он вновь подтвердил, что своим анализом экономической ситуации он только хотел помочь партии скорректировать политику. Будучи опытным политиком и хорошо зная практику деятельности ЦКК, он понимал, что речь идет уже не об отстаивании своих взглядов и тем более не о корректировании генеральной линии ЦК, а о его личной судьбе как коммуниста. Поэтому он отрицал разговоры о смене лидера партии и государства, а свои действия назвал "преступно-легкомысленным поведением", вызванным внутренними противоречиями, колебаниями, предвзятыми оценками и идеями, ослаблением воли. Он каялся и уверял в своей преданности партии: "Субъективно я хотел пользы партии и революции, объективно же я получаюсь в роли какого-то мелкобуржуазного неврастеника. Если бы партия простила мои ошибки, отнеслась бы снисходительно к тем, кто вместе со мной разделяет ответственность за группировочные настроения и колебания, я в качестве рядового члена партии мог бы доказать, что и я смогу еще что-то полезное сделать для партии и революции. Если же нет - то вне партии и революции нет жизни. Делайте, что хотите и в каком угодно виде используйте мою партийную шкуру".

Это квинтэссенция позиции всех членов элиты партии,

1. Личное партийное дело С.И.Сырцова. Т.П.Л.22.

вставших на различных этапах на путь формирования оппозиционных уклонов. Будучи отстраненными от политического руководства, они хотели только одного - остаться в партии, ради которой прожили свою жизнь. Они становились на колени перед Сталиным, проклинали всех, кого требовалось проклинать, признавали любые свои грехи и просчеты. Искаженные представления об общечеловеческих ценностях и абсолютизация классовых подходов и идеалов мировой революции обусловили специфические представления о нравственном для партийца, подчинили личную порядочность ложно понятым интересам государства диктатуры пролетариата.

В конце октября ЦКК начала исключать из ВКП(б) с недельной периодичностью одного за другим так называемых фракционеров-двурушников. Публикуя сведения о выявленных фактах инакомыслия, "Правда" подчеркивала: "всякое колебание единства партии, всякое нарушение железной дисциплины - преступление, радующее наших врагов"[I].

Сообщения об исключении из партии Нусинова, Каврайского, Гальперина и Курса были сопровождены комментариями, в которых давалась предварительная, но уже достаточно четкая характеристика новоявленной оппозиции. В статье "Логика антипартийной борьбы", например, говорилось, что если теоретики "правого уклона" Слепковы берут открыто под защиту вредителей Чаяновых, то практики - каврайские своим предательством прямо служат врагам пролетарской диктатуры[2].

В газетах намекалось, что за спиной нусиновых стоит кто-то из крупных деятелей и этот кто-то вскором времени будет разоблачен.

[I] Правда.-I930.-23 октября.
[2] Правда.-I930.-27 октября.

Дело Сырцова и Ломинадзе обсуждалось на заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК 4 ноября 1930 г.[I] Г.К.Орджоникидзе в своем сообщении проинформировал о заявлении Резникова и результатах работы комиссии ЦКК.

С объяснением выступили Сырцов, Ломинадзе и Шацкин. Сергей Иванович убеждал руководство в своей верности лозунгам ликвидации кулачества и сплошной коллективизации. Но он отмечал, что прежде чем эти лозунги выдвигать, их надо было обсудить и подготовить на пленумах ЦК и тогда было бы значительно меньше перегибов. Далее Сырцов затронул тему использования старых специалистов и предложил "помочь ГПУ" в проведении более осторожной политики по отношению к технической интеллигенции. Он рассказал, что хотел по этому поводу поговорить со Сталиным, но это не удалось, как не удалось побеседовать с Орджоникидзе по проблемам реальной заработной платы. Свое поведение на заседаниях комиссии ЦКК он назвал ошибочным, однако он вновь стал утверждать, что фракционности не было, а были элементы блокирования единомышленников по тем или иным вопросам, происходило нащупывание общих позиций. Это дало возможность сигнализировать "тревогу за положение дел" в народном хозяйстве. Он сообщал, что когда он возражал против дутых планов и очковтирательских отчетов, то не думал, что допускает правые ошибки. Он пытался осмысливать вопросы, которые под силу только Политбюро, а не тому маленькому коллективу, который стал складываться вокруг него. Он никогда не думал о смене высшего руководства, а только о необходимости ликвидации его замкнутости.

Трудно сказать, пытался ли Сырцов сознательно довести до Политбюро сущность своей подлинной позиции или в его выступлении просто

I Справка об обсуждении вопроса на Политбюро содержится в материалах архивно-следственного дела С.И.Сырцова ЦА МБ РФ.

проявилось непонимание ситуации, в которую попал. Не исключено, - оба эти элемента присутствовали в поведении призванного к ответу инакомыслящего коммуниста. Во всяком случае очевидно - текст речи Сергея Ивановича изобилует намеками, аналогиями, аллюзиями, недосказанностями и это вызвало гнев сталинского Политбюро.

С.В.Косиор выразил уверенность в том, что Сырцов заболел правооппортунистической болезнью и поэтому не пришел к Сталину со своими сомнениями. Резко и безапелляционно выступил Л.М.Каганович. Его точка зрения была сведена к трем позициям: а) взгляды группы Сырцова проистекают из платформы правого уклона, б) группа сама по себе не представляет ничего серьезного и является "жалкой интеллигентской группкой"; в) в связи с ней надо решить окончательно вопрос о всех правых - Бухарине, Рыкове, Томском.

М.И.Калинин увидел вину Сырцова прежде всего в законспирированных разговорах и в неискренности. Смягчение наказания может быть только тогда, когда будет чувствоваться, что он и его единомышленники искренне раскаиваются. Но критерия определения искренности Калинин не предложил, ибо прекрасно знал, "а судьи кто".

В.М.Молотов, хорошо и давно знавший Сырцова, попытался аргументировать свое неприятие его позиций. По его мнению, у Сырцова, несмотря на ряд положительных качеств, имелись и раньше вывихи: лозунг "Накопляйте, в добрый час!", а теперь новые правооппортунистические оценки: "темпы тяжелы", "потемкинские деревни", руководство "самотеком", "навязывание нереальных цифр". В.М.Молотов также отметил, что хотя авторы признали элементы фракционности, они до конца не поняли и не осудили по настоящему своего "антипартийного поведения".

На заседании Политбюро присутствовал и А.И.Рыков, который

спустя месяц будет выведен из его состава. Он был вынужден осудить группу, но сдержанность его оценок бросается в глаза. По его мнению, природа этой группы состоит в преувеличении трудностей, которые переживает страна, а сама группа имеет чисто аппаратный характер и не страшна партии. Лично он не имеет никакого отношения ни к ним, ни к их идеям - явно неискренне говорил А.И.Рыков.

К.Е.Ворошилов был категоричен: налицо оппозиционность, блокирование Сырцова и Ломинадзе и образование подпольной организации. Им придется долго и упорно работать, пока завоюют самое элементарное доверие партии. Сталинцы П.П.Постышев и Я.Э.Рудзутак сдержанно ограничились указанием на необходимость говорить о своих сомнениях в ЦК, а не на стороне. По их мнению, никакой изоляции членов Политбюро от принятия решений, о чем говорил Сырцов, якобы не было.

И.В.Сталин также стал категорически отрицать созыв секретных совещаний на квартире Клары Цеткин. Он иезуитски заявил, что просто готовил там доклад к ХУI съезду ВКП(б) и иногда отдельные члены Политбюро приезжали к нему по вызову для консультаций. Далее он перешел к характеристике платформы блока "право-левых уродов", которые просто "свихнулись" на сомнительных вопросах о зарплате рабочих, о финансовом кризисе и инфляции, о кризисе партийного аппарата. По его мнению, никакого кризиса нет, а есть трудности роста. Советский аппарат действительно страдает целым рядом недостатков, в том числе и бюрократизмом. Но критикуя его, нельзя забывать, что этот аппарат является не аппаратом угнетения рабочего класса со стороны эксплуататоров, а аппаратом подавления эксплуататоров со стороны рабочего класса, "Партия и советский аппарат едино суть" - это и забыли, по мнению Сталина, Сырцов

и Ломинадзе. В заключение речи Сталин подвел итоги этого так называемого обсуждения: вся история с "лево-правым" блоком не стоила бы того, чтобы на нее тратили время, но так как классовая борьба обострена до последней степени, каждая фракционная вылазка против партийного руководства усиливает фронт наших классовых врагов. Работа в партии основана на доверии, а двурушничество его подрывает, поэтому нельзя легкомысленно относиться к данной группе.

Получив право выступить с ответным словом, Сырцов эмоционально стал уверять собравшихся, что для фракционной работы у него элементарно не было времени: "он все время торчал в совнаркоме" и все разговоры велись без всякой конспирации. Он виноват в разглашении информации о работе высшего партийного органа посторонним, но он не был носителем правых взглядов и тем более троцкистских идей. Обязуясь впредь бороться с этими течениями, Сырцов просил Политбюро оставить его в партии и смягчить участь тем, кто был вместе с ним.

В принятом постановлении Политбюро ЦК и Президиума ЦКК[I] отмечалось, что Сырцов организовал подпольную фракцию правых, а Ломинадзе - левых, что они имели внутреннюю дисциплину, что нарушало резолюцию Х-го съезда партии "О единстве партии". Исходным пунктом постановления была абсолютная уверенность членов Политбюро в истинности курса ЦК и преступности любых сомнений в его правильности. В тексте постановления указывалось, что Сырцов, подобно меньшевикам из "Социалистического вестника", клевещет на успехи социалистического строительства, называя их "очковтирательством". Он повторил маневр правых уклонистов, считая временные трудности инфляцией, и подобно троцкистам прикрыл свою антипартийную работу

I Партийное строительство.-1930.- № 23-24. - С.66.

по срыву темпов индустриализации СССР меньшевистской критикой деятельности партии по повышению материального уровня рабочих масс. Сырцов и Ломинадзе, подчеркивалось в постановлении, спекулируют на затруднениях вместо активного их преодоления. Колебания Сырцова по вопросу ликвидации кулачества и его неверие в колхозное движение вытекают из его прежней правоуклонистской позиции в бытность его в Сибири, нашедшей выражение в знаменитом лозунге "Накопляйте, в добрый час!". Сырцов повторил злобную клевету троцкистов на партаппарат, который работает "на холостом ходу, без живого духа, не закрепляясь мнением членов партии, часто чисто механически, а не идейно формируя общественное мнение партии". А Ломинадзе дал "антипролетарскую" оценку советского аппарата, в котором существует "отрыв от масс, барско-феодальное отношение". Перечислив все прегрешения Сырцова и Ломинадзе перед сталинским руководством, авторы постановления особо выделили, как совершенно непростительный поступок, сокрытие от руководства Сырцовым своих иных взглядов, информирование им своих единомышленников, работающих в аппарате ЦК, о решениях Политбюро, обсуждении на нём различных проблем, нарушая режим секретности. Наконец, попытка Сырцова и его друзей отстоять свое мнение в ЦКК была объявлена преступлением против партии. В заключение делался вывод о том, что это двурушничество показывает, насколько вредна для партии атмосфера борьбы против ЦК, которую создали правые уклонисты Бухарин, Рыков, Томский.

Этот выпад против бухаринцев был далеко не случайным, так как эти лидеры ещё не полностью подчинились воле Сталина и пользовались немалым авторитетом в партии. В постановлении прямо указывалось, что Бухарин, Рыков, Томский несут "политическую ответственность за подобные группировки", так как I. их платформа

совпадает с платфОрмой правой оппозиции; 2. они своим отмалчиванием культивируют двурушничество в партии. В известном смысле эти позиции справедливы в силу того, что Сырцов и его единомышленники объективно продолжили борьбу здорового ядра партии против сталинизма, но Сталин со своими подручными думал несколько иначе,

Текст постановления гласил: хотя своим двурушническим поведением и фракционной работой они заслужили исключение из рядов партии, исключить Сырцова и Ломинадзе только из состава ЦК и ЦКК, оставив их в рядах партии с предупреждением, что "малейшая попытка повторения двурушнической работы поставит их вне рядов партии и отбросит их в лагерь врагов пролетариата". I5 ноября Сталин дал указание ОГПУ выслать Кврайского, Нусинова и Курса из Москвы.

Сразу после заседания Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б) началась кампания по очищению от сторонников блока местных парторганизаций. I0 ноября состоялся пленум Заккрайкома, избравший по указанию Сталина новым I-м секретарем Лаврентия Картвелашвили. Заккрайком в резких тонах осудил взгляды Сырцова и Ломинадзе, их "фракционную" деятельность. Но эти решения не удовлетворили сталинское руководство, потребовавшее принятия организационных мер в отношении сторонников В.В.Ломинадзе.

I8 ноября в Тбилиси прибыл С.М.Киров, который выступил на созванном пленуме Заккрайкома и Контрольной комиссии. После его доклада и 29 выступлений участников пленума была принята резолюция, в которой говорилось: "Особую опасность для Закавказья представляла группа, возглавляемая Ломинадзе. Антипартийная работа бывшего первого секретаря могла безнаказанно происходить в течение ряда месяцев благодаря недостаточной большевистской бдительности и некритическому отношению бюро Заккрайкома к политическим

установкам, дававшимся Ломинадзе"[1]. Пленум отменил все предшествовавшие решения по вопросу о конфликте по поводу Обращения и одобрил указание Сталина о снятии, помимо Ломинадзе, Чаплина, Ахундова с постов секретарей Заккрайкома, Гогоберидзе с поста секретаря КП Грузии и секретаря ЦК АКП Рахманова. Бакинские руководители восприняли эти оценки как полное признание своей правоты в прошлом конфликте с "ломинадзиевщиной" и приняли решение о выводе из партийных органов всех партийных работников, назначенных на свои посты Ломинадзе: Дьячкова, Аркадьева, Аветисяна, Шлемову, Коган, Елисееву, Крамаренко и лр.

Важным центром кампании по разгрому "право-левацкого блока" стал Новосибирск, где работал С.И.Сырцов до назначения председателем Совнаркома РСФСР. На посту первого секретаря Сибкрайкома его сменил Р.И.Эйхе, отличавшийся большой приверженностью к администрированию, к проведению линии ЦК без учета специфики региона. Р.И.Эйхе руководил в этом стиле деятельностью образованного позднее Западно-сибирского крайкома,оставаясь до самого своего конца в застенках НКВД преданным большевиком. Для него не было ничего,кроме интересов советской власти,мировой революции. Когда местные кадры его упрекали в том, что он не думает о населении Сибири, позволяет его беспрепятственно грабить, он называл это типично правоуклонистским подходом. Эйхе не стесняясь подчеркивал: "для большевиков нет интересов Сибири, Кавказа, Украины. Для нас интересы революции в целом прежде всего и превыше всего"[2].

Обоснованно недовольные леворадикальным стилем руководства крайкома выдвиженцы С.И.Сырцова -председатель крайисполкома И.Е.Клименко и второй секретарь В.Н.Кузнецов-предприняли в

1 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.23. Д.31. Л.8.
2 Эйхе Р.И. Западная Сибирь на переломе.-Новосибирск, 1930. - С.82.

августе 1930 года попытку без ведома ЦК сместить Р.И.Эйхе с должности, воспользовавшись его пребыванием в отпуске. Позиция группы И.Е.Клименко была зафиксирована в письме в ЦК ВКП(б), написанном по совету Сырцова. В постановлении ЦК ВКП(б) от 20 августа 1930 года эти действия были определены как беспринципная групповщина, а члены группы Клименко сняты со своих постов. На многочисленных собраниях и активах коммунисты края резко осудили "заговорщиков", но пока никто не связывал их деятельность с С.И.Сырцовым. Однако ситуация в корне изменилась, когда были получены из Москвы сообщения о разоблачении "блока" Сырцова и Ломинадзе. Руководители Сибкрайкома немедленно заявили о будто бы прямой причастности Сырцова к групповщине. В печати было обнародовано измышление, что группа Клименко имела прямое задание блока овладеть сибирской парторганизацией в качестве опоры двурушников. Это было якобы "первой разведкой Сырцова"[1], пытавшегося прощупать свои возможности и силу сопротивления партии. В качестве решающего аргумента в пользу этой версии приводился факт, что именно Сырцов дал совет Клименко обратиться к Сталину с изложением своей позиции. Печать края полностью игнорировала вклад Сырцова в развитие Сибири, высокие оценки его работы, данные в специальном обращении крайкома к Сырцову по случаю его отзыва в Москву в 1929 году. Пытаясь объяснить свой поворот в характеристике Сырцова, местные деятели стали заявлять, что авторитет у Сырцова был в Сибири только тогда, когда он выполнял распоряжения ЦК, но "этот авторитет стал фикцией, "пустым звуком", когда его носитель стал на путь оппортунизма. В качестве доказательства двурушнического поведения Сырцова Р.И.Эйхе привел на партактиве выдержку из его частного письма: "У меня кружится голова,

[1] Против двурушничества. Об антипартийной вылазке право-"левого" блока.- ГИЗ, Запсиботделение, 1930. - С.5-6.

но не подумайте, что от успехов - их нет и не видно, кружится голова от противоречий эпохи. У меня есть целый ряд моментов, в которых я расхожусь с эпохой и её творцами"[I]

Р.И.Эйхе поставил в духе сталинских указаний задачу перед сибирской парторганизацией: фракционеры ранее работали здесь и могут иметь корни, "иметь те или иные связи, которые необходимо разоблачить, вскрыть, вывести на чистую воду это двурушничество. Это обязанность каждого партийца, каждой партийной организации". Выполняя заказ, местные пропагандисты в первую очередь "разоблачили" монографию И.Нусинова и В.Каврайского "Классы и классовые отношения в современной сибирской деревне". В прессе было заявлено, что автор предисловия Сырцов и авторы книги пропагандировали троцкистское положение "колхоз без трактора - нелепость" и другие. Книга свидетельствует о том, что Сырцов со своей "школой молодых" готовил почву для беспринципного право-"левого" блока . Выбрав себе "адьютантов и помошников из всего, что есть худшего внутри партии", - писал М.Черномордик, - сырцовская "кучка мелкобуржуазных интеллигентов, мыслящих себя солью земли советской", начали свой поход против партии и её ленинского руководства[2].

Активный участник сибирской группировки Кузнецов написал покаянное письмо Сталину. Содержание этого документа весьма показательно для атмосферы в большевисисткой элите в начале 30-х гг. Автор писал, что его выступление против Р.Эйхе не было поддержкой блока Сырцова-Ломинадзе, а наоборот было проявлением борьбы с ним, Членов группы Сырцова он теперь характеризовал так: "Каврайский - сын помещика, мещанин по натуре, прикрывал себя левой фразой. Нусинов - сын купца, "левацко"-троцкиствующий элемент.

I Против двурушничества. Об антипартийной вылазке право-"левого" блока.- ГИЗ,: Запсиботделение, 1930. - С.20.
2.Там же. - С.3.

курс - бывший активный анархист, который и до сих пор не расстался со своей буржуазной анархической принадлежностью. Гальперин - бывший троцкиствующий элемент. Всех я их знал 5 лет и никогда не доверял им, считая их примазавшимися элементами к нашей партии - это было одной из причин конфликта с Эйхе, в глазах которого они (Каврайский и Нусинов) были лучшими большевиками и являлись главными советниками "[1].

Но главный удар партийная пропаганда нанесла по самому Сырцову и его произведениям. Следуя апробированной схеме разгрома оппортунизма, включавшей в себя помимо идейно-политического и организационного разгрома очернение теоретических истоков данного направления оппозиционной мысли, сталинские идеологи нашли и методологию "право-левацкого блока". Если методологической основой правого уклона был объявлен механицизм, то у "блока" Сырцова и Ломинадзе такой базой стал "абстрактный, поверхностный, созерцательный электрический ползучий эмпиризм"[2]. Вероятно, толчком к обоснованию данной концепции явилось заявление С.И.Сырцова и В.В.Ломинадзе на заседании Политбюро 4 ноября 1930 года о том, что он "выступал" против "известного эмпиризма руководства". Развивая эту идею в обратном направлении, сталинские идеологи стали доказывать, что поскольку Сырцов часто апеллирует к мнениям и чувствам рабочих, то он впадает в эмпиризм, обосновывает "интеллигентский импрессионизм" и выступает против теоретического разума партии. Сырцов и Ломинадзе видят многие реальные трудности - финансовые, экономические, текучесть кадров, но "понять диалектику этих явлений, их противоречивую природу, их качество, меру

---

1. РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.120. Д.31. Л.21.
2. Каммари М. Ползучий эмпиризм оппортунистов // Революция и культура.-1930.- № 23. - С.28-40.

трудностей эмпирический разум право-левацкого блока не может". Такие смехотворные попытки привязать сугубо прагматические предложения сырцовцев к теоретическим отклонениям были реакцией на прямое указание И.В.Сталина, обязавшее обществоведов рассматривать в комплексе все актуальные вопросы политической и теоретической борьбы. 9 февраля 1930 г. в беседе с М.Митиным он требовал критиковать Ф.Энгельса, разоблачать Г.В.Плеханова, "разворошить" теоретический"навоз" Н.И.Бухарина, разбить "меньшевиствующий идеализм" Г.Деборина, Я.Стэна, Н.Карева и при этом "не забыть"Д.Рязанова. В целом сейчас - "бить - главная проблема.Бить по всем направлениям и там, где еще не били"[1]. Без сомнения, Сталин был убежден в том, что такое "битие" определяет общественное сознание и к этому сознательно стремился.

17-21 декабря 1930 г. в Москве состоялся Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП/б/, который обсудил планы на 1931 г. и проблемы, которые ранее были в центре внимания Сырцова: о снабжении мясом и овощами, о работе потребкооперации. Но в резолюциях отсутствовало упоминание о только что выявленном блоке "право-левых" и имя Сырцова. Это расходилось с традициями сталинского руководства - воспитывать на примерах разгромленных внутрипартийных течений партийные массы и саму элиту. Стенографический отчет Пленума отразил отдельные аспекты этого вопроса, затронутые в ходе дискуссии.

Выступивший при обсуждении доклада наркомснаба о снабжении населения мясом и овощами бывший сибирский "групповщик" И.Клименко заявил,отрабатывая помилование, что требования Сырцова о рнтабельности животноводства, перевода отрасли на хозрасчет прямо противвречит устоявшейся заготовительной плановой политике

1.РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.24.Л,5.

государства и поэтому является явным отходом от ленинизма[I]. Брошюру Сырцова Клименко назвал антипартийным манифестом, направленным против генеральной линии партии. Другой выступавший руководитель - т.Корнюшин заявил, что Сырцов пытался противопоставить рабочее мясоснабжение социалистической реконструкции мясного производства. По его мнению, сырцовские обвинения руководства в сокращении мясного стада, в упадке животноводства носят клеветнический характер. Полностью искажая действительность, Корнюшин клеветнически утверждал, что Сырцов вообще не стремился к повышению уровня мясоснабжения рабочих. Основной причиной имеющихся недостатков в мясоснабжении являлось будто бы вредительство, на котором оратор и сосредоточил свое глубокомысленное выступление. Главный вывод этого выступления был выдержан в духе времени - искоренив вредительство, мы вслед за зерновой проблемой успешно в течение года решим и проблему животноводства.

По поводу вредительства и его связи с внутрипартийным инакомыслием характерно высказывание А.А.Жданова - секретаря нижегородского крайкома ВКП(б). По его мнению, невозможно выполнить задания первого пятилетнего плана без борьбы с правым оппортунизмом, в том числе с "лево-правым" блоком Сырцова-Ломинадзе, образовавшим политбюро "волостного масштаба". Правые идеологи без исключения - естественные союзники вредителей. Итоги процесса над "Промпартией" показали, что в классовой борьбе удалось одержать победу высшего порядка потому, что против нас стояли все силы науки, все силы техники, возглавляемые империалистами"... После этого пассажа, отразившего уровень понимания проблем научно-технического прогресса в связи с классовой борьбой, А.А.Жданов заявил, что вредитель-

I РЦХИДНИ. Ф.I7. Оп.2. Д.460. Л.I6I.

ство специалистов есть не вспышка, не эпизод, а будет продолжаться дальше в новых формах. Поэтому нужна длительность, подготовка новых кадров, так как Сталин указал, что за год коммунист всегда овладеет любой отраслью хозяйства.[1]

А.А.Жданов – фигура достаточно типичная для сталинистских кадров, выходцев из старой большевистской гвардии интеллигентного происхождения. Его биография показательна для этого типа деятелей. А.А.Жданов родился в 1896 г. в семье магистра богословия, инспектора народных училищ г.Мариуполя, окончил Тверское реальное училище и поступил в Московский сельхозинститут. С 1912 г. занимается революционной деятельностью, став членом партии. С 1916 г. служит в армии прапорщиком. С апреля 1917 г.-председатель Шадринского уездкома Пермской губернии, затем с ноября 1919 г. занимает руководящие должности в Твери, где редактирует газету, возглавляя губплан и губисполком. С июня 1922 г. направлен в Нижний Новгород. В декабре 1922 г. вопреки сопротивлению Кагановича, выступавшего против "лишнего интеллигента" в губкоме, он был назначен зав. агитпропом губкома. С 1924 г. он уже секретарь губкома вместо Угланова, а с 1929 г.-первый секретарь крайкома, кандидат в члены ЦК ВКП(б).

Осень 1930 г. На собрании партячейки Нижегородского отделения ИКП А.А.Жданов выступил с докладом об итогах выполнения плана 2 года пятилетки, в котором провел "проработку" докладов С.И.Сырцова, не называя его фамилии. Обильно процитировав положение Сырцова о непосильных темпах, "упадке энергии и отсутствии творческой работы", о необходимости защиты специалистов, Жданов охарактеризовал их как пессимизм и "брюзжание", отражающие влияние

---

1 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.2. Д.460. Л.161.

правого уклона. Этим "осенним настроениям" и "чеховским скрипкам" нужно,по мнению докладчика, дать "беспощадный отпор!"[I].

В решении бюро нижегородского крайкома от 4.XI.1930 г. Жданов подчеркнул, что в блоке Сырцова-Ломинадзе объединены "ничтожные группы разложившихся партийных интеллигентов", которые ведут "подрывную работу против партии и ее испытанного большевистского руководства в Ленинского ЦК и Политбюро, вождя партии т.Сталина, на деле являются агентурой классового врага внутри пролетарской партии"[2].

А.А.Жданов в отличие от ярых сталинистов типа Л.М.Кагановича стремился к более взвешенному подходу к оценке политической ситуации, реализации требований Сталина. Ни в коей мере не подвергая сомнению установки вождя, он избегал излишне резких и прямолинейных терминов, не призывал к усилению партийных репрессий[3], однако эта аккуратность не мешала ему поставить руководимую им Нижнегородскую парторганизацию в число лучших в глазах Сталина. Генсек обратил внимание на А.А.Жданова как преданного в политическом и личном отношении и после убийства С.М.Кирова предложил ему один из ведущих в партийной иерархии постов - секретаря Ленинградского обкома.

В заключительной части Пленума с большой речью выступил новый председатель Совнаркома СССР В.М.Молотов, сменивший А.И.Рыкова. Подводя итоги "дискуссии" на Пленуме, он охарактеризовал позиции Сырцова. В частности, он подробно остановился на обращении Сырцова от 4 августа 1930 года: "Надо что-то делать". В стремлении Сырцова ликвидировать бюрократические препятствия в снабжении колхозами городского населения он увидел бюрократизм самого Сыр-

I РЦХИДНИ, Ф.77. Оп.I. Д.290. Л.25.
2 Там же. Ф.77. Оп.I. Д.294. Л.I.
3 Жданов А.А. Отчет о работе краевого комитета ВКП(б) третьей Нижнегородской краевой партконференции.-Н.Новгород, 1932.

цова! Рекомендацию Сырцова организовать прямой выход социалистического производства на рынок он назвал "игнорированием" социалистического планирования и правооппортунистической ориентацией на рынок, попыткой привязать колхозы и совхозы к частнохозяйственному укладу.

Критика в исполнении Сырцова и Ломинадзе является "полуменьшевистской критикой советских либералов", которая может только нанести вред социалистическому строительству. Главное сейчас, подчеркнул новоявленный премьер, по-большевистски взяться за дело, не доверяя специалистам, самим улучшать аппарат, заставить его эффективно работать.

Естественно, что эти указания соратника "Сталина стали лейтмотивом принятых официальных резолюций. В резолюции "По докладу наркомснаба о снабжении мясом и овощами" указывалось: "смело перенести в практику мясозаготовительной работы испытанные методы хлебозаготовок: решительно бороться в области мясозаготовок так же, как и в области хлебозаготовок, с оппортунизмом на практике.."[1]. Однако, наряду с этими требованиями, в данной резолюции содержались конкретные меры, о которых говорил Сырцов.

Аналогичная ситуация прослеживается при анализе другого документа, принятого пленумом: резолюции "По докладу Центросоюза о работе потребкооперации". Вновь указано на необходимость преодол ения бюрократизма, оппортунизма на практике и вредительства, а также "нэпманского духа", но вместе с тем, отмечен важный путь улучшения кооперации - улучшение аппарата и повышение внимания партийных и государственных органов. И вновь без всякого указания на Сырцова использовались его положения о реорганизации сети потребкооперации на основе повышения ее самостоятельности и максималь-

I. КПСС в резолюциях... Изд.8. Т.4. -С.99.

ного приближения к потребителям. Именно наличие подобных положений в резолюциях пленума, легко соотносимых с рекомендациями Сырцова, содержащимися в его речах и статьях, сделало затруднительным анализ на пленуме его конкретной экономической платформы. Позиции Сырцова были максимально приближены к действительности, были конкретны и аргументированы. Одно дело было политически заклеймить и дискредитировать Сырцова на основе вырванных из контекста формулировок, фальсифицировав его мысли, другое попытаться опорочить его конкретно-экономические предложения, ориентированные на повышение материального благосостояния народа.

Дело Сырцова было использовано для дальнейшего шельмования лидеров партийной интеллигенции Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова. Бухарин на декабрьском пленуме в ответ на нападки на него сталинских вождей в связи с разоблачением группы Сырцова сказал, что все это превращается в странную бессвязную дискуссию. По поводу требований признать платформу сырцовцев следствием развития его идей , Бухарин сказал: "я имею право защищать то, что я считаю возможным защищать и имею право защищаться от излишних обвинений. Или же Вы считаете, что я должен говорить то, что я не думаю? Но это означало бы принуждение к двурушничеству... мне кажется, что нападать на меня было странным после того, что как признали, что в основном сделал удовлетворительное заявление". Молотов здесь бросил реплику: "Своеобразное у тебя истолкование решения ЦК, очень своеобразное". Николай Иванович ответил: "Тов.Молотов, твое право, у вас сила и власть, вы можете все по другому истолковать и вынести по этому поводу другое решение". Но в конечном счете Н.И.Бухарин сделал чрезвычайно показательное заявление: "при всех условиях, при всей конфигурации сил, при всей политической конъюнктуре я буду не только в силу дисциплины, но и в силу внутрен-

ней убежденности, идти вместе с партией....нелепо полагать, что человек, который около 25 лет работает в нашей партии, пережил с ней целую эпоху, пойдет против партии в труднейший момент перевала..."[1].

Хотя Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский публично отказались от дальнейшей борьбы за свои идеи, группа Сырцова была разогнана, это не означало, что во внутрипартийной жизни наступил полный штиль. Среди здоровых сил партии, прежде всего партийной интеллигенции, продолжало развиваться инакомыслие, тщательно скрываемое от ЦКК и ОГПУ. В 1932 г. оформилась группа М.Н.Рютина, в состав которой входили представители старой партийной гвардии, не занимавшие значительных постов, то есть не входившие в политическую элиту. Это был симптом того, что существовала возможность выхода оппозиций и уклонов за пределы элиты и соединения с рабочим движением, с широкими партийными массами.

М.Н.Рютин был, по его словам, "интеллигентным пролетарием", окончил учительскую семинарию, в 1917 г. был председателем Харбинского совета, в гражданской войне командовал партизанскими отрядами, руководил Иркутским губкомом партии. После войны работал на Северном Кавказе, в Ростове-на-Дону, редактировал областную газеты, выпустил ряд брошюр. В 1924-1928 гг., будучи секретарем Краснопресненского райкома партии, проявил себя как активнейший борец с оппозицией, но за поддержку бухаринцев был снят с поста. Затем работал на хозяйственной работе, редактировал "Красную здвезду", но за инакомыслие в 1930 г. был исключен из партии.

Его ближайший соратник по группе - В.Н.Каюров, 1876 г.р., в революционном движении был с 1900 г.,участник всех трех рево-

1. РЦХИДНИ. ф.17. Оп.2 д.460. л.71

люций, близкий знакомый Ленина. В гражданской войне руководит продотрядами, начальник политотдела армии. Затем на хозяйственной работе на Урале и Северном Кавказе. С 1926 г. работал в Москве в РКИ, Институте Ленина, председателем Центроархива. Биография этого человека позволяет его уверенно отнести к рабочей интеллигенции, хотя он не имел образования, соответствующего происхождения и т.д.

Другие члены группы имели менее яркие биографии, но все они отличались лучшими качествами партийной интеллигенции - частностью, порядочностью, ответственностью за судьбы страны. В составленном М.Н.Рютиным при участии В.Н.Каюрова, М.С.Иванова, А.В.Каюрова Манифесте указывалось: "Под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный аппарат, Сталин за последние 5 лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, встал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола". Рютин заметно отошел от ранее провозглашаемых взглядов о правоте большинства и роли аппарата. Он уже требовал слома всей головки партаппарата, развития внутрипартийной демократии, чистки ГПУ, обновления Советов, прекращения антиленинских экспериментов в экономике за счет народа[I].

Особый интерес представляет 200-страничная платформа группы Рютина, в которой дан анализ сложившейся политической элиты. Рютин использовал термин "партийная верхушка" или "руководящие работники". В этом слое, являющемся самим своим существованием доказательством перерождения партии, он выделил три категории партийцев.

I Старков Б.А. Дело Рютина // Они не молчали.- М., 1991. - С.145-179.

Первая категория - это клика Сталина, состоящая из членов Политбюро, Президиума ЦКК, секретарей областных комитетов, превратившаяся в "банду беспринципных политиканов и политических мошенников". Эту группу нельзя рассматривать как "людей просто ошибающихся, но субъективно искренне верящих в свою правоту". Считая такой подход наивностью, Рютин сам допустил методологический просчет - перешел на диаметрально противоположные позиции и стал утверждать, что правящая партийная элита прекрасно отдает себе отчет, что рвет с ленинизмом и губит дело социализма. Руководящие партийные работники во главе со Сталиным "попали в такой заколдованный круг, что сами не в состоянии из него вырваться".

Наркомы, зам.наркомов, члены коллегий, руководители трестов, видные работники партаппарата, редакторы крупных газет, председатели ЦК профсоюзов, руководители областных отделов советского и профсоюзного аппарата составляют, исходя из логики текста документа, второй эшелон элиты, который также не имеет никакой связи с массами. "Они обеспечены высокими ставками, курортами, пособиями, дачами, великолепными квартирами, прекрасным явным и тайным снабжением, бесплатными театрами, первоклассной медицинской помощью и т.д. И это при невероятном обнищации и полуголодном существовании всей страны. Они таким образом в известной мере подкуплены Сталиным", - писал Рютин. В результате эти работники "так обросли жирком, они настолько связаны всеми предоставленными им привилегиями", что будут терпеть и выносить "любые пинки и издевательства со стороны Сталина и аппарата".

Третью категорию составляют те честные партийцы, которые продолжают "искренне верить в правильность политики Сталина". Это явление Рютин объяснил традициями большевизма, в первую очередь, привычкой "поддерживать ленинский ЦК, которая переносится на

политику Сталина. "Эти партийцы не могут объяснить гигантских противоречий между декларациями, речами, статьями и резолюциями сталинского руководства и действительностью, но они бояться как огня всяких "уклонов", они привыкли голосовать за ЦК ..." Они все противоречия объясняют неизбежностью трудностей и недостатков во всяком большом деле. "Рассудок таким образом выродился в предрассудок, а политическая привычка в политический идиотизм".

Рютин считал, что истинная элита большевизма есть лучшие из лучших, подлинные вожди партии, которые должны показать себя достойными звания вождей". Не оправдываться мнимой пассивностью масс, не оправдывать свое бездействие отсутствием поддержки со стороны затравленных, задавленных, терроризированных, но ищущих руководства для борьбы со Сталиным партийцев и беспартийных рабочих, а становится во главе их, руководить ими - такова обязанность подлинных вождей, подлинных ленинцев в настоящее время".

Он полупрезрительно отзывается о капитулировавших бывших лидерах оппозиций, проявивших "презренное холуйство перед Сталиным", как Бухарин и Радек, или просто "молчание, как это делают Рыков, Томский, Угланов и бывшие вожди троцкистской оппозиции".

Наступил такой момент, когда требуется новое открытое выступление всех бывших вождей, всех честных большевиков со своей открытой, смелой программой выхода из тупика и возвращения к ленинским принципам руководства страной пролетарской диктатуры, - подчеркнул Рютин. Но некому возглавить это движение. С окончанием внутрипартийной борьбы в руководстве коммунистического движения исчезли вожди, есть только исполнительные чиновники, "боящиеся проронить лишнее слово, высказать самостоятельную смелую мысль, постоянно оглядывающиеся на мстительного, не разбирающегося в средствах борьбы начальника". Некоторые бывшие вожди, пройдя за

последние годы курс сталинской учебы, превратились в простых сталинских холопов, в героев "чего изволите"[I].

Беспощадный анализ переродившейся партийной элиты позволил Рютину скинуть с себя оковы преклонения перед партийным единством и приступить к организации сопротивления сталинизму.

2I августа 1932 г. в подмосковной деревне Головино группа единомышленников М.Н.Рютина, образовавшая "Союз марксистов-ленинцев", обсудила подготовленные документы и приняла решение об их распространении в партийной среде путем личных контактов и посылки почтой. Но этот замысел был быстро пресечен. I4 сентября 1932 г. в ОГПУ поступили первые доносы о получении данных документов. В ходе немедленно последовавших арестов все члены группы были взяты под стражу. II октября коллегия ОГПУ в составе В.Менжинского, Г.Ягоды и А.Балицкого приговорила М.Н.Рютина к расстрелу. Сталин вынес этот пока еще уникальный приговор одному из творцов Октября на утверждение Политбюро, но прагматическое умеренное крыло в составе Орджоникидзе, Кирова, Куйбышева воспротивилось этому намерению. В результате приговор был заменен I0-летним заключением (практически 5-летним - в 1937 г. Рютин был казнен).

Платформа Рютна была уникальным законченным антисталинским документом. По глубине обобщений и выводов в критике сталинизма он значительно превосходит известный доклад Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС. Обоснованность и точность характеристик Сталина и его окружения делали невозможным ознакомление с ними верхушки партийной общественности даже в ограниченном и препарированном виде. В то же время реальный документ, неоспоримо доказывавший возможность возникновения антисталинской оппозиции, мог стать лучшим аргументом "вождя народов" для максимального ужесточения политического режима.

I Рютин М. На колени не встану.-М., I99I. - С.I90.

Но в отличие от постановления ЦКК круг обвиняемых расширился и соответствующим органам поручалось принять "самые решительные меры для полной ликвидации деятельности белогвардейской контрреволюционной группы Рютина - Слепкова, их вдохновителей, их укрывателей". В третьем пункте предполагаемого постановления указывалось на необходимость исключения из партии "всех, знавших о существовании этой контрреволюционной группы, в особенности читавших ее контрреволюционные документы и не сообщивших об этом в ЦК и ЦКК, как укрывателей врагов партии и рабочего класса"[I]. Принятие такого постановления означало его публикацию в "Правде" и других органах печати, что в свою очередь требовало общепринятой проработки документа в сети партполитпросвещения, разъяснения массам сущности платформы группы и т.д. Этого Сталин допустить не смог и дело было ограничено расследованием ОГПУ, являвшейся, согласно сталинскому определению, "вооруженной частью партии".

В октябре 1932 г. начались аресты Зиновьева, Каменева, Угланова, знавших о рютинских бумагах. Наряду с этим было сфабриковано новое дело - так называемой "антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других" ("бухаринская школа"). Без санкции прокурора было арестовано 38 ведущих предеставителей молодой партийной интеллигенции, фактически обескровив смену большевиков-интеллектуалов. В их числе были ученики Н.И.Бухарина: А.Ю.Айхенвальд, А.Д.Зайцев, А.И.Кармалитов, Д.П.Марецкий, П.Ф.Сапожников, А.Н.Слепков, В.Н.Слепков, П.Г.Петровский, Е.В.Цейтлин и др. 16 апреля 1933 г. коллегия ОГПУ приговорила 34 участников группы к различным срокам лишения свободы по фальсифицированному

I Гласность.-I99I.-№ II. - С.6.

обвинению в участии в "контрреволюционной организации правых, ставившей целью активную борьбу с Советской властью и восстановление капиталистического строя в СССР"[I]. Подлинная вина учеников Бухарина заключалась в том, что они были самостоятельно мыслящими коммунистами, порядочными людьми, высокообразованными специалистами, более чем далекими от веры в гений Сталина и потому представлявшими потенциальную опасность для его режима.

По всей стране начались усиленные поиски правых и левых оппортунистов, в число которых попадали инакомыслящие коммунисты, просто недовольные люди, наконец, все те, кто совершал поступки, ошибки, просчеты, квалифицировавшиеся как политические преступления. Только на Северном Кавказе за период между ХУI и ХУП съездами ВКП(б) было выявлено 8 так называемых антипартийных группировок. К их числу относилась группа "Донское оргбюро" в составе I4 человек на таганрогском металлургическом заводе, группа "Временный комитет по освобождению трудящихся от ига извращенного коммунизма" в составе 7 человек в Пятигорске, группа сторонников "праволевого блока" в Ростове-на-Дону, 4 группы в Черкессии, Чечне, Кабардино-Балкарии правооппортунистического характера, группа на железнодорожном транспорте в Махачкале. Все эти группы были разоблачены на основе агентурных данных ОГПУ. Меры по пресечению их деятельности принимались без партийного расследования их деятельности, без должного обнародования в печати результатов изучения проблемы. Имеющаяся информация о борьбе с оппортунизмом говорит о её инспирированности сверху, заданности и искусственном характере.

В это же время стало раскручиваться еще одно громкое дело очередной "антипартийной" группы - Эйсмонта, Смирнова и Толмачева.

[I] Известия ЦК КПСС.-1990.-№ 2. - С.32-49.

Наиболее авторитетным участником этой группы был Алексей Петрович Смирнов, чей партийный стаж исчислялся с 1896 года. Организатор партийной организации в Твери, делегат IУ и У съездов, кандидат в члены ЦК 1912 года, рабочий-самоучка, подлинный пролетарский революционер и интеллигент, Смирнов был одним из самых известных представителей ленинской партийной гвардии. После революции он возглавлял наркомат земледелия и был заместителем Рыкова по Совнаркому РСФСР, входил в состав ВСНХ и работал в самом тесном контакте с выдающимися учеными – Н.Д.Кондратьевым и А.В.Чаяновым. Зная о наличии серьезных научных разработок ученых-аграрников и хорошо понимая душу крестьянства, А.П.Смирнов выражал серьезные сомнения в необходимости форсированной коллективизации. Когда в 1932 году Сталин начал совершенно неоправданную выкачку хлеба из колхозной деревни с целью покрытия возросших расходов на закупку промышленного оборудования за рубежом, Смирнов стал в кругу своих единомышленников выражать свое возмущение и пытаться предпринимать какие-то шаги с целью противодействия. Его поддержали бывшие руководители Северо-Кавказского края – Н.Б.Эйсмонт, В.Н.Толмачев. Они хорошо знали этот регион и особенно Донской край, четко представляли его особенности и понимали, какие последствия может иметь авантюрная экономическая политика сталинского руководства. Оба они были большевиками-интеллигентами, хотя различались по жизненному опыту. Н.Б.Эйсмонт-1891 г.р., сын лесничего, еще в реальном училище вступил в партию, учился в Петербургском политехническом и на юридическом факультете университета. В составе межрайонцев вошел в июле 1917 г. в РСДРП. После революции-на руководящих постах. В гражданской войне принял участие замом чусоснабарма Рыкова. С 1922 г.-председатель крайэкономсовета, предкрайисполкома и член бюро крайкома партии в

Ростове-на-Дону. С весны 1926 г.-нарком торговли РСФСР и замнаркома внешней торговли СССР и член ЦК ВКП(б), ближайший соратник А.И.Микояна.

В.Н.Толмачев 1886 г.р.,сын учителя, заканчивая гимназию вступил в РСДРП в Костроме, подвергается репрессиям, во время мировой войны-в армии. В гражданской войне-комиссар Новороссийска, начполитотдела армии, член РВС Крымской республики. В 20-х гг.-секретарь Кубаночерноморского исполкома, зампред. Северо-Кавказского исполкома. С января 1928 г. нарком внутренних дел РСФСР. После ликвидации этого наркомата в 1930 г. он становится начальником Главдортранса РСФСР и членом Экономсовета, где и произошло его сближение с Эйсмонтом. А.П.Смирнова он знал еще по ссылке.

Оба они по должности входили в состав СНК РСФСР и хорошо знали его председателя в 1929-1930 гг. - С.И.Сырцова, разделяли его взгляды, но не выступили в его поддержку. Но они фактически повторили многие его выводы и оценки спустя 1-2 года.

В.Н.Толмачев проявлял сомнения в тех или иных решениях руководства во время коллективизации и раскулачивания. Так,будучи наркомом,в 1930 г. он заявлял в комиссии по ссыльнопоселенцам в Северном крае о наличии в регионе не менее 60% середняков,раскулаченных и высланных "неправильно" и требовал немедленного возвращения обратно не менее 10% с полной реабилитацией и возвращением конфискованного имущества. Его поддержал К.С.Еремеев - один из бывших руководителей Октябрьской революции в Петрограде, Председатель комиссии С.Бергавинов, правоверный сталинист, сообщал своему патрону, что это не просто либерализм, нечто похуже и посерьезней.

Во время своих встреч в Москве Эйсмонт, Смирнов, Толмачев выражали явное недовольство установившимся партийным режимом и лично

Сталиным. Особенно резок был А.П.Смирнов, который забыв об осторожности, заявлял о своей надежде на скорое смещение Сталина. Наиболее четко оформленными были их позиции в отношении практики коллективизации. В частности, они пришли к выводам, которые не стали отрицать и на следствии; I) Руководство поступило ошибочно, перепрыгнув при проведении коллективизации через форму ТОЗов и других простейших форм кооперации сразу к артели и коммуне; 2) Темпы колхозного движения непомерно велики и явно нереальны, а следовательно могут быть выполнены только при административном нажиме с помощью карательных органов; 3) Хлеб, производимый в колхозах, долгое время будет убыточным и дороже, чем аналогичная продукция, производимая в единоличном хозяйстве; 4) Ухудшающееся положение в сельском хозяйстве неминуемо отразится на темпах индустриализации, вызвав их понижение; 5) нарком земледелия Яковлев, руководство ВКП(б) в целом слабо разбирается в сельском хозяйстве[I].

Считая правильным курс коллективизации, они отмечали, что его надо осуществлять более медленными темпами и с меньшими жертвами, учитывая психологию крестьянства, особенности регионов и сдерживая торопливость "перегибщиков" на местах. Особое их возмущение вызвали результаты работы комиссии Л.М.Кагановича на Северном Кавказе при рассмотрении причины так называемого "кулацкого саботажа" хлебопоставок. Опираясь на поступившие в Москву сведения о недовольстве колхозным крестьянством и рядовыми коммунистами хлебозаготовительной политикой центра, они призывали секретаря крайкома Б.Шеболдаева более энергично сопротивляться авантюрам Сталина. Но осуждая его за пассивность в сопротивлении

I ЦА КГБ СССР, Р-23383, Л.I7I.

требованиям увеличить объем сдачи хлеба за счет снижения уровня жизни крестьянства, сами они не предпринимали решительных и организационно оформленных поступков.

В результате действий комиссии Кагановича в регионе были осуществлены репрессивные меры - чистки парторганизаций, аресты, выселения населения части станиц (полностью или частично пострадало I5 станиц). Это привело к падению производства, сокращению посевных площадей, падежу скота, падению трудовой дисциплины и, наконец, - к голоду. Попытки краевого руководства поддержать население путем предоставления ссуд, налаживания общественного питания, создания подсобных хозяйств и т.д. вызвало недовольство центра, расценивавшего эти акции как косвенное инакомыслие.

Группа Эйсмонта, Смирнова, Толмачева была арестована осенью 1932 года по доносу бывшего донского коллеги Никольского. На основании его доноса М.Савельев сообщал Сталину, что Эйсмонт "считает положение в ЦК ненормальным, так как большинство против Сталина, но голосует "за"; он сожалеет, что во всей стране не находится человека, который мог бы его убрать. Смирнов утверждал, что одна речь Сталина на конференции аграрников-марксистов в 1929 г. в несколько дней свела на нет результаты его работы на посту наркома земледелия.

На допросах в ОГПУ арестованные инакомыслящие, естественно в интересах самозащиты, отрицали антисталинскую направленность своих высказываний, но признались в негативной оценке практики коллективизации. Они заявили, что избрали тактику ожидания, когда нарастающие трудности заставят ЦК пойти на изменение курса в направлениях либерализации.

I Там же.-Л.I39.

На заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 29 ноября 1932 г. Смирнов, а также приглашенные в "воспитательных" целях Рыков, Томский, Шмидт признали свою вину относительно сомнений в аграрной политике партии, но категорически отрицали фракционность и антисталинизм. В январе 1933 года состоялся Объединенный пленум ЦК и ЦКК, который наряду с народнохозяйственными проблемами рассмотрел вопросы партийного строительства. На пленуме не прозвучало реалистических оценок катастрофического положения в сельском хозяйстве, а наоборот было заявлено о построении "фундамента социализма". Чтобы преподать урок всем сомневающимся, было принято постановление "Об антипартийной группировке Эйсмонта, Смирнова, Толмачева и других", в котором объявлялось партии о ведении этими коммунистами "подпольной фракционной работы" с целью "восстановления капитализма". Эйсмонта и Толмачева исключили из партии как "разложившихся антисоветских элементов", а спустя 4 дня коллегия ОГПУ приговорила их к 3 годам пребывания в "концентрационном лагере". Смирнова, учитывая громадные революционные заслуги, пощадили - исключили только из ЦК и отправили работать на периферию. От Рыкова, Томского и Шмидта потребовали активной "действительной борьбы с антипартийными элементами"[1].

Сразу после пленума в партийных организациях была развернута очередная проработочная кампания по изучению решений и усвоению уроков. В ходе этой кампании Л.М.Каганович, являвшийся первым лицом в Московской организации, на одной из конференций сделал на базе разработок ОГПУ обобщение итогов внутрипартийной борьбы в 1931-1933 гг. Он, в частности, сообщал: "группы оппозиции" расщепились по разным ветвям по признаку внешней близости к тому

---

1 КПСС в резолюциях и решениях... Т.5. - М., 1971. - С.90.

или иному бывшему вождю. Первая ветвь - это группировка Угланов-Рютин. Другая ветвь - это так называемая "школа Бухарина": Слепков, Марецкий, Петровский и другие. Третья ветвь - "профсоюзная школа Томского - это Гинзбурги, Немченко и др. ... и четвертая - "школа" Рыкова: Смирнов А.П., Эйсмонт, Толмачев". Далее Лазарь Моисеевич обобщил содержание их взглядов: "их идеология была в полном смысле вредительской, контрреволюционной, заговорщической. Эти четыре, а по сути дела одна (ибо они и организационно пытались связаться) группировки вели к одному - к самым злостным, к самым обостренным методам борьбы за кулацкие идеи, кулацкую идеологию"[1].

Но руководство справедливо оценило факты появления различных групп инакомыслящих - Сырцова, Рютина, Эйсмонта, как симптомы кризиса партийного режима и угрозу лично Сталину. В целях пресечения самой возможности инакомыслия было решено провести очередную генеральную чистку партии.

Собственно говоря, партийные чистки никогда не прекращались - постоянно шло очищение если не всех парторганизаций, то или производственных, или сельских, или служащих, или массы кандидатов в члены партии. Но теперь было решено осуществлять генеральный смотр партийных сил, аналогично ленинскому в 1921 году, или чистке 1929-1930 года. Причем было решено организовать дело таким образом, "чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов"[2]. Это означало устранение всех, кто хоть в чем-то выражал сомнение в линии партии, когда-то участвовал в оппозициях или просто был неугоден властям.

1 Каганович Л.М. От XVI к XVII съезду партии. - М.: 1934. - С.36-37.
2 Там же.

Естественно, что в первую очередь чистка проводилась в тех организациях, где на учете стояли бывшие лидеры уклонов и оппозиций - Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский, В.В.Ломинадзе, А.Г.Шляпников, С.И.Сырцов. Опубликованные материалы обсуждения деятельности Бухарина, Рыкова и Томского дают представление об атмосфере данных мероприятий, облике партийцев, их стиле и уровне мышления[I]. Обращает внимание различное поведение представителей одного слоя - большевистской партийной интеллигенции, отразившее личностные характеристики, особенности их формирования как революционеров. Если Н.И.Бухарин и А.И.Рыков достаточно безропотно выполнили все требования партийных инквизиторов, то М.П.Томский, А.Г.Шляпников, исключенный из партии во время чистки, проявили сдержанность в оценках, защищали своих товарищей по революционной борьбе. Чем объяснить их поведение - наивностью или принципиальностью, идеализмом или стремление сохранить свое человеческое достоинство? Сохранившиеся в архивах ЦГАОДМа материалы чистки С.И.Сырцова позволяют ответить на этот вопрос. Как и в других случаях,поведение С.И.Сырцова на чистке было типичным и характерным для инакомыслящих большевиков-интеллигентов.

I3 сентября I933 г. в партячейке Вохимтреста состоялось заседание комиссии по чистке Сырцова. Свое выступление опальный премьер начал с освещения своей политической биографии, отмечая огрехи, начиная с сомнительного происхождения из семьи обеспеченного торгового служащего и заканчивая либерализмом по борьбе с вредительством в химтресте. Но особое внимание он уделил периоду, когда на него было "возложено единственное партийное взыскание, но такое, которое стоит многих десятков". Рассматривая историю своего инакомыслия и функционирования группы, получившей опреде-

I См.: Вопросы истории КПСС.- I99I. № I, 3, 6, 7; Кентавр.-I992.- май-июнь.

ление "право-левацкий блок Сырцова-Ломинадзе", Сырцов пытался убедить собравшихся, что его заблуждения на являлись антипартийной платформой. Более того - он косвенным образом проводил мысль о том, что его предложения были экономически обоснованы и могли принести пользу. Ошибкой было то, что он вел лишние разговоры, делал ненужные "негативные обобщения" трудностей и просчетов в хозяйственной политике. По его мнению, ЦК не мог принять его предложения только потому, что это был "период борьбы с правым уклоном и это могло вызвать некоторую сумятицу в некоторых мозгах и дать обвинения в том, что ЦК прибегает к мероприятиям из троцкистского арсенала".

Затем он высказал мнение, что его тогдашние оценки отразили "целый ряд колебаний и шатаний в наименее устойчивой части партии, и я и другие товарищи по этой группировке явились в известной какой-то части, бессознательными, а в другой части, сознательными аккумуляторами этих настроений"[I].

После выступления Сырцова на него обрушился шквал тенденциозных вопросов. Выступавшие требовали от него признания личной ответственности за все недостатки не только в хозяйственной деятельности, но и в работе партийной ячейки. Особое внимание вызвал факт, что Сырцов в докладе на совещании директоров треста обошел вопрос о единстве партии и группе Эйсмонта-Смирнова в связи с только что состоявшимся январским пленумом 1933 года. Сырцов ответил, что, во-первых, аудитория была неподходящей, во-вторых, он всегда "перебарщивает" в сторону осторожности. В-третьих, в своей работе он делает упор с партией на то, чтобы провести на практике экономическую политику. Такой ответ только подлил масла в огонь

I ЦГА ОДМ. Ф.85. Оп.I9. Д.I60. Л.II.

чистилища. Критики допытывались - почему он прямо не заявил о своем прошлом "троцкизме" и "правоуклонизме". Как не пытался Сырцов подчеркнуть, что даже ЦК в 1930 году так вопрос не ставился, ситуация всё более накалялась. Попытку помочь Сырцову предприняла его давняя знакомая, член ЦКК Р.С.Землячка.

Р.С.Землячка сочла необходимым подчеркнуть, что Сырцов приносит очень большую пользу в партии и этим вызвано столь большое внимание к нему на чистке. По её мнению, он прав в том, что не взял "кающегося тона", потому что должен всю жизнь думать, чтобы не допустить больше ошибок. В качестве пожелания Землячка высказала надежду, что "интелигентские черты должны наконец пропасть" и не мешать быть до конца преданным партии[1]. Но руководство московской парторганизации выразило недовольство как речью Сырцова, так и отсутствием его жесткой критики. Председатель парткомиссии Кучкин потребовал от Сырцова специального заявления, содержащего "исчерпывающие" оценки право-левацкого блока. Подчиняясь указаниям, Сырцов написал короткое заявление, в котором осудил свою первую речь как ошибочную выразил готовность исправить ситуацию.

28 сентября 1933 года состоялось очередное собрание партячейки. С докладом об итогах чистки в Московской парторганизации и в тресте выступил Кучкин. Сырцов и поддержавший его Заявкин пытались обратить внимание слушателей на то, что Кучкин толковал речь Сырцова по извращенной стенограмме[2]. В ответ на последовавшее обвинение в декларативности признания вины и отсутствии саморазоблачения Сырцов отметил, что как в отношении партийного руководства, так и для оценки отдельных лиц, главным критерием

---

1 ЦГА ОДМ. Ф.85. Оп.19. Д.160. Л.62.
2 Там же. Л.Л.180, 187.

является практика работы. Нежелание использовать общепринятую разносную сталинскую терминологию было очевидно для руководителей чистки, не стеснявшихся поносить налево и направо "оппортунистов" и "вредителей".

Новое выступление Р.С.Землячки резко контрастировало с предыдущим - спокойным и благожелательным. Розалия Самойловна отбросила сентиментальные воспоминания о своем сотрудничестве с Сырцовым в годы гражданской войны. "Я считаю, что выступление тов.Сырцова сегодня представляет из себя интеллигентскую неразбериху и путаницу"[1]. Она напомнила о его поведении в партколлегии, где Сырцов отказался отвечать по существу поставленных вопросов и заявила, что должных оценок антипартийного прошлого не было сделано.

В заключительном слове Кучкин заявил без тени сомнений: "Вы были когда-то хорошим коммунистом, а теперь выступаете гнилым либералом". Руководители чистки потребовали от него нового развернутого заявления.

Очередной вариант заявления комиссия нашла "чрезвычайно плохим" и ему было указано на "недостатки". После замечаний Сырцов написал новый вариант, который вновь неудовлетворил бдительную комиссию. Растерянный Сырцов пишет I7 октября 1933 года письмо В.Г.Кнорину, руководителю партчистки по Москве с просьбой ознакомиться с речью Ломинадзе на аналогичной чистке, которая была признана удовлетворительной, а также дать ему стенограмму заседания Политбюро и ЦКК ВКП(б) от 4 ноября 1933 года[2]. Эти документы ему не дали и ему пришлось учитывать пожелания комиссии.

Написанный Сырцовым под нажимом Землячки и Кучкина вариант за-

---
I ЦГА ОДМ. Ф.85. Оп.I9. Д.I60. Л.206.
2 Там же. Ф.2870. Оп.I. Д.291. Л.I5.

явления был направлен В.Г.Кнорину, который переправил копии его Кагановичу, Рындину, Михайлову, Когану, Хрущеву и Петерсу. Просмотр этими руководителями текста покаяния закончился новым требованием добиться полного и безусловного усвоения Сырцовым всех партийных оценок оппортунистических колебаний. 9 октября проверочная комиссия разбирала текст заявления в присутствии автора и прямо указывала на положения заявления, которые нужно было выбросить или нужно было вставить.

В письме Кучкину Сырцов изложил свою позицию, которая заслуживает внимания. "Я вспоминаю те характеристики, которые давал Сталин, например, "объединенной оппозиции" в тот период, когда она вовсю применяла такие методы как нелегальная типография с участием беспартийных и проч. Тов.Сталин указывая на то, что они оказываются в окружении враждебных сил, считал необходимым подчеркнуть даже тогда, что она "помимо своей воли", "помимо своего желания" является точкой приложения чуждых классовых сил. Не желая преуменьшить степень своих ошибок, я не думаю,что было бы правильно с моей стороны исказить так пропорции, чтобы представлять себе в антипартийности более оголелым, чем правые, троцкисты и т.д. Это отнюдь не диктуется интересами самозащиты. Я рассчитываю в печати в ряде статей по отдельным хозяйственным и политическим вопросам дать фактический анализ своих ошибок в разрезе опыта современности и протекших трех лет. Это будет более убедительно, чем в заявлении добавлять все новые и новые крепкие слова, которые будут звучать и неестественно, и натянуто".[1]

Окончательный текст заявления Сырцова С.И. от 29 октября 1933 г. представляет собой сочетание двух взаимоисключающих

1. ЦГА ОДМ. ф.2870. Оп.I д.29I. л.80.

стремлений, убедить руководство в своей преданности нынешней генеральной линии ЦК и в то же время как-то оправдать свое поведение и сохранить достоинство коммуниста и руководителя.

Сырцов так объяснял почему он не отреагировал своевременно на решения январского пленума 1933 г. и критические выступления. "Увлеченный желанием перевести решения Пленума ЦК о задачах овладения новой техникой - борьбы за количественные показатели, как залог дальнейших успехов..., на язык конкретных практических мероприятий в системе нашего треста", ограничил популяризацию решений ЦК цитатами Сталина, "не комментируя их и придав речи деляческий характер".[1] Говоря современным языком, Сырцов предпочел идеологической трескотне конкретную постановку задач, что теперь должен был признать как просчет.

Однако вместо того, чтобы использовать весь накопленный арсенал ярлыков и жупелов в отношении оппортунизма, он ограничился приведением большого отрыка из нелюбимой Сталиным работы В.И.Ленина "Детская болезнь "левизны" в коммунизме". Основная идея Сырцова была прежней: временные реальные затруднения вызвали у него в 1930 г. пессимистические оценки, которые привелик капитуляции перед трудностями, нарушениями партийной дисциплины и к элементам фракционности.

10 ноября 1933 г. состоялось новое собрание партячейки, на котором Кучкин описал историю с заявлением и проанализировал его текст. По его мнению, "Сырцов 1933 г. занял по отношению к Сырцову 1930 г. политику примиренчества, политику замазывания пре-

1. ЦГА ОДМ. ф.85. Оп.15. д.60. л.88.

ступлений"[1].

Кучкин заявил: "Сырцов думает, что партия обидела его зря, поставила его не на то место, которое заслуживает", дескать я перетерплю эту боль и придет время, когда все станет на свои места, когда мои ошибки "примут свой естественный вид". Получается, что Сырцов стал мальчиком для битья. Это косвенно доказывает верность тезиса Троцкого - Сталин не может руководить иначе, как время от времени не отыскивать мальчиков для битья. По Сырцову тоже выходит, что Сталин выбирал [illegible] из Троцкого, Зиновьева, Каменева, а также из Сырцова, Рютина, Эйсмонта "мальчиков". Это и есть троцкизм. И далее следовал вывод: Сырцов - "типичный оппортунист".

В постановлении комиссии говорилось: "... Тов.Сырцов до сих пор в полной мере не осознал своих тягчайших преступлений перед партией и не изжил в себе до конца оппортунизма (за два года нигде не дал развернутой критики право-левацкого блока, не дал политической квалификации и большевистской критики антипартийного выступления т.Кузьмича, отрицавшего огромные успехи технического достижения в химической промышленности; во время своей чистки в автобиографии, длившейся два часа, не дал надлежащей квалификации и развернутой критики фракционной деятельности право-левацкого блока, лидером которого он был, а замазал и по сути дела оправдал свою антипартийную позицию". Постановили: "Сырцова С.И. оставить в партии, но предупредить, что если он не осознает до конца своих преступлений перед партией и рабочим классом, не докажет свою преданность партии на практической работе и не станет на путь жесткой развернутой критики платформы право-левацкого

I ЦГА ОДМ. Ф.85. Оп.I5. Д.60. Л.80.

блока и той роли, которую он играл в нем, то т.Сырцов поставит себя вне партии"[1].

Чистка Сырцова и других бывших уклонистов как капля воды отразила гнетущую политическую атмосферу середины 30-х гг. в ВКП(б). Развернутая истерия оппортунистомании закономерно вела к произволу и беззаконию в отношении лучших кадров правящей большевистской партии. Высшее руководство ВКП(б) и СССР прямо и непосредственно отрицало само понятие правового государства, настаивая на примитивно-классовом понимании "революционной законности". Не случайно после принятия 25 июня 1925 г. высшими органами ЦИК СССР и СНК СССР постановления "О революционной законности", призванного пресечь ее искривления на практике, масштабы беззакония со стороны ОГПУ как в деревне, так и в городе не только не сократились, но еще более возросли[2].

Осуждение в уголовном порядке больших групп коммунистов было только началом качественно нового витка репрессий. В декабре 1933 г. органы ОГПУ приступили к фабрикации всесоюзных дел, с целью максимально большего привлечения виновных из числа оппонентов Сталина. 9 декабря начались аресты бывших троцкистов, как правило, уже отбывших наказание за оппозиционную деятельность. По материалам дела 39 участников "всесоюзного троцкистского центра" развернули работу по подготовке массовых побегов из лагерей и созыв нелегальной троцкистской конференции под руководством Х.Г.Раковского[3]. В отличие от всех обвиненных сам Х.Г.Раковский не понес никакого наказания, более того, был восстановлен в партии и назначен на достаточно ответственный пост, на котором

1 ЦГА ОДМ. Ф.85. Оп.15. Д.60. Л.103.
2 Викторов Б.А. Без грифа "секретно".-М.: Юридич.лит-ра, 1990. - С.182.
3 Известия ЦК КПСС.-1990.- № 12. - С.84-94.

находился вплоть до ареста в январе 1937 г. Это говорило о надуманности и несерьезности обвинений и одновременно свидетельствовало о продуманном характере репрессий, являвшихся логическим завершением сталинской линии на укрепление режима единоличной власти. Однако массовой террористической чистки всей партии и ликвидации всех сколько-нибудь способных сомневаться в 1933 г. не произошло. Спустя несколько лет, 25 сентября 1936 г. он в телеграмме членам Политбюро Сталин, требуя активизировать репрессии, отмечал: "ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года".[1]

В ходе развернутой кампании в 1931-1933 гг. за оппортунистические уклоны было привлечено к ответственности почти 40 тыс. человек, из них исключено из партии 15441. В процессе разгрома всевозможных "уклонов" воспитывались кадры сталинской партии, готовые выполнить любые пожелания вождя. Именно об этом свидетельствует резолюция объединенного пленума МК и МГК ВКП(б) 1933г., в которой фиксировалось: "Особо большую школу большевистского воспитания прошли молодые коммунисты, вступившие в партию уже после того, как партией были разгромлены оппозиции всех мастей, правые оппортунисты, троцкисты, право-леваций блок и т.д., молодые коммунисты, неимевшие достаточно большой большевистской закалки, в процессе чистки учились распознавать скрывающихся под той или иной личиной врагов рабочего класса, оппортунистов, перерожденцев, двурушников, нарушителей дисциплины".[2]

---

1. Известия ЦК КПСС.-1989.-№ 3.-с.138
2. Абрамов Арк., Александров Я.А., Указ.соч. - с.188

В течение двух лет после начала генеральной чистки в ходе обмена партбилетов было исключено из партии 315528 человек, причем из них троцкистов оказалось 17486, шпионов - 2793, кулаков - 25270, просто враждебных элементов - 86888.[1] Но это была только прелюдия к тому политическому геноциду, который начался в стране в 1935-1936 гг. и особенно в 1937-1938 гг.

В общественном сознании было утверждено нигилистическое понимание писанного государственного права или партийного устава, а также былого авторитета старых большевиков. Критерий определения правильности поступка или мысли коммуниста стал один - "революционная целесообразность" в понимании Сталина и его окружения. А.Я.Вышинский публично объявил попытки юристов защищать "законность" проявлением "устряловщины"[2], а Л.М.Каганович указывал, что сама идея правового государства является правооппортунистической по своей сути. Ем.Ярославский на собрании Общества старых большевиков сформулирован стержневую задачу, решать которую надо было всем старым партийцам: "Мы требуем от каждого члена партии, от каждого кандидата, чтобы авториет ЦК и авторитет вождя в лице т.Сталина, охранялся бы, оберегался бы...Это не пустое дело, это не формальность. Это вытекает из всего существа нашей централизованной большевистской партии, в которой должен быть властный центр, авторитетный, который может в любой момент, самый трудный, спаять всю партию единой волей".[3]

В партии сложился отрегулированный сталинский механизм воздействия и подавления инакомыслия. В него входили отработанные элементы: накопление информации через тайные каналы ОГПУ и ЦКК

1. РЦХИДНИ. Оп. Ф. Оп. 120. д.278. л.2
2. РЦХИДНИ. Оп. Ф. Оп.3. Д.158. л.12
3. РЦХИДНИ. ф.124. Оп.3. Д.194. л.62

ВКП(б), подача официального заявления накануне выступления группы инакомыслящих, официальное рассмотрение дел руководителей группы в ЦКК, дел рядовых инакомыслящих – ОГПУ, подведение итогов Политбюро ЦК, Президиумов ЦКК. Принятие решений сопровождалось массово-политической кампанией в печати и в сети политпросвещения по внедрению в общественное сознание заданных политических негативных оценок выявленных "уклонов". На местах было организовано срочное выявление соответствующих групп нужного характера – правых, левых, лево-правых и т. д. На "теоретическом фронте" выявлялись методологические истоки данного "уклона" и на этой основе оказывалось давление на гуманитарную интеллигенцию, органично тяготеющую к инакомыслию. Как показала последующая практики, съезды партии исключались из процесса непосредственного анализа ситуации в партии, так как перед ними ставилась задача пропаганды достижений страны под руководством "вождя народов". Пленумы ЦК партии также теряли свое значение. Явочным порядком была установлена практика решения проблем инакомыслия на заседаниях Политбюро, Президиума ЦКК и коллегии ОГПУ методами исключения одних и кооптации без выборов других.

Характерной особенностью большевистской политической элиты этого периода являлось то, что прием в состав ее членов осуществлялся в ограниченных масштабах через включение в состав пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Новые члены, если они не обладали дореволюционным партстажем, были на положении второстепенных кандидатов, хотя формально обладали всеми правами и обязанностями. Это вызывало внутренние противоречия, скрытую неприязнь и стимулировало ротацию поколений элиты в ходе репрессий.

В ходе кооптации-т.е. самопополнения элитной группы большевиков, обнаружился крупный недостаток-слабость входного контроля. При приеме новых членов оценка претендентов проводилась по принципу, чтобы новые ее члены не претендовали на высшие позиции во власти, чтобы их способности не превосходили качества имеющихся вождей. При самом строгом отборе качества новых членов приближались к низшим границам эталона. При наличии ряда исключений это было основной тенденцией. Кроме того, лидеры элитного органа-пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) стремились пополнять этот орган лицами прежде всего не по уровню их компетентности, профессиональным качествам, а по степени преданности им лично, лояльности по отношению к политическому курсу и т.д. Сталин и его группа стремились не допускать конкурентов из числа оппозиционеров, сильных лидеров, способных претендовать на ведущие позиции и оттеснить их на вторые роли.

Механизм отбора приводил к тому, что в элитный орган в 30-х гг. попадали в основном деятели не лучшие по своим профессиональным качествам, не элитные-в смысле НЕ лучшие. Подлинно элитные лучшие кадры типа Сырцова исключались из ЦК в ходе внутрипартийной борьбы. Вымывание из политической верхушки лучших партийных интеллигентов и их последующая невостребованность-это было серьезным объективным просчетом большевизма, которое предопределило его последующую судьбу. В ходе этого процесса расхождение между официальной элитой и действительной элитой большевизма все время увеличивалось в конце 20-30-х гг., что привело к формированию формализованной элиты-страты или клики сталинизма.

Такое самопополнение элиты большевизма предопределило ее деградацию. Теряя свои элитные качества она опустилась до среднего уровня исходной совокупности кадров управленцев из рабочих, крестьян, маргиналов, а затем выродилась в антиэлитную, антиинтеллигентскую группировку.

§ 3. Гибель большевистской партийной интеллигенции и обновление политической элиты во второй половине 30-х г.г.

К середине 30-х г.г. в СССР утвердилась чрезвычайная система управления с характерной для нее максимальной централизацией власти в руках аппарата управления и высшего политического руководства. В этой системе были резко ослаблены позиции старой большевистской политической элиты как обособленной целостной корпоративной группы. Она стала выполнять функции не осуществления власти, а института поддержки и одобрения курса авторитарно-бюрократического режима. По форме государственная система была советской, но без власти трудящихся и без выделяемой ими собственной элиты, которая должна была естественным образом сменить старую политическую верхушку. Сталинский режим диктатуры подменил народное представительство, разобщил и расколол старую партийную гвардию, превратив их в ширму для своей власти. Новый партийно-государственный аппарат превратился в последовательную бюрократическую систему, каждое звено которой было полновластным по отношению к нижестоящему звену и имело лишь исполнительную функцию по отношению к вышестоящему органу. Служащие этого аппарата теряли многие признаки элиты, не имели морально-психологической общности, корпоративных интересов и абсолютно зависели от воли вождя-диктатора. В целях утверждения своего всевластия,авторитарно-бюрократический режим создал систему подавления инакомыслия и потенциальной оппозиции, включавшую в себя централизованную пропагандистскую обработку массового сознания, персонификацию отдельных успехов и достижений страны, создание разветвленного карательного аппарата.

Осуществляяя радикальные преобразования в стране по принципу "революции сверху", высшее политическое руководство сознательно абсолютизировало методы внеэкономического принуждения и насилия. Их активное применение позволило, с одной стороны, решить ряд проблем индустриализации и коллективизации, сформировать военно-промышленный потенциал, но, с другой стороны, привело к формированию советской модели тоталитаризма. Сложившееся общество не соответствовало ленинским идеям построения социализма, так как не были реализованы его положения о кооперации, о контроле масс за госаппаратом, кадровой политике, коллективности руководства, роли НЭПа, обновления точки зрения на социализм.

О построенном обществе Ф.Раскольников, известный большевик-интеллигент, писал Сталину в открытом письме: "Ваш социализм, при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за его решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата...Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку...".[1]

Сталинский партийно-государственный аппарат стремился для поддержания необходимого уровня энтузиазма, готовности к самопожертвованию, единства народа и для упрочения режима власти постоянно обновлять образ врага и конкретных исполнителей этой роли.

К середине 30-х г.г. партийная интеллигенция умолкла, но Сталина серьезно беспокоила технократическая часть старой партийной гвардии, которая была в состоянии самостоятельно корректировать в определенных пределах ошибочные решения руководства. Занимая высокие военные, советские, хозяйственные и другие посты, эти большевики могли реально воздействовать на политику и

1.Осмыслить культ Сталина.-М.:Прогресс,1989.-С.612

тем самым составить потенциальную опасность для тоталитаризма. Продуктивно работая над выполнением хозяйственных задач, многие технократы ожидали ослабления режима, его демократизации.

Из информации ОГПУ было известно, что в индивидуальном порядке представители старой большевистской элиты выражали несогласие со многими политическими решениями верхов, но партийная дисциплина и боязнь остаться в одиночестве заставляла их голосовать за сталинские резолюции.

Осознавая, что трудности экономического развития могут стимулировать выступления против его политики, Сталин и его окружение предприняли систему превентивных мер в дополнение к всесоюзной партчистке. Они требовали от органов власти и ОГПУ "улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными.., чтобы каждый наш удар был подготовлен политически".[1]

Все использовавшиеся ранее методы контроля, наблюдения, чисток, репрессий получили мощный импульс и новое качество содержания. Например, еще в 1930 г. было начато массовое изъятие из библиотек работ оппортунистических авторов. Но с 1933 года эта акция проводилась с таким размахом, что было изъято 60% библиотечных фондов. Возмутился даже Ем.Ярославский, писавший в ЦК о происходившем "разгроме книжного фонда", в ходе которого была вывезена вся антирелигиозная, философская, профсоюзная литература, книги по кооперации, безработице, соцстраху, охране труда, колхозному строительству до 1930 г. и др.[2] Комиссия Орг-

1. Викторов Б.А. Без грифа "секретно".-М.,1990.- с.185.
2. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. д.80 л.118

бюро ЦК под председательством А.А. Андреева подготовила постановление "О политико-воспитательной работе во ВТУЗах". Профессорско-преподавательский состав ставился под прямой контроль парткомов и политпомощников ректоров ВУЗов. ВВодилась обязательная дисциплина - история ВКП/б/, освещавшая деятельность правящего режима в апологетическом духе. Разносной критике подвергся 4-х томник "История ВКП/б/" под редакцией Ярославского за недостаточный показ роли Сталина, шельмовались воспоминания Н.К.Крупской, А.Г.Шляпникова. Ужесточенные требования Сталина отразили I6-е издание "Очерков истории ВКП/б/" Н.Попова, "Краткая история ВКП/б/" под редакцией В.Кнорина и двухтомник "Краткой истории ВКП/б/" исправившегося Ем.Ярославского. В этих учебниках препарировался опыт борьбы против инакомыслящих в ВКП/б/. Это осуществлялось путем систематизированного изложения документов ЦК и речей Сталина, а также вырванных из контекста платформ групп отдельных выражений. Стремление части большевиков отстаивать иные взгляды обозначалось как попытки подрыва партийного единства и дисциплины, которые являются прямым пособничеством реставраторским поползновениям буржуазии.

Естественно, что представители старой гвардии, видившей историю своей партии от самого начала, знавшие подлинную цену ее современным вождям, становились опасными свидетелями. Их значительный авторитет как соратников самого Ленина придавал значение каждому их слову в воспоминаниях и в оценках действительности. Чем дальше отходил правящий режим от подлинных идеалов социализма и народовластия ленинского теоретического наследия не в препарированном виде, тем большую опасность для авторитарно-бюрократического режима заключала в своем существовании старая политическая элита и, прежде всего, партийная интеллигенция.

Режим начал с середины 30-х годов ограничивать деятельность таких центров революционеров, как общество бывших каторжан и ссыльнопереселенцев, общество старых большевиков, хотя эти общества в своей работе все больше скатывались к функциям профсоюзного плана и занимались, в основном, привилегированным социальным обеспечением своих членов, они все еще претендовали на выражение своей позиции, требовали отчетов представителей ЦК о текущей политике и выражали свое мнение. Поскольку эти большевики все более старели и уходили из жизни, то встал вопрос о включении в состав общества членов партии с минимальным партстажем 18 лет. Это противоречило планам сталинской верхушки.

Ем.Ярославский в 1935 году разъяснил членам общества, что пролетарская политика еще в большей степени, чем в 1920 году, определяется составом партии. Но поскольку социальное регулирование ведется ЦК и его генсеком, то нет нужды увеличивать общество. Расширять его состав сверх имевшихся 3000 членов - значит придать обществу несвойственные ему функции политической организации[1]. Имелось в виду, что 10 тысяч большевиков с дооктябрьским стажем, в силу своего опыта и занимаемых постов, стали бы новым политическим центром, возрождающим старую политическую элиту, неконтролируемую аппаратом Сталина. Это могло серьезно изменить расстановку сил, баланс властей, осложнить функционирование режима личной власти Сталина. В этих условиях общество старых большевиков не только не было расширено, но в скором времени полностью распущено.

Последним партийным форумом, на котором была представлена в составе политической элиты действующая часть старой партийной

---

1. РЦХИДНИ Ф.89 Оп.5. Д.16. Л.6.

гвардии и большевистская интеллигенция, был ХУП съезд ВКП(б). Собравшийся в дни 10-летней годовщины смерти Ленина, он был подчинен задаче подведения итогов политической борьбы в правящей партии. Центральной идеей всех выступлений было доказательство тезиса о разгроме оппортунизма как главном условии победы социализма.

На съезде с покаянными речами выступили бывшие лидеры оппозиций, разгромленных после смерти В.И.Ленина: Н.И.Бухарин, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, Н.Н.Осинский, А.Преображенский, Г.Л. Пятаков, К.В.Радек, А.И.Рыков, М.П.Томский.

От "право-левацкого блока" выступал только В.В.Ломинадзе, так как Сырцова не допустили к участию в съезде из-за его строптивости в ходе чистки. После чистки в 1933 году, благодаря Орджоникидзе, он был возвращен на политическую работу и был направлен на работу в Магнитогорск секретарем горкома партии.

Безоговорочно признав в своем выступлении все инкриминируемые ему и Сырцову обвинения, В.В.Ломинадзе сказал: "Мы не поняли тех живых противоречий, в которых осуществляется переход к социализму. Мы рассуждали так: какой же это период социализма, когда еще не закончился переходный период, когда не изжит еще до конца Нэп..., когда классы еще существуют, когда классы борются и когда классовая борьба ожесточается. Мы не сумели понять того значения и не сделали всех выводов из того гениально-простого, глубокого и ясного и богатого теоретическим содержанием тезиса товарища Сталина о том, что уничтожение классов происходит в процессе самой ожесточенной борьбы".[1]

1. ХУП съезда ВКП(б). 26 января - 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет.-М., 1934.-с.118.

Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский и другие лидеры оппозиций также бичевали "антипартийный" характер своих платформ и провозглашали абсолютную правоту курса сталинского большинства. Пропагандируя "преданность ленинизму" и "гениальность" Сталина, его бывшие оппоненты проявили очевидную неискренность, так как в отличие от многих партийцев они знали реальные политические и личностные качества вождя. Только Е.А.Преображенский в косвеной форме намекнул на абсурдность культа личности Сталина.

Существует обоснованная гипотеза о том, что в ходе съезда образовался "антисталинский блок" секретарей обкомов, недовольных произволом генсека. По воспоминаниям ряда делегатов съезда эта элитная группа во главе с Б.П.Шеболдаевым на совещании на частной квартире предложила С.М.Кирову возглавить партию. Киров не только отказался взять на себя ответственность за развитие страны, но сообщил об этом Сталину, поставив себя и других под удар. Каждый секретарь контролировал региональные партийные элиты, обладал политическим весом в высшем руководстве и во многих отношениях ничем не уступал сталинским вождям, чем представлял большую опасность для диктатора. Сам Сталин позднее в связи с обсуждением фильма "Иван Грозный" отмечал просчет самодержца XУ1 века, заключавшегося в том, что он не уничтожил основные боярские роды, устроивших впоследствии "смуту". Сталин был уверен в том, что уничтожив партийных "бояр", он предотвратил "пятую колонну" накануне войны, термидорианское перерождение партии.

Существование фронды партийной элиты доказывает история с подсчетом голосов при выборах состава ЦК, когда против Кирова проголосовало 3-е, а против Сталина - 270! Проверка материалов счетной комиссии съезда, проведенная в 1989 г., показала, что нет в наличии чуть более ста избирательных съездовских

бюллетеней, а не 270[1]. Хотя цифра не сходится с показаниями свидетелей, ясно, что фальсификация подсчета голосов была налицо. Другим характерным фактом является практически одновременное уничтожение в октябре 1937 года группы секретарей обкомов в составе Б.П.Шеболдаева, А.Д.Саркисиса, И.Д.Кабакова, Б.А. Семенова, А.И.Криницкого, Т.П.Румянцева, М.М.Хатаевича, И.П.Носова, М.И.Разумова, А.С.Калыгиной, А.К.Лепа. Большинство из них было расстреляно 30 октября 1937 года. Если учесть практику НКВД формирования на местах региональных дел различных групп, "ответвлений" троцкистских и других придуманных следствием организаций, с последующими арестами региональной верхушки, то не исключено, что группа секретарей обкомов проходила по одному общему делу.

Для организации массового террора против партийных кадров было использовано убийство С.М.Кирова, совершенное, по мнению большинства историков, при участии НКВД I декабря 1934 года. Сразу же после преступления в стране началась вакханалия репрессий и проработок всех бывших оппозиционеров, в том числе участников группы Сырцова. В.В.Ломинадзе, как секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б),был обязан организовать проработки и вычистить всех бывших уклонистов, но он не сделал этого, считая это мешающим стройке. Несмотря на то, что в августе 1933 года он был награжден орденом Ленина, он стал подвергаться нападкам и обвинениям в срыве массово-политической работы. 19 января 1935 года он застрелился во время поездки в автомобиле, направляясь

I. Михайлов Н., Наумов В. Сколько делегатов ХУП съезда партии голосовало против Сталина? К истории голосования при выборах центральных органов партии на ХУП съезде ВКП(Б).// Известия ЦК КПСС,-1989,-№ 7,-с.114-121; Яковлев А. О декабрьской трагедии 1934 г. // Правда,-1991,-28 янв.

в Челябинск по вызову обкома. В записке он написал: "Я решил покончить с собой, мне не верят. Писал письмо тов.Сталину, ответа не получил. В 1932 году ничего серьезного не было. Передайте тов.Орджоникидзе, чтобы помог моей семье".

Обращение к Г.К.Орджоникидзе было далеко не случайным фактом. Именно благодаря Орджоникидзе Сырцов и Ломинадзе не были исключены из партии в 1930 году и были направлены на ответственную работу. Во-вторых, Григорий Константинович к середине 30-х годов перестал быть ярым приверженцем Сталина и занял более умеренные позиции в отношении темпов индустриализации и методов ее осуществления. Вокруг него сгруппировалась большое число энергичных технократов, стремившихся к решению хозяйственных проблем без политиканства, идеологических кампаний, авралов, борьбы с вредительством. Орджоникидзе предпринял активные попытки защитить директорский корпус от репрессий. Однако, это сделать становилось все труднее и опаснее[1].

Сталин и его ближайшее окружение взяло курс на физическую ликвидацию всех оппозиционеров - врагов партии и создаваемого тоталитарного государства. Проведенные под руководством Г.Г.Ягоды акции по преследованию сравнительно небольшой группы лидеров оппозиций, обвиненных в причастности к убийству С.М.Кирова,не устраивали вождей масштабом и ограниченными последствиями. Г.Г. Ягода при всей своей моральной ущербности явно воздерживался от массовых репрессий в отношении старой партийной гвардии. В сентябре Сталин вместе с Ждановым послал из Сочи телеграмму Молотову, Кагановичу и другим членам Политбюро. Авторы считали "абсо-

---

1. Хлевнюк О. 1937 год. Противодействие репрессиям.// Коммунист, - 1990,-№ 18.- с.100.

лютно необходимым и срочным делом" назначение Ежова на пост наркомвнудела, так как Ягода "явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока"[I].

Н.И.Ежов не был профессиональным революционером как Ягода и был типичным сталинским выдвиженцем нового призыва. Он был выходцем из рабочей среды, имел начальное образование и был членом партии с 1917 г. В гражданской войне воевал комиссаром воинских частей, с 1922 г. - на партийной работе в губкомах. Его рвение и педантичность в исполнении вышестоящих указаний были замечены и с 1927 года он работает в аппарате ЦК. В разгар коллективизации он работал замнаркома земледелия. В период реорганизации партаппарата он заведовал распредотделом ЦК и отделом кадров. С 1934 года член Оргбюро и зампред КПК. С 1936 года он становится секретарем ЦК, председателем КПК, членом исполкома Коминтерна. Уже в это время он участвует в организации репрессий по партийной линии, используя архивы учраспредотдела.

С приходом Ежова в НКВД репрессии резко активизируются. Он производит замену 20000 старых чекистских кадров, в том числе с дореволюционным партстажем и выводит к руководству местными управлениями НКВД сталинских кадров, рвущихся сделать карьеру и славу на костях отживших и "выживших из ума" старых большевиков. Новый состав чекистов оттолкнулся от "скромных" достижений Менжинского-Ягоды, возведя их в кратные степени и забыв вообще о существовании таких понятий как честь, совесть.

I. Известия ЦК КПСС,-1989,-№ 3 ,- С.138

В конце 1936 г. в "Социалистическом вестнике" было опубликовано анонимное "Письмо старого большевика", в котором сообщалось, что старые большевики являются "непримиримыми протестантами", чей ум работает в направлении критики сталинского режима, отказавшегося от партийного "замирения" с оппозиционерами и приступившего к физическому уничтожению "критиков-разрушителей". Их репрессии закономерны и оправданы, так как "с таким человеческим материалом скептиков и критиканов ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с неминуемо нам предстоящей войной.. и поэтому надо как можно быстрее снять их с постов, создать новый правящий слой".[1] Уже после войны выяснилось, что это "письмо" написал эмигрант Б.Николаевский, суммировавший суждения и информацию, поступившее к нему от Н.И.Бухарина. Не вдаваясь в проблему относительно того, зачем Б.Николаевскому надо было писать эту статью в разгар репрессий в СССР и публиковать ее подобным образом, следует отметить, что в содержательной части она весьма близка к реальности советской жизни 30-х гг. Это касается положения о том, что большинство партийных элитных деятелей настроено враждебно к режиму Сталина, причем "отрицательное отношение не уменьшается, а растет и что огромное большинство тех, кто сейчас так распинается в своей преданности, завтра, при перемене политической обстановки, ему изменят". Данная публикация, как и ряд подобных сообщений в "Бюллетене оппозиции" и других эмигрантских изданиях в известной мере стимулировали расправу 1937 г.

1.Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. — Нью-Йорк, 1991 -С.138

В январе 1937 года состоялся процесс по делу "параллельного антисоветского троцкистского центра", осудившего видных руководителей промышленности Ю.Л.Пятакова, Г.Я.Сокольникова, С.А.Ратайчика и представителей старой большевистской элиты. По всей стране начинается процесс поиска врагов народа, вредителей, саботажников, якобы срывающих социалистическое строительство, хотя на самом деле эти годы характеризовались устойчивым ростом производства.

Г.К.Орджоникидзе попытался притормозить масштабы преследования хозяйственных руководителей. Готовясь к выступлению на предстоящем пленуме ЦК ВКП(б), Орджоникидзе обобщает факты фальсификации НКВД актов вредительства и вступает в полемику со Сталиным.[I] Накануне пленума 18 февраля Орджоникидзе ушел из жизни, по официальной версии от паралича сердца, по версии доклада Н.С.Хрушева на XX съезде КПСС - в результате самоубийства, по современным версиям - был убит нквдистами.

На состоявшемся в феврале-марте 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) из чис-
вопросы репрессий против партийно-государственных кадров
ла большевистской элиты были центральными. Повестка дня Пленума включала пункты: I. Дело тт.Бухарина и Рыкова....
3. Доклад комиссии Пленума ЦК ВКП(б) по выработке проекта резо-
люции по делу Бухарина и Рыкова. 4. Уроки вредительства, дивер-
сии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения. 5.Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по НКВД. 6. О политическом воспитании партийных кадров

I. Коммунист.-1991.-№ 13.-с.59.

и мерах борьбы с троцкистскими и иными двурушниками в парторганизациях. Подобной насыщенной "борьбой" повестки не было в истории партии ни до, ни после. Это было поворотное событие, рубеж в судьбе старой политической элиты.

Открывшие Пленум доклад Н.Н.Ежова и выступление А.И.Микояна изобиловали фантазиями на тему преступлений Бухарина и Рыкова, ставших якобы вдохновителями антисоветского подполья, начиная с 1930 года. Систематизировав известные факты инакомыслия партийных деятелей из окружения этих бывших членов Политбюро, они сформулировали обвинение о создании организованного центра в Москве, в состав которого входили Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и Шмидт. Выступления Бухарина и Рыкова, попытавшихся оправдаться, были буквально освистаны и зашиканы. Не только сталинские клевреты Молотов и Каганович, Ворошилов, Шверник, Вышинский, Шкирятов, Калинин усердствовали в разоблачительных выкриках и оскорблениях, но и будущие жертвы террора: Петерс, Косиор, Эйхе, Постышев, Рудзутак[1].

В.М.Молотов на Пленуме выступил вместо Орджоникидзе с докладом о вредительстве в промышленности. Он подверг разносу сотрудников погибшего наркома, проверявших факты вредительства на местах и не согласившихся с утверждениями НКВД. Главная мысль доклада Молотова заключалась в обосновании необходимости продолжения борьбы с врагами в промышленности, несмотря на значительные успехи в индустриализации, что якобы не противоречит друг другу.

Подводя итоги разоблачения очередных врагов народа, И.В. Сталин углубил давно муссировавшееся положение об активизации

---

1. Вопросы истории.-1992.- № 2-3,-с.3-45; № 3-4,-с.2-37.

контрреволюционной деятельности врагов по мере успешного продвижения по пути социализма. Фактически на Пленуме была официально закреплена политическая линия на организацию массовых репрессий по отношению к руководящим кадрам сверху донизу.

В июне 1937 года Сталин поставил вопрос о продлении наркомвнуделу Н.И.Ежову чрезвычайных полномочий для борьбы уничтожения врагов народа. Неожиданно для него на Пленуме против инквизиторских замыслов выступил Г.Н.Каминский, приведший факты нарушений законности со стороны НКВД. Он выразил недоверие к секретарю закавказской парторганизации Л.П.Берии.

Биография Г.Н.Каминского напоминает жизненный путь С.И.Сырцова. Недоучившийся студент медфака МГУ, член партии с 1913 г., в 1917 г. возглавлял тульский ВРК и был организатором обороны Тулы в гражданской войне. В 20-х г.г. Каминский осуществлял руководство кооперацией только в духе требований НЭПа и был освобожден от своих обязанностей с началом коллективизации. Став наркомом здравоохранения, он много сделал для медицинской интеллигенции, оставив себе добрую память[1].

Гуманист-интеллигент Каминский был поддержан на Пленуме И.А.Пятницким (Таршисом) - профессиональным революционером, членом партии с 1898 г. Старейший партийный и профсоюзный деятель, один из руководителей восстания в Москве, организатор конспиративной работы Коминтерна и фанатик коммунистической идеи, он был назначен заведующим политико-административным отделом ЦК. Войдя в курс дела фабрикации репрессий против партийных кадров, он выступил на Пленуме с обвинением Ежова в преступной деятельности, потребовав немедленного разбора вопроса о терроре НКВД.

1. Репрессированная наука.- Л.:Наука, 1991.- с.461-475.

Героические поступки этих деятелей большевистской элиты не могли в создавшихся условиях что либо изменить. Это были акты самопожертвования, когда большевики-интеллигенты во имя высших идеалов, которым посвятили свою жизнь, подняли свой голос против диктатуры и репрессий. Молотов, Каганович и Ворошилов в беседе с Пятницким пытались убедить последнего отказаться от своих слов. Он заявил, что во имя чистоты партии готов пожертвовать своей жизнью и жизнью близких: жены и двух сыновей[1].

Но на такое смогли пойти очень немногие большевики. Н.И. Бухарин, А.И.Рыков и ряд других деятелей элиты партии согласились участвовать на открытом политическом судебном процессе 13 марта 1938 г. Они в целом признали, что якобы вместе с троцкистами и группой М.Тухачевского образовали "право-троцкистский антисоветский блок", который организовывал кулацкие восстания, вредительство, диверсии, убийства Кирова, Куйбышева, Горького. Мужества Бухарина хватило только на отказ от признания в участии в покушении на Ленина, ряд намеков на фальсифицированность обвинения и передачу своей юной жене А.Лариной текста устного завещания, в котором выражал надежду, что "фильтр истории" рано или поздно смоет грязь с его головы[2].

Другое поведение на следствии продемонстрировал С.И.Сырцов, упоминавшийся в докладах на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП/б/ как один из участников руководства организации правых. Не был забыт на Пленуме и В.В.Ломинадзе, о котором вспомнил В.И. Сталин, упрекая покойного Г.К.Орджоникидзе в плохом подборе кадров[3]. Но Ломинадзе, как и М.Томский, Гамарник, Любченко, Скрыпник

1. Они не молчали.-М.,1991,-с.221.
2. Осмыслить культ Сталина.-М.1991.
3. Коммунист.-1991.-№ 13,-с.56.

добровольно ушел из жизни, избежав пыток в НКВД и позорного суда.

С трудом пройдя чистку 1933 г., Сырцов расстался с постом директора Всесоюзного химтреста, несмотря на производственные успехи. С января 1936 года он стал директором Ногинского военно-химического завода, где вновь добился позитивных сдвигов в деятельности предприятия, что не имело никакого значения для кремлевского вершителя судеб.

За Сырцовым постоянно велось наружное агентурное наблюдение со стороны НКВД. В его личном деле содержатся показания агентов, фиксировавшие все случайные или сознательные высказывания Сырцова, выходящие за рамки идеологической нормы. Соглядатаи зафиксировали его жалобы на невыносимые условия работы, оценку перевода с должности начальника треста на директорский пост, как "высылку из Москвы". Острым криминалом считались встречи Сырцова по выходным дням с Рыковым на его даче в Соснах. Но центральным документом является донос, подписанный неким А.Сташевским, в котором сообщалось, что Сырцов сказал автору, не предполагая, что тот является сотрудником НКВД: "Я не допускаю, чтобы такой старый марксист, как Зиновьев, мог хоть отдаленно иметь отношение к террористической группе"[1].

Агенты НКВД отмечали, что Сырцов,несмотря на свою политическую замаранность, ведет себя как большой партийный руководитель. Он объезжал близлежащие села и интересовался жизнью крестьян, ситуацией в колхозах после разукрупнения, положением с продовольствием. Сырцов очень негативно оценивал положение в сельском хозяйстве в 30-х г.г.

---

1. ЦА МБРФ Ф.8176, Архивно-следственное дело С.И.Сырцова в 2-х Т. № 269498. Л.3.

Получив эти агентурные данные заместитель начальника ЭКО ГУБД НКВД СССР Миронов написал Ежову, что Сырцов "продолжает вести антипартийную деятельность, выражавшуюся в тенденциозном подборе фактов, освещающих в отрицательном духе производственную и бытовую жизнь колхозной деревни"[1].

В августе 1936 года секретарь парткома химзавода Гурвич проинформировал руководство партии об очередном "преступлении" Сырцова: выступая на собрании по итогам обмена партдокументов, он ничего не сказал о терроре - средстве борьбы троцкистов и зиновьевцев, об их преступной деятельности, смыкающейся с фашизмом. Единственное высказывание Сырцова по этому поводу содержало такую оценку: "троцкисты" опасны не сами по себе, у них нет массовой базы. Они опасны как люди, знающие наши методы. Они являются лазутчиками буржуазии, поставщиками для нее разложившихся элементов". Поскольку партийное собрание не подвергло критике "примиренческое" заявление Сырцова, бюро Ногинского горкома потребовало провести второе собрание, на котором обсудить "небольшевистское" выступление Сырцова, подрывающее курс на борьбу с троцкизмом.

Накануне собрания партячейки по вопросу его персонального дела Сырцов обращается с письмом к Н.И.Ежову, который руководил Комитетом Партийного Контроля.

Он сообщал о ненормальных отношениях с секретарем партячейки, который непрестанно вмешивается в хозяйственное руководство, не доверяя директору. Завод вышел из прорыва, положение удовлетворительное, но дела могли быть лучше. Гурвич и руководство Ногинского горкома умышленно шельмуют результаты работы завода и лично Сырцова. Отметив, что после событий 1930 года у него нет другого желания как завоевать доверие своей

1. Архивно-следственное дело С.И.Сырцова. Л.59.

партии своей практической хозяйственной работой. Сырцов обрисовал ситуацию: "Я три года не был в отпуске, хотя здоровье этого требует. Не считал себя вправе просить его раньше, чем добьюсь определенного уровня положительных результатов. Я с большим энтузиазмом работаю на заводе, несмотря на тяжелую обстановку". Работа со стахановцами, организация их - первейшая обязанность хозяйственного руководителя. Но мне за право связаться с массами приходилось и приходится бороться, ибо это право и обязанность оспаривается" ... Я прошу такого вмешательства ЦК или КПК, которое обеспечило бы партийно-объективный подход и тщательный разбор положения завода и фактов, мешающих его работе по существу"[1]. Это заявление Сырцов написал 15 апреля 1937 года. 19 апреля 1937 года начальник СПО ГУБД НКВД Я.Агранов подписал ордер на арест. При обыске на квартире Сырцова были изъяты все его документы, личная и служебная переписка, рукописи, в том числе рукопись работы "История гражданской войны на Дону", мемуары Л.Д.Троцкого, "Бюллетень оппозиции" троцкистов-эмигрантов за 1930 г., орден Красного Знамени за № 3164, пишущая машинка, фотоаппарат и 7 единиц стрелькового оружия.

Анализируя тексты документов, имеющихся в следственном деле, сопоставляя стиль, фактуру, терминологию и другие моменты, можно сделать вывод - та часть показаний, где говорится об организации террористических акций или об их подготовке в идейно-политическом плане, о замыслах убить Сталина или кого еще, является плодом творчества следователей. Однако, часть показаний, отличающаяся подробным изложением фактов и не включающая

1. Там же. Архивно-следственное дело С.И.Сырцова.-Т.II.Л.58.

в себя категоричные оценки и пожелания террористических акций, содержит относительно более правдивые сведения. В тех случаях, когда эти сведения подтверждаются косвенным образом документальными материалами, можно принять их за основу для реконструкции факта. По делу Сырцова это сделать относительно более несложно, так как в отличие от других он держался до конца и отрицал все явно ложные обвинения, признавая или умалчивая о действительных фактах. Такие показания Сырцова были подтверждены специальной комиссией при его реабилитации в 1958 году.

Ведшие дела следователи Л.Е.Влодзимерский, П.И.Церпенто, осуществлявшие руководство следствием Г.А.Молчанов, Я.Агранов, не говоря уже об Н.И.Ежове, были впоследствии в разное время растреляны и осуждены за фальсифицирование следствия и незаконные репрессии граждан. П.И.Церпенто, бывший оперуполномоченный НКВД, репрессированный в период бериевской чистки аппарата, признал на допросе в 1940 году, помимо обязательного "троцкизма", что вел протоколы в противоречии с показаниями А.П.Смирнова, Рыкова, Антипова и других подследственных. Их вынудили подписать протоколы следствия. Но это не удалось сделать с Сырцовым.

Сырцов был ознакомлен с признательными показаниями ранее арестованных "сообщников" по контрреволюционной организации: А.И.Рыкова, И.С.Нусинова, В.А.Каврайского, А.И.Гальперина, Б.Г. Козелева, А.В.Чаянова, Н.К.Антонова и других, но категорически отказался подтвердить их. Признавая уклон по партийной линии, он категорически отметал любое обвинение во вредительстве и терроре.

Пытаясь сломить сопротивление Сырцова, Влодзимерский организовал очную ставку с И.С.Нусиновым - его давним товарищем. Он сопротивлялся более 40 дней, однако, не выдержав допроса с при-

страстием, сломался и стал сотрудничать со следствием в формировании дела. Поскольку следователи из-за огромного наплыва дел не успевали выезжать на места, вести детальные опросы, даже правильно оформлять обязательные документы дела (отсутствуют в ряде случаев подписи, фотографии, бросается в глаза небрежность), то главный расчет делался на "помощь" самих обвиняемых.

В группе арестованных по каждому делу всегда находились нестойкие кадры, начинавшие не просто признаваться, а сочинявшие в деталях рассказ о самом "преступлении". Известен, например, вклад К.Радека в организацию процессов над Каменевым и Зиновьевым, Пятаковым и самим собою. В данном случае эту функцию выполнил в основном Нусинов. Он рассказал о том, что с 1928 г. являлся членом контрреволюционной группы Сырцова в Сибири. ЕЕ легализованным прикрытием, якобы, была литературная группа "Настоящее". Через Ломинадзе Сырцов, якобы, имел связь с Троцким и стремился организовать террористический акт - убийство Сталина. После разоблачения "право-левацкого блока" Нусинов и Каврайский "вредили" в Алма-Ате, а Курс и Гальперин - в Свердловске.

На дополнительном допросе И.С.Нусинов показал и на жену Сырцова, Асю Попову (Сырцову), как на активную участницу контрреволюционной организации. Он заявил, что первоначально на допросах он ничего о ней не говорил, так как был другом семьи и ему было жалко Асю, но теперь, учтя настойчивую просьбу следствия, он сообщает, что она была в курсе "нашей" контрреволюционной работы[1].

По заданию Сырцова она была секретарем редакции журнала "Настоящее", а в октябре 1930 г. согжла в колонке ванной комнаты

1. ЦА МБРФ. Р-23913. Д. № 12586. Л.13. Показания Исаака Соломоновича Нусинова, 1901 г.р., уроженца Житомира, бывшего члена Бунда, чл. ВКП/б/ с 1919 г., исключенного из ВКП/б/ в 1930 г. зам.директора интитута экономики наркомзема Казахстана

документы мужа[1].

I. Трагическая участь ждала Августу Евлампиевну Попову. Уроженка Архангельска, она окончила московскую гимназию, училась в Московском университете, вступила в РСДРП/б/ в ноябре 1917 года. Знакомство с Сырцовым произошло в 1918 г. в 12 дивизии, где Сергей Иванович был комиссаром, а она секретарем политотдела. Всегда сопровождая мужа, Ася Попова не превратилась в домохозяйку, активно работая в различных литературных, женских и других общественных организациях. Она была в курсе его оппозиции Сталину. Ася была арестована 17 июля 1937 г. и обвинена в том, что знала о "преступной" деятельности мужа и не донесла на него. Особое совещание при наркоме НКВД приговорило ее, как члена семьи изменника Родины (ЧСИР), к 8 годам лагерей. А.Е.Попова пробыла там два года, но была возвращена в Москву, где ей было предъявлено новое обвинение в организации террористической деятельности против Сталина и других высших руководителей. В уголовном деле НКВД содержатся ее показания о том, что она пришла к мысли о мести после ареста мужа: "все равно погибать, но если уж погибнуть, то с треском". Для организации мщения Сталину, она создала женскую террористическую группу жен репрессированных в составе: Сосновской Ольги Даниловны, Уборевич Нины Владимировны и Ломовой Натальи Григорьевны. Н.В.Уборевич на допросе заявила о вербовке жен Корка и Гамарника. О.Д.Сосновская призналась в связях с родными Троцкого. Следствие длилось почти два года. На закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 6 июля 1941 г. женщины отказались от своих показаний, заявив, что оговорили себя и других, не выдержав физических болей, издевательств и насилий. Хотя они себя виновными не признали, исход дела был предопределен - их всех казнили.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР отменила приговоры по вновь открывшимся обстоятельствам и дела были прекращены за отсутствием состава преступления. Это произошло 9 июля 1956 г. См.: Архивно-следственное дело Поповой А.Е., Уборевич Н.В., Сосновской-Тержеван О.Д. № 12 586 ЦА МБРФ.

Менее подробно, но достаточно полно признали свою "вину" В.А.Каврайский, А.Л.Гальперин, А.Л.Курс и другие его бывшие единомышленники. А.Л.Курс в тюрьме пытался покончить жизнь самоубийством, но был спасен, а затем уже расстрелян.

В деле Сырцова имеется только один протокол допроса, хотя находился он в распоряжении следствия более полугода. Не добившись от него согласия подписать инкриминируемые ему обвинения и дать признательные показания и т.д., Влодзимерский был вынужден составить правдивый протокол, в котором содержится 21 вопрос с требованиями и прямыми угрозами и 21 отрицательный ответ. Сырцов, в частности, заявил: "Виновным себя не признаю. Участником контрреволюционной организации правых не был. До 1932 года включительно поддерживал личную связь с Рыковым и вел с ним беседы, направленные против руководства страны. В 1932 году эту связь с Рыковым прекратил. В 1930 году я входил в право-левацкий блок и являлся одним из его руководителей. В ноябре 1930 года после постановления ЦК ВКП(б) об этом блоке я свою деятельность прекратил. Тогда же, в 1930 году и позже в 1931 году, я поддерживал связь с Радеком, Серебряковым, Ливентом (моим секретарем), но эти связи носили личный характер. Никакой контрреволюционной деятельности после 1930 года, за исключением отдельных антипартийных разговоров с указанными выше лицами, я не вел"[1].

Для того, чтобы составить представление об остальной части протокола допроса, достаточно ознакомиться со следующим отрывком: "... Вопрос: Вы изобличены в том, что и до 1930 года возглавляли подпольную контрреволюционную организацию в Сибири, в этом изобличил Вас, в частности, один из участников организации Нусинов на очной ставке от 13 августа. Вы это признаете? Ответ: Нет, не признаю. В Сибири я контрреволюционной подпольной организации

1. Архивно-следственное дело С.И.Сырцова. Т.1. Л.27-28.

не создавал. Действительно, в 1927 году, когда я был секретарем Сибкрайкома ВКП(б), у меня было грубое ошибочное выступление правого порядка с лозунгом "Накопляйте, в добрый час!" -обращение к сибирской деревне. После соответствующих указаний ЦК ВКП/б/ я эту ошибку исправил. Показания Нусинова, которые он дал на очной ставке со мной 13 августа, я считаю неверными"[1]. Аналогичным образом Сырцов вел себя на заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 10 сентября 1937 г., приговорившей его к растрелу.

Анализ протоколов допроса Сырцова, предъявленного ему обвинения, а также показаний других подследственных относительно этого человека, позволяет выявить следующий замысел следствия. В центре всей контрреволюционной работы находился "право-троцкистский блок" во главе с Бухариным, Рыковым, Троцким, Крестинским и др. Именно в этом направлении были сосредоточены основные усилия следствия. Одновременно велась работа по разоблачению "резервного центра правых", созданного, якобы, Рыковым на случай провала главной организации. На самом деле, вероятно, НКВДисты имели в виду возможность неудачи своей работы на главном участке и готовили "резервный" вариант. Работая по этой линии - "резервного центра правых" НКВДисты стремились объединить в одну организацию, связать между собой антисталинские группы Сырцова, Рютина и Эйсмонта, а также группу арестованных в 1937 году руководящих работников СНК РСФСР и СССР. Такой подход позволял сделать важные для следствия выходы - Сырцов через Ломинадзе и Радека мог быть связан с Троцким, Эйсмонт, Толмачев и Смирнов - бывший нарком земледелия - через ученых-аграрников Чаянова и Кондратьева "выводились" на всех "вредителей", а через Рютина на его знаменитый труд

---

1. Там же, л.28.

"Сталин и кризис пролетарской диктатуры" как программный документ всей организации.

Главным системообразующим фактором стала идеология "правого уклона", поскольку все эти деятели ставили вопрос в той или иной степени о умеренных темпах индустриализации, о преодолении перегибов в деревне и т.д. Но это не исключало обвинений в связи с троцкизмом. Во-первых, потому что под этим термином понималось не конкретное содержание платформы левой "коммунистической оппозиции" Троцкого-Зиновьева 1926-1927 г.г., а только лишь ее антисталинская направленность. Во-вторых, все оппозиционные группы начала 30-х г.г. подвергли критике авантюрную экономическую политику Сталина и его режим личной власти. Исходя из этого, органы НКВД вели усиленную работу, чтобы разыскать прямые улики в связях арестованных с троцкистами. Поскольку таких улик было явно недостаточно и блока не получалось, следователи решили обойтись индивидуальным обвинением каждого обвиняемого в "контрреволюционной троцкистской террористической" деятельности без включения данной терминологии в название пресловутой организации "правых".

В ходе реализации этого проекта выявился целый ряд препятствий - мужественное поведение М.Рютина и С.Сырцова, гибель в 1936 году Н.Б.Эйсмонта в авиакатастрофе и неразвернутость показаний многих обвиняемых.

Чего же достигли следователи? А.И.Рыков подписал протокол, в котором содержались показания о существовании резервного центра правых, в состав которого входили С.И.Сырцов, И.Б.Эйсмонт, А.П.Смирнов, П.А.Богданов, В.И.Полонский, Г.Г.Ягода, Л.Авербах, С.С.Лобов, Н.П.Комаров, К.В.Уханов, Г.Н.Ломов, П.И.Струппе, Д.Е. Сулимов, Д.З.Лебедь, Н.Т.Зубарев, В.Н.Толмачев.

Эти люди представляли подлинную большевистскую политическую элиту образца 1917 года. Интересна биография Д.Г.Сулимова - преемника Сырцова в Совнаркоме России.

Даниил Георгиевич Сулимов родился в 1890 г. в семье рабочего на Урале, с 12 лет пошел работать на завод, затем работал конторщиком-учетчиком. В 1905 г. вступил в партию, став активным подпольщиком, прошедшим через тюрьмы и ссылки. После Октябрьской Революции член Президиума облуправления заводов Урала, председатель Пермского совета и т.д. Воевал в У армии в должности зам. начальника политотдела. После гражданской войны возвращается на хозяйственную работу и становится председателем Уралпромбюро, с 1923 г. - председатель УралЭКОСО, председатель Уралоисполкома. С 1926 г. секретарь Уральского Обкома партии, с 1928 г.- замнаркома МПС и наконец в 1931 г. сменяет Сырцова на посту председателя Совнаркома РСФСР.

Усвоив уроки судьбы Сырцова, Д.Г.Сулимов не позволял себе ни грамма инакомыслия, критики сталинского руководства, хотя несомненно был способен самостоятельно оценивать социально-экономическую ситуацию. В своих речах и брошюрах он демонстрировал сугубо технократический подход к решению народно-хозяйственных проблем, абстрагируясь от политических проблем.[1] Д.Г.Сулимов практически полностью абстрагировался от таких вопросов, как борьба с вредительством, саботажем в объеме, положенном ему по рангу, но это его не спасло. Та же судьба ждала его зама Н.К.

---

1. Сулимов Д.Г. Основные задачи народно-хозяйственного плана РСФСР на 1933 г. Доклад на Ш сессии ВЦИК ХУ созыва. М.1933; Он же. Вывести наше дорожное строительство на большевистскую дорогу /Выступление на первом Всероссийском совещании по трудоучастию. 25 мая 1933/. М.1933; Он же. Задачи четвертой большевистской весны. Выступление пред.СНК РСФСР тов.Сулимова на областном совещании председателей сельсоветов ЧПО 6 апреля 1933г.М.1933; Он же. Задачи большевиков Восточной Сибири.Речи на конференции Д.Е.Сулимова,Ем.Ярославского,Н.Акулома.М.1934; На новом подъеме. Доклад 1 февраля 1936 г. на 2 сессии ВЦИК ХУI созыва.М.1936; Он же.О конституции РСФСР.Речь на ХУП Всероссийском съезде Советов 16 января 1937г. М.1937. и др.

Антипова, ряда наркомов - бывших коллег Сырцова. Среди них выделялся зампред СНК РСФСР А.П.Смирнов /Фома/, бывший старейший деятель партии, живое олицетворение ее истории. Рабочий-интеллигент, испытывавший, несмотря на свое подпольное прошлое, горячий интерес к старой интеллигенции, во время допросов в НКВД был близок к истине, когда признался, что "столыпинская по существу система землепользования, которую тогда я защищал, была мне продиктована Кондратьевым. Он подготовлял мне материалы и мои выступления в Политбюро и фактически написал все произнесенные мною речи".[1]

Старый больной человек, А.П.Смирнов был быстро сломлен пытками. Судя по страшному почерку (огромные буквы, пляшущие вправо-влево, резко разнящиеся по размеру и т.д.), которым подписаны протоколы, его страдания и мучения были безмерны. Под мощным прессингом следствия он дал показания, в которых переплетаются факты реального инакомыслия с вымыслом, подсказанным следователями. К числу показаний, соотносящихся с другими источниками, можно отнести свидетельство о том, что Г.Г.Ягода негативно отзывался об аграрной политике Сталина, используя для обоснования своих оценок секретные сводки ОГПУ о положении дел в деревне. Вызывает доверие утверждение о сочувствии идеям Бухарина-Рыкова без активной их поддержки, Лобова, Кубяка, Киселева, Халатова, Комарова, Чудова и др. Явными измышлениями являлись показания о намерениях организации правых использовать "кулацкий саботаж" на Кубани в целях превращения его в вооруженное восстание, организация забастовок в крупных промышленных центрах, наконец, выпуск программного документа с обоснованием необходимости террора. Смирнов подписал сообщение о том, что М.Н.Рютин только формально руководил подготовкой программной платформы, чтобы в

1. ЦА МБ РФ.Р.23383. Д.10581. Архивно-следственное дело А.П. Смрнова. Л. 40

случае провала все свалить на "дикую группу" Рютина и отвести подозрение от центральной организации правых.

В протоколы было внесено следующее характерное "показание" Смирнова:"Эйсмонт рассказал мне, что он по явкам эсера Макаревича связался с белоказачьими кругами,из которых называл мне каких-то ростовских профессоров и сказал, что на Кубани,Дону и Тереке создан казачий круг,в который от правых вошли Ларин и Жлоба, связанные непосредственно с Рыковым".[1] Этот сюжет показывал стремление НКВД увязать воедино любые проявления инакомыслия во всех регионах страны. В Донском регионе репрессии против местной элиты были связаны с именами Б.П.Шеболдаева, А.А.Андреева, Е.Г.Евдокимова.

В августе 1936 г.Б.П.Шеболдаев выступил на партактиве с докладом о результатах следствия по делу Г.Е.Зиновьева,обвинявшегося в подготовке убийства С.М.Кирова. Он поставил вопрос таким образом: не может быть, чтобы в Ростове-на-Дону не было филиала террористической организации, так как в Ростове находится ряд бывших оппозиционеров. По показаниям М.П.Баторгина,бывшего краевого прокурора, Б.П.Шеболдаев так заострил вопрос о революционной бдительности:"Почему погибла чапаевская дивизия? Потому что заснул часовой на посту. Таким же часовым за жизнь вождя являемся мы и, если мы ослабим бдительность, задремлем, может быть большое несчастье"[2].Сразу после актива был арестован Ю.Дукат,который немедленно назвал в качестве членов зиновьевской организации А.Г.Белобородова и др. бывших троцкистов. На следующем партактиве Б.П.Шеболдаев доложил о произведенных арестах и сообщил, что Ю.Дукат был ни кем иным,как сексотом - агентом НКВД и был связан лично с главным краевым чекистом -

1. ЦА МБ РФ.Р. 23383. Д.10581. Дело Смирнова А.П. Л.42.
2. Архив УМБ РФ по Рост.обл.Р.7085.Дело Н.П.Глебова-Авилова.Л.124.

начальником управления НКВД Рудем. Выяснилось, что он информировал в свое время о пассивно-критических настроениях среди интеллигенции и Рудь заверял обком, что оппозиционеры подпольной работы не ведут. Следствием вскрытого факта стало снятие с работы Рудя, вскоре расстрелянного как врага народа, а затем массовые аресты партийной интеллигенции.

Репрессии в регионе курировал бывший секретарь крайкома, вошедший в окружение Сталина, - А.А.Андреев. Он подробно информировал Сталина о своей направляющей деятельности в Ростове-на-Дону.

В записке А.А.Андреева об обсуждении на Пленум Азово-Черноморского крайкома и партактива г.Ростова-на-Дону постановления ЦК от 2 января 1937 г. об ошибках Азово-Черноморского крайкома говорилось о широком масштабе вражеской деятельности края. Троцкисты орудовали оказывается в Ростове, Таганроге, Шахтах, Краснодаре, а крайком игнорировал сигналы бдительных коммунистов. Особенно преступная деятельность троцкистов была заметна в г.Шахты, где "троцкисты" воспользовались либерализмом секретаря горкома Любарского и в результате из партии было исключено всего-навсего 4 троцкиста, а после письма ЦК от 29 июня 1936 г. - 43 троцкиста. Любарский посмел заступиться за исключенного из партии троцкиста Легоду, а когда последний застрелился, Любарский упрекнул парторганизацию в нечуткости. Более того, этот смелый секретарь провел через горком решение об отмене ряда исключений из партии честных коммунистов вопреки воле НКВД.

Секретарь крайкома Шеболдаев увлекся хозяйственными делами и потерял связь с партийной массой, получая информацию от секретарей парткомов, оказавшихся врагами народа: Колотилина, Гогоберидзе, Варданьяна, Овчинникова, Бурова, Карпова и др.

7 января пленум крайкома принял решение, в котором одобрил репрессии и заверял Сталина в том, "что под руководством ЦК ВКП /б/ парторганизация Азово-Черноморского края доведет до конца дело разоблачения врагов партии"[1]. Б.П.Шеболдаев был снят с его поста и отправлен на работу в другую область, где вскоре подвергся репрессиям. Судьба этого большевика примечательна и во многих отношениях перекликается с биографиями других деятелей[2]. Его колебания в проведении умеренной экономической политики, непоследовательность в борьбе с произволом Сталина и подчинение в конечном счете режиму типичны для старой партийной гвардии.

Центральными фигурами, вокруг которых завязывался узел репрессий в Ростове-на-Дону, стали А.Г.Белобородов и Н.П.Глебов-Авилов. Активный подпольщик, квалифицированный рабочий Белобородов в годы гражданской войны проявил себя как экстремист, приняв участие в организации уничтожения царской семьи в Екатеринбурге и террористического расказачивания на Дону. После войны работал председателем крайэкономсовета в Ростове, был наркомом внутренних дел РСФСР. Став активистом оппозиции, подвергся партрепрессиям и отправлен в Ростов уполномоченным по заготовкам. Глебов-Авилов также был рабочим, учился в партийной школе в Болонье. После революции стал наркомом в первом составе Совнаркома. В 1918 г. в качестве комиссара Чрноморского флота обеспечил его потопление во избежание захвата Германией. В 20-х гг. он на профсоюзной работе, активист оппозиции, затем в дипломатической "ссылке" в Италии. С 1930 г. он директор строительства Ростсельмаша. Белобородов и Глебов-Авилов по сведениям сексотов НКВД постоянно проявляли инакомыслие, критическое отношение к политике руководства.

1. РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.120.Д.271.Л.11.
2. См., о биографии Б.П.Шеболдаева: Алексеенко И.И. Репресии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993.

Эти представители старой большевистской элиты в силу своей биографии были обречены на ликвидацию режимом. Их близкое окружение, коллеги по службе, просто знакомые автоматически попадали в разряд подозрительных и зачислялись энкаведистами во "враги народа". Так была сформирована группа "троцкистов", в состав которой входили жена Белобородова - Яблонская, Владимиров, Зайдман, Рындич, Соловтеев, Владимиров, Дорофеев и Дукат. В группу "правых" были включены Горемыкин, Вишневский, Тюрников, Кудрявцев, Луганов, Кашлев, сам Глебов-Авилов и другие. Каждый из участников групп признавался в "преступных деяниях" и на этой основе ширился круг "врагов". Подобным образом набирался компромат на всех сколько-нибудь заметных интеллигентов в области.

Внимание чекистов привлек Александр Фомич Вишневский, профессор Ростовского госуниверситета. Сын польского батрака, он закончил в 1925 г. институт Красной Профессуры и вплоть до высылки в 1936 г. в Западную Сибирь работал в ВУЗах Ростова, где проявил себя как самостоятельно мыслящий ученый, видный философ. Он был подлинным кумиром студенческой молодежи. Именно тяготение к нему молодежи послужило причиной и поводом обвинить его в создании контрреволюционно-троцкистской группы среди студентов с целью совершения террористических актов. На допросах в Иркутске он ничего не признал, но после этапирования в Ростов местные умельцы заставили его подписать признания в выполнении заданий Н.И.Бухарина с 1927 г., а в 1932 г. его якобы привлек к организации правых А.Н.Слепков. Надуманные обвинения типичному интеллигенту, профессору, не выдерживают никакой критики. Но в то же время в его следственном деле имеются свидетельства о личности ученого-инакомыслящего, в том числе показания студентов о высказываниях Вишневского в пользу идей Бухарина, о его сомнениях в

возможности реализации завышенных плановых заданий I пятилетки. В лекциях он говорил о том, что II Интернационал отнюдь не предательский, а защищает интересы рабочего класса на западе и имеет заслуги в мировом рабочем движении. В 1931 г. на партсобрании он потребовал прочитать "политическое завещание" Ленина. Наконец он заявлял, что крестьянство может развиваться по капиталистическому пути и не быть тормозом строительства социализма. Кубанский "кулацкий саботаж", по его мнению, искусственно спровоцирован диктатурой Сталина. Такие взгляды, став известными через агентуру НКВД, не могли не привести к репрессиям профессора. В 1935 г. он был исключен из партии и сослан в Сибирь. Когда настала пора массовых расправ с инакомыслящими, его этапировали в Ростов и довесили все, что не сумели раньше.[1]

Но если Вишневский был реальным инакомыслящим и потенциальным оппозиционером, то есть врагом тоталитаризма, то иной тип представлял известный ученый-историк Н.Л.Янчевский. Он родился в Петербурге в 1892 г., в семье рабочего. Закончил университет Шанявского в Москве. По своим убеждениям он принадлежал к партии эсеров. Принял активное участие в революции в Москве и гражданской войне в Сибири, где стал членом компартии. Работая в Ростове, он внес вклад в изучение истории Дона и Северного Кавказа. Он автор книг: "От победы к победе", "Разрушение легенды о казачестве", "1905 год на Северном Кавказе", "Колониальная политика на Дону". Главным трудом его жизни стал двухтомник "Гражданская борьба на Северном Кавказе" (1927). Он подвергся административным гонениям в 1932 году после опубликования письма Сталина в

1. Архив Упр. МБРФ по Ростовской области. Р-7889, д.5497.

редакцию журнала "Пролетарская революция". В местном истаппарате его обвинили в троцкистской ревизии истории за фразу: "Гегемон в революции 1905 г. был пролетариат". После вмешательства Ем.Ярославского обвинение было снято и Янчевский бвл восстановлен в партии. Несмотря на это, работу в истпарте ему не дали. Пробыв несколько месяцев безработным, он стал работать в газете "Молот". Желая восстановить свою репутацию преданного партийца, он активно участвует в поиске вредителей на производстве, в хлебозаготовках, в угольной промышленности. По результатам его деятельности в станице Морозовской были произведены чистки и аресты коммунистов. Он постоянно сообщал в ОГПУ о недостатках в работе угольной промышленности в г.Шахты и на нефтепромыслах в районе Майкопа. Родственники считали, что это проявление мании преследования на почве злоупотребления алкоголем, однако такое объяснение слишком упрощает дело. Во всяком случае его пьеса "Вредители" слишком хорошо вписывалась в политико-психологическую атмосферу того времени. Талантливый историк, человек со сложным характером, Н.Л.Янчевский пытался вновь войти в партийно-государственную элиту, но в то время это было невозможно. Бывший эсер, бывший "троцкист", сторонник школы М.Покровского, посмертно объявленного врагом партии, этого было слишком много для одного человека. Н.Л.Янчевский отказался признать обвинения, несмотря на давление следствия и вскоре был расстрелян[1].

Мужественно вел себя на допросах Н.Д.Ченцов, управляющий Азчерэнерго - член ЦКК ВКП/б/, участник трех революций, один из создателей донской парторганизации и руководителей октябрьских

---

1. Архив Упр.МБРФ по Ростовской области. Р-5134, Д.15724, л.56.

событий в Ростове-на-Дону. Обвиненный во вредительстве в энергетике и в подготовке покушения на Сталина в Красной Поляне, он в действительности позволял себе только сомнения в кругу сослуживцев в обоснованности экономической политики и поисках вредителей. Столкнувшись с пытками и подозрениями в терроре, он покончил жизнь самоубийством, задушившись полотенцем в камере[1].

Сопротивление сталинизму в застенках НКВД, когда все стало ясным и ничего нельзя было изменить, оказалось под силу не многим. В ряде мемуаров описаны характерные случаи, когда жертвы произвола уже в тюрьмах НКВД продолжали быть убежденными сталинистами, веря, что в отличие от других, они просто жертвы трагической и случайной ошибки[2].

Имел распространение другой вариант поведения, когда большевик шел на ложь и оговор других во имя высших идеалов социализма. Жена известного деятеля И.Н.Смирнова - А.Н.Сафонова вспоминала, как ее убеждал дать показания лично Н.И.Ежов. Она писала: "Для нас не было сомнений: на убийство Кирова пошла оппозиция в Ленинграде. Хотели мы этого или нет, но мы чувствовали свою моральную вину. На этом сыграли. Хотите разоружиться до конца? Раскройтесь, признайтесь в своей вине за гибель Кирова. Этого требует партия, интересы партии. Докажите делом свое раскаяние... Так нас ломали"[3].

В то же время надо иметь в виду такое важное обстоятельство, как характер пыток, применявшийся в застенках НКВД с письменного разрешения И.В.Сталина. 2 июля 1937 г. Сталин направил спец-

---

1. Там же. Д.97396,т.2.
2. Серебрякова Г. Смерч.-М.,1989; Боль и память.-М.,1991.
3. Молодой коммунист.-1989.-№ 3.-с.74.

телеграмму секретарям крайкомом партии, в которой предупреждал их о недопустимости ставить в вину работникам УНКВД применение физических мер воздействия, ибо важно правильно применять этот метод. Преступные кадры сталинской охранки применяли такие пытки, которые выходили за пределы человеческого сознания и позволяли получить любые показания от любого деятеля. Поэтому не исключено, что желание подписать ложные показания во имя партии, было в каких-то случаях способом избежать продолжения изуверских пыток. Данный текст не позволяет привести примеры садистских истязаний, которые нормальный человек вынести не в состоянии.

Тем не менее, идеологический фактор, определял поведения некоторых представителей старой большевистской элиты.

Существует теоретикообразное обоснование такого поведения, сделанное Г.Л.Пятаковым, одним из шестерки партийных лидеров, охарактеризованных В.И.Лениным в своем "политическом завещании". В марте 1928 г. Г.Л.Пятаков возглавлял торгпредство в Париже и его посетил бывший редактор "Торгово-промышленной газеты" В.Валентинов, ставший в 1930 г. эимгрантом. В беседе двух деятелей Г.Л.Пятаков развернуто раскрыл сущность психологии большевизма, которая в основном объясняет позицию ряда профессиональных революционеров в процессе репрессий. Он выразил категорическое несогласие с трактовкой ленинских последних статей как "нэповского мировоззрения", так как эти работы якобы "очень неудачны" и написаны"под давлением болезни". Пятаков считал главным в идеях Ленина убеждение о политической воле партии и ее энергичных действиях вопреки объективным условиям как решающем факторе исторического развития.

Сама диктатура пролетариата "есть власть, осуществляющаяся

партией, опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами". Пятков так оправдывал эту систему: "Когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное ни с какими законами, ограничениями, препонами - тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних".. Поскольку большевизм претворяет в жизнь то, что считается невозможным, то во имя его можно, даже будучи исключенным из партии, пожертвовать своей гордостью и достоинством. И далее он категорично сформулировал: "Настоящие большевики-коммунисты - люди особого закала, особой породы, не имеющей себе исторических подобий. Мы ни на кого не похожи... проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя и если партия того потребует, если для нее это нужно или важно, актом воли мы сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами". Пятаков объяснил это тем, что личность большевика "не замкнута пределами "я", а расплывается в коллективе, именуемом партией". Согласие с партией, по его мнению, не может выражаться только во внешнем проявлении, ибо это двурушничество. Подавляя свои убеждения, большевик обязан в кратчайший срок перестроиться так, чтобы внутренне, всем своим мозгом, всем существом быть согласным с тем или иным решением, постановлением партии.

Дальнейшая судьба Пятакова показательна для этого типа большевиков. Высказанные в 1928 г. мысли он подтвердил в опубликованной в "Правде" 23 декабря 1929 г. статье "За руководство", в которой восхвалял Сталина. Став замнаркомом тяжелой промышленности, он стал главным практиком индустриализации, осуществляя ее в достаточном соответствии с идеями троцкизма, совпавшими в данном аспекте со сталинизмом. В августе 1936 г. он

призывал в прессе уничтожить Каменева и Зиновьева, своих бывших соратников, как антисоветскую "падаль". А когда пришел его черед предстать перед Вышинским и Ульрихом, он признал публично все, что было "нужно партии", предложив после процесса собственноручно растрелять ее врагов, включая своих родственников. Конечно Г.Л.Пятаков уникален в своей фанатичности, но в то же время его убеждение о примате партии как целостного организма над каждым своим отдельным членом были достаточно типичны для многих представителей старой гвардии. Свершив насильственную революцию,они подчинили себя ее судьбе и отказались от собственного "я", от общечеловеческих ценностей, нравственности и морали.

Социально-психологический тип большевика-интеллигента включал в себя две противоположные черты - абсолютную непримиримость к врагам партии и столь же абсолютную преданность партии, доходящую до самоунижения перед ней, подчинения до рабского подданства. Это уникальное сочетание, проявившееся у многих деятелей большевизма стало в конечном счете причиной их гибели. Марксов лозунг - "Подвергай все сомнению" для них, якобы марксистов,действовал только в одном направлении - против критиков и врагов партии, но не по отношению к собственной революции. Они могли сомневаться в генсеке, между собой критиковать его просчеты и личные качества, но партия оставалась фетишем, непогрешимой инстанцией, высшей ценностью, превосходящей реальные интересы и потребности страны и народа.

Массовый террор партийных кадров в 1937 г., несмотря на идеологические прикрытия пропаганды и приговоров на судебных процессах, стал вызывать удивление, недоумение и робкое недовольство определенной части партии и ее руководства. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует письмо в ЦК рядового коммуниста

Воронова. Он писал о положении дел в Ростове: "Здесь в каждом коммунисте, честном и преданном партии и стране, видят врага и вредителя. В Азово-Черноморском крае исключено из партии и посажено в тюрьму более 3000 большевиков и можно прямо сказать, что может быть 10% из них являются настоящими тройкистами и врагами партии и народа, а 90% - невинные люди, и если Вы пошлете в наш край преданную делу партии комиссию, то убежден, из 3000 арестованных 2500 будет восстановлено в партии. В нашем крае т.т.Евдокимов и Шацкий проводят политику на руку фашистам, нарочно бьют и создают обозление партийцев и рабочих против партии"[1].

Однако сталинское руководство считало принципиально иначе, проведенных арестов было совершенно недостаточно и Евдокимов и Шацкий были обвинены в срыве политики партии. В Ростов-на-Дону вновь прибыл сталинский куратор Тихого Дона А.А.Андреев и провел новый чрезвычайный Пленум регионального партруководства на тему о невыполнении указаний ЦК ВКП/б/ "О всемерном повышении революционной бдительности, тщательном подборе кадров и коренном улучшении всей партийно-политической работы в области". В решении обкома партии указывалось, что пробравшиеся новые враги Шацкий, Семякин, Кравцов, Шестова, Герасимов "тормозили выкорчевывание замаскировавшихся троцкистско-бухаринских мерзавцев, всячески прикрывая их подрывную деятельность, искусственно создавая очереди в магазинах, дезорганизовывали топливную базу, разрушали городское хозяйство, проводили диверсии и организовывали вредительство в сельском хозяйстве, стремясь вызвать недовольство трудящихся"[2].

---

1. РЦХИДНИ. ф.17, Оп.85, д.284, л.41.
2. Там же. Д.284. Л.114.

Кроме того они травили честных людей, исключали невиновных из партии и зажимали самокритику. Главным аргументом было то, что промышленность Ростовской области за 9 месяцев 1937 г. выполнила план на 64,5%. В условиях массового избиения подготовленных руководящих кадров падение производства было неизбежным. Поскольку говорить было нельзя, то причина срыва была одна - вновь вредительство, шпионаж и т.д.

Аналогично действовали Л.М.Каганович в Иваново, Г.М.Маленков в Белоруссии, В.М.Молотов, Н.С.Хрущев на Украине, А.А.Жданов в Уфе и Оренбурге.

К чести А.А.Жданова следует отметить, что будучи по происхождению, образованию, воспитанию интеллигентом, он в определенной форме сохранил в себе черты совестливости и гуманизма, которые периодически прорывались в его деятельности. По воспоминаниям Ю.А.Жданова, его отец не только тяготился своим участием в развертывании репрессий, но даже поставил в конце 1937 г. перед Сталиным вопрос об искусственном провоцировании органами НКВД этих акций.[1] А.А.Жданов и ряд других руководителей партии из числа старой гвардии не смогли своевременно разобраться в существе сталинизма, так как были убеждены в правоте большевизма и неизбежности ошибок жертв во имя достижения высших целей. На их нравственной позиции сказался и тот факт, что многие репрессируемые деятели погрязли в привилегиях, скатились к "комчванству",

---

1. Член-корр.РАН Ю.А.Жданов высказал в беседе с автором диссертации аргументированное мнение о том, что его отец - А.А.Жданов был и остался революционером-демократом, партийным интеллигентом, несмотря на свое пребывание в окружении Сталина. Многие современные обвинения либо не учитывают реалий того времени, либо носят вымышленный характер. А.А.Жданов принимал участие в санкционировании репрессий,например, руководителей комсомола, убедившись в наличии фактов разложения на бытовой почве. Воспоминания Ю.А.Жданова носят очевидный субъективный характер и несмотря на бесспорный интерес нуждаются в критическом отношении. В архивах РЦХИДНИ подтверждений сопротивления А.А.Жданова репрессиям обнаружить не удалось. В то же время имеются источники об активном участи А.А.Жданова и А.А.Андреева в организации репрессий.

зазнайству, пьянству, различным формам бытового разложения[I]. Они считали возможным отправлять на смерть за эти грехи, считая себя незапятнанными вождями, имеющими право судить и вершить. Морально нравственное разложение большевистской элиты носила достаточно противоречивый характер и развивалось в соответствии с возникшим расслоением этого слоя. Художник К.Петров-Водкин сделал в I926 г. наблюдение о том, что в партийных кругах "всплывают социально-интрижные типы, которых революция как-то сдерживала и которые теперь подбоченились как волки, почувствовавшие падаль"[2]. Одни большевики, отмечал Л.Троцкий, "нервно-истрепались" и "вышли в тираж", другие в своем упоении властью и привилегиями перешли нормы нравственности. Эта дифференциация прослеживается в мемуарной литературе, в которой описаны факты разложения кремлевской верхушки, в том числе Енукидзе, Ягоды, Петерса и др.[3] Б.Бажанов и Л.Разгон в разное время писали о том, что они лично с удивлением наблюдали среди элиты немало людей даровитых, честных, порядочных, которых украшали такие качества как бескорыстие, скромность, простота. К их числу они отнесли С.И.Сырцова, И.М.Москвина, Л.Б.Красина, Г.Я.Сокольникова, Я.Э.Рудзутатка, Г.К.Орджоникидзе, С.В.Косиора и др.[4] Возмущение ленинской когорты и ригориствующих функционеров фактами разложения в кремлевской клике, связанные со смертью Н.Аллилуевой и делом Енукидзе, стало одной из форм инакомыслия и, по мнению Л.Разгона, подтолкнуло Сталина к мысли поставить на место, как одних, так и других.

I. Медведев Р. О Сталине и сталинизме//Знамя.-1989.-№ 4.-С.I95.
2. Знание-сила.-1994.-№ 2.-С.52.
3. Источник.-1993.-№ I.-С.20-23; Агабеков Г.С., ГПУ, Записка чекиста. Берлин, I930.-С.I0-II.
4. Разгон Л. Непридуманное//Юность.I986.-№ 5.-С.I5; Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина.-М.,I990.-С.222-228. Тайны кремлевского двора.-Минск, I993.

Сталинская клика в целом осознанно действовала, исходя из тезиса о необходимости формирования режима твердой власти, отбросив "побрякушки советской и партийной демократии". Новые аппаратные чиновники и чекисты с удовлетворением вытряхивали "половину старого хлама вроде старой партийной гвардии"[1].

А.А.Жданов в закрытом письме ЦК "Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом подходе к аппеляциям исключенных из ВКП/б/ и мерах по устранению этих недостатков" освещал причины развертывания по всей стране массовых репрессий, вышедших за пределы намеченных "планов". Он пытался обозначить отдельные аспекты так называемой "карательной политики" ВКП/б/, приведшие к "извращениям при очищении партии от троцкистско-правых агентов фашизма". По его мнению, в таких "извращениях" виновны два типа партдеятелей: тип карьериста-коммуниста, желающего отличиться и выдвинуться на исключениях из партии и репрессиях, и тип "утонченного врага", желающего под видом поисков врагов народа преследовать честных коммунистов. Ко второму типу деятеля он отнес Ростовских руководителей Шацкого, Шестову и других. В Ростове-на-Дону, Киеве, Сталинграде парторганизации не смогли по его мнению разглядеть этого "утонченного врага", пытающегося "путем проведения репрессий истребить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах"[2].

Своеобразная позиция официального идеолога режима разделялась не всеми членами сталинского руководства. В.М.Молотов,Л.М. Каганович, М.Ф.Шкирятов, Л.З.Мехлис проявляли в организации реп-

I. Реабилитирован посмертно.- М.:Юридическая литература,1990. С.415
2. РЦХИДНИ. Ф.77, Оп.3, Д.13, Л.19.

рессий особое рвение, личную инициативу, не пытаясь дифференцировать исполнителей на честных "утонченных" врагов и карьеристов. Л.М.Каганович до самой смерти в 1989 году не сомневался в правомерности террора 1937 года. В.М.Молотов допускал, что в ходе выкорчевывания контрреволюционных групп имелись "серьезные ошибки и неправильности", в которых были виноваты "перерожденцы-предатели в органах госбезопасности". Но главные перерожденцы, по его мнению, это оппозиционеры, зашедшие в борьбе против руководства так далеко, что превратились в "группы и банды заговорщиков, поставивших своей целью свержение советской власти"[1].

Такие руководители, как А.И.Микоян, М.И.Калинин, Н.А.Вознесенский, М.П.Шверник примирились с условиями своего существования и старательно выполняли все порученные им дела, вплоть до санкционирования арестов своих подчиненных или выступлений на юбилеях НКВД. Некоторые из них предпринимали робкие попытки как-то ограничить размах репрессий, спасти некоторых близких им людей. Так, Г.М.Маленков внес определенный вклад в смещение Н.И. Ежова. На январском Пленуме ЦК ВКП/б/ 1938 г. и на ХУШ съезде партии прозвучало предостережение против огульных репрессий, которое было даже зафиксировано в резолюциях этих инстанций. Но в целом сохранившиеся прагматические силы в обстановке террора были полностью подконтрольны режиму и не оказывали заметного влияния на его политику.

И.В.Сталин и его окружение пошли на снятие Н.И.Ежова и ограничение масштабов репрессий, прежде всего потому, что старая партийная гвардия и большевистская интеллигенция как исторические феномены были фактически ликвидированы. Оставшиеся пред-

1. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф.Чуева.-М.1991, - с.429.

ставители старой политической элиты типа Г.И.Петровского, Д.З. Мануильского, Н.К.Крупской были оттеснены на третьестепенные позиции и выполняли функцию олицетворения преемственности поколений, которая на самом деле была насильственно прервана.

Тотальные репрессии кардинально изменили правящую партию по ее составу и по характеру. За период с 1933 г. по 1936 г. в ходе чисток и первого этапа репрессий кадров было исключено 1013889 человек или 44,5%, затем восстановлено ошибочно исключенных (по меркам того времени) - 167502 или 16,5%. Убыль партийцев составила 37,1%.

В партии рабочих по социальному положению стало 62,8%, а по роду занятий - 20,7%. Служащих по положению - 25,5%, а по роду занятий - 50,5%. Половина членов переродившейся партии сидела за письменным столом. Высшее образование имело только 18,8% или 364 тыс.человек.

Членов партии с партстажем до 1917 г. было всего 0,5% или 6701, с 1917 г. - 1,3%, вступивших в 1918-1920 г.г. - 9,1%. Зато сталинских кадров, вступивших в партию в 1928-1930 г.г. было 26,6%, а вступивших после 1930 г. - 37,3%. Партийная иерархия партии включала 164 секретарей обкомов, завотделов - 383, секретарей окружкомов - 62, первых секретарей райкомов и горкомов - 3274 и т.д. Всего в ЦК насчитывалось более 6000 учетных должностей[1].

Это была новая организация, принципиально отличающейся от той партии, которая пришла к власти в 1917 г.

После проведенных репрессий против старой политической элиты Сталин заявил, что крепость государства, идейно-политическое единство партии и народа неизмеримо выросли и ни о каком перерож-

1. РЦХИДНИ. Ф. 17, Оп. 7 Д.234, Л. 7,14,18.

дении не может быть речи. На ХУШ съезде в марте 1939 г. он говорил:"В 1937 г. были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6% всех участников голосования. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4% всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки "разложения" и почему это разложение не сказалось на результатах выборов"[1].

Сталин юродствовал, ибо он знал, что результаты выборов предопределены созданной политической системой; во-вторых, он прекрасно знал, что народ обработан средствами массовой информации и воспринимает репрессии против руководящих кадров с увереностью в том, что это действительно враги народа.

Репрессии воспринимались новой советской интеллигенцией как "оздоровительная очистительная струя", "общегосударственная санация", необходимые в условиях приближения войны и активизации вредительства. Это мнение В.С.Вишневского, высказанное на совещании писателей в апреле 1938 г. было распространено среди народа.

Уничтожив, в основном, партийную интеллигенцию и часть беспартийной, воспитав новое поколение послушных специалистов, сталинизм изменил свои постулаты в отношении проблемы интеллигенции. Сталин на ХУШ съезде ВКП/б/ с гордостью заявил, что рабоче-крестьянские выдвиженцы "заполнили поредевшие ряды интеллигенции", влили в нее новую кровь, изменили ее облик по своему подобию и

---

1. ХУШ съезд ВКП/б/. 10-12 марта 1939: Стенографический отчет.- М.1939. с.26.

в итоге получена новая советская интеллигенция, готовая служить верой и правдой. Поэтому, старая теория о недоверии к интеллигенции отжила свой век, нужна "новая теория, указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней, уважения к ней..."[1]

Таким образом, смысл репрессий заключался в уничтожении инакомыслящих интеллигентов-"врагов партии" и в ликвидации социальной базы для антисталинского сопротивления, потенциальной духовной оппозиции, наконец, в ликвидации перерожденцев-карьеристов, погрязших в роскоши и привилегиях.

Главным итогом репрессий было радикальное обновление политической элиты за счет ликвидации старой партийной интеллигенции. Большевистская политическая элита была в целом сменена сталинской олигархией, функционировавшей на принципиально иных принципах. В основе этой новой общности находилось две подсистемы - преданности вождю и страха перед ним. Репрессии поставили точку в процессе перерождения большевистской политической элиты, включая партийную интеллигенцию, осуществлявшиеся в течение 20-30 г.г. Капитуляция большинства деятелей партии перед ежово-бериевскими палачами, их отказ от решительной борьбы со сталинизмом и даже отдельные и непоследовательные попытки сопротивления отдельных кадров партии массовым репрессиям свидетельствовали о том, что "стальная когорта" революционеров в целом не поняла, какого монстра создала своими руками.

Их гибель - это морально-политическое поражение творцов Октября, не удержавшихся на достигнутых высотах, закосневших в своих привилегиях, оторвавшихся от трудящихся масс и тем самым обрекших себя на трагическую гибель.

I. ХУШ съезд ВКП/б/...-с.37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение процессов изменений в состоянии руководящих кругов большевистской партии, деятельности репрезентативных представителей высшего эшелона власти советского государства в 20-30-х гг. позволяет сделать вывод о функционировании в этот период специфической политической элиты. Руководящие кадры большевистской партии из числа ее членов с дореволюционным партстажем образовали особую элитарную общность деятелей, сосредоточивших в своих руках все рычаги власти в советской России. Помимо непосредственного участия в разработке стратегии и тактики партии, члены этой элиты обладали контролем над средствами производства, процессом и продуктом труда. Однопартийная политическая система и номенклатурный принцип кадровой политики гарантировали элите монопольное положение. Господствующая официальная марксистско-ленинская идеология, интерпретированная в угодном для власти духе, освящала, оправдывала и упрочивала ведущие позиции партийной верхушки. Деятелей большевизма объединяли в первую очередь идеологические факторы, дополненные материальными привилегиями. Главным системообразующим фактором элиты большевизма явились мировоззренческие ценности, фанатичная вера в коммунистическое будущее человечества, в всемирно-историческую миссию пролетариата и его партии. Миссионерский дух сочетался с революционными традициями, партийным товариществом и психологией нелегальных агентов, выработанными в подполье, эмиграции, ссылках, тюрьмах. В известном смысле, это была "меритократия" - элита заслуженных людей, слой авторитетных революционеров, поднявшихся на вершину власти в силу поддержки их рабоче-крестьянскими массами.

В диссертации рассмотрен процесс эволюции большевистской политической элиты на основе изучения и сопоставления репрезентативных политических биографий деятелей ВКП(б) и СССР. Избранный подход позволил в определенной степени реализовать дифференцированный подход к изучению элиты, раскрыть ее неоднородность и противоречивость, обусловившие ее перерождение, трансформацию в социально-номенклатурное сословие и частичную гибель. В центре внимания находится проблема соотношения в большевизме понятий: "личность деятеля", "элита", "интеллигенция".

Значение исследования, отраженного в работах автора 1989-1992 гг. и обобщенного в диссертации, заключается в следующем: В научный оборот вводится понятие: Большевистская политическая элита - конкретно-историческая, относительно самостоятельная, внутренне неоднородная общность профессиональных партийных деятелей, объединенных марксистскими мировоззренческими ценностями, традициями и опытом революционной и гражданской войны, властными монопольными полномочиями, привилегированным положением в политической системе диктатуры большевизма и устоявшимися нормами внутриэлитной демократии.

Обосновывается положение о том, что большевистская политическая элита возникла в дореволюционный период на основе группы профессиональных революционеров, радикальных социал-демократов, прошла в своем развитии как властная группа три этапа: 1917 - 1920 гг. - становление и оформление, 1921 - 1928 гг. -функционирование и раскол, 1929 - 1939 гг. -перерождение, поражение и частичная гибель.

На материалах истории ВРК Объединенной Демократии, Донреспублики, Донбюро, политики расказачивания показывается, что в ходе

вооруженного противоборства произошла радикализация и милитаризация большевистской элиты, ее консолидация и доминирование радикально-якобинского течения в ущерб демократическому, что определило ее ведущий характерные черты и основное направление эволюции.

Изучение деятельности руководства аппарата ЦК РКП/б/ и Сибкрайкома ВКП/б/ показало, что для 20-х гг. характерны расцвет большевистской элиты, институционализация старой партийной гвардии как высшей номенклатуры ЦК, утверждение ее иерархической структуры, обрастание привилегиями, бюрократизация и дифференциация, раскол в результате внутрипартийной борьбы, носившей в основном внутриэлитный характер.

На основе "шахтинского" и других "дел" конца 20-х - начала 30-х годов раскрывается процесс роста нигилистического отношения большевистской элиты к старой интеллигенции и большевикам-интеллектуалам, попытки самоидентификации партийной интеллигенции и ее борьба за коррекцию политики, отсечение "старого типа вождей" от политического руководства в ходе разгрома т.н. "правого уклона" и др. групп. Это обусловило ускоренную деформацию большевистской элиты в 30-х гг., сравнявшуюся по своему уровню с группой партаппаратной бюрократии, состоявшей в основном из выходцев из маргинальных слоев общества.

Анализ конкретной деятельности С.И.Сырцова и других управленцев позволил сформулировать вывод о том, что партийная интеллигенция, включавшая в свой состав оппозиционеров и технократов,внесла конструктивный вклад в социально-экономическое развитие страны по пути нэпа и предложила либерально-технократический вариант курса на индустриализацию и коллективизацию, который мог привести

к ускорению экономики без кампаний массового истребления кадров.

Историческая реконструкция деятельности оппозиционных групп первой половины 30-х гг. С.И.Сырцова и В.В.Ломинадзе, Н.Б.Эйсмонта и А.П.Смирнова позволила раскрыть значение сопротивления части партийной интеллигенции тоталитарному режиму как пресеченной тенденции формирования демократической партийной контрэлиты. Исследование материалов карательных органов привело к выводу, что репрессии были целенаправленным террором против потенциальной и реальной массовой оппозиции тоталитаризму.

Логическим стержнем работы стало изучение должностной деятельности С.И.Сырцова, В.А.Ломинадзе, Л.М.Кагановича, В.М.Молотова и др. партийно-государственных лидеров. Выбор конкретных политических биографий из более чем 500 судеб определялся их типичностью, репрезентативностью, непосредственной причастностью данных деятелей к процессу формирования номенклатуры, а также необходимостью сосредоточения внимания на компоративном анализе относительно небольшого числа судеб людей в рамках работы. Деятельность лидеров большевизма рассматривалась в институционально-функциональном разрезе, обеспечивающем выявление социально-типических сторон феномена элиты, общезначимых черт и характеристик. Исходным пунктом в формировании такого подхода явилось сложившееся представление о том, что деятельность политического руководителя направлена на реализацию интересов определенных социальных групп, способствует развитию политических институтов и конкретно приводит их в движение. Становление каждого политика обусловлено его поэтапным восхождением от индивидуальных до групповых, региональных и общегосударственных интересов. Именно способность политика воплощать интересы социальных слоев, классов и наций оценивается обществом в первую очередь. Конкретное рассмотрение движения политика от ря-

дового участника политического процесса до деятеля регионального и всероссийского масштаба позволяет выявить этапы этого развития, классифицировать качества, необходимые для успешной карьеры и функциональной деятельности в каждом эшелоне власти.

Каждый большевистский деятель выступал в сложившейся системе власти в качестве не индивидуальности, как это имеет место в обычном гражданском обществе, а главным образом выразителем консолидированных интересов определенного уровня. В результате личность партийного деятеля, сохраняя индивидуально-личностные качества, трансформируется в политической сфере в достаточно обезличенную функцию по реализации группового интереса. Личностные качества деятелей приобретают в политическом процессе определенные универсальные черты, соответствующие определенным типам поведения: оппозиционного, конформного, диктаторского, что закономерно приводит к образованию соответствующих групп в элиту.

Метод социальной типизации позволил сформулировать качественные характеристики основных групп большевистской верхушки.

I. Партийная "интеллигенция" из числа интеллектуальной верхушки партии, выходцев из разночинной интеллигенции, получивших образование и воспитание в дореволюционное время, усвоивших определенные традиции европейской социал-демократии, профессиональных теоретиков, литераторов, публицистов, возглавивших партию в ее борьбе за власть. Они закономерно тяготели к политическому творчеству, к уклонам и оппозициям по отношению к догматическому руководству и в конечном счете выступили в той или иной степени против режима личной власти Сталина.

2. Партийная "технократия" - слой умеренных, прагматически настроенных руководителей, включавших в себя выходцев как из интеллигенции, так и рабочих и крестьян, освоивших основы наук путем само-

образования, возглавивших конкретные участки строительства нового общества. Как правило, поддерживая господствующую группу лидеров, они избегали внутрипартийных дискуссий и борьбы, предпочитая решать народнохозяйственные задачи вне политики и осуждая радикализм в любом обличье.

3. Партийно-аппаратная бюрократия - приверженцы централистских чрезвычайных методов управления, сгруппировавшиеся вокруг личности Сталина на основе личной и "идейной" преданности. Организуя борьбу против "левых" и "правых", они последовательно осуществляли линию на утверждение абсолютной дисциплины в партии, искоренение инакомыслия и утверждение в экономике политических подходов, разработанных номенклатурно-аппаратной верхушкой.

Выявление этих групп стало возможным благодаря осмыслению широкого комплекса исследований политических биографий лидеров большевизма, сталинской бюрократии, в целом административно-командной системы, накопленных в отечественной и зарубежной историографии.

Эмпирический материал политических биографий большевистских деятелей в сочетании с анализом конкретных результатов их функциональной деятельности осмысливается через призму понятия "политическая элита". Карл Маркс писал, что в научном исследовании важно восхождение от абстрактного к конкретному, которое должно заключаться в движении теоретической мысли к более полному воспроизведению познаваемого объекта. Понятие элиты используется для воспроизведения реальной конкретно-исторической группы деятелей большевизма, изученных как целостное явление. В итоге получено новое конкретное понятие "большевистской политической элиты", которое позволило вписать разрозненные эмпирические данные в определенную схему, объяснить некоторые противоречия и парадоксы.

По формально-социологическому признаку все деятели правящей партии, вошедшие в состав правительственных ведомств, руководства общественных организаций, редакций центральных газет и журналов, органы правосудия и т.д., могут быть отнесены к интеллигентам, занимающимся высококвалифицированным ответственным умственным трудом. Однако различия в морально-нравственных устоях, в степени самостоятельности мышления и способности к инакомыслию, в способах и методах достижения поставленных целей снимает вопрос о тождестве большевистской элиты и интеллигенции в ее традиционном для России понимании. Однако большевистской политической элите свойственна имманентная особенность, состоящая в том, что она одновременно являлась интеллектуальным центром и властно-бюрократической группой. Это порождало глубокое внутреннее противоречие: как партийная интеллигенция, она критиковала власть, выступала против бюрократизма и произвола, но как властная группа она в основном поддерживала политический режим, видя в нем средство укрепления диктатуры пролетариата. Это объясняет, почему одни и те же деятели периодически меняли свои ориентации и позиции в политике, проявляя себя с различных сторон во взаимодействии с властью.

Соотношение понятий "элита" и "интеллигенция", "личность" в известной степени соответствует диалектике философских категорий "общее", "особенное", "единичное". В этом плане элита представляет собой общезначимый элемент структуры любого общества, политической системы. Интеллигенция поставляет высококвалифицированные кадры для политической элиты, обслуживает ее потребности и, в то же время, находится в России в оппозиционных отношениях с властью. Радикальная часть русской интеллигенции в лице социал-демократов различных направлений, конкретные личности активных деятелей

большевизма вписываются в общую типологию интеллектуальной элиты.

Личностные характеристики политических деятелей играют особую роль в определении их политических позиций. Несмотря на внутреннюю убежденность в объективной необходимости движения человечества к коммунистическому обществу, большевистские интеллигенты руководствовались в своей жизни не только нормами, разработанными марксизмом и партией, но и теми правилами, которые они установили для себя индивидуально в ходе личностной социализации. Выбор таких правил зависел от заложенных в семьях, микросреде обитания, процессе образования и самопознания основ нравственности и социальных приоритетов. Сырцов, Ломинадзе, Эйсмонт, Толмачев и большая часть других большевиков-интеллигентов сформировалась как личности на основе радикалистской оппозиционной традиции, сложившейся в среде разночинной интеллигенции. В своей революционной деятельности они не создавали какую-то особую нравственность, а развили, усугубили заложенные в них моральные устои конкретной социальной среды старой России.

В процессе разработки политической линии в отношении непролетарских слоев населения в политической элите сложилось два подхода. Подлинно интеллигентная часть руководящих кадров стремилась использовать методы, учитывавшие неготовность страны к радикальным социалистическим преобразованиям, форсированию индустриализации и сплошной коллективизации. Другая часть элиты, как правило, из числа революционеров-практиков, подпольных комитетчиков считала возможным широкое применение насилия и других чрезвычайных методов. Начиная с первых дней советской власти, в среде элиты постоянно прослеживалось противоборство этих тенденций, выразившееся в борьбе вокруг создания однородного социалистичес-

кого правительства, созыва учредительного собрания, развертывания красного террора и "расказачивания", ужесточения внутрипартийного режима, свертывания нэпа, раскулачивания и организации репрессий. Однако эта борьба носила затухающий характер и закончилась полным поражением демократических сил. Резкая радикализация умонастроений и стремлений большевистской элиты в годы гражданской войны дала мощный импульс развитию авторитарно-бюрократического режима, включая трансформацию партийной интеллигенции из числа старой гвардии в номенклатурную бюрократическую группу. Вынужденно-добровольный отказ большевиков- интеллигентов в годы гражданской войны от морально-нравственных гуманистических критериев оценки своей деятельности привел к культивированию революционно-классового суррогата этических норм.

Главной морально-нравственной ценностью для большевистской элиты в целом стала партия, вне которой не мог жить ни один, самый оппозиционно настроенный партийный интеллектуал. Внутрипартийные структуры были приведены в соответствие с требованиями и положениями большевистской элиты и активно функционировали до конца 20-х гг. Высшее собрание членой элиты - съезд партии, регулярно собираемый большевистский парламент - "Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б)", общество старых большевиков - фактически профсоюз элиты, ИКП и Комвузы - органы воспроизводства элитных кадров, номенклатурные списки учраспредотдела ЦК, выборность членов Политбюро и Генсека партии - все это обеспечивало руководящую роль старой партийной гвардии. Созданная система отражала баланс интересов политического режима и основной группы руководящих кадров. Государство объективно нуждалось в стабильном

механизме функционирования власти, в том числе в механизме перемещения и перестановки кадров по отраслям и направлениям деятельности. Но в однопартийной политической системе советской России монополия на власть партийно-государственного аппарата и группы вождей ВКП(б) привела к ее постепенному видоизменению, трансформации из политической партии в стержневой элемент государственного механизма по подбору, воспитанию, контролю деятельности кадров.

В то же время деятельность С.И.Сырцова на посту зав. учетраспределительного отдела в сравнении с деятельностью В.М.Молотова, Л.М. Кагановича наглядно продемонстрировала, что проблема не в политической элите, как инструменте власти, а в принципах ее формирования и содержании требований к ней. С.И.Сырцов, А.И.Рыков, А.П.Смирнов Н.Б.Эйсмонт, В.Н.Толмачев, М.Н.Рютин и другие большевики- интеллигенты при решении разнообразных проблем всегда оставляли заметный индивидуальный след. Их деятельность отразила многосторонний и неоднозначный процесс формирования личности политического деятеля как самостоятельного субъекта политического творчества.

Большевики-интеллигенты постоянно были в поиске новых вариантов развития, идей и предложений. Они становились центрами притяжения для лучшей части большевистской молодежи, создавая свои "школы", группы единомышленников и сторонников. Динамичность и склонность к новаторству лучших представителей элиты были связаны с тем обстоятельством, что задача большевистской политической элиты не сводилась только к простому поддержанию существовавшего строя в том виде, в котором он сформировался к началу 20-х гг. Большевики-интеллигенты объективно были

призваны корректировать формы этого строя применительно к изменяющейся социально-экономической обстановке, чтобы обнспечить возможно более безболезненное решение проблемы индустриализации страны,. Опираясь на научно-техническую интеллигенцию, эта часть большевистской верхушки, как показано в работе, пыталась учитывать интересы широких масс крестьянства и казачества, старорежимных специалистов, учительства, художественной интеллигенции.

Биографии большевиков-интеллигентов наглядно свидетельствуют, что именно творческое начало в их личностях являлось залогом неординарности и нонконформистской жизненной позиции. Уклоны С.И.Сырцова и других деятелей от официальной линии доказывают прямую связь творческой потенции личности с инакомыслием и активной политической деятельностью. В этой связи можно уверенно говорить о политическом творчестве, для которого нужен особый талант, причем способности должны быть более разносторонними и многообразными, чем в научной или художественной сфере. Как политики, они опирались не только на воображение и интеллект, но и на знание в экономике, социологии, психологии, культуре. Только универсальные знания, общая эрудиция и разнообразный жизненный опыт позволил профессиональным революционерам стать государственными деятелями, способными решать поставленные задачи, побеждать своих противников, создавать известные духовные ценности, отличающиеся новизной и оригинальностью.

Подняться выше тоталитарной идеологии могли только деятели, постоянно тяготеющие к политическому творчеству и имевшие большой опыт такой деятельности. Именно такими личностями

оказались большевики Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Л.Д.Троцкий, Ф.Ф. Раскольников, С.И.Сырцов, М.Н.Рютин, А.П.Смирнов и др. Трагедия этих личностей заключалась в том, что их попытки противодействия сталинизму были разновременны в условиях, когда формировались основы авторитарно-бюрократического режима. Интересы самосохранения сталенизма требовали уничтожения старой и новой партийной интеллигенции в составе политической элиты, способной рано или поздно выявить антимарксистскую сущность реализуемой модели квазисоциализма. Пытаясь преодолеть тенденцию перерождения части кадров и одновременно избавиться от инакомыслия и "излишней" самостоятельности большевиков-интеллигентов, сталинский режим приступил к репрессиям кадрового корпуса партии. К этому времени большевистская элита уже приспособилась к культу Сталина и отказалась от своих былых претензий. В этом сказались итоги предшествующей внутрипартийной борьбы, изоляционизм элиты, разрыв ее связей с массами, ограниченность доступа к секретной информации о реальных процессах в стране. Возникшие стереотипы мышления, застоявшееся мировоззрение, политическая апатия технократической части элиты превратили ее в известную опору режима. В результате политическая элита большевизма превратилась из меритократии - заслуженной элиты авангарда рабочего класса в аппаратно-бюрократическую, духовно - милитаризированную, догматическую страту.

Распространившееся в литературе понимание этого специфического слоя только как " номенклатуры" не является полностью адекватным реальной сущности этого понятия и специфике властной политической группы 20 - х - 30-х гг.

Реально существовавшая большевистская политическая элита носила личностный характер, который по мере ужесточения авторитарно - бюрократического режима нивелировался и усереднялся. Сталинизм активно форсировал начавшийся в 20-х гг. процесс институциализации большевистской элиты как высшей номенклатуры ЦК ВКП(б) и завершил этот процесс во второй половине 30 - х гг. Однако после формализации обновленной в ходе репрессий коммунистической верхушки, она продолжала функционировать как определенная замкнутая политическая элита, обладавшая специфическими особенностями и чертами. По своему характеру она может быть определена как политическая клика Сталина. Среди ее членов были отдельные представители дореволюционной генерации большевиков, но в целом это было новое поколение кадров. Ему были чужды дискуссии о судьбах социализма и внутрипартийной демократии. Это поколение кадров прорвалось на высшие посты в партийно-государственном аппарате и отвергло ценности и моральные установки уничтоженной большевистской партийной интеллигенции. Сталинизм сформировал специфический культ личности партийного деятеля, главными чертами которого стали преданность и дисциплина, подавление своей и чужой инициативы, стандартизация потребностей и интересов. Термины " клика " и " политическая бюрократия" отражают факт существования в 30 - 50-х гг. властной группы, распоряжавшейся государственной системой сообразно своим представлениям о ее благе. Обладая монопольными полномочиями в системе власти, но не собственности, этот слой кадров еще не стал отдельным классом, но уже превращался в своеобразное социально-номенклатурное сословие.

Элита большевизма постоянно стремилась учитывать опыт Великой Французской революции, ошибки якобинцев, которых она считала предтечами. Как огня она боялась термидора, обвиняя в этом грехе те или иные внутрипартийные течения и не замечая своего перерождения в целом как партийной верхушки. Начав с революционного насилия во имя диктатуры пролетариата, она логично закончила террором против собственной партии. Переступив один раз через общечеловеческие ценности и морально-нравственные нормы, она не могла остановиться и стала жертвой авторитарно-бюрократического режима, который сама создала. Судьба большевиков-интеллигентов, бывших ядром старой политической элиты, -это трагедия целого поколения революционеров, отступившего от принципов гуманизма и демократии и попытавшегося с помощью насильственных методов построить общество, в котором "свободное развитие каждого является условием свободного развития всех".

x x x

Изучение исторического опыта функционирования и поражения большевистской политической элиты, взаимоотношения личности и власти в рамках элиты позволяет наметить некоторые уроки и практические рекомендации, носящие в современных условиях дискуссионный характер.

Объективно обусловленное возникновение , развитие, смена у власти различных политических элит и контрэлит, их взаимодействие и борьба должны регулироваться демократическими конституционными нормами и правилами в рамках правового государства.

Политическая элита, формирующая органы государственной власти и управления, должна быть подконтрольной обществу на основе строгого соблюдения действующего законодательства, открытой для пополнения выходцами из всех слоев общества. При отборе кадров для высшего эшелона власти необходимо развивать механизм состязательности и использовать критерии профессионализма, компетентности и личной порядочности.

Партийно-политические элиты нуждаются в организации учетно-распределительного аппарата, деятельность которого должна контролироваться соответствующими партиями и движениями. Этот процесс не должен приводить к бюрократизации аппарата, институциализации элиты и превращению в социально-номенклатурное сословие, постоянно находящееся у власти и манипулирующее общественным сознанием.

Политические элиты и контрэлиты должны помнить о негативных последствиях для большевистской правящей верхушки междуусобной политической борьбы, раскола, отчуждения от народных масс, установления авторитарного режима и учесть этот негативный опыт.

Политическим элитам важно иметь в виду, что проведение ими форсированных радикальных преобразований без учета состояния страны на основе механического перенесения на российскую почву чуждых ей социально-экономических концепций приводит к тяжелым последствиям для развития общества. Осуществление политического выбора должно осуществляться исходя в первую очередь из возможностей страны, ее геополитического положения, исторических традиций и опыта, менталитета народа, творческого заимствования опыта мировой цивилизации.

Сохранение независимости и самостоятельности в рамках властвующих групп каждой личности возможно только на основе соблюдения принципов демократии, плюрализма, политического творчества при условии определенного приспособления к требованиям специфических политических ролей, соответствия менталитету политической элиты.

Анализ темы позволил выявить ряд актуальных и перспективных теоретических направлений исследования данной проблемы:

1. Изучение истории функционирования в России и СССР политических элит и контрэлит, субэлит и политических клик на этапах, когда отсутствовала многопартийная система и гарантии прав личности.

2. Исследование механизмов ротаций властных групп в истории политических партий и движений и в условиях становления демократического общества на современном этапе, выявление их ценностных характеристик и перспектив.

3. Сравнительный историко-политологический анализ властных элит в СССР и России и странах Восточной и Западной Европы, КНР и США.

4. Разработка проблемы преемственности коммунистической и современной политической российской элиты в центре и регионах, показ их отличий и сходства, раскрытие исторического опыта и значения.

5. Продолжить изучение проблемы большевистской политической элиты 20-30-х гг. на основе компьютерной техники и использования математических и статистических методик. Подготовить справочник большевистской элиты с научным комментарием.

6. Углубить исследование большевизма как специфического социально-культурного феномена, обладающего характерной ментальностью и отвечавшего на определенном этапе потребностям развития страны. Особое значение придать анализу отношения большевизма к сталинизму, фашизму, сионизму, антисемитизму, национализму, шовинизму, этатизму и другим явлениям, вызывающим повышенный интерес в обществе.

7. Продолжить теоретическое изучение наследия выдающихся деятелей и теоретиков большевизма. Уделить внимание анализу вариантов развития советского общества, предлагавшихся этими деятелями.

8. Синтезировать и обобщить достижения исторической науки в изучении историографических и источниковедческих проблем истории большевизма на протяжении развития советского общества.

Таблица 1. Представители оппозиционной группы деятелей большевистской политической элиты.

	Ф. И. О.	Происхождение, образование	Характер рев. деятельности	Позиция в Окт. рев. и граждан. войне	Позиция в 20-х гг. в внутрипарт. борьбе по нэп.	Позиция в период форсир. развития н/х и репрессий 30-х гг.
1.	Антонов-Овсеенко В.А. 1883 – 1938	из дворян кадет. корп. юнкер. уч-ще	с 1903 – связь с РСДРП. с 1910 меньшевик. эмигрант	секр. ВРК, орг штурма Зимнего наркомвоендел рук. фронтами	подписант "Письма 46". уч. оппозиции Троцкого. в наркоминделе	сохранив критич. отношение к режиму, отказался от борьбы. В 1937 – нарком юстиции. Репрессиров.
2.	Белобородов А.Г. 1891-1938	рабочий начальное самоучка	чл. РСДРП-1907 активист-подпольщик на Урале	Пред. Урал. Обл. исп. к-та. Уч-к ликвидации царской семьи и расказачивания на Дону в 1919 г.	нарком внут. дел РСФСР. активист оппозиции Троцкого. Исключ. партии	В 1930 г. восстановлен в партии. Подчинился режиму работал уполномочен. СНК по заготовкам в Ростове проявлял инакомыслие. Репр.
3.	Богданов А.А. 1873- 1928	сын учителя медфак Харьк. гос. ун-та	чл. РСДРП-1903 с 1907-эмигрант в оппозиции к Ленину. С 1910 отстранен от парт	уч. восстания Москве. На полит-проп. работе в "Пролеткульте"	левые демократич. взгляды, несогласиен с централизмом. Отказ от уч. в рук. деятельн. во власт. орг-х	поставил научн. эксперимен на себе и умер в 1928 г. автор теории систем – "тектологии". Оказывал влияние на Н.И. Бухарина.
4.	Бухарин Н.И. 1888 – 1938	сын учителя гимназия самобразование в эмиграц.	чл. РСДРП-1906 активист-подпольщик. с910 – эмигрант. Разногласия с Лениным	уч. восстания в Москве. "лев. коммунист" идеолог воен. коммун. чл. ЦК РКП/б/ чл. буфер. группы на X съезде	Идеолог нэпа. лидер умерен. гр. в ЦК. Рук-ль идей. борьбы с троцкист. оппозицией. С 1929 в конфликте со сталинской группой.	отстранен от руководства как лидер "правого уклона Сохранял инакомыслие, но борьбы с режимом не вел, подчинившись его треб-ям Признал "вину" на суде. Репрессирован.
5.	Глебов-Авилов Н.П. 1887-1942/?/	рабочий нач. училище парт. школа в Болоньи /Ит/	чл. РСДРП-1904 активист-подпольщик	нарком в 1-м СНК. Комиссар черн. флота проф. работа	уч. "новой оппозиции". Лев. дем. взгляды. Полпред в Италии	после ХУ с-да подчинился режиму. На хоз. работе критич. отношение к власти Репрессирован в Ростове.

6.	Зиновьев Г.Е. 1883 – 1936	из служащих домашн.образ. незаконч.высш. /юрфак Берн. ун-т/	чл.РСДРП–1903 эмигрант парт.професс-ионал.Чл.ЦК, в окружении Ленина.	Разногласия с Лениным по орг. переворота, образ. однород.соц.пр-ва но с 1918 –радикал –экстремист. В гр. войне проявлял жестокость. Идеолог военнокоммунизма.	критик сталин.режи-ма и нэпа. Лидер "новой оппозиции" и объединенной оппозиции 1927, 1932, 1934–искл. из партии. Чл.ПБ, ЦК, ИККИ, Пред. Петросовета. Вел борьбу под лозунгом демократии	сохраняя критическое отношение к режиму и Сталину, подчинился требованиям, борьбу прекратил. На 2-х судебных процессах признал "вину" за подготовку убийства Кирова. Репрессирован.
7.	Каменев Л.Б. 1883 – 1936	из служащих гимназия юрфак МГУ	чл.РСДРП–1903 парт.профессионал. Эмигрант. в окружении Ленина	Разногласия с Лениным, поддерживал Зиновьева. с 1918 г. актив.уч. борьбы с белыми чрез.упол.Совета Обороны, чл.ЦК Экстремистом не был, но последоват. большевик.	критик сталинского режима и нэпа. Лидер "новой оппозиции" и объединен.оппозиции 1927, 1932, 1934 исключался из партии. Пред СТО, нарком. Левые дем.взгляды.	В политике отличался умеренностью. Сохранил критическое отношение к сталинизму. Проявлял инакомыслие и прагматизм. Выполнил все требования режима на суд.процессах. Репрес.
8.	Крестинский Н.Н. 1883–1938	сын учителя гимназия юрфак Петер. ун-та. Работал прис.поверен.	чл.РСДРП–1903 комитетчик-легал.	уч. рев. на Урале сторонник идеи однород.соц.пр-ва нарком финансов секретарь ЦК РКП/б/ лев.коммунист.	сторонник Троцкого отправлен полпредом в Германию	с 1930 г. замнаркома индел. Подчинился режиму. На процессе право-трокистского блока" пытался сопротивляться. Репрессиров.
9.	Преображенский Е.А. 1886 – 1937	из семьи священника гимназия	чл.РСДРП–1903 комитетчик-подпольщик, пропагандист	уч.рев. на Урале пред.урал.к-та идеолог военн. коммунизма", лев. коммунист"	сторонник Троцкого финансит и экономист автор эк.работ, теории первоначал.соц. накопления и критике нэпа. В 1927, 1933, 1936 гг.исключ.из пар.	в 30-х гг. на хоз. работе. Подчинился режиму но сохранил инакомыслие. На судебном процессе выполнил все требования.

10.	Пятаков Г.Л. 1890 – 1937	из служащих реальное уч. Петроградск. ун-тет /нез/ самобразован,	чл. РСДРП-1910, ранее-анархист комитетчик с 1914-эмигрант, занимается теорией марксизма Разногласия с Лениным. чл. божийской группы.	Пред. Киев. ревкома. Комиссар банка, "лев. коммунист", подпольщик на Укр. актив. уч. гр. войны чл. РВС армий, член "военной оппозиции".	сторонник Троцкого, активист оппозиции, идеолог гос. регулирования нэпа, адм. давления, сверхиндустриализации. В 20-х гг. в ВСНХ, 1927-полпред в Франции, исключ. из парт. критика нэпа и Стал.	В 30-х гг. признал ошибки, подчинился режиму во имя сверхиндустриализации СССР. Председатель Госбанка, с 1930 чл. ВСНХ, с1932 – замнаркома тяж. пром, - практич. рук. индустриализации страны. на суду все признал. Репре[с]
11.	Осинский /Оболенский/ В.В. 1887 – 1938	из служащих. гимназия Московский ун-тет/незак/ теор. самобраз.	чл. РСДРП-1907, примыкал к отзовистам. Комитетчик-пропагандист.	комиссар банка, 1 пред. ВСНХ, "лев. коммунист", чл. Наркомпрода, один из первых вытсупил против "воен. ком-ма"	с 1921-нарком земледелия, на дипломат. и науч. работе по эк-ке, сторонник НЭПа. Примыкал в группе "дем. централизма" и группе Троцкого, в сер. 20-х от борьбы отшел.	с 1929г.-зампред ВСНХ, умеренный проводник ген. линии в политике сохраняя критическое отношение к режиму, от борьбы отказался с 1932 г. – академик, Репрессирован-1938.
12.	Радек К.Б. 1885 –1939	из семьи учителей гимназия, юрфак Краковского ун-та, эрудит и полиглот	чл. РСДРП-1904, эмигрант, теоретик и публицист.	в наркоминделе, "лев. коммунист", секретарь Коминтерна. Идеолог курса на "мировую революцию"	активный сторонник Троцкого, оппозиции, критик партрежима и нэпа. Исключ. из пар.	Признал все ошибки, восстановлен в партии, активный публицист и пропагандист сталинской политики. На судебном процессе сыгра[л] роль "подыгрывающего" режиму и суду. Приговорен к 10 г.
13.	Раковский Х.Г. 1873 – 1941	из буржуаз. семьи, гимназия медфак Женевского ун-та.	деятель европ. с/д движения, теоретик и публицист в Болгарии, Румынии.	комиссар экспедиции Железнякова, Пред. СНК Украины, Пред. ЧК.	Сторонник Троцкого, активист оппозиции исключ. из партии, критик режима и нэпа	из ссыльных оппозиционеров дольше всех сопротивлялся режиму, не признавая "вину", активно разоблачал перождение власти и элит[ы]. Сдался в 1935. В 1938 выполнил требования режима на суд. процессе. Приговрен к 20-ти год.

14.	Раскольников Ф.Ф. 1892 – 1939	из семьи свящ; реальное уч-ще эконом.отделение Петербург. плитех,ин-та, в годы войны-морской офицер	чл.РСДРП-1910, публицист больш. прессы. комитетчик-подпольщик.	уч.боев под Пулковом,комиссар мор.штаба, ком.волжской флотилии,Блт. флотом.	поддерживал оппозицию Троцкого,но отошел. Руководил литер. журналами, на дипломатич.ра-те,	в 30-х гг. был полпредом Эстонии,Дании,Болгарии. Сохранял критическое отшение к режиму Сталина, но не боролся. С началом репрессий стал невозвращенцем и писал антисталинские разоблачительные статьи, в которых вскрыл суть режима Объявлен врагом народа".
15.	Рыков А.И. 1881– 1938	из крестьян; гимназия, юрфак Казанского ун-та /не зак/, самообразов.	чл. РСДРП 1902. комитетчик-подпольщик, 1909 – примиренец, разногласия с Лениным в краткой эмиграции.	Один из орг-ров Окт.революции; разногласия с Лениным по поводу однород.прав-ва, сторонник дем. варинатов рев-ции, с1918 –Чусоснабарм, практик "военн. комм-ма".	зам.пред СНК и с 1924 – пред. СНК. Чл.ПБ,ЦК. Практик нэпа, лидер умеренно-прагматического крыла в партии с 1929 г. – в конфликте со сталинской гр.	с 1930 г. отстранен от политической деятельности как лидер "правого уклона". Нарком связи. Критически относясь к режиму, борьбу с ним прекратил,признав"вину". На судебном процессе выполнил требования режима. Репрессирован.
16.	Рязанов Д.Б. 1870 – 1938	из служащих, гимназия	народоволец, чл.РСДРП-1900, эмигрант, преподаватель парт.школ.	профсоюз.раб. был против Брест.мира. Постоянно проявлял инакомыслие, выступал против руководства партии.	в 20-х гг.– научно-ист.деятельность. Директор Института Маркса-Энгельса. Академик. По воззрениям-соц.-демократ.	Постоянно выражал критическое отношение к режиму,осуждал партрепрессии.1931 г. исключен из партии. Репрес.
17.	Смилга И.Т. 1892–1938	из семьи фермера-земледельца; Реальное училище, самообразование	чл.РСДРП-1907, комитетчик-подпольщик.	Пред.совета в Финляндии руководил фронтами и армиями нач.упр.РККА, чл.РВСР. Радикал большевик.	зам.пред.ВСНХ зам.пред.Госплана, активист оппозиции Троцкого. критик режима и нэпа. 1927 – исключен из партии.	В 30-х гг. смирился с режимом на круп.хоз работе, сохранял критическое отношение к режиму,но борьбу прекратил. Репрессирован.

18.	Сокольников Г.Я. 1888–1939	сын врача, гимназия, самобразование, юридическ. фак. Париж. ун-та, эк-й докторат.	чл. РСДРП–1905 уч. рев. 1905г. пропагндист, комитетчик-подпольщик, с 1909–эмигрант сотрудничал с Троцким в прессе публицист.	чл. Политбюро руководил нац. банков. руководил армиями и фронтами, орг. подавления вешенского мятежа на Дону; поддерживал буферную группу на Х съезде.	В 20-х гг. нарком финансов, зам. пред. Госплана. умеренный прагматик, но выступил против сталинского режима вместе с "новой оппозицией". Поддерживал объединенную оппозицию Троцкого–Зиновьева.	с 1929 г. отстранен от политической деятельности и послан полпредом в Англию. По возращении прекратил оппозиционную критику сталинизма. Сохраняя критическое отношение к режиму, подчинился ег требованиям во имя целей партии. 1-й замнаркома лес. пром. Репрессирован.
19.	Томский М.П. 1880 – 1936	рабочий, 3-х класс. училище. Самобразование	чл. РСДРП–1904 проф. партработник. Комитетчик-подпольщик.	Пред. Московск. сов. проф-в. Ген. секр. Профинтерна. Имел разногласия с Лениным.	чл. ЦК РКП/б/, чл. Политбюро, пред. ВЦСПС. Умеренный политик. отстаивал самостоятельность профсоюзов, защищал непосред. интересы рабочего класса, вошел в конфликт со сталин. группой.	выведен из руководства профсоюзов и из Политбюро как лидер "правого уклона". Работал руководителем ОГИЗа. Сохранял критическое отношение к режиму Сталина. В обстановке репрессий застрелился-1936 г.
20.	Троцкий Л.Д. 1879 – 1940	из семьи фермера-колониста. Реальное училище. Самообразование.	с 90-х гг. в революц. движении Эмигрант, литератор-публицист. Занимает центристские, променьшевистские позиции. Конфронтация с Лениным.	до У1 съезда межрайонец; пред. Петросовета, рук. революц. переворота; наркоминдел. наркомвоенмор, создатель РККА, пред. РВСР; жесткий администратор. Сторонник курса на мир. революцию. Дискуссии с Лениным	В 20-х гг. нарком путей сообщения, чл. Политбюро. Борьба за власть с группой Сталина. Критика внутрипарт. режима и нэпа, термидора в СССР В 1929 г. потерпел поражение и выслан за границу.	В 30-х гг. продолжил критику политического режима сталинизма. Пишет ряд исторических и политологических исследований, организует 1У интернационал, теоретически обосновывает концепцию перерождения советской власти и и партийной политической элиты. Убит по приказу Сталина в Мексике.
21.	Шляпников А.Г. 1885–1937	из мещан, начальное училище. Самобразование	чл. РСДРП–1903, комитетчик-подпольщик. с 1908–эмигрант, с1914 г. –в России лидер профсоюзов	Нарком труда, чл. РВС фронтов. Возглавил "рабочую оппозицию".	чл. ВЦСПС, лидер "рабочей оппозиции", отправлен на на дипломатич. работу	В 30-х гг. сохранял и публично выражал критическое отношение к политическому режиму Сталина. В 1933 г. исключен из парт. Репрессир.

Таблица 2.

Представители конформистско-технократической группы деятелей большевистской политической элиты.

№	Ф. И. О.	Происхождение образование	Характер рев. деятельности	Позиция в Октябр. рев. и гражданск. войне	Позиция в 20-х гг. во внутрипарт. борьбе по вопр. нэпа	Позиция в период форсированного развития н/х и репресс
1.	Антипов Н.К. 1894-1938	из крестьян, 4-х классное тех. училище. Самообразов.	чл. РсдРП-1911, комитетчик-подпольщик.	чл. ВСНХ, секретарь Казанского губкома партии. Колебаний нет	секр. МК РКП/б/, с 1924.- заворграспред отдела ЦК. После разгрома "новой оппозиции"-секр. губкома в Лен-де. в 1928-наркомпочтель. Будучи умеренным политиком, уклонов не допускает.	пользуется авторитетом в партии, квал фицир. управленец, всегда на стороне генсека. с1931г. чл През. ЦКК, с1935 – за пред. СНК. Но умеренность и осторожность не спасли-репрессир
2.	Богданов П.А. 1882 – 1939	из буржуз. семьи, МВТУ, инженер	в рев. движ. с 1900г; чл. РСДРП- 1905, комитетчик, с 1914г.- в армии.	Пред. Гомельского ревкома. Пред. совета военной промышлен. Разногласий нет.	Пред. ВСНХ – провел начала нэпа, активности в борьбе с оппозиции не проявл. в 1926- пред. Сев-Кав. исполкома. Умеренный прагматик вне политики.	Пред. Амторга в СШ зам. наркома мест. пром-ти. Типичный технократ, делающи свое дело, видящий пороки режима, но не желающий бороться с ЦК ВКП/б/
3.	Брюханов Н.П. 1878 – 1942	из служащих, гимназия, филологич. фак. МГУ, /не закон/	чл. РСДРП-1903, проф. партработ. комитетчик.	В боях не участ., внаркомпроде – чл. коллегии, нарком. Разногласий нет.	Наркомфин СССР, соратник А.И. Рыкова, но политически его не поддержал. С отставкой Рыкова его как прагматика перевели с понижением.	Замнаркомснаба СССР, зампред. коми сии по урожайност Выведен из рук-ва и репрессирован.
4.	Бубнов А.С.	из служащих, реальное уч-ще, Моск. с/хин-т, работал статистиком.	чл. РСДРП-1903, комитетчик-подпольщик.	чл. Петроград. ВРК, поддерживал идею ВРК ОД на Дону, актив. уч-к гр. войны.	чл. группы "децистов" подписал пл. "46", но отошел от оппозиции зав. агитпропом ЦК РКП нач. ПУРа РККА.	нарком просвещени работал исправно, но историко-теор. деят. вызывала по зрения. Репрессир.

5.	Квиринг Э.И. 1888 – 1937	из семьи фермера-колониста. Политехнические курсы.	в рев.движ. с 1905 г. чл.РСДРП-1912. Сотрудник "Правды". Литератор.	Пред.Екатеринославск.губревкома. Организатор КП/б/У, руководитель подполья.	зам.пред.ВСНХ СССР, зам.пред.Госплана, умеренный прагматик под влиянием сталин.группы отходил от нэпа. Радикально от генлинии не отклонялся.	возглавил институт красной профессуры по экономике, эк.ин-т Комакадемии. Пытался совместить науку и курс сталинизма, что означало анализ политики режима. В 1937 г. он репрессирован.
6.	Киров С.М. 1886– 1934	из мещан, мех.-тех. училище, самообраз.	с 1900 в рев. движении, чл.РСДРП-1904, литератор, комитетчик.	руководитель б-в Владикавказе, Астрахани, причастен к расказачиванию на Тереке.	секр.КП Азербаджана, с1926 – секр.Ленингр. губкома, активный сторонник сталинской группы во внутрипарт.б-бе.	чл.ПБ ЦК ВКП/б/, лидер прагматического крыла в руководстве, умеренный полтик, неформальный лидер партии, стал превращаться в конкурента Сталина, не желая этого. Убит 1934 г.
7.	Кржижановский Г.М. 1872 – 1959	из дворян, потомок декабриста. Технологич. институт.	с 1890 г. в рев.движении, чл.РСДРП-1898, литератор, инженер.	Моссовет, Комсогор, ВСНХ, Главэлектро- в качестве чл.	Пред.Госплана, умеренный прагматик, специалист, в полит.борьбе участия не принимал.	В 1929 г. отстранен от рук-ва Госпланом. Вице-президент АН СССР. Ни во что не вмешивался. Дожил до 1959 г.
8.	Красиков П.А. 1870 – 1939	из служащих, гимназия. Петербург. ун-т/не зак/ сдал за юр. фак.экстерном.	с нач.90-х г в рев.движ., чл.РСДРП-1898, эмигрант, присяж.повер. в Петрограде.	в Петросовете, чл.коллегии наркомюста, агитатор МК, чл.след.комис.	зам.наркома юстиции, чл.ЦИК.ВЦИК. Прокурор СССР, в полит.борьбе не участвует.	с 1933 г.- зам.пред. Верховного суда СССР, устранен от полит.жизни
9.	Красин Л.Б. 1870 – 1926	из служащих, потомств.ен. инт-нт. Технологич. инст-т.	с нач. 90-х г в рев.движ., чл.РСДРП-1892, в рев.1905г., парт.профессионал, эмигрант, инженер.	чл.През.ВСНХ, нарком ПС, полпред в Англии.	нарком внеш. торговли, полпред Англии, Франции, умеренный прагматик, умер-1926.	Сталин считал Красина образцом устаревшего типа руководителей-литераторов, хотя Красин журналистом не был. Он был интеллигентом-технократом.

10. Лежава А.М. 1870 – 1937	из служащих, гимназия, учительский институт.	чл.РСДРП-1904, комитетчик, спец.страхового дела.	пр.Центросоюза, зам.наркома внеш.торговли, разногласий не имел.	в 20-х гг.-нарком внутренней торговли, зам.пред. СНК РСФСР. Пред.Госплана РСФСР, сторонник нэпа, умеренный политик-прагматик	В 1930 г. отстранен от правительственной деят-ти и от работы в ЦКК ВКП/б/ Работал нач.управления субтропич. культур Критически относился к режиму, но политикой не занимался.Репрессирован.
11. Ломов-Оппоков Г.И. 1888 – 1937	из буржуаз. семьи, эк.отделение юрфака Петербург.ун-та.	чл.РСДРП-1903, комитетчик-литератор, разногласия с Лениным. /отзовист/	Нарком юстиции, чл.Моссовета, чл.ВСНХ. Руководил национализацией банков. "Лев. коммунист".	В 20-х гг.-на парт. работе в Сибири и на Урале. Пред. Нефтесиндиката и треста "Донуголь", умеренный прагматик. Политикой не занимался.	В 30-х гг. – зам.пред. Госплана. чл.Комиссии советского контроля. Влияния на политику не имел,ни во что не вмешивался.Репрессирован.
12. Луначарский А.В. 1875 – 1933	из служащих, гимназия. Цюрих.ун-т, самообразов., эрудит-энциклопедист.	с 90-х гг. -в рев.движении, парт.профессионал.Эмигрант. Разногласия с Лениным, литератор.	в 1917г.-межрайонец.,чл.Петроград.думы. Нарком просвещения до 1929г. Поддерживал сталинскую группу во внутрипарт. борьбе. ~~xxxxxx~~	на посту наркома просвещения проводил либеральную линию, поддерживал старую интеллигенцию,заботился об искусстве.Вошел в конфликт со сталинской линией и подал в отставку.	пред.Ученого совета при ЦИК СССР, академик АН СССР с 1933 – полпред в Испании По мнению Сталина представлял тип устревшего вождя-литератора,бесполезного в новых условиях. Луначарский критически относился к режиму,но в борьбу не вступал.
13. Милютин Н.А. 1889 – 1942	из семьи рыбака, нач.школа, веч.курсы,	чл.РСДРП-1907, профсоюз.деят.	чл.Красной гвардии,чл.исполкома Петросовета, чл.коллегии наркомата труда, уполномоч. СТО по бандитизму. Разногласия с ~~Лениным~~ по вопр. однорд.пр-ва.	В 20-х гг. в наркоматах на управленческой работе, наркомфин РСФСР. Пред.Малого СНК РСФСР. После дела Сырцова отсранен.	зам.наркома просвещения, нач.управления кинофикации. Полит.деятельностью не занимался. Репрессирован.

600

4. Орджоникидзе Г.К. 1886 – 1937	из дворян, фельдшер. школа, партийная школа в Лонжюмо.	чл. РСДРП–1903, организатор-комитетчик, профессионал, подпольщик.	чрезвыч. комиссар Украины, Юга России и Севр. Кавказ.	В 20-х гг. был чл. ЦК, Пред. ЦКК, наркомом РКИ; верный сторонник Сталина, активный противник оппозиций. С переходом на хоз. "фронт" изменил позиции.	В 30-х гг. пред. ВСНХ, нарком тяж. пром., чл. ПБ ЦК ВКП/б/. Перешел на умеренные позиции прагматического характера. Выступал против преследования специалистов, пытался ограничить репрессии. Самоубийство накануне февр. март. пленума ЦК ВКП/б/ 1937 г.
15. Петровский Г.И. 1878– 1958	из ремеслен. школа при семинарии, самообразов.	чл. РСДРП–1899, проф. партработ. деп. 1У Госдумы.	нарком внут. дел СНК. Пред. Укррев-кома.	Пред. ЦИК Укр., пред. ЦИК СССР, чл. ПБ ЦК ВКП/б/. Умеренный сторонник Сталина.	критически относился к режиму, что выражалось в умеренных выступлениях на пленумах, попытках защищать бухаринцев и др. Активно против режима не выступал. Отправлен в отставку–зам. музея по ахч.
16. Покровский М.Н. 1868 – 1932	из служащих, историко-филолог. фак. Моск. ун-та.	чл. РСДРП–1905, эмигрант, историк и литератор.	пред. Моссовета, поддерживал "левых коммунистов".	Зам. наркома просвещения, противник оппозиций. Вместе с Луначарским ушел в отставку.	Академик АН СССР с 1929 г. Против Сталина не выступал, но раздражал его своей активностью и лидерством в обществознании. Заочно репрессирован после смерти.
17. Сольц А.А. 1872 – 1945	из бурж. семьи, гимназия.	в рев. движен. с 90-х гг. Проф. партиец, литератор.	актив. уч-к рев. и гражд. войны, "лев. коммунист"	чл. Верховного Суда, чл. През. ЦКК ВКП/б/, активный борец против оппозиций, сторонник генлинии.	чл. Президиума ЦКК ВКП/б/. Имел репутацию "совести партии", но несмотря на это не выступил против ужесточения партрежима. С началом репрессий кадров заявил протест и был посажен в "псих. больницу".
18. Скрыпник Н.А. 1872 – 1933/	из служащих, реальн. уч-ще, технологич. ин-тут.	чл. РСДРП–1903, проф. партработ. комитетчик.	чл. Петроград. ВРК, пред. пр-ва Укр., уполномоч. по борьбе с банд.	нарком юстиции УССР, нарком просвещения, умерен. позиции.	В 30-х гг. пытался защищать укр. интеллигенцию, нац. культуру. Подвергся травле и гонениям. Покончил жизнь самоубийством.

	...нов А.П. 1878 – 1938	из рабочих, нач.школа, самообразов.	чл.РСДРП–1902, комитетчик–подпольщик, парт.профессионал.	чл.коллегии наркомата ВД, чл.коллегии наркомпрода,	В 20-х гг. –зам. наркома земледел., затем нарком з–я, чл.Оргбюро ЦК, генсек крестинтерна. Зам.пред. СНК РСФСР. Сторонник Рыкова, нэпа, умеренный политик.	В 30-х гг. чл.През.ВСНХ. Секр.ЦК ВКП/б/. Но в 1933 г. давно зревшее критическое отношение к режиму и курсу сталинизма вылилось в образование группы инакомыслящих; в 1933 г. исключен из ЦК, в 1937 –репрессирован.
20.	Сырцов С.И. 1893 – 1937	из служащих, реальное уч–ще, эконом.отдел. Петербург.политех.ин–та. /не зак/	чл.РСДРП–1913. комитетчик - пропагандист.	пред. ВРК Объед.Дем–ти. в Ростове н/Д, чл.Донбюро, орг."расказачивания", воен.комисар, "лев.ком–ст".	в 20-х гг.–секр. Сибкрайкома, зав. отдела ЦК РКП/б/. Боролся с оппозициями, но проводил умеренную политику, близкую с позициям Рыкова.	в 1929–1930 гг. – Пред. СНК РСФСР. канд.чл.ПБ ЦК ВКП/б/. Поддержал борьбу с "правым уклоном", но с осени 1930 г. стал готовить выступление против генлинии сталин.группы. Как орг."право–левац.блока" исключен из ЦК. Смирился с поражением и перестал бороться, но сохранял критич.отношение к режиму. Репрессирован.
21.	Сулимов Д.Е. 1890–1937	рабочий, нач.школа, самобраз–е.	чл. РСДРП–1905, проф.партработник.комитетчик.	чл.ревкома челяб.обл., военком, чл.Уралбюро.	организатор промышленности на Урале. Секр.Урал.об–кома нарком П.С. РСФСР.	После снятия Сырцова возглавил СНК РСФСР в 1930–1937 гг. Занимался решением н/х проблем, не вмешиваясь в политич. вопросы. Недостаточная активность в организации культа Сталина. Репрессирован.
22.	Эйсмонт Н.Б. 1891 – 1935	из служащих, реальное уч–ще; эк. от–е политех.ин–та, юр–фак ун–та.	чл.РСДРП–1907. комитетчик, проф.статистик. В 1917 – межрайонец, чл.управы.	чл.ВСНХ Северной обл. нач.снабжения РККА, зам. Чусоснабарма.	чл.През.ВСНХ СССР, пред.Крайэкономсовета Юго-Востока России. нарком торговли РСФСР, зам нкСССР, умерен.политик, рыковец.	Замнаркома торговли СССР, входит в группу Смирнова–Толмачева и критикует курс Сталина в с/х. Но открытой фракц.работы не ведет. Исключен в 1933 из партии. В 1935 после освобождения из лагеря гибнет в автокатастрофе.

№	Ф. И. О.	Происхождение, образование	Характер рев. деятельности	Позиция в октябре 1917 г. и граждан. войне.	Позиция в 20-х гг. во внутрипарт. борьбе и вопр. Нэпа	Позиция в период форсированного развития и репрессий
1.	Андреев А.А. 1895 – 1971	из крестьян, – 2 кл. школа, самообразование.	чл. РСДРП-1914, комитетчик-подпольщик.	на парт. и профсоюз. работе на Урале и Украине. с 1920 г.- секр. ВЦСПС. Разногласий нет	секр. ЦК РКП/б/. Нарком РКИ 1 секр. Сев-Кав. крайкома, орг-ор коллективизации. Разногласий нет.	нарком земледелия. Пред. ЦКК ВКП/б/, секр. ЦК ВКП/б/, зам. пред СНК СССР –на всех этих постах верный сподвижник Сталина, организатор репрессий на С. Кавк[illegible]
2.	Жданов А.А. 1896 – 1948	из служащих, реальное уч-ще. Москов. с/х институт. / не зак./	чл. РСДРП-1915, комитетчик-пропагандист, в годы войны-в армии.	пред. уездкома, пред. Тверского губплана и исполкома, Разногласий нет	секр. Нижнегор. губкома партии, с 1929 – 1 секр. крайкома. Полностью поддерживает ЦК ВКП/б/. Сталина. [illegible]	Проводит относительно умеренную прагматическую линию, но в политич. вопросах-сталинец. С 1934-1 секр. Ленингрд. губкома. Идеолог партии. до 1948 г.
3.	Землячка Р.С. 1876 – 1947	из служащих, домашн. образ.	чл. РСДРП-1896, чл. МК, ЦК; комитетчик	чл. ВРК Москвы, военкомиссар, нач. п/о 8 арм.; радикальные позиции вплоть до экстремизма.	на партработе, чл. ЦКК ВКП/б/, активист борьбы с оппозициями, сторонница Сталина.	с 1934 г.-чл. Комиссии сов. контроля. чл. ЦК, пред. КПК, зам. пред СНК СССР. Фанатично предана режиму и генсеку.
4.	Каганович Л.М. 1893 – 1991	из семьи ремесленника, нач. школа.	чл. РСДРП-1911, примыкал к меньшевикам, комитетчик.	чл. Гомельского к-та партии, комиссар РККА, чл. Нижегород. губкома. Пред. Воронежского губревокома, чл. РВС Туркест. фрон. Разногласий нет.	инструктор ВЦСПС, секр. МК РКП/б/, зав. орграспред. отдела ЦК, сек. ЦК, секр. ЦК КП/б/У, активист борьбы с оппозициями и эмисар Сталина.	Один из основных проводников сталинской кадровой линии в профсоюзах, в парти[illegible] Организатор чистки в МК, в наркомате П[illegible] активист репрессий, жесток и фанатичен.

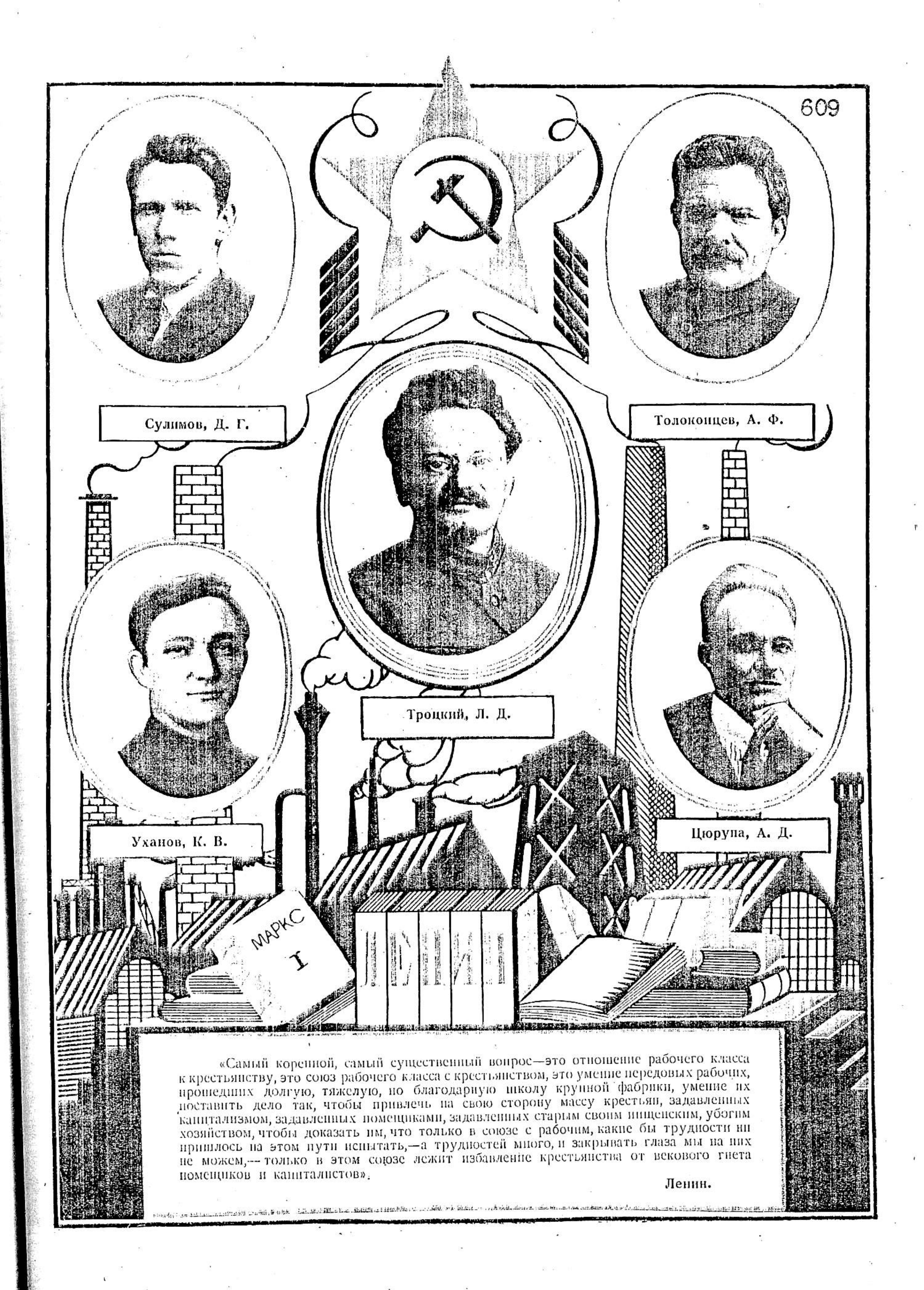
5.	*Косиор С.В.* 1889 – 1939	*рабочий,* нач.школа училище.	ч.РСДРП-1907, комитетчик-подпольщик, проф.партработник.	В 1917 г.-комиссар ВРК Петроград., в подполье на Украине."лев.коммунист", организ. КП/б/У.	В 20-х гг. на партработе проявлял инакомыслие, критиковал руководство. Секретарь сиббюро РКП/б/, в 1925-1928-секр.ЦК, с 1928г.-секр.ЦК КП/б/У. От генлинии не отклонялся.	В 30-х гг. он возглавля КП/б/У и проводил без колебаний курс сталинизма в том числе хлебозаготовки в 1932-33 гг, приведшие к голоду. Чл.Политбюро Косиор поддержал сталиниз но не заслужил его довери Опасаясь "партийных бояр", Сталин репрессировал его.
6.	Крыленко Н.В. 1895 – 1938	из служащ., ист.фил. фак. и юр. фак. Петер. ун-та.	чл.РСДРП-1905, проф.партработник.комитетчик, эмигрант.	чл.ВРК Петроград., наркомвоен, разногласия по вопр. армии, зам.наркома юстиции.	в 20-х гг.чл ЦКК. Прокурор СССР. Обвинитель на процессах по "шахтинскому делу" и др. Имел в ряде случаев собственное мнение.	В качестве прокурора и наркома юстиции РСФСР и наркома юстиции СССР принял активное участие в формировании тоталитарного режима власти; организатор ряда политич.суд. процессов, тем не менее-репрессирован.
7.	Молотов В.М. 1890 – 1986	из мещан, реальное уч-ще, Петербург. политех. ин-т/4 курс/	чл.РСДРП-1906, проф.партработ., комитетчик, чл.Русского бюро ЦК в 1917, литератор.	чл.ВРК Петроград., пред.СНХ Север.обл, предНижнегород. исполкома, В боях не участ. Разногласий нет.	секр.ЦК, руковод. аппарата, формир. кадровую политику и номенклатурную систему бюрократич. типа. Правая рука Сталина.	В 1930 г. вместо Рыкова назначается Пред. СНК ССС Несет прямую ответственность за все экономич. и политические мероприятия режима, в том числе репрессии 30-х гг.
8.	Микоян А.И. 1895-1978	из рабочих, сред.образ.	чл.РСДРП-1915, комитетчик.	чл.к-та Баку, редактор газеты, комиссар бригады, уч. гражд.войны на Кавказе.	Секр. нижненовгор. губкома, сев-Кав. крайкома партии. с 1926 -нарком внеш и внутр.торговли. Поддерживал Сталина в борьбе с оппозиц. в экономике-прагматик в рамках генлинии.	В 30-х гг. чл. Политбюро проявил преданность Сталину и режиму, создавая культ личности Сталина, восхваляя НКВД. Отличался хитростью и гибкостью ума доходящей до беспринципности. В 60-х гг.-критик культа Сталина.

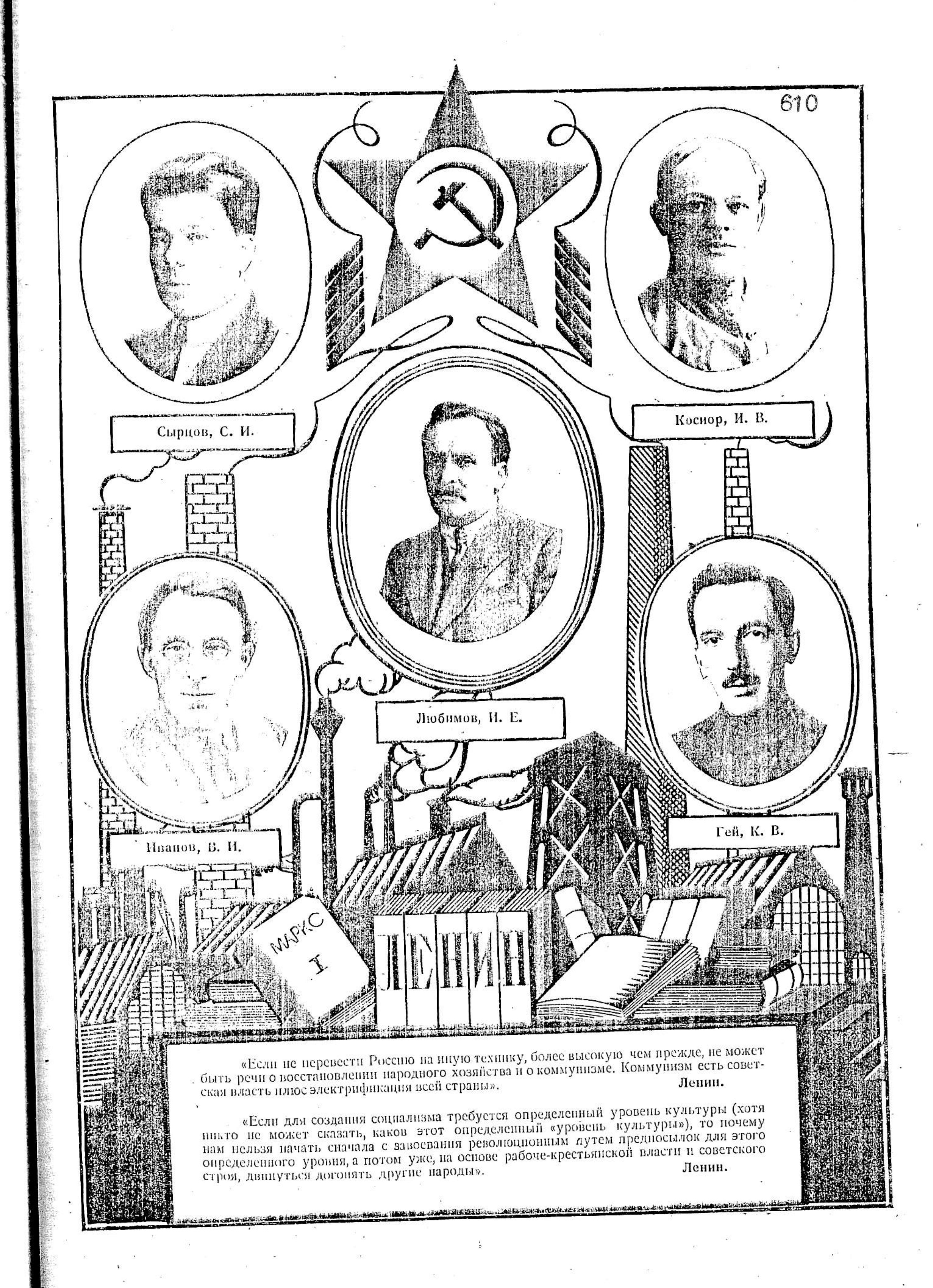
9. Мехлис Л.З. 1889 – 1953	из служащих, начальн.обр., ИКП эк.отдел., аттестован – докт.эк.наук.	чл.РСДРП–1918, ранее примыкал к евр. с/д орг. и к меньшевик.	уч-к гр.войны, военком бригады, дивизии, правобережной группы войск на Каховке.	В 20-х гг. в аппарате Сталина и ЦК РКП/б/. личн.секр.генсека, с 1926 г. на учебе в ИКП. Активный борец с оппозициями и уклонами.	В 30-х гг. – чл.редколлегии "Правды"/факт.редакт с 1937 г. – нач.ПУРККА, организатор репрессий в армии. Фанатичен, энергичен, лично предан Сталину, жесток и беспощаден
10. Маленков Г.М. 1902 – 1987	из служащих, дворянского происхождения, В 1925г. зак. МВТУ.	чл.РКП/б/ –1920, исключ.–1961	С 1925–1930 – в аппарате ЦК, занимался кадр. политикой. Был замечен генсеком.	в 1930–1934 гг. раб. в МК ВКП/б/, с 1934 – отдел руководящих органов ЦК.	проявил себя как квалифи исполнитель политики Сталина, но проявлял известную умеренность, способствовал смещению Ежева. Пос 1953 г. начал десталиниз цию общества.
11. Полонский В.И. 1893–1937	рабочий, нач.образ.	чл.РСДРП–1912, комитетчик, проф.работник.	комиссар ВРК Москвы, военком дивизии, орг. ж/д войск.	в 20-х гг. на проф. работе в ВЦСПС, 1 секр. КП Азер-на, орг-р борьбы с группой Сырцова-Ломинадзе в 1930 г.	В 30-х гг. на парт.работе нач.политуправления нкпс, секретарь ВЦСПС. В сомнениях и колебаниях относительно режима замечен не был. Репрессирован.
12. Поспелов П.Н. 1898 – 1979	из служ., гимназия. Московская с/х академия / не зак/. ИКП в 20-х гг., академик АН СССР.	чл.РСДРП–1916, пропагандист.	в тверской п.о. работал в 1917г., в гр.войне – в подпольной п.о. в Сибири.	зав.агитпропом в тверском губкоме, в 1924–26 гг.–в агитпропе ЦК. Учеба в ИКП. Орг-р борьбы с идеологией "пр.уклона", карьерист.	Чл. ЦКК ВКП/б/, чл.редкол легий "Правды" и "Большевика", чл.КПК, зам.нач. управления пропаганды. Один из идеологов культа Сталина, причастен к репр. После 1953 г. – соавтор докл.Хрущева о культе Ст.
13. Шкирятов М.Ф. 1883 – 1954	из крестьян.	чл.РСДРП–1906, партработа в Москве и Ростове н/Д. комитетчик.	чл.Тульского ВРК, секр.профсоюза.	чл.ЦКК ВКП/б/, чл. Коллегии РКИ. Орг-р борьбы с оппозициями методами слежки.	В 30-х гг. чл.КПК, орг-р преследования инакомыслящих и репрессий, сталинист и догматик.

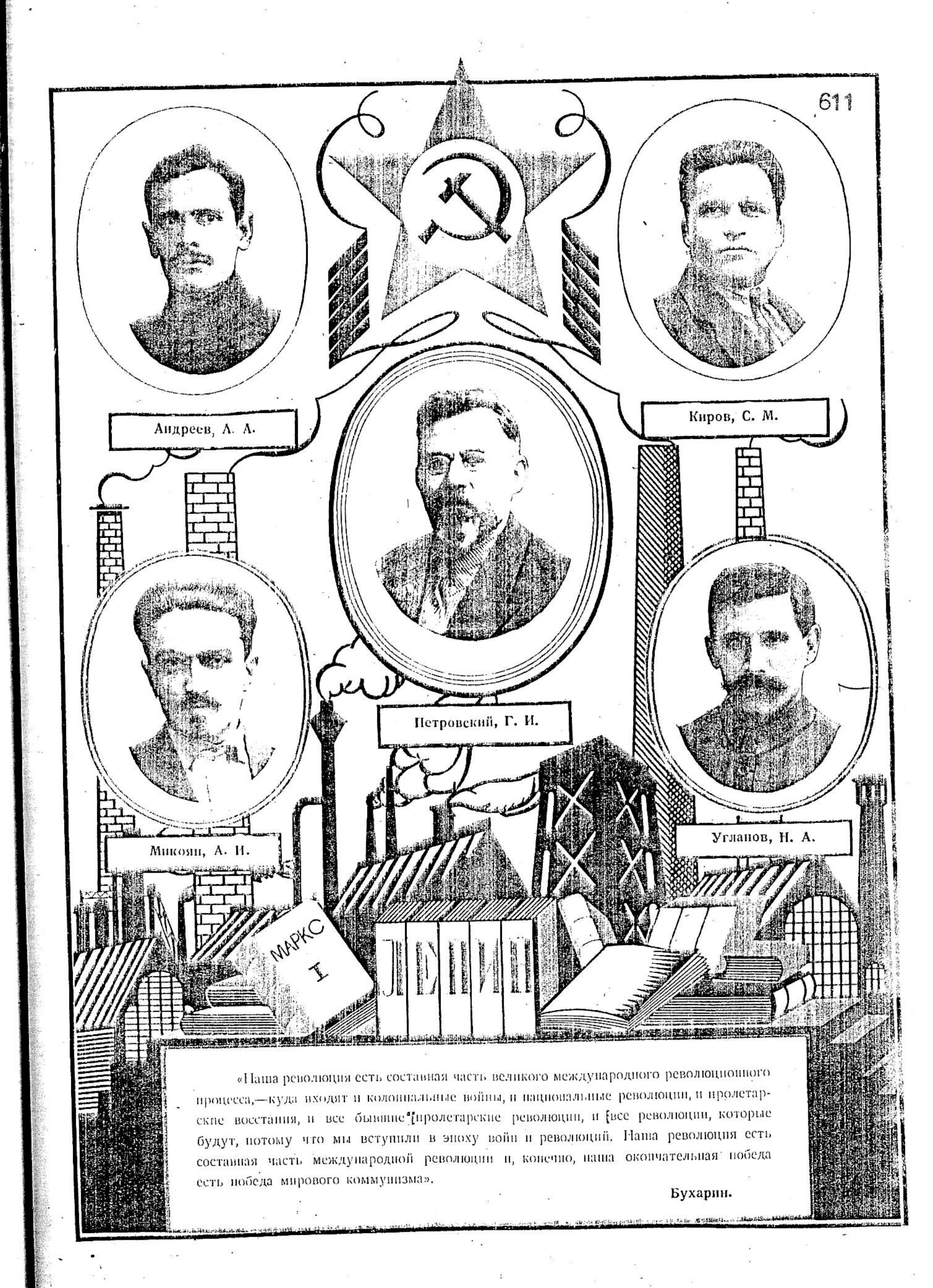
14.	Эйхе Р.И. 1890 – 1938	из крестьян, нач.училище.	чл.РСДРП–1908, подпольщик-нелегал в Латвии, чл. ЦК СДЛК.	Наркомпрод Латвии и РСФСР.	В 20-х гг. на парт. и сов. работе в Сибири, работает под началом Косиора и затем Сырцова.	В 30-х гг. секретарь Сибкрайкома, затем Западно-Сибирского крайкома. Выполняет все указания Сталина без учета специфики края, борется с инакомыслящими, организует репрессии. С октября 1937 – нарком земледелия, но в 1938 – репрессирован.
15.	Ярославский Е.М. 1878 – 1943	сын учителя, 3-х класс. уч-ще и 4 кл. гимназии, с 1939-акад. АН СССР.	чл.РСДРП–1898, проф.партработник, пропагандист, комитетчик-нелегал.	чл.Москв. ВРК, боевого центра, коменд. Кремля. "Лев.коммунист" воевал на Урале и Украине. чл."военной оппозиции".	чл. През.ЦКК ВКП/б/. Активный журналист, историк, входит в группу Сталина, ярый антитроцкист.	В 30-х гг. оттесняется на 2 план в политике, занимается научной работой, пытается написать многотомную историю ВКП/б/ с объект.позиций, за что подвергается уничтож.критике. Признает "вину" и становится идеологом культа Сталина, соавтором "Краткого курса", умирает своей смертью на педагогической работе.
16.	Ягода Г.Г. 1891 – 1937	из семьи ремеслен-ка, сред.об-е, статистик.	чл.РСДРП–1907, комитетчик-подпольщик.	уч-к революции Петрограде, военный инспектор южного и восточного фронтов, чл.коллегии НК Внешторга.	чл.През.ВЧК, с1924 – зам.пред. ОГПУ, в виду болезни Менжинского фактически руководит ОГПУ, с 1934 – предс.ОГПУ.	Принадлежа к старой гвардии, Ягода воздерживался от широких репрессий в среде элиты. В конце 20-х г. косвено поддерживал бухаринцев, но из соображений карьеры и интересов режима выполнил требования Сталина о начале террора. Обвинен в его недостаточности и был репрессирован в 1938 г.
17.	Ежов Н.И. 1895– 1940	рабочий, нач.школа.	чл.РСДРП–1917.	военком частей, был ранен	на партработе в Семипалатинске в Казахском крайкоме. С 1927 г. переведен в аппарат ЦК ВКП/б/, где проявил себя как отлич.исполнитель.	с 1930 г. зав.Распредотдела ЦК и отделом кадров. С 1934 – чл.Оргбюро, затем пред. КПК, секр.ЦК. Сменил Ягоду на посту наркома внутр.дел и начал массовое уничтожение партийно-советских элитных кадров / "ежовщина/". В 1938 был снят, в 1940 – репр. но семья совсем не пострадала.
18.	Берия Л.П. 1899 – 1953	из крестьян, тех, уч-ще.	чл.РСДРП–1917.	был на нелег. работе в Грузии, подозревался в провокаторстве.	на руководящей чекистской и парт. работе на Кавказе, уничтожал кадры	с 1938 г. сменил Н.И.Ежова и продолжил карательную политику сталинизма. Карьерист, интриган, стал необходимым для режима.

МАРКС
I
ЛЕНИН
Сталин, И. В.
Бухарин, Н. И.
Рыков, А. И.
«Большевизм (вовсе не в силу заслуг большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия масс повсюду тактике, революционной на деле) стал мировым большевизмом, дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически от социал-шовинизма и социал-пацифизма. Большевизм создал идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи и опыт начавшейся эпохи революции».
Ленин.

Рухимович, М. Л.
Смилга, И. Т.
Смирнов, А. П.
Сокольников, Г. Я.
Скворцов-Степанов, И. И.
МАРКС
I
ЛЕНИН
«Эта власть,— власть одного класса может быть утверждена и проведена до конца лишь путем особой формы союза между классом пролетариев и трудящимися массами мелкобуржуазных классов, прежде всего трудящимися массами крестьянства. Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководящей силой этого союза является пролетариат. Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является одна партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая не делит и не может делить руководства с другими партиями».
Сталин.

Сулимов, Д. Г.
Толоконцев, А. Ф.
Троцкий, Л. Д.
Уханов, К. В.
Цюрупа, А. Д.
МАРКС
I
ЛЕНИН
«Самый коренной, самый существенный вопрос—это отношение рабочего класса к крестьянству, это союз рабочего класса с крестьянством, это умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочим, какие бы трудности ни пришлось на этом пути испытать,—а трудностей много, и закрывать глаза мы на них не можем,—только в этом союзе лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов».
Ленин.

Сырцов, С. И.
Коснор, И. В.
Любимов, И. Е.
Иванов, В. И.
Гей, К. В.
МАРКС
I
ЛЕНИН
«Если не перевести Россию на иную технику, более высокую чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Ленин.
«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». Ленин.

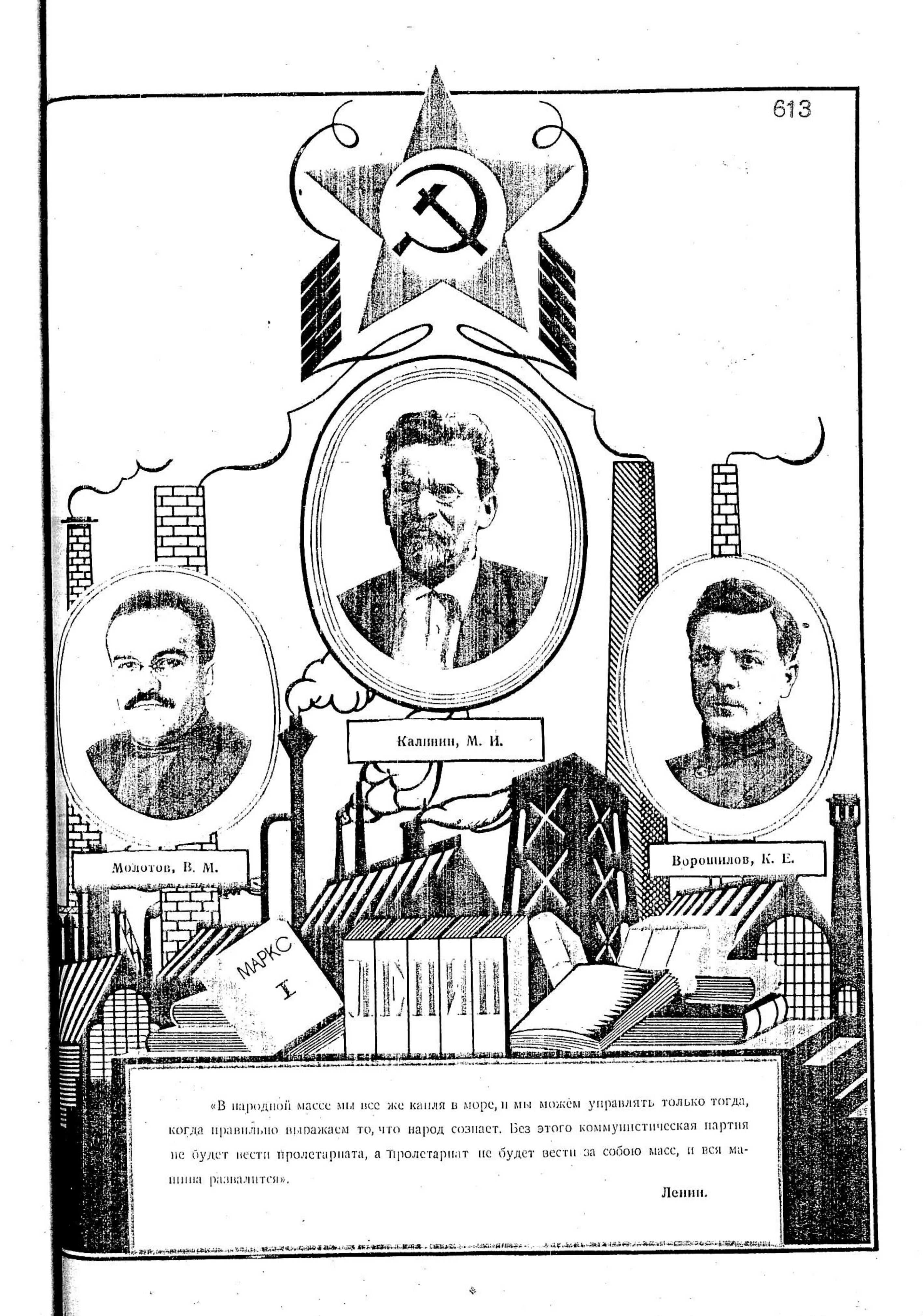

Андреев, А. А.
Киров, С. М.
Петровский, Г. И.
Микоян, А. И.
Угланов, Н. А.
МАРКС
I
ЛЕНИН
«Наша революция есть составная часть великого международного революционного процесса,—куда входят и колониальные войны, и национальные революции, и пролетарские восстания, и все бывшие пролетарские революции, и все революции, которые будут, потому что мы вступили в эпоху войн и революций. Наша революция есть составная часть международной революции и, конечно, наша окончательная победа есть победа мирового коммунизма».
Бухарин.

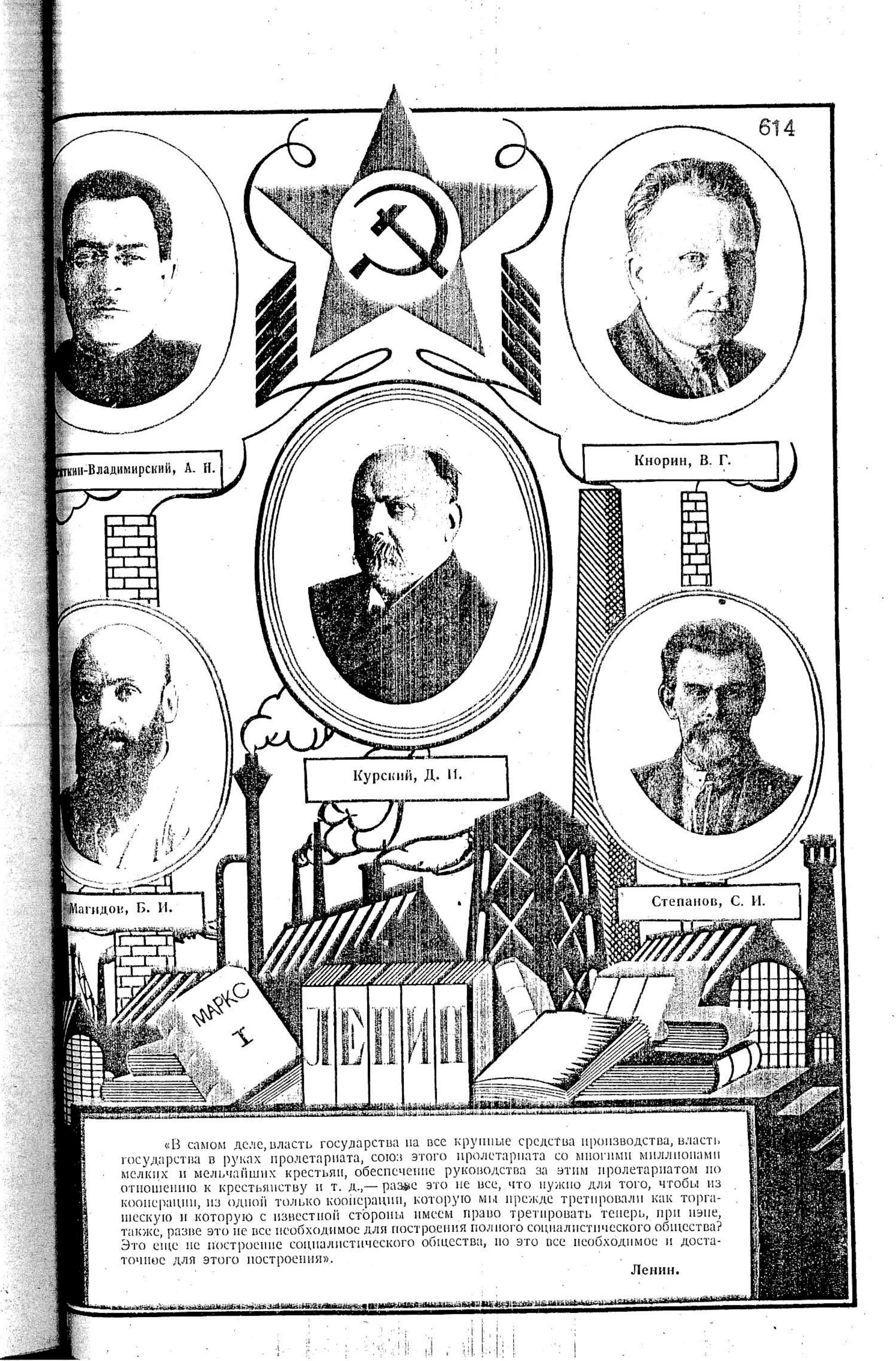

«Теперь считается уже общепризнанным, что народное хозяйство Союза проходит переломный фазис своего развития от так называемого «восстановительного» периода к новому этапу, для которого характерным является осуществление политики партии, определенной на XIV с‘езде как курс на индустриализацию.

По существу дела, с практическим проведением этого курса, с развитием крупной индустрии, с усилением роли и значения рабочего класса во всей стране создаются необходимые материально-технические условия для полного построения социалистического общества».

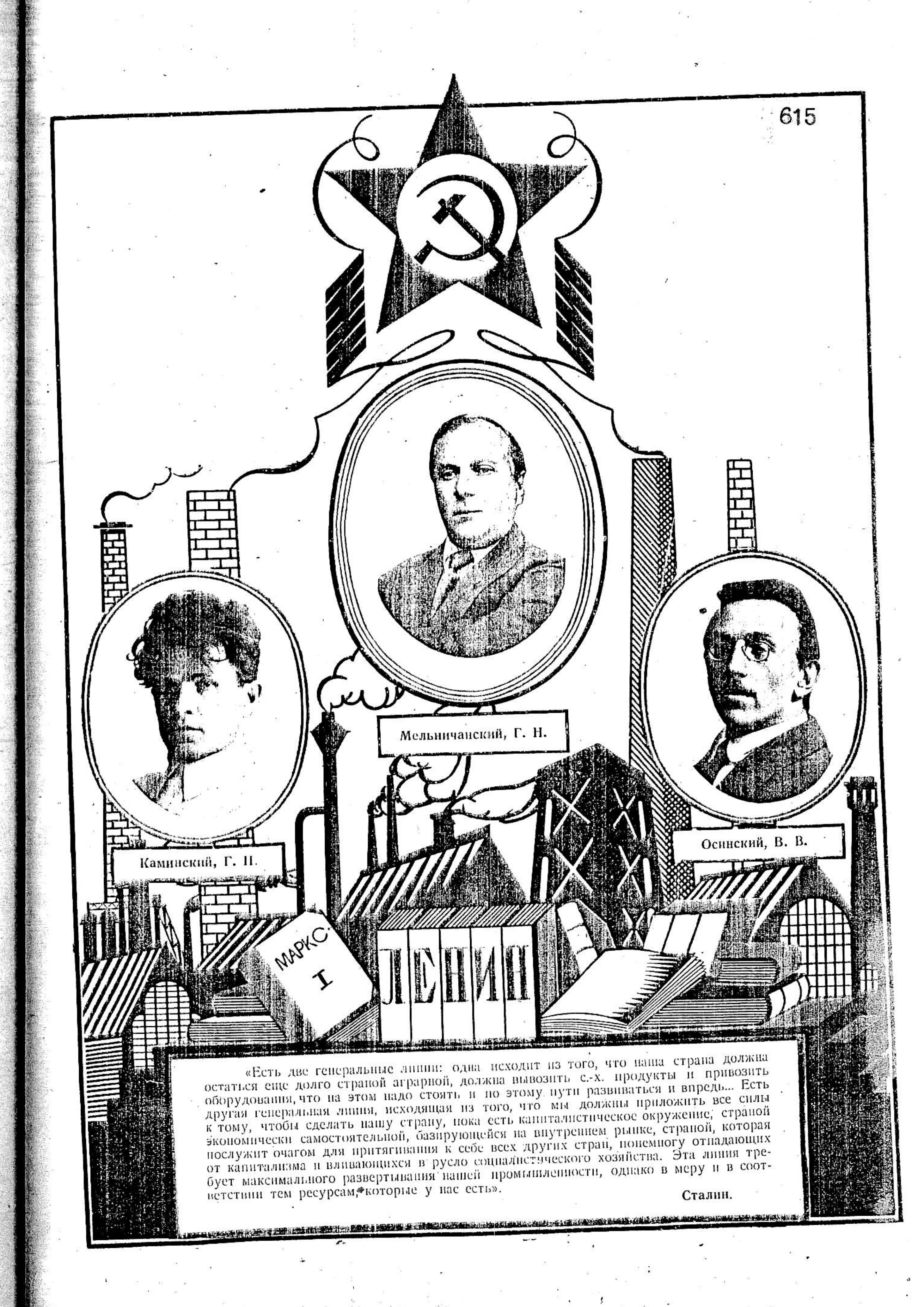
Рыков.

Калинин, М. И.
Молотов, В. М.
Ворошилов, К. Е.
МАРКС
I
ЛЕНИН
«В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится».
Ленин.

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,— разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь, при нэпе, также, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

Ленин.

Мельничанский, Г. Н.
Каминский, Г. Н.
Осинский, В. В.
МАРКС
I
ЛЕНИН
«Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить с.-х. продукты и привозить оборудования, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь... Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии тем ресурсам, которые у нас есть».
Сталин.

Огонек

Пролетарии всех стран, с

№ 22 (322). 9 июня 1929 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СНК РСФСР

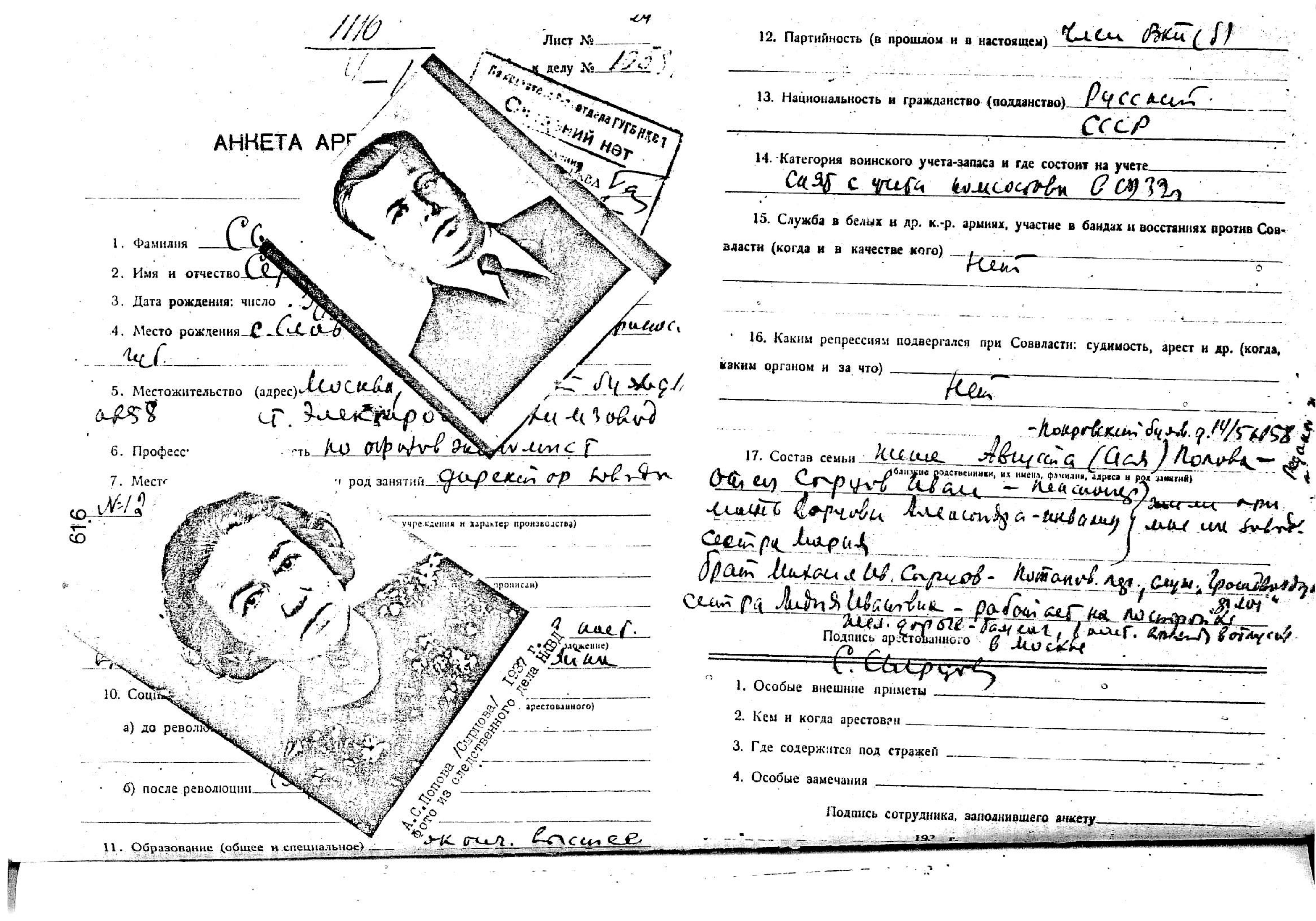
Секретарь сибирского краевого Комитета партии, член ЦК ВКП(б) с XIV с'езда партии и член ВЦИК и ЦИК Союза нескольких созывов, С. И. Сырцов единогласно избран председателем СНК РСФСР на состоявшейся в мае 1-й сессии ВЦИК XIV созыва. На закончившемся Всероссийском с'езде Советов признано было целесообразным избрание самостоятельного председателя СНК РСФСР, должность которого до сих пор совпадала с должностью председателя Совнаркома СССР.

Сергей Иванович родился в 1893 г. в Екатеринославской губ. В 1912 г. он вступает в число слушателей Петербургского Политехнического Института (на экономическое отделение). В институте он вскоре втягивается в работу нелегальных студенческих организаций и в конце 1913 г. вступает в партию. В 1914 г. он ведет революционную работу среди петербургских рабочих, делается членом Невского районного Комитета и членом пропагандистской Коллегии при Петербургском Комитете. В том же году он подвергается аресту за принадлежность к РСДРП(б) и девять месяцев находится в заключении. По выходе из тюрьмы продолжает свою работу организатора и пропагандиста. В апреле 1916 г. его снова арестовывают и высылают в село Манзурку, Иркутской губ., где он остается до февральского переворота. Вернувшись в Петроград, он вновь начинает вести партийную работу. В апреле переезжает в Ростов н/Дону, где состоит членом Ростово-Нахичеванского Комитета партии и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а позднее — председателем Ростовского Совета и Военно-Революционного Комитета, принимает деятельное участие в борьбе с Калединым, а в 1918 г. уходит на фронт военкомом дивизии. Раненный в конце того же года он, по излечении, возвращается в дивизию. С 1921 г. С. И. работает в ЦК ВКП(б), сначала заведующим учраспреда, затем заведующим Агитпропотделом, состоит членом президиума Комакадемии и редактором „Коммунистической Революции". В феврале 1926 г. тов. Сырцов был назначен на пост секретаря Сибирского краевого комитета партии, на котором и оставался до последнего времени.

Активное участие тов. Сырцова в советском строительстве и в работе партии, и его огромный практическ... ский опыт явились теми ... рые определили его избр... ответственный пост.

С. И. Сырцов

1110

Лист № 24

к делу № 122

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия С[...]
2. Имя и отчество Сер[...]
3. Дата рождения: число [...]
4. Место рождения с. Сеав[...] губ.
5. Местожительство (адрес) Москва [...] Лужнец[...] ар. 58
6. Профессия и специальность по [...] химик
7. Место службы и должность или род занятий директор завода № 12 (учреждения и характер производства)

(прописан)

(положение) 2 [...]

10. Социальное происхождение (арестованного)

а) до революции

б) после революции

11. Образование (общее и специальное) [...] высшее

12. Партийность (в прошлом и в настоящем) член ВКП(б)

13. Национальность и гражданство (подданство) Русский СССР

14. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете Снят с учета [...] в 1932 г.

15. Служба в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против Совласти (когда и в качестве кого) Нет

16. Каким репрессиям подвергался при Совласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что) Нет

17. Состав семьи (близкие родственники, их имена, фамилия, адреса и род занятий) жена Августа (Ася) Попова — Покровский бульв. д. 14/5 кв. 58 — [...]
Отец Сырцов Иван — пенсионер
мать Сырцова Александра Ивановна
сестра Мария
брат Михаил Ив. Сырцов — [...]
сестра Лидия Ивановна — работает на постройке [...] в Москве

Подпись арестованного С. Сырцов

1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован
3. Где содержится под стражей
4. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

193 г.

А.С.Попова /Сырцова/ 1937 г.
фото из следственного дела НКВД

С П И С О К
использованной литературы и источников.

I. Документы и материалы РКП(б) - ВКП(б).

I.I. Агитпроп ЦК РКП(б). Материалы по пропаганде ленинизма - М. Красная Новь. 1924.

I.2. Агитпроп ЦК РКП(б). Материалы к XIII съезду РКП(б). - М:Красная Новь. 1924.

I.3. Второй съезд РСДРП. Июнь-июль 1903г. Протоколы. -М.:Политиздат. 1959.

I.4. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. -М.:Политиздат. 1959.

I.5. Восемнадцатый съезд ВКП(б). I0-2I марта 1939г. Стенографический отчет. -М.:ОГИЗ.1939.

I.6. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. -М.:Госполитиздат.1962.

I.7. Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920г. Протоколы. -М.:Госполитиздат.1960.

I.8. Десятый съезд РКП(б). Март 192Iг. Стенографический отчет. -М.:Госполитиздат.1963.

I.9. Итоги Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). I7-2I декабря 1930.-М.М. -Л.:ОГИЗ.1930.

I.I0. Итоги партийной работы за год.1922-1923г.-М.Красная Новь. 1923.

I.II. К XIУ съезду РКП(б).-М.-Л.:ГИЗ.1925.

I.I2. К ХУ съезду ВКП(б).-М.-Л.1927.

I.I3. К ХУI съезду ВКП(б). Материалы к организационному отчету. Вып.I. -М.Л.:ГИЗ.1930.

I.I4. Комсостав крупной промышленности. По материалам оргаспредотдела ЦК ВКП(б).-М.Красная Новь.1924.

I.I5. Личный состав РКП(б) в 1920г. -М.Красная Новь.192I.

I.I6. Мясников. Ленин и дискуссия в партии о свободе печати// Свободная мысль. 1992.№ I.С.62-75.

I.I7. Материалы Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).7-I2 января 1933г. /Доклады, речи, резолюции/.-М.:Партиздат.1933.

I.I8. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937. //Вопросы истории.1992. № 2-4.

I.I9. Материалы партийной чистки Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова, М.П. Томского в 1933г. //Вопросы истории КПСС.199I. № 3,6,7; Кентавр.1992.март-апрель.

I.20. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) - М.6-II апреля 1928г. Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства.//КПСС в резолюциях... Т.4.- М.1970.С.84-93.

I.2I. Одиннадцатый съезд РКП(б). март-апрель.1922. Стенографический отчет.-М.:Госполитиздат.196I.

1.22. О выступлении тов.Крупской на X Бауманской партийной конференции.-МК ВКП(б).1930.

1.23. О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском "Краткого курса истории ВКП(б)". Постановление ЦК ВКП(б). 14 ноября 1938г. //КПСС в резолюциях... Изд.7.Ч.Ш.-М.:Госполитиздат.1954, С.316-332.

1.24. О преодолении культа личности и его последствий.Постановление ЦК КПСС.30 июня 1956г.//КПСС в резолюциях... Изд.8.Т.7.С.199-218.

1.25. О так называемой "антипартийной" контрреволюционной группировке Эйсмонта,Толмачева и других".//Известия ЦК КПСС. 1990.№ 11.С.63-74.

1.26. О фракционной антипартийной работе Сырцова и Ломинадзе. Постановление бюро МК ВКП(б) от 3.XI.1930.//Правда.1930. 3 ноября;Постановление ЦК ВКП(б) //Правда.1930.2 декабря.

1.27. Партийная этика. Документы и материалы дискуссий 20-х гг. -М.:Политиздат.1989.

1.28. Партия в цифровом освещении.-М.1926.

1.29. Партийные,профессиональные и кооперативные организации и госаппарат.-М.-Л.:ГИЗ.1926.

1.30. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями.Сб.док-тов.Т.2.Госполитиздат.1957.

1.31. Пятнадцатая конференция ВКП(б).Стенографический отчет. М.1926.

1.32. Пятнадцатый съезд ВКП(б).Декабрь 1927г.Стенографический отчет.Т.1-2.-М.:Госполитиздат.1962.

1.33. Руководящие кадры РКП(б) и их распределение.-М.:1924.

1.34. Семнадцатый съезд ВКП(б).26 января- 10 февраля 1934 . Стенографический отчет.-М.:1934 .

1.35. Сборник инструкций по учету и распространению партработников.М.Красная Новь.1923 .

1.36. Третья Сибирская краевая партийная конференция.Стенографический отчет.-Новосибирск. 1927.

1.37. Тринадцатый съезд РКП(б).Май 1924г. Стенографический отчет.-М.Госполитиздат.1963.

1.38. Учет и распределение работников. К совещанию секретарей и заведующих отделами губкомов. По материалам учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б).-М.ЦК РКП(б).1923.

1.39. Четырнадцатый съезд ВКП(б). 18--31 декабря 1925г. Стенографический отчет.-М.Л.:ГИЗ.1926.

1.40. Шестнадцатая конференция ВКП(б).Стенографический отчет. -М.Л.:ГИЗ.1929.

1.41. Шестнадцатый съезд ВКП(б). 26 июня- 13 июля 1930г.Стенографический отчет.-М.Л.1930 .

2. Сборники документов.

2.I.В.И.Ленин, КПСС о работе партийного и государственного аппарата. - 2-е изд.,доп.-М.:Политиздат.I980.

2.2.В.И.Ленин, КПСС о партийной и государственной дисциплине.-М.:Политиздат.I977.

2.3.В.И.Ленин, КПСС о нормах партийной жизни и принципах партийного руководства. - М.:Политиздат.I979.

2.4.В.И.Ленин, КПСС о работе с кадрами. М.:Политиздат. I979.

2.5.В.И.Ленин, КПСС о контроле и проверке исполнения: В 2-х т. Т.I, - М.:Политиздат.I98I.

2.6.В.И.Ленин, КПСС об Уставе партии. - М.:Политиздат.I98I.

2.7.Справочник партийного работника.Вып.I. Госиздат.I92I.

2.8.Справочник партийного работника.Вып.2. Издательское отделение ЦК РКП.I922.

2.9.Справочник партийного работника.Вып.3. М.:Изд. Красная Новь. I924 г.

2.I0.Справочник партийного работника.Вып.4. - М.:Изд.Красная новь. I924.

2.II.Справочник партийного работника.Вып.5. - М.-Л.:Госиздат. I926.

2.I2.Справочник партийного работника.Вып.6.,ч.I.-М.-Л.:Госиздат. I928.

2.I3.Справочник партийного работника.Вып.6.,ч.2,-М.-Л.:Госиздат. I928.

2.I4.Справочник партийного работника.Вып.7.,ч.I.-М.-Л.:Госиздат. I930.

2.I5.Справочник партийного работника.Вып.7.,ч.2.-М.-Л.:Госиздат. I930.

2.I6.Справочник партийного работника.Вып.8. - М.I934.

2.I7.Справочник партийного работника.Вып.9. - Партиздат ЦК ВКП(б).

2.I8.Архив Троцкого.Коммунистическая оппозиция в СССР.I923 - I927 гг. Т.I-4.Сост.Ю.Фельштинский.-М.:Терра.I990.

2.I9.Большевики.Документы по истории большевизма I903-I9I6г. бывшего московского охранного отделения.Третье издание. -М.:Политиздат.I990.

2.20. Борьба за власть Советов на Дону.1917-1920. Сб.документов. - Ростов н/Д.1957.

2.21. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. Под ред.В.П.Данилова и Н.А. Ивницкого.-М.:Политиздат.1989.

2.22. История России.1917-1940. Хрестоматия.Под ред.М.Е.Главацкого.-Екатеринбург.:1993.

2.23. Съезды Советов РСФСР и автономных республик.РСФСР. Сб. док-тов.1917-1922.-М.Госполитиздат.1959.Т.I.

3. Справочные и статистические издания.

3.1. Великая Октябрьская социалистическая революция.Энциклопедия.Изд.3. доп.-М.:Советская энциклопедия.1987.

3.2. Гражданская война и военная интервенция в СССР.Энциклопедия.-М.:Советская энциклопедия.1983.

3.3. Деятели СССР и революционного движения в России.Энциклопедический словарь Гранат.-М.:Советская энциклопедия.1989.

3.4. Политбюро,Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б) - ВКП(б) КПСС. Справочник./А.А.Кирилина и др./-М.:Политиздат.1990.

3.5. Политические деятели России.1917. Биографический словарь. -М.:Большая Российская энциклопедия.1993.

3.6. Справочник о составе руководящих кадров центральных и местных учреждений. Вып.I. Руководящие кадры партийных и советских органов.-М.1928.

4. Произведения руководящих деятелей РКП(б)-ВКП(б), Советского государства.

4.1. Бубнов А.С. О Ленине и ленинизме.-М.:Партиздат.1933

4.2. Бубнов А.С. Ноябрь в Ростове.//Октябрь 1917. Сборник статей и воспоминаний. К 4-й годовщине Октябрьской революции. -М.:ГИЗ.Донотделение.1921.С.15-19.

4.3. Варейкис И.М. В борьбе за генеральную линию на практике. -Воронеж.Коммуна.1930.

4.4. Ворошилов К.Е. За генеральную линию партии. Доклад о работе ЦК ВКП(б) на 2-й Ленинградской областной партконференции 5-7 марта 1929 г.-Л.:Прибой.1929.

4.5. Ворошилов К.Е. На историческом перевале.-М.-Л.:ГИЗ.1930.

4.6. Вышинский А.Я. Судебные речи.-М:НКЮ.1938.

4.7. Вышинский А.Я. Подрывная работа разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры.-М.:ГИЗ.1938.

4.8. Бухарин Н.И. Борьба за кадры. Речи и статьи.-М.:Молодая гвардия.1925.

4.9. Бухарин Н.И. На подступах к Октябрю. Статьи и речи. Май-Октябрь 1917 г.-М.Л.ГИЗ.1926.

4.10. Бухарин Н.И. Избранные произведения.-М.Экономика.1990.

4.II. Жданов А.А. Отчет о работе краевого комитета ВКП(б) третьей Нижнегородской краевой партконференции.-Н.Новгород.I932.

4.I2. Зиновьев Г.Е. Наши разногласия. Доклад и заключительное слово на XIУ съезде ВКП(б).-М.Л:ГИЗ.I926.

4.I3. Каврайский В.,Нусинов Н. Классовое расслоение сибирской деревни. Опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне. Предисловие С.И.Сырцова. -Новосибирск.:Сибкрайиздат.I927.

4.I4. Каганович Л.М. Два года. От XI до XП съезда КП/б/У. -М.Пролетарий.I927.

4.I5. Каганович Л.М. Партия и советы.-М.Л:ГИЗ.I928.

4.I6. Каганович Л.М. Очередные задачи партработы и реорганизация партаппарата.-М.Л:I930.

4.I7. Каганович Л.М. Об итогах декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).-М:Московский рабочий.I93I.

4.I8. Каганович Л.М. Московские большевики в борьбе за победу пятилетки. Доклад о работе МК и МГК на Ш Московской областной и П городской конференциях ВКП(б) 23 января I932. -М.:Партиздат.I932.

4.I9. Каганович Л.М. От ХУI к ХУШ съезду партии.-М.:Моспартиздат.I934.

4.20. Калинин М.И7 Двенадцать лет пролетарской диктатуры. // Правда.I929,I3 ноября.

4.2I. Киров С.М. Избранные статьи и речи. -М.:ОГИЗ.I939.

4.22. Кнорин В. О ходе чистки в Московской организации ВКП(б). -М.:Моспартиздат.I933.

4.23. Косиор С.В. Практика уклонов или уклоны на практике?// Правда.I930.29 апреля.

4.24. Крыленко Н.В. Формы классовой борьбы на данном этапе. -М. НКЮ.I933.

4.25. Крыленко Н.В. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. -М.:НКЮ.I937.

4.26. Куйбышев В.В. О работе ЦК ВКП(б). Доклад и заключительное слово.-Нижний Новгород:ГИЗ.I930.

4.27. Ленин В.И. Попятное направление в русской социал-демократии.// Полн.собр.соч.Т.4.С.240-273.

4.28. Ленин В.И. Статья для "Рабочей газеты". Насущный вопрос. // Полн.собр.соч.Т.4.С.I93-I98.

4.29. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи.//Полн.собр. соч.Т.7.С.34I-356.

4.30. Ленин В.И. Проект резолюции об отношениях рабочих и интеллигентов в с.-д. организациях.//Полн.собр.соч.Т.I0. С.I7I.

4.3I. Ленин В.И. О реорганизации партии. //Полн.собр.соч.Т.I2. С.83-93

4.32. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература. //Полн.собр.соч.Т.I2.С.99-I05.

4.33. Ленин В.И. Уроки московского восстания. //Полн.собр.соч. Т.13.С.369-377.

4.34. Ленин В.И. Памяти графа Гейдена. // Полн.собр.соч. Т.16. С.37-45.

4.35. Ленин В.И. А судьи кто? // Полн.собр.соч. Т.16. С.159-166.

4.36. Ленин В.И. О положении дел в партии. // Полн.собр.соч. Т.20. С.47-61.

4.37. Ленин В.И. Тезисы доклада на конференции. //Полн.собр. соч. Т.34. С.342-346.

4.38. Ленин В.И. Из дневника публициста. /Темы для разработки/ //Полн.собр.соч.Т.35. С.187-190.

4.39. Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. // Полн.собр.соч. Т.42. С.264-304.

4.40. Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта. X съезд РКП(б). // Полн.собр.соч.Т.43.С.7-33.

4.41. Ленин В.И. Об условиях приема новых членов в партию. Письма В.М. Молотову.// Полн.собр.соч.Т.45.С.17-21.

4.42. Ленин В.И. Письмо к съезду.//Полн.собр.соч.Т.45.С.343-348.

4.43. Ломинадзе В. Путь коминтерна молодежи. -Л.Прибой. 1926.

4.44. Ломинадзе В. Отчет русской делегации в исполкоме КИМ. -М.Л.ГИЗ.1926.

4.45. Маленков Г.М. Сталин о большевистских кадрах. //Правда. 1939. 21 декабря.

4.46. Марецкий Д. Бухарин Н.И. Биография.//Большая Советская Энциклопедия.-М.:ГИЗ.1928. Т.8.С.271-283.

4.47. Марецкий Д. Слепков А. Экономическая платформа оппозиции.-Харьков.:1926.

4.48. Молотов. В.М. Вопросы партийной практики.-М.ГИЗ.1923.

4.49. Молотов В.М. Ленин и партия за время революции.-М.ГИЗ. 1924.

4.50. Молотов В.М. О партийном строительстве.-М:ГИЗ.1925

4.51. Молотов В.М. Партия и ленинский призыв. М.Красная новь. 1924.

4.52. Молотов В.М. О перевыборах советов 1925-1926 гг.Доклад на июльском Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).-М.Пролетарий.1926.

4.53. Молотов В.М. О партийных задачах.-М.Л.:ГИЗ.1927.

4.54. Молотов В.М. В борьбе за социализм. Речи и статьи от ХУI до ХУП съезда ВКП(б).-М.:Партиздат.1934.

4.55. Молотов В.М. Краткая биография. Составил Г.А. Тихомиров. -М.:ГИЗ.1938.

4.56. Сулимов Д.Е. Основные задачи народно-хозяйственного плана РСФСР на 1933 г. Доклад на Ш сессии ВЦИК ХУ созыва.-М.:Партиздат.1933.

4.57. Сулимов Д.Е. На новом подъеме: Доклад I февраля 1936г. на II сессии ВЦИК ХVI созыва.-М.:Партиздат.1936.

4.58. Сырцов С.И. Революционная борьба на Дону. Ростовский Совет в 1917-1918 гг.// Пролетарская революция на Дону.Сб. издание Донской комиссии по истории революционного движения.-Ростов н/д.1922.С.45-54.

4.59. Сырцов С.И. Предисловие.//В помощь агитпропорганизатору: Пособие для агитпропорганизаторов ячеек РКП(б). Сб.статей и материалов под ред.С.И.Сырцова. -М.1925

4.60. Сырцов С.И: За советскую фильму.// Советское кино на подъеме.-М.1925.С.3-10.

4.61. Сырцов С.И: Предисловие.// Культурное шефство над деревней. Сб.статей под ред.С.И.Сырцова. и А.Курса.-М.Л. 1925.

4.62. Сырцов С.И: Ленинский призыв.//Коммунистическая революция.1924.№ I.С.I-8.

4.63. Сырцов С.И: Дальнейшие шаги.// Коммунистическая революция.1924. № 4.С.19-29.

4.64. Сырцов С.И. Партия и клубная работа.// Коммунистическая революция.1925. №I.С.3-6.

4.65. Сырцов С.И. Политпросвет работа в деревне./Некоторые итоги совещания политпросветов/. // Коммунистическая революция.1925. № 5.

4.66. Сырцов С.И: Книгу в деревню. //Коммунистическая революция.1925. № 6. С.3-12.

4.67. Сырцов С.И. Вопросы агитационно-пропагандистской работы. // Коммунистическая революция.1925. № 12-13. С.3-12.

4.68. Сырцов С.И. Об итогах XIV партконференции.// Коммунистическая революция. 1925. № 10. С.3-12.

4.69. Сырцов С.И. Социалистическое строительство и интеллигенция.// Коммунистическая революция. 1925.№ 24. С.12-35.

4.70. Сырцов С.И. Советы в деревне и учитель. -М.Работник просвещения.1926.

4.71. Сырцов С.И. К ближайшим задачам кооперации в Сибири. - Новосибирск.1926.

4.72. Сырцов С.И. Бюрократизм и бюрократы./ Из речей,относящихся к периоду сентября-октября 1926.-Новосибирск. 1927.

4.73. Сырцов С.И. Работать по новому.-Новосибирск.:Сов. Сибирь.1927.

4.74. Сырцов С.И. Текущий момент и задачи сибирской парторганизации-Новосибирск.1927.

4.75. Сырцов С.И. Кентман Н. Партия,оппозиция,комсомол. -Новосибирск.:Сибкрайиздат.1928.

4.76. Сырцов С.И. Речи на пленумах Сибкрайкома и краевых партконференциях.// За четкую классовую линию. Сборник. -Новосибирск.Сибкрайком.Февраль 1929.

4.77. Сырцов С.И. Колхозы и план социалистического строительства.Доклад на I областном /Московском/съезде Советов. -М.Московский рабочий.1929.

4.78. Сырцов С.И. На пороге нового хозяйственного года.Доклад на Ш сессии ВЦИК. -М.Л.:ГИЗ.1929.

4.79. Сырцов С.И. Пройденный этап и наши задачи. Доклад на I Нижнегородской краевой конференции ВКП(б) 5 авг.-М.1929.

4.80. Сырцов С.И. Задачи партии в деревне. Перераб.доклад 20 февраля.1930г. в ИКП.// Большевик.1930.№5.С.41-59.

4.81. Сырцов С.И. Боевые вопросы весенней кампании.Речь на заседании СНК РСФСР по докладу наркомзема о ходе весенней посевной кампании. -М.Л.:ГИЗ.1930.

4.82. Сырцов С.И. Накануне партийного съезда./Переработанное изложение докладов на партконференции Московского округа 26 мая 1930. и Центрально-Черноземной Области 5 июня 1930г./ -М.:ГИЗ.1930.

4.83. Сырцов С.И. О наших успехах,недостатках,задачах.-М.Л.:ГИЗ.1930.

4.84. Сырцов С.И. К новому хозяйственному году.Переработанная стенограмма речи Сырцова С.И. на объединенном заседании СНК и ЭКОСО 30 августа 1930 г. по докладу Госплана о контрольных цифрах на 1930/31 год.-М.Отдел печати и информации СНК СССР и СТО.1930.

4.85. Суховий С. Правооппортунистическая клевета двурушника. /О книге Сырцова С."О наших успехах,недостатках,задачах". М.1930.75с./. // Спутник коммуниста в деревне.1930.№ 15.

4.86. Таль Б. Социалистическое наступление и платформа право-"левых" капитулянтов.-М.Московский рабочий.1930.

4.87. Толмачев В.Н. Очередные задачи в области административных органов. Стенограмма докладов и заключительного слова наркома внутренних дел РСФСР на II Всероссийском съезде административных работников 24 и 25 апреля 1928г. -М. 1928.

4.88. Троцкий Л.Д. К истории русской революции.-М.:Политиздат. 1990.

4.89. Луначарский А. Радек К. Троцкий Л. Силуэты:политические портреты.-М.:Политиздат.1991.

4.90. Троцкий Л. Сталин.Т.I-II. Под ред.Ю.Г.Фельштинского. -М.Терра.1990.

4.91. Эйхе Р.И. Ближайшие задачи партийной работы. -Новосибирск.:Запсиботделение.1937.

4.92. Эйхе Р.И. Западная Сибирь на переломе. -Новосибирск:Запсиботделение.ГИЗ.1930.

4.93. Ярославский Ем. Борьба с оппортунизмом в период между ХУ и ХУI съездами ВКП(б).//Большевик.1930.№ 9.С.11-24.

4.94. Ярославский Ем. Партия в борьбе с оппортунизмом за 10 лет после смерти В.И.Ленина.// Пролетарская революция. 1934/13.С.3-65.

4.95. Ярославский Ем. История ВКП(б). Ч.2.-М.:Партиздат.1935.

5. Периодическая печать.

5.1. Правда. Ежедневная газета. Орган ЦК ВКП(б).-М.1917-1940.

5.2. Известия ЦИК СССР. Ежедневная газета.-М.1923-1937.

5.3. Молот. Ежедневная газета. Ростов на Дону. 1925-1938.

5.4. Бакинский рабочий. Ежедневная газета.-Баку:1930.

5.5. Советская Сибирь. Ежедневная газета.-Новосибирск:1927-1930.

5.6. Большевик.Теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б). М.1924-1938.

5.7. Известия ЦК ВКП(б).-М.1920-1929.

5.8. Коммунистическая революция. Журнал ЦК ВКП(б).-М.1924-1930.

5.9. Партийное строительство. Журнал ЦК ВКП(б).М.1930-1935.

5.10. Пролетарская революция.Орган Института Ленина /с1931 г.- Института Маркса-Энгельса-Ленина/..М.1928-1935.

5.11. Пропагандист.Журнал ЦК и МК ВКП(б).1927-1930.

5.12. Спутник коммуниста. Партийный,общественно-политический двухнедельник ЦК и МК ВКП(б).М.1928-1932.

5.13. Социалистический вестник.Орган ЦК РСДРП. Берлин.1923-1938.

5.14. Бюллетень оппозиции.Орган ВКП/большевиков-ленинцев/.-Париж. 1928-1938.

5.15. Записки социал-демократа.-Берлин.1928-1930.

6. Воспоминания.

6.1. Андреев А.А. Воспоминания,письма.-М.:Политиздат.1985.

6.2. Богданов А.П. Богданов Г.П. Долг памяти.Повесть об отце. -М.:Политиздат.1990.

6.3. Валентинов Н.В. Наследники Ленина.-М.:Терра.1991.

6.4. Валентинов Н./Вольский Н./. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания . -М.:Современник.1991.

6.5. Гарви П.А. Воспоминания.-Нью-Йорк.1946.

6.6. Дан Ф. Два года скитаний./1919-1921/.-Берлин.1922.

6.7. Заварзин П. Жандармы и революционеры. Воспоминания.-Париж. 1930.

6.8. Лавров И.В. стране экспериментов.-Харбин.1934.

6.9. Ларина-Бухарина А. Незабываемое.-М.:АПН.1989.

6.10. Ленин. Человек. Мыслитель. Революционер. Воспоминания и суждения современников. -М. Политиздат. 1990.

6.11. Луначарский А. Радек К. Троцкий Л. Силуэты: исторические портреты. -М.: Политиздат. 1991.

6.12. Рассел Б. Практика и теория большевизма. -М.: Наука. 1991.

6.13. Соломон Г.А. Среди красных вождей. Лично пережитое и виденое на советской службе. -Париж. 1920.

6.14. Троцкий Л.Д. Дневники и письма. -М.: изд-во гуманитарной литературы. 1994.

7. Архивные источники.

7.1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. /РЦХИДНИ/.

Материалы и документы Донбюро РКП(б). Донкома РКП(б). Граждаупра, Донревкома:
Ф.554, оп.1, д.1,2,3,5,7.
Ф.17, оп.6, д.34,35,81; оп.65. д.34.

Материалы и документы Сибкрайкома ВКП(б):
Ф.17, оп.21, д.3171,3172,3173,3174,3175,3240,3241.

Материалы и документы МК и МГК ВКП(б):
Ф.17, оп.20, д.197,210,213,268,273,274.

Материалы и документы Заккрайкома ВКП(б):
Ф.17, оп.23, д.31,32,33,34,35.

Материалы и документы ЦК РКП(б) - ВКП(б).

Стенографические отчеты пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б):
Ф.17, оп.2, д.179,441,460,500,514,354.

Материалы секретных, информационных, учетно-распределительных, организационно-распределительных подразделений аппарата ЦК РКП(б) ВКП(б):
Ф.17, оп.85, д.207,212,225,234,285,289,291,308,323,324, 378; оп.7, д.234.
Ф.17, оп.120, д.26,29,31,15,24.
Ф.17, оп.6, д.740,741.

Персональное партийное дело С.И.Сырцова:
Ф.584, оп.3, д.9333. Т.1-2.

Личные фонды: И.В.Сталина - Ф.589; А.А.Жданова - Ф.77, Л.З.Мехлиса - Ф.386, Г.К.Орджоникидзе - Ф.85, М.И.Калинина - Ф.78, Н.П.Поспелова - Ф.629, Н.И.Бухарина - Ф.329.

7.2. Центр хранения современной документации. /ЦХСД/

Материалы и документы идеологических отделов ЦК КПСС.
Ф.5, оп.35, д.7; оп.60, д.40; оп.55, д.14,69-72; оп.63, д.70,27, оп. 73, д.294,379.

7.3. Государственный архив Российской Федерации /ГА РФ/.
Материалы и документы ОГПУ, Прокуратуры СССР.
Ф.9474, оп.16с, д.23,27,39,40,75,262.
Ф.9474, оп.7с, д.27,639,623; Ф.8131, оп.27, д.19,27,43.

Материалы и документы ЦКК ВКП(б):
Ф.374с, оп.27с, д.2080,2081,2082,2087,2079,1994,1989,1961.
Ф.374с., оп.28с., д.2898,3055,3114,3085,3297,3638.

Личные дела:
Е.А.Щаденко - Ф.374, оп.27с, д.2015
Ю.П.Фигнатер - Ф.374, оп.27с., д.2014.

7.4. Центральный государственный архив общественных движений Москвы./ ЦГАОДМ/.

Материалы областной,городской,районной комиссий по организации и проведению партийной чистки 1933 г.
Ф. 85, оп.19, д.160; оп.1а, д.159; Ф.2870, оп.1. д.9.

7.5. Центр хранения документации новейшей истории Ростовской области./ ЦДНИРО/.

Материалы и документы Донкома РКП(б), Северо-Кавказского крайкома ВКП(б):

Ф.4, оп.1, д.1,3,36,17,32,1186.
Ф.7, оп.1, д.81а,92,93,720; оп.2, д.826.
Ф.910, оп.1, д.124,137,182.

7.6. Центральный архив Федеральной службы Контразведки-бывш. Центральный архив министерства безопасности; бывш.ЦА УНБ СССР.-Архив Управления по Ростовской области.

Архивно-следственные дела ОГПУ-НКВД: Сырцова С.И. - Р-8176. Д.269498 в 2т.: Смирнова А.П. - Р-23383. Д.10581. Поповой А.Е. - Р-23913. Д.981728; Лиманского А.А. Р-7889. Д.5497; Эйсмонта Н.Б.; Толмачева В.Н. - В-Н7832. Д.7236175 в 10т. Янчевского Н.Л. - Д.15724; Глебова-Авилова Н.В. - Д.7085.

8. Монографии,сборники статей,воспоминания.

8.1. Авангард. Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х гг.-Л.:Лениздат.1990.

8.2. Авторханов А. Технология власти.-М.:Слово.1991.

8.3. Авторханов А. Империя Кремля.Советский тип колониализма.-Вильнюс,:1990.

8.4. Авторханов А. Загадка смерти Сталина/Заговор Берия/. -М.Слово.1992.

8.5. Азаров Н.И. В.И.Ленин о политике,как общественном явлении.-М.:Высшая школа.1975.

8.6. Аксельрод П.Б. Кто изменил социализму./Большевизм и социал-демократия в России/. Б.И.1919.

8.7. Алексеев Н.Н. Пути и судьбы марксизма от Маркса и Энгельса до Ленина и Сталина.-Берлин.:1936.

8.8. Аничков Е. Две струи русской политической мысли. -Белград. 1930.

8.9. Антонов-Овсеенко А. Сталин без маски.-М:СП.Вся Москва. 1990.

8.10. Андерсон Перри. Размышления о западном марксизме.-М. Интерверсо.1991.
8.11. Андреев А.А. Воспоминания . Письма.-М.Политиздат.1985.
8.12. Амрекулов Н. Тайна культа личности и ее разоблачение. -Алма-Ата.:1991.
8.13. Артюнов А. Феномен Владимира Ульянова/Ленина/. -М.Прометей.1992.
8.14. Архивы раскрывают тайны...Международные вопросы:события и люди.-М.:Политиздат.1991.
8.15. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. -М:Международные отношения.1985.
8.16. Ашин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства.-М.:Мысль.1978.
8.17. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина.-М.: СП.Софинта.1990.
8.18. Бакатин В. Избавление от КГБ.-М.Новости.1992.
8.19. Басманов М. В обозе реакции: троцкизм 30-70-х годов. -М.:Политиздат.1979.
8.20. Белади Л. Краус Т. Сталин.-М.:Политиздат.1990.
8.21. Белоусова Г.А. Лебедев В.А. Партократия и путч.-М.:Республика.1992.
8.22. Бердяев Н. Самопознание.-М.ДЭМ.1990.
8.23. Бордюгов Г.А. Козлов В.А. История и конъюктура.Субъективные заметки об истории советского общества.-М.:Политиздат.1992.
8.24. Боффа Дж. История Советского Союза. В двух томах. -М.Международные отношения.1990.
8.25. Бунич И. Золото партии. Историческая хроника. -С.Петербург.:1992.
8.26. Бурлацкий Ф. Вожди и советники. О Хрущеве,Андропове и не только о них ...-М.Политиздат:1990.
8.27. Бутенко А.П. Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества.-Л.Лениздат.:1990.
8.28. Бухарин:человек,политик,ученый.-М.Политиздат.:1990.
8.29. В поисках правды. Ответы на актуальные вопросы.-М.Политиздат.:1990.
8.30. В поисках исторической истины.Сб.статей к началу учебного года в сети партийной учебы.-Л.Лениздат.1990.
8.31. Во главе строительства нового общества.Исторический опыт деятельности КПСС в переходный период.-М.Мысль. 1988.
8.32. Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. -М.Политиздат.1977.
8.33. Варшавчик М.А. Источниковедение истории КПСС.-М.Высшая школа.1989.

8.34. Васецкий Н.А. О Троцком и троцкизме.В помощь лектору. -М.1989.

8.35. Васецкий Н.А. Г.Е.Зиновьев /Страницы политической биографии/.-М.1989.

8.36. Васецкий Н.А. "Я шел к Ленину с боями..."/Ленин и Троцкий.К характеристике взаимоотношений.1920-1924/.-М.1991.

8.37. Васецкий Н.А. Троцкий.Опыт политической биографии. -М.Республика.1992.

8.38. Викторов Б.А. Без грифа "секретно" . Записки военного прокурора.-М.:Юридическая литература.1990.

8.39. Васильева Л. Кремлевские жены.Факты,воспоминания,документы,слухи,легенды и взгляд автора.-М.:Новости.1992.

8.40. Великий Октябрь,рабочий класс и современная буржуазная историография.-М.:Наука.1977.

8.41. Верт Н. История советского государства.1900-1991. -М.:Прогресс - Академия.1992.

8.42. Две тенденции в истории социалистической мысли:социалистический гуманизм и казарменный коммунизм.Сб.обзоров. -М.:ИНИОН АН СССР.М.1991.

8.43. Ф.Э.Дзержинский. Биография.-М.:Политиздат.1977.

8.44. Джилас М. Лицо тоталитаризма.-М.:Новости.1992.

8.45. Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. -М.:Политиздат.1976.

8.46. Дойчер И. Троцкий в изгнании.-М.:Политиздат.1991.

8.47. Дейч Л. За полвека.-Берлин:1923.

8.48. Дмитриевский С.В. Судьба России. Письма к друзьям. -Берлин:1930.

8.49. Дмитриевский С.В. Советские портреты. -Стокгольм:1932.

8.50. Дмитриевский С.В. Открытое письмо М.Горькому.-Стокгольм: 1930.

8.51. Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе.-Ростов н/Д:1972.

8.52. Евлахов А.А. Кризис КПСС:истоки и уроки.-М.Знание:1991.

8.53. Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине.Революция.История. Личность.-М.Молодая гвардия.1989.

8.54. Ефимов И.М. Не сотвори себе кумира.-Л.Лениздат:1990.

8.55. Два взгляда из-за рубежа. Андре Жид. Возвращение из СССР. Лион Фейхтвангер. Москва.1937. -М.Политиздат:1990.

8.56. Жуков В.И. На пороге третьего тысячалетия:социально-экономическое состояние и перспективы развития России. -М.:Союз.1994.

8.57. Зак Л.М. История изучения советской культуры.-М.:Высшая школа. 1981.

8.58. Забрская И.Ю. Обичкин О.Г. От подполья до победы Октября. Очерки истории строительства РСДРП/б/. Февраль-октябрь 1917 года.-М.:Политиздат.1987.

8.59. Зевелев А.И. Истоки сталинизма. Лекция к курсу "Политическая история XX века". -М.:Высшая школа.1990.

8.60. Зевелев А.И. Из истории утверждения единовластия Сталина.-М.:Знание.1989.

8.61. Важный этап организационного укрепления Коммунистической партии./1928-1937/.-М.:Мысль.1979.

8.62. Звенья. Исторический альманах.-М.:Прогресс - Феникс. 1991.

8.63. Иванов В.М. Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма/1921-1929/. -Л.:ЛГУ.1973.

8.64. Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции/1917-1927гг./ -М.:Наука.1980.

8.65. Изменение социальной структуры советского общества. 1921-середина 30-х гг. -М.:Мысль.1979.

8.66. Инквизитор. Сталинский прокурор Вышинский.-М.:Республика.1992.

8.67. Интеллигенция в политической истории XX века.Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции.-Иваново:1992.

8.68. Иоффе Г. Революция и судьба Романовых.-М:Республика. 1992.

8.69. Ирошников М.П. Рожденные Октябрем.Очерки истории становления советского государства.-Л.:Наука.1987,

8.70. История и сталинизм. -М.:Политиздат.1991.

8.71. Историческая биография.Сб.обзоров к XII международному конгрессу исторических наук.-М.:ИНИОН АН СССР.1990.

8.72. Иванович Ст. ВКП.10 лет коммунистической монополии и ее последствия.-Париж.:1928.

8.73. Ильин И.А. О России.-Берлин.:1934.

8.74. Исторические портреты. Под.ред.акад.Г.Н.Севостьянова. -М.:Просвещение.1993.

8.75. Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. -М.:Мысль.1989.

8.76. Идельчик Х.И. Первый нарком здравоохранения СССР.- Г.Н. Каминский. -М.:Медицина.1991.

8.77. Камю А. Бунтующий человек.Философия.Политика.Искусство. -М.:Политиздат.1990.

8.78. Капустин М. Конец утопии. Прошлое и будущее социализма. -М.:Новости. 1990.

8.79. Каутский К. Пролетарская революция и ее программа. -Берлин.: 1922.

8.80. Каутский К. Терроризм и коммунизм.-Берлин.:1919.

8.81. Каутский К. Большевизм в тупике.-Берлин.:1930.

8.82. Квинтэсенция. Философский альманах 1991. -М.:Политиздат. 1992.

8.83. Кириенко Ю.К. Революция и донское казачество.-Ростов н/Д. 1988.

8.84. Козлов А.И. На историческом повороте.-Ростов н/Д.1977.

8.85. Козлов А.И. Сталин:борьба за власть.-Ростов н/Д.1991.

8.86. Колганов А.И. Путь к социализму.Трагедия и подвиг. -М.:Экономика.1990.

8.87. Конквест Р. Большой террор.Кн.1-2. -Рига.:РАКстниекс.1991.

8.88. Конт Ф. Революция и дипломатия. Документальная повесть о Христиане Раковском.-М.:Международные отношения.1991.

8.89. Костиков В. Не будем проклинать изгнанье... Пути и судьбы русской эмиграции. -М.:Международные отношения.1990.

8.90. Кочесоков Р.Х. Феномен тоталитаризма.-Ростов н/Д:1990.

8.91. Коэн Ст. Бухарин.Политическая биография 1988-1938. -М.:Прогресс.1988.

8.92. КПСС во главе культурной революции в СССР.-М.:Политиздат. 1972.

8.93. Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". Записки советского разведчика.-М.:Терра.1991.

8.94. Кун М. Бухарин.Его друзья и враги.-М.:Республика.1992.

8.95. Лацис О.Р. Перелом.Опыт прочтения несекретных документов. -М.:Политиздат.1990.

8.96. Ленинская концепция социализма. -М.:Политиздат.1990.

8.97. Люди земли донской.Очерки.-Ростов н/Д.1983.

8.98. Лукин Ю.Ф. Социально-политическая активность и протест в истории советского общества.-Архангельск.1991.

8.99. Люксембург Р. Рукописи о русской революции.//Вопросы истории.1990.№2.С.3-33.

8.100.Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология.//Соч.2 изд. Т.3.

8.101.Маркс К. Энгельс Ф. Рецензия. А.Шеню "Заговорщики. Тайные общества". Л.Деолад. "Рождение республики в феврале 1848".// Соч.2 изд.Т.7.

8.102.Маркс К. Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонопарта.//Соч.2 изд.Т.19.С.9-32.

8.103.Маркс К. Энгельс Ф. Письмо Л.Кугельману.17 апреля 1871. // Соч.2 изд.Т,37.С.414-422.

8.104.Массарик Томаш. Мировая революция.-Прага.:1926.

8.105.Мартов Л. Записки социал-демократа. 1922.

8.106.Мартов Л. Большевизм в России.-Берлин.:1923.

8.107.Мартов Л. Мировой большевизм.-Берлин.:1923.

8.108.Мельниченко В. Феномен и фантом Ленина./350 миниатюр/ -М.1993.

8.109. Медведев Рой, Д.Ермаков "Серый кардинал". М.А.Суслов: политический портрет.-М.:Республика.1992.

8.110. Медведев Рой. О Сталине и сталинизме.-М.:Прогресс.1989.

8.111. Медведев Рой. Они окружали Сталина. -М.:Политиздат.1990.

8.112. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм.-Ростов н/Д.:1989.

8.113. Макаренко В.П. Революция и власть.-Ростов н/Д.:1990.

8.114. Макаренко В.П.: Марксизм:идея и власть.-Ростов н/Д.:1992.

8.115. Малейко Л.А. Партийный аппарат.1917-1941. Становление и развитие. Ростов н/Д.:1981.

8.116. Маленков А. О моем отце Георгии Маленкове.-М.:НТЦ"Техноэкос"1992.

8.117. Микшин В.В. В.И.Ленин о нравственных началах в создании партии нового типа.-Л.1985.

8.118. Мясников Г. Очередной обман.-Париж.:1931.

8.119. Моргунов В.Я. Обновление кадровой политики:опыт,проблемы. -М.:Знание.1990.

8.120. Николай Муралов.-М.:Московский рабочий.1990.

8.121. Нарта М. Теория элит и политика. К критике элитаризма. -М.:Прогресс. 1978.

8.122. Наследники прометея. Очерки о профессиональных революционерах Дона.-Ростов н/Д.1977.

8.123. Научные дискуссии советских ученых по проблемам истории СССР. Сб.обзоров.-М.:ИНИОН АН СССР.1990.

8.124. Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников.-М.:Знание. 1991.

8.125. Наше Отечество. Опыт политической истории. Том 2.-М.:Терра. 1991.

8.126. Неизвестная Россия. XX век. -М.:Историческое наследие.1992.

8.127. О,Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918-1930.-М.:Прогресс.1988.

8.128. Основы демократии и власти. Учеб.пособие под ред. Г.С. Еськова.-М.:Союз.1994.

8.129. О'Коннор Т,Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. -М.:Прогресс.1992.

8.130. Оруэл Дж. "1984" и эссе разных лет.-М.:Прогресс.1989.

8.131. Осмыслить культ Сталина.-М.:Прогресс.1989.

8.132. Очерки истории идеологической деятельности КПСС.1917-1937гг. -М.:Политиздат.1985.

8.133. Очерки истории большевистских организаций Дона. -Ростов н/Д: 1965.

8.134. Они не молчали. -М.:Политиздат.1991.

8.135. Пайпс Р. Россия при старом режиме.-М.:Независимая газета. 1993.

8.136. Паренти М. Демократия для немногих.-М.:Прогресс.1990.
8.137. Патриот.Литературно-художественный историко-публицистический альманах. Вып.I.-М.:Прогресс.1991.
8.138. Переписка на исторические темы.Диалог ведет читатель. -М.:Политиздат.1989.
8.139. Первое советское правительство.Октябрь 1917 - июль 1918. -М.:Политиздат.1991.
8.140. Процко Г.С. Сердюков Г.Н. Шпак В.Ю. Политическая элита. Лекция по курсу политологии.-Ростов н/Д:Логос.1993.
8.141. Письма славы и бессмертия. Письма революционеров,павших в борьбе за пролетарскую революцию и победу советской власти в России.1905-1922 гг. Изд.4.-М.:Политиздат. 1987.
8.142. Плеханов Г.В. О материалистическом пониманий истории// Избранные философские сочинения.Т.II.С.236-267.
8.143. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории.// Избранные философские произведения.Т.II.С. 300-335.
8.144. Потресов А.Н. В плену иллюзий. Мой спор с официальным меньшевизмом.-Париж.:1927.
8.145. Политические оппоненты Ленина. Сборник.-М.:ВКШ.1991.
8.146. Плимак Е. Политическое завещание В.И.Ленина.Истоки. Сущность.Выполнение.Изд.2.-М.:Политиздат.1989.
8.147. Погружение в трясину./Анатомия застоя/.-М.:Прогресс. 1991.
8.148. Предвечный Г.П. Политология .Учебное пособие.-Ростов н/Д-1991.
8.149. Постижение:Социология.Социальная политика.Экономическая реформа.-М.:Прогресс.1989.
8.150. Поташев А.Ф. В.И.Ленин и Л.Д.Троцкий.Уроки идейной борьбы внутри правящей партии./Историография вопроса./ -Ростов н/Д.:1992.
8.151. Прийма К. С веками наравне.Статьи о творчестве М.А.Шолохова.Изд.2.-Ростов н/Д.:1985.
8.152. Право советской России. Сб. -Прага.:1925.Т.I-2.
8.153. Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Вып.2.-Л.:ЛГУ.1973.
8.154. Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. -М.:Политиздат.1980.
8.155. Ракитин А.В. В.А.Антонов-Овсеенко. Историко-биографический очерк.-Л.:Лениздат.1989.
8.156. Рассел Б. Практика и теория большевизма.-М.:Наука.1991.
8.157. Расправа:Прокурорские судьбы.Возвращение к правде. Вып.4.-М.:Юридическая литература.1990.
8.158. Реабилитирован посмертно. 2 изд.Возвращение к правде. Вып.I-2.-М.:Юридическая литература.1989.

8.159. Реабилитация.Политические процессы 30-50-х гг.-М.:Политиздат.1991.

8.160. Режим личной власти Сталина.К истории формирования. Под ред.акад.Ю.С.Кукушкина.-М.:МГУ.1989.

8.161. Репрессированная наука.Под ред.пр.М.Г.Ярошевского. -Л.:Наука.1991.

8.162. Романовский Н.В. Штрихи к портрету сталинского времени.В помощь лектору.-М.1989.

8.163. Российская интеллигенция.Страницы истории.Межвуз.сборник научных трудов.-Спб.1991.

8.164. Российский ежегодник.Вып.I.-М.:Советская Россия.1989.

8.165. Росляков М. Убийство Кирова. Политические и уголовные преступления в 1930-х гг.-Л.:Лениздат.1991.

8.166. Савельев В.Н. Свобода совести.История и теория.М.: Высшая школа.1991.

8.167. Само прошедшее,как оно было... Переписка Анны Кравченко и Александра Спундэ.-М.:Политиздат.1990.

8.168. Сахаров А. Мир,прогресс,права человека.-Л.:Советский писатель.1990.

8.169. Сергеев В.Н. Советы Дона в 1917 году./Борьба партий в Советах между двумя революциями/. -Ростов н/Д:1987.

8.170. Симонов К. Глазами человека моего поколения.Размышления о Сталине.-М.:Книга.1990.

8.171. Симония Н.А. Что мы построили.-М.:Прогресс.1991.

8.172. Сироткин В.Г. Вехи отечественной истории.-М.:Международные отношения.1991.

8.173. Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС./80-е гг. XIX в. - 1987г./ -Ростов н/Д: 1988.

8.174. Смиртюков М.С. Советский государственный аппарат управления.Вопросы организации и деятельности центральных органов.-М.:Политиздат.1982.

8.175. Советская культура.История и современность.-М.:Наука. 1983.

8.176. Соратники Ленина на Дону.Очерки.Изд.2.-Ростов н/Д.:1980.

8.177. Социализм: между прошлым и будущим.-М.:Прогресс.1989.

8.178. СССР и перестройка: взгляд со стороны.Сб.рефератов, обзоров,переводов.-М.:ИНИОН АН СССР.1991.

8.179. Строительство социализма в СССР и крах оппортунизма. -М.:Политиздат.1982.

8.180. Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма.-М.:Политиздат.1989.

8.181. Смерч.-М.:Досааф СССР.1989.

8.182. Советская управленческая мысль.20-х гг..Краткий именной справочник.-М.:Экономика.1990.

8.183. Современная западная социология.Словарь.-М.:Политиздат. 1990.

8.184. Социализм и нравственность.Реферативный сборник.-М.:ИНИОН СССР.1991.

8.185. Социология перестройки.-М.:Наука.1990.

8.186. Сталин и сталинизм./Зарубежная литература/.Вып.1-2.Реферативный сборник.-М.:ИНИОН АН СССР.1991.

8.187. Старцев В.И. Л.Д.Троцкий/Страницы политической биографии/ -М.:Знание.1989.

8.188. Страницы истории.Дайджес прессы.Июль-декабрь 1988. -Л.:Лениздат.1989.

8.189. Страницы истории.Дайджес прессы. Июль-декабрь 1989. -Л.:Лениздат.1990.

8.190. Страницы истории советского общества.Факты.Проблемы. Люди.М.:Политиздат.1989.

8.191. Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах истории 20-30-х годов. М.:Знание.1990.

8.192. Титов А.Г. Смирнов А.М. Шатагин К.Д. Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период.М.:Высшая школа.1974.

8.193. Трифонов Ю. Отблеск костра.Старик.-М.:Известия.1989.

8.194. Трудные вопросы истории.Поиски.Размышления,Новый взгляд на события и факты.-М.:Политиздат.1991.

8.195. Урок дает история.-М.:Политиздат.1989.

8.196. Факел'1989:Историко-революционный альманах.-М.:Политиздат.1989.

8.197. Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира.Социализм и "культ личности"./Очерки теории/.-М.:Политиздат.1991.

8.198. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры.СПБ.-София.: 1991.

8.199. Медведев Ф. После России.-М.:Республика.1992.

8.200. Федюкин С.А. Партия и интеллигенция.-М.:Политиздат.1983.

8.201. Хайек Ф. Дорога к рабству.-М.:Экономика.1992.

8.202. Хасбулатов Р.И. Бюрократическое государство.-М.:Мегаполис.Таком.1991.

8.203. Хасбулатов Р.И. "Бюрократия тоже наш враг".Социализм и бюрократия.-М.:Политиздат.1989.

8.204. Хлевнюк О.В. 1937 год: противостояние.-М.:Знание.1991.

8.205. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин,НКВД и советское общество. -М.:Республика.1992.

8.206. Хмелевский К.А. Хмелевский С.К. Буря над Тихим Доном. Исторический очерк о гражданской войне на Дону.-Ростов н/Д.:1984.

8.207. Эндрю К. Гордиевский О. КГБ.История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева.-М.:Нота Бене.1992.

8.208. Экономическая перестройка и социология. -М.:Прогресс. 1989.

8.209. Яковлев А. Муки прочтения бытия. Перестройка:надежды и реальности.-М.:Новости.1991.

8.210. Яковлев. Предисловие.Обвал.Послесловие.-М.:Новости.1992.

8.211. Яковлева Т. Луначарский .-М.:Просвещение.1991.

8.212. Якупов Н. Трагедия полководцев.-М.:Мысль.1992.

8.213. Ясковец Г.А. Правда и ложь о рабочем классе.-М.:Мысль. 1978.

8.214. Ясперс.К. Смысл и назначение истории.-М.:Политиздат. 1991.

8.215. Молотов В.М. Воспоминания.//Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева.-М.:Терра.1991.

8.216. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи.-М.:Политиздат.1956.

8.217. Постышев П.П. От XVI до XVII съезда ВКП(б).Статьи и речи.-М.:Партиздат.1934.

8.218. Рютин М.Н. Сменовеховцы и пролетарская революция. М.-Ростов н/Д.:1924.

8.219. Рютин М.Н. Партия и рабочий класс.-М.:ГИЗ.1924.

8.220. Рютин М.Н. Единство партии и идсциплина. М.Л.Московский рабочий.1926.

8.221. Рютин М.Н. На колени не встану./Сост.Б.А.Старков.-М.: политиздат.1992.

8.222. Рыков А.И. Избранные произведения.-М.:Экономика.М.1991.

8.223. Смирнов А.П. Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства.-М.:Новая деревня.1925.

8.224. Смирнов А.П. Строительство сельско-хозяйственной кооперации./Статьи и речи/. -М.:Новая деревня.1927.

8.225. Смирнов А.П. Задачи новой власти в области сельского хозяйства.-М.:Новая деревня.1925.

8.226. Смирнов А.П. Биография.//Н.Мещяреков .Народный комиссар земледелия.А.П.Смирнов.Его жизнь и работа.-М.:ГИЗ.1927.

8.227. Сталин И.В. Письмо тов. Ме-рту.//Соч.Т.7.С.42-47.

8.228. Сталин И.В. Вопросы и ответы.Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г.// Соч.Т.7. С.155-212.

8.229. Сталин И.В. О работах Апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК.Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928г.// Соч.Т.II.С.27-64.

8.230. Сталин И.В. Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии.Из выступлений на объединенном заседании Политбюро ЦК Президиума ЦКК в конце января и в начале февраля 1929г. Краткая запись.//Соч.Т.II.С.318-326.

8.231. Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП)б) в апреле 1929г./Стенограмма/.//Соч.Т.12. С.1-107.

8.232. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3-5 марта 1937г. -М.:Партиздат.1937.

9. Автореферাты диссертаций и диссертации.

9.1. Владимиров М.И. Партийная, государственная и военно-организационная деятельность В.В.Куйбышева. Автореферат дисс. доктора исторических наук.-М.1991.

9.2. Бостан Л.Н. Политическая деятельность С.И.Гопнер. Автореферат дисс.кандидата исторических наук.-Днепропетровск. 1992.

9.3. Будник К.И. Общественно-политическая деятельность Д.Д. Цюрупы. Автореферат дисс.кандидата исторических наук.-Киев.1992.

9.4. Делюга В. Общество, кадры, элита: политологический анализ. /Польша, 80-е - начало 90-х гг./ Автореферат дисс.доктора политологических наук.-М.1993.

9.5. Думный В.В. Социал-демократическая интеллигенция в Российском историческом процессе/Полемика на рубеже XIX-XXв./ Автореферат дисс.доктора исторических наук.-М.1991.

9.6. Клец В.К. Политическая деятельность Шляпникова А.Г. /1901-1917 гг./.Автореферат дисс.кандидата исторических наук.-Днепропатровск.1992.

9.7. Ковалев А.И. Военно-революционная деятельность Ф.Ф.Раскольникова/февраль 1917 - январь 1921 гг./Автореферат дисс. кандидата исторических наук.-М.1992.

9.8. Латынов Р.А. Социально-политические взгляды Л.Д.Троцкого в 20-30-е гг. Автореферат дисс.кандидата исторических наук.-М.1993.

9.9. Осколова Э.Д. Ленинская концепция нэпа. Проблемы методологии и историографии. Автореферат дисс.доктора исторических наук.-Ростов н/Д. 1982.

9.10. Попова Н.А. Опыт осуществления ленинского стиля в партийной работе 1921-1925 гг./ По материалам партийных организаций Северного Кавказа/. Автореферат дисс.кандидата исторических наук.-Ростов н/Д.1987.

9.11. Попова С.М. Властное насилие в формировании структуры тоталитарного общества. Автореферат дисс.политологических наук.-Екатеринбург.1993.

9.12. Лунин Ю.Ф. Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества. Автореферат дисс.доктора исторических наук.-М.1992.

9.13. Пашин В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочнение/в 20-х гг. -1930году/. Дисс.доктора исторических наук.-М.1993.

9.14. Полторак С.Н. Иностранцы в Красной Армии в 1918-1922 гг.: опыт и уроки общественно-политической и боевой деятельности. Диссертация доктора исторических наук.-СПб.1992.

9.15. Рубцов В.И. Военно-политическая деятельность Г.Я.Сокольникова/1917-1920 гг./ Автореферат дисс.кандидата исторических наук.-М.1991.

9.16. Саханский Н.В. Революционная деятельность и экономические взгляды М.К. Владимирова/политический портрет/.Автореферат дисс.кандидата исторических наук.-Одесса.1991.

9.17. Старков Б.А. Утверждение режима личной власти И.В.Сталина и сопротивление в партии и государстве./Итоги и уроки политической борьбы в 30-е гг./. Диссертация доктора исторических наук.-СПб.1992.

9.18. Толмачев А.Е. Становление совета народных комиссаров СССР/1923-1926гг./ автореферат дисс.кандидата исторических наук.-М.1991.

9.19. Шевоцуков П.А. Реввоенсовет республики и его роль в осуществлении военной политики партии большевиков./1918-1922гг./ Автореферат дисс.доктора исторических наук.-М. 1994.